

АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВ

Синтаксис любви

**(ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ И ПРОГНОЗ
ПАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ)**

Оглавление:

(ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ И ПРОГНОЗ ПАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ)	1
Оглавление:	2
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
ПСИХОСОФИЯ.....	8
Введение в психософию.....	8
ПЕРВАЯ ФУНКЦИЯ	12
ВТОРАЯ ФУНКЦИЯ	15
ТРЕТЬЯ ФУНКЦИЯ	16
ЧЕТВЕРТАЯ ФУНКЦИЯ	21
НА ВСЯКОГО МУДРЕЦА ДОВОЛЬНО ПРОСТОТЫ	23
«Догматик» (1-я Логика)	25
«Ритор» (2-я Логика)	29
«Скептик» (3-я Логика)	32
«Школяр» (4-я Логика)	36
ДАНО МНЕ ТЕЛО...	38
«Собственник» (1-я Физика)	38
«Труженик» (2-я Физика)	48
«Недотрога» (3-я Физика)	53
«Лентяй» (4-я Физика)	63
МИР КАК ВОЛЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ.....	67
«Царь» (1-я Воля)	68
«Дворянин»(2-я Воля)	85
«Мещанин» (3-я Воля)	94
«Крепостной» (4-я Воля)	109
ТИПОЛОГИЯ	115
ВВЕДЕНИЕ В ТИПОЛОГИЮ	115
АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ	120
ЛАО-ЦЗЫ.....	125
АЛЕКСАНДР ДЮМА.....	129
АЛЕКСАНДР БЕРТЬЕ.....	138
ВЛАДИМИР ЛЕНИН	140
АБУ АЛЬ-ГАЗАЛИ	145
ПЛАТОН	150
ЛУКРЕЦИЯ БОРДЖА	152
НАПОЛЕОН БОНАПАРТ	155
АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН	159
ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН	164

НИКОЛАЙ БУХАРИН	166
СОКРАТ	169
БОРИС ПАСТЕРНАК	173
АРИСТИПП	181
ЖАН-ЖАК РУССО	186
АННА АХМАТОВА	189
ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЁТЕ	200
АЛЕКСАНДР ПУШКИН	207
АВРЕЛИЙ АВГУСТИН	216
ЛЕВ ТОЛСТОЙ	221
АНТОН ЧЕХОВ	226
БЛЕЗ ПАСКАЛЬ	229
ЭПИКУР	232
СИНТАКСИС ЛЮБВИ	236
ВВЕДЕНИЕ В «СИНТАКСИС ЛЮБВИ»	236
ЭРОС	240
ФИЛИЯ	254
АГАПС	261
ПОСЛЕСЛОВИЕ	276
ПРИЛОЖЕНИЕ	278
НЕИЗБЕЖНОСТЬ	278
(РОССИЙСКАЯ ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ В СВЕТЕ ПСИХОСОФИИ)	278

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Широк человек, слишком даже широк, я бы сузил <,- говорил Достоевский и знал, что говорил. Самому писателю присуща была такая пугающая широта натуры, что старый друг Достоевского, критик Страхов, вынужден был признаться: «Я не могу считать Достоевского, ни хорошим, ни счастливым человеком (что, в сущности, совпадает). Он был зол, завистлив, развратен, он всю жизнь провел в таких волнениях, которые делали его жалким, и делали бы смешным, если бы он не был при этом так зол и так умен. Сам же он, как Руссо, считал себя лучшим из людей и самым счастливым. По случаю биографии я живо вспоминал все эти черты. В Швейцарии, при мне он так помыкал слугою, что тот обиделся и выговорил ему: «Я ведь тоже человек!» Помню, как тогда же **мне было поразительно, что это было сказано проповеднику гуманности.**

Банальность сообщить: человек сложен, противоречив. Однако от повторения банальность эта не становится менее очевидна. Вот еще одна характерная зарисовка с натурой: «Странные люди окружали Шаляпина. Он мог над ними вдоволь издеваться, и из этих людей образовалась его свита, с которой он расправлялся круто: Шаляпин сказал, — плохо бывало тому, кто не соглашался с каким-либо его мнением. **Отрицая самовластие, он сам был одержим самовластием.** Когда он обедал дома, что случалось довольно редко, то семья его молчала за обедом, как набрав в рот воды».

Парадокс? Защитник униженных и оскорбленных любил унижать, певец вольницы оказывался домашним деспотом! Но мало констатировать парадоксальность человеческой натуры, хотелось бы понять ее природу...

* * *

Существует давняя грустная история про одного арабского халифа. Он ребенок вступил на престол, правил долго и счастливо, умер в глубокой старости, окруженный многочисленным потомством; был халиф уважаем подданными и соседями, любим женщинами, удачлив в войнах и несметно богат. Все называли его «Счастливым». Но когда после смерти халифа открыли дневник, который он ежедневно вел, и подсчитали число дней, помеченных им как счастливые, то оказалось их только четырнадцать. Всего четырнадцать дней, две недели счастья — на такую долгую и внешне благополучную жизнь.

Грустная история. История, которая может послужить наглядной иллюстрацией простой и очевидной мысли: человек несчастлив, несчастлив глубоко и хронически. Единственное, что спасает человека от отчаяния — это несбыточные надежды, неведение относительно бедственности своего положения и постоянное неблагополучие окружающих, таких же, как он, бедолаг. Отсутствие счастья — норма людской жизни, и как всякая, даже отрицательная норма, она вольно или невольно примиряет нас с существующим порядком вещей.

Если попытаться назвать главный источник людского неблагополучия, то им, считая, будет **одиночество**. Под «одиночеством» в данном случае следует понимать не только общепринятые его формы, вроде вынужденного одиночества Робинзона Крузо или безбрачия 20 миллионов взрослых в бывшем СССР и каждого девятого жителя США. Лики одиночества многообразны. Человек один, даже когда не бывает один, даже когда, кажется, соблюдены все внешние формы активного общественного бытия, он одинок в

семье, в толпе, в церкви, в партии, в клубе, на работе... Как говорили в старину — «Одинокому везде пустыня».

В свою очередь, и у одиночества есть своя причина: извечное незнание себя и других, отсутствие ясных представлений о собственном внутреннем мире и возможностях контакта с внутренними мирами других. «Кто мы? Куклы на нитках? А кукольник наш небосвод?» — вопрошал Омар Хайям, и сам не решался дать ответ на этот вопрос. Действительно, мы настолько плохо знаем существо своей природы, что ощущаем себя беспомощными игрушками в руках судьбы, которая, будучи сама слепа, таскает нас, слепых, по кочкам и ямам бытия без цели и смысла. Потому-то и избирает часто человек, в страхе перед собственной и чужой незрячестью, путь странника-одиночки. Во тьме, которая пуста, реже набиваются шишки — такова логика слепых.

* * *

«Познай самого себя!» было написано на фронтоном храма дельфийского оракула. И сколько не прошло веков, призыв этот не стал менее злободневным, наоборот, возросшая ценность отдельной личности сделала его еще более животрепещущим и значительным. Поэтому, не претендуя на создание исчерпывающей картины внутренней жизни человека, все-таки попытаюсь дать ответ на ряд основных вопросов человеческой психологии: Кто мы сами в себе? Каковы мотивы нашего поведения и отношения к другим? Где истоки любви, любовных ошибок и заблуждений?

Сам по себе большой замах данной книги мог бы и не показаться чрезмерным, будь она посвящена иной теме, не психологии. Но когда речь заходит о внутренней жизни индивидуума, о такой тонкой материи, как человеческие отношения, всякая попытка уловить их в сети теорий и методик кажется заведомо обреченной на провал. Все так. Но как неповторимый рисунок кожи на пальце человека складывается из немногих простых элементов, так и личность его — слагаемое нескольких поддающихся описанию психических модулей. Кроме того, как бы ни была сложна и плохо уловима система человеческих отношений, она остается системой — системой, в которой все не случайно. Мы не случайно любим, не случайно ненавидим, симпатизируем или остаемся равнодушными. При всей бессознательности большинства наших душевных движений, они не лишены смысла. Обычно бесконтрольные симпатия, неприязнь, индифферентность в итоге всегда оказываются имеющими свой резон, и значит, есть возможность и смысл проследить, в чем этот резон состоит.

Человек вообще прирожденный психолог. И не будучи психологом, выжить он не в состоянии. Иное дело, что большая часть наших верных психологических наблюдений остается несформулированной, опирается на интуицию и коренится в подсознании. Думаю, вряд ли кто возьмется опаривать Лабрюйера, сказавшего: «В любом, самом мелком, самом незначительном, самом неприметном нашем поступке уже сказывается весь наш характер: дурак и входит, и выходит, и садится, и встает с места, и молчит, и двигается иначе, нежели умный человек.»

Особенно острым становится психологическое зрение человека в экстремальной ситуации. Самый первый тюремный опыт А.И.Солженицына как раз и заключался в обнаружении у себя этого дара прозорливости. Он рассказывал: «...дежурный надзиратель внес мою кровать, и надо было бесшумно ее расставить. Мне помогал парень моего возраста, тоже военный: его китель и пилотка летчика висели на столбике кровати. Он еще раньше старичка спросил меня — только не о войне, а о табаке. Но как ни был я растворен душой навстречу моим новым друзьям и как ни мало было произнесено слов за несколько минут, — чем-то чужим повеяло на меня от этого ровесника и фронтовика, и для него я замкнулся сразу и навсегда.

(Я еще не знал ни слова «наседка», ни — что в каждой камере она должна быть, я вообще не успел еще обдумать и сказать, что этот человек. Г.Крамаренко, не нравится мне, — а уже сработало во мне духовное реле, реле-узнаватель, и навсегда закрыло меня для этого человека. Я не стал бы упоминать такого случая, будь он единственным. Но работу этого реле-узнавателя внутри меня я скоро с удивлением, с восторгом и тревогой стал ощущать как постоянное природное свойство. Шли годы, я лежал на одних нарах, шел в одном строю, работал в одних бригадах со многими сотнями людей, и всегда этот таинственный реле-узнаватель, в создании которого не было моей заслуги ни черточки, срабатывал прежде, чем я вспоминал о нем, срабатывал при виде человеческого лица, глаз, при первых звуках голоса — он открывал меня этому человеку нараспашку, или только на щелочку, или глухо закрывал. Это было всегда настолько безошибочно, что всякая возня оперуполномоченных со снаряжением стукачей стала казаться мне козявочной: ведь у того, кто взялся быть предателем, это явно всегда на лице, и в голосе, у иных как будто ловко-притворно — а нечисто. И, напротив, узнаватель помогал мне отличить тех, кому можно с первых минут знакомства открывать сокровеннейшее, глубины и тайны, за которые рубят головы. Так прошел я восемь лет заключения, три года ссылки, еще шесть лет подпольного писательства, ничуть не менее опасных, — и все семнадцать лет опрометчиво открывался десяткам людей — и не оступился ни разу! Я не читал нигде об этом и пишу здесь для любителей психологии. Мне кажется, такие духовные устройства заключены во многих из нас, но, люди слишком технического и умственного века, мы пренебрегли этим чудом, не даем ему развиваться в нас.» К сказанному Солженицыным остается лишь добавить, что тюремные старожилы владели такого рода техникой почти профессионально, и одного их взгляда на очередной этап было достаточно, чтобы указать стукачей. Но даже такие завсегдаити тюрьмы вряд ли могли описать природу своей прозорливости, так как корни ее глубоки, на самом дне подсознания.

* * *

Отношение между сознанием и подсознанием — особая и интереснейшая область психологии. Первыми брешь в стене между тем и другим пробили индийские йоги. Великая заслуга йогов заключается в том, что они пассивный, подсознательный контроль мозга над организмом сделали активным, сознательным. До йогов возможности физиологического самоконтроля ограничивались подсознательным поддержанием функций организма на заданном изначала уровне. Йоги же, переведя самоконтроль из подсознания в сознание, получили возможность не просто длительное время поддерживать данное природой, но и исправлять врожденные дефекты организма, бесконечно совершенствовать его функции.

Чем-то подобным индийской йоге, но не в физиологической, а в психологической области является изложенный в данной книге метод, названный психософией — «душевной мудростью» (от прежнего названия — «психе-йога», по настоянию учеников и друзей, как неблагозвучного, пришлось отказаться). Суть психософии — подчинить сознательному контролю бессознательные душевные движения, твердым знанием о себе и других высвободить огромный, нераскрытый прежде, психологический потенциал человека. В том, что такой метод совершенно необходим, сомневаться не приходится; ведь наша психика продолжает находиться под полным контролем подсознания, пассивного по своей сути, способного отвечать на удары лишь бегством, отчуждением и одиночеством.

Мало общего у психософии и с той областью человеческого знания, которую лишь по недоразумению принято называть «психологией» (какой бы оттенок — бытовой или научный — ни придавался этому термину). Разница видится в том, что психология больше напоминает хирургию, чем йогу. Как ни крути, а в основе ее лежит насилие над пси-

хикой: будь то внутреннее самопринуждение (аутогенная тренировка) или широчайший набор средств внешнего насилия: от родительского ремня до психотропных средств и гипноза. При всех условиях такое воздействие не достигает цели и ведет либо к душевному излому, либо к сомнамбулизму, либо к временному облегчению, за которым следует горькое похмелье. Недаром Зигмунд Фрейд, много и, на первый взгляд, успешно лечивший гипнозом, вынужден был отказаться от него и вступить на психософийному путь, т.е. на путь перевода в сознание бессознательных психических процессов.

Упоминание имени Фрейда, вероятно, уже подсказало читателю, что психософия не является чем-то совершенно оригинальным и имеет свою предысторию. Это действительно так. Отправной точкой для создания психософии послужили гениальные, не побоюсь этого слова, психологические исследования вильнюсского социолога Аушры Аугустинавичутэ.¹ Кроме того, в процессе работы над темой выяснилось, что психософия — продолжение многовековой традиции психологических разработок. Например, четырехчленная иерархия функций в психософии одновременно может быть возведена к учению о четырех видах души Аристотеля, теории четырех темпераментов Гиппократа, к четырехчленным типологиям Юнга, Сиго, Акоффа и Эмери, четырем типам высшей нервной деятельности Павлова, четырем формам «Я» Уильяма Джеймса, четырем телесным типам Кречмера, четырем компонентам личности Г.Мэрфи, четырем биоритмам Апеля и т.д.

Кратко обрисовывая предысторию психософии, можно сказать, что она не является чем-то абсолютно оригинальным, а представляет собой новый этап в том направлении работ, которое делает ставку на самопознание как на главный инструмент совершенствования психики человека, новый этап в том направлении, которое стремится переводом бессознательных процессов в сознательные дать ключ к активизации и гармонизации внутренней жизни личности.

¹ См. Аушра Аугустинавичутэ, «Теория инертных отношений», Вильнюс, 1982 г.

ПСИХОСОФИЯ

(Раздел первый)

Введение в психософию

Обратившись к проблеме психической типологии, невольно задаешься вопросом: а нужна ли она, и не надуманна ли данная проблема, как много чего надуманно в современной науке? Поспешу, но потороплюсь с ответом — нет не надуманна, приведя в доказательство два банальных, но совершенно неотразимых аргумента. Во-первых, как вы верно заметили, все мы очевидно разные, и эти наши различия касаются не только различия в поле, расе, внешности и т.д. но и в ХАРАКТЕРЕ, т.е. в наших психических представлениях и реакциях. Все бы ничего, но в нас одновременно наряду с ощущением исключительности живет ощущение нашей повторяемости. Есть замечательная тайна узнавания себя в других, повторяемость, когда мы обнаруживаем свой характер, свои психические черты в родных, знакомых, литературных и киногероях (не раз пришлось слышать фразу типа: «характером я в маму»)....Проще говоря складывается некая полупарадоксальная ситуация, когда очевидное представление о своей исключительности странным образом враждует со столь же очевидным наличием «родственных душ» Как разрешить это противоречие? Путь один: согласиться с тем, что все наши различия **типичны**, как и повторяемость **типична** тоже. А от этого пункта до признания необходимости психической **типологии** — один шаг. Сделаем же его и зададимся гораздо более глубокомысленным вопросом: откуда берется наш неповторимо-повторяющийся психический тип, и где лежит его природа?

* * *

Человек рано осознал себя существом многогранным, неоднородным, сложенным из неких самостоятельных, малозависящих друг от друга первоэлементов. Началось все с прозрения очевидной для всех сейчас вещи: **человек состоит из тела и души**.

Далее, усложняя это не ставшее еще банальным положение, человек поделил душу на собственно «душу», т.е. **эмоциональную функцию**, область чувств, настроений, сердечных реакций, переживаний, и «дух», т.е. **волевую функцию**, желание, управление, характер, личность, норы, «Я».

С началом культурной революции, когда человек из заложника природы стал постепенно превращаться в ее тирана, обнаружился еще один вполне самостоятельный элемент его природы — «ум», «разум», «интеллект», т.е. **логическая функция**, способность видеть мысленно существо вещей, связь между ними и точно их описывать.

Так, постепенно и сложилось представление о внутренней архитектуре человека, состоящей из четырех психических модулей или функций: **ЭМОЦИИ** («души»), **ЛОГИКИ** («ума»), **ФИЗИКИ** («тела») и **ВОЛИ** («духа»). Делались попытки еще более усложнить структуру первоэлементов человеческой природы, подразделяя, например, разум и рассудок, но попытками такого рода лучше пренебречь, так как общепринятыми они не стали и представляют собой, вероятно, вычленение разных аспектов одной и той же функции.

Объяснять, почему именно из четырех и именно из этих функций состоит существо человека, я, честно говоря, не берусь. Не помогут здесь и ссылки на авторитеты (Платон,

Декарт, Гёте, Толстой, Гартман, Чехов), сводивших вместе именно логику, физику, эмоцию и волю в тех случаях, когда хотели описать полноту человеческого бытия. Здесь тайна природы, которую еще предстоит расшифровать. Этими четырьмя функциями будем оперировать и мы, говоря о человеке вообще, его психических типах и отношениях в паре.

* * *

Воля, Эмоция, Логика, Физика набор функций, присущий всем людям. Он есть то, наряду с антропологическими приметамы рода человеческого, нас объединяет. Но одновременно этот набор функций является разъединяющим началом, придающим если не уникальное, то достаточно оригинальное лицо психике каждого отдельного человека.

Суть в том, что природа никогда не наделяет индивидуума функциями равномерно, но всегда делает что-то сильным, что-то слабым. Воля, Логика, Физика, Эмоция — в психике личности не являются чем-то равнозначным, расположенным по горизонтали, а представляют собой иерархию или, говоря иначе, четырехступенчатый порядок функций, где каждая функция, в зависимости от ее положения на ступенях лестницы, по-своему выглядит и действует. **Как природа положит друг на друга эти четыре кирпича, таков и будет внутренний мир индивидуума.** Именно иерархия функций определяет оригинальность психики человека, деля человечество, как нетрудно подсчитать, **на двадцать четыре вполне самостоятельных психических типа.**

* * *

О значении порядка функций в жизни личности сразу не скажешь, об этом весь наш дальнейший рассказ. Но для наглядности, чтобы несколько размочить сухость повествования, приведем два примера. Один покажет, как от порядка функций зависит степень достоверности восприятия мира, другой — последовательность включения средств борьбы в конфликтных ситуациях.

В качестве первой иллюстрации возьмем одну страничку из дневника Льва Толстого. Она замечательна тем, что здесь знаменитый писатель с поразительной глубиной не только дал описание действия всех названных нами прежде функций, но сам выстроил их в присущую своему типу иерархию и выстроил по принципу степени достоверности мировосприятия. Толстой имел следующий порядок функций: 1-я Воля, 2-я Эмоция, 3-я Физика, 4-я Логика.

В соответствии с ним и сделал Толстой следующую запись в дневнике: «...я знаю себя, тем, что — я — я. Это высшее или скорее, **глубочайшее знание...** (1-я Воля).¹

Первое. Мне грустно, больно, скучно, радостно. **Это несомненно.** (2-я Эмоция).

Второе. Я слышу запах фиалки, вижу свет и тени т.д. **Тут может быть ошибка** (3-я Физика).

Третье. Я знаю, что земля кругла и вертится и есть Япония и Мадагаскар и т.п. **Все это сомнительно**» (4-я Логика).

Изумительное по точности описание своего собственного психотипа. На первое место в себе Толстой поставил свое «Я», т.е. Волю и посчитал свое знание о ней «глубочайшим». На вторую ступень он поместил, наделив «несомненностью», область эмоций, переживаний. Что касается физических ощущений, то они для Толстого «небезошибочны». И уж совсем «сомнительной» оказалась для писателя сфера умозрительного знания.

Последнее обстоятельство особенно замечательно, так как Толстой много занимался философией, сам сочинял философские трактаты и, казалось, должен был с большим

¹ Здесь и далее пометки типа: 1-ая Воля, 3-я Физика - мои. -А.А.

почтением относиться к интеллекту. Но, как показывает его отношение даже к таким простым умозрительным истинам, как наличие Японии и Мадагаскара, достоверность интеллектуальной информации была для него более чем сомнительна.

Кому-то может показаться, что толстовский взгляд на логику — некая общечеловеческая скептическая норма. Но это не так. Например, для знаменитого философа Декарта достоверно было только то, что поддается исчислению, а жизнь — тождественна мышлению. «Я мыслю, следовательно, я существую», — говорил Декарт. Поэтому отношение Толстого к логическим конструкциям не есть нечто естественное и объективное, а суть — отражение толстовского психотипа, точнее, любого порядка функций, при котором Логика оказывается на четвертом месте.

Еще один пример, иллюстрирующий действие порядка функций, будет вполне житейского свойства и покажет, как от него зависит последовательность использования средств борьбы в конфликтных ситуациях.

Есть у меня один знакомый мальчик, с таким порядком функций: 1-я Физика, 2-я Воля, 3-я Логика, 4-я Эмоция. Так вот, придя однажды домой из детского сада и, раздеваясь, мальчик уронил на пол несколько конфет. Проходившая мимо старшая сестра быстро подняла их и засунула в карман. Реакция мальчика полностью соответствовала его порядку функций. Сначала молча, без всяких предварительных переговоров, малыш ткнул в сестру кулаком (1-я Физика). Безрезультатно. Тогда за кулаком последовал волевой императив: «Отдай!» (2-я Воля). Ничего. Пришлось обратиться к логике: «Это — мое!» (3-я Логика). Когда же и логика не помогла, губы мальчика искривились, и он в голос зарыдал (4-я Эмоция). Рыдания подействовали скорее на родителей, чем на сестру, но, как бы там ни было, конфеты вернулись к их законному владельцу.

Двумя данными примерами пока и ограничимся. Честно говоря, мне меньше всего хотелось, чтобы читатель видел в порядке функций примитивную вертикаль, некий дубовый кол, на который насажена человеческая психика. Это явление, конечно, гораздо более сложное.

* * *

Порядок функций сам в себе очень четко делится на **ВЕРХ** (первые две функции) и **НИЗ** (последние две). Это деление замечательно тем, что вносит в человеческую психику элемент антагонизма, при котором верхние сильные функции противопоставляются слабым нижним (наиболее остро противопоставляются обычно Первая и Третья функции).

Например, у евангельского Христа Воля («дух») была вверху, а Физика («плоть») — внизу, и в соответствии с таким положением функций он провозгласил в свое время известный постулат: «Дух животворит; плоть не пользует ни мало» (Ио.6, 63). Эта фраза Христа стала впоследствии описанием эталонной психической модели всего христианского мира. Но как ни старалась церковь с помощью множества способов сделать ее нормой жизни человека, миллионы и миллионы людей, имеющих иной, чем у Христа, порядок функций, продолжали тайно и явно сопротивляться поляризации Воли и Физики, излишнему возвеличиванию духа в противовес плоти, которая у многих была много обильнее духа. И, думаю, многие вслед Виктору Гюго, до 80-десяти лет не пропускавшему ни одной юбки, могли с горечью констатировать:

*«О немощный наш дух! Тобой владеет плоть!
Не можешь низменных страстей ты побороть
Паденье ангела! Грязь на лебяжьих крыльях!..
Всесильна плоть! Она одолевает всех!»*

Несогласие с христианской психологической моделью, утверждавшей превосходство духа над плотью, присуще не только тем, у кого плоть много превосходит дух, но и тем, кто находит неприемлемым и странным сам факт такого противопоставления, т.е. люди, у которых Воля и Физика стоят рядом, в паре, либо сверху, либо внизу. Например, Гёте в письме к Клопштоку вынужден был, вопреки давлению воспитания и среды, открыто заявить: «Я не христианин.» И это понятно. У Гёте обе функции (Воля и Физика) находились сверху, и потому без страшного насилия над собой противопоставлять одинаково сильные стороны своей природы, дух и плоть, он был просто не в состоянии.

Из сказанного, однако, не следует, что раздвоенность функций у Гёте вовсе отсутствовала. Нет, просто она была иной. Гёте склонен был, имея Физику сверху, а Логiku внизу, преувеличивать значение эмпирики, умаляя при этом чистое умозрение. В другом письме он сделал еще одно характерное признание: «Господь покарал Якоби метафизикой, меня же *наоборот благословил физикой*, дабы я радовался, любясь его творением. И если ты говоришь, что в Бога можно только верить, то говорю тебе — я со всей силой **верю только в то, что вижу.**» Таким образом, следуя своему порядку функций. Гёте являл собой тип законченного сенсуалиста и последовательного врага рационализма, что нашло свое наиболее полное художественное выражение в образе Фауста — персонажа, исполненного скепсиса и жажды чувственных наслаждений.

* * *

Все мы живем по принципу «Сила есть ума не надо». То есть наличием сильных верхних функций оправдываем наличие слабых нижних. «Зато» — магическое слово, которое мы извлекаем на свет божий, каждый раз, когда обнаруживается наша несостоятельность: «Я слабосилен и суховат, **зато** волевит и умен», «Я слабохарактерна и глупа, **зато** чувствительна и красива», и т.п. Нам даже трудно представить себе, что возможна жизнь без «зато», жизнь гармоничная, без деления природы на Верх и Низ.

На «верх» и «низ» делится не только психика отдельного индивидуума, но и психика целых наций. Наличие типичных «англичан», «японцев», «цыган» позволяет говорить о психотипическом лице нации, а вместе с ним и о наличии этнического «верха» и «низа».

Если взять, например, знакомые нам четыре функции: Волю, Физику, Логiku и Эмоцию, — и спроецировать их на психику русского народа, предварительно поделив на верх и низ, то многое в русской истории и культуре станет понятным.

Очевидно, у русского народа Эмоция и Физика стоят сверху, тогда как Логика и Воля внизу. И такой порядок функций сразу и хорошо объясняет, почему столь извилист оказался исторический путь России; почему она так бедна на проявления сильного духа и глубокого ума, но так богата на художественные таланты; почему народной физиономии оказалось присуще то, что Бердяев очень точно назвал «вечно-бабским» в характере русского человека. Когда Эмоция и Физика сверху, а Логика и Воля внизу, клеймо «женственности», даже в применении к нации, выглядит хоть и обидным, но вполне понятным и обоснованным.

Запомним первую особенность порядка функций: наличие **ВЕРХА** и **НИЗА**. А вслед за тем запомним еще одну важную его особенность: деление функций на **Результативные** и **Процессионные**.

Что следует понимать под теми и другими? — Постараюсь быть краток. «Результативными» являются функции (Первая и Четвертая), для которых при самовыражении результат дороже процесса. А «процессионные» функции (Вторая и Третья), тяготеют к обратному и более дорожат процессом, нежели результатом. В виде схемы такое деление функций можно изобразить так:

- 1) **Результативная**
- 2) **Процессионная**
- 3) **Процессионная**
- 4) **Результативная**

Еще можно сказать, что, результативные функции по самому принципу своего действия внутренне одиноки, не склонны к поиску партнера и при самовыражении тяготеют к монологу. Процессионные функции, наоборот, расположены к диалогу, любят партнерство и максимально широкое взаимодействие. Для наглядности приведу такой пример. Если, скажем, человек предпочитает реализовывать свою логическую функцию в виде **результата**, добытого в ходе одиноких кабинетных размышлений, то уверенно можно сказать, что Логика его результативна (Декарт). Если же человек находит подлинное удовлетворение лишь **в процессе** общения с другими, то Логика его явно процессионна (Сократ).

ПЕРВАЯ ФУНКЦИЯ

Главная примета Первой функции — ее *ИЗБЫТОЧНОСТЬ*. Если мы чувствуем, что чем-то нас природа наделила не просто в достатке, но даже с некоторым перебором, то можно с уверенностью сказать, что это Первая функция. Какова бы она ни была: 1-я Эмоция, 1-я Воля, 1-я Логика, 1-я Физика.

* * *

Первая функция — самая сильная сторона нашей натуры, поэтому при первых контактах с другими людьми мы вполне бессознательно выкладываем ее на стол как свою козырную карту. Например, обладательница 1-й Физики, идя на встречу с незнакомым человеком, сначала (опять подчеркну — вполне бессознательно) подумает о том, достаточно ли глубоко ее декольте, а уж потом о содержании беседы, своей роли в ней и т.п. Тогда как обладательница 1-й Логики сначала продумает тему разговора, а уж потом займется внешностью...

* * *

Первая функция — главное наше оружие в конфликтах: семейных, производственных или каких-либо еще.

В этой связи обретают новый интересный ракурс самые банальные бытовые истины. Скажем, принято считать, что когда муж бьет жену, а жена при этом плачет, то, значит, муж — зверь, а жена — страдальца. Однако это не так. Просто у мужа 1-ая Физика, а у жены 1-ая Эмоция и каждый из них использует в конфликте наиболее сильное свое оружие. Известны ведь случаи такого же рода с обратным половым знаком. Или вот еще пример, по словам Плутарха, «Дарий, отец Ксеркса, говорил в похвалу себе, что в битвах и перед лицом опасности он становился только разумнее, " т.е. у Дария была 1-я Логика.

В самом использовании Первой функции в качестве оружия не было бы большого греха (надо же чем-то сражаться!), если бы, кроме всего прочего, Первая в этих битвах не была слишком жестока. А Первая беспощадна. Сама результативная природа ее не терпит компромисса и требует абсолютной победы в борьбе. 1-я Физика лупит противника если не до смерти, то до полной отключки, 1-я Воля добивается безраздельной власти, абсолютного лидерства, 1-я Логика в дискуссиях владеет только одной истиной — своей и,

доказывая ее, не останавливается, пока не разгромит оппонента по всем пунктам, 1-я Эмоция кричит, пока не оглушит и не заставит замолчать противника.

* * *

Первая — молот, одинаково пригодный и для разрушения, и для созидания. Однако это именно молот со всеми вытекающими из данного обстоятельства удобствами и неудобствами, молот кузнеца, а не молоточек ювелира. Изделия, им сотворенные, тонкостью отделки не отличаются, они грубоваты, просты и ориентированы более на надежность, чем на красоту.

* * *

Наиболее сильной стороне своей природы человек обычно придает статус инструмента высшей достоверности. Поэтому еще один ракурс Первой функции — превосходство с точки зрения теории познания. По гносеологическому признаку Первая четко делит человечество на четыре неравные части: сенсуалистов (1-я Физика), волюнтаристов (1-я Воля), мистиков (1-я Эмоция), рационалистов (1-я Логика). Сенсуалисты верят только опыту, мистики — только переживаниям, волюнтаристы — только личной энергии, рационалисты — только логике.

Иллюзия абсолютной достоверности добываемых с помощью Первой знаний, кроме всего прочего, хорошо объясняет такое удивительное для нашего просвещенного века явление, как массовое увлечение магией, астрологией и тому подобными суевериями. Ларчик открывается просто: всю эту массу верующих в мистику составляют эмоционалы. Поэтому рационалисты могут и далее хоть на голове ходить, доказывая несостоятельность суеверий. Бесплезно. Для 1-й Эмоции черная кошка на дороге всегда будет достоверней всех доводов рассудка.

* * *

Первая функция — важнейший и наиболее достоверный инструмент восприятия окружающего мира, через призму которого человек всегда начинает анализ открывающейся перед ним картины. Вспоминается в этой связи очаровательный анекдот из серии анекдотов о поручике Ржевском: «Гуляют поручик и дама вдоль пруда, в котором плавают лебеди.

Дама (восторженно): "Поручик, а вам не хотелось бы стать лебедем?"

Поручик: «Голым задом? В холодную воду? Нет, увольте-с!»

Думаю, читатель уже догадался, какая у кого в этом анекдоте Первая функция. Конечно же, именно 1-я Эмоция дамы окрасила в эмоциональные романтические тона открывающуюся перед ней картину, тогда как 1-я Физика поручика сделала ту же картину исключительно физиологической по восприятию.

Вероятно, со временем, когда оба воспользуются для анализа окружающей среды другими функциями, позиции героев анекдота сблизятся: дама кожей ощутит всю неуютность сидения в холодной воде, а поручик оценит красоту пейзажа. Но поначалу взгляд их на мир будет непременно отличным и непременно производным от Первых функций.

* * *

Первая функция именно из-за своей избыточности является той главной силой, которую сам человек ощущает в себе наиболее отчетливо, слышит в себе ее могучее дыхание. Например, как-то встретились Михаил Чехов и Вахтангов, и по ходу разговора оба

они, и великий актер, и великий режиссер «должны были признаться друг другу, что нам знакома возникающая в нас временами непонятная сила. У меня (Чехова) — во время игры на сцене, у него (Вахтангова) — в повседневной жизни. Сила эта давала мне власть над публикой, ему — над людьми, окружавшими его.»

Чехов и Вахтангов не дали имен тем силам, что ощущали в себе, но теперь, с учетом особой природы Первой функции, мы можем их назвать. Конечно, у Михаила Чехова была 1-я Эмоция, и именно она обусловила как выбор актерской профессии, так и ту власть, что он имел над публикой, власть эмоциональной диктатуры. У Вахтангова же была обязательная для лучшего режиссера 1-я Воля — сила, позволяющая держать в узде актеров и вообще окружающих.

Хотя человек обычно тешит, холит и лелеет свою Первую функцию, его, а особенно людей окружающих, не оставляет ощущение какого-то неблагополучия и даже уродства Первой функции. И происходит это ощущение от ее избыточности. Как писал Шекспир:

*«...сладчайший мед
Нам от избытка сладости противен,
Излишеством он портит аппетит.»*

Так и с Первой функцией. Ее избыточность отдает патологией, и тем отравляет человеку радость любования самой мощной стороной своей натуры.

* * *

Покажется странным, но даже фундаментальнейшие религиозные представления о том, что есть Бог в своем существе и в чем состоит бессмертие человека — формируется под непосредственным воздействием Первой функции.

Религиозны все, но каждый религиозен по-своему. Религиозна бывает даже 1-я Логика, но ее вера не имеет ничего общего с мистическим идолопоклонством народной веры. Суть религии 1-й Логике заключается в абсолютизации самой себя — ума.

1-я Логика, в свойственной себе манере озирая и систематизируя окружающий мир, находит его настолько разумно устроенным, математически выверенным, что скоро приходит к выводу о наличии некоего высшего Творца, первым и практически единственным свойством которого является Разум. От Анаксагора до Эйнштейна, любой обладатель 1-й Логики, взяв на себя труд обдумать проблему первоисточника всего сущего, волевым образом приходит к автопортретной религии, в которой Божество, создатель и мотор вселенной, мыслится исключительно как Ум (Нус — древнегреческой философии) и другими атрибутами практически не обладает.

В согласии с такой теологией трансформируется и представление о бессмертии человека. Исходя из своей шкалы ценностей, 1-я Логика только ум считает достойным вечности и соответственно этому представлению моделирует картину загробного царства. Конструкции наподобие теории «ноосферы» Шардена-Вернадского, согласно которой над землей клубится прозрачная оболочка, составленная из идеальных, очищенных от всякой примеси, бессмертных человеческих умов — прямое отражение такого моделирования.

К сказанному остается добавить, что 1-я Логика в своем стремлении абсолютизировать самое себя отнюдь не одинока. Это свойство Первой функции вообще:

1-ая Воля видит в Абсолюте бессознательное, слепое волевое начало (Шопенгауэр, Гартман, Кьеркегор и т.д.), а вечностью награждает исключительно человеческий «дух», волю.

1-ая Физика исповедует откровенное идолопоклонство, т.е. обожествляет вещество во всех его видах, и бессмертие представляет себе вполне по-плотски, наподобие раннехристианской концепции грядущего Воскресения во плоти.

1-ая Эмоция отождествляет Божество с наивысшим и ярчайшим переживанием («Бог есть любовь» 1 Ио.4.8.) и только «душу», сердечную суть в себе оставляет жить за гробом.

* * *

К старости Первая функция делается еще избыточнее: 1-я Эмоция становится еще крикливее, 1-я Воля тираничнее, 1-я Физика — прижимистее, 1-я Логика — догматичнее. И происходит это оттого, что разрушения личности, производимые неумолимым временем, под старость заставляют человека еще надежнее крепить в себе то, что и прежде служило ему главным подспорьем.

Первая функция — опора личности, фундамент, на котором держится колеблемое всеми ветрами бунгало человеческой психики. Однако в этой сверхмощи и крепости Первой заложен скрытый и опасный изъян. Она не гибка. Поэтому удары по Первой весьма болезненны и незначительные разрушения ее, вносимые быстротекущей жизнью (скажем, болезни и увечья для 1-й Физики), доводят человека порой до сумасшествия и самоубийства.

И натура людская, видимо, сознает, точнее, «подсознает» опасное отсутствие гибкости в Первой функции, так как, несмотря на самоуверенность Первой, она обычно не торопится в сомнительной ситуации подвергать себя испытаниям, чтобы мы не имели в виду под испытанием: драку или диспут.

Будем до конца искренни: Первая функция — это наш дар самим себе. Она эгоистична, хотя само слово «эгоизм» обычно употребляется лишь по отношению к 1-й Физике. Поэтому если кому-то что-то перепадает от Первой, то, во-первых, происходит это всегда «от щедрот», от избытка результата, добытого в одиночку, а, во-вторых, не в силу внутренней потребности самой Первой, но под давлением нижестоящих процессионных функций.

Заключая на этом рассказ о Первой функции, необходимо признать, что эгоизм, монологичность, ранимость, жестокость и грубоватость Первой делают ее пусть самой значительной и яркой, но не самой лучшей стороной человеческой природы.

ВТОРАЯ ФУНКЦИЯ

Вторая функция НОРМАТИВНА. И как всякая норма, она с трудом поддается описанию. Вряд ли более двух слов найдет человек, взявшись рассказывать о своем здоровье, если оно нормально: краски, эпитеты, образы находятся лишь тогда, когда возникает нужда перечислять болячки. Так и со Второй функцией, она плохо поддается описанию, и как хорошее здоровье, ее не чувствуешь.

Если Первую функцию лучше всего сравнить с молотом, то Вторую с рекой. Она так же сильна. Но кроме силы, обладает неведомыми для Первой качествами: широтой, богатством, естественностью и гибкостью. Источник всех этих достоинств заключается в том, что у Второй сила сопрягается с процессионностью, т.е. это сила, заряженная на постоянный диалог, постоянное взаимодействие. Возвращаясь к сравнению Первой и Второй, можно сказать, что если Первая — наш дар самим себе, то Вторая — наш дар другим. Поэтому именно Вторая функция является лучшей стороной человека.

Впрочем, процессионность не монополия Второй. Настоящая монополия, или главная примета ее, — действие, безукоризненно адекватное ситуации, без избытка и без скудности, эталонность поведения. Вспоминается рассказ одного кинорежиссера об актрисе, которая вынуждена была за один день отсняться в двадцати дублях, и каждый раз

слезы на ее глазах навертывались именно тогда, когда нужно было, и их было столько, сколько нужно. Так действовать может только 2-я Эмоция.

Вторая функция чрезвычайно богата оттенками и обладает громадным диапазоном. Чтобы не ходить далеко, приведу пример на ту же 2-ю Эмоцию: один исследователь подсчитал, что Толстой описал 85 оттенков выражения глаз и 97 оттенков улыбки. Способность видеть и передавать такое богатство не просто наблюдательность — это специальный психологический настрой индивидуума.

* * *

Еще одно свойство Второй функции, обусловленное процессионностью: полнота реализации ее возможна лишь при наличии партнера, аудитории. Это свойство трудно подсмотреть, но одна женщина со 2-й Эмоцией признавалась мне, что, хотя жизненные обстоятельства к тому принуждали, ей — одной — даже плакалось как-то не в охотку.

Сочетание силы и процессионности Второй функции наделяет ее таким необычайно ценным качеством, как жалость. Вообще-то, жалость не монополия Второй, а один из аспектов процессионности. Специфика жалости Второй заключается именно в том, что жалеет она с позиции силы, уверенности и опыта богато одаренной стороны человеческой природы. Скажем, нет ничего лучше для больных, инвалидов, престарелых, как оказаться под опекой 2-й Физики. Неустанность ее сострадания, постоянная забота, точность, быстрота и осторожность движений в состоянии обеспечить максимальный комфорт всякому немощному человеку.

Еще одна характерная примета Второй функции — она бесстрашна. Более того, человек испытывает своеобразное удовольствие, подвергая ее испытанию часто в сомнительных и даже заведомо неудобных ситуациях. И такое поведение легко объяснить: Вторая не только сильна, но и пластична, поэтому удары по ней не ранят, а лишь дают направление работы по дальнейшему ее усовершенствованию. Так, один мой однокашник, будучи обладателем 2-й Физики, не ленился ездить на другой конец города с единственной целью — подраться. Ездил зачастую не ведая, он ли будет бить, его ли. Дело, конечно, не обходилось без синяков и шишек, но и польза стала со временем очевидна: стал он со временем лихим летчиком, полковником ВВС.

ТРЕТЬЯ ФУНКЦИЯ

«Все мы какой-нибудь стороной да не удались», — с тоской говаривал Жюль Ренар, говорил, не догадываясь, что тем самым интуитивно нащупывал в себе и других Третью функцию.

По своим принципам Третья функция почти не отличается от Второй, она также процессионна. Даже, если так можно выразиться, суперпроцессионна. Однако по внешним своим проявлениям Третья функция разительно отличается от Второй. Разница обуславливается тем, что Третья не сила, а слабость, наша язва, большое место человеческой психики.

На мой взгляд, не очень удачен вошедший в быт термин «комплекс», введенный в употребление Цюрихской школой психиатров, с помощью которого делались попытки описать Третью функцию. Гораздо точнее термин «динамическая травма», которым пользовался замечательный психиатр Шарко, одним из первых почувствовавший, что человеческой психике свойственен какой-то врожденный изъян.

Критика термина «комплекс», вместе с тем, не отменяет того важного обстоятельства, что есть очень много точных черт в той характеристике Третьей функции, что под

именем «комплексов» дал Карл Густав Юнг. Он писал: «...опыт показывает, что комплексы всегда содержат в себе нечто вроде конфликта или, по крайней мере, являются либо его причиной, либо следствием. Во всяком случае, комплексам присущи признаки конфликта, шока, потрясения, неловкости, несовместимости. Это так называемые «больные точки», по-французски «betes noires», англичане в этой связи упоминают о «скелетах в шкафу» («skeletons in the cupboard»), о которых не очень-то хочется вспоминать и еще меньше хочется, чтобы о них напоминали другие, но которые, зачастую самым неприятным образом, напоминают о себе сами. Они всегда содержат воспоминания, желания, опасения, обязанности, необходимости или мысли, от которых никак не удастся отделаться, а потому они постоянно мешают и вредят, вмешиваясь в нашу сознательную жизнь.

Очевидно, комплексы представляют собой своего рода неполноценности в самом широком смысле, причем, я тут же должен заметить, что комплекс или обладание комплексом не обязательно означает неполноценность. Это значит только, что существует нечто несовместимое, неассимилируемое, возможно даже, какое-то препятствие, но это также и стимул к великим устремлениям и поэтому, вполне вероятно, даже новая возможность для успеха. Следовательно, **комплексы являются в этом смысле прямо-таки центром или узловым пунктом психической жизни**, без них нельзя обойтись, потому что в противном случае психическая деятельность пришла бы к чреватому последствиями застою. Но они означают также и неисполненное в индивиде, область, где нельзя что-либо преодолеть или осилить; т.е. без сомнения, это слабое место в любом значении этого слова.

Такой характер комплекса в значительной степени освещает причины его возникновения. Очевидно, он проявляется в результате столкновения требования к приспособлению и особого, непригодного в отношении этого требования свойства индивида. Так, комплекс становится для нас диагностически ценным симптомом индивидуальной диспозиции.»

Если сжать все сказанное Юнгом и добавить немного от себя, то можно сказать, что суть Третьей функции заключается в следующем: она — функция, которую мы сами считаем уязвимой, ущербной, недоразвившейся, нуждающейся в постоянном укреплении, саморазвитии и защите. Отсюда и все специфические черты Третьей функции.

* * *

Третья — двойник. Как весь порядок функций поделен на Верх и Низ (о чем уже говорилось), так поделена и раздвоена одна Третья функция. Ощущение слабости сочетается в ней с ощущением огромного, но не реализованного потенциала. Третья — прикованный Прометей — титан, которого психологические цепи делают слабым, беззащитным, ранимым.

Одна моя знакомая, когда ее попросили объяснить, как выглядит ее 3-я Эмоция, очень точно ответила: «Представь себе, что ты беременна, и ребенок уже просится наружу. Но твой таз слишком узок, и его головка застревает, когда ты пытаешься разродиться». Хотя в данном случае речь шла о 3-й Эмоции, образ мучительных родов с застревающим в тазу ребенком как нельзя более подходит для описания Третьей функции вообще.

* * *

Ранимость, обостренная чувствительность — главные приметы Третьей функции. Удары по Третьей переживаются крайне болезненно, и шрамы от них остаются практически на всю жизнь.

Как правило, период полной беззащитности Третьей функции и особенно частых ударов по ней приходится на детство. Именно детей чаще всего бьют, унижают, оскорбляют, ругают. И если в детстве Третья оказывается не огражденной, но, наоборот, постоянно уязвляемой, то это обстоятельство до крайности рафинирует и без того изначала рафинированную Третью.

По счастью, случаются удары по Третьей функции крайне редко, так как ей присуще обостренное чувство опасности, позволяющее предупреждать нападение, и врасплох ее застать трудно. Скажем, человек с 3-й Физикой крайне опасно воспринимает внешний мир, и потому травмы у него бывают лишь в исключительных случаях (разумеется, слова «мир», «травма» имеют чисто физический смысл).

Ожидание удара по Третьей функции — главный наш кошмар: 3-я Логика боится обвинения в некомпетентности, 3-я Физика — побоев, 3-я Воля — унижений, 3-я Эмоция — истерик. Однако этот кошмар редко воплощается, так как Третья склонна к гиперболизации и обычно сильно преувеличивает реальную опасность. Возвращаясь к сравнению Третьей с прикованным Прометеем, добавлю, что беззащитность и ранимость ее заставляют видеть в каждой пролетающей мимо вороне Зевсова орла, посланного клевать вашу печень.

* * *

Однако жизнь есть жизнь, и иногда (продолжим метафору) Зевсов орел действительно прилетает. Здесь волей-неволей приходится что-то делать. Выходов из ситуации, при которой угроза нанесения удара по Третьей реальна, три: либо самая тщательная подготовка в преддверии конфликта, либо перевод борьбы на другой уровень и функцию, либо бегство. В качестве иллюстрации данного тезиса приведем историю натянутых отношений между президентом Рейганом и прессой. Имея 3-ю Логiku, Рейган до минимума сократил число пресс-конференций; когда же отвергнуться от них не удавалось, он соглашался разговаривать с журналистами лишь после длительных репетиций. Это первый выход. Несмотря на подготовку, президент все-таки чувствовал себя на пресс-конференции не очень уютно и потому часто отделялся от вопросов с помощью шуток, анекдотов, прибауток и поучительных историй, т.е. старался перевести общение из пугающей его логической сферы в безболезненную эмоциональную. Это второй выход. И, наконец, бегство: будучи застигнутым журналистами врасплох, Рейган попросту притворился глухим.

* * *

Третьей, как никакой другой функции, дано переживать чужую боль. Ощущать ее даже острее, нежели ощущает ее сам объект сопереживания. Толстой, скажем, ни в грош не ставил труд ученого или музыканта, но через призму своей 3-й Физики не мог без слез смотреть на каждого работающего в поле мужика. Хотя сам мужик не обязательно испытывал те муки, что приписывал ему Толстой, и, в свою очередь, сам мог с состраданием 3-й Логики глядеть на всякого читающего человека и т.д. и т.п.

Жалость, сострадание — те свойства, что роднят Третью функцию со Второй. Однако есть чувство, неизвестное Второй, но постоянно сопутствующее Третьей, — это зависть. Оно тождественно чувству, испытываемому больным по отношению к здоровому. В нем сочетается желание подняться до предмета зависти и одновременно унижить его. Здесь я продолжу иллюстрировать рассказ о Третьей функции примерами из толстовской жизни (3-я Физика). Вот как режиссер Лев Сулержицкий описывал совместную с Толстым прогулку по Москве: «Толстой издали заметил двух кирасир. Сияя на солнце медью доспехов, звеня шпорами, они шли в ногу, точно срослись оба, лица их тоже сияли самодовольством силы и молодости.

Толстой начал порицать их: «Какая величественная глупость! Совершенно животные, которых дрессировали палкой...»

Но когда кирасиры поравнялись с ним, он остановился и, проводя их ласковым взглядом, с восхищением сказал: «До чего красивы! Римляне древние, а, Левушка? Силища, красота, ах, Боже мой. Как это хорошо, когда человек красив, как хорошо...»

Надеюсь, читатель обратил внимание на полярность толстовских оценок, когда речь зашла о пласте жизни, который у самого Толстого с его 3-й Физикой был уязвим и которым явно в избытке (1-я Физика) были наделены встречные кирасиры. Она типична для Третьей функции.

«Реакция фигового листа» — так можно назвать первую реакцию в ситуации, когда Третья функция сталкивается с той же функцией, стоящей выше.

Свободное, открытое, сильное проявление того, что у самого уязвлено, раздражает человека, заставляет искать какое-то оправдание своей немощи, активно отрицать значение и эффективность данного пласта жизни и за этим отрицанием, как за щитом, прятать чувство собственной неполноценности. Так рождается фиговый листок, с которым человек обычно ходит всю жизнь. Число же фиговых листков соответствует числу Третьих функций: это ирония для 3-й Эмоции, скепсис для 3-й Логики, ханжество для 3-й Физики, юродство и лицемерие для 3-й Воли.

Однако само по себе сокрытие своего срама под фиговым листком далеко не гарантия покоя. Наоборот. Чем активнее отрицание, тем необоримее тайное желание реализовать себя именно в данной уязвимой сфере жизни. Здесь достаточно вспомнить того монаха Киево-Печерской лавры (3-я Физика), который, спасаясь от блудной страсти, закопался по горло в землю. Так, почти до самоистребления доводит порой борьба с процессионностью собственной Третьей.

В этой связи становится понятным, почему Третьей функцией мы не только отвергаем, но и страстно любим. Можно сказать, что Третья функция является главным генератором любви, и выбор в браке чаще определяется именно ею. Недаром великий проповедник аскетизма Толстой женился на девушке, одаренной плотью в избытке (1-я Физика). И она до конца жизни не могла понять, как объясняется сочетание чудовищного ханжества «Крейцеровой сонаты» с могучим и неустанным любовным пылом мужа. А именно так и объясняется: 3-я Физика — и все.

Женитьба не единственное средство, с помощью которого человек пытается расковать и реализовать свою Третью функцию. Есть для этого и химические средства, скажем алкоголь. Именно ради Третьей употребляем мы в компаниях алкоголь. Подчеркну — именно в компаниях, потому что истоки пьянства многообразны. Алкоголь, выпитый в компании, обладает тем чудодейственным свойством, что позволяет забыть о своем изъяне, свободно и легко реализовывать Третью функцию.

Отсюда удивительные метаморфозы, которые обычно случаются с пьяными, метаморфозы, подобные тем, что происходили с миллионером из знаменитого фильма Чарли Чаплина. Сухой, сдержанный человек (3-я Эмоция) делается чувствительным; молчун (3-я Логика) — болтуном, женоненавистник (3-я Физика) — волокитой, скромник (3-я Воля) — зазнайкой.

Ножницы в поведении Третьей функции под воздействием алкоголя приобретают иногда курьезную, если не сказать трагикомическую окраску. Вот характерная цитата из письма в газету: «Юра был высокий, сильный, красивый, он постоянно носил меня на руках. И все бы прекрасно, если бы не его странности. Он, казалось, боялся влюбиться, боялся любви. Правда, стоило ему выпить, как он начинал говорить нежные слова, яростно целовал (близости у меня ни с кем до замужества не было). И в эти минуты я просто сходила с ума. Я его так любила, что искала повод выпить, лишь бы он был мой, только мой. В трезвом же состоянии Юра был другим, я не знала, как его растормошить, заставить раскрепоститься.» Очевидно, проблема тут заключалась в 3-й Эмоции, и здесь же назван коренной недостаток алкоголя с точки зрения реализации Третьей функции — кратковременность его действия. На следующий день проблема возвращается с добавлением головной боли.

Подобно Второй функции, Третья любит подвергать себя испытаниям. Однако есть между самоиспытанием этих двух функций существенные различия. Во-первых, Третья функция предпочитает себя проверять в условиях, исключающих прямое единоборство. А во-вторых, она идет в этих испытаниях до предела. Например, сестра Толстого рассказывала, как он в 15 лет пять верст бежал за каретой и, когда карета остановилась, юный Толстой так дышал, что сестра его расплакалась. Так экзаменовать себя может только Третья, и, в частности, 3-я Физика. Другие Физики повели бы себя иначе: результативные Физики просто не стали бы подвергать себя испытаниям (Первая в силу уверенности в себе, Четвертая по безразличию), 2-я Физика побежала бы за каретой, но бежала бы только до той поры, пока это соревнование в удовольствие.

Испытание, описанное выше, типично для Третьей функции, и делает его таким незнание Третьей естественного предела своих возможностей. Наша внутренняя картина состояния Третьей функции — дело чисто субъективное. И чтобы узнать, есть ли «язва» по Третьей или нам она только кажется, а если есть, то каковы ее истинные размеры, — необходимо Третью экзаменовать и экзаменовать на пределе возможностей.

Если тест на Третью сдан успешно, то наступает наивысшее, неведомое в других случаях удовлетворение. Вообще успехи, похвалы, награды по Третьей функции ценятся, как никакие другие и являются предметом неизбывной гордости их обладателя. Так, Наполеон, имея 3-ю Логикю, больше всего гордился своим членством в Национальном институте (Академии наук) и даже свои приказы по армии подписывал «Бонапарт, член

Национального института» и только после этого титула ставил все остальные, для других, может, гораздо более весомые.

По той же причине Третья, как никакая другая функция, чувствительна к лести. Перебрать здесь невозможно; как бы ни была чудовищна лесь по Третьей, в глубине души человек абсолютно ей не веря, все-таки проявляет полную готовность пить и пить этот яд, никогда не пресыщаясь и не испытывая изжоги.

ЧЕТВЕРТАЯ ФУНКЦИЯ

О Четвертой функции трудно говорить сколько-нибудь многословно. Она — «пустычок» — функция, которой мы сами придаем мало значения. Из сказанного не следует, что Четвертая заведомо слаба и непродуктивна. Наоборот, в мире полно неплохих математиков с 4-й Логикой и художников с 4-й Эмоцией. Главное в ней опять-таки субъективная иерархия внутренних ценностей, заставляющая что-то одно в себе поставить на последнюю четвертую ступень. А поставив, и относиться соответствующе.

На данном отношении к Четвертой функции хочется особо настоять, так как путаница между **качеством** функционирования и **положением** функции на ступенях психической иерархии — обычная в психософии ошибка. 4-я Логика не обязательно глупа, 4-я Эмоция не обязательно бесчувственна и т.д. Одна женщина с 4-й Волей, когда я как-то обмолвился о ее «слабохарактерности», с чувством мне возразила: «Это неправда. Я не слабохарактерна. Просто мне удобней быть ведомой.» И была совершенно права. Боже избави нас, исследуя низкостоящие функции, отождествлять их положение с качеством. Нет ошибки серьезнее.

* * *

Внешне Четвертая функция трудно отличима от Второй. Их роднит свобода, естественность и бесстрашие самовыражения. Например, 4-й Логике ничего не стоит вязаться в заковыристый философский спор, непринужденно демонстрируя при этом раскованность и парадоксальность мышления, и даже не обидеться, подобно 2-й Логике, на высказанного в сердцах «дурака». Однако при внешнем сходстве действия существует между двумя этими функциями глубокое различие в мотивах: 2-я Логика не обидится на «дурака», потому что не поверит, а 4-я Логика — потому что оценки по этой части ей глубоко безразличны. В этом весь фокус.

* * *

Исходя из внешнего сходства Второй и Четвертой функций, вижу необходимость перечисления примет, по которым опознание Четвертой можно считать безусловным.

Главное — деятельность по Четвертой не обладает самостоятельной ценностью, она не цель, а средство существования. Поэтому, если, скажем, кто-то с 4-й Логикой занят в сфере интеллектуального труда, то из этого следует только, что он пытается использовать данную функцию (независимо от успехов) в качестве орудия, с помощью которого реализуются запросы других самоценных вышестоящих функций: честолюбия — по Воле, материальных интересов — по Физике и т.д.

Во-вторых, недостоверность того, что добывается и получается по Четвертой; вспомним 4-ю Логика Толстого, который при всей своей любви к философствованию сомневался в существовании Японии и Мадагаскара.

В-третьих, отклонение Четвертой в кризисных ситуациях. Человеческая психика, вообще недоверчиво относящаяся к Четвертой как таковой, при кризисах отключает ее как возможную помеху при выборе правильного решения и переносит внутреннюю энергетiku на более высокие уровни.

Далее — зеркальность. Взаимодействие с Четвертой всегда тождественно заказу, сделанному вышестоящей функцией партнера. Это обстоятельство, к примеру, делает 4-ю Физику хорошим сексуальным партнером, так как, не имея собственной модели сексуального поведения, она адекватно и чутко отвечает на все запросы партнера.

Наконец, Четвертая функция очень зависима и легко передоверяет себя другим, стоящим выше на ступенях иерархии функциям. Так, 4-я Физика безболезненно идет в содержанки, 4-я Эмоция легко заражается чужими настроениями, 4-я Логика без спора принимает любые, более или менее правдоподобные концепции, 4-я Воля заранее соглашается с принятыми за нее решениями.

* * *

Замечательной особенностью Четвертой является то, что подлинную силу ее человек узнает лишь в минуты полноты жизни. Переводя термин «полнота жизни» на язык психософии, можно сказать, что это состояние, когда первые три функции адекватны сами себе, т.е. существует добротный результат по Первой и идут процессы по Второй и Третьей. Именно в такие минуты дремлющая обычно Четвертая функция обретает силу, самостоятельность и глубину звучания. И наоборот, удары по любой из трех первых функций напрочь выключают Четвертую.

Одним словом, Четвертая функция — это раба без лукавства, хамелеон и иждивенец с большим, но чаще дремлющим потенциалом.

* * *

В конце описания функций приведу для наглядности схему их кратких характеристик.

ПЕРВАЯ	ВТОРАЯ	ТРЕТЬЯ	ЧЕТВЕРТАЯ
«молот»	«река»	«язва»	«пустячок»
результат	процесс	процесс	результат
избыток	норма	недостаток	скудность
монолог	диалог	диалог	монолог
твердость	гибкость	гибкость	твердость
жесткость	жалость	зависть	безразличие
осторожность	бесстрашие	боязливость	бесстрашие
уверенность	уверенность	сомнение	недостоверность
независимость	компромисс	компромисс	зависимость

Итак, перед нами схема. И как всякая схема, она грешит прямолинейностью и бесцветностью. Поэтому наша следующая задача: усложнить, оживить и раскрасить картину человеческой психики, дав описание Эмоции, Логике, Физике и Воли в зависимости от их положения на четырехступенчатой иерархии внутренних ценностей.

НА ВСЯКОГО МУДРЕЦА ДОВОЛЬНО ПРОСТОТЫ

Выглядит очевидным: Логика, как психическая функция, должна быть много моложе Эмоции. Ведь любовь у живых существ явно предшествует мышлению и совершенно ему не подконтрольна. Что легко подтвердить наблюдениями над человеческой природой, не говоря уже о животных. Все так. Но, не вступая в спор о приоритетах, тем не менее, возьму на себя смелость усомниться в этой истине и высказать предположение, что Логика не уступает в древности Эмоции.

Исхожу из того, что жизнь, даже в самых примитивных ее формах, настолько сложна и многовариантна, что решение всех проблем волей-неволей требует работы интеллекта. Иначе не выжить. Приведу в этой связи наблюдение замечательного биолога Конрада Лоренца. Он одно время занимался опытами с разновидностью рыбок цихлид, интересная особенность поведения которых заключалась в том, что самец, собирая мальков в гнездо, «не тратит времени на уговоры, а просто забирает их в свой просторный рот и, подплыв к гнезду, «выплывает» во входное отверстие».

Однажды Лоренц стал свидетелем следующей сцены. Бросив на дно аквариума несколько червяков, он увидел, как самец, сновавший прежде по аквариуму в поисках своих мальков, схватил одного червяка и начал его жевать, но тут на глаза ему попался проплывающий мимо малек. Далее же произошло вот что: «Самец вздрогнул, как ужаленный, бросился вдогонку за маленькой рыбкой и затолкал ее в уже наполненный рот. Это был волнующий момент. Рыба держала во рту две совершенно различные вещи, одну из которых она должна была отправить в желудок, а другую — в гнездо. Как она поступит? Должен сознаться, что в этот момент я не дал бы и двух пенсов за жизнь крошечной драгоценной рыбки. Но случилось удивительное! Самец стоял неподвижно, с полным ртом, но не жевал. Если я когда-нибудь полагал, что рыба думает, то именно в этот момент. Это совершенно замечательно, что рыба может найтись в подлинно сложной ситуации, и в этом случае она вела себя именно так, как вел бы себя человек, будь он на ее месте. Несколько секунд она стояла неподвижно, как бы не находя выхода из положения, и почти можно было видеть, как напряжены все ее чувства. Потом она разрешила противоречия способом, который не может не вызывать восхищения: она выплонула все содержимое на дно аквариума...Затем отец решительно направился к червю и неторопливо начал есть его, все время поглядывая одним глазом на молодого, который послушно лежал на дне. Покончив с червем, самец взял малька и отнес его домой к матери.

Несколько студентов, бывших свидетелями этой сцены, вздрогнули, когда один человек начал аплодировать.»

Вместе с Лоренцем поаплодировав и порадовавшись за рыбку, хочу заметить, что, как бы ни была элементарна в данном случае логическая задача и как бы ни мучительно справлялась с ней рыбка, она невольно лишала человека ореола исключительности, обусловленного якобы безраздельным обладанием им столь великим сокровищем, как разум.

Впрочем, времена, когда человек претендовал на интеллектуальное первородство, видимо, уже прошли. Как, кажется, проходит и время, когда превосходство видится в весе и объеме его мозга, или в количестве извилин. По всем этим параметрам человек вряд ли сможет претендовать на звание безусловного лидера животного мира. Да, и не в параметрах, видимо, дело: великий ученый Луи Пастер стал светочем науки с одной половиной мозга (другая была атрофирована), тогда как житель Флориды, чей мозг оказался самым тяжелым из всех известных, остался безымянным даже для дотошных составителей «Книги рекордов Гиннеса».

Возникает вопрос: если не параметры мозга и не интеллектуальное первородство, то, что же сделало человека «мыслящим тростником», наградило этот вид животных ти-

тулом «сапиенс»? Рискну и дам совершенно еретическое, основанное, конечно же, на принципах психософии объяснение феномена человека.

Суть феномена человека не в наличии или отсутствии Логики и не в качестве инструментария, которым мы располагаем для ее реализации, а в положении Логики на ступенях функциональной иерархии.

Однажды было очень верно и выразительно замечено, что разум — это суперклук человека. Все правильно. Но вспомним психософию: главным оружием человека в борьбе являются функции, находящиеся сверху. 4-я Логика, к какому бы классу существ ее носитель ни принадлежал, не признает мышление могучим оружием и даже выключает ее, как всякую Четвертую функцию в преддверии конфликта. Поэтому интеллектуальный барьер проходит не между людьми и животными, а между теми, у кого Логика Вверху и теми, у кого Логика Внизу. Здесь нет ничего обидного: думают все, и качество интеллектуальной работы совершенно не зависит от положения Логики на ступенях функциональной лестницы. Вопрос заключается лишь в том, насколько для психического самоощущения индивидуума Логика опорна, самоценна, авторитетна, достоверна, убойна или наоборот, вторична и неэффективна.

Вспомним рыбу из аквариума Лоренца. Она думала. Но ее мышление было достаточно типично для 4-й Логики: включение интеллекта происходило лишь в момент необходимости выбора, под давлением внешних обстоятельств. Для нее интеллектуальная работа не являлась самоценной, существующей как внутренняя потребность, независимая от внешних обстоятельств. Клапаред, основатель зоопсихологии, писал, что у животных «интеллект включается в том случае, когда инстинктивный или приобретенный автоматизм не способен разрешить поведенческую задачу. « То есть, сама по себе рыба Лоренца не была глупа, просто она была слишком практична и умственно ленива, чтобы стать человеком.

Суть интеллектуальной границы, пролегшей через весь космос живых существ, заключается в том, что особи с 4-й Логикой воспринимают мышление *как средство*, тогда как особи с Логикой, стоящей выше, воспринимает его *как цель* со всеми вытекающими из этого обстоятельства приобретениями и потерями.

Поэтому происхождение феномена человека в свете психософии видится так: вначале у всего животного мира, включая проточеловека, была 4-я Логика, но в один прекрасный день, в силу неясного стечения обстоятельств (мутация, климатические перемены и т.д.), у отдельных представителей проточеловеческого рода ЛОГИКА ПОПОЛЗЛА ВВЕРХ. В этот день и родился феномен человека. Не будучи умнее своих сородичей, обладатель высокостоящей Логики просто по другому отнесся к самому процессу мышления, посчитав его самоценным, опорным, убойным, посчитал так, еще не имея на то никаких доказательств, просто в силу своего, нового для проточеловеческого мира порядка функций.

Произошел гигантский интеллектуальный взрыв, по словам одного биолога,» случилось невиданное — человек в значительной мере вышел из-под влияния естественного отбора. Незавершенным, недоделанным. И таким остался навсегда... А вышел человек из-под действия отбора потому, что главным условием успеха стала не генетически передаваемая информация, а внегенетически передаваемые знания. Выживать стали не те, кто лучше устроен, а те, кто лучше пользуется приобретенным и с каждым поколением возрастающим знанием о том, как строить, как добывать пищу, как защищаться от болезней — как жить.» Но самое главное — рядом с прагматическим мышлением встало мышление фундаментальное — мышление самоценное, существующее независимо от толчков и обстоятельств внешней среды.

Современное общество только сейчас дорастает до осознания необходимости финансирования фундаментальных исследований, т.е. удовлетворения, как говорят, своего праздного любопытства за чужой счет. Но фактически, независимо от источников финан-

сирования, фундаментальные исследования существуют ровно столько, сколько существует современный человек. Спрашивается: кем был Сократ, сидевший на шее у жены своей Ксантиппы, и в бесконечных беседах пытавшийся уяснить существо далеких от быта, философских категорий? Он был типичным представителем высокостоящей Логике: праздно любопытствующим, сторонником самоценной игры интеллектуальными мускулами, адептом теории мышления ради мышления. Но как бы ни злились вольные или невольные «спонсоры» фундаментального интеллектуализма, в конечном счете, вклады их никогда не пропадают, стратегический выигрыш всегда остается за представителем высокостоящей Логике. И если сейчас мы видим мир таким, каков он есть, со всеми его плюсами и минусами, то ответственность за это несет только он, именно он отдал человеку во власть всю землю и, возможно, предуготовил ее гибель. Однако, как бы ни сложилась дальнейшая судьба планеты, решающую роль и далее будет играть мотор последней ступени эволюционного развития — высокостоящая Логика.

Читателю уже, вероятно, грезится типичный для некоторых журнальных иллюстраций образ человека будущего: тело-былинка, на вершине которого качается лысый череп размером с тыкву. Нет, здесь можно быть спокойным. Повторяю, дело не в строении черепа и вообще не в антропологии, а в порядке функций, при котором Логика волею судеб оказывается вверху. Поэтому антропологических метаморфоз не предвидится. Не предвижу и грядущего численного засилия интеллектуалов. Их и по сию пору весьма не густо, а так как любовная программа человека ориентирована на эмоционалов, о чем много говорилось в предшествующей главе, то понадобятся как минимум тысячелетия, прежде чем Логика начнет всерьез конкурировать с Эмоцией в борьбе за продолжение рода.

* * *

Однако пришло время от глобальных проблем перейти к частным и заняться разбором способов выражения Логике в зависимости от положения ее на ступенях функциональной иерархии. Все носители этой функции подразделяются на «догматиков» (1-я Логика), «риторов» (2-я Логика), «скептиков» (3-я Логика) и «школяров» (4-я Логика).

«Догматик» (1-я Логика)

Сам титул «догматик» в данном случае имеет двойной смысл: сегодняшний, согласно которому догматиком считают человека, неспособного к перемене раз усвоенных истин, и в древнем значении этого слова, когда под догматиком понимался мыслитель, склонный к монологовой, утвердительной форме интеллектуальной деятельности, в противовес диалектику, который предпочитал диалоговую, вопросительную форму.

В принципе, оба смысла — и сегодняшний, и древнегреческий одинаково применимы к 1-й Логике. Поскольку внутренняя, психологическая постановка Логике отражается только на способе мышления, но не на качестве его, «догматик» может оказаться и великим мудрецом, и непроходимым тупицей. 1-ю Логике объединяет результативность мышления, а каковы результаты — дело сугубо индивидуальное.

Среди внешних примет 1-й Логике наиболее заметной и показательной является однозначно утвердительная форма общения. Даже когда «догматик», казалось, спрашивает, то из этого не следует, что он ждет ответа, да и сам вопрос обычно ставится так, что содержит заведомую оценку. Например, вопрос типа: «Вы слышали, что сказал этот болван?» — очевидно, не предполагает непредвзятого обмена мнениями. По этой причине общение с 1-й Логикой вообще можно считать довольно затруднительным, общение «догматика» настолько деспотично, что разговор волей-неволей сводится к монологу, он

может быть интересным, полезным, блистательным или, наоборот, нудным, бесцельным, убогим, но это все равно будет доклад, речь, а не разговор.

Монологовость 1-й Логике непреодолима даже тогда, когда она пытается говорить от чужого имени и воспроизводить принципиально чуждую себе диалоговую интонацию. Так было, например, с великим «догматиком» Платоном, тщетно имитировавшим стиль своего учителя Сократа, пока естество не взяло свое и он не свел под конец свои «Сократические диалоги» к чистым монологам, на титуле которых имя Сократа, любителя и знатока общения, было уже явной фикцией.

По счастью догматик не болтлив, обладает способностью слышать и не торопится высказываться по всякой из предложенных тем. Он позволяет себе начать монолог лишь в комфортных условиях, т.е. в связи с проблематикой, в которой считает себя компетентным. Насколько основательным оказывается такое мнение о себе — другой вопрос, главное, при обсуждении тем, в которых « догматик» плавает или вообще не обладает информацией, он предпочитает отмалчиваться.

В этом, думаю, проявляется свойственная 1-й Логике осторожность. Общаться вне утвердительной формы она не умеет, а обнаружение при кавалерийском наскоке на тему несостоятельности своей Первой — опорной и наиболее мощной функции — чревато саморазрушением личности.

Другая причина молчания 1-й Логике: отсутствие дара и вкуса к дискуссии. В спорах с «догматиком» истина не рождается, она либо утверждается, либо отменяется. Третьего не дано.

Обычно он отправляется на диспут с домашней заготовкой — дубиной абсолютной истины, которой иногда весьма эффективно глушит своего оппонента. Но домашней заготовке 1-й Логике равно присущи и сила, и слабость. Пустяшный, смещающий ракурс темы вопрос, не относящееся к делу замечание, и даже простая нелепица выводят «догматика» из равновесия и замыкают его уста. А пока он пытается собрать рассыпавшуюся после сбоя конструкцию своей домашней умозрительной схемы, наступает тягостная немая сцена, мучительная для 1-й Логике и неприятная для слушателей.

Такое случалось, например, с Демосфеном. Будучи оратором по профессии, он был «догматиком» по способу мышления. Поэтому никогда, даже в крайних случаях, не выступал с экспромтами, но всегда сначала дома писал и заучивал речь, и только потом выходил с ней на трибуну. Все бы ничего, но буйный афинский люд нередко выкриками прерывал оратора, и здесь на Демосфена находил такой столбняк, что он терял дар речи и немолча сходил с трибуны, на которую тут же взбирался соратник по партии Демад, способный более гибко реагировать на вызов толпы.

«Догматик» вообще тугодум — стайер, а не спринтер интеллекта. Он, как говорят русские, крепок задним умом (англичане называют это юмором на лестнице), поэтому не обладает вкусом к дискуссии и без крайней нужды в нее не вступает. Дарвин признавался: «Я не наделен способностью схватывать на лету или острой уму, так поражающими нас в одаренных людях, например в Гексли. Соответственно я неважный критик.»

Третья причина молчания 1-й Логике: неприязнь к праздно болтовне, гипотезам и вообще частному мнению. «Догматик» взыскует абсолютной истины, а не мнения. Только абсолютная истина может быть положена кирпичом в ту интеллектуальную опору, что строит для себя 1-я Логика. Отсюда откровенное отчуждение и даже неприязнь, которые испытывает «догматик» к болтовне, гипотезам и мнениям. Один из близко знавших Эйнштейна ученых писал: «**Приблизиться к абсолютной истине было для него всего важнее;** в этом стремлении он не знал деликатности и не щадил самолюбия оппонентов.»

Не скажу, что сам «догматик» не бывает автором гипотез. Бывает и очень часто нелепых гипотез. Другое дело, что обычно, их за таковые не считает, не считает до такой степени, что не склонен опытом проверять верность их жизни. Происходит это не по не-

брежности, упаси Бог, но потому, что для 1-й Логика мысль первична и самодостаточна, она объективна и не нуждается в каких-либо костылях.

Идти от концепции к факту, а не наоборот — обычный для 1-й Логика образ действия. Естественным выглядит при таком образе мысли и то, что для «догматика» нет тягостней зрелища, чем вид сраженной фактом теории. Однажды, беседуя с Гексли о природе трагического, кто-то упомянул Спенсера. «Ха!»- вскричал Гексли, «...трагедия в спенсеровском представлении — это дедукция, умерщвленная фактом».

«Догматик» в своем доверии к мысли (точнее, не к мысли, а к Первой функции — функции наивысшей достоверности), случается, заходит так далеко, что окружающие начинают классифицировать эту увлеченность умозрением как безумие. Одержимость идеей, уверенность в ее сверхценности, опорность на логику в ущерб факту и опыту имеет в психиатрии свое специальное название — «паранойя». И бывает, такой диагноз ставится 1-й Логике. Однако, как и в случае с маниакально-депрессивным психозом у 1-й Эмоции, паранойя не является психическим заболеванием в собственном смысле этого слова, она — просто крайнее выражение 1-й Логика, от природы излишне доверчивой к умозрительным схемам. И если классифицировать паранойю как болезнь, то болезнь эта не психическая, а психотипическая, т.е. обусловленная психическим типом индивидуума.

Впрочем, клинического звания — «параноик» 1-я Логика удостоивается достаточно редко, чаще речь идет о пограничном состоянии, характеризуемом обычно эпитетами типа: «ментор», «доктринер», «ученый осел». Действительно, как ни прискорбно это признать, именно 1-я Логика, своей сверхмощью дающая человеку опору и защиту, в то же время лишает его мозг гибкости, способности к росту, порождает стада ученых ослов.

Очень напоминает сумасшествие и та реакция, какой реагирует 1-я Логика на всякую очевидную глупость, бессмыслицу, алогизм, белиберду, другими Логиками воспринимаемые обычно достаточно снисходительно. Заведомая бессмыслица, то есть, прямое издевательство над лучшей, важнейшей стороной психики «догматика» практически сразу же выбивает его из колеи, доводя до бешенства, до истерики. Паустовский описал в мемуарах одного своего гимназического учителя, патологически невыносившего белиберды. Юные балбесы-гимназисты скоро распознали эту его слабость и, гаркнув какую-нибудь заведомую глупость еще в начале урока, просто вырубали учителя, сразу доведя до истерического припадка и невменяемости.

* * *

Мышление 1-й Логика, может быть, не самое лучшее в мире, но, точно, самое ЧЕ-СТНОЕ. Происходит это потому, что над Логикой здесь ничего не стоит, и никакая другая функция не выкручивает в угоду себе мышлению руки, не давит сверху, диктует направление и образ мысли. У «догматика» стоящие ниже функции могут лишь просить, а не требовать у Логика нечто для себя, нечто работающее на корыстолюбие по Физике, на чувствительность по Эмоции, на тщеславие по Воле — и только. Поэтому 1-ая Логика, как никакая, честна и чиста в своем умозрении, и на строгость ее интеллектуальных построений вполне можно положиться.

Способность погружаться в мысль до полного отключения от внешнего мира замечается у «догматика» уже в детстве. Крайняя и, что еще важнее, одинокая задумчивость характеризует такого ребенка. Он часами может пребывать в одиночестве, занятый своими мыслями, не реагирующий на происходящее вокруг. Иногда мысль захватывает его в самый неподходящий момент, например, за едой и захватывает так сильно, что взгляд ребенка-«догматика» каменеет, и ложка надолго повисает в воздухе, не донесенная до рта.

Склонность к сомнамбулическому погружению в мысль у 1-й Логика хорошо иллюстрируется эпизодами из жизни Эйнштейна. Рассказывают, что однажды видели Эйн-

штейна, катящего по улице коляску с ребенком; внезапно он остановился в самом неподходящем, с точки зрения правил уличного движения, месте и, достав из кармана бумагу и карандаш, принялся делать торопливые заметки. Только покончив с записью, Эйнштейн продолжил движение. Или другой случай. Желая отпраздновать попышнее день рождение ученого, друзья пригласили Эйнштейна в ресторан и, кроме всего прочего, заказали редкое лакомство — русскую икру. Когда икра была принесена, Эйнштейн как раз «говорил о ньютоновском законе инерции и о возможном его физическом объяснении. Он отправил себе в рот икру и продолжал комментировать закон инерции. Когда икра была съедена и оратор остановился, чтобы поставить невидимую точку, собеседники спросили его, знает ли он, что он съел. «Нет, а что?» — «Это была икра!» — «Как, неужели это была икра?» — воскликнул Эйнштейн с грустью...»

Известным своеобразием отличается и память 1-й Логики. Она хорошо держит идеи, теории, концепции, но довольно слаба по части фактов, имен, дат, цифр. Когда Эйнштейну задали простенький вопрос о скорости звука, он ответил: «Я не знаю этого наизусть. К чему загружать свою память тем, что можно найти в любом справочнике.» Объяснение Эйнштейна справедливо лишь наполовину, корень такого рода забывчивости в результативности мышления «догматика». Его не интересует разрозненный внесистемный фактический материал, потому что на нем нельзя построить ту законченную интеллектуальную конструкцию, на которую старается опереться 1-я Логика. По мнению «догматика», факты — песок, строительный материал сам по себе негодный, ценным его делает лишь заметная добавка цемента мысли, способного превратить песчинки фактов в тот бетон, из которого только и возможно формировать подлинную и незыблемую опору личности.

По той же причине «догматик» обычно не любопытен и часто даже мало начитан. Вообще, если круг его профессиональных интересов далек от интеллектуальной сферы, багажом своим «догматик» из толпы почти не выделяется, да и не стремится к этому. Его конек — системный анализ, а не хранение информации. Нильса Бора, например, никто из коллег не считал сколько-нибудь серьезно эрудированным человеком, но его гигантского таланта структурировать разрозненные, на первый взгляд, случайно попавшие в поле зрения факты, не отрицал никто. Сам Бор говорил: «Знаете ли, я ведь пилотант. Когда другие начинают непомерно усложнять аппарат теории, я перестаю понимать что бы то ни было... С грехом пополам я умею разве что думать.»

«Догматик»- философ, философ даже тогда, когда род его занятий формально далек от философии. Например, Эйнштейна и Бора принято считать физиками, но на самом деле они были натурфилософами и стояли гораздо ближе к Демокриту, чем к Резерфорду. Объяснить философские склонности «догматика» можно тем, что мышление 1-й Логики изначала стратегично и тяготеет к созданию замкнутых универсальных систем. Связать мыслью все сущее в мире — недостижимая, но постоянно воздвигаемая «догматиком» перед собой цель. Как писал другой знаменитый физик Хевеши: «Мыслящий ум не чувствует себя счастливым, пока ему не удаётся связать воедино разрозненные факты, им наблюдаемые. Эта «интеллектуальная несчастлиность» более всего побуждает нас думать — делать науку.»

* * *

Самомнение «догматика» по части способностей своего ума простирается куда как далеко. Однажды Джордж Элиот спросила у Спенсера, почему у него при такой усиленной работе совсем не видно морщин на лбу. «Это, наверно, оттого, что я никогда не бываю озадачен,» — ответил знаменитый ученый. «Догматик» самоуверен до того, что, пожалуй, только его оставляет равнодушным всеобщее увлечение кроссвордами, логическими тестами и тому подобными средствами интеллектуального самоконтроля. А на

прасно. Эта самоуверенность подчас служит 1-й Логике недобрую службу, потому что когда в зависимости от результатов тестирования оказывается судьба человека (прием на работу, в учебное заведение и т.д.), 1-я Логика далеко не всегда набирает высокие баллы. И дело не только в неразворотливости и туговатости мышления «догматика». Само предположение, что сила ума, данная ему природой не просто в достатке, но даже с избытком, может быть оспорена, кажется «догматику» настолько смехотворной, что напрягать свои полушария он порой считает просто излишним. Отсюда и часто более чем скромные результаты интеллектуального тестирования 1-й Логики.

* * *

О стиле. В своем стремлении к лаконизму 1-я Логика очень напоминает 1-ю Эмоцию. Как и «романтик», «догматик» краток в самовыражении и на суд людской стремится представить лишь результат своих одиноких размышлений — «изюм» мышления, с исключением всего, что ему предшествовало, т.е. процесса рационального поиска. Например, Эйнштейн изложил свою знаменитую теорию относительности на трех страницах, а на диссертацию потратил восемнадцать страниц, даже не снабдив ее списком литературы.

Лапидарность самовыражения 1-й Логики редко бывает ей на пользу и почти всегда во вред. Иногда с ней прямо можно связать некоторые невосполнимые, трагические потери. Скажем, Гераклита — величайшего и глубочайшего философа древности уже при жизни прозвали «Темным», и до наших дней из всего его философского наследия дошло лишь несколько блистательных цитат. Такова бывает горькая плата 1-й Логики за высокую концентрацию ее подчеркнuto результативного стиля.

Очень узнаваем почерк «догматика». Он некрасив, трудно читаем и по своим принципам приближается к стенографии (думаю, у изобретателя стенографии была 1-я Логика). Главные формальные признаки «догматического» почерка таковы: из всех вариантов написания букв выбирается наиболее простой и быстрый, также и связки между букв коротки, прямы и максимально приспособлены к скорописи. Одним словом, почерк 1-й Логики предельно рационален и пренебрегает ясностью и эстетикой ради скорости и простоты.

«Ритор» (2-я Логика)

Сказать, что «ритор» большой любитель поговорить, значит не сказать ничего. Общение — воздух и хлеб 2-й Логики. О размерах этой потребности можно судить хотя бы на примере Фиделя Кастро, для которого ничего не стоит дать 15-тичасовое интервью. Однако, видимо, и это не предел — сам Кастро признавался, что встречал людей, еще более говорливых, чем он.

Причем, эта болтливость «ритора» существует как бы сама по себе, как страсть, как болезнь, вне личных и общественных интересов. А иногда и вопреки им.

Забросив дела обширной империи, целыми днями бродил по школам грамматиков император Тиберий, задавая дикие, с точки зрения его общественного положения, вопросы: «Кто была мать Гекубы? Как звали Ахилла среди девушек? Какие песни пели сирены?» Не лучше Тиберия тратил порой драгоценное государственное время Сталин. Он любил, например, вызвав на ковер какую-нибудь литературную плотву, часами предаваться критике романа парализованной от страха плотвы, сравнению одних великих писателей с другими, сличению разных манер писательского письма и т.д.

Данные курьезы можно было бы посчитать простой блажью пресыщенных тиранов, если не учитывать того, что и у Тиберия, и у Сталина была 2-я Логика. Это обстоятельство

во ставит все на свои места. Будучи носителями психотипа, у которого Логика является Второй функцией, т. е. функцией не просто мощной, но еще являющейся процессионной, оба тирана, вопреки собственным и государственным интересам, просто не могли пойти наперекор своей натуре и бросали в ненасытную утробу процессионности 2-й Логики все, что попадает под руку, вплоть до околотературного трепана.

Воздадим должное, «ритор» был бы совершенно невыносим, если бы его словохотливость зачастую не достигала высот подлинного искусства общения. Секрет этого искусства — в способности и желании не просто высказаться, но, прежде всего, вовлечь собеседника в разговор, сделать интеллектуальное пиршество совместным.

Приемы же, благодаря которым достигается такое вовлечение в разговор, просты и безотказны. Во-первых, в отличие от «догматика», «ритор» никогда не начинает общение с утверждения, но всегда с вопроса. Начинает с вопроса даже тогда, когда предмет известен ему досконально. Один обладатель мощнейшей, выключаемой разве что на ночь 2-й Логики, как-то объяснял мне: «Если я тебя спрашиваю, то это еще не значит, что я не знаю ответа. Просто мне так удобней разговаривать».

Второй способ: прикинуться дурачком и начать общение с фразы, подобной знаменитой сократовской: «Я знаю только то, что я ничего не знаю». Трудно представить, кто отказался бы проглотить такую наживку — возможность поучить дурака. А дальнейшее уже дело техники: слово за слово, разговор покатился, глядишь — за интересной беседой и день прошел.

Из сказанного не следует, что только прямой, открытый, равноправный диалог обуславливает полноту реализации 2-й Логики. Ей достаточно отзвука. Особенно в ситуации, когда силой обстоятельств она вынуждается к монологу. Взять, скажем, выступление с трибуны. В этом случае кажется, что оратор обречен на монолог, и, значит, 2-я Логика заведомо поставлена в неудобное для нее положение. Однако это только видимость. Общение все равно происходит, контакт есть, только не на языковом, а на энергетическом уровне. Вот как описывает митинговый вариант действия 2-й Логики Фиделя Кастро писатель Гарсиа Маркес: «В первые минуты его голос еле слышен и прерывист. Такое впечатление, будто оратор движется вслепую в тумане, используя каждую вспышку света, чтобы пядь за пядью ощупать местность, оступает, но встает и... полностью овладевает аудиторией. С этого момента между ним и публикой **возникает электрическая цепь, которая возбуждает обе стороны, превращая их в своего рода диалектических собеседников, и в этом невыносимом напряжении его упоение.**»

* * *

Еще одно замечательное и драгоценное качество, свойственное всем «риторам» без исключения — это здоровый цинизм. 2-я Логика не верит ни в Бога, ни в черта, ни в партийные программы, ни в научные доктрины — ни во что. Все аксиоматичное, догматичное, попав в жернова полушарий «риторского» мозга, быстро теряет свою абсолютность и делается простым объектом интеллектуальных манипуляций. Для «ритора» нет ни запретов, ни рамок, ни правил, удерживающих свободную игру мысли. Все подвергается суду 2-й Логики, но этот суд милостив и редко выносит окончательный приговор (разве что явной глупости). Приговор — это результат, конец процесса, которым так дорожит 2-я Логика. Поэтому цинизм ее высказываний лишен агрессивных, категоричных ноток, это цинизм беспартийного, свободомыслящего человека.

Мало дорожит «ритор» и своими собственными утверждениями, которые и утверждениями для него не являются, но лишь гипотезами, удобными на данный момент. Опровергать сегодня сказанное вчера — нормальное состояние «ритора». За примером далеко ходить не надо — Ленин. За свою жизнь он так много наговорил противоположного, что ленинцы до сих пор не могут решить, какие из его высказываний следует считать

директивными. Великий полемист, Ленин каждый раз умудрялся делать чрезвычайно убедительной мысль, прямо противоречащую той, которую он еще недавно с не меньшим блеском отстаивал. Вообще способность 2-й Логике с легкостью змеи сбрасывать обветшавшую интеллектуальную шкуру — огромный дар, делающий из «ритора» непобедимо-го полемиста, Протея мысли, многоликого и неуловимого.

Нельзя не восхититься широтой интересов 2-й Логике. Ее интересует едва ли не все, что происходит в мире, от глобальных проблем до самых мелких. Подстать интересам и память «ритора», объемистая, хорошо держащая и универсальные концепции, и незначительные факты, подобно чулану скупца, хранящая все, что попадется на пути. И в такой всеядности памяти 2-й Логике есть свой резон. Один Бог ведает, с чего может начаться дорогой сердцу «ритора» разговор, что послужит отправной точкой: мелочь или сверхидея. Главное участвовать, а для полноценного участия необходима объемистая, лишенная спеси память.

Впрочем, в отличие от «догматика», 2-ю Логике нисколько не смущает и полное отсутствие информации, когда она бесстрашно встречается в разговор. Правда, встречается без риска быть наказанной, так как защищена гибкостью и свободой ума, которые дороги независимо от степени информированности собеседников, а равно непременно вопросительной формой вхождения в разговор.

Не знает себе равных 2-я Логика и в качестве комментатора, истолкователя чужих идей. Иллюстрацией данного положения может послужить характеристика молодого, в то время увлеченного гегелевской диалектикой, Михаила Бакунина: «Бакунин обладал великолепной способностью развивать самые абстрактные понятия с ясностью, делавшей их доступными каждому, причем они нисколько не теряли в своей идеалистической глубине... Бакунин мог говорить целыми часами, спорить без устали с вечера до утра, не теряя ни диалектической нити разговора, ни страстной силы убеждения. И он был всегда готов разъяснять, объяснять, повторять без малейшего догматизма.»

Как ни любит «ритор» совместные интеллектуальные пиршества, одновременно он безукоризненно владеет искусством отбрызнуть, заткнуть рот оппоненту. Приведу примеры из жизни уже известным нам тиранов. Про Сталина рассказывали, что, когда Ордженикидзе, узнав об обыске, учиненном на его квартире НКВД, позвонил своему деспоту и высказал возмущение, то услышал в ответ: мол, НКВД — это такая организация, что может и у Сталина сделать обыск. Немая сцена. Однажды к императору Тиберию прибыла делегация троянцев и с большим опозданием выразила ему соболезнование в связи со смертью сына. Реакция Тиберия была мгновенной, он в ответ выразил им соболезнование по случаю гибели лучшего из троянцев — Гектора. Немая сцена.

Независимо от быстроты и точности острот 2-й Логике необходимо отметить в целом как характернейшую черту — большую скорость процессов, идущих в ее мозгу. Мгновенно из тайников памяти извлекается нужная информация, мгновенно и с полуслова усваивается, стремительно просчитываются варианты и рождаются гипотезы. Складывается впечатление, что по нейронам «ритора» импульсы бежит быстрее, чем у остальных людей. Наблюдая вблизи работу 2-й Логике, невольно чувствуешь себя арифмометром, стоящим рядом с компьютером.

Единственный, пожалуй, недостаток 2-й Логике, являющийся продолжением ее достоинств, заключается в том, что мышление «ритора» скорее тяготеет к тактике, чем к стратегии. 2-я логика и не стремится к чему-то долгосрочному, масштабному, законченному, ее больше интересует сиюминутная, близкая по целям интеллектуальная игра. Очень хорошо эту особенность 2-й Логике на примере Ленина описал эсер Виктор Чернов: «Прежде всего, он мастер фехтования, а фехтовальщику нужно совсем немного способности к предвидению и совсем не нужны сложные идеи. Фактически ему не нужно слишком думать: следует сосредоточиться на каждом движении противника и управлять

собственной реакцией со скоростью врожденного инстинкта для того, чтобы без малейшего промедления отвечать на каждое движение врага.

Интеллект Ленина был острым, но не широким, находчивым, но не творческим. Мастер оценки любой политической ситуации, он мгновенно осваивался в ней, быстро оценивал все ее новые повороты и проявлял недюжинную политическую сообразительность. Это совершенное и быстро срабатывающее политическое чутье резко контрастирует с абсолютно необоснованным и фантастическим характером всех исторических прогнозов, которые он делал на сколько-нибудь продолжительный срок, — любой программой, охватывающей нечто большее, чем сегодня и завтра.»

Будучи тактиком, а не стратегом мысли «ритор» и не стремится к обретению конечной истины, после чего, естественно, нужна в его быстром, подвижном уме должна просто отпасть. В этом смысле характерно одно признание Лессинга. Он писал: «Ценность человека определяется не обладанием истиной, подлинной или мнимой, но честным трудом, употребленным на то, чтобы достичь истины... Если бы Бог, заключив в свою правую руку истину, а в левую — вечное стремление к истине, но с тем, что я буду без конца заблуждаться, сказал мне: «Выбирай!» Я бы смиренно приник к Его левой руке, говоря: «Отче, дай! Чистая истина — она ведь для Тебя одного».

* * *

«Ритор» не большой охотник до письменного изложения своих взглядов. И это понятно. Его страсть — живое общение, а не сражение с мертвым листом бумаги. Записывать за собой он предоставляет другим, как это делал Сократ, согласившись на запись Платона. Но что еще более отвращает 2-ю Логика от кабинетной работы — это невозможность ограничить себя какими-то рамками, найти начало и конец мысли. Мышление для «ритора» — прежде всего процесс, движение, поток, и попытка вырвать из него что-либо не более плодотворна, чем попытка вырезать кусок реки. Поэтому, если он и садится за стол, то делает это с большой неохотой, по какому-либо конкретному поводу, и рукопись его выглядит чем-то без начала и конца, фрагментом безбрежного, нескончаемого окупа.

Единственно, когда 2-я Логика охотно обращается к бумаге — это во время вынужденного одиночества. Именно будучи обреченной на молчание, она обращается к такому суррогату, как бумага, и обычно заводит дневник. Но сильно заблуждается тот, кто думает, что это дневник в обычном смысле этого слова, как тайный поверенный сокровенных дум. Ничего подобного. Это судовой журнал мысли, прямо предназначенный для постороннего чтения. Один мой знакомый после длительных отлучек не просто давал, а при- нуждал читать жену свой дневник-журнал.

Еще одна заметная и забавная черта характера 2-й Логика — страсть делать пометки в книгах, особенно библиотечных. Читая с карандашом, она обильно уснащает страницы чертами, восклицательными и вопросительными знаками, «pb» и т.д. Обычно феномен страсти к чирканью в книгах объясняется двояко: либо бескультурьем, либо желанием прочнее запечатлеть в памяти наиболее важные места. Но в действительности истоки этой страсти иные. Пометки в книгах — типичная для 2-й Логика форма общения, послание всем грядущим безымянным обладателям книги, попытка заочного обмена мнениями.

«Скептик» (3-я Логика)

В очередной раз выскажу ересь, но все-таки скажу: скептицизм не философия во все, а психология. Звание «скептика» заслуживает любой обладатель 3-й Логики, независимо от уровня образования и степени философской подготовки. Было бы желание отрицать действенность и необходимость рационального начала в человеке — этого вполне достаточно, чтобы оказаться в стане скептиков.

Однако 3-я Логика не была бы Третьей функцией, если бы внутренне не раздваивалась и, наряду с яростным отрицанием разума, втайне ему не поклонялась. Поэт Александр Блок в письмах почти кликушествовал: «Я знаю любовь, знаю, что «ума» не будет, я не хочу его, бросаю его, забрасываю грязью, топчу ногами,» — но в одной из анкет признавался: «Мое любимое качество — ум».

Типичное для Третьей функции любовь-ненависть у 3-й Логики оригинальна лишь тем, что обращена на умственную деятельность человека.

* * *

Обычный, бытовой «скептик» — это молчаливый, очень осторожный в посылках и выводах человек, с неприязнью и иронией относящийся к разного рода категоричным суждениям. Причем, молчание как некая форма существования у него превалирует. Одна обладательница 3-й Логики, будучи замужем за человеком с 4-й Логикой, как-то жаловалась мне: «Я ведь знаю, что умнее его, но хочу открыть рот и не могу. Что-то мешает». Действительно, «скептик» почти всегда обречен на молчание, хотя оно в тягость ему более, чем кому-либо. Однако стоит «скептику» иной раз открыть рот, как тут же со стороны доносится: « Помолчи, за умного сойдешь,» — и он немеет, ловя ртом воздух.

Единственное средство для 3-й Логики обезопасить себя от подобных травм — это вообще выключить логику из сферы непосредственных контактов. Чего в глубине души очень не хочется и в условиях современного общества невозможно. Поэтому «скептику» остается лишь ограничиться минимальной самозащитой: бегством от наиболее острых вопросов, дискуссий, диспутов, — а главное, предотвращением попыток использования логики в конфликтных ситуациях. Фразы типа: « Обсуждать не будем!» «Хватит болтать!» — с которых обычно начинается конфликт 3-я Логика, преследует именно эту цель. Такие требования редко бывают услышаны сварливыми оппонентами «скептика», но не пытаться обезопасить себя от ударов по больному месту он не может и потому на протяжении всего конфликта пытается перевести борьбу на другие функциональные уровни, или, на худой конец, притвориться глухим.

Испытывая почти панический страх перед острым, азартным спором, «скептик» в то же время, как никто, ценит неспешную, благожелательную, вольную беседу, в которой нет победителей и побежденных, а значит, нет и деления на умных и дураков (попасть в последние 3-я Логика боится более всего). Ценит она, даже прямо сказать, пустую болтовню, в которой процесс гораздо дороже результата.

Здесь-то обнаруживается, что мнимый молчалник на самом деле чудовищно многословен, что нет для него большей радости, чем тихо, почти шепотом, журчать и журчать, перебирая, подобно бусинкам четок, тему за темой.

Особенно удаются 3-й Логике две темы. Первая — классическая скептическая: о несостоятельности разума (сочинение Секста Эмпирика «Против логиков» можно считать эталонным в данной области). Может быть, и, не соревнуясь с Секстом Эмпириком, каждый «скептик» вносит в это направление свой вклад, очень изобретательно, а главное, логично доказывая бесполезность логики. Хотя еще древние оппоненты первых скептиков указывали, что бороться рассуждением против рассуждений — не очень-то корректно. Но в том и состоит двуликая изворотливость 3-й Логике: так отрицать ум, чтобы каждый мог сказать: «До чего же он умен!»

Еще одна тема или, лучше сказать сфера, в которой легко дышится 3-й Логике — это граница между знанием и незнанием, та зыбкая полоса, где нет еще догматов, все только факты и фактики, гипотезы и мнения. Именно здесь в полную силу разворачивается талант 3-й Логике, великой мастерицы изощряться в многовариантности, строить изысканные парадоксы, плести умозрительные кружева, доводить всякое положение до абсурда. Предполагаю, что вопрос: « Сколько ангелов может усесться на конец иглы? » — выдумала именно 3-я Логика.

Сложность мысли вообще внутренне ближе 3-й Логике, чем простота. Это обстоятельство интересно тем, что в философии есть принцип, называемый « бритвой Оккама », согласно которому, из двух вариантов решения проблемы: сложного и простого — необходимо отсечь сложный вариант, как наиболее непродуктивный и громоздкий. Так вот, обычное противопоставление Первой и Третьей функции находит свое воплощение и здесь. 1-я Логика, безусловно, принимает « бритву Оккама », 3-я Логика совершенно ее не приемлет и предпочитает сложное решение простому.

Гораздо больше осторожности, чем при анализе гипотез и мнений, проявляет 3-я Логика при анализе догм. В отличие от 2-й логики, достаточно бесстрашной, чтобы пробовать на зуб даже общепотребительные, расхожие истины, 3-я Логика не чувствует себя столь же сильной для открытого бунта против них, бунт ее скрыт, он — тягостное, мучительное, постепенное, по выражению великого « скептика » Канта, отрясение с себя « догматического сна ».

* * *

Характеризуя 3-ю Логике Черчилля, Ллойд Джордж писал: « Ум Черчилля представлял собой мощный механизм. Но в строении этого механизма, а, может быть, в материалах, из которых он был составлен, был какой-то непонятный недостаток, который мешал ему всегда действовать исправно. В чем было здесь дело, критики сказать не могли. Когда механизм работал неисправно, сама сила его приводила к катастрофе не только для него самого, но и для тех людей, с которыми он работал. Вот почему последние чувствовали себя нервно в совместной работе с ним.

По их мнению, в металле, из которого он был отлит, скрывался какой-то роковой изъян. Эту слабость выдвигали критики Черчилля в обоснование своего отказа от использования его больших способностей в данный момент. Они видели в нем не положительную величину, которую необходимо использовать в час опасности, а дополнительную опасность, которой следует остерегаться ».

К сожалению, Ллойд Джордж лишь указывает на наличие в логике Черчилля какого-то изъяна, но, видимо, не в состоянии сформулировать, в чем этот изъян состоит. Мои попытки расспросить на этот счет обладателей 3-й Логике также были не слишком плодотворны. Ответы были кратки, и из них следовало, что особую сложность для них представляет формирование приоритетов, системность мышления (« мысли расползаются, как раки »). *Мышление 3-й Логике — некий лабиринт, в котором все пути одинаково приемлемы, а выхода нет.*

Особая тема: отношение между собственно мышлением и речью. Ключом здесь может послужить фраза одного обладателя 3-й Логике: « Я не могу думать и говорить одновременно ». Изумительное по точности признание. 1-я Логика сначала думает, потом говорит, 2-я Логика в состоянии делать это одновременно. К тому же, к одномоментности мышления и речи стремится и 3-я Логика, но практика показывает, что для нее такая ситуация — идеал, а не реальность. Между интеллектуальным продуктом и его реализацией постоянно образуются зазоры, которые приходится заполнять всяким мусором, чтобы скрыть дефект. Поэтому одной из характерных примет 3-й Логике является изобилие в речи всякого рода сорных слов, междометий, мычаний и подобных им попыток выиграть

время на обдумывание, при соблюдении видимости непрерывности речевого потока. Ставшее пародийным «Понимаешь!» Бориса Ельцина — чрезвычайно яркий пример такого рода уверток.

Подозреваю, что для значительной части обладателей 3-й Логики проблема заключается не столько в бессистемности мышления и связанных с ней сомнениях по части умственных способностей, сколько в скованности и неразвитости речевого аппарата. Поэтому в развитии речи, начиная с младенчества, вижу главное решение проблемы «скептицизма». Иначе последствия могут быть самыми печальными. Например, Александр Блок едва не умер с голоду во время гражданской войны, потому что паек давался писателям за лекции, а к лекционной работе, в силу врожденного «скептицизма», он оказывался не способен. Блок говорил своим коллегам: «Завидую вам всем: **вы умеете говорить**, читаете где-то там. **А я не умею. Я могу только по написанному.**»

Представление о чувствах, переживаемых 3-й Логикой, когда она оказывается на кафедре, дают отрывки из одного письма к психиатру: «Я преподаю в техническом вузе... Уже шестой месяц читаю курс лекций по своей специальности... «Читаю» — сказано неверно. Не читаю, а мучаюсь и мучаю слушателей... Выхожу к слушателям, как статуя командора. Все прекрасно и удивительно: язык не ворочается, в позвоночнике кол, на плечах тяжесть египетской пирамиды, а в мозгах — что там в мозгах, уже черт поймет. Дымовая завеса. Забываю половину материала, никакие конспекты не помогают.»

Еще одним источником интеллектуальных сбоев у «скептика» является сам порядок функций, поставивший Логикой вниз. Особенно затруднительна корректность мышления для 3-й Логики, потому что стоящие выше сильные функции просто ломают ее аппарат под себя. Мощное, необоримое «Я хочу!» 1-й Воли с легкостью превращает в клоуна «Я думаю!» 3-й Логики, и с этим ничего нельзя поделать.

Лермонтов писал: « Я люблю сомневаться во всем: это расположение не мешает решительности моего характера». О том же, к чему приводит сочетание «скептицизма» с решительностью характера можно судить на примерах двух таких известных «скептиков» как Наполеон и Гитлер. Они издевались над здравым смыслом не потому, что мало и плохо думали, а потому, что по 1-й Воле слишком верили в себя и в свое право владеть миром, чтобы прислушиваться к разумному лепету 3-й Логики. Их Воля, стоящая много выше Логики, просто исключала из круга обмозговываемых тем и фактов такие, какие находила для себя шекотливыми, и тем заведомо оглуляла делаемую крепким от природы умом работу. По сути, насилие, творимое над 3-й Логикой вышестоящей Волей, является тем, что принято называть «женской логикой», т.е. по определению одного остряка, является «неосознанным убеждением, что объективность может быть преодолена одним желанием.» Действенность и безошибочность умственной работы зависим не только и столько от способности долго и связано мыслить, но и от того, насколько **честно** мы думаем. Непорядочность глупа, глупость непорядочна — вот на что следует обратить внимание при всякой моральной и интеллектуальной оценке.

* * *

Если «скептик» обращается к политике, то его первым делом характеризуют стабильно натянутые отношения с прессой. В демократических системах политик-«скептик» обычно спасается от прессы бегством, как это делал президент Рейган. При тоталитарных режимах властитель-«скептик» спасается от нее репрессиями. Пример — Наполеон, закрывший в один день 160 французских газет, наложивший тяжелую лапу цензуры на оставшиеся, и утверждавший, что иная газета стоит тысячи штыков. В этом высказывании великого полководца, как в капле воды, отразились то уважение и тот страх, которые постоянно испытывает 3-я Логика перед трудно дающимся ей словом.

Несколько наблюдений над не слишком значительными, но характерными чертами 3-й Логики.

Первое. Она — главный потребитель кроссвордов, логических задач и тестов. Вся эта интеллектуальная продукция — идеальный полигон, на котором 3-я Логика может без помех и риска серьезных травм проверить себя, выяснить, насколько объективно внутреннее ощущение своей умственной неполноценности. Хотя, на мой взгляд, кроссворды и тесты не способны дать подлинной картины состояния логического аппарата. Однако как психотерапевтическое средство они совершенно необходимы, вдохновляя и утешая большую армию «скептиков».

Второе. 3-я Логика, даже не будучи эмоциональной (т.е. с 4-ой Эмоцией), все-таки склонна к мистицизму. Механизм такой склонности достаточно прозрачен. Врожденный скептицизм, обуславливающий неприязнь к рациональному началу, в поисках чего-либо альтернативного и позитивного автоматически заталкивает 3-ей Логику в стан мистицизма. Правда, обычно «скептический» мистицизм при 4-ой Эмоции не бывает глубок и ограничивается склонностью к суевериям, в чем открыто признавались такие известные «скептики», как Рейган и Ельцын.

Третье. Если 3-я Логика работает в художественной сфере, то ей ближе других по духу такие течения, как экспрессионизм, дадаизм, сюрреализм и т.п. Секрет данной симпатии так же прост, «скептику» не могут не быть близки художественные направления, выпячивающие в себе иррациональные начала, эстетические концепции, противопоставляющие в творчестве бессознательное сознательному, ставящие второе много ниже первого.

«Школяр» (4-я Логика)

Боюсь, что у читателя заранее, вольно или невольно сложилось впечатление о 4-й Логике, как о функции заведомо умственно беспомощной и отсталой. Поэтому еще раз подчеркну — это совсем не так. Суть проблематики 4-й Логики заключается не в низком качестве ее функционирования, а в том, что индивидуум отводит Логике в своей внутренней иерархии ценностей последнее место. Вчитаемся в такие строки:

«Не трудно было мне отвыкнуть от пиров,

Где праздный ум блеснит, тогда как сердце дремлет».

Кто автор этих строк, где недвусмысленно высказано предпочтение Эмоции («сердцу») перед Логикой («умом»)? Автор — большая умница, непревзойденный, по свидетельствам современников, полемист — Александр Сергеевич Пушкин, у которого, действительно, 1-я Эмоция сочеталась с 4-й Логикой, что со всей ясностью и отразилось в приведенных строках.

На примере Пушкина легко увидеть одну из специфических черт 4-й Логики: сочетание качественной работы логического аппарата с полным безумием. Пушкин — блестящий полемист, проигрывал в карты всем, кто умел держать их в руках. Здесь нет ничего парадоксального. Полемический дар его открывался в безмятежной обстановке дружеского кружка. Тогда как крупная карточная игра сама по себе вела к дискомфорту, напряжению ситуации, при которых, по законам Четвертых функций, 4-й Логика Пушкина отключалась, и вся внутренняя энергетика сосредотачивалась в Эмоции — функции, стоящей первой в его внутренней иерархии. А результат игры в карты, опирающейся на эмоции, думаю, легко предсказать заранее. И так, в зависимости от ситуации, живет любой «школяр» умница и глупец в одном лице.

Не отказывали в уме и русскому царю Николаю II люди, хорошо его знавшие. Но... Победоносцев считал его не терпящим «общих вопросов», способным оценить «значение факта лишь изолированного, без отношения к остальному, без связи с совокупностью других фактов, событий, течений, явлений». Сам царь говорил, «что он тяжело мучается, выбирая из всего слышанного нужное», «что ему тяжело приходится напрягать ум», и «он думает, что это усилие ума, если бы могло проходить в лошадь (когда он на ней сидит), то очень встревожило бы ее». Все так и есть. 4-й Логике трудно дается **самостоятельная** умственная работа, вообще включение интеллекта без непосредственной и очевидной в том потребности. Мозг «школяра» прагматичен, вперед и ширь смотреть не любит и быстро плесневеет без толчков извне.

А так, по внешнему виду 4-й Логика почти не отличается от 2-й. Она также интеллектуально беспартийна; легко усваивает, принимает, воспроизводит, развивает любые взгляды: догматические, диалектические, скептические... 4-я Логика также свободна и бесстрашна в своих послылках и выводах, как и 2-я. И отдадим должное, всеядность, сочетаемая с бесстрашием, — основной и очень весомый козырь в руках «школяра».

Быстро отличить 4-ю Логiku от 2-й позволяют две вещи. Во-первых, идеология «школяра» совершенно оторвана от его жизни, и он никак не склонен следовать тому, что сам постулирует. Об одном из таких обладателей 4-ой Логики Толстой писал: «Свияжский был один из тех, всегда удивительных для Левина людей, рассуждение которых, очень последовательное, хотя и никогда не самостоятельное, идет само по себе, а жизнь, чрезвычайно определенная и твердая в своем направлении, идет сама по себе, совершенно независимо, почти всегда вразрез рассуждениям».

Вторая примета 4-й Логики — врожденный скепсис. Однако не станем путать его с активным скепсисом 3-й Логики. «Школярский» скепсис беззуб, замечание Пастернака, что мол, заниматься всю жизнь интеллектуальной деятельностью все равно, что всю жизнь питаться горчицей — вот тот край, за который редко переходит «школяр» в своей критике рационализма. Скепсис 4-й Логики — не энергичное отрицание действительности интеллектуального начала в человеке, а простое равнодушие к нему. И в этом большая разница между скепсисом 3-й и скепсисом 4-й Логики. Потому что равнодушие 4-й Логики, еще недавно окрашенное скепсисом, завтра может окраситься догмой, а послезавтра еще чем-нибудь. В силу безразличия к интеллектуальным вопросам 4-й Логика легко захватывается, но ошибется тот, кто подумает, что захватил ее навсегда. Нет — до следующего собеседника. Об одном из таких «школяров» Лабрюйер писал: «Он с такой естественностью присваивает чужой ум, что сам же первый дается в обман, чистосердечно полагая, будто высказывает собственное суждение или поясняет собственную мысль, хотя на деле он просто эхо того, с кем только что расстался». О том же очень самокритично писал Чехов: «Политического, религиозного и философского мировоззрения у меня нет; я меняю его ежемесячно...»

Одним словом, «школяр» — энергичный лишь по нужде, праздно любопытствующий, внутренне совершенно раскованный, интеллектуальный хамелеон. И здесь всего его плюсы и минусы.

В утешение «школяру» необходимо добавить, что он — чемпион. Среди населения земли он численно превосходит все другие Логики. Нет ни страны, ни нации, где бы стоящая выше «школярской» Логика доминировала бы. Чисто гипотетически рассуждая, можно предположить, что в Греции V–IV вв. до Р.Х. и в Германии VIII–XIX вв., в пору расцвета их философий и наук, 4-я Логика была слегка потеснена. Но в другие времена и на других пространствах, доминирование 4-й Логики было и есть безраздельным.

ДАНО МНЕ ТЕЛО...

О роли Физики в жизни человека, кажется, вряд ли стоит особо распространяться. Важность ее очевидна. Да и слишком уж она вся наружу, слишком на виду, чтобы предполагать в ней наличие скрытого от глаз подтекста. Все так. Но самое замечательное и достойное особого внимания, с точки зрения психософии, заключается в том, что положение Физики на ступенях функциональной иерархии, определяет много больше, чем просто состояние организма и его энергетики. На поверку оказывается, что место Физики в порядке функций индивидуума влияет на такие далекие от физиологии области, как право, экономика, эстетика, окраска мировоззрения и мироощущения и многое другое.

Хочется наперед предупредить, что все сказанное о внешнем облике разных Физик не представляет собой универсальных характеристик, но является описанием **по преимуществу**, т.е. дает вряд ли более 70% попаданий. Причин для такой неточности много. Например, говоря об избыточности веса 1-й Физики, не следует забывать, что избыточный вес может дать нижестоящим Физикам широко распространенное заболевание щитовидной железы. А самое главное, что человек может заимствовать *облик* от одного родителя, а *психологию* от другого. И их более чем вероятное несовпадение, способно ввести в заблуждение всего занятого психософией. Одним словом, все сказанное далее о внешнем облике разных Физик и типов является достаточно относительным.

Впрочем, сразу обо всем не расскажешь, поэтому, поделив обладателей Физики на «собственников» (1-я Физика), «тружеников» (2-я Физика), «недотрог» (3-я Физика) и «лентяев» (4-я Физика), посмотрим, чем каждый из них замечателен.

«Собственник» (1-я Физика)

В толпе «собственник» виден издалека, он — наиболее яркая и заметная фигура. Выделяется «собственник» прежде всего мощью и обилием форм, ростом, сочностью лепки лица. Обычно он красив, но даже если это не так, «собственника», как говорят, «много» (недаром Кречмер в своей типологии назвал его «атлетом»).

Могучая комплекция «собственника» не закон, мне попадались среди них довольно мелкие особи. Но все-таки рослые, дородные люди среди 1-й Физики преобладают. И это не случайно. Если читатель помнит, одной из главных примет Первой функции является избыточность, поэтому естественно, что у 1-й Физики избыточной должна быть плоть.

Впрочем, явным, зримым этот избыток становится не сразу. Внешне ребенок-«собственник» никак от своих сверстников не отличается. Обычно он худощав, строен, длинноног. Первые внешние приметы 1-й Физики начинают проступать с началом процесса полового созревания: расширяются плечи и бедра, делаются плоскими ягодицы, крупнеют и обретают сочность черты лица, губы принимают необычайно сексуальную бантичную, поцелуйную форму.

К концу процесса полового созревания бурное цветение 1-й Физики достигает своего апогея. Девушки при тонкой талии обзаводятся крутыми бедрами в форме туза червей, пышными плечами и могучими крепкими грудями. Юноши делаются ширококостны, плечисты, мускулисты, волосаты. На теле «собственника» еще мало жира, кожа чиста и отличается яркостью пигментации, как говорят, «кровь с молоком». Густая, пышная шапка волос усиливает привлекательность образа.

К сожалению, буйство красоты 1-й Физики продолжается недолго: у женщин до первых родов, у мужчин до тридцати лет. После этого порога происходит резкая метаморфоза, впервые зримо являющаяся избыточность плоти «собственника». В одночасье на

20-30% возрастает вес, исчезает талия, выпячивается живот, тело начинает зарастать жиром.

Сперва повышенная полнота мало смущает 1-ю Физику, и даже наоборот, с появлением ее она становится как бы адекватна сама себе, потому что прежнее чисто психологическое ощущение избыточности своего телесного начала находит свое непосредственное физическое выражение. Беспокоиться «собственник» начинает лишь тогда, когда вес переваливает за некую положенную им самим «избыточную норму». Но запоздалая борьба с полнотой редко дает положительный результат, лень и привычка к обильной пище делает свое дело, все дальше деформируя облик 1-й Физики.

Рано и бурно расцветающая 1-я Физика вообще имеет свойство столь же рано и столь же бурно отцветать. Тело быстро покрывается складками, отвисает грудь и ягодицы. Утрачивают яркость, а потом темнеют кожные покровы. Глаза делаются несколько навывкате. Исчезает поцелуйный валик на верхней губе, нижняя губа начинает провисать и выворачиваться наружу в углах рта. В волосах рано проступает седина, а у мужчин часто того хуже, на свет божий объявляется стремительно разрастающаяся лысина.

Раньше других 1-ю Физику подстерегают климакс и импотенция. Внезапно набрасываются болезни, прежде всего атакующие суставы и сердечно-сосудистую систему. Источник этих болезней запрограммирован в самой природе и психологии 1-й Физики: избыточный вес, страсть к комфорту, излишества, лени. Смерть «собственник» чаще все принимает в результате поражений сердечно-сосудистой системы.

Такова вкратце внешняя, телесная история 1-й Физики.

Если о мощи и обилии телесных форм в применении к 1-й Физике не всегда можно говорить как об универсальном начале, то особенности ее пластики воистину универсальны. «Собственник», если куда не спешит, выступает, говоря по-русски, «словно пава», а по-индийски «походкой слонихи». Расправив плечи, выпятив живот, раздвинув носки и слегка подшаркивая, движется по улице с ленивой грацией 1-я Физика. Собственно, она не столько движется, сколько, как бы перетекает из одной красивой позы в другую. Вообще, статика где-то внутренне ближе «собственнику», чем динамика. Он часами может пребывать в одной и той же позе, не испытывая при этом заметных неудобств.

* * *

Еще с античных времен, со статуй Фидия и Праксителя, утвердилась 1-я Физика и формой, и пропорциями как эталон человеческой красоты. Не берусь судить, насколько такой эталон действительно объективен, отмечу только, что 1-я Физика привлекла внимание художника еще в тот момент, когда он впервые взял в руки кисть и глину, и самые ранние изображения человека, что дошли до нас с первобытных времен, показывают, как правило, знакомые избыточные, аппетитные формы «собственника».

Древним художникам, имевшим, может быть, не слишком изысканный, но по своему здоровый вкус, нельзя отказать в известной логике, когда они избирали 1-ю Физику своей моделью. Глаз, видя только внешнюю, физическую сторону предмета, невольно стремится к тому, что наиболее полно этот предмет выражает и, желательно, с избытком. А облик 1-й Физики как нельзя лучше отвечает данным требованиям, в избытке являя внешнюю сторону человека. Здесь, считаю, главная причина заметного ее влияния на формирование антропологического эстетического идеала.

Сейчас художественный вкус изменился, сделался тоньше, и изображения нагой 1-й Физики переместились в такие мало престижные сферы как китч и порнография. Однако не уменьшилось число их ценителей, рекрутируемых прежде всего из среды самих «соб-

ственников». Редко даже у глубокого старика с 1-й Физикой не припрятана где-нибудь карточка голой девицы с необъятным задом и арбузными грудями. И это понятно. Разглядывая такую карточку, «собственник» не столько соблазняется, сколько отождествляется, лицезрея на ней молодое родственное себе и телом, и духом существо.

Разумеется, интерес к внешности начинается у 1-й Физики с себя и сопровождает ее на всем протяжении жизни, до гроба. Зная что составляет наиболее эффектную сторону его натуры, «собственник» до конца дней с полной отдачей занимается своей внешне-стью: обнажая все, что можно обнажить (иногда доходя в этом стремлении до эксгибиционизма), подчеркивая покоем одежды то, что обнажить нельзя, злоупотребляя самыми яркими красками макияжа и самыми терпкими духами. И не будем за это слишком строги к 1-й Физике — бессознательная демонстрация избыточности Первой функции свойственна всем — разница лишь в том, какая она.

Забота о своей внешности, вместе с тем, не мешает «собственнику» отличаться большой неряшливостью и пренебрегать гигиеной, особенно в быту. И такое раздвоение вполне объяснимо, потому что забота о своем теле у 1-й Физики соседствует с абсолютной уверенностью в самодостаточности и чрезвычайной добротности своего физического начала, не требующего в домашней обстановке каких-либо прикрас. «И так — хороша!» — с ленцой подумывает 1-я Физика, когда дело доходит до мыла и расчески, и, запахнувшись в засаленный халат, укладывается на хронически неприбранную кровать.

* * *

Еще одна причина, влекущая к 1-й Физике и художника, и нас, простых смертных, носит умозрительный характер и на поверку оказывается чистым заблуждением. Дело в том, что могучие чресла мужчин с 1-й Физикой, крутые бедра и полные груди женщин ассоциируются у стороннего наблюдателя со способностью к обильному плодородию (вещи, и по сию пору не утратившей свое значение). Однако здесь ошибка. Нет, мужчинам-«собственникам» делать детей труда не составляет, а женщины-«собственницы» переносят роды легче, чем кто-либо. Дело не в физиологии, а в отсутствии у 1-й Физики внутренней психологической установки на обильное плодonoшение. У «собственника» слабо развито чадолубие, и, если на то бывает его воля, он обходится одним ребенком.

Объясняется этот парадокс результативностью 1-й Физики. Стремясь более к результату, чем к процессу, «собственник» и свое размножение подчиняет данному принципу: один ребенок — это уже результат, результат, раз и навсегда удостоверяющий полноценность 1-й Физики по части воспроизводства. А тиражировать один и тот же результат, ничего, в сущности, не прибавляя к предыдущему, есть ли резон? Такая или почти такая схема прокручивается в подсознании 1-й Физики, когда встает вопрос о втором ребенке.

Не обходится без результативности психических установок и тогда, когда мужчина-«собственник» вдруг обнаруживает, что он импотент. Вообще у ранней импотенции 1-й Физики две причины: одна — психофизиологическая, другая — чисто психологическая. Первая причина заключается в том, что склонность к излишества и комфорту у 1-й Физики рано начинает старить сердечно-сосудистую систему. Заплавая жиром сердце, стенки сосудов обрастают солями и шлаками. А так как мужская потенция целиком зависит от работы сердечно-сосудистой системы, то преждевременное ее увядание у 1-й Физики предсказать нетрудно. Спасти положение, на мой взгляд, может только лечебное голодание, но именно этот вид лечения менее всего приемлет «собственник», сама мысль о временном отказе от пищи повергает его в шок.

Кроме того, импотенция, если она наступает после сорока лет, мало смущает 1-ю Физику. И здесь вторая — психологическая причина. Цена в сексе не столько процесс, сколько результат, он и к проблеме потенции относится соответствующе. Пока организм и опыт позволяют поднимать сексуальную планку все выше и выше, — «собственник» азартнейший из любовников. Но после того как пик оказывается пройденным, и планка сама, без спроса, начинает сползать вниз — секс утрачивает для «собственника» его спортивную прелесть, а вслед за ней исчезает и интерес как таковой. Пора наивысших результатов прошла, так стоит ли стараться дальше? — задумывается 1-я Физика и тем невольно ускоряет процесс отключения своей перистальтики. Как писал гамбургский сексопатолог Фридрих Кох: «К тому, кто воспринимает секс как «спорт высших достижений», и упадок приходит раньше.»

Результативностью обусловлены и некоторые другие специфические черты интимной жизни 1-й Физики. Думаю, излишне говорить, что секс ее могуч и обилен. Однако необходимо предупредить, что для партнеров с процессионными Физиками он противопоказан. Потому что секс «собственника» грубоват, механистичен, экономен, деловит, однообразен, нацелен на скорейшее достижение результата (оргазма) и почти равнодушен к тому, что предшествует или следует за этой вершиной наслаждения. По аналогии с деятельностью любой Первой функции присущи эгоизм, спортивность, дух насилия и соперничества (недаром император Домициан называл секс «постельной борьбой»).

Любовное действие 1-й Физики всегда монологично. Даже когда партнеру удастся убедить «собственника» думать не только о своем удовольствии, но как-то реагировать на запросы противоположной стороны, он остается верен монологовой форме близости. Разница в том, что к формуле «я беру», добавляется «я даю», но неизменной остается доминанта «я»; эротика не мыслима для 1-й Физики в таких категориях как «мы», «диалог», «сотворчество».

Грубоватость, как уже говорилось, также неперменная спутница Первой функции и, следовательно, 1-й Физики. У последней она выражается в малой восприимчивости, толстокожести органов чувств (слуха, осязания, обоняния и т.д.) «Собственник» — сенсорный бегемот. И это обстоятельство также по-своему отражается на интимной жизни. Во-первых, поверхность тела 1-й Физики бедна и площадью, и числом эрогенных зон, что, конечно, не добавляет азарта ни самому «собственнику», ни его партнерам, плодит любовную лень, сонливость и холод.

Второе — женщины с 1-й Физикой, особенно бездетные, зачастую не ведают, что такое оргазм. И, видимо, большую часть женщин, что, по данным сексологин, страдает аноргазмией, составляют именно «собственницы». Причина названа выше — толстокожесть 1-й Физики.

Хотя положение, думаю, не безнадежно. Софья Андреевна Толстая, например, судя по ее дневникам, начала испытывать оргазм только когда ей перевалило за тридцать. И не муж, уверен, тому был причиной, хотя с Толстым по части любовного пыла, мало кто мог сравниться. Вероятней всего, довели Толстую до оргазма частые роды и кормление грудью, которые, в конце концов, достаточно истончили ее телесное восприятие, чтобы добиться предельного сокращения так называемой «оргастической манжетки», от которой, по словам медиков, и наступает оргазм у женщин.

Третье — толстокожесть избавляет «собственника» от физиологической ревности. Здесь ключевым словом является слово «физиологической», потому что, вопреки расхожему мнению, ревность — сложное, многоликое чувство, и измена отнюдь не всегда воспринимается как удар именно по Физике, а может, в зависимости от психотипа, вообще как удар не воспринимаемый. Так вот, в силу толстокожести, «собственник» физиологически не ревнив, знание о том, что кто-то еще пользуется ласками его постоянного партнера, не ведет к физиологическому отторжению, чувству брезгливости, ощущению невозможности продолжения интимной близости. В случае измены, если что и волнует «собст-

венника» с точки зрения Физики, так это вопрос сексуального превосходства над соперником и право первенства в обладании, т.е. он готов смириться с тем, что по его интимной дорожке бежит еще кто-то, лишь бы тот бежал сзади.

Сказать по правде, и самого «собственника» нельзя отнести к образцам верности. Однако было бы не очень правильно, в силу специфического отношения к измене, приписывать 1-й Физике некий природный аморализм. Природа сексуальности «собственника» такова, что он изменяет, как бы не изменяя. Изменить можно устоявшемуся диалогу, что касается интимного монолога 1-й Физики, то он заведомо исключает диалог, а значит и измену. Секс «собственника» — дело не двух, а его одного, поэтому, сколько бы ни было партнеров, главное, измены себе, любимому, не происходит.

* * *

Сенсорная бегемотность сильно влияет на вкусы 1-й Физики. О вкусах, говорят, не спорят, часто и правильно говорят, но спорят при этом беспрестанно. Однако по большому счету реально существует три основных вида вкуса, действительно практически непримиримых, различия между которыми обусловлены положением Физики на первых трех ступенях функциональной иерархии. Поэтому дальнейшее упоминание дурновкусия 1-й Физики не следует понимать буквально. Просто не она, а две Физики, стоящие ниже, выступают сегодня в качестве законодателей мод. Здесь — основной источник как субъективизма оценок вообще, так и деления на плохой и хороший вкус, в частности.

Что касается непосредственно вкусов 1-й Физики, то в силу своей сенсорной толстокожести она любит яркие, бьющие по глазам цвета, но плохо отличает полутона и оттенки. Имеет пристрастие к грубой, тяжелой, острой пище. Неважно у 1-й Физики со слухом. Не скажу, что ей обязательно медведь на ухо наступил, но она явно отдает предпочтение максимально громкому и простому звуку. Ее влекут терпкие, бьющие в нос запахи, потому что иных, более тонких, 1-я Физика просто не ощущает.

Пристрастие к определенному сорту одежды делает фигуру «собственника» заметной издалека. Он любит дорогие, броские ткани и меха, пышный, подчеркивающий и без того мощные формы силуэт. Он не знает меры в отделке платья, будь она по-настоящему дорогая или мишурная: брошь — так уж с кулак величиной, цепочка или перстень — так уж толщиной в палец... Кратко живописуя, можно сказать, что стиль в одежде 1-й Физики близок (только, прошу, без обид) к стилю мафиози, какими их принято изображать в мировом кино.

Признаем, вкус «собственника» грубоват. Но дело не безнадежно. Серьезные занятия способны развить и утончить вкус «собственника». На свете множество оперных певцов с 1-й Физикой обостривших долгими занятиями свой слух (Шалапин), много художников с 1-й Физикой прекрасно различающих оттенки цветов (Микеланджело), Дюма-отец, несмотря на свою 1-ю Физику, признавался знатоками кулинарии утонченнейшим гурманом. Так что, хотя проблема дурновкусия у «собственника» действительно не надумана, она разрешима, нужно лишь приложить усилия.

* * *

Угадать в ребенке «собственника» можно довольно рано. Если в детском саду или дворовой песочнице ребенок, у которого сосед утащил игрушку, молча, без всяких предварительных переговоров врзает обидчику по уху, то родителей можно поздравить: у их ребенка 1-я Физика.

Объясняется механизм такого прогноза очень просто. Первая функция в конфлик- тах — главное и первым обнажаемое оружие. Потому, естественно, что у «собственника» в случае столкновения первый импульс — попытаться воздействовать на события сило- выми методами. Особенно часто к ним прибегают дети, так как они, еще не ведая об об- щественном табу на насилие, не считают нужным сдерживать свой первый и вполне есте- ственный порыв.

Со временем воспитание обычно смирят такие порывы, и ребенок с 1-й Физикой чаще просто компенсирует их, имитируя нападение или только сжимая кулаки. Послед- ний вариант как рефлекс сохраняется у «собственника» до конца дней.

Отношение к насилию в качестве лакмусовой бумажки при определении положения Физики на ступенях функциональной иерархии хорошо лишь для детской поры. Позднее оно становится объектом пристального внимания такой нешуточной сферы, как уголов- ное право, под чьей защитой как раз и находится физический пласт жизни.

Поэтому никого не хочу пугать: ни самого «собственника», ни его окружающих — но обладатель 1-й Физики относится к наиболее криминогенной категории граждан. Из сказанного не следует, что остальные Физики заведомо чисты перед законом, а по «соб- ственнику» с колыбели плечет тюрьма. Отнюдь. Многое в судьбе «собственника» зависит от порядка остальных функций, воспитания, эффективности работы правоохранительных органов, экономической модели общества и многого другого. И все-таки тезис о повы- шенной криминогенности 1-й Физики остается в силе. Потому что только у нее при воз- никновении проблемы бессознательный импульс мгновенно провоцирует соблазн решать ее посредством противоправных действий. И не всегда внешние и внутренние тормоза оказываются достаточно сильны, чтобы такой соблазн преодолеть.

Импульсивная склонность к насилию хорошо видна на одном безобидном примере из жизни обоих Дюма. Однажды, когда Дюма-отец сидел за работой, маленький Дюма- сын невольно прервал ее своим громким плачем; реакция Дюма-отца была вполне в духе 1-й Физики — он молча взял сына за шиворот и бросил на кровать. Конечно, данный по- ступок писателя суду не подлежал, но он — хорошая иллюстрация к тезису об импуль- сивной склонности 1-й Физики к насилию. На импульсивность этой склонности указывает еще менее красивый эпизод из жизни Александра I. Один современник царя так опи- сывал парад гвардии после возвращения из похода: «Наконец показался император, пред- водительствующий гвардейской дивизией, на славном рыжем коне, с обнаженной шпа- гой, которую он уже готов был опустить перед императрицей... Мы им любовались. Но в самую эту минуту почти перед его лошадию перебежал через улицу мужик. Император дал шпоры своей лошади и бросился на бегущего с обнаженной шпагой. Полиция приня- ла мужика в палки. Мы не верили собственным глазам и отвернулись, стыдясь за люби- мого нами царя. Я невольно вспомнил о кошке, обращенной в красавицу, которая, однако же, не могла видеть мышь, не бросившись на нее.»

Прежде уже говорилось о жестокости и эгоизме Первой функции. Оба эти качества, что греха таить, в полной мере присущи 1-й Физике. Ей легче, чем кому-либо, убить, из- насилловать, ограбить, украсть. Но «легче», — конечно, не значит — совершить подобное. Огромное большинство «собственников» законопослушно и не представляет опасности для окружающих. Больше того, хочется низко поклониться и искренне посочувствовать законопослушным «собственникам» за их едва ли не ежедневный подвиг преодоления себя, за хроническое насилие над самой мощной стороной своей натуры. Согласитесь, без большой надежды на успех настаивать, убеждать, просить, там, где все, кажется, просто, легко и быстро решается одним ударом кулака — разве не мука?

«Собственник» — первая жертва всякого рода финансовых афер, лотерей, азартных игр и т.д. Он чудовищно азартный игрок, и перспектива мгновенного, не требующего усилий обогащения имеет над ним почти волшебную силу. Соблазн чудесной наработки карманных мускулов превалирует у «собственника» над всеми доводами рассудка, что понятно, так как у него Физика по определению доминирует над Логикой, равно как и над всеми другими функциями. Разумеется, в зависимости от степени доверия к Логике, включенность «собственника» в проекты финансовых миражей бывает различна. Но, если при 1-й Физике Логика является 4-ой, то пример Бальзака, всю жизнь пронесившегося с фантастическими проектами мгновенного чудовищного обогащения, окажется еще не самым курьезным.

Обычно не принимая слишком близко к сердцу чужие боли и беды, «собственник», как никто, остро переживает собственные имущественные и физические потери. Даже незначительные удары по Физике — опоре его личности — воспринимаются им зачастую едва ли не как гибель вселенной. Думаю, массовые самоубийства во время биржевых крахов совершаются по большей части именно 1-й Физикой. Во всяком случае, остальные Физики с меньшей серьезностью относятся к деньгам.

Что говорить о крахах на бирже? Даже легкая простуда размазывает «собственника» по стене, доводит порой до истерики. Со стороны и на взгляд других Физик, такая повышенная реакция на простое недомогание — театр, игра, провокация с целью вызвать жалость. Но в действительности это не так. Обнаружение слабости, дефекта у самой сильной и лучшей стороны своей природы — для любого человека трагедия. В случае с «собственником» такой стороной является Физика, и потому так естественны его чрезмерные для постороннего взгляда переживания по поводу легких недомоганий.

Здесь хочется вновь выразить «собственнику» свое самое искреннее и горячее сочувствие. Ведь именно Физика, как никакая другая функция, подвержена ударам быстро текущего времени. Вариантов нет. Годы могут прибавить ума, сохранить в целости силу духа и свежесть чувств, но не было случая, чтобы они прибавили или сохранили кому-то молодость, красоту, силу, здоровье. Поэтому практически неизбежна для «собственника» связанная с разрушением его опоры трагическая эволюция от оптимиста и весельчака к раздражительному, мрачному, апокалиптически взирающему на мир существу. Пример Чехова здесь достаточно нагляден. Под грузом старения и разрастающегося туберкулезного процесса он быстро прошел путь от брызжущего весельем Антоши Чехонте до классического певца сумерек и тоски; не будь тормоза 3-й Эмоции, мешавшего Чехову свободно выкричать наполнявший его ужас, пьесы Чехова сравнились бы по тону с самыми мрачными шекспировскими трагедиями.

1-я Физика, как бы помягче выразиться, несколько прижимиста. Насколько далеко может зайти ее скупость в каждом отдельном случае, судить не берусь. Здесь нет нормы, разлет огромный: от едва заметной расчетливости до жадности поистине патологической. Во всяком случае, любой «собственник» — законченный материалист, лучше, чем кто-либо, знающий свою выгоду и цену денег. Знаменитая фраза президента Рейгана по поводу программы бесплатных школьных завтраков — «бесплатных завтраков не бывает» — идеально выражает характерный для 1-й Физики трезвый, сугубо прагматичный взгляд на проблему материальной взаимопомощи.

Хотя «собственник» скуповат, он не из тех, кто готов бесконечно трудиться над пополнением своих сундуков. Личное экономическое кредо 1-й Физики можно сформулировать так: главная цель — достичь 120-130% от уровня благосостояния той социальной группы, к которой принадлежишь. То есть, жить 1-я Физика хочет несколько лучше ок-

ружающих, процент же имущественного избытка должен соответствовать проценту самоощущения своего физического избытка. Но дальше — стоп. Достигнув адекватного внутреннему ощущению внешнего результата, 1-я Физика утоляет тем самым жажду стяжания и охотно переключает высвободившееся время и силы на реализацию процессионных функций, так что «собственник», не будучи ни аскетом, ни альтруистом, в тоже время имеет отнюдь не бесконечные, а достаточно ясно очерченные границы материальных запросов.

Позволю себе в этой связи небольшой совет родителям детей с 1-й Физикой. Если вы хотите видеть вашего ребенка гармонично развитым, постарайтесь сделать так, чтобы он чувствовал себя несколько более обеспеченным, нежели его сверстники. Ребенку мало надо, а эффект от такой подкормки может быть огромным. Сытый ребенок, получив адекватный себе имущественный результат, быстрее и охотнее переключится на занятия во нематериальных сферах. На детях, считаю, вообще не следует экономить. А в случае с 1-й Физикой такая экономия просто опасна, материальный голод напрочь заглушит в ребенке все другие потребности и, не исключено, доведет до правонарушений.

Великолепный пример раннего решения проблем воспитания 1-й Физики — детство Гёте. Поэт прекрасно сознавал свою зависимость от уровня достатка и как-то полушутя заметил, что родился он в Англии, то не родился бы без годового дохода в 6000 фунтов. Хотя самому Гёте грех было жаловаться — он родился в одной из самых богатых франкфуртских семей. Но удача Гёте заключалась не в этом, а в том, что родители не жалели на него денег. Почувствовав себя достаточно обеспеченным, мальчик обратился к освоению всякого рода книжных премудростей, в том числе связанных с мучительной для него Логикой, со временем заметно преуспев в них и стал не просто большим немецким поэтом, ученым, администратором, но, прежде всего, эталоном гармоничной личности.

Сугубый индивидуалист в быту, «собственник» остается таким и в своем отношении к экономической модели общества. Если воспользоваться привычными терминами политической экономии, «собственник» — прирожденный «либерал». Он безусловный сторонник частной собственности и небольшой охотник до поощрения всякого рода социальных программ. Когда генерал Пиночет избрал своим девизом слова «Чили — страна собственников, а не пролетариев», он тем самым выразил не столько **привитые ему воззрения** на экономику, сколько **личные ощущения** должного в экономике. И именно эти ощущения в период правления Пиночета были успешно спроецированы на хозяйственный механизм страны.

Даже когда 1-я Физика становится у руля государства со строем, заведомо не допускающим частную инициативу и «социальную несправедливость», она остается самой собой. Разница в том, что в этом случае забота о малоимущем слое населения превращается в чистую демагогию, а поощрение частной инициативы подменяется более чем снисходительным отношением к воровству (Брежнев).

Уж коль речь зашла о политическом лице 1-й Физики, то необходимо сказать, что «собственник» еще и прирожденный «ястреб», что станет вполне понятным, если учесть его психофизические свойства. Только для «собственника» естественно отдавать предпочтение силовым методам перед всеми другими при решении возникающих политических проблем. А, кроме того, только 1-я Физика целиком отождествляет мощь страны с объемом ее военных мускулов, накаченных по возможности с избытком.

В свете сказанного, думаю, читателю станет понятна запрограммированность заочной милитаристской дуэли между Рейганом и Брежневым. Поскольку у обоих политиков была 1-я Физика, то гонка вооружений в период их правления фатально предопределялась.

Когда же Рейгана на посту президента сменил Буш, то, при отсутствии формальных перемен (Рейгана сменил однопартиец и вице-президент), произошла кардинальная смена приоритетов. Буш, с его 1-й Логикой, отождествил мощь государства уже не с объемом

вооружений, а с уровнем образования и произвел соответствующие исправления в правильственных программах. Так что, и в политике, при тождестве остальных слагаемых, различие в порядке функций ее деятелей заведомо предопределяет смену средств и ориентиров.

* * *

«Собственник» — из тех, кто, как сказал Гёте устами Фауста, «к делу лишь относится всерьез». Поэтому еще одна заметная с детства примета 1-й Физики — безотчетная, но явная тяга к рукоделию, к предметным занятиям. Ребенок-«собственник» стремится все попробовать, пропустить через свои руки разные, прежде всего домашние, ремесла. Легко схватывая суть дела, он быстрыми уверенными движениями достаточно рано начинает воспроизводить даже сравнительно сложные операции. Одним словом, у 1-й Физики с детства нет ни страха, ни проблем, связанных с ремеслами и механикой.

Вместе с тем, «собственника» нельзя назвать «трудоголиком», азартным работником, испытывающим удовольствие от работы как таковой, независимо от результата. Профессионность труда претит 1-й Физике — она экономна, расчетлива и не торопится надирать ради туманных целей или неадекватного воздаяния.

Небольшой, но выразительной чертой производственной психологии 1-й Физики можно считать то, что ей не противопоказан конвейер. Она справляется с работой на конвейере без внутреннего противостояния и напряжения: он дает быстрый зримый результат, столь нужный 1-й Физике, а однообразие труда ей не в тягость — лишь бы платили (еще один результат).

* * *

Естественно, что спорт входит в число основных занятий и интересов 1-й Физики. Ведь именно спорт, как кажется, в наиболее чистом виде реализует физическое начало. И тот, в ком оно сильно, не может не попробовать испытать себя на этом поприще.

Однако «собственник» принимает спорт не безусловно, и не целиком, а под своим, определенным положением Физики, углом зрения, с определенными симпатиями и предпочтениями. Внутренне ближе всего 1-й Физике боди билдинг. Очевидная ориентация боди билдинга на спор — кто обильнее и рельефнее продемонстрирует избыточность плоти — чрезвычайно импонирует испытывающему те же психические ощущения «собственнику».

Любит 1-я Физика и спортивные единоборства, в которых ее привлекает характерный для единоборств уклон не столько на процесс борьбы, сколько на столь дорогой его сердцу результат. Несколько менее симпатизирует «собственник» коллективным играм и не всякое место в них находит для себя удобным. Собственно, в своей тарелке он чувствует себя только на первой линии нападения, потому что в коллективной игре место нападающего — единственное, где страсть «собственника» к результативности может быть вполне удовлетворена.

Хотя кажется, что спорт специально создан для 1-й Физики, ей на данной стезе не всегда сопутствует успех. И на то есть веские внутренние причины. Во-первых, у «собственника» довольно слабо развита реакция, и складывается впечатление, что по мышцам 1-й Физики импульс бежит несколько медленнее, чем у других Физик. Поэтому, как ни привлекательны, скажем, для «собственника» фехтование или настольный теннис, больших удач ему здесь ждать не приходится.

Во-вторых, неудачи в спорте 1-й Физики обусловлены запоздалостью и недолгосрочностью того, что я для себя называю «динамическим прогнозом». Коротко говоря,

динамический прогноз — это предсказание последствий того или иного движения в определенной среде и при определенных правилах.

Для ясности приведу как пример картину движения человека в уличной толпе. Попадая в нее, человек, судя со стороны, движется свободно и бездумно, но в действительности это не так. На всем протяжении пути, от отправной точки до конечной, пешеход, чтобы не сталкиваться с другими и в то же время не превращать свое движение в бесконечное блуждание, занят бессознательным прогнозом оптимального маршрута, где, кроме собственных данных, учитываются габариты, скорость и направление движения окружающих, а также неписаное, но существующее для пешеходов в любой стране правило преимущественной стороны движения. Одним словом, в подсознании человека постоянно и с учетом всех условий складывается несколько гипотетических карт ситуации на шаг, на два, на три вперед. Таким образом, даже столь простое действие как движение в толпе контролируется внутренним компьютером, занятым динамическим прогнозом, и, судя по случающимся в данной ситуации столкновениям и заминкам, прогноз этого компьютера, в зависимости от положения Физики на ступенях функциональной иерархии, может быть разным и достаточно далеким от идеала.

Что касается зависимости динамического прогноза от порядка функций, то попытаюсь объяснить механизм ее на другом примере, который может стать при случае хорошим бытовым тестом на Физику. Речь идет о таком простом действии, как наливание жидкости в сосуд. Так вот, 3-я Физика обычно недоливает, потому что ее прогноз из осторожности и неуверенности в себе опережает действие. 2-я Физика, по обыкновению Вторых функций, нормативна, прогноз адекватен движению, поэтому уровень жидкости, налитой ею, всегда соответствует ограничительной риске. 1-я же Физика зачастую переливает через край, так как ее прогноз беспечен и запаздывает в сравнении с действием.

Теперь, когда читателю ясен смысл термина «динамический прогноз», ему не составляет труда догадаться, почему запоздалость и краткосрочность прогноза отрицательно сказывается на спортивной карьере «собственника»: игра на перехват, на опережение, точный пас трудны для него, как ни для кого другого.

Однако последствия ошибок динамического прогноза у 1-й Физики гораздо серьезнее простых неудач в спорте. Дело в том, что сенсорная бегемотность «собственника» изначально не способствует объективному восприятию внешней среды, в том числе и связанных с нею опасностей. А сочетание ее с запоздалостью динамического прогноза, вообще делает 1-ю Физику постоянным пациентом больниц и травмопунктов. Она как бы самой судьбой оказывается предназначенной к тому, чтобы получать и наносить травмы.

Складывается впечатление, что у «собственника» механизм динамического прогноза не сказать склонен ошибаться, а просто по большей части находится в отключенном состоянии. Довелось мне наблюдать такую сцену. Один мой хороший знакомый с 1-й Физикой как-то взялся выдергивать кусок арматуры из кучи строительного мусора для своих хозяйственных нужд. Арматура не поддавалась, мой знакомый, раздражаясь, наращивал усилия и, глядя на него, чем дальше, тем больше, я, сторонний зритель, проникаясь ожиданием беды. Мой знакомый дергал, не оглядываясь и явно не задумываясь над тем, где окажется его локоть, если арматура вдруг поддастся, т.е. динамический прогноз вовсе отсутствовал. Кончилось это, конечно, тем, чем должно было кончиться: арматура внезапно поддалась, и локоть со всего размаха врезался в сложенную позади каменную кладку.

Если помножить все эти пугающие обстоятельства на вполне естественную для «собственника» страсть к приобретению всякого рода небезопасных механизмов и машин (автомобилей — например), то суицидно-травматический фон, на котором протекает жизнь 1-й Физики, проявится еще более отчетливо.

«Труженик» (2-я Физика)

Начнем с внешнего вида «труженика». В детстве ребенок со 2-й Физикой почти не выделяется внешне из среды своих сверстников. Единственная довольно твердая примета «труженика» в этот период — круглая, луноподобная форма лица. Бог ведает, как получилось и что скажет по этому поводу наука, но 2-я Физика преимущественно «брахицефальна» (короткоголова), тогда как остальные Физики преимущественно «долихоцефальны» (длинноголовы). Так что, по круглому, широкому лицу 2-я Физика узнается издали и в любом возрасте.

Наступление половой зрелости мало что добавляет к облику «труженика». У девушек вырастают небольшие, крепкие, богатые молоком груди. Очень увеличиваются в объеме ягодицы (складывается впечатление, что с наступлением половой зрелости процесс роста и распределения мышечной массы таза 1-й и 2-й Физик протекает однобоко и разнонаправленно: у 1-й Физики при плоских ягодицах растут бедра, у 2-й Физики при сохранении узости бедер растут ягодицы).

Женщины до родов мужчины до тридцати лет обычно сохраняют худобу и стройность. Тем разительнее бывает метаморфоза, происходящая со 2-й Физикой после того: исчезает талия, и образовавшаяся прямая линия от бедер до плеч придает короткому, как выясняется, торсу почти квадратную форму; исчезает лодыжка, и нога как бы основательней и тверже становится на землю. Короткопалой делается кисть руки, являя собой сочетание широкой квадратной ладони с короткими, пухлыми, быстрыми пальцами.

Круг — вот та форма, что доминирует в облике 2-й Физики. И именно формой круга воспользовался Толстой, описывая Платона Каратаева: «...вся фигура Платона...была круглая, голова была совершенно круглая, спина, грудь, плечи, даже руки, которые он носил, как бы всегда собираясь обнять что-то, были круглы; приятная улыбка и большие карие нежные глаза были круглые».

После тридцати лет у «труженика» неведомо как укорачиваются, или, может быть, начинают выглядеть короче, шея и ноги. Весь силуэт его как бы сжимается и плотнеет, придавая облику крепкий, здоровый, приземленный и компактный вид (недаром Кречмер в своей классификации называл 2-ю Физику «пикником» — «плотным»).

Эволюцию внешности 2-й Физики наглядно можно проследить на эволюции внешнего облика Наполеона: в молодости он даже откровенно бравировал своей стройностью и худобой, что же в конце концов из него получилось — видно на портретах Наполеона императорской поры. Как выглядит женская версия 2-й Физики после родов, можно представить себе, глядя на нагие изображения второй жены Рубенса — Елены Фроумен, Венеры Каллипиги, «Помоны» Майоля.

В целом облик 2-й Физики можно описать так: лицо ее не бывает ни слишком уродливым, ни слишком красивым. Простое, широкое, круглое лицо с небольшим, коротким, обычно прямым носом. Рост — чаще ниже среднего, рослые люди — редкость. Волосы не отличаются особой фактурностью и густотой, а у мужчин случается ранняя лысина. Фигура плечиста, широкогруда, задаста. В пропорциях преобладает ориентация на широту, квадратность, собранность, устойчивость, поэтому, если исходить из сложившихся канонов красоты (о происхождении которых говорилось в разделе, посвященном 1-й Физике), красивыми пропорции «труженика» не назовешь. Хотя это обстоятельство совершенно не волнует мужчин и мало беспокоит женщин со 2-й Физикой.

Добавлю, в описанном выше виде 2-я Физика после тридцати лет как бы консервируется и без изменений доживает до самой смерти. Может еще отрасти небольшое брюшко, но серьезного, до дряблости ожирения не происходит. Носить избыточный вес «труженик» не любит, да и динамичный образ жизни, который он обычно ведет, тому не способствует.

Хотя как говорилось, внешность 2-й Физики слишком красивой не бывает, необходима оговорка, она, может быть, не очень привлекательна в статике, но необычайно хороша в динамике.

Свойственная «труженику» безукоризненная чистота, экономность, быстрота и точность движений — эстетичны сами по себе. Не могу не вспомнить в этой связи своего учителя каратэ. Глядя на его коротенькие ножки, трудно было поверить, что они вообще способны подняться выше довольно заметного живота. Поэтому что-то вроде шока вызывали на тренировках его, словно снятые рапидом, медленные, безукоризненные по чистоте, не уступающие в сложности, высоте и красоте балетным, махи ног.

Возраст мало сказывается на пластике «труженика». Горький, описывая состарившегося Марка Твена, рассказывал: «Его сухие складные кости двигаются осторожно, каждая из них чувствует свою старость...Он кажется очень старым, однако ясно, что он играет роль старика, ибо часто его движения и жесты так сильны, ловки и так грациозны, что на минуту забываешь его седую голову».

2-я Физика живет движением, поэтому простота, нормативность и красота для нее так же естественны, как для рыбы естественное дыхание в воде.

Знает 2-я Физика и толк в любви. Не гарантируя ничего наперед в каждом отдельном случае, с полной ответственностью могу заявить, что «труженик» — лучший на свете любовник, если иметь в виду чисто физический смысл этого слова. Характеристики, типичные для Второй функции как таковой: сила, разнообразие, процессионность, диалог, гибкость — можно целиком перенести на секс 2-й Физики. В любви «труженик» неутомим, уверен в себе и в своем праве на лидерство в этой сфере, многогранен, нестандартен, находчив, естественен, терпим, благожелателен, отзывчив, дорожит всеми этапами полового акта без изыятия, с самого начала до самого конца.

Много способствует страстности натуры «труженика» и обилие эrogenных зон, расположенных (в отличие от 1-й Физики) и на спине. Но более всего, не знаю почему, эrogenны у «труженика» уши. В свете этой особенности становится понятна привычка обладавшего 2-й Физикой Наполеона трепать за уши подчиненных в знак наивысшего расположения. Он ласкал так, как хотел бы быть обласканным.

Ко многим любовным добродетелям «труженика» необходимо отнести и ту, что секс его — долготел. 2-я Физика не склонна оттягивать время своего первого полового контакта и с удовольствием предается этому занятию на протяжении всей жизни, до последнего дозволенного старением организма упора.

Нормативным можно назвать и само отношение 2-й Физики к сексу. Ей одинаково чужды в этой сфере спортивная горячка 1-й Физики, робость и ханжество 3-й Физики, равнодушие 4-й Физики. «Труженик» признает секс за необходимую приятную обязанность, о которой можно говорить без восторга и проклятий, простым, спокойным, свободным языком.

Столь же спокойно отношение «труженика» к наготe. Он прирожденный нудист — человек, принимающий наготу, как не подлежащую обсуждению данность, ценящий ее хотя бы за то, что она естественна, не видящий в наготe ничего сверхсоблазнительного или сверхотталкивающего.

Вообще, отличительной чертой 2-ой Физики является раблезианская простота, любовь и естественность отношения ко всему, что касается физиологии. Для нее нет в физиологии высокого и низкого, нет ничего, достойного сокрытия, постыдного — все равно замечательно, все равно прекрасно и может быть источником вдохновения. В этой связи не откажу себе в удовольствии и приведу пусть длинную, но совершенно очаровательную цитату из романа Зиновия Зиника «Руссофобка и фунгофил», с редким смаком описывающая процесс испражнения одного, попавшего в Англию русского эмигранта:

«Он поднялся, потянулся с хрустом, сладко поежился и зевнул, прислушиваясь к бурчанию желудка и уханью филина в унисон. Для достижения окончательной гармонии

надо было облеγχить себя и изнутри. Он передвинулся к кустам у края поляны, расстегнул ремень брюк, приспустил их и с минуту постоял, со штанами, упавшими до колен, почесывая свой живот — подставляя его прохладным дуновениям ночного эфира, как может почесываться только человек, до конца убежденный, что никого, кроме него, на этой земле, на этой поляне, среди этих кустов и деревьев больше не существует. Он не спеша, опустился на корточки. Огромный зад... своим матовым сиянием, нездешней белизной в черной оправе ночной листвы был похож на полную луну, вывалившуюся из перины грозových облаков. Лунный свет играл на белых ягодицах и непонятно было, что освещает мерцающим светом эту поляну — русская задница или английская луна?...он облегался шумно и от души, он кряхтел, тужился и блаженно охал, материализуя связь своей души — она же желудок — с корнями и почвой через анальное отверстие. Сидя с листочком подорожника в руках наготове, он с каждым побряхтыванием все сильнее ощущал, как уравнивается блаженная пустота внутри него с первозданной пустотой этой ночной поляны...» Стоит ли после этой цитаты объяснять, где у автора стоит Физика?

Восприятие «тружеником» физического бытия прежде всего как процесса, приводит к тому, что он оказывается не только сексуален, но и чадолюбив. Хотя не бездумно, а достаточно расчетливо. Он любит детей, любит их делать, вынашивать, кормить, обшивать, обстирывать и т.д. Поэтому как бы ни соотносились остальные функции «труженика», какие бы отношения ни складывались в семье, за жизнь и физическое здоровье детей, рожденных 2-й Физикой, беспокоиться нет оснований.

* * *

«Труженик» — существо в физическом смысле чрезвычайно контактное. Он любит касаться, гладить, ухаживать за людьми и предметами, которые считает своими, родственными, близкими, не изменяя своей потребности в контакте даже тогда, когда нужно выносить горшки или выдавливать гной.

И в тоже время для 2-й Физики существует грань, за которой находятся люди и предметы, для нее совершенно неприкасаемые, к которым она питает чувство брезгливости априори и столь сильное, что выглядит это порой просто анекдотично. Про Достоевского, у которого была, как это ни покажется странным 2-я Физика, жена рассказывала следующую историю. Однажды они зашли в берлинский ресторан, уселись под деревом и заказали пиво. Вдруг с дерева в кружку Достоевского «свалилась веточка, а с ней громадный черный жук. Муж мой был брезглив и из кружки с жуком пить не захотел, а отдал ее кельнеру, приказав принести другую. Когда тот ушел, муж пожалел, зачем не пришла мысль потребовать сначала новую кружку, а теперь, пожалуй, кельнер только вынет жука и ветку и принесет ту же кружку обратно. Когда кельнер пришел, Федор Михайлович спросил его: "Что же, вы ту кружку вылили?" — «Как вылил, я ее выпил!» — ответил тот, и по его довольному виду можно было быть уверенным, что он не упустил случая лишний раз выпить пива.»

Этот эпизод с Достоевским кроме яркой иллюстрации тезиса о подчеркнутой чистоплотности 2-й Физики, представляет собой наглядный пример несовпадения психологических установок разных Физик. В отличие от Достоевского, у кельнера, скорее всего, была 1-я Физика (она по толстокожести своей не очень брезглива), и это обстоятельство определило различие в поведении кельнера и его знаменитого клиента.

Страсть «труженика» к чистоте выглядит в глазах других Физик почти маниакальной, и по ней узнать 2-ю Физику легче всего. Стоит лишь войти в блестящий чистотой и порядком дом, в котором она непременно живет.

«Труженик» быстр, подвижен, непоседлив. Его энергия и выносливость изумляют. Нет худшего наказания для 2-й Физики, чем вынужденное безделье. Тяжелейшие операции и инфаркты не в состоянии стреножить «труженика» — едва придя в себя, он начи-

нает испытывать потребность в действии, двигательный зуд, что быстро доводит дело до бегства с больничного ложа.

2-я Физика — единственный подлинный «трудоголик». Труд нужен и дорог ей сам по себе, зачастую независимо от размеров воздаяния. Причем, следует обратить особое внимание, что «трудоголизм» ее не обужен одной физической сферой. Нет. 2-я Физика — «трудоголик» вообще, самого широкого профиля. В каком бы порядке не стояли остальные функции «труженика», он готов без усталости работать на любом месте, куда не забросит его жребий: в художественной, интеллектуальной, управленческой областях — все равно.

«Труженик» может работать на конвейере, хотя и не без насилия над своей тяготящейся однообразием природой. Гораздо эффективнее использование 2-й Физики на разнообразной коллективной работе. Такие качества Второй функции, как сила, процессионность, диалог, гибкость, у 2-й Физики на производстве воплощаются в типе идеального мастера. Подобный мастер, и не один, есть на любом производстве. Он жаден к труду, сноровист, готов подать пример трудового энтузиазма, увлечь нерешительных и заставить работать нерадивых, подменить уставших, обучить новичка, первым освоить новую операцию, взять на себя управление при возникновении нештатных ситуаций.

К сожалению, было на земле место, где жадность к труду 2-й Физики оборачивалась для нее трагедией, — это сталинские лагеря. Происходило это потому, что уверенность в абсолютной ценности труда, привычка к действию и бесстрашие в трате сил заставляли его впрягаться в каторжную работу без лукавства, с первого до последнего дня, с полной отдачей, платой за что была скорая и мучительная смерть. «Труженик», не способный к симуляции и саботажу, меньше чем за год просто сгорал, как свеча, от голода и перенапряжения. Мир праху его, погибавшему нелепее и трагичнее других, погибавшему из невозможности обзудать лучшую сторону своей натуры.

Особый талант 2-й Физики — делать, как у нас говорят, «из дерьма конфетку». 2-я Физика экономна, в ее хозяйстве ничто не пропадает и в тоже время ничто не лежит мертвым грузом, любая даже сильно изношенная вещь со временем находит свое применение, часто довольно далекое от первоначального. При превращении дерьма в конфетку у «труженика» действует какой-то особый тип мышления, механизм которого объяснять не берусь, знаю только, что никто не в состоянии постигнуть так глубоко и всесторонне мир вещей и столь же глубоко и всесторонне его трансформировать, как 2-я Физика. Както писал о Пикассо: «... собирал он что придется. Он гениальный старьевщик. Как только он выходит из дома, он принимается подбирать все подряд и приносит к себе в мастерскую, где любая вещь начинает служить ему возведенная в новый, высокий ранг. И не только руки подбирают необычный предмет. Глаз также выбирает каждую мелочь. Если внимательно присмотреться к его полотнам...предметы повинуются Пикассо, как животные Орфею. Он ведет их куда хочет, в царство, которым он безраздельно правит, устанавливая свои законы. Но эти предметы всегда остаются узнаваемыми, ибо Пикассо всегда верен заключенной в них идее.»

Без излишнего азарта, но с полной серьезностью относится 2-я Физика к миру вещей. Он для нее родной, стихия, столь же родная, как для птицы воздух. Жена Достоевского вспоминала: «...дня два-три мы ходили с мужем покупать для меня верхние вещи для лета, и я дивилась на Федора Михайловича, как ему не наскучило выбирать, рассматривать материи со стороны их добротности, рисунка и фасона покупаемой вещи. Все, что он выбирал для меня, было доброкачественно, просто и изящно, и я впоследствии вполне доверилась его вкусу.»

2-я Физика знает цену деньгам, умеет и любит их зарабатывать. Как и в труде вообще, в своей финансовой деятельности «труженик» не знает края и внутренне готов к бесконечному накопительству. Однако он не Шейлок и не Гобсек, чтобы чахнуть над золотом. Меркантилизм 2-й Физики не столько результативен, сколько процессионен,

поэтому корысть ее не достигает патологического, трагического надрыва, а носит характер здорового энтузиазма, пусть в достаточно специфической сфере деятельности.

Финансовый крах, конечно, не проходит для 2-й Физики безболезненно. Однако он для нее не смертелен, не выбивает «труженика» из седла. **Крах ухудшает условия процесса стягания, но сам процесс не отменяет**, а значит — жизнь продолжается.

С точки зрения симпатий к политико-экономическим моделям, «труженика» лучше всего причислить к «социал-демократам». Из всех видов собственности он предпочитает коллективную, не исключая, впрочем, иных. Имущественное неравенство принимает как должное, но считает, что все способные к тому граждане должны платить обеспечивающий сносное существование малоимущих налог. Вместе с тем, по мнению «труженика», налог этот не должен быть кормушкой для бездельников и не должен быть чрезмерным, лишаящим стимула к труду как бедных, так и богатых. Кратко говоря, и в семье, и в обществе он трезвый, расчетливый альтруист, не забывающий ни себя, ни других.

* * *

«Труженик» — лучший в мире боец. Сама телесная архитектура 2-й Физики с ее короткими плотными ногами, низко расположенным центром тяжести, широким квадратным корпусом придает особую мощь и устойчивость фигуре «труженика». Но главное, бойцовское достоинство 2-й Физики заключается не в антропологии, а в психологии — в абсолютно непритворном ее бесстрашии. 2-я Физика ввязывается в бой без раздумий, без предварительного просчета последствий и дерется до последнего, не щадя ни себя, ни противника. Знаменитая фраза Наполеона: «Надо ввязаться в бой, а там будет видно!» — идеально отражает бесшабашность поведения 2-й Физики в бою, а те следы от множества ран, что были обнаружены на теле императора после его смерти, свидетельствуют: драчливость его реализовывалась не заочно, только в кабинетных планах кампаний, но носила личный, вполне телесный характер.

Говоря о храбрости 2-й Физики, нельзя не сказать, что она не всегда на пользу «труженику» и в данном случае может считаться добродетелью лишь условно. Дело в том, что 2-я Физика рождается бесстрашной, здесь нет ее заслуги. А исток этого бесстрашия в психологической установке на силу и гибкость физического начала. «Труженик» может позволить себе бесстрашие, потому что ощущает свое тело чем-то вроде резиновой дубинки — эффективным, безотказным, не поддающимся деформации оружием.

Уж коль речь зашла о драчливости 2-й Физики, то сам собой возникает вопрос о криминогенности этой категории граждан. Что тут сказать? Ангелом «труженика», конечно, не назовешь. Но не беря на себя смелость отвечать за каждый отдельный случай, со всей ответственностью могу заявить, что по натуре он законопослушен. И не из страха. Просто он ощущает свое физическое начало достаточно широко и богато одаренным, чтобы добывать себе средства к существованию честным трудом, без риска вступить в конфликт с законом.

Насилие из корыстных побуждений вообще внутренне чуждо «труженику». Поэтому даже когда он в силу обстоятельств становится на путь насилия, «социал-демократ» в нем не умирает, «труженик» просто трансформируется в «робин гуда» — социал-демократа с уголовным уклоном, и тем как бы примиряется с собой.

Криминальной статистики у меня нет, но, глядя на 2-ю Физiku через призму психо-софии, чувствуешь, что из всех видов преступной деятельности ей ближе всего кража с применением технических средств. В таких кражах есть элемент молодчества, дух соревнования и простор для любящих, понимающих технику рук. Соответственно и в среде организованной преступности «труженик» лучше чувствует себя в роли технического директора, обеспечивающего материальную часть операций (автомобили, оружие, связь, замки и т.д.).

Пока сидел за описанием особенностей кримогенеза 2-й Физики, пришла газета. А в ней свежая уголовная история, наглядно демонстрирующая до какого комизма иногда доходит «робингудство» 2-й Физики. Привожу заметку полностью: «Занятный случай произошел в Гастонии (штат Северная Каролина). В квартиру проник вор. Для начала он зачем-то помыл посуду, пол на кухне, ванну, а затем скрылся, прихватив с собой стереосистему и кое-что по мелочи. «Приятно, конечно, что в квартире навели порядок, «- говорит пострадавшая Стефани Питтс.-»Но где вещички-то?»

«Труженик»-уголовник всегда внутренне раздвоен. Обстоятельства заставляют его творить зло, тогда как душа жаждет добрых дел. Отсюда такие парадоксы, вроде сочетания кражи с мытьем посуды у пострадавшей.

О вкусах. Наверно, многие со мной не согласятся, но вкус «труженика» эталонен. Характеризуя его одним словом, считаю, лучше всего назвать вкус 2-й Физики «японским» (у японцев 2-я Физика преобладает). Отличительной чертой японского вкуса является приоритет естественности над всеми другими свойствами предмета. Будь то дизайн или кулинария — везде японец старается избежать насилия над материалом, попыток выдать одно за другое. Наоборот, эстетическое кредо японца требует при обработке не сокрывать, а подчеркивать, выделять природные свойства материала. Это кредо проявляется и в японской кухне, по своим принципам приближающейся к сыроядению, в архитектуре и керамике, где на форме специально сохраняются следы обработки, и, конечно, в таком специфическом виде безыскусного искусства, как икебана.

Разумеется, только в Японии вкус 2-й Физики смог развиваться и стать нормой. Любой «труженик» живя в другой стране, так или иначе должен приспособливать свой вкус к местным временным и национальным нормам. Но в тех пределах, в которых эстетике всегда дозволено колебаться, 2-я Физика демонстрирует всю ту же, присущую ей изначально тягу к естественности, натуральности цвета, звука, запаха...

«Недотрога» (3-я Физика)

Обычно 3-я Физика рождается худой, тонкокостной и умирает такой же.

Те этапы жизни, что оставляют заметный след на Физиках, стоящих выше, мало сказываются на облике «недотроги». Даже половое созревание, обычно, быстро и заметно меняющее внешность ребенка, у 3-й Физики, во-первых, начинается с опозданием, а, во-вторых, протекает вяло и неярко, хотя в конце концов все признаки его оказываются налицо.

Средний «недотрога» — это бледный, худой, сутулый, с длинными тонкими конечностями и шей, человек («астеник» — по Кречмеру). Кожные покровы слабо пигментированы, и вообще кожа не хороша, так как, в силу повышенной чувствительности, слишком бурно реагирует сыпью, прыщами, фурункулами, волдырями и т.п. на воздействие среды. Телосложение 3-й Физики пропорционально, и зачастую может претендовать на самые высокие оценки. Однако, вот странность, чертам лица ее пропорциональности как раз зачастую не хватает. Нередка сильная лицевая асимметрия. Особенно часто подводит нос, оказывающийся то слишком широким, то слишком длинным: носы Толстого и Паганини — еще не предел по этой части. Убеждение в непривлекательности своей наружности (не всегда обосновательное), при публичных демонстрациях полного равнодушия к проблеме, на самом деле для «недотроги» имеет решающее значение, являясь ее идеей фикс, камнем преткновения. Толстой, дающий богатейший материал для описания 3-й Физики, формулировал это свое состояние так: «...я был стыдлив от природы, но стыдливость моя еще увеличивалась убеждением в моей уродливости. А я убежден, что ничто не имеет такого разительного влияния на направление человека, как наружность

его, и не столько самая наружность, сколько убеждение в привлекательности или непривлекательности ее.»

Пластика «недотроги» динамична, и в этом он сходен с «тружеником». Однако есть и существенные различия: в движениях 3-й Физики нет той уверенности, точности и чистоты. Пластике «недотроги» присущи некоторая суетность, чрезмерная энергоемкость и осторожность движений.

Как и 2-я Физика, 3-я Физика непоседлива, может быть, даже излишне непоседлива. Поэтому бывает иногда забавно и поучительно наблюдать толпу на автобусных остановках. Если ждать автобуса приходится достаточно долго, то толпа сама собой незаметно расслаивается на две части: статичную и динамичную. Картина получается такая: результативные Физики (1-я и 4-я) стоят неподвижно, подолгу не меняя позы, а вокруг этих статуй по-броуновски неприкаянно бродят процессионные Физики (2-я и 3-я). Причем, особую непоседливость среди последних проявляют худые, сутулые, носатые люди — 3-я Физика.

Вопреки тому, что «недотрога» вид имеет довольно болезненный, организм его не так хрупок, как кажется. Суставы и сердечно-сосудистая система до старости содержатся в порядке, чему способствует удобка, подвижность и умеренность в еде. Несколько хуже дело обстоит с дыхательной и желудочно-кишечными системами — они доставляют 3-й Физике на протяжении жизни много неприятностей и нередко доводят до смерти.

Хотя обычно «недотрога» демонстрирует притворное равнодушие к своему физическому состоянию, оно имеет над ним огромную, ни с чем несравнимую власть. Толстой признавался: «Если у меня нездоров желудок, так мне во время прогулки всюду попадают на дороге собачьи экскременты, так что даже гулять мешают, а если, наоборот, я здоров, так я вижу облака, лес, красивые места.» Не правда ли странное высказывание для проповедника теории превосходства духа над плотью?

Не признаваясь себе в том, 3-я Физика очень мнительна и с постоянным вниманием вслушивается в работу собственного организма. Однако здесь не следует путать мнительность 3-й Физики с мнительностью 1-й Физики, эпизодической, отдающей предпочтение радикальным медицинским средствам лечения. Мнительность 3-й Физики — явление хроническое (процессионное), в котором предпочтение отдается профилактике, закаливанию и укреплению организма.

Уверен, главными изобретателями и потребителями йоги, сыроедения, моржевания, лечебного голодания, разного рода гимнастик и т.п. являются именно «недотроги». Надо иметь такое, как у 3-й Физики, недоверие к своему организму, соединенное с глубочайшей заботой о нем, чтобы, подобно йогам, годами вслушиваться в его работу, дублировать бессознательный контроль организма сознательным, находить время и желание с помощью поз, диет и дыхательных упражнений совершенствовать его функции.

Впрочем, мнительность 3-й Физики служит не только ей, но часто вносит большой вклад в дело оздоровления общества. Страх за себя и привычка вслушиваться в собственный организм, в силу процессионности 3-й Физики, обычно обращаются на других и дают миру непримиримых борцов за чистоту природы, активных пропагандистов здорового образа жизни и первоклассных врачей.

Если же в детстве 3-й Физике сопутствуют побои, болезни, голод, то это часто настолько рафинирует ее, изначала рафинированную, что физическая чувствительность «недотроги» вообще выходит за пределы общедоступного и общепонятного. Проще говоря, человек становится экстрасенсом — посвященным в тайны организма высшим для человека посвящением.

«Я как-то чувствую людей, физически чувствую,» — говорил Толстой. Говорил, вряд ли догадываясь, что сверхчувствительность толстовской 3-й Физики — один из двух главнейших компонентов его гения. Способность к сенсорному сопереживанию, даже заочному, даже еще только прогнозируемому, — тайна творчества Толстого. Читая в

«Анне Карениной» описание сцены, когда после визита Каренина, Анна ощущает прикосновение его губ к руке, как ожог, понимаешь: не Анна, а сам вселившийся в ее оболочку Толстой подставил руку для поцелуя и своей сверхчувствительной кожей почувствовал жгучее прикосновение.

Чувствительность толстовской 3-й Физики — не предел. Иногда сопереживание «недотроги» достигает такого градуса, что он не просто остро сочувствует тому, что испытывает другой, но может прямо испытать то же самое. В науке это явление получило название «стигмации». Франциск Азизский, у которого при созерцании изображения распятого Христа на руках и ногах открывались раны, — наиболее известный пример стигматика.

Беспредельно сострадание «недотроги» к людям физического труда. Иногда оно принимает такие гипертрофированные формы, что прямо делается анекдотичным. Например, про знаменитого французского драматурга Ростана рассказывали следующую историю: « У Ростана был свой кучер, который возил только его. Ростан ужасно его жалел. Когда он после театра ужинал, то не мог без содрогания думать о том, что кучер мерзнет на козлах, мокнет под дождем далеко за полночь. Эта мысль отравляла ему все удовольствие. Поэтому он приказывал поднести вознице стакан грога и сказать, чтобы тот ехал домой, хозяин, мол, наймет фиакр.

Как-то ночью кучер ввалился в кафе и заявил «мосье», что уходит. Обозлился, что его не принимают всерьез.»

Угадать 3-ю Физику просто: она с младенчества совершенно, до судорог не выносит щекотки и проносит ненависть к ней через всю жизнь. По этой примете и получила 3-я Физика звание «недотроги».

Происхождение такой обостренной чувствительности в изначальном ощущении сверхранимости 3-й Физики. И через призму этой сверхранимости ясно и легко читаются все поведенческие, правовые, экономические, эстетические и иные аспекты жизни «недотроги».

* * *

Особенно ярко ранимость 3-й Физики проявляется в интимной сфере. Вся жизнь представляется «недотроге» путем, перегороженным гигантским барьером — кроватью, благополучное переползание через которую составляет мед и смысл жизни. Может показаться, что я несколько утрирую, но вот собственные слова Толстого, произнесенные с полной серьезностью: « Человек переживает землетрясения, эпидемии, ужасы болезней и всякие мучения души, но на все времена для него самой мучительной трагедией была, есть и будет — трагедия спальни». Здесь Толстой совершенно обосновательно и по понятным причинам превратил свою собственную проблему в общечеловеческую.

Робко и запоздало, в сравнении с другими, начинает 3-я Физика свою половую жизнь. И почти независимо от того, как она складывается, обычная для Третьих функций раздвоенность в сексе «недотроги» также имеет несчастье присутствовать. Как-то одна дама, знакомая Жан-Жака Руссо, описывая его 3-ю Физику, хорошо сказала, что он — «поклонник платонического и нескромный». Я бы характеризовал раздвоенность 3-й Физики лапидарнее и жестче — «гиперсексуальный ханжа».

С одной стороны, ранимость 3-й Физики заставляет ее обладателя ханжить: отрицать значение эротики, изображать ее чем-то, не достойным внимания, нечистым. А с другой стороны, та же ранимость 3-й Физики требует вкладывать в секс максимум сил и души, чтобы данным способом заживить постоянно ноющую рану. Так двупостасно «недотрога» и существует, вызывая недоумение и нарекания у своих сексуальных партнеров. С.А.Толстая, глядя на мужа, разом повеселевшего и подобревшего после прове-

денной вместе ночи, ядовито замечала: «Если бы те, которые с благовоением читали «Крейцерову сонату», заглянули на минуту в ту любовную жизнь, которой живет Левочка, и при одной которой он бывает весел и добр, -то как свергли бы они свое божество, с того пьедестала, на который его поставили.»

Язва по 3-й Физике бывает так глубока, что естественное прекращение половой жизни воспринимается как освобождение от рабства. Именно так назвал свою импотенцию драматург Еврипид, за что удостоился от христианских апологетов звания «протохристианина». На примере Еврипида, кроме всего прочего ясно просматривается еще одна примета сильно уязвленной 3-й Физики — патологическая ненависть к существам противоположного пола. Ни кто иной как Еврипид первым выдвинул в драме «Ион» предложение размножаться однополо, почкованием, без женщин, и все последующие «недотроги», теоретизировавшие на эту тему, были лишь эпигонами Еврипида. И соратниками по несчастью.

Робкий ухажер, пугливый объект ухаживания, «недотрога» инициативу на себя в любовных делах предпочитает не брать — ему здесь удобнее не столько вести, сколько быть ведомым. Однако, если партнер оказывается достаточно напорист и деликатен, и дело доходит до греха, он бывает приятно удивлен и вознагражден открытием в «недотроге» вдохновенного, сладострастного и утонченного любовника. Во-первых, повышенная чувствительность сенсорики превращает тело 3-й Физики в одну сплошную эрогенную зону, особенно эрогенна спина «недотроги», так как, будучи наиболее беззащитной частью тела, настроена на восприятие среды сверхостро. Во-вторых, по той же причине 3-я Физика чувствительна к чужому телу, деликатна, нежна, чутка к запросам и возможностям партнера. Наконец, специфика сексуальной психологии «недотроги» требует ставить чужое удовольствие выше собственного, более того, именно в зримых проявлениях испытываемых партнером переживаний видеть достаточную и полную реализацию своей сексуальности. Так что, если когда-нибудь будет позволено говорить о половом альтруизме, то первым это качество следует приписать «недотроге».

Еще раз обращу внимание: все перечисленные удовольствия можно получить от 3-й Физики лишь при условии соблюдения максимальной деликатности. В сексологии, например, известен случай, когда один мужчина сделался импотентом в свою первую брачную ночь. А довело его до этого вполне невинное поведение невесты, она по простоте душевной просто легла на спину и раздвинула ноги, такая «грубость» настолько поразила жениха, что он тут же навеки лишился мужской силы.

Впрочем, заранее предсказать, на чем споткнется сексуальность 3-й Физики, дело безнадежное. Например, Жан-Жак Руссо бежал из объятий юной соблазнительной венецианки, обнаружив, что у нее соски разной формы и посчитав на этом основании, что она «какое-то чудовище, отверженное природой, людьми и любовью.» Или вот еще отрывки из писем женщин к психиатру: «Замужем не была, никаких связей с мужчинами не имела, мужчин презираю... Мужчины меня не обижали, не делали никаких пакостей. Просто в детстве, лет двенадцати, я как-то шла по улице за солидными мужчинами и улыбалась, как они рассуждают о супружеской жизни, в чем она заключается. С тех пор видеть их не могу...» «Это произошло в шестом классе. Какой-то дурак лет восемнадцати полез ко мне под юбку. Потом в восьмом повторилось что-то вроде этого на лестничной площадке. Если смотреть здраво, ничего страшного. Но с этого момента в меня вселился Страх... Боюсь знакомиться, боюсь даже знакомых. Поймите меня правильно, я вовсе не считаю, что «все мужчины подлецы». Но ведь это останется...»

3-я Физика — единственная из Физик, ревнующая именно физиологической ревностью. Для нее половой акт — вещь настолько деликатная, интимная, даже священная, что вторжение посторонних в эту сферу, воспринимается, как осквернение святыни, после которого наступает физическое отторжение, плотская брезгливость и вероятность про-

должения прежней половой жизни становится, во всяком случае, достаточно проблематичной. Если со временем «недотрога» и прощает измену, то не забывает ее никогда.

Хочу предупредить: обмануть 3-ю Физику, оставив ее в неведении относительно сторонних походов, очень трудно. Во-первых, потому что она постоянно на чеку, ждет и боится измены. А во-вторых, у нее абсолютный слух на самые тонкие вибрации человеческого тела.

Как не лишен ханжества взгляд 3-й Физики на половую жизнь, так и восприятие ею наготы страдает известной ущербностью. Поэтому наиболее последовательные противники нудизма и порнографии рекрутируются обычно именно из рядов «недотрог».

Позволю себе в этой связи небольшое интересное наблюдение над 3-й Физикой. Ранней и очень характерной приметой ее можно назвать привычку отворачиваться от экрана телевизора, в момент показа любовных сцен, даже простого поцелуя. Приписывать эту реакцию воспитанию нет оснований, так как проявляется она еще в самом раннем детстве. Остается говорить о некоем «врожденном нравственном чувстве», некоей «врожденной стыдливости». Однако и такое объяснение справедливо лишь в той части, что касается очевидной врожденности реакции. На самом деле ребенок отворачивается от изображения поцелуя, не по природной стыдливости, а по врожденной «порочности», потому что у него 3-я Физика. А это значит, что ребенок повышено чувственен и физическое восприятие его настолько обострено, что он не просто видит на экране поцелуй, но и ощущает его вкус на своих губах. И это невольное вторжение своими губами в чужой поцелуй заставляет ребенка отворачиваться от экрана.

Еще одна причина неприязни «недотроги» ко всему, что относится к интимной сфере, к нудизму и порнографии, думаю, заключается в страхе перед той властью, которую имеет над ним нагота. Как-то в присутствии Толстого было высказано неудовольствие по поводу того, что скульптор Паоло Трубецкой ходит с женой голышом на речку купаться. И Толстой, будучи не в силах прямо осудить друга, сделал характерное признание: « У меня всегда было это чувство стыда, и, например, вид женщины с оголенной грудью мне всегда был отвратителен, даже в молодости.. Тогда примешивалось другое чувство, но все-таки было стыдно...»

Что отвратительного в женской груди? Право, не по врожденной стыдливости отворачивался от нее Толстой. А по природной блудливости. Вид нагой груди был слишком упоителен для него, слишком притягателен, доводил до пугающего самозабвения. Не стыд, а страх перед магической властью наготы над собой ощущал Толстой, и именно он заставлял его отводить глаза.

Толстой недаром любил пересказывать один сон, якобы виденный некогда знакомым помещиком. Снилось тому следующее: идет он по узкой тропке через кустарник, ориентируясь на два высающиеся впереди холма. Вдруг помещик оступается, падает ногой в трясину и начинает тонуть. Когда же, погрузившись в трясину по пояс, он бросает взгляд на высающиеся впереди два холма, то видит, как из-за них поднимается голова гигантской женщины... Ужас охватывает помещика, когда он понимает — куда погружается... И здесь приходит пробуждение. Толстой не зря любил пересказывать этот, скорей всего, им же виденный сон. Толстой чувствовал себя при виде женского тела в положении того анонимного помещика, и страх погрузиться в женское лоно с головой, до полной потери своего «я», заставлял его отвращать от наготы взор.

Страх — вообще доминирующая, хотя и по возможности скрытая, черта эротики 3-й Физики. Она боится существ противоположного пола, боится отказа в близости, ищет максимально нетравматичных путей реализации своей сексуальности. Откроем в этой связи «Отца Сергия». Если читатель помнит, стержнем повести является отношение монаха, отца Сергия, к двум женщинам. Одна, светская, красивая, разбитная дамочка, пытается соблазнить монаха, и, чтобы преодолеть искушение, он отрубает себе палец. Другая — просто слабоумная купеческая дочка, едва представ перед отцом Сергием, оказывается

настолько соблазнительна, что он тут же нарушает с ней обет целомудрия. Толстого спрашивали: почему о.Сергий «сломался» на дурочке, устояв перед натиском светской львицы? Внятного ответа на данный вопрос Толстой не смог или не захотел дать. Поэтому возьму на себя смелость самому разрешить это давнее недоумение.

Отец Сергей не поддался соблазну в первый раз, так как боялся. Боялся, что эта светская красивая женщина поманит, да в последний момент откажет, оттолкнет его, уже спустившего штаны, рассмеется в лицо, да еще попрекнет, напомнив о монашеском обете. Страх перед сексуальной травмой оказался у о. Сергия так велик, что он предпочел отрубить себе палец, нежели подвергнуться такому испытанию. Иное дело — история с дурочкой. Она, уже в силу болезненного состояния, наперед гарантировала 3-й Физике о. Сергия полный сексуальный комфорт, и вот — грехопадение не замедлило.

Пример из «Отца Сергия», естественно, не свидетельство, что 3-я Физика только и занята охотой за умственно неполноценными, он — лишь иллюстрация тезиса о предпочтении, которое отдает «недотрога» нетравматичным путям реализации своей сексуальности. Есть и другие пути, которые можно назвать «извращениями», «инверсиями» или «нетрадиционными способами любви» (кому как нравится), объединенные общим свойством: минимальным травматизмом. Это — онанизм, однополая любовь, скотоложество, фетишизм. К предложенному списку можно, наверное, добавить еще что-то в том же духе, главное, что все эти способы любви психологически комфортны и тем особо ценны для 3-й Физики.

Уж коль речь зашла об «извращениях», то необходимо добавить, что к ним склонна не только 3-я Физика, но в большей или меньшей степени все Физики. Иное дело, что для каждой из них в этом случае имеется существенная разница в мотивах. Если 3-я Физика попадает в стан «сексуальных меньшинств» из страха, то 1-я — по всеядности, 2-я — из любопытства и любви к разнообразию, 4-я — по безразличию. Так что само по себе положение Физики на ступенях функциональной иерархии — не гарант «здоровья» или «расстройства» половой сферы.

Говоря о комфортном для 3-й Физике сексе, невозможно обойти самый простой и удобный вид реализации половой потребности. Брак. Так вот, «недотрога» — существо в высшей степени брачное. Объясняя преимущество брака, Толстой, с шестка 3-й Физики и устами одного из своих героев, отмечал, что «женитьба, кроме приятности домашнего очага, устраняя неправильность половой жизни, давала возможность нравственной жизни. « Конечно, Толстой несколько погорячился, объявляя брак условием нравственной жизни и т.п. И тем не менее, пусть с разными оговорками, но ценность брака для сексуальной жизни следует признать, а заключается она в том, что он делает законным половое сношение — то, что более всего необходимо 3-й Физике, то, что окружает ее секс максимальным комфортом.

Преимуществ множество. Во-первых, вольное или невольное присутствие посторонних при законном половом сношении ставит посторонних в заведомо невыгодное положение и автоматически замыкает им уста, чему бы свидетелем они не оказались. Во-вторых, брак, пусть не гарантирует, но все-таки ставит известные преграды на пути венерических заболеваний, и это весьма важно. Достаточно вспомнить в данной связи пример Жан-Жака Руссо, который за одну ночь с проституткой заплатил, кроме всего прочего, двухмесячным мучительным разглядыванием себя на предмет появления первых признаков дурного заболевания.

Наконец, брак опять-таки не гарантирует, но ставит преграды для измен и появления чужих детей, что особенно важно для мужчин с 3-й Физикой. Ревнуют все, ревнуют даже насекомые, что говорить о людях. Но ревность мужчин-«недотрог», если так можно выразиться, ревностней ревности любого другого мужчины, потому что они боятся не просто утраты власти над существом, которое считают своим, боятся не просто получения чужого потомства, чего боится всякая мужская особь, страх 3-й Физики безмерно

увеличивает угроза того, что измена подтвердит тщательно скрываемый, но постоянно ощущаемый диагноз дефективности своего физического начала. Поэтому естественно, что в поисках дополнительных уровней защиты, «недотрога» торопится вступить в брак, пытаясь законом прикрыть свое израненное тело.

* * *

Чадолубие 3-й Физики безгранично и порой принимает чрезмерные, уродливые формы, «недотрога», видя в деторождении не просто ценность, а ценность абсолютную, независимую от времени, пространства и обстоятельств, бывает не просто плодовит, а плодовит нерасчетливо, бездумно. Хотя понять его можно, плодородие — и физиологическая, и психологическая потребность 3-й Физики. Через воспроизводство реализуется ее процессионность и диалоговость, но, главное, оно — удостоверение в полноценности того, что кажется не вполне полноценным, ущербным от рождения.

К изнанке такого приветствуемого в целом явления, как чадолубие 3-й Физики необходимо отнести и излишне плотную опеку, которую она обычно учреждает над своими детьми. Чувствуя себя существом ранимым и мало приспособленным к быту, «недотрога» не всегда основательно переносит это ощущение на свое потомство и старается создать ему не слишком полезные для самостоятельной жизни, тепличные условия существования. Одним словом, если бывает на то ее воля, 3-я Физика дает многочисленное, но мало приспособленное к суровым условиям жизни потомство.

* * *

«Недотрога» очень неважный боец, худший, чем кто-либо. Дело в том, что он, говоря откровенно, трусоват. Насколько трусость 3-й Физики оказывается заметной для посторонних, зависит от многих условий, но то, что ей меньше чем кому-либо хочется подвергать силовому испытанию свое и без того от рождения как бы израненное тело — это точно.

Из страха же 3-я Физика бывает в бою (если его не избежать) слишком жестока. Боязнь получить травму глушит в ней жалость и чувство меры, поэтому, коль дело доходит до драки, превышение необходимой самообороны — обычное для 3-й Физики явление.

Впрочем, драться «недотроге» приходится крайне редко. Рукоприкладство и в быту, и в политике для него мало приемлемый и наиболее бесперспективный способ решения проблем. Если, как говорилось, 1-я Физика — природный «ястреб», то 3-я Физика — природный «голубь». Пацифизм у нее в крови. Поэтому бессмысленно искать основоположника пацифизма. Ясно, что ни Толстой, ни Ганди, ни даже Христос не были родоначальниками пацифизма, их единомыслие в вопросе насилия — суть единомыслие определенного класса людей, объединенных 3-й Физикой. «Недотрога» более всего боится физической силы, и потому наименее склонен прибегать к ней сам.

Сразу скажу: упаси Бог считать, что пацифизм 3-й Физики и в быту, и в политике — норма, образец решения спорных вопросов. Ни в коем случае. Хорошо, точно дозированное насилие — аргумент не хуже других, особенно по отношению к людям, которые сами не брезгают рукоприкладством.

Пацифизм — социальное выражение личной трусости. Поэтому какими бы высокими словами и авторитетными цитатами ни обкладывали себя трусость и пацифизм, они — изъяс, а не украшение 3-й Физики, особенно мужчин.

Позволю себе в этой связи один добрый совет родителям мальчиков с 3-й Физикой: отдайте их в школу каратэ стиля «Киокашинкай» (Масс Оямы). Сам посвятил этому наиболее агрессивному, боевитому стилю каратэ несколько лет и не понаслышке знаю, насколько благотворно его влияние на состояние 3-й Физики. Ведь по-настоящему мучи-

тельна для 3-й Физики не сама боль, а преувеличенное представление о боли. Поэтому, когда занявшись каратэ, «недодрога» в процессе спортивных схваток убедится, что тело его не так хлипко, как казалось, и способно «держать удар», что собственный кулак также что-то весит, реальность и представление о боли станут адекватны друг другу. А адекватность реальной и предполагаемой боли — это та бойцовская норма, которая разом избавляет 3-ю Физику от двух наиболее нетерпимых в обществе пороков: трусости и его производного — жестокости.

В спорте 3-я Физика опаслива и одновременно азартна, исполнена наружного презрения и тайной зависти — одним словом, являет обычное для Третьих функций двурушничество. Толстой — последовательный противник всякой телесности с азартом занимался физкультурой, а, уехав деревню, пугал крестьян, подолгу вися на турнике вниз головой, за что был награжден от них прозвищем «странного барина».

* * *

В свете сказанного о 3-й Физике нетрудно догадаться, что она необычайно законопослушна. Ее природная жалостливость, бессеребряничество, неприятие насилия и страх перед ответным насилием практически гарантируют ничтожный процент «недодрога» в общей криминальной статистике.

Единственное преступление, на которое сравнительно часто решается «недодрога», обусловленное, кстати, все той же 3-й Физикой, — это преступление из ревности. Что 3-я Физика — единственная из Физик, страдающая физиологической ревностью, уже говорилось прежде. Какие же муки испытывает ревнивец-«недодрога» и что чувствует, мстя за свою реально или мнимо поруганную честь, с неимоверной силой и точностью передано в «Крейцеровой сонате» Толстого, читайте ее.

Не останавливаясь далее на подробностях кримиогенеза 3-й Физики, отмечу деталь, так же очень точно схваченную в «Крейцеровой сонате» и также имеющую отношение к хронике происшествий. Дело в том, что «недодрога» довольно часто посещают мысли о самоубийстве. Мысль эта может даже стать навязчивой, маниакальной, но лишь в исключительных случаях претворяется «недодрогой» в жизнь. Вспомним, герой Толстого, убив из ревности жену, решается на самоубийство, и далее с ним происходит вот что: « Да, теперь надо и себя, »- сказал я себе. Но я говорил это и знал, что я не убью себя. Однако я встал и взял в руки револьвер. Но странное дело: помню, как прежде много раз я был близок к самоубийству. Теперь я никак не мог не только убить себя, но и подумать об этом».

У Толстого не сказано, почему героя часто посещала мысль о самоубийстве и почему даже после убийства жены он не наложил на себя руки. А ответ на эти два вопроса довольно прост: жажда покончить с собой, периодически возникающая у «недодроги», связана с подсознательным желанием выключить наиболее беспокойную, неудобную, постоянно ноющую функцию — Физику. А утолить эту жажду не дает присущее 3-й Физике могучее физиологическое воображение, которое в состоянии наперед воспроизвести все ощущения ухода из жизни. Стоит ей представить себе, как пуля, раздробив череп, бурит тоннель в тканях мозга, или как медленно с бульканьем заполняются речной, грязной водой легкие, или как содрогаются сожженные отравой внутренности...- и самоубийственное наваждение исчезает само собой.

* * *

Сенсорика 3-й Физики до крайности рафинирована. Слышать обертоны, которые не слышит обычное ухо, кожей чувствовать самые микроскопические изменения среды, обонять запахи, не улавливаемые носом среднего человека, видеть тональные переходы,

которые не видит обычный глаз, — не составляет для нее большого труда. Поэтому из «недотрог» получаются классные массажисты, настройщики, дегустаторы. Как замечательную иллюстрацию к теме дегустации 3-й Физики напомним историю с пророком Магометом. Однажды некая вдова убитого по приказу пророка племенного вождя прислала Магомету жаренного барана натертого ядом. В шатре был устроен пир, но пророк взяв в рот маленький кусочек, тут же почувствовал неладное и кусок выплюнул, сохранив себе тем самым жизнь (хотя и не без мучительных последствий). Остальные же менее чувствительные участники пиришества тут же отправились в мир иной.

Если же первоначальной рафинированности 3-й Физики сопутствуют усиленные занятия и физические травмы (болезни, побои, лишения), то восприятие «недотроги» может достигнуть нечеловеческого, мистико-магического уровня. Так, из 3-й Физики, тяжелейших болезней и изнурительных музыкальных упражнений сложился гений Паганини, тонкость слуха которого стала легендой: «Одаренный тончайшим слухом, Паганини обладал в этом смысле невероятной восприимчивостью: левое ухо, привыкшее к содействию скрипки, слышало намного обостренное правого, и барабанная перепонка стала такой нежной, что он испытывал сильную боль, если сбоку или рядом с ним говорили громко. В то же время он был способен уловить самые тихие звуки на огромнейшем расстоянии.»

Разумеется, возможность утонченного восприятия не равнозначна любви ко всему утонченному, но в случае с 3-й Физикой то и другое совпадает. Для ее вкуса характерно пристрастие к тонким, изящным предметам, к неярким, сложным цветам, к тонкой, богатой ароматической гамме, к сложному негромкому звукоряду.

* * *

Деятельность «недотроги» на производстве также имеет некоторые специфические черты. Ему, например, совершенно противопоказан конвейер. Присущие конвейеру монотонность и однообразие, запрет на самодеятельность и обреченность на монолог травмируют утонченную организацию 3-й Физики и быстро выводят ее из строя.

«Недотрога» с опаской относится к работающим механизмам, поэтому процесс их освоения 3-й Физикой бывает затруднен и несколько растянут. На производстве, как и в сексе, она долго предпочитает роль ведомого роли ведущего. Однако к концу обучения робость «недотроги» обычно улетучивается, и начинается долгий процесс творческой, артистической, утонченной переработки полученного опыта, доводящий порой набор даже самых простых операций до состояния близкого к настоящему искусству.

Вспоминается в этой связи рассказ об одном китайском разделывателе мясных туш, который очень гордился тем, что на протяжении нескольких десятилетий пользовался при разделке одним и тем же ножом. А секрет долголетия ножа заключался в том, что этот китаец со временем довел свое более чем простое в сущности занятие до такой степени виртуозности, что, обладая почти рентгеновским видением, прозревал в мясе любые, даже микроскопические пустоты и с безукоризненной точностью вел по ним нож, разделывая туши практически без усилий и амортизации инструмента.

Уж коль речь зашла о Китае и 3-й Физике, то остается добавить, что, по моим предположениям, именно 3-я Физика была создателем такого уникального явления, как китайская кухня. Она интересна тем, что является полной противоположностью созданной 2-й Физикой, простой, ясной, натуральной, небогатой японской кухни. Китайская кухня необъятна, сложна, ювелирна, изыскана, парадоксальна... Для точного описания ее просто нет красок, поэтому ограничусь констатацией: если читатель захочет узнать, до какого артистизма может возвыситься деятельность 3-й Физики в материальной сфере, — лучше иллюстрации, чем китайская кухня, не найти.

Отношение к продовольственной проблеме 3-й Физики лучше передать словами Жан-Жака Руссо: «Я люблю поесть, но не жаден; падох на все вкусное, но не лакомка. Слишком много других склонностей отвлекают меня от этого. Я уделяю внимание своему желудку, только когда мое сердце свободно.» Кроме всего прочего, в признании Руссо замечательно выстраивание иерархии из сердца (1-й Эмоции) и желудка (3-й Физики), где сердце явно превалирует над желудком. По одной этой фразе можно начинать выстраивать порядок функций у Руссо в целом.

Двусмысленно, изломанно складываются в быту и обществе экономические отношения 3-й Физики. С одной стороны, ранимость ее требует беспредельной скарденности для максимально эффективного прикрытия большого места. А с другой стороны, жалостливость, мнимый аскетизм, суперпроцессионность Третьей функции провоцирует политику широких жестов, порывов щедрости, бездумных трат. В результате экономический лик «недотроги» оказывается странно раздвоен, получается то, что академик Сахаров самокритично назвал «слегка жмотом». Причем, жмотничество 3-й Физики обычно принимает мелочные, чудаческие формы, то, что у нас принято называть «экономией на спичках». И в тоже время 3-я Физика обожает делать дорогие подарки, считает своим святым долгом участвовать в благотворительной деятельности, хотя сама похвастаться размером кошелька обычно не может, а кроме того, не умеет, не любит и считает ниже своего достоинства много зарабатывать, видит в большой мошне явные приметы дурного вкуса.

Очень точно специфическую двуликость отношения 3-й Физики к деньгам передал Жан-Жак Руссо. Он писал: «...одно из моих мнимых противоречий: соединение почти скарденной скупости с величайшим презрением к деньгам. Я так хорошо понимаю, что деньги созданы не для меня, что почти стыжусь иметь их, а тем более пользоваться ими. Если бы у меня когда-нибудь был определенный и достаточный для жизни доход, мне не грозила бы опасность стать скупцом, твердо уверен в этом; я тратил бы весь свой доход, не стараясь его увеличить, но необеспеченность держит меня в страхе.»

У «недотроги» крайне обострено чувство собственности. Он редко обладает большим числом вещей, но то немногое, что у 3-й Физики имеется, обладает особым статусом и значением. Только в своем доме, среди своих вещей чувствует «недотрога» себя непросто комфортно, а в собственной тарелке. Как бы ни был уютен чужой дом и удобны чужие вещи — они, не сказать, плохи, но неудобны для 3-й Физики уже потому, что они чужие.

С точки зрения предпочтений в социально-экономической политике, 3-я Физика ближе всего к званию «коммуниста». Можно назвать ее иначе: «монахом», «кибуцником» — суть от этого не изменится. А суть заключается в том, что «недотрога» внутренне ближе всего уравнительно-распределительная система.

Природа коммунистических симпатий 3-й Физики достаточно прозрачна. Она чувствует себя самым слабым и наиболее ранимым звеном общества. Поэтому, чтобы не подвергать риску свою жизнь и здоровье, «недотрога» старается разместить груз личных проблем на спинах окружающих, настаивая на уравнительно-распределительной системе экономики, обещающей, независимо от вклада, равную для всех защиту. То, что такая система неэффективна, мало беспокоит 3-ю Физику, к богатству она принципиально не стремится и готова примириться с минимумом, лишь бы он гарантировался.

Владимир Буковский, глядя на коммунистические поползновения некоторых западных интеллигентов с высоты своей здоровой 2-й Физики, едко и точно замечал: «Откуда у социалистов столько меркантильности? Ведь большинство их — интеллигенты, живущие в мире идей, а не вещей. Их теория удивительно непоследовательна: с одной стороны, они вечно критикуют потребительство, материализм и корысть, а с другой — именно этот аспект жизни волнует их больше всего, именно в потребительстве им хочется установить равенство. Неужели они верят, что, если каждому выдать по равной пайке хлеба,

все сделаются братьями?.. Неужели могут стать братьями люди, ревниво считающие доходы друг друга и завистливо провожающие взглядом каждый кусок, проглоченный соседом?» Наблюдение Буковского не новость, оно — невольный плагиат сказанного много ранее Достоевским: «...почему это все эти отчаянные социалисты и коммунисты в то же время и такие невероятные скряги, приобретатели, собственники, и даже так, что чем больше он социалист, чем дальше пошел, тем сильнее и собственник...почему это?» Трудно спорить со сказанным, все справедливо... Но, говоря о двуличии 3-й Физики, необходимо учесть, что ее лукавая аскетика искренна или, во всяком случае, вполне бессознательна, и когда она старательно выдает ущербную коммунистическую модель за норму человеческого общежития — это хитрость не мошенника, а душевнобольного.

Как и скептицизм 3-й Логике, коммунизм 3-й Физике не философия, а ущербная психология. Психология незначительной, но влиятельной группы населения. Поэтому, наблюдая сейчас гибель коммунизма в его государственных формах, не следует делать вывод, что с ним уйдет в небытие сама коммунистическая идея. Она продолжит свое существование, только в естественно отведенных ей границах, без претензии на господство, в виде мелких партий, общин, коммун, монастырей, кибуцев, будет жить — пока жива 3-я Физика.

«Лентяй» (4-я Физика)

Термин «лентяй» не следует понимать слишком буквально. Он отражает не столько манеру поведения, сколько психологическую ориентацию личности. Наоборот, внешне 4-я Физика зачастую выглядит большой труженицей. Она усидчива, невзыскательна, страшна в трате сил, исполнительна в точно отведенных ей рамках. «Лентяйство» 4-й Физики заключается не в видимых проявлениях саботажа, симуляции или отлынивания, а в невидимом безразличии к характеру и результатам своего труда (если иметь в виду под трудом чисто физический его аспект). Конечно, при заведомом равнодушии «лентяя» к делу, трудно ждать от него азарта, инициативы, творческих всплесков и чего-нибудь еще в том же духе, но есть у этого безразличия и своя положительная сторона. На «лентяя» легко возложить любую грязную, нудную или бессмысленную работу, что в избытке пока находится в нашем обществе. Кто-то должен заполнять заведомо обреченные на уничтожение формуляры, выносить горшки, стоять у конвейера — и лучшего кандидата на исполнение таких работ, чем 4-я Физика, не найти.

Я для себя еще называю 4-ю Физiku «лунным человеком». Действительно, есть у «лентяя» какая-то таинственная связь с луной. «Ты дышишь солнцем, я дышу луной, « — признавалась Ахматова. Могу только предположить, что ощущение внутренней связи с луной у 4-й Физики возникает из их энергетического родства. Как луна светит слабым, лишь отраженным светом, так и «лентяй», по закону Четвертых функций, — лишь отражение вышестоящих, автономных физических энергетик.

Сама по себе 4-я Физика — прирожденная декадентка, в буквальном смысле этого слова («декаданс» — «упадок»). Ощущение ослабленности в себе физического начала живет в «лентяе» с рождения, впрочем, мало его беспокоя. Другое дело, что обычное для 4-й Физики чувство ранней дряхлости в молодые годы, бывает, странно контрастирует со свежим, здоровым обликом, внося сумятицу и недоумение в окружающую среду.

Припоминается в этой связи анекдот из жизни молодого Александра Блока. Группа московских поэтов впервые ждала Блока к себе и, начитавшись таких строк, как

*«Только здесь и дышишь, у подножья могил,
Где когда-то я нежные песни сложил
О свиданьи, быть может, с Тобой...»*

*Где впервые в мои восковые черты
Отдаленною жизнью повеяла Ты,
Пробиваясь могильной травой...»*

представляла себе его «изможденным, худым, бледным и даже скорее некрасивым». Реальность же продемонстрировала совершенно обратное. Андрей Белый вспоминал: « Я весь дрожал. Никогда в жизни — ни прежде, ни потом — я не испытывал такой жгучей неловкости. И разочарования. Обман, обман! Меня обманули. Это не Блок. Не мой Саша Блок.

Но до чего он был красив! Высокий, стройный, статный. Курчавый. Весь как в нимбе золотых лучей, румяный с мороза. В студенческом сюртуке, широкоплечий, с осиной талией. От синего воротника его дивные глаза казались еще голубее. До чего красивый, до чего земной, здоровый, тяжелый.»

Разумеется, неумолимый бег времени постепенно размывает в «лентяе» противоречие между психическим самоощущением Физики и реальностью, пока к старости 4-я Физика вообще не делается адекватна сама себе. Но до того такие явные противоречия раздражают и шокируют окружающих, заставляют подозревать в поведении 4-й Физики элемент позерства, игры в декаданс. Чего на самом деле нет, она декадентствует вполне искренне.

* * *

«Я имел аскетические вкусы и не шел аскетическим путем,» — писал Бердяев, и в это фразе философа заключена вся экономическая программа 4-й Физики, точнее, отсутствие ее. «Лентяй» действительно без напряжения обходит минимумом, но из этого не следует, что ему претит роскошь. Он слишком безразличен к физическому пласту жизни, чтобы всерьез относиться к проблеме личного уровня потребления, обусловленного более обстоятельствами и средой, нежели желаниями и усилиями самого «лентяя». Например, Эйнштейн, обеспечив себе под старость самый элементарный достаток, мог использовать чек на 15000 долларов от Рокфеллеровского фонда в качестве книжной закладки.

* * *

«Лентяй» — существо абсолютно бесстрашное. Бесшабашная храбрость 4-й Физики со стороны смотрится замечательным достоинством, но на самом деле не является таковым. Подставлять под бой Четвертую функцию, т.е. то, чем менее всего дорожишь — не велик подвиг. Кроме того, как у всякой добродетели, у храбрости «лентяя» есть своя оборотная сторона: не щадя себя, он не склонен щадить и других. Поэтому 4-я Физика зачастую бывает в своей деятельности не менее кровава, чем 1-я Физика. По счастью, насилие в арсенале «лентяя» является последним аргументом, а не первым, но если до него доходит, то пощады от 4-й Физики ждать не приходится. Свежий пример — политика президента Буша во время кризиса в Персидском заливе, когда, исчерпав все другие формы воздействия, он холодно, расчетливо и методично расправился с четвертой армией мира.

К слову сказать, «лентяй» — беспроектный политик. Будучи храбрецом, он, кроме того, не рискует сломать себе шею на том, на чем обычно и ломается шея политика: деньги и женщины. От этих соблазнов он огражден самой природой, своей 4-й Физикой. Поэтому храбрость, бессеребряничество и непотасканность заранее обеспечивают политику с 4-й Физикой бессрочный карт-бланш толпы. Вспомним в этой связи «лентяя» Робеспьера, чей титул-прозвище «Неподкупный», гарантировал его бестолковому кровавому режиму непозволительно долгую жизнь.

Еще обратим внимание, что период правления политика-«лентяя» не лучшее время для экономики страны. 4-ю Физику слишком мало волнует физический пласт жизни, чтобы заниматься им всерьез, и это обстоятельство положительно сказывается на рейтинге политика-«лентяя» и отрицательно — на кошельках его избирателей.

Не хочу никого пугать, но 4-я Физика более, чем кто-либо, склонна к самоубийству. Для нее мысль о суициде не поза, как для 3-й Физики, а нечто обыденное, то, что регулярно всплывает в сознании, не вызывая в ответ ни ужаса, ни отвращения. Мысль о самоубийстве — для 4-й Физики первая и, как это ни покажется странным, нормальная реакция на конфликты, проблемы, неудобства жизни. Собственно, начинать решение возникающих трудностей с отключения Четвертой функции вообще в характере человека, поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что, попав в трудное положение, «лентяй» первым делом торопится намылить веревку.

Со стороны такая акция выглядит героической, как это произошло с самоубийством Сократа, но по существу ничего героического в добровольном отключении того, чем менее всего дорожишь, нет. Об этом должен помнить каждый обладатель 4-й Физики, прежде чем нажимать на курок. Мысль о суициде — нормальная «лентяйская» блажь, и не следует спешить поддаваться ее первому, неверному призыву.

* * *

4-я Физика обычно хороша собой. Она столь же привлекательна, как и 1-я Физика, но иначе. Если 1-я Физика хороша сочностью форм и красок, то 4-я Физика — наоборот, она хороша своей тонкостью, бледностью, рафинированностью. Чтобы наглядно представить себе разницу между красотой 1-й и 4-й Физик достаточно сравнить внешность Мерилин Монро и Марлен Дитрих. Чувствуете разницу? Они кажутся очень похожими, но то, что у Монро полно, грубо, сладко, то у Дитрих тонко, сухо, нежно.

Чаще «лентяй» — худой, тонкокостный человек, «астеник». Однако мне попадались среди 4-й Физики и люди крупного, атлетического телосложения. Единственно, что почти стопроцентно роднит облик 4-й Физики — это иконописная тонкость черт: тонкий нос, тонкие брови, маленький, узкогубый рот (если нет афро-семитских предков).

Замечательное свойство красоты 4-й Физики заключается еще и в том, что время не властно над ней. Не скажу, что морщины и залысины обходят «лентяя» стороной. Нет. Но за вычетом таковых, облик 4-й Физики с юности до старости остается неизменным, и, если о ком-то говорят, добавляя старинный литературный штамп — «со следами былой красоты на лице», то можно быть почти уверенным, что речь идет о 4-й Физике. Светоний писал об императоре Августе: «С виду он был красив и в любом возрасте сохранял привлекательность, хотя и не старался прихорашиваться».

Есть еще одна внешняя примета 4-й Физики. Это — грусть, которая чаще других чувств читается в глазах «лентяя». 4-я Физика рождается и умирает с ощущением изначальной трагичности бытия, с ощущением беды. «Вы же знаете, печаль — это то, что мне близко» (Гоген), «Только с горем я чувствую солидарность» (Бродский). Ожидание катастрофы, дурные предчувствия типичны для 4-й Физики, и слова «кошмар», «ужас», «печаль», «тоска» — излюбленные в ее словаре.

* * *

Здесь мы подошли к новой и интереснейшей теме психософии сочетанию различных функций. Речь пойдет о влиянии физического начала на мироощущение и мировоззрение человека, точнее, о сочетании Физики с Эмоцией и Логикой, а если быть совсем точным, — о том, что принято называть «темпераментом».

Сразу оговорюсь, термин «темперамент» от Гиппократа до наших дней оброс таким слоем толкований и модификаций, что на вопрос о его значении вряд ли кто сейчас сможет ответить с полной определенностью. Неизменными сохраняются разве что названия четырех типов, на которые подразделяется человечество по темпераментам: сангвиник, холерик, флегматик, меланхолик. Кажется, все согласны и с тем, что темперамент находится в некоторой зависимости от физиологии; сами термины, обозначающие темперамент, происходят от греческого обозначения крови, лимфы, желчи. Это первое.

И второе. Глядя на классификацию темпераментов с чисто бытового, «кухонного» уровня, ее можно представить так: сангвиник — раблезианец, веселый, жизнелюбивый человек; флегматик — человек не менее жизнелюбивый, но сдержанный в выражении своего жизнелюбия; меланхолик — не сказать, чтобы жизнелюб, но натура во всяком случае спокойная; холерик — желчен, не спокоен и не жизнерадостен. Подчеркну, это — «кухонная» схема, но из нее приходится исходить, потому что за пределами «кухни» начинаются бесконечные противоречия и дразги среди интерпретаторов и модификаторов типологии Гиппократа.

Зная все это, попробуем взглянуть теперь на теорию темпераментов через призму психософии. Как известно, примета всякой надежной универсальной концепции не отрицание, а включение предшествующих систем: физика Ньютона вошла составной частью в физику Эйнштейна, то же произошло с геометрией Евклида после появления геометрии Лобачевского и т.д. Фактически и теория темпераментов представляет собой составную часть психософии.

Дело в том, что четыре темперамента — это четыре основных комбинации Физики и Эмоции, где положение Физики отражает их суть, окраску, цвет мироощущения, а положение Эмоции на ступенях функциональной иерархии определяет интенсивность выражения мироощущения.

Прежде уже говорилось, что в настроениях 4-й Физики преобладает грусть — это ее примета. Здесь все правда, но не вся. Вся правда в системе: чем ниже стоит у человека Физика, тем темнее окраска его мироощущения. И наоборот, чем выше стоит Физика, тем светлее окраска мироощущения. Эмоция же отвечает за интенсивность цвета, за резонанс, поэтому, чем выше Эмоция, тем сильнее выражается это темно или светлоокрашенное мироощущение. И наоборот.

Поэтому через призму психософии, система темпераментов выглядит следующим образом:

«Сангвиник»: Физика вверх + Эмоция вверх (ярковыраженное светлоокрашенное мироощущение).

«Флегматик»: Физика вверх + Эмоция вниз (слабовыраженное светлоокрашенное мироощущение).

«Меланхолик»: Физика вниз + Эмоция вниз (слабовыраженное темноокрашенное мироощущение).

«Холерик»: Физика вниз + Эмоция вверх (ярковыраженное темноокрашенное мироощущение).

Как влияет положение Физики на мироощущение, точно так же влияет оно, и на мировоззрение. Разница в том, что здесь Физика вступает в сочетание с Логикой. Но результат, естественно, тот же. Хотя надо признаться, что эти сочетания не получили столь развернутой типологии, как теория темпераментов, но в зачаточном виде типология мировоззрения существует и всем известна: это деление человечества на оптимистов и пессимистов.

Поскольку о влиянии Физики на окраску уже было сказано довольно, думаю, читателю не составит труда догадаться, что окрашивающая в светлые тона высокостоящая Физика рождает оптимистов, тогда как окрашивающая в темные тона низкостоящая Физика плодит пессимистов. И ничего с этим не поделать, процесс формирования миро-

ощущения и мировоззрения совершенно не зависит от человека, и с ними необходимо мириться, как приходится мириться с погодой.

МИР КАК ВОЛЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Покажется странным, но Воля в качестве компонента психологическим систем встречается достаточно редко, хотя ни один психолог не брался и не возьмется отрицать ее значения для психики человека. Объяснение этого феномена, думаю, следует искать в невыявленности и универсальности самой природы воли. Она, как Дух Святой, невидима, вездесуща, веет, где хочет и потому плохо уловима в сети психологических методик.

Особо наглядно неявное, но мощное участие воли в создании психологических систем можно изучать на примере типологии Карла-Густава Юнга. С одной стороны, Юнг заявлял, что в его типологию «воля и память... не включены», но на самом деле воля являлась главным дифференцирующим началом юнговской типологии.

Уже вошло в быт и стало общеупотребительным деление по Юнгу на интравертов и экстравертов, и при этом повсеместно данное деление принято понимать так, что экстраверт — это обращенный во вне, очень контактный человек, тогда как интраверт — человек, необщительный, обращенный внутрь себя. Но это — «кухонный» Юнг. На самом деле, экстраверт не человек, обращенный во вне, а человек ЗАВИСИМЫЙ извне, а интраверт — наоборот. Вот несколько характерных цитат из типологии Юнга: «... бессознательные притязания экстравертного типа имеют, собственно говоря, примитивный и инфантильный, эгоцентрический характер... Экстравертный тип всегда готов отдать себя (по-видимому) в пользу объекта и ассимилировать свою субъективность — объекту... Опасность для экстраверта заключается в том, что он вовлекается в объекты и совершенно теряет в них себя самого... Психическая жизнь данного личностного типа разыгрывается, так сказать, за пределами его самого, в окружающей среде. Он живет в других и через других — любые размышления о себе приводят его в содрогание. Прячущиеся там опасности лучше всего преодолеваются шумом. Если у него и имеется «комплекс», он находит прибежище в социальном кружении, суматохе и позволяет по несколько раз на дню быть уверяемым, что все в порядке. В том случае, если он не слишком вмешивается в чужие дела, не слишком напорист и не слишком поверхностен, он может быть ярко выраженным полезным членом любой общины.»

Проблема экстравертности и интравертности не в мере общительности, контактности, а в мере ЗАВИСИМОСТИ или НЕЗАВИСИМОСТИ индивидуума, т.е. она — проблема ВОЛИ. И фактически дея человечество на экстравертов и интравертов, Юнг поделил его на людей с высокостоящей Волей и Волей, стоящей низко, а уже только потом выделил из экстравертов и интравертов людей мыслительного типа, сенсорного, эмоционального и интуитивного, т.е. развил свою типологию, выводя типы из волевой базы человека. Однако, не принадлежа к людям волевым, сам Юнг постарался максимально закамуфлировать личную проблему и, создавая свою типологию, спрятал проблему воли за расплывчатой терминологией и, как уже цитировалось, даже официально вывел волю за пределы своей типологии. Произошло то, что и обычно происходит в психологии, когда психолог высоконаучно решает не чужие, а свои психологические проблемы, выдавая такие решения за универсальные.

Хотя бесспорным извинением Юнга может послужить то, что Воля — наиболее скрытый элемент человеческой психики, и нет в мире ничего, на что можно было бы указать как на очевидный плод Воли, тогда как следов Эмоции, Логики, Физики сколько угодно. Но нет в жизнедеятельности человека ничего, что бы не наполнялось Волей, не отражало бы место Воли в порядке функций индивидуума. Но все это только тайно, подспудно. Например, об египетских пирамидах принято говорить, как о величайших творе-

ниях **рук** человеческих, однако рабскому труду предшествовала **мысль** египетских инженеров, но и это еще не все, руки и мысли предшествовала **воля** фараона. Фараон сказал: «Я хочу пирамиду!»- и с этого все началось: инженеры и рабы явились лишь производным невидимой фараоновой воли.

Воля — скрытый от глаз психический компонент, поэтому только те, кто ощущает в себе избыточность волевого начала, т.е. обладатели 1-й Воли способны более или менее явственно различать в себе глуховатый, глубинный бас Воли за хором пронзительных дискантов других функций. Один из таких людей, Лермонтов, писал: « Воля заключает в себе всю душу, хотеть — значит, ненавидеть, любить, сожалеть, радоваться, — жить, одним словом. Воля есть нравственная сила каждого существа, свободное стремление к созданию или разрушению чего-нибудь, отпечаток Божества, творческая власть, которая из ничего созидает чудеса.»

Кто-то сочтет слова Лермонтова преувеличением, но на самом деле никакого преувеличения в них нет. Могу сказать больше — положение Воли на ступенях функциональной иерархии сильно влияет на правовые нормы человека, целиком формирует этику (неписаное право), индивидуальную картину общества и мироздания. Вообще, *будучи одной из функций и подчиняясь в своем действии тем же принципам и закономерностям, что и остальные, Воля одновременно является невидимым стержнем всего порядка функций.*

Соответственно, 1-я Воля — вся как бы монолог, избыток, результат, индивидуализм. 2-я Воля — вся как бы диалог, норма и процесс. 3-я Воля — вся как бы закомплексованность, тотальная уязвимость. 4-я Воля — вся как бы воск, зависимость и всеядность. Поэтому, не отменяя ничего из сказанного прежде, обращу особое внимание: положение Воли в функциональной иерархии имеет решающее значение для психики человека. И хотя под словами «характер», «личность», «Я» мы обычно понимаем сумму психических свойств индивидуума, на самом деле — это в первую очередь Воля, а уже потом, как довесок, остальные функции.

В зависимости от положения Воли на ступенях функциональной иерархии общество подразделяется на «царей» (1-я Воля), «дворян» (2-я Воля), «мещан» (3-я Воля). «крестьян»(4-я Воля).

«Царь» (1-я Воля)

1-я Воля — прирожденный лидер. Говорят, лидерами не рождаются, а становятся. Однако эта, как и множество других расхожих истин, не выдерживает проверки опытом. Лидерами именно рождаются, причем не только у людей, но и у животных. Например, цыплята едва вылупятся, а уже знают кто из них кто, кто, как говорят биологи, особь «альфа», и она сама знает, что она — «альфа», и первая шествует к кормушке, милостиво разрешая остальным, от «беты» до «омеги», двигаться вслед за собой. И установленный порядок клевания уже никогда не меняется.

Складывается впечатление, что волевой порядок функций существует не только у цыплят, но даже у комаров. Позволю себе в этой связи небольшое лирическое отступление — сугубо личного характера.

Довелось мне одно время служить ночным сторожем. Здание, которое я сторожил, было давней постройки, с теплыми, влажными подвалами, где комары размножались беспрепятственно с ранней весны до поздней осени. Так что для наблюдения над нравами и образом жизни комариного народа времени и материала у меня оказывалось больше чем достаточно.

Так вот, лежа во тьме на раскладушке и вслушиваясь в ночное пенье комарья, я заметил, что комары не так однолики, как это выглядит во время загородных прогулок: они, мол, как завидят человека, так все напрямик бросаются пить его кровь. Опыт ночного сторожа убедил меня, что картина сложнее, что в характере и поведении отдельных особей есть существенные различия.

Одни комары, видимо, с 4-й Волей, появлялись в моей комнате как бы случайно, поначалу лишь робко двигаясь вдоль стен, изображая праздных зевак, интересующихся исключительно архитектурой. Потом, так же, вроде без плана и личного интереса, комары начинали кружить, то приближаясь, то удаляясь и в явных колебаниях приближаясь вновь. Однако обычно стоило махнуть в их сторону рукой, как они сами, сразу согласившись с безнадежностью дальнейших попыток, улетали.

Другие комары, вероятно, с 3-й Волей, поначалу бывали столь же робки, но проявляли гораздо больше настойчивости в достижении своей цели. Долго и последовательно сжимая облетами круг, они не успокаивались, пока не усаживались на меня. Следовал хлопок ладони, и, если он не приканчивал кровопийцу, то комар возвращался на исходную позицию, и осторожная, смертельно опасная охота на меня возобновлялась.

Но однажды я почувствовал, что моей персоной заинтересовался не простой комар. Легко, стремительно влетев в комнату, он без колебаний и лишнего раздумий прямо стремился на меня. Безапелляционная прямолинейность его поведения создавала впечатление, что он не имел и тени сомнения в своем праве сосать мою кровь. Я, категорически не согласившись с этим и в то же время не найдя в себе душевных сил для открытой борьбы, трусливо накрылся одеялом. Комар, деловито треща крыльями, подлетел и уселся на одеяло. Не берусь объяснять, откуда взялось это чувство, но казалось, что это крошечное существо буквально меня попирает. Недолго постояв так, как бы обозревая свои владения, он стал перепархивать с места на место, неспешно погружая свой длинный носик в складки и ямки одеяла, в тщетной надежде добраться-таки до моих вен. Я лежал ни жив ни мертв, хотя сомневаться в толщине одеяла не было причин. Но тут царственный комар допустил промах: по раздраженно-паническому треску его крыл я понял, что мой мучитель переусердствовал и провалился в одну из складок одеяла. Боже, кто бы знал, с каким наслаждением я, Эверест в сравнении с комаром, давил это крошечное, но крайне самоуверенное создание. Позднее, конечно, пришел стыд за наслаждение, при этом испытанное, но я до сих пор не могу с полной уверенностью сказать, что борьба тогда была неравной. Вот какой эффект может вызвать явление 1-й Воли, даже если она из другого, несопоставимого уровня и мира.

К данной сугубо личной истории прибавлю сходно звучащий исторический анекдот. Когда назначенный главнокомандующим Итальянской армией, еще никому не известный, генерал Бонапарт прибыл в ставку, первым делом он решил собрать военный совет. Скоро в кабинет командующего вошли не уступавшие в звании Наполеону офицеры — красавцы, богатыри, рубаки, на фоне которых маленький, худой, желтолицый Бонапарт явно не смотрелся. Командующий встретил их со шляпой на голове, не стали обнажать голов и другие генералы. В ходе разговора Бонапарт снял шляпу, они последовали его примеру, но через минуту он снова надел шляпу и так при этом посмотрел на окружающих, что никто не решился повторить его жест. Позднее, когда военный совет закончился, богатырь, храбрец Массена пробормотал: « Ну нагнал на меня страху этот малый.» Вот еще один, может быть, не столь мистичный пример явления 1-й Воли.

* * *

Главное, с чего следует начать анализ психологии 1-й Воли, заключается в том, что она рождается с двухслойной картиной мироздания. В подсознании «царя» весь космос и все его элементы выстроены в простую иерархию из двух ступеней: верха и низа. Все

сущее поделено на горний и дольний миры, небо и землю, на избранных и званных, на власть и народ, на пастырей и пасомых, домохозяев и домочадцев и т.д. При этом замечательной особенностью психологии 1-й Воли представляется то, что она от рождения чувствует себя причастной ни к какой-то иной, а именно к высшей, элитарной, исключительной, избраннической ступени этой двухступенчатой модели. Толстой писал: «Есть во мне что-то, что заставляет меня верить, что я рожден не для того, чтобы быть таким, как все». И спустя десятилетия Толстому вторил Сальвадор Дали: «Еще с самого нежнейшего возраста у меня обнаружилась порочная склонность считать себя не таким, как все прочие смертные.»

Предчувствие 1-й Волей своего избранничества — не просто смутное ощущение, тайно живущее в человеке, — это программа, характер, образ и смысл жизни индивидуума. Оно — нечто, воплощающееся во всем, что делает, думает и чувствует «царь».

Принадлежность к высшему из двух миров вносит некоторые коррективы в представления 1-й Воли о нормах права и этики. «Царя» ни в коем случае нельзя назвать существом аморальным, он чтит закон и не любит нарушать сложившиеся в обществе нормы, но некоторая раздвоенность, связанная с двухступенчатой картиной мироздания, в этике и праве 1-й Воли присутствует. Безусловное исполнение всех правил, по ее мнению, необходимо для существ, принадлежащих ко второму, низшему миру. Что касается существ высшего мира, то для них соблюдение норм права и морали должно, но не безусловно, а постольку-поскольку, и есть ситуации, когда высшая целесообразность позволяет их нарушение. Мотивировки здесь находятся самые разные, но в итоге всегда оказывается, что конечная цель аморализма 1-й Воли — власть, карьера, самоутверждение. Поэтому, когда Лютер говорил, что «Церкви ради и для пользы дела нечего бояться и крепкой доброй лжи», а Ленин писал, что ради победы мировой революции «надо...пойти на все и всякие жертвы, даже в случае надобности — пойти на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды...», то, в лучшем случае, оба впадали в самообман — все это было нужно лично им ради удовлетворения собственного честолюбия.

С двухступенчатой картиной мироздания в сознании 1-й Воли связана еще одна любопытная, многих обманывающая черта поведения «царя»: его мнимый демократизм. Дело в том, что 1-я Воля действительно относится к окружающим ровно, не различая чинов и званий. Однако источник этого явления не в природном демократизме, а в простоте живущей в ее душе картины: есть только верх и низ — а более сложные иерархические построения произвольны и лукавы.

Формально, 1-я Воля — сторонница равенства. Но равенства своеобразного, где все уравнивается не в правах, а в бесправии перед ней. Интересно в этой связи наблюдать «эгалитаризм» 1-й Воли на примере императора Павла I. С одной стороны, Павел постоянно ругал русских аристократов «якобинцами», потому что те претендовали на, пусть условное, но все-таки равенство с ним (царь — первый среди равных). А с другой стороны, аристократия крыла Павла «уравнителем и санюлотом», так как он не различал среди подданных чинов и званий, с одинаковым азартом подвергая порке всякого, кто подвернется под руку. Однажды, когда Павлу попытались выразить соболезнование по поводу смерти канцлера Безбородько, он очень «эгалитарно» ответил: «У меня все безбородьки». Это — равенство «по-царски». Поэтому неудивительно, что русская аристократия скоро устала от такого «равноправия» и отправила царя-«санюлота» в мир иной. Жизнь богаче двухступенчатой модели мира, богаче «царского» представления о равенстве, и насилие над обществом в духе элементарного противопоставления верха низу часто жестоко мстит «царю».

Предчувствие своей принадлежности к высшему миру не только подчиняет себе всю личность 1-й Воли без остатка, но буквально корезит, насилует ее. Жизнь «царя» изначала трагична, потому что ощущая себя цыпленком-«альфой», он заставляет себя вести в соответствии со своими ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ о поведении «альфы», иногда вопреки собственным, внутренним склонностям и потребностям. Беда заключается в том, что 1-я Воля позволяет расположенным ниже функциям реализовываться только в «царственных», иерархически приподнятых формах, тогда как, скажем, Вторая функция от природы последовательная демократка и по своей склонности к процессу и богатству выражения совершенно чужда каким-либо аристократическим потугам.

Чтобы стало понятней, приведу в пример Наполеона. При 1-й Воле он имел 2-ю Физику. А 2-я Физика, как уже говорилось, прекрасная любовница, она привносит в секс процессионность, силу, гибкость, многогранность, естественность, заботливость. И вероятно, Наполеон с его 2-й Физикой, предаваясь любовным утехам с графиней Валуевской, был именно таким. Но не всегда он был таким, и не со всеми. Став императором, Наполеон завел себе за правило насиловать жен своих министров, причем, проделывая это с государственной думой на челе, небрежно и не отстегивая шпаги. Бог ведает, из каких тайников своей корсиканской памяти выкопал он воспоминание о праве первой ночи, да это и несущественно, существенно то, что проделывая все необходимые в таких случаях манипуляции, даже не отстегивая шпаги, он насилует не только жен своих министров, он прежде всего насилует собственную сексуально сильную и богатую природу. Зачем же? Насилия над 2-й Физикой от Наполеона требовала его же «царственная» 1-я Воля. То, что такое самоистязание необходимо совершать при посредстве жен министров и при шпаге — лишь индивидуальное убогое представление о формах, в которых должен свершать свой секс государственный муж высшего звания.

Даже суперпроцессионную Третью функцию 1-я Воля заставляет кривляться и двурушничать, ставя ее действие в зависимость от общественного мнения. Про Льва Толстого, имевшего 3-ю Физику, т.е. Физику до болезненности заботливую и жалостливую, собственная жена с горечью писала: «Если бы кто знал, как мало в нем нежной истинной доброты и как много деланной по принципу, а не по сердцу, в биографии будут писать, что он за дворника воду возил, и никто никогда не узнает, что он за жену, чтоб хоть когда-нибудь дать ей отдых, ребенку своему воды не дал напиться и 5-ти минут в 32 года не посидел с больным».

Примеры Наполеона и Толстого, на первый взгляд, свидетельствуют, что в связи с явлением 1-й Воли, все сказанное требует пересмотра. Результативная 1-я Воля, кажется, отменяет процессионность Второй и Третьей функций, и вся личность «царя» по образу Первой функции делается результативной. Однако это видимость: «царь» на самом деле не отменяет, а загоняет внутрь свою процессионность.

Обратимся за подтверждением этого тезиса к личности Ахматовой. У Ахматовой при 1-й Воле была 2-я Эмоция. А как сказано было прежде, 2-я Эмоция — прирожденный «акын», поющий все, что видит вокруг. Сама Ахматова фактически признавалась в своем «акынническом» понимании задач поэзии, говоря, что поэзия складывается из простых фраз типа: «Не хотите ли чаю?» Однако вопреки такой декларации, предполагающей обильное плодonoшение, поэтическое наследие Ахматовой ни крупной формой, ни большим числом произведений не отличается. Секрет такой сдержанности открыла как-то сама Ахматова, разбирая стихи Симонова. Тогда она сказала: « Мужественный боевой командир, вся грудь в орденах, плаксивым голосом считает женские измены: «Вот одна! А вот еще одна!» Мужчина должен прятать это в своей груди, как в могиле.» Обратим внимание: считая естественным поэтическое запечатление самых простых элементов быта, Ахматова находит непозволительным для мужчины рифмованное оплакивание

женских измен, но не в рифме, думается, находя беду, а в публичности поэтического юродства.

Суть в том, что Ахматова была не просто «акыном» по 2-й Эмоции, но по 1-й Воле «царственным акыном», для которого не все дозволено в поэзии, но лишь то, что не роняет достоинства, не колет самолюбия автора и вообще восходит к иерархической приподнятой системе тем и образов, ставящей поэта в исключительное положение над толпой. Принцип умолчания «царственного акынизма» точно изложен у Пушкина в «Борисе Годунове», когда царь Борис, наставляя сына, говорит:

*«Будь молчалив, не должен царский голос
На воздухе теряться по-пустому;
Как звон святой, он должен лишь вещать
Велику скорбь или великий праздник».*

Этот принцип был очень близок Ахматовой, недаром она сама в стихах называла слово «царственным». И малый объем ее наследия, кажется, подтверждает предположение о сугубо элитарном подходе поэта к творчеству. А заодно, на первый взгляд, подтверждает и прежде высказанную мысль, что 1-я Воля своими аристократическими замашками отменяет процессионность и многогранность Второй функции (в данном случае 2-й Эмоции).

Все так, и все не так. Одна женщина, спавшая некоторое время в одной комнате с Ахматовой рассказывала, что «первые ночи она не могла заснуть, потому что Анна Андреевна во сне все время не то что-то бормотала, не то пела. Слов нельзя было различить — только ритм, совершенно определенный и настойчивый: «Казалось, она вся гудит, как улей»». Поразительное свидетельство, не правда ли? Изнасилованная ахматовской 1-й Волей в период бодрствования, 2-я Эмоция все равно прорывается в период беспамятства и продельывает положенную ей «акыническую» работу поэтического оформления всего пережитого за день, без деления на достойное и недостойное, низкое и высокое. Гудящая по ночам, как улей Ахматова — идеальный образ для воплощения мысли о неистребимости в человеке процессионного начала, как бы его ни попирала избыточная 1-я Воля.

Однако и временное расслабление во сне не в состоянии компенсировать «царю» муки дневного самоистязания и снять общий трагический фон жизни. Как точно было сказано другим поэтом:

*«Покой и тишь во мне
Я волей круг свой сузил...
Но плачу я во сне,
Когда слабеет узел.»*

* * *

Еще один трагический мотив жизни «царя» заключен в его волюнтаристском лозунге «Если захотеть, то все получится!» Трагизм тут заключен в самой нереалистичности лозунга, заведомом отказе от компромисса со средой, природой, миром, обществом, чужими волями и желаниями. «Если захотеть, то все получится!» — кричит 1-я Воля, писая против ветра, но брызги летят вовсе не туда, куда хочет Воля, а туда, куда дует ветер. И с этим скорбным разладом между жизненным, совершенно органичным лозунгом и средой обитания «царь» ничего поделать не может.

Ничто так не живит 1-ю Волю как власть. Кальвин, с юности не вылезавший из тяжелейших болезней, без всякого кокетства писавший в письмах «моя жизнь подобна непрерывному умиранию!» захватив власть в Женеве, жил, жил, жил, хороня близких и соратников. Железными обручами Воли сжав разваливающийся организм, Кальвин, вдохновленный той властью, какой имел над согражданами, нечеловеческим усилием жил и работал так, что даже богатая Кальвинистская церковь до сих пор не в состоянии издать полное собрание его сочинений, так оно огромно.

1-я Воля любит власть, любит чистой, лишенной посторонних примесей любовью. Власть для нее не средство достижения богатства или реализации давних задумок, а цель, ценная сама по себе. Один из биографов Черчилля писал, что «если бы в то время Черчилля и Ллойд Джорджа спросили, зачем они пошли в парламент, то, будь они искренни, они бы ответили: «Чтобы стать министрами.» А зачем стать министрами? Оба с уверенностью могли бы сказать: «Для того чтобы стать премьер-министром.» А зачем? Черчилль на этот вопрос ответил бы: «Для того, чтобы быть премьер-министром.»

Жизненное кредо 1-й Воли идеально изложил один герой повести Тургенева «Первая любовь». Привожу отрывок на данную тему полностью, настолько он выразителен и лапидарен, что добавить к нему практически нечего: «*Сам бери, что можешь, а в руки не давайся*; самому себе принадлежать — в этом вся штука жизни», сказал он мне однажды. В другой раз я в качестве молодого демократа пустился в его присутствии рассуждать о свободе...

-»Свобода,» — повторил он, -»а знаешь ли ты, что может человеку дать свобода?»

-»Что?»

-»Воля, собственная воля, и власть она даст, которая лучше свободы. Умей хотеть — и будешь свободным, и командовать будешь».

Непоколебимая уверенность «царя» в своем праве на власть — сила и одновременно его ахиллесова пята. Дело в том, что судьба нередко при жизни лишает «царя» трона, и именно такого удара часто не выдерживает железная, но хрупкая 1-ая Воля. Один из современников того же Черчилля, посетив его, только что лишившегося министерского портфеля, писал: «До чего странные настроения бывали у него. Когда он на подъеме, у него полная самоуверенность, когда он внизу, он впадает в глубокую депрессию.» По счастью, молодой организм тогдашнего Черчилля выдержал удар. Но бывало и иначе, когда утрата власти и смерть оказывались соединенными знаком равенства. Вопреки мощи 2-й Физики, как свечи, сгорели Твардовский и Наполеон, первый после увольнения с поста главного редактора «Нового мира», второй — после окончательной потери империи.

1-я Воля слишком крепка, поэтому гибкостью не отличается и очень хрупка. Интересно, что проблема хрупкости 1-й Воли всерьез интересовала Софокла в период написания «Антигоны», и вот к каким выводам он пришел: «...слишком непреклонный

нрав

*Скорей всего сдается. Самый крепкий,
Каленный на огне булат скорее
Бывает переломлен и разбит...
И самым мудрым людям не зазорно
Внимать другим и быть упорным в меру.
Ты знаешь: деревья при зимних ливнях,
Склоняясь долу, сохраняют ветви,
Упорные же вырваны с корнями.
**Тот, кто натянет парус слишком туго
И не ослабит, будет опрокинут,
И поплывет ладья его вверх дном.***

Конечно, гибель карьеры или отсутствие перспектив воспринимаются 1-й Волей трагически. Но стремления подняться вверх они не отменяют, а только стимулируют поиск новых нестандартных путей карьерного роста. Отсюда — резкие, непонятные окружающим, перемены, которыми часто пестрит судьба «царя». Вот какую характерную историю на эту тему рассказал известный психолог Стивен Берглас. Однажды пришел к нему пациент, якобы испытывающий раскаяние из-за того, что жертвовал семьей ради работы. «Я предложил ему начать ходить в церковь с семьей,» — вспоминает Берглас. «Но вместо того, чтобы просто присутствовать на службе, он стал дьяконом. То есть вновь предпочел должность семейному общению.» К сказанному можно добавить, что и к психологу, и в церковь герой рассказа пошел только потому, что на прежней работе его карьерные возможности оказались исчерпаны.

1-ая Воля — прирожденный лидер. Для нее управлять людьми так же легко и естественно, как дышать. Обычно «царь» не говорит прямо: «Воли у меня в избытке, поэтому отдайте мне свою и следуйте за мной. Я отвечаю за все!» Но он, как никто, умеет вести себя подобно власти имущему, и люди невольно подчиняются, не столько видя, сколько чувствуя «царя», как дышлята чувствуют дышленка-«альфу».

Оценка таланта 1-й Воли вести за собой людей может быть в зависимости от обстоятельств двоякой. С одной стороны, этот талант как никогда ценен в период катастроф, бед, разбродов. Способность сцементировать общество и повести его за собой, даже если единение достигнуто не без насилия и цели темны — все равно благо, потому что просто позволяет обществу спастись и выжить. И наоборот. Во времена мира, покоя, согласия ничто так не вредит обществу, как талант лидера 1-й Воли, потому что он неотделим от монолога, авторитарности, подавления личности, от мертвящего единообразия поведения, мыслей, чувств.

Отец Маргарет Тэтчер, от которого она, вероятней всего, унаследовала свою 1-ую Волю, завещал дочери «никогда не следовать за толпой, не бояться отличаться от нее, а если необходимо — вести ее за собой». В этих словах отца будущего премьер-министра коротко и емко изложен не просто личный опыт и взгляд, а универсальная стратегия 1-й Воли в ее взаимодействии с толпой. «Царь» действительно никогда не смешивается с ней, не ездит в обозе, редко стоит на обочине движения и постоянно норовит оказаться в ее главе. Да и как не стремиться ему во главу толпы? Ведь только при ее участии может быть реализован природный лидерский талант. Ведь не бывает короля без свиты, пусто небо без земли, и верх обнаруживает себя только при наличии низа. Так что стремление 1-й Воли во главу чего бы то ни было — не сказать, законно, но естественно, так как только в таком положении она по-настоящему реализуема.

И еще один вывод, обусловленный специфическими отношениями между «царем» и толпой: несмотря на весь свой закоренелый индивидуализм, он — существо очень общественное, очень зависимое, пребывающее с толпой в почти мистической, ипостасной связи, в состоянии нераздельности и неслиянности. «Живу напоказ, для людей,» — кричал Толстой и ...продолжал такое показушное существование.

Вместе с тем, будучи существом зависимым, «царь», как никто, бесцеремонен в отношениях с теми, кто попал в зависимость от него, и нет в мире более последовательного и наглого насильника, чем 1-я Воля. Однако «царь» скорее диктатор, чем тиран, — не терпя прекословий, он все-таки слишком верит в свое природное право на власть, чтобы всерьез бояться конкуренции и ожесточаться в страхе перед ней.

* * *

1-ая Воля рождается лидером. Но, может быть, еще более, чем уверенным в своем праве на власть, рождается «царь», уверенным в своем праве на неповиновение. Время и обстоятельства не всегда способствуют реализации природного права 1-й Воли на власть, но праздник непослушания — это праздник, который всегда с тобой, праздник, который можно справлять каждый день, независимо от времени и обстоятельств. Поэтому 1-я Воля не всегда лидер, но всегда человек неуправляемый. Вспоминается, как кричал мой старинный друг, в очередной раз увольняемый с работы: «Пойми, мне нельзя приказывать!»

Неуправляемость — наиболее ранняя примета 1-й Воли. Дети-«цари» самые упрямые, самые трудные дети на свете. Договориться с ними практически невозможно, насилие не действует, слезы бесполезны. Семи лет от роду Карл XII Шведский, будучи выведен из отцовского кабинета, потому что пришел час совещания министров, сначала долго и упорно стучал в закрытую дверь, а потом просто с разбега врезался в нее головой; окровавленного, без сознания мальчика, конечно, внесли в кабинет, хотя делать ему там было нечего.

В детстве даже прямая, очевидная личная выгода не делает 1-ю Волю покладистой, она бунтует хронически, с поводом и без, в самых различных формах. Описывая свое детство, Сальвадор Дали рассказывал: «Дитя-король обернулся анархистом. «Наперекор всему и всему!» стало моим девизом и руководством к действию. В детстве я всегда поступал не так, как все, но не задумывался над этим. Теперь же я осознал исключительность своего поведения и стал нарочно поступать против всех ожиданий. Стоило кому-нибудь сказать: «Черное!» — как я парировал: «Белое!» Стоило кому-нибудь приподнять приветственно шляпу, и я не упускал случая публично плюнуть и выругаться. Я ощущал себя настолько другим, что всякое случайное совпадение моих действий с чьими-то повергало меня в транс — я мог разрыдаться от ярости. Я не такой, как все! Я — другой, чего бы мне это ни стоило, я не похож ни на кого и ни в чем! Я — один-единственный! Слышите — один!»

С возрастом, правда, фронда 1-й Воли становится осмысленнее, она перестает бунтовать по мелочам и в прямую вред себе. Но неуправляемость как таковая остается нормой «царского» поведения, множа ряды путчиков, правокачателей, реформаторов, сутяг, анархистов, раскольников, махровых реакционеров и не менее махровых радикалов всех мастей.

Спросим себя: хороша ли или плоха неуправляемость 1-й Воли? Как говорят, наши недостатки — продолжение наших достоинств. Поэтому и присущий 1-й Воле бунтарский дух обоюдоостр. С одной стороны, он жизненно необходим обществу, он — тот оселок, на котором постоянно оттачивается тупеющее, коснеющее общественное сознание; неслучайно Сократ говорил о себе, что он приставлен к Афинам **«как овод к лошади, большой и благородной, но обленившейся от тучности и нуждающейся в том, чтобы ее погоняли.»** 1-ая Воля — враг всего обыденного, привычного, банального и в этой вражде заключается главная ценность ее для общества.

С другой стороны, самоценность бунтарства часто заводит 1-ю Волю в стан реакции, заставляет грести против течения, писать против ветра, насиловать явь. Возвращаясь к Сократу, сравнившему себя с оводом, можно сказать, что «царь» — овод, который жа-

лит все зады, независимо от того, нуждаются они в этом или нет. Поэтому дилемма: кто 1-я Воля — благородный бунтарь или пустой фрондер неразрешима; он — и то, и другое, и все вместе в зависимости от обстоятельств.

* * *

Если «царь» религиозен, а зачастую так оно и бывает, то мятежный дух создает для 1-й Воли дополнительные трагикомические и неразрешимые трудности в ее отношениях с Богом. Невозможно понять, как удалось Горькому подсмотреть эту драму в душе Толстого, но, факт остается фактом, увидел и описал: «Мысль, которая, заметно, чаще других точит его сердце, — мысль о Боге. Иногда кажется, что это не мысль, а напряженное сопротивление чему-то, что он чувствует над собой... С Богом у него очень неопределенные отношения, но иногда они напоминают мне отношения «двух медведей в одной берлоге»«. Удивительно верно и не к одному Толстому отнесимо. Названная Горьким проблема — общая драма мистически настроенной 1-й Воли.

С одной стороны, обычная религиозная картина, где Господь Вседержитель произвольно творит суд и расправу над нижним, тварным миром, — бальзам на сердце «царя», так как тем самым освящается и подпирается высшим авторитетом творимый «царем» домашний и общественный произвол. Но с другой стороны, утверждая собственное монархическое кредо со ссылкой на Высший монархический принцип, «царь» вместе с остальным тварным миром сам подпадает под Господню невидимую юрисдикцию, чего его мятежная душа снести никак не может. Атеистический бунт случается у 1-й Воли иногда в самом нежном возрасте и носит очевидно бессознательный характер. Например, когда маленького Тулуз-Лотрека первый раз привели в церковь, он тут же закричал: «Я хочу пи'сать! Да, я хочу пи'сать здесь,» — и несмотря на уговоры родных, немедленно омочил церковные плиты.

Таким образом, из религиозного раздвоения 1-й Воли и получается то, что Горький очень метко назвал отношениями двух медведей в одной берлоге. Богостроительство и богоборчество чудесным образом уживаются в душе «царя», то веселя ее, то угнетая. И это навсегда. Ни полного примирения с Богом, ни полного развода с Ним у мистически настроенной 1-й Воли не бывает.

* * *

«Царь» — удивительное существо, он никогда не расслабляется. Самоконтроль его абсолютен. Словно рыцарь, закованный в доспехи своей железной воли, проходит по жизни «царь», чуждый страстям, соблазнам, слабостям, привязанностям. Даже Четвертую функцию, которую, как говорилось, человек обычно охотно отпускает на свободу и передоверяет другим, 1-я Воля отпускает и передоверяет лишь в меру своей в том заинтересованности. О степени самоконтроля «царя» можно судить хотя бы на примере Наполеона, который в разгар битвы при Ваграме завалился спать, проспал под грохот канонады десять минут, а затем, как ни в чем не бывало, снова взял в свои руки командование войсками.

«Я сама не из таких, кто чужим подвластна чарам,» — объявляла Ахматова. Надежнейшая примета 1-й Воли: среди ее обладателей почти не бывает алкоголиков и наркоманов (слабость к выпивке Тулуз-Лотрека и Твардовского — редчайшие исключения). Утрата самоконтроля, расслабленность, вызванные действием алкоголя или наркотика, стороннего воздействия вообще, для «царя» совершенно неприемлемы. Власть над собой кого-либо или чего-либо, зависимость от кого-либо или чего-либо равносильны для 1-й Воли утрате своего «Я», саморазрушению Первой опорной функции.

При том, что 1-я Воля — создание необычайно цельное, сделанное из одного камня, со стороны она выглядит чем-то противоречивым, раздвоенным, непоследовательным. Однако, если внимательно присмотреться, то окажется, что противоречивость 1-й Воли лучше характеризовать словами «амбивалентность», «ипостасность» и целиком связать с проблемой власти. Существует три позиции, при которых лик 1-й Воли являет собой как бы три несхожих выражения: когда «царь» не претендует на власть, когда претендует, и — когда ее имеет.

Не занятая борьбой за власть 1-я Воля, из всех черт, ей присущих, внешне проявляет лишь две: неизбежную веру в двухступенчатую, иерархическую модель мироздания и неуправляемость. Во всем остальном она мало похожа на «царя». Это законопослушный, очень порядочный человек, надежный друг и деловой партнер. Да и причин для нарушения норм права и морали у «царя», не занятого борьбой за власть, практически нет. Есть трудности. Избыток воли тратится лишь на защиту собственного суверенитета, и жизнь обретает явные черты асоциальности: безбрачие, одиночество, эгоцентризм и т.п., что для такого общественного, по сути, существа, как «царь», достаточно дискомфортно.

Что касается различий между «царем», борющимся за власть и ее имеющим, то они незначительны, хотя диаметрально противоречивость лозунгов многих вводит в заблуждение. Простаки, увидев «царя»-оппозиционера у власти, начинают чесать затылки и припоминать старые афоризмы о тлетворности власти. Но на самом деле никаких метаморфоз с ним не происходит. И борясь с тиранией, и утверждая ее, 1-я Воля нисколько себе не изменяет, потому что анархия и диктатура — две равноправные стороны ее натуры.

Обычная для мировой истории картина: горячий противник произвола свершает революцию, затем, ухватившись за кормило власти, свершает более или менее «бархатную» контрреволюцию и утверждает тиранию еще горшую, нежели была прежде. Было бы слишком просто и удобно объяснять такие метаморфозы заведомым умыслом замаскировавшегося под демократа мерзавца. Действительность сложнее и трагичнее. Рассказывают, что при разгоне Национального собрания Наполеон упал в обморок, с Лениным в день разгона Учредительного собрания была истерика. Еще мучительней утверждал свою диктатуру Кромвель. Он, могучий защитник униженного парламента, непримиримый враг абсолютизма, став во главе страны, сделал множество попыток собрать парламент в самых разных, удобных для себя комбинациях, но, вот незадача — каждый из ручных парламентов смел претендовать хотя бы на долю той абсолютной власти, которая уже находилась в руках Кромвеля, и ...их приходилось разгонять. В этом мучительном созидании-разрушении эфемерной демократии и прошла значительная часть жизни английского лорда-протектора. Что здесь, только ли голое честолюбие? Нет, это трагическая диалектика 1-й Воли: чем непримиримей и последовательней тираноборчество, тем больше шансов, что за ним последует бессознательная, мучительно формируемая, но немолчаливая тирания (результат).

Диаметрально меняются взгляды «царя» после прихода к власти и на структуру управления. Будучи в оппозиции яростным сторонником самоуправления, он начинает свое правление с последовательной подмены системы самоуправления замкнутой на себе структурой назначаемых центром, совершенно независимых от населения, чиновников. По такому принципу формировалась кромвелевская система генерал-губернаторств, наполеоновская система префектур, ленинская система обкомов и т.д.

«Царю» даже не обязательно быть политиком, чтобы быть очень жестким политиком. Фрейд, например, формально занимался наукой, но строил свою психологическую школу как теократическое государство, с непогрешимым, харизматическим лидером, бюрократическим аппаратом, судом, полицией, пропагандистским ведомством и т.п.

Сходным образом зачастую формируются литературные кружки, дома моделей, вообще всякие объединения, насчитывающие более одного члена, имеющие горькое счастье подпасть под каменную длань 1-й Воли.

Заслуживает внимание деградация, которая обычно происходит со свитой «царя» после достижения им власти. Отмечу главное: 1-я Воля личностей не боится, она сама чувствует себя суперличностью, поэтому свита времен оппозиции и первый кабинет «царя» бывают блестятельны, настоящие сливки общества. Но проходит время, и начинается странный, на первый взгляд, но последовательный процесс вымывания личностей из окружения 1-й Воли. И дело не в том, что «царь», взяв в руки кормило власти, делается менее уверен в себе, испытывает страх перед возможным соперником, а в том, что фрондировать 1-я Воля может и в толпе, но управлять только единолично. Первой от «царя» и, хлопнув дверью, уходит та же 1-я Воля. Второй, и без хлопка, самоустраняется 2-я Воля. Остается камарилья — небесталанные, трудолюбивые, но малонициативные и слабохарактерные люди, которые и играют свиту «царя» до конца его правления.

Низкий качественный уровень свиты, впрочем, мало беспокоит 1-ю Волю, ей нужны исполнители, а не личности. Характерно в этом отношении одно высказывание Наполеона: « Я сам свой министр. Я сам веду дела, а следовательно, я достаточно силен, чтобы извлекать пользу из посредственных людей. Честность, отсутствие болтливости и работоспособность — вот все, чего я требую.» Лояльность — главное условие стабильных и теплых отношений с 1-й Волей; если она наличествует, то остальные добродетели или пороки окружения представляются ей неважными.

По существу совершенно наплевать «царю» и на тот символ веры, и на ту идеологию, которые он официально исповедует, именем которых клянется и зовет за собой. Не он работает на лозунги, а лозунги на него. Робеспьер, записываемый в закоренелые республиканцы, яростные противники монархии, отмечал в своих бумагах: « Нужна единая воля. Нужно, чтобы она была республиканской или роялистской,» т.е. политические принципы безразличны, лишь бы они вели его к вершине общественной пирамиды. Сам Робеспьер не успел стать абсолютным монархом, но его политический преемник — Наполеон с легкостью проделал положенную 1-й Воле эволюцию, от горячего республиканца до императора.

Неразборчив «царь» и в средствах. Упрямо, с гордо поднятой головой идет он через грязь, плевки, кровь. О результатах людям лучше не судить, предоставив суд Богу и истории.

Впрочем, некоторый прогноз исторического суда над 1-й Волей можно составить уже сейчас. В политике судьба ее — выигрывать битвы и проигрывать кампании. Даже когда, бунтарствуя, «царь» достигает высшей власти (Кромвель, Робеспьер, Наполеон, Ленин, Гитлер), он часто плохо кончает, и дело его оказывается мертворожденным. Причины тут две: очевидно, не 1-я Логика «царя» стратегичностью мышления не отличается и в лучшем случае эффективна при решении тактических задач. Во-вторых, обычные для Первой функции результативность и монологовость 1-й Воли не предполагает иной конечной цели, кроме достижения и удержания абсолютной личной власти, что с трудом терпится современниками и бесплодно для будущего. Монологовость и результативность делают 1-ю Волю прирожденным, чаще бессознательным монархистом, а монархизм — вещь исторически бесперспективная.

И еще. Мне не хотелось, чтобы у читателя сложилось впечатление о 1-й Воле как о жестоком тиране, автоматически исповедующем принцип Калигулы «Пусть ненавидят, лишь бы боялись.» Нет. «Царь» — скорее диктатор, чем тиран. Конечно, политическая жизнь под его стальной десницей может существовать лишь в виде призрака. Но это не значит, что между «царем» и народом нет обратной связи. Отношение между властью и обществом в этом случае строится по принципу, названному Лениным «демократическим централизмом». Как ни дико звучит название, такая система отношений в мировой исто-

рии небеспредедентна и ее содержание исчерпывающе сформулировал еще консул Сиес: «Власть должна исходить сверху, а доверие — снизу.» То есть, власть — властью, но она должна опираться на народное доверие, не идти на прямое противостояние с обществом. Поэтому обычно «царь» душит только политическую жизнь и то, что имеет отношение к Третьей Функции: 3-я Физика душит экономику, 3-я Логика — гласность, 3-я Эмоция — пафос и мистику жизни. Все же остальное 1-я Воля обычно соглашается оставить на свободе. Поэтому «царь» скорее диктатор, чем тиран. Как писал Стендаль о Наполеоне: «Правил тиран, но произвола было мало.»

* * *

Обусловленная монологовостью и результативностью негибкость волевого начала «царя» делает малокомфортной жизнь его не только в обществе, но и в семье. Бунтарей и диктаторов нигде не любят, и семья здесь не исключение.

Особенно трудна семейная жизнь для «цариц». Кроме обычной борьбы воле, в которой участвуют все и всегда, независимо от пола и возраста, на женщину с 1-й Волей давит пресс общественного мнения, автоматически отводящего ей в семье подчиненное положение. Неудивительно, что игра на отбой с ее стороны становится нормой жизни и принимает гипертрофированные формы перманентного мятежа, совместную жизнь, понятно не облегчающего. Ахматова, например, признавалась, что борьбой за независимость много испортила в своих отношениях с Гумилевым и оставила замечательно краткий и емкий образец изложения своей позиции в конфликтах с мужьями:

«Тебе покорной? Ты сошел с ума!

Покорна я одной Господней воле.

Я не хочу ни трепета, ни боли,

Мне муж — палач, а дом его — тюрьма».

Немногом легче жизнь мужчин с 1-й Волей, когда доходит дело до выяснения отношений с домочадцами. Хотя общественное мнение дает ему некоторую фору, осуществить свое «законное» право на произвол «царю» удастся далеко не всегда. Характер жены, вопреки ожиданиям, оказывается зачастую совсем не пластилиновым, и домашняя битва принимает те же, описанные выше формы. Вот, к примеру, какая ситуация сложилась в семье молодого Ганди: «Я постоянно следил за каждым ее шагом, она не смела выйти из дома без моего разрешения. Это приводило к ссорам. Налагаемый мною запрет был фактически чем-то вроде тюремного заключения, а Каструбай была не такая девочка, чтобы легко подчиняться подобным требованиям. Она решила, что может ходить, куда хочет и когда хочет. Чем больше я ей запрещал, тем больше она сопротивлялась, и тем больше я злился.»

Рождение детей обычно не смиряет, а расширяет и усложняет конфликт. Подчинение своей воле детей представляется «царю» более легким и естественным делом, что является справедливым лишь отчасти, до времени, и заканчивается ожесточенной фрондой со стороны выросших детей, ожесточенность которой прямо пропорциональна оказанному прежде давлению. Один из сыновей Толстого, сильно разводя краски, тем не менее, признавался: «Мы не только любили его: он занимал очень большое место в нашей жизни, и мы чувствовали, что он подавляет наши личности, так что иной раз хотелось вырваться из-под этого давления. В детстве это было бессознательное чувство, позднее оно стало сознательным, и тогда у меня и у моих братьев явился некоторый дух сопротивления по отношению к отцу.» По мере взросления детей и расширения семья «царя» раскалывается, образуются временные и постоянные психотипические коалиции, противостоящие стороны перестают стесняться в средствах ведения борьбы — одним словом,

происходит все то, что происходило в семье Толстого в последние десятилетия его жизни и в основе чего лежала деспотия толстовской 1-й Воли.

Мир, покой в семье «царя» могут существовать лишь при условии абсолютной лояльности домочадцев. Любовь 1-й Воли деспотична и возможна лишь тогда, когда она заведомо смотрит на партнера сверху вниз. Иван Бунин, по себе зная нрав «царя», кратко и точно описал тираническую подоплеку своей любви: «Да, больше всего трогала она меня в тот час, когда, заплетая на ночь косу, подходила ко мне поцеловать меня на прощание, и я видел, насколько она, без каблуков, меньше меня, как она смотрит мне в глаза снизу вверх.

Сильнее всего я чувствовал к ней любовь в минуты выражения наибольшей преданности мне, отказа от себя...»

* * *

В сущности, «царь» — человек глубоко одинокий. «Ты — царь, живи один,» — по другому поводу, но точно сказал Пушкин. В 1-й Воле слишком сильна «самость», сверхличностное начало, индивидуализм, чтобы она могла испытывать подлинную тягу к парности. Обидно прозвучит, но 1-й Воле не дано любить, любить по-настоящему, «царю» дано нуждаться, зависеть, но не любить. Настоящая любовь не потребление, а жертвенность, даже личное самоуничтожение ради другого существа. На что 1-я Воля совершенно не способна. Хотя у Толстого слово «любовь» не сходило с языка, по его собственным признаниям, любить ему не доводилось, к Софье Андреевне он питал исключительно «половой» интерес, да и такого рода привязанностью явно тяготился. «Я не люблю ни женщин, ни карт, я ничего не люблю, я существо совершенно политическое», — бахвалится Наполеон.

Прямо сказать, «царь» слишком занят собой, слишком любит себя, чтобы перенести значительную часть этого чувства на других и, по большому счету, глубоко равнодушен ко всему, что не входит в его «Я». Вот три взгляда (один — изнутри, два — снаружи) на проблему отношения 1-й Воли к окружающим. «Я думаю, что всякий человек самолюбив, и все то, что ни делает человек, — все из самолюбия... Самолюбие есть убеждение в том, что я лучше и умнее всех людей. Отчего мы самих себя любим больше других?... Оттого, что мы считаем себя лучше других, более достойными любви. Ежели бы мы находили других лучше себя, то мы бы и любили их больше себя» (Толстой о Толстом). «Он часто казался мне человеком, непоколебимо — в глубине души своей — равнодушным к людям, он есть настолько выше, мощнее их, что они все кажутся ему подобными мошкам, а суета их — смешной и жалкой» (Горький о Толстом). «Я поняла лучше эгоизм и равнодушие ко всему Льва Николаевича. Для него тот же мир есть то, что окружает его гений, его творчество; он берет от всего окружающего его только то, что служит служебным элементом для его таланта, для его работы» (Толстая о Толстом). До любви ли здесь?

Прежде, говоря о независимости 1-й Воли от алкоголя и наркотиков, я сказал, что она связана с невозможностью для «царя» подпасть под какую-то ни было власть. Та же самая картина с «любовью», под которой он обычно понимает свою зависимость от кого-то. Любовь, даже в таком урезанном виде, все равно власть, а власти над собой 1-я Воля не терпит ни в каком виде. Поэтому «царь» не только по-настоящему не любит, но избегает любви, чувствует себя без нее комфортнее:

*«Слаб голос мой, но воля не слабеет,
Мне даже легче стало без любви» (Ахматова).*

О том же, но прозой писал молодой Наполеон: «Что такое любовь? Это сознание собственной слабости, которое вскоре совершенно овладевает одиноко стоящим челове-

ком; одновременно это — чувство утраты власти над собой...Я считаю любовь вредной как для целого общества, так и для личного счастья человека, что она причиняет вреда больше, чем дает радости. И право, боги сделали бы истинное благодеяние человечеству, если бы освободили мир от нее».

Но бумеранг возвращается, и люди платят «царю» тем же. Дед Епишка прообраз деда Ерошки из «Казакów», как-то прямо сказал Толстому, что он «какой-то нелюбимый». Обратим внимание, сказано это о человеке, у которого Эмоция и Физика процессионны, т.е. о существе, по идее, созданном для любви. И тем не менее, в этой фразе очень много верного. 1-ю Волю чаще уважают, ценят, боясь, чем любят. Внутренняя отчужденность, «самость» 1-й Воли стеной отделяет всякого, кто захотел бы внешне и внутренне слиться с ней, стать одним. Превращение двух в одно — высшее проявление любви, однако та дистанция, которую автоматически устанавливает между собой и другими 1-я Воля, заведомо исключает такое слияние. И люди это чувствуют.

Будучи не способным к любви, «царь» вместе с тем страшно ревнив. Причем, ревность его замешана отнюдь не на физиологии, точнее, не всегда и не только на физиологии. Толстой заметно ревновал своего друга режиссера Сулержицкого к Горькому, хотя гомосексуалистом не был. А дело в том, что 1-я Воля не застревает на сексе, но жаждет обладания всем существом попавшего в его поле человека, требует преданности не только телом, а и душой. «Царь» хочет, чтобы только ему улыбались, только его слушали, только с ним считались. Что нереально, и обрекает 1-ю Волю, с ее безграничным эгоцентризмом, на хроническую муку ревности, равно отравляющую жизнь и ей самой, и тем, кто ее окружает.

Признаться, наиболее сомнительным и уязвимым местом учения Фрейда мне всегда представлялось то, что касается «комплекса Эдипа». Сколько себя помню, при большой любви к матери, никогда не ревновал ее к отцу и даже очень гордился им, за то рыцарское проявление любви к жене, которое он очень просто и открыто демонстрировал. Поэтому, естественно, что, познакомившись с учением Фрейда, концепцию «комплекса Эдипа» напрочь не принял и посчитал чистой выдумкой.

Теперь каюсь, был не прав. Фрейд судил по себе, я — по себе, что вообще присуще бытовой эгоцентричной психологини, совершенно бесплодно и ничего, кроме взаимного раздражения не дает. Так вот, теперь необходимо признать, что «комплекс Эдипа» не миф, он существует. Но, во-первых, он не универсален. Во-вторых, ревность, не всегда сексуально окрашенная, присуща определенной части общества, представленной 1-й Волей. Что же касается непосредственно «комплекса Эдипа», где ревность, судя по описанию носит подчеркнута сексуальную окраску и переносится даже на родственников с противоположным половым знаком, то им, по моим вычислениям, страдает достаточно узкий круг «царей», у которых 1-я Воля сочетается с 3-й Физикой. Такая комбинация действительно представляет собой гремучую смесь, способную вызвать то чувство, что описано у Фрейда по имени «комплекса Эдипа».

Сочетание 1-й Воли с 3-й Физикой было у Льва Толстого, но он не был «эдипом» в классическом его варианте: мать Толстого рано умерла, сестра ушла в монастырь, поэтому обычную в таких случаях ревность он перенес на дочерей, а ненависть на зятьев. В романе «Воскресенье» Толстой, наградив своим комплексом героя романа Нехлюдова, исповедовался в нем следующим образом: «Нехлюдов, хоть и скрывал это от себя, хоть и боролся с этим чувством, ненавидел своего зятя. Антипатичен он ему был своей вульгарностью чувств, самоуверенной ограниченностью, и, главное, антипатичен был ему за сестру, которая могла так страстно, эгоистично-чувственно любить эту бедную натуру...Нехлюдову всегда было мучительно больно думать, что Наташа — жена этого волосатого с глянцево́й лысиной самоуверенного человека. Он даже не мог удерживать отращения к его детям. И всякий раз, когда узнавал, что она готовится стать матерью, ис-

пытывал чувство, подобное соболезнованию о том, что опять она чем-то дурным заразилась от этого чужого им всем человека.»

Те же чувства, очевидно, испытывал Фрейд. А так как традиция приписывать всему человечеству свои собственные болячки не с Фрейда началась и не на нем кончилась, то можно сказать, что феномен «комплекса Эдипа» интересен не своим содержанием, а происхождением, лишний раз подтверждающим давний тезис о совершенной душевной черствости, глухоте и эгоцентризме человеческой природы.

* * *

К славе у «царя» отношение сложное. Главная цель 1-й Воли — реальная власть, а не внешние ее атрибуты (титулы, ордена, аплодисменты, бросание в воздух чепчиков и т.п.), поэтому она обычно оставляет впечатление существа, равнодушного к славе, скромного, холодно третирующего наиболее откровенных подхалимов. На вопрос, радовала ли Ахматову слава, Гумилев отвечал: « В том-то и дело, что почти не радовала. Она как будто не желала ее замечать. Зато необычно страдала от всякой обиды, от всякого слова глупца-критика, а на успехи не обращала внимание.» Не оспаривая, в принципе, мнение Гумилева, хочется отметить, что отношение 1-й Воли к славе сложнее. На внешнее равнодушие «царя» к славе, как это ни покажется странным, работает крайнее его самолюбие: зная, что чрезмерные почести обычно производят обратный эффект, он подчеркнуто скромничает, чтобы не поставить себя в неловкое или смешное положение. Наконец, в славе для 1-й Воли отсутствует то, что делает ее по-настоящему желанной, нет элемента неожиданности, откровения. 1-я Воля и сама про себя знает, что она суперличность, и подтверждение со стороны не много добавляет к тому знанию, которым она обладает от рождения.

Из сказанного не следует, что «царь» по-настоящему равнодушен к славе. Нет, он весьма чувствителен в этом вопросе и внимательно следит за тем, как складывается в обществе его имидж. Ахматовой, по словам современника, «было всегда интересно и важно, что о ней говорят и пишут, даже когда это были и люди безвестные, не то что Блок.» А император Август даже пытался регламентировать деятельность своих подхалимов: « О себе позволял он писать только лучшим сочинителям и только в торжественном слогое, и приказывал преторам следить, чтобы литературные состязания не нанесли урон его имени.»

* * *

Кажется, несколько увлекшись, хотя и не без оснований, описанием политического лица 1-й Воли, я несколько подзабыл, что наши недостатки — продолжение наших достоинств. Есть они и у «царя». И их множество. Упорство, целеустремленность, решительность, безусловная вера в себя, изумительная энергия и горячая жажда первенства — не только красят облик 1-й Воли, но и много дают обществу. Без нее остальные Воли, более инертные, склонные пускать все на самотек, действительно превратили бы, по меткому выражению героя чеховской «Дуэли», наш мир в засиженную мухами картинку.

* * *

Черта, отделяющая «царя» от остальных, смертных, невидима. Но, странное дело, все, не видя ее, ее чувствуют и не рискуют переступить. Внешне дистанция между 1-й Волей и остальными Волями проявляется в подчеркнутой вежливости форм обращения окружающих к «царю». Один из близко наблюдавших Ленина писал: «...при наименовании Ленина «Ильичем» фамильярность отсутствовала. Никто из его свиты не осмеливался бы пошутить над ним или при случае хлопнуть по плечу. Была какая-то незримая пре-

града, линия, отделяющая Ленина от других членов партии, и я ни раз не видел, чтобы кто-нибудь ее переступал».

Еще рельефней проступает эта невидимая черта, отделяющая 1-ю Волю от остальных, тогда, когда она выступает на фоне и в паре с Волей, стоящей много ниже. Не могу не вспомнить в этой связи визиты в Россию Галины Вишневской и Мстислава Ростроповича. Разительно рознились формы обращения окружающих к этим равно знаменитым супругам: обладательницу 1-й Воли Вишневскую иначе, как только почтительно «Галина Павловна», никто не именовал, тогда как даже для совсем зеленых музыкантов ее супруг был все-навсего «Славочкой».

Ахматова, вспоминая Вячеслава Иванова, с завистью говорила: «Он был отчаянный рекламист...Опытнейший, виртуозный ловец человек! Его, сорокачетырехлетнего мужчину, водили под руки седые дамы...Так он умел себя поставить везде».

Человек, лишь на миг попавший в поле «царя», обычно не в состоянии сформулировать, что собственно заставило его почувствовать присутствие существа исключительного, избранного, но то, что такое ощущение возникает — безусловно.

Одна бунинская знакомая рассказывала: «То, что Бунин был особенным человеком, чувствовали многие, почти все».

Мы с ним однажды зашли купить пирожные в кондитерскую Коклена на углу Паси, где я бывала довольно часто.

В следующее мое посещение меня спросила, смущаясь, кассирша: «Простите, пожалуйста, но мне очень хочется узнать, кто этот господин, приходивший с вами позавчера?» Я не без гордости ответила: «Знаменитый русский писатель.» Но ответ мой не произвел на нее должного впечатления. «Писатель», — разочаровано повторила она, — «А я думала, какой-нибудь гран-дюк. Он такой...такой,» — и она, не найдя подходящего определения, характеризующего Бунина, принялась отсчитывать мне сдачу.»

Хотя упомянутая выше кассирша не взялась описывать приметы, по которым она угадала в Бунине «гран-дюка», они существуют и при известном опыте легко прочтываются.

Взгляд — первая среди внешних примет «царя». Юрист Кони так описывал выражение глаз Толстого: «...проницательный и как бы колющий взгляд строгих серых глаз, в которых светилось больше пылливой справедливости, чем ласкающей доброты, — одновременно взгляд судьи и мыслителя.»

Добавим к сказанному Кони, что 1-я Воля смотрит с прищуром, фокусируя и как бы усиливая твердость взгляда. И еще, в выражении глаз «царя» странно сочетается аналитичность с отчужденностью, взгляд его как бы вопрошает: «Кто ты?» — и одновременно предупреждает: « Не подходи!»

Взгляд «царя» тверд, пристален, строг, напорист, и он сам знает власть своих глаз. Император Август «бывал доволен когда под его пристальным взглядом собеседник опускал глаза.» «Лермонтов знал силу своих глаз и любил смущать и мучить людей робких и нервических своим долгим и пронзительным взглядом.»

Не стану настаивать, но похоже, что игра в гляделки, к которой часто прибегает 1-я Воля, восходит к весьма отдаленным временам. Ведь известно, что у горилл взгляд в глаза означает вызов. Поэтому, не знаю как у цыплят, а у людей, вероятно, именно по глазам прежде всего предчувствуется особь-«альфа», власть имущий.

Царственен жест 1-й Воли. Пластика ее отличается спокойной грацией и величавостью. Причем, пластика 1-й Воли абсолютно естественна, в ней нет ничего манерного, жеманного — царственность ее, независимо от происхождения, природна и неподсудна как форма носа или цвет глаз. Горький писал про Толстого: «Приятно было видеть это существо чистых кровей, приятно наблюдать благородство и грацию жеста, гордую сдержанность речи, слышать изящную меткость убийственного слова. Барина в нем было

как раз столько, сколько нужно для холопов». О Гогене говорили, что «что бы он ни делал, даже если он подносил спичку тому, кто просил у него прикурить, жесты его были величавы (словно не спичку держит, а размахивает факелом)». Ахматову описывали: «... что-то царственное, как бы поверх нас существующее и в тоже время лишенное малейшего высокомерия, сквозило в каждом ее жесте, в каждом повороте головы.»

На сто процентов уверен, что если взять частотный словарь лексики обладателей 1-й Воли, то обнаружится вполне определенная закономерность преобладания в употреблении ими повелительного наклонения, а также иерархически приподнятых слов и форм. Однако пока у меня под рукой такого словаря нет, приведу пример скорее курьезного, чем научного свойства. Когда Маргарет Тэтчер сообщили о рождении внуки, она воскликнула: « Мы стали бабушкой!» По поводу этой фразы долго зубоскалила английская пресса. И напрасно. Простонародное происхождение нисколько не мешало английскому премьер-министру ощущать свою внутреннюю аристократичность. И обмолвка «мы» для нее, считаю, была более естественна, чем для великого множества людей, по праву происхождения говоривших о себе во множественном числе.

Вместе с тем, как это ни покажется странным, любя высокое, элитарное слово, 1-я Воля не брезгует низким, грубым, похабным словом. Может быть, в связи с универсальным «царским» принципом — «для нас закон не писан.» Во всяком случае то, что в речи «царя» присутствует некая лексическая раздвоенность — это точно. Известно, как виртуозно умел хамить Наполеон. Или еще один пример из отечественной истории: когда Молотова спросили, правда ли, согласно некоторым источникам, что Ленин называл его «каменной жопой», тот просто ответил: « Знали бы они как Ленин других называл!»

И еще одно наблюдение над речевыми пристрастиями «царя»: в общении с близкими себе людьми он любит пользоваться всякого рода уменьшительными (уменьшает окружающих). Вспомним, хрестоматийное ленинское «Надюша» (о Крупской) или менее известное ахматовское «Борисик» (о Пастернаке). Думаю, что происходит эта склонность к уменьшительным из общей «патристической» позиции 1-ой Воли, воспринимающей окружающих, как детишек, милых, дорогих, но нуждающихся в постоянной опеке инфантильных существ. В свой же адрес уменьшительные «цари», наоборот, воспринимают со скрежетом зубовым. Та же Ахматова, будучи в непростых отношениях с Алексеем Толстым, вспоминала: « Он был похож на Долохова, звал меня **Аннушкой, от чего меня передергивало, но мне он нравился...**»

Покажется странным, но выбор одежды «царя» подчинен раз и навсегда данным ему представлениям о приличествующих его сану и призванию облачениях. Во-первых, он предпочитает наиболее строгую и по окраске, и по фасону одежду. Конечно, в зависимости от социальной принадлежности, одежда 1-й Воли сильно разнится, и художник-«царь» одевается совсем не так, как «царь»-политик. Однако на фоне своей социальной группы 1-я Воля все равно выделяется подчеркнутой строгостью облачения.

Приведу в этой связи один трагикомический эпизод из собственной практики. Когда иду я вместе с одной юной длинноногой «царицей» по улице, и, заметив впереди более чем откровенную мини-юбку, совершенно бестактно спрашиваю, а почему бы и ей, при такой длине и стройности ног, не надеть мини. «Не могу...Пойми, не могу...»- едва выдохнула моя спутница, взглянув на свою, прикрывающую колени, юбку, и кто бы знал сколько муки было в его взгляде и голосе. Здесь мне в который раз пришлось убедиться в непреодолимости трагико-мазохистского начала 1-й Воли, не допускающего, из страха потерять «царственный» имидж, даже самую невинную вольность.

Во-вторых, будучи существом внутренне застегнутым, 1-я Воля любит застегнутость и в одежде. На ее вкус, чем больше на одежде пуговиц, застежек, кнопок, ремней и т.п., тем лучше.

Наконец, чувство собственной исключительности требует от «царя» наличия в одежде чего-то совсем нестандартного, единичного. При этом исключительность в одежде 1-

й Воли не должна нести налета дешевой экзотики, вульгарной броскости. Поэтому чаще, примеряя что-либо, 1-я Воля достигает своей цели через архаизацию одежды, привнесение в нее элементов старого вкуса («ложноклассическая» шаль Ахматовой).

Идеальной иллюстрацией сочетания всех названных особенностей одежды 1-ой Воли — тройка Ленина. На фоне военно-босаяцко-богемной моды его окружения ленинская тройка выделялась строгостью, застегнутостью и архаизованной исключительностью.

«Дворянин»(2-я Воля)

Пожалуй, труднее всего, говоря о психологии 2-й Воли, объяснять себе и другим, что представляет собой, обязательные для Второй функции, процессионность и нормативность в их волевым выражении. И, тем не менее, попробую.

Процессионность 2-й Воли — это то, что на казенном языке принято обозначать словами «коллегальность» и «делегирование ответственности». Обладая достаточной силой духа, чтобы брать на себя персональную ответственность за происходящее в его владениях, «дворянин», не в пример «царю», все же избегает переподчинения себе чужой воли, старается привлечь к решению проблемы все заинтересованные стороны, отводя себе место инициатора, стимулятора и хранителя консенсуса. Неприятие диктата, стремление к полноценному диалогу при принятии решений — это и есть процессионность 2-й Воли.

Воплощением того же «дворянства» является и так называемое «делегирование ответственности». Чуждая тяге к мялочной опеке, 2-я Воля, не снимая в целом ответственности с себя, стремится поделиться ею со всеми участниками дела, предоставив им полную свободу форм реализации. Уж на что разные люди два американских президента Рейган и Буш, но Воля у обоих 2-я, поэтому те, кто с ними работал, отмечают одну общую, не свойственную, например, Картеру, черту — стремление к «делегированию ответственности».

Что касается нормативности, то она у 2-й Воли воплощается в равной способности без внутреннего для себя напряжения и ущерба, как властвовать, так и подчиняться. 2-я Воля сильна, гибка, поэтому ей одинаково легко дается и начальственное положение, и подчиненное. Однако, хотя такая ситуация уже сама по себе комфортна, она не вполне удовлетворяет «дворянина». Идеальное положение для 2-й Воли — не властвовать и не подчиняться вообще — что редко кому удается в нашем взаимозависимом мире, но является тайной мечтой всех «дворян».

Если же попытаться поглубже взглянуть в нормативность 2-й Воли, то окажется, что ей свойственны тот строй и та сила духа, что достаточны для создания режима личной независимости и свободного дыхания для других. В одном из писем Гёте сообщил: «Я занят воспитанием моего внука. Оно состоит в том, что я позволяю ему делать решительно все, что ему заблагорассудится, и надеюсь таким способом образовать его прежде, чем вернуться родители.» Внутренняя свобода и способность освобождать других — вот подлинная норма Воли. Очень хорошо и точно, сам того не ведая, описал свою 2-ю Волю один современный драматург: « По характеру я не лидер, но и стадным инстинктом не наделен ... Очевидно я гибрид от вожака и ведомого. Даже собственным детям старался предоставить как можно больше свободы. Я предлагаю идти за мной. Кто хочет — пожалуйста, нет — как угодно. Но и сам идти за кем-то не могу. Я могу восхищаться теми или иными качествами человека, особенно его талантом. Но подчиняться не стал бы. Даже Чехову и Достоевскому. Боюсь толпы-стихии. Но это не значит, что люблю только одиночество. Напротив, я люблю быть с людьми, и даже просто присутствие людей мне приятно.»

«Дворянин» — баловень судьбы. Основа человеческой психики — Воля — занимает в его порядке функций лучшую, вторую строку и тем обеспечивает обладателю 2-й Воли неведомый другим душевный комфорт. Сила и гибкость 2-й Воли придают личности редкую цельность и бесстрашие перед жизнью.

Даже ранимость Третьей функции, которую 2-я Воля хоть и не в состоянии отменить, все-таки беспокоит «дворянина» меньше других, и картина его патологии по Третьей функции обычно бывает основательно смазана. Кроме того, порожденное силой и гибкостью 2-й Воли бесстрашие позволяет «дворянину» смело идти на риск последовательного заделывания язвы по 3-й функции и, несмотря на удары, ошибки, падения, добиваться полного ее заживления. Благодаря чему порой достигается идеальное для живущего в подлунном мире человека состояние — состояние полной внутренней гармонии.

«Жизнь моя — сплошная авантюра, ибо я всегда стремился не только развить то, что заложено было в меня природой, но добыть и то, чего она вовсе мне не дала, — писал Гёте, и в другом месте сам объяснял, зачем это нужно: «Тот, кто не проникнут убеждением, что все проявления человеческого существа, чувственность и разум, воображение и рассудок, должны быть им развиты до решительного единства, какая бы из этих способностей не преобладала, тот постоянно будет мучиться в безрадостном ограничении.» Не возьмусь доказывать, что гармонизация дается «дворянину» всегда, легко и быстро (тот же Гёте достиг этого состояния лишь к 60 годам), не рискну утверждать, что для других она недостижима, но наличие у «дворянина» уникальных психических предпосылок к достижению внутренней гармонии сомнения не вызывает. И уже потому он баловень судьбы.

Помнится, мне довелось как-то сравнивать Вторую функцию с рекой. Так вот, 2-я Воля — это не функция, — а человек-река, целокупно неиссякающая личность, свободно, широко, щедро поющая всех желающих, ничего при этом не теряя. Душевная щедрость и щедрость просто — нормальное для 2-й Воли состояние. Первое что обычно говорят о «дворянине»: « Он хороший человек!» далее могут следовать менее лестные характеристики и вовсе не лестные, но когда характеристика человека начинается с такой фразы — более чем вероятно, речь идет о 2-й Воле. Шарлотта фон Штейн, давно покинутая Гёте, все-таки нашла в себе силы и слова, чтобы высказать ему в письме: «Мне хочется назвать Вас — Дающий.» Здесь очень точно найдено слово — «Дающий» — для выражения того, что составляет существо 2-й Воли.

У «дворянина» — большое сердце. Не хочу никого обижать, но только 2-й Воле дано по-настоящему любить. Подлинная любовь — самоотдача. А на самоотдачу способен лишь тот, кто готов делиться, кому есть, что дать, и дать без риска обнищания. Всем этим условиям отвечает только 2-я Воля. Поэтому, да простит меня читатель, другим дано нуждаться, зависеть, подчиняться, питать иллюзии, но не любить. Любовь понимается 2-й Волей как жертвенность, а не потребление. Для нее гораздо **важнее любить, чем быть любимой.**

Вместе с силой, гибкостью, нормативностью, одним из основополагающих элементов Второй функции является естественность. Хотя о естественности, выраженной через Волю, говорить трудно, все-таки специфика именно такого выражения поддается вычленению. Естественность по Воле — это личностная открытость, простота, адекватность себе в любой ситуации, отсутствие второго, заднего плана, маски. Как писала о муже Нэнси Рейган: «Ключ к разгадке секрета Рональда Рейгана состоит в том, что никакого секрета нет. Он точно такой, каким кажется. Рональд Рейган, которого вы видите на людях, это тот же самый Рональд Рейган, с которым я живу. Оказалось, что некоторые из недавних президентов были на поверку вовсе не такими, какими мы их себе представляли. Я, честно, не верю, чтобы кто-нибудь мог сказать нечто подобное о Ронни. В характере Рональда Рейгана нет темных углов...»

Да, именно такова естественность «дворянина». Душевное здоровье его так велико, что ничего не выпячивая, он ничего и не прячет, позволяет смеяться над собой и сам зачастую готов сыграть в шутивное самобичевание. Более того, 2-я Воля столь лично неуживима, что без серьезного насилия над собой решается на самое страшное — публичное покаяние, открытое признание своих ошибок и недостатков, на что совершенно неспособны 1-я и 3-я Воли.

Лабрюйер, нарекая в своей классификации характеров 2-ю Волю «истинным величием», писал: «Ложное величие надменно и неприступно: оно сознает свою слабость и поэтому прячется, вернее — показывает себя чуть-чуть, ровно настолько, чтобы внушить почтение, скрыв при этом свое настоящее лицо — лицо ничтожества.

Истинное величие непринужденно, мягко, сердечно, просто и доступно. К нему можно прикасаться, его можно трогать и рассматривать: чем ближе его узнаешь, тем больше им восхищаешься. Движимое добротой, оно склоняется к тем, кто ниже его, но ему ничего не стоит в любую минуту выпрямиться во весь свой рост. Оно порой беззаботно, небрежно к себе, забывает о своих преимуществах, но, когда нужно, показывает себя во всем блеске и могуществе. Оно смеется, играет, шутит — и всегда полно достоинства. Рядом с ним каждый чувствует себя свободно, но никто не смеет быть развязанным. У него благородный и приятный нрав, внушающий уважение и доверие».

Простота и открытость 2-й Воли не всегда оказывается ей на благо. Во-первых, нечестные люди порой этими душевными свойствами пользуются. А во-вторых, создается по-своему заслуженный образ существа, достаточно наивного, примитивного, ограниченного, очень уж просто понимающего людей, что совершеннейшая правда, растущая из богатырского душевного здоровья «дворянина» и обычного человеческого эгоцентризма, весь мир толкующего на свой образец.

2-я Воля бесстрашна в отношениях с людьми. Ее представления о норме в отношениях исчерпываются образом тесного, равноправного, дружеского круга. Однако и навязывать свою норму другим она считает себя не в праве и потому охотно соблюдает ту дистанцию в отношениях, которую ей предлагает противоположная сторона. На каком расстоянии от себя вы бы ни поставили «дворянина», на том он и будет, как человек деликатный, стоящий в дальнейшем.

«Дворянин» зачастую оставляет о себе впечатление, как о человеке, довольно равнодушном к людям. «Вы всегда были равнодушны к людям, к их недостатка и слабостям» (Лица Мизинова о Чехове), «Внешняя доброта его — это внутреннее равнодушие ко всему миру» (Софья Толстая о Танееве). Иногда «дворянин» сам о себе говорит как о человеке равнодушном. Бердяев, например, признавался: " У меня, вероятно, много равнодушия и нет никакого деспотизма и склонности к насилию, хотя в деятельности я бывал автократичен. Есть большое уважение ко всякой человеческой личности, но мало внимания... Я никогда не имел склонности возиться с душами людей, влиять на них, направлять их.»

Несмотря на все эти упреки и признания в равнодушии, в них нет ни йоты правды. 2-я Воля очень неравнодушна к людям, и нет более отзывчивого человека, чем «дворянин». Иное дело, что он не любопытен. Прямо сказать, любопытство не самое здоровое из чувств, диктуемое или страхом, или корыстью, или, во всяком случае, какой-то формой личной заинтересованности в других людях. «Дворянин» же — существо деликатное, бескорыстное, бесстрашное, самодостаточное, независимое, а кроме того, по обыкновению людей, выдающих окружающим по образу своему и подобию, и потому — нелюбопытное. Отсюда и миф о равнодушии 2-й Воли. Отсюда же крупнейший недостаток «дворянина» — он не психолог, доверчивость и нелюбопытство лишают его возможности и желания разглядывать тайную, скрытую сторону жизни чужой души и адекватно на нее реагировать. Про Владимира Соловьева один современник сообщал: « Как-то он мне сказал о себе, что он — «не психолог». Он сказал это другими словами, но заметно было, что

он жалел у себя о недостатке этой черты. Действительно, в нем была некоторая слепота и опрометчивость конницы».

Еще одно заблуждение, часто питаемое на счет 2-й Воли окружающими, заключается в мнимой его мягкотелости, слабохарактерности. И нельзя сказать, чтобы оно было вовсе безосновательным. У «дворянина», не в пример «царю», твердая основа характера не выпячена, а скрыта. Он мягок, уступчив, терпим, покладист, снисходителен к себе и другим, верен в дружбе и любви (что также иногда трактуется как слабохарактерность). Такая пластилиновая внешность «дворянина» многих обманывает и по-своему провоцирует окружающих — попробовать его характер на прочность: нахамить, унижить, подчинить. Результаты обычно бывают плачевны для экспериментатора. Из пластилиновой оболочки внезапно возникает природный аристократ, гордец, человек несгибаемой воли, способный скорее погибнуть, чем уступить пядь своего достоинства.

Те, кто пытаются экспериментировать с характером «дворянина» и пробовать его на зуб, просто забывают достаточно банальную истину: слабость могут позволить себе только очень сильные люди. Один, из хорошо знавших Чехова людей, писал: «Воля чеховская была большая сила, он берег ее и редко прибегал к ее содействию, и иногда ему доставляло удовольствие обходиться без нее, переживая колебания, быть даже слабым. У слабости есть своего рода прелесть, что хорошо знают женщины.

Но когда он находил, что необходимо призвать волю, — она являлась и никогда не обманывала его.»

Пытаться определить точно ту грань, за которой начинает проявляться у 2-й Воли ее твердая основа, дело почти безнадежное. Но ясно, речь каждый раз должна идти о некоем принципиальном, капитальнейшем вопросе. У Достоевского в «Братьях Карамазовых» Лиза спрашивает Алешу Карамазова: «Будете мне подчиняться?» — «Да!» — «Во всем?» — «Почти во всем, но в главном — нет. Главным я не поступлюсь.» Сходно, «по-карамазовски» жил и действовал Авраам Линкольн. Уитмен писал о нем: «В тех редких случаях, когда речь шла о чем-то кардинальном, решающем, он бывал непоколебимо тверд, даже упрям, вообще же, когда дело касалось чего-либо не слишком значительного, был уступчив, покладист, терпим, на редкость податлив.»

* * *

Лстыть «дворянину» столь же бесполезно, как и унижать. Аромат фиимаа вызывает у него самое искреннее раздражение, чувство неловкости, и мне не раз доводилось видеть как пунцовыми делались лица «дворян», даже в случае заслуженной и умеренной похвалы.

Пожалуй, наиболее уникальная черта психологии «дворянина» заключается во внеиерархизме его картины мироздания. Вспомним, для 1-й Воли космос поделен на верх и низ. Так вот, у 2-й Воли в ее внутренней картине мира эта антиномия отсутствует. «...В человеческом духе, так же как и во Вселенной, нет ничего, что было бы наверху или внизу? Все требует одинаковых прав на общее средоточие, « — считал Гёте. Для «дворянина» все — от Бога до головастика — находится на одной линии, все равноправны в стремлении свершить свое предназначение. Этот внеиерархизм 2-й Воли Пастернак очень точно назвал «дворянским чувством равенства всего живого.» А Бердяев, например, признавался: «...у меня совершенно атрофировано всякое чувство иерархического положения людей в обществе, воля к могуществу и господству не только мне не свойственна, но и вызывает во мне брезгливое отвращение.»

Из сказанного не следует, что 2-я Воля вообще отрицает наличие слишком очевидно проявляющейся в нашей жизни иерархии. Нет. Но она ее не абсолютизирует. «Дворянин» воспринимает иерархию как условность, формальность, систему ярлыков, может быть, не бесполезную, но не относимую к онтологической, сущностной стороне бытия. Чехов пи-

сал: «Я одинаково не питаю особого пристрастия ни к жандармам, ни к мясникам, ни к ученым, ни к писателям, ни к молодежи. Форму и ярлык я считаю предрассудком. Моя святая святых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютная свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две не выражались.»

Спрашивается: какие практические выводы следуют из непризнания 2-й Волей иерархической картины мира? А выводов много. Например, не стану утверждать, что 2-я Воля была создателем норм права и морали — они, в зависимости от страны и народа, слишком разнятся, чтобы приписывать их авторство одной психологии, но то, что «дворянин» является единственным хранителем морали и права — это безусловно. И причина такой особо важной роли «дворянства» в обществе как раз связана с его природным неприятием иерархии.

Дело в том, что остальные Воли иерархичны, а иерархия — это то, что, дифференцируя мораль и право в зависимости от положения, занимаемого субъектом на ступенях иерархии, практически разрушает и то, и другое, размывает их границы до полного исчезновения. «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку, «- говорили древние римляне, формулируя тем самым разрушительный для морали и права иерархический принцип. Однако они же любили повторять: «Закон суров, но — это закон», — признавая наличие иного, охранительного, внеиерархического «дворянского» принципа. Оба эти принципа испокон века борются в мире, какой из них победит — покажет будущее, главное, судя по тому, что мораль и право еще существуют, 2-я Воля пока не проиграла.

Очевидно, что по своим политическим убеждениям 2-я Воля природная демократка, в противовес той же 1-ой Воле — природной монархистке. «Власть лучше свободы» говорил тургеневский герой с 1-й Волей, «свобода лучше власти» говорит любая 2-я Воля. Борьба меж ними также predeterminedена от века, но картина единоборства яснее: пока явно побеждает 2-я Воля. Растет число стран, управляемых выборными органами, провозглашающих приоритет прав личности над всеми другими правами.

Безкастовость 2-й Воли, естественно, распространяется и на отношения ее в семье, на производстве, среди знакомых. «Дворянин» ровен с начальниками и подчиненными, родителями и детьми, в дружеском кругу. Причем, эта ровность оттеняется чувством собственного достоинства, соединенного с уважительным отношением к другим. Бунин писал о Чехове: « Случалось, что собирались у него люди самых различных рангов: со всеми он был одинаков, никому не оказывал предпочтения, никого не заставлял страдать от самолюбия, чувствовать себя забытым, лишним. И всех неизменно держал на известном расстоянии от себя.

Чувство собственного достоинства, независимости было у него очень велико.»

* * *

Довольно своеобразно отношение «дворян» к общественным движениям. Оно точно описано в следующих автобиографических строчках Бердяева: «...я сидел четыре раза в тюрьме, два раза в старом режиме и два раза в новом, был на три года сослан на север, имел процесс, грозивший мне вечным поселением в Сибири, был выслан из своей родины и, вероятно, закончу свою жизнь в изгнании. И вместе с тем я никогда не был человеком политическим. Ко многому я имел отношение, но, в сущности, ничему ни принадлежал до глубины, ничему не отдавался вполне, за исключением своего творчества. Глубина моего существа всегда принадлежала чему-то другому. Я не только не был равнодушен к социальным вопросам, но и очень болел ими, у меня было «гражданское» чувство, но в сущности, в более глубоком смысле, я был асоциален, я никогда не был «общественником». Общественные течения никогда не считали меня вполне своим. Я всегда был «анархистом» на духовной почве и «индивидуалистом»».

Описанное Бердяевым — не личная позиция, а общая картина социально-асоциальной психологии 2-й Воли. Наша задача: лишь рассмотреть ее через единую призму «дворянских» ценностей. «Гражданское» чувство, описанное Бердяевым, — это вневкастовость 2-й Воли, которая, воплотившись в близкий себе лозунг «Свобода, равенство, братство», способна вовлечь «дворянина» в крупные социальные движения. С другой стороны, природная независимость, глубинное ощущение неповторимости собственной индивидуальности не позволяют 2-й Воле вполне слиться с толпой, отталкивают ее на обочину социальных движений. Толпа предполагает ту или иную форму делегирования индивидуальных воль тем, кто идет во главе ее. Но передача своей воли другим для 2-й Воли совершенно неприемлема, а присвоение чужой — неинтересно и непродуктивно. Своя и чужая свобода, даже в борьбе за свободу, для «дворянина» дороже всего. Так и ходит он по партийно-беспартийной грани, многим сочувствуя, но ни с чем не сливаясь.

Редко становится 2-я Воля и в открытую, бескомпромиссную оппозицию к существующему порядку вещей, предпочитая не фронтировать, а просто обособляться. О своей недемонстративной склонности к обособлению от всего, что можно назвать общественной тиранией, откровенно говорил Гёте: «Никогда в жизни не становился я во враждебную и бесполезную оппозицию к могущественному потоку массы или к господствующему принципу, но всегда предпочитал, подобно улитке, спрятаться в раковине и жить в ней, как заблагорассудится.»

Беря взаимодействие 2-й Воли с миром в более широком онтологическом смысле, его лучше охарактеризовать формулой той же ипостасной нераздельности и неслиянности, что и у 1-й Воли. Однако между двумя этими видами взаимодействия есть существенная разница. «Царь», строя свои отношения по вертикали, не предполагает полного слияния с миром даже в теории, тогда как «дворянин» и мир находятся на одной линии и искренне стремятся друг к другу, предполагая в конечной точке движения достичь абсолютного единения. Предполагается, правда, при этом, что в силу нормативности 2-й Воли, скорее мир должен двигаться к «дворянину», нежели наоборот.

То, что я сейчас пытаюсь путано и многословно выразить, Пастернак, по преимуществу поэта, сказал четырьмя строками:

*«Всю жизнь я быть хотел как все,
Но век в своей красе
Сильнее моего нытья
И хочет быть как я.»*

Вместе с тем, самоуверенность «дворянина» обоснована лишь отчасти. Эталонность его — скорее потенция, чем реальность. Точнее, образцовость 2-й Воли заставляет «дворянина» всего себя считать образцом, вместе с другими совсем не эталонными функциями. Что делает 2-ю Волю порой до странности глухой, беспардонной и настырной. Скажем, тот же Пастернак любил без тени смущения рассказывать, как он трехсуточным истерическим монологом своей 1-й Эмоции во время совместного путешествия в поезде едва не свел с ума мелкого литературного чиновника.

* * *

Отношение 2-й Воли к славе также лучше передать одной коротенькой цитатой из Пастернака: «Быть знаменитым некрасиво.» Обратим внимание, слово «некрасиво» имеет в русском языке двойной, эстетико-этический смысл. И тут нельзя не признать удачность выбора поэтического слова, потому что, на взгляд «дворянина», стремление попасть в свет рампы под грохот людского рукоплескания равно отдаст и дурным вкусом, и душевным нездоровьем. «Меня всегда соблазняло инкогнито,» — писал Бердяев, точно выражая общую для 2-й Воли неприязнь, может быть, не столько к самой славе, сколько к

постыдным ее атрибутом: шумихе, помпе, зависимости от толпы, панегирикам, вторжениям в личную жизнь и т.п.

По большому счету «дворянин» жаждет не славы, а полной самореализации. На какую же ступень общественной лестницы вынесет его процесс реализации себя и каково будет людское мнение на сей счет, то это — дело десятое. Толстой писал об одном из своих братьев: «В Митеньке, должно быть, была та драгоценная черта характера, которую я предполагал в матери и которую знал в Николеньке, и которой я был совершенно лишен, — черта совершенного равнодушия к мнению о себе людей. Я всегда, до самого последнего времени, не мог отделаться от заботы о мнении людском, у Митеньки же этого совсем не было.» Здесь я должен немного поправить Толстого, 2-я Воля, которая была у его брата Дмитрия, не равнодушна к общественному мнению, а не любопытна, не искательна к нему. А в остальном — все, как у людей: приятные слова радуют, неприятные — коробят. Но как панегирики, так и филиппики равно не в состоянии нарушить внутренний покой «дворянина», у него хватает душевного здоровья, чтобы постоянно и объективно судить себя своим собственным судом, гораздо более строгим, нежели суд общественно-го мнения.

Упоминание Дмитрия Толстого дает повод добавить еще нечто к облику и роли «дворянина» в обществе. Дело в том, что, по мнению таких авторитетов, как сам Лев Толстой и Тургенев, Дмитрий был много талантливее своего гениального брата и, будь у него хоть гран тщеславия, лавры великого писателя не миновали бы и его. Данное обстоятельство весьма симптоматично. Как ни даровита бывает 2-я Воля, она, не сказать, ленива, но по равнодушию к славе не знает горячечной страсти к действию и тем часто лишает себя места в пантеоне.

Быть фигурой, серьезно колеблющей стрелки исторических часов, — вообще не та роль, которую отвела природа 2-й Воле в обществе. 2-я Воля — соль земли, некий Вишну-хранитель, невидимый остов и опора раздираемого честолюбием мира. И кто знает, как бы выглядело наше ожесточенное борьбой за первенство общество, не оглядываясь оно постоянно на покойное, несуетное «дворянство».

Хотя Дмитрий Толстой не стал писателем, самим фактом своего существования он успокаивал и облагораживал сотрясаемый пароксизмами тщеславия дух гениального брата, невидимо диктовал ему наиболее глубокие и умиротворяющие страницы его произведений. Так что, можно сказать, что Дмитрий Толстой своеобразно, «по-дворянски» незримо все-таки реализовал себя как великий писатель.

«Дворянин» — прежде всего Человек, а уж потом общественная функция. Поэтому каких бы социальных высот ни достигал он, как бы ошеломляющ ни был успех, окружающие продолжают ценить в нем и любить именно человека. Зелиг писал об Эйнштейне: «Много раз говорил он мне, что способность к научной работе в значительной степени зависит от характера. Но чем больше я работал с ним и чем лучше узнавал его, тем меньше мое отношение к нему зависело от размаха его научных достижений, потому что как ни велик Эйнштейн как физик и философ, как человек он для меня значит гораздо больше.»

* * *

Природа человека такова, что волей-неволей и совершенно бесконтрольно он привносит в общество тот дух и тот строй, что живет в нем самом. Не исключение здесь и 2-я Воля, и, поскольку внутренней жизни 2-й Воли присущи благожелательность, умиротворенность, покой, уверенной в себе силы, то и появление «дворянина» в обществе приносит с собой тишину и умиротворение, является чем-то подобным жиру, который в старину лили китобои на разбушевавшиеся волны. Не могу не привести в этой связи описа-

ние почти магического воздействия 2-й Воли Бориса Зайцева на одном из приемов у Мережковских.

«Это было особенно бурное собрание, похожее на стихийно взбунтовавшийся океан.

Ораторы старались перекричать друг друга, яростно споря. Сам Мережковский, исходя вдохновением и широко раскрыв руки, казалось, поднялся на воздух и парил над этим неистово бушующим океаном, похожим на океан, когда-то поглотивший Атлантиду, ту Атлантиду, о которой здесь как раз и шла речь....

И в эту минуту наивысшего нервного напряжения в столовую вошел в сопровождении Злобина, Борис Константинович. Вошел удивительно тихо и скромно...

И сразу, хотя Борис Константинович не произнес ни одного слова, волны океана, уже, казалось, готовые поглотить нас, улеглись...

В тот день — не в пример обычным «воскресениям» — никто больше не спорил и не «скрещивал мечей красноречия».

Тогда меня это поразило! Зайцев одним своим присутствием внес покой в мысли и сердца сидевших за столом...

Мне и потом приходилось наблюдать, как присутствие Зайцева разряжало наэлектризованную, взвинченную атмосферу. При нем как будто невозможно было ссориться и даже страстно спорить.»

Фигура Бориса Зайцева, кроме всего прочего, замечательна тем, что его писательство идеально воплощало все достоинства и недостатки художественного творчества 2-й Воли. Сам Зайцев в одном из писем описывал свое эстетическое кредо следующим образом: «Сколько хотелось присвоить из чудесного Божьего мира! Что ж, я так устроен: знаю отлично, как страшен, жесток, гибелен этот мир, но всему в нем есть обратное, и **мне дано видеть не гадкое, а прекрасное его, больше любить, а не ненавидеть.... По писанию моему всей полноты мира не узнаешь. Я односторонен.** Так мне назначено.» Сравнивая Зайцева с другими, современными ему писателями один из потомков Зайцева говорил: «Он беднее многих. Но богаче всех, кажется, в одном — в гармоническом строе души... Ничего взрывного, ни ужасных глубин, ни философии. Благородный рыцарственный тон, флорентийское золото стиля, золотая середина во всем.»

Покой, доброжелательность, великодушие — это то, что инфицирует 2-я Воля, занимаясь искусством, инфицирует зрителям, читателям, слушателям. Разница в том, что такое великодушие при 1-й Эмоции несколько громогласно (Пастернак), а при 3-й Эмоции — несколько иронично (Чехов), в сочетании с 4-й Физикой, скорее печально, чем жизнерадостно (Блок), в сочетании с 1-й Физикой скорее жизнерадостно, чем печально (Гёте). Этими комбинациями практически исчерпывается «дворянское» художественное меню, и есть своя правда в словах, что искусство 2-й Воли однообразно. Но это однообразие — однообразие чистой воды, им нельзя пресытиться.

* * *

Меня послушать, так покажется, что «дворянин» — ангел во плоти, чего не бывает. Согласен. Но, во-первых, он плохо чувствует свои преимущества и мания величия ему не грозит. Блок как-то написал в письме: «Я — очень верю в себя... ощущаю в себе здоровую цельность и способность, и умение быть человеком вольным, независимым и честным...» Вот, пожалуй, максимум того, что знает о себе 2-я Воля. И это неудивительно, душевное здоровье, столь же незаметно для его носителя, как и здоровье физическое.

Во-вторых, «дворянин» был бы действительно ангелом во плоти, если бы являл миру только свою лучшую Волеву функцию. Но увы, у него есть еще три функции, несовершенные, незаталонные, в общезитии неудобные, и это обстоятельство сильно искажает «ангельский» лик 2-й Воли.

Первой внешней приметой 2-й Воли, как вообще всех Воль, является взгляд. Взгляд «дворянина» доброжелателен, мирен и несколько рассеян. Он как бы говорит: «Все спокойно, я рад знакомству, но, если хотите, я на продолжении его настаивать не стану.»

Гейне писал о Гёте, что его «глаза не взирали грешно-боязливо, набожно или с елеиным умилением: они были спокойны, как у какого-то божества.» и, конечно, несколько привирал. Взгляд Гёте, как у всякого «дворянина», не содержал в себе ничего божественного, а был просто несуетным: зрачки двигались, но двигались плавно, и Гейне, который спокойствием взгляда похвастаться не мог, отчасти романтизировал это свое впечатление от взгляда Гёте.

2-я Воля — очень неважная лицедейка и полностью согласна с Пастернаком, что должна «ни единой долькой не отступать от лица». Поэтому, когда «дворянин» избирает карьеру актера, то более или менее удачно играет только себя, и крупных лавров на актерском поприще стяжать не в состоянии (Рейган). Насколько затруднительно бывает для 2-й Воли лицедейство, видно на примере Блока, который сам читал все свои стихи, кроме «Двенадцати». А секрет такой странности заключался в том, что, если читатель помнит, отдельные части поэмы стилизованы в площадно-балаганном духе, и читать их Блок, по обыкновению «дворянства» отождествляясь с произнесенным, просто не мог.

2-я Воля — единственная из всех Воль, что органически не переваривает матерщины и похабщину. Независимо от воспитания. Не переваривает даже тогда, когда сочетается с 1-й Физикой, для которой экскурсии в область физиологии желанны и естественны. Борис Ельцын, с его 1-й Физикой, прошедший детство в бараке, строитель по профессии, писал: «...я всю жизнь терпеть не мог брани, в институте даже со мной спорили, употреблю я или нет за целый год хоть бы одно бранное слово. И каждый раз я выигрывал.» В словах Ельцына нет преувеличения. Мне приходилось встречать людей с тем же порядком функций, выходцев с самого социального дна, столь же нетерпимых к нецензурщине. Максим Горький, проведя молодость в обществе босяков, до конца дней своих краснел при слове «сортир». Очевидно, это связано с природным для «дворян» чувством собственного достоинства и столь же природным уважительным отношением к другим.

У нас на Руси любят спорить о том, что такое «интеллигентность»: наличие диплома о высшем образовании или черта характера. Так вот, если записывать в интеллигентны всякого обладателя диплома, то здесь все ясно. Неясно с чертой характера. Но теперь можно с уверенностью сказать, что интеллигентность как черта характера — природное свойство 2-й Воли. Именно ей присущи демократизм, деликатность, терпимость, доброжелательность, естественность, независимость, т.е. все те качества, что обычно связывают с интеллигентностью. И к образованию, воспитанию, общественному положению она никакого отношения не имеет. «Дворянин» может быть неграмотен, не в ладах с ножом и вилкой, провести всю жизнь в тюрьмах, и это обстоятельство никак не отразится на его интеллигентности.

Общим во вкусе 2-й Воли является то, что она предпочитает неброскую, но и не сливающую ее с толпой одежду. Главная задача «дворянина» при выборе платья довольно затруднительна: одевшись, не лезть в глаза, и в то же время чувствовать, что индивидуальность при этом не утрачена. Покрой же предпочитается свободный, широкий, не стесняющий движения. Среди политиков «дворян» сразу можно узнать по тому, как они при всяком удобном случае спешат расстегнуться, ослабить узел галстука, а лучше, вообще сменить протокольное облачение на что-либо домашнее, простое и свободное.

«Мещанин» (3-я Воля)

Начиная свой рассказ о 3-й Воле, сразу хочу предупредить: здесь мы вступаем в самый мрачный и тягостный круг жизни человеческого духа. Поэтому заранее прошу прощения у читателей с 3-й Волей за ту откровенность, с какой придется говорить о скрытой и мучительной стороне их существования.

Всякая Третья функция раздвоена и уязвлена. Особый трагизм положения «мещанина» заключается в том, что у него уязвлена именно Воля — опора личности, то, на чем держится весь порядок функций. А когда ослаблена и травмирована опора, все здание человеческой психики делается шатким и уязвимым. Жизнь становится хроническим кошмаром: даже слабые удары и просто прикосновение к любой, не только Третьей, функции способны потрясти до основания существо «мещанина», послать 3-ю Волю в нокаут.

Тотальная ранимость — отличительная и наиболее пугающая черта психики «мещанина», она делает 3-ю Волю похожей на моллюска с нежнейшим и беззащитнейшим тельцем, которому природа отказала в панцире и тем обрекла с пеленок до гроба на злобу, агрессивность, скрытность и одиночество.

Надо иметь очень много душевного здоровья, чтобы без страха заглядывать в ту бездну, что представляет собой душа «мещанина». Романы Достоевского — лишь слабый отблеск того ада, в котором хронически живет 3-я Воля.

По-настоящему только к психике «мещанина» применим термин «комплекс», так как она действительно представляет собой целый комплекс болячек, ожогов и язв, грозящий разрастись в одну многофункциональную гноящуюся рану. Поэтому и средства самозащиты у 3-й Воли имеют вид комплексного универсального набора. Если читатель помнит, у каждой Третьей функции есть свой «фиговый листок». Есть он и у 3-ей Воли — это лицемерие и юродство. Но так как у «мещанина» уязвим весь порядок функций, ему приходится прикрывать себя целиком, всем опахалом из существующих «фиговых листов»: то юродствуя, то ханжествуя, то иронизируя, то впадая в глубочайший скепсис.

Образ голого моллюска с нежнейшим, ранимнейшим тельцем, крадущегося по жизни, как по серпантину, в масках из фиговых листьев, — тот образ, что достаточно точно передает состояние внутренней жизни 3-й Воли.

* * *

Одним из типичных производных душевного состояния 3-й Воли является то, что чувствуя, как гнется и трещит под тяжестью других функций Воля, она старается перенести центр тяжести личности на хорошо прощупываемую в себе, избыточную Первую функцию.

Получается нечто похожее на человека, который вместо того, чтобы ходить по канатному мосту (из четырех функций), предпочитает ходить по одному канату (по Первой функции), считая, что один канат, но зато надежный, лучше четырех, особенно если сделать его потолще. Балансирование же на одной Первой функции приводит к тому, что «мещанин», стремясь к усилению и укреплению Первой, искусственно гипертрофирует ее, и без того гипертрофированную, до таких степеней, что окружающие начинают классифицировать состояние «мещанина» как безумие.

Прежде, говоря о Первых функциях, мне уже приходилось упоминать, что с ними связываются в психиатрии те или иные отклонения. Теперь пришло время сказать, что большинство такой группы риска составляют «мещане»: сочетание 1-й Эмоции с 3-й Волей дает маниакально-депрессивный психоз, сочетание 1-й Логики с 3-й Волей — параною, сочетание 1-й Физики с 3-ей Волей — патологическую скарденность и жестокость. Механизм этих отклонений прост: человек стремится, не надеясь на израненную Волю,

сделать еще более избыточным и надежным то, что у него и так избыточно и надежно, впадая тем самым в такой пережест, что психиатрия начинает трактовать его душевное состояние как патологию. Хотя повторяюсь, перечисленные отклонения — явления скорее психотипические, нежели психиатрические.

* * *

Описывать внутреннее состояние 3-й Воли чрезвычайно трудно, поэтому лучше обратиться к документу. Вот отрывки из письма одного юного «мещанина», замечательное тем, что его автор не только постоянно ощущает в себе скрытый изъян, но и пытается анализировать его истоки: « Я просмотрел свое прошлое и настоящее, и получилось, что я скудная безликость, осознающая свою безликость. Я и раньше об этом догадывался, но теперь уверен точно.

У меня никогда не было друзей, вернее, был один во 2-м классе, но мы потом раздружились. Надо мной всегда все смеялись, я имею в виду своих ровесников, а я почему-то в мыслях всегда считал себя лучше всех их. В жизни все было по-другому...

У меня не хватает сил до конца доучить урок. Я постоянно думаю о себе или мечтаю. А в мечтах обычно я сильный, волевой и целеустремленный, не то, что в жизни. В спорте я ничего не сделал, хотя и занимался 5 лет греблей. Я достигал неплохих результатов на тренировках. Но как только наступали соревнования, я показывал самый плохой результат.

С людьми я чувствую себя скованно и неловко. Перед прохожими я прячу глаза, как будто я перед ними в чем-то виноват. Я ничего не могу с собой поделать!

Последние годы, где-то 7-8 класс, я стал очень скованно чувствовать себя в классе. Я чувствовал, что у меня нет друга, и те одноклассники, к которым меня тянуло, на меня не обращали внимания, и я мучился. Чего только я не передумал. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что у меня никогда не было своего лица. Я всегда шел у кого-нибудь на поводу. И вообще у меня такое чувство, что я ничего не чувствую. Я не умею злиться, смеяться от души, я не умею! Я не могу или не умею дружить, а так хочется иметь друга!

Когда меня ругают, я совершенно не могу ничего сказать против. Я чувствую, что что-то во мне не так как надо. Во мне нет каких-то сил. Мне учительница по этике говорила, что склонность к характеру передается по наследству от родителей. Тогда, может, я бесхарактерный от отца. Он давно с нами не живет, но мать говорила, что он был алкоголик и безвольный человек, а мать у меня сильная, с характером.

...Как жить дальше! С каждым днем становится все тяжелее и тяжелее».

Такая вот исповедь. Свообразный скорбный список мук 3-й Воли. Комментировать каждое слово письма сейчас нет смысла, о специфике психологии «мещанина» еще много придется говорить далее.

* * *

Ложь — самая ранняя и самая верная примета 3-й Воли. Не стану утверждать, что остальные Воли никогда не врут — случается, но только по большей нужде. Иначе дело обстоит у 3-й Воли. Она врет часто, автоматически, импульсивно, глупо, бессмысленно. Ложь для «мещанина» — универсальное орудие самозащиты и самоутверждения и потому обнажается при первой же мнимой или реальной угрозе, а равно при первой же возможности пустить пыль в глаза. 3-я Воля слишком ранима, слишком чувствительна к общественному мнению, чтобы не пытаться ложью оградить уязвленное ядро своей натуры. Если для «дворянина» людские оценки в состоянии лишь оцарапать поверхность его могучего существа, то для «мещанина» всякое мнение, положительное ли, отрицательное

ли, вызывает сотрясение основ, волнует до глубины души, стимулируя ответную реакцию в виде импульсивного и обычно мало кого убеждающего вранья.

Притворство, лицедейство, а прямее сказать, лицемерие — неотъемлемая часть все той же склонности 3-й Воли ко лжи. «Мещанин» боится обнаружиться, раскрыться, предпочитая выглядеть кем-то, чаще человеком, более социально значимым, нежели быть самим собой. Достоевский писал: «Мы все стыдимся самих себя. Действительно, всякий из нас носит в себе чуть ли не прирожденный стыд за себя и за свое собственное лицо и, чуть в обществе, все русские люди тотчас же стараются поскорее и во что бы то ни стало показаться непременно чем-то другим, но только не тем, что он есть в самом деле, каждый спешит принять совсем другое лицо.»

3-я Воля — прирожденный актер театра, который лучше назвать не «социальным», а «иерархическим», потому что «мещанин» лицедействует не только в обществе, но и в семье.

* * *

«Мещанин» еще мягче и послушнее, нежели «дворянин». Но податливость податливости разнь. Сравнивая 2-ю и 3-ю Воли, Ларошфуко очень верно замечал: «Истинно мягкими могут быть только люди с твердым характером, у остальных же кажущаяся мягкость — это чаще всего просто слабость, которая легко превращается в озлобленность». Действительно, «мещанин» послушен, но не по своей воле и, тайно ненавидя насильников над своей волей, готов бесконечно копить обиды, при первой же возможности жестоко расплачиваясь за свою былую покорность. Так, юный Пол Маккартни после родительской порки, заявив о полном и окончательном раскаянии, пробирался в родительскую спальню и со словами «Вот вам!» «Вот вам!» обрывал кисею на занавесках. Двусмысленной покладистостью отличался русский царь Николай II; однажды он сделал такое характерное признание: «Я всегда во всем со всеми соглашаюсь, а потом делаю по-своему». У русских царей это было родовой чертой: Александра I, прадеда Николая II, родные называли «кротким упрямым».

Чем ниже приходится сгибаться 3-й Воле, тем неожиданней и хлеще бывает выпрямление. Окружающие обычно характеризуют такое выпрямление как «предательство», но, по большому счету, 3-я Воля никогда не предает, потому что никогда и никому до конца не принадлежит. Верность — удел либо очень сильных, либо безнадежно слабых людей. «Мещанин» занимает промежуточное положение и потому по самой сути своей не верен, хотя заверений и авансов на сей счет обычно дает с избытком.

Вспоминая Андрея Белого, Бердяев писал: «У этой очень яркой индивидуальности твердое ядро личности было утеряно, происходила диссоциация личности в самом его художественном творчестве. Это, между прочим, выражалось в его страшной неверности, в его склонности к предательству...»

Он производил впечатление друга дома. Со мной он постоянно соглашался, так как вообще не мог возражать в лицо. Потом внезапно на некоторое время совершенно исчез. В это время он обыкновенно печатал какую-нибудь статью с резкими нападками на меня... У меня было такое впечатление, что он сводил счеты за то, что соглашаясь с глазу на глаз, не будучи согласен, он отыгрывался в ругательных статьях.»

Предательство, как форма добровольного ответа на внешнее необоримое волевое давление, для «мещанина» часто сосуществует еще и как недобровольный ответ на то же давление. К Горькому, в 1917 году написавшему статью о провокаторах, пришло письмо от одного такого «товарища-провокатора», где содержались следующие выразительные строки: «Я не оправдываюсь, но мне хотелось бы, чтобы психология, даже такого жалкого существа, как провокатор, все же была бы уяснена вами. Ведь, нас — много! — все лучшие партийные работники. Это не единоличное уродливое явление, а, очевидно, ка-

кая-то более глубокая общая причина загнала нас в этот тупик. Я прошу вас: преодолейте отвращение, подойдите ближе к душе предателя и скажите нам всем: какие именно мотивы руководили нами, когда мы, веря все душой в партию, в социализм, во все святое и чистое, могли «честно» служить в охранке и, презирая себя, все же находили возможным жить?»

«Мещанин» природный агент-двойник, потому что ни противостоять чему-то, ни принадлежать чему-то до конца у него не хватает духа, Воли — и в этом единственная и главная причина той парадоксальной раздвоенности личности, что наблюдалась, наблюдается и будет наблюдаться в нашей и без того сложной, таинственной, метафоричной душевной жизни.

* * *

Кастовая, иерархическая картина космоса, общества, семьи, что с рождения живет в душе «мещанина», является важным элементом психологии 3-й Воли. Главное в ней — бесконечная сложность прозреваемой внутренним оком иерархии. Если читатель помнит, иерархическая картина 1-й Воли очень проста и ограничивается двумя ступенями, а у 2-й Воли она просто отсутствует. Поэтому нельзя не признать своеобразие зримой 3-й Волей иерархии, которая, по ее мнению, бесконечно сложна и складывается из бесконечного множества компонентов.

Невозможно описать все, что, на взгляд «мещанина», имеет значение при определении места в жизни: место на космической лестнице, место на лестнице природы, возраст, пол, раса, национальность, религия, происхождение, должность, внешность, имущественное положение, профессия, образование и множество других, казалось бы, не заметных глазу слагаемых, позволяющих «мещанину» найти каждому особое место в его кастовой картине мира.

Само по себе признание наличия различий среди населяющих мир существ не несло бы в себе ничего тревожащего, если бы 3-я Воля все эти различия не абсолютизировала, а абсолютизовав, не строила соответствующим образом свои отношения и поведение. Как это выглядит на практике, легко наблюдать в нашем литературном мире и на фигурах таких гигантов как Пушкин и Брюсов. Вот две зарисовки с натуры: «Чувство равенства было Брюсову совершенно чуждо. Возможно, впрочем, тут влияла и мещанская среда, из которой вышел Брюсов. *Мещанин* не в пример легче гнет спину, чем, например, аристократ или рабочий. Зато и желание при случае унижить другого обуревает счастливого мещанина сильнее, чем рабочего или аристократа. «Всяк сверчок знай свой шесток», «чин чина почитай» — эти идеи заносились Брюсовым в литературные отношения прямо с Цветного бульвара. Брюсов умел или командовать, или подчиняться. Проявить независимости — означало раз навсегда приобрести врага в лице Брюсова.», «Пушкин соображал свое обхождение не с личностью человека, а с положением его в свете, и потому-то признавал своим собратом самого ничтожного барича и оскорблялся, когда в обществе встречали его, как писателя, а не как аристократа.»

Особенно заметна кастовость «мещанина» на фоне ровного отношения к окружающим «дворянина». Другой современник Пушкина продолжал: «Дельвиг со всеми товарищами по лицу **был одинаков в обращении, но Пушкин обращался с ними разнo.** С Дельвигом он был вполне дружен и слушался, когда Дельвиг его удерживал от излишней картежной игры и от слишком частого посещения знати, к чему Пушкин был очень склонен. С некоторыми же из своих товарищей лицеистов, в которых Пушкин не видел ничего замечательного, и в том числе с М.Л.Яковлевым, обходился несколько надменно, за что ему часто доставалось от Дельвига.»

Как всякое явление, кастовость 3-й Воли имеет и свою положительную сторону. Она делает «мещанина» существом в высшей степени тактичным, чутким к невидимым сословным барьерам, о которые по слепоте своей нередко спотыкаются другие Воли.

Способность 3-й Воли к социальной мимикрии несравненна, и, не желая мучить читателя своим косноязычием, просто приведу в этой связи обширную, но исчерпывающую цитату из Гоголя: «Надобно сказать, что у нас на Руси если не угнались еще кой в чем другом за иностранцами, то далеко перегнали в умении обращаться. Пересчитать нельзя всех оттенков и тонкостей нашего обращения. Француз или немец век не смеет и не поймет всех его особенностей и различий; он почти тем же голосом и тем же языком станет говорить и с миллионщиком и с мелким табачным торгашом, хотя, конечно, в душе поподличает в меру перед первым. У нас не то: у нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совсем иначе, нежели с тем, у которого их триста, а с тем, у которого их триста, будут говорить опять не так, как с тем, у которого их пятьсот, а с тем, у которого их пятьсот, опять не так, как с тем, у которого их восемьсот, словом, хоть восходи до миллиона, все найдутся оттенки. Положим, например, существует канцелярия, не здесь, а в тридевятом государстве, а в канцелярии, положим, существует правитель канцелярии. Прошу посмотреть на него, когда он сидит среди своих подчиненных, — да просто от страха и слова не выговоришь! — гордость и благородство, и уж чего не выражает лицо его? просто бери кисть и рисуй: Прометей, решительный Прометей! Высматривает орлом, выступает плавно, мерно. Тот же самый орел, как только вышел из комнаты и приближается к кабинету своего начальника, куропаткой такой спешит с бумагами под мышкой, что мочи нет. В обществе и на вечеринке, будь все небольшого чина, Прометей так и остается Прометеем, а чуть немного повыше его, с Прометеем делается такое превращение, какое и Овидий не выдумает: муха, меньше даже мухи, уничтожился в песчинку! «Да это не Иван Петрович, «- говоришь, глядя на него. — " Иван Петрович выше ростом, а этот и низенький и худенький, тот говорит громко, басит и никогда не смеется, а этот черт знает что: пищит птицей и все смеется». — Подходишь ближе, глядишь, точно Иван Петрович!»

Читая Гоголя, не станем торопиться с выводом, будто кастовость 3-й Воли касается только общественной жизни. Для «мещанина» иерархический принцип универсален. «Мещане»-философы создают системы по-платоновски сложного соподчинения миров. «Мещане»-богословы расставляют по ранжиру духовные силы, святых и вероисповедания. «Мещане»-этнографы на фашистский лад присваивают разные чины расам и народам. Что касается «мещанина»-обывателя, то он, будучи очно или заочно согласен со всем, что постулирует кастовость в разных сферах бытия, стремится прежде всего, по одному ему ясным, но твердым приметам, утвердить строгую систему соподчинения в своей собственной семье.

Со стороны система «мещанского» фамильного чинопочитания выглядит иногда смешной, иногда пугающей. Например, Василий Розанов не разрешал домочадцам есть мясо из супа и поедал его в гордом одиночестве, а отец Достоевского, ложась днем спать, заставлял великовозрастных сыновей отгонять от лица своего мух. Однако, как бы там ни было, иерархия для «мещанина» — это едва ли не единственная твердь, на которую он с большей или меньшей уверенностью может опереться, что в условиях подвластной всем ветрам, постоянно и всем колеблемой психики 3-й Воли необычайно существенно.

Однако «мещанин» не был бы самим собой, если бы и по отношению к иерархии не выступал одновременно и хранителем, и колебателем ее. Та ниша, которую занимает 3-я Воля в прозреваемой ею иерархии, — это клетка, со всеми вытекающими из этого обстоятельствами удобствами и неудобствами; она — панцирь и тюрьма, щит и тиски. Табель о рангах не дает «мещанину» падать ниже положенного места, но он же не дает ему подняться выше его. Поэтому 3-я Воля — и хранитель, и колебатель чиноначалия. Разница в том, что чем ниже судьба помещает «мещанина», тем более он колебатель, чем выше —

тем более хранитель. Этим обстоятельством, кстати, можно объяснить эволюцию многих политических деятелей, начинавших свою карьеру крайними радикалами и заканчивавших ее крайними консерваторами.

Однако, по большому счету, всякий «мещанин» по делам своим больше устроитель иерархии, тогда как в мечтах — более разрушитель. Дело в том, что претворить разрушительные мечты в дело ему мешает хроническая неуверенность в себе — боязнь, что несвязанное путами чинов свободное парение не только не поднимет его вверх, а, наоборот, уронит на дно общественной жизни. Поэтому, поразмыслив на досуге, он решает, что надежнее не рисковать и оставить все как есть.

* * *

3-я Воля любит и ненавидит Власть. И больше любит, чем ненавидит. В подсознании «мещанина» Власть мистически отождествляется с Волей, а так как у него самого воля уязвлена, то «мещанин» испытывает к носителю власти чувство, похожее на то, что испытывает старый туберкулезник к юной, дебелой, розовощекой крестьянке.

3-я Воля завидует, ненавидит и в тоже время бессознательно и почти бескорыстно лнет к Власти, норовит подольше побыть в Ее поле. Пушкин, автор очень радикальных стихов, по словам его лучшего друга, «имел какую-то жалкую привычку изменять благородному своему характеру и очень часто сердил меня и вообще всех нас тем, что любил, например, вертеться у оркестра около Орлова, Чернышева, Кисилева и других: они с покровительственной улыбкой выслушивали его шутки, остроты. Случалось из кресел сделать ему знак, он тотчас прибежит».

Через бессознательную и почти бескорыстную любовь 3-й Воли к Власти легко объясняется один давний и, кажется, неразрешимый исторический парадокс: как ни бывал жесток тиран, как бы методично ни косил головы своего окружения, место вокруг него никогда не пустовало. Удивительно, но всегда находились камикадзе, жаждущие своими телами заполнить бреши в постоянно прорежаемой свите тирана, ради краткого мига пребывания в чертогах власти. Эта тяга сродни сомнамбулизму, сродни силе, неობоримо влекущей бабочку к огню. Власть как зримое выражение воли — единственное, что по-настоящему 3-я Воля любит и ради чего готова на любые жертвы.

Вместе с тем «мещанин», при всей своей любви к власти, склонен к занятиям скрытым саботажем, тайной фронде, юродству, демонстрации ложного смирения и внешнего равнодушия к власти. И такое двойственное отношение к власти нередко шокирует окружающих. Как писал один из современников поэта: «Пушкин составлял какое-то загадочное, двуличное существо...Он был и консерватор, и революционер.»

* * *

3-я Воля прекрасна в роли подчиненного. Ей вообще удобней быть при принятии решений ведомым, а не ведущим, поменьше брать на себя ответственность. Вальтер Шелленберг, шеф нацистского СД, так описывал свои первые впечатления от зрелища ставшей ему позднее родной организации: «Все большее восхищение вызывало во мне беззвучное взаимодействие всех шестерен невидимого, как мне казалось механизма, открывавшего передо мной новые двери, **командуя мной при этом как безвольной куклой.**» Но не в покладистости главное достоинство 3-й Воли как служаки. Достоинство в том, что она не тупо и прямо исполнительна, а исполнительна артистично. Будучи искательным, предупредительным, «мещанин» служит не за страх, а за совесть. Как подсолнух за солнцем, следит он своим внутренним оком за начальством, стремясь исполнить даже невысказанные его пожелания. Ловя тонкой мембраной своей ранимой Воли любые

исходящие от босса флюиды, «мещанин», играя на опережение, часто преподносит ему то, чего он не ждет, не успев или постеснялся прямо сформулировать.

Насколько хороша 3-я Воля в качестве подчиненного, настолько ужасна она в роли начальника. Первое, что делает деятельность «мещанина» на посту босса малопродуктивной, так это обусловленные, конечно же, характером, или, лучше сказать, слабыхарактерностью, непоследовательность, половинчатость, двусмысленность его решений. Помоему, лучшую характеристику 3-й Воле на посту начальника дал Сперанский, говоря об Александре I: «Вы знаете подозрительный характер государя. Все что он делает, он делает напополюину. Он слишком слаб, чтобы править, и слишком силен, чтобы быть управляемым.»

Второе, что еще больше портит дело в данной ситуации — это отношение 3-й Воли к подчиненным. Практически о каждом «мещанине» можно сказать то, что было сказано в свое время об императоре Калигуле: «Не было на свете лучшего раба и худшего государя.» Беда отчасти заключается все в том же, характерном для его психической картины отождествлении Власти и Воли. Став боссом, 3-я Воля решает, что место должно ее украсить, и начинает имитировать стиль и поведение 1-й Воли, т.е. избыточность воли. Но так как начальственное кресло в порядке функций «мещанина» ничего не меняет, то получается у него не копия, карикатура на «царя»: чванство вместо гордости, упрямство вместо упорства, тирания вместо диктатуры.

Да, да тиранами рождаются и рождаются непременно с 3-й Волей. Остальные Воли либо мало ценят власть, либо чувствуют себя достаточно сильными, чтобы не слишком ею злоупотреблять. Иное дело — «мещанин». Получив в руки власть — предмет своих робких, тайных вожделений, он в глубине души своей сознает насколько мало достоин такого дара, и страх перед обнаружением этого несоответствия торопит его давить вокруг себя все независимое, все личное, а при случае и все живое.

При этом едва ли не главной жертвой самодурства «мещанина»-тирана в конце концов оказывается он сам, жертвой — прежде всего психологической. 3-я Воля, как никто, настроена чутко на отношение к себе и крайне болезненно переживает, обнаруживая на месте прежней теплоты и расположения, холод, отчуждение и страх. Но здесь «мещанин» с собой ничего поделаться не может — адекватность реакции, естественность и ровность отношений даются ему труднее всего, особенно в начальственном кресле, и «мещанин» продолжает своими руками углублять ненавистную ему же самому пропасть, отделяющую его от подчиненных. Вот отрывок из одного письма к психиатру: «Все вроде бы благополучно: здоров, спортивен, хорошая семья, жизнерадостен, много друзей, увлечений. Работа нравится, коллектив симпатичный, хотя, конечно, не без... Недавно вышел в начальники, придется руководить отделом.

Вот и проблема.

Справлюсь ли?...

Первые шаги тревожат. Хотя дело знаю, как свои пять пальцев, многократно премирован и т.д., делаю ошибку за ошибкой.

Уверенности никакой. То отвратительно заискиваю, то впадаю в каменную категоричность, сухой формализм.... Начинаю утрачивать взаимопонимание с людьми, доверие, непосредственность, теплоту. А это самое дорогое для меня, и за это меня ценят (боюсь, «ценят» придется скоро употреблять в прошедшем времени.)» Вот такой крик души ставшего боссом «мещанина».

Есть еще одна верная примета, позволяющая легко отличить «царя» от имитирующего его «мещанина». Дело в том, что, как уже говорилось, 1-я Воля железной рукой держит все свои функции, позволяя им реализовываться лишь в царственно приподнятых формах, и не передоверяет их никому. Чего нельзя сказать о 3-й Воле, совершенно не способной к контролю над остальными функциями. 2-я Эмоция хронически выгоняла

императора Нерона на театральные подмостки, 2-я Физика заставляла Петра Великого часами простаивать у токарного станка, и ни тот, ни другой поделать что-либо со своими страстями по Второй не могли, хотя, наверное, догадывались, что авторитета им они не добавляли.

Бесконтрольно вылезают в поведении «мещанина» и уши Первой функции. Какой бы барственный вид ни напускал на себя иногда Хрущев, избыточная 1-я Эмоция перла из всех щелей его натуры. На примере Хрущева хорошо видно, что и над Четвертой функцией не властна 3-я Воля. Хрущевская 4-я Логика постоянно захватывалась явно привнесенными извне, разными, часто бредовыми идеями, легко принимаемыми им к исполнению, что, понятно, также мало красило его претендующий на царственность образ.

* * *

«Фуше потому так сильно презирает людей, что слишком хорошо знает самого себя, «- самокритично, судя по себе, замечал Талейран. «Мещанин» боится, не любит и не уважает себя, а по образу своему и подобию боится, не любит и не уважает других.

Хотя иногда ощущение в себе гигантского потенциала, бывает дарит «мещанину» минуты крайней самовлюбленности и крайнего самомнения. Софья Толстая записывала в дневнике: « Я кажется, беременна, и не радуюсь. Все страшно, на все смотрю неприязненно. *Желание какой-то власти, быть выше всех. Это трудно мне самой понять, но это так.*»

Самооценка 3-й Воли — постоянно колеблющийся от полюса к полюсу маятник. Как говаривала мать Оноре Бальзака: «Оноре считает себя либо всем, либо ничем.» И это святая правда. Раздвоение Воли — опоры личности гоняет «мещанина» из одной крайности самооценки в другую, практически никогда не удерживая его на адекватной отметке. А вместе с Волей у 3-й Воли качается весь порядок функций: постоянное шатание в мыслях, чувствах, поведении, оценках — нормальное для нее состояние.

3-я Воля непоседлива, неуживчива и вечно неудовлетворенна. Помести ее в рай, она и там не уживется, потому что ад, в котором хронически живет «мещанин», находится в нем самом. Яков Беме говорил, что ангел, стоя посреди ада, чувствует себя в раю, тогда как черт, попавший в рай, чувствует себя в аду, и был прав. Наша среда обитания — лишь отражение нашего «Я». Поэтому естественно, что больной изломанный дух 3-й Воли не видит мир иным, как только неудобным, несправедливым, безнадежно порочным.

«Мещанин» очень тяжелый в общении человек. Злость на весь мир, мнительность, обидчивость, непредсказуемость, капризность, угодливость, сменяемая хамством, — не красят жизнь самой 3-й Воли и превращают в хроническую пытку жизнь окружающих. Друг Гоголя историк Погодин, когда писатель съехал с его квартиры, перекрестился и поклонился вслед отъезжающему экипажу. Приблизительно тот же жест повторил Диккенс, когда после месяца пребывания в гостях, из его дома выехал Андерсен.

3-я Воля очень осторожна в отношениях с людьми и, как бы ни складывались обстоятельства, никогда не делает резких движений ни навстречу человеку, ни от него. Эволюцию отношения «мещанина» к другим лучше всего представить себе в виде воронки. Он медленно, по спирали, подпускает человека к себе и столь же медленно отталкивает от себя. Эволюция отношения Нерона к Сенеке или Сталина к Бухарину — наглядные тому примеры.

Из осторожности 3-й Воли вовсе не следует, что она нормативна в отношениях и поведение ее всегда адекватно ситуации. Наоборот. Постоянно колеблемое психическое тело «мещанина» никогда не реагирует на ситуацию адекватно. Один даровитый эмигрантский поэт каялся: « Опять я одним перемахнул, перед другими перекланялся. Я всегда — или в морду, или в ножки.»

Скрытность и соглядатайство — еще одна кажущаяся противоречивой, но на самом деле непротиворечивая черта характера 3-й Воли. Она — конспиратор и шпион в одном лице. Склонность «мещанина» к подполью объяснить нетрудно: чувствуя себя голым моллюском, он просто не может позволить себе быть искренним, доступным, открытым.

Однако 3-я Воля не была бы сама собой, если бы, скрытничая, не тяготилась бы своей скрытностью и не жаждала исповеди. Складывается впечатление, что институт исповеди в церкви был создан именно для «мещан», позволяя им быть искренними без страха перед порицанием и возмездием. Иногда же и без церкви 3-я Воля набирается храбрости показать исподнее, чем нимало удивляет окружающих. Одна современница писала о Дюма-отце: «Он в одно и тоже время искренен и скрытен.»

Случается «мещанин» заголяется по действием виновных паров — и я не знаю зрелища более ужасного, чем это. Безобразное поведение в пьяном виде — самая твердая из примет 3-й Воли. Думаю, каждому довелось наблюдать такую картину, когда милейший, любезнейший твой знакомый, приложившись к бутылке, вдруг превращается в озверелого хама, черноте души и ума которого позавидует сам сатана, из уст которого начинаю звучать такие исповеди и такие филиппики, что святых выноси. «Мещанин» обычно знает, что не хорошо во хмелю, и разумно делает, когда уходит в пожизненную завязку исключительно по этой причине.

Из тотальной ранимости 3-й Воли, наряду со скрытностью, прямо проистекает и ее склонность к соглядатайству. «Мещанин» страшится людей и потому любопытен к ним. Хроническая боязнь напороться на удар заставляет его следить за окружающими, собирать и копить за пазухой камни, с помощью которых можно было бы в случае нападения отбиться. От испуга 3-я Воля неустанна в своем анализе человека, его отношений и реакций, поэтому можно сказать, что если и существует природный дар психолога, то этот дар дается только «мещанину».

Правда, психологизм 3-й Воли несколько однобок. Ее интересует не столько человек в целом, сколько смешные, грязные, уродливые, страшные стороны его природы и бытия. «Мещанин» — последовательный собиратель компромата, и это обстоятельство награждает его еще одним природным даром — даром сатирика (не путать с талантом юмориста). Практически все великие сатирики имели 3-ю Волю. Надо очень не любить и не уважать себя и окружающих, чтобы посвятить жизнь осмеянию человеческих недостатков и слабостей и делать это столь талантливо, как делали Свифт, Мольер, Гоголь.

При том, что сам «мещанин» великий любитель и мастер насмешки, нет человека, который бы так боялся смеха. Дело иногда доходит до анекдота. Вот один из них: «В сороковых годах у И.С. (И.С.Тургенева — А.А.) собралась однажды в Петербурге компания: тут были Белинский, Герцен, Огарев и еще кто-то. Играли в карты, в то время, как Достоевский входил в зал, кто-то сильно обремизился, и потому раздался всеобщий хохот. Достоевский побледнел, остановился, потом повернулся и, ни слова не сказав, вышел из комнаты. Сначала на это не обратили внимания, но так как он не возвращался, то И.С., как хозяин, пошел узнать, куда он делся.. «А где Федор Михайлович?» — спросил он лакея.. «Они-с по двору ходят, вот уже целый час, и без шапки.»

Дело происходило зимой, в трескучий мороз. И.С. побежал на двор.. «Что с вами, Достоевский?» — «Помилуйте, это несносно! Куда я ни покажусь, все надо мной смеются. Не успел я показаться у вас на пороге, как вы и ваши гости подняли меня на смех. И не стыдно вам?»

Конечно, Тургенев несколько окарικатурил конфуз с Достоевским, но в основе своей рассказ верен, что видно хотя бы из того, как позднее расплатился с Тургеневым Достоевский, нарисовав его карикатурный портрет в «Бесах». Но это к слову. Достоверность тургеневской истории придает и повторяемость такого рода рассказов. Например, современники Александра I сообщали: «Однажды Кисилев, Орлов и Кутузов, стоя у окна во дворе, рассказывали друг другу анекдоты и смеялись. Мимо прошел Александр. Через

десять минут к нему в кабинет вызвали Кисилева. Генерал застал Александра перед зеркалом. Император тщательно себя осматривал со всех сторон. Он решил, что смеялись над ним, над его наружностью. «Что во мне смешного? Почему ты и Кутузов с Орловым смеялись надо мною?» — допрашивал мнительный император...

Богатейший материал для анализа мотивов поведения и реакций 3-й Воли дает фигура Сталина — самого страшного в мировой истории человека. Существо его психологического изъяна идеально изложил Николай Бухарин, соратник и жертва тирана, сказав, что Сталин «несчастен от того, что не может убедить всех, даже самого себя, что он выше всех... и за это самое свое «несчастье» он не может не мстить людям». Действительно жажда мести обществу за чувство собственной неполноценности являлась главным стимулом сталинских поступков, от выбора карьеры революционера до позднейших кровавых чисток.

Однако был еще один нюанс, не замеченный Бухариным, сильно усугубивший состояние и без того изначала большой души Сталина: телесные дефекты. Дело в том, что если у «мещанина», как у Сталина, Физика вверху и этому обстоятельству сопутствует значительный физический недостаток, то ранимость его духа многократно возрастает. Один знакомый Байрона передавал следующие его слова: "Если это, — он подносил палец ко лбу, — возносит меня над людьми, то это (показывая на свою ногу) ставит меня ниже всех других». Действительно, хромота Байрона, глухота Бетховена, эпилепсия Достоевского превратили в хронический кошмар жизнь этих душевно не очень здоровых, но в существе своем жизнерадостных людей. Та же история со Сталиным. Сросшиеся на ногах пальцы, следы оспы на лице и развившаяся со временем сухорукость до космических размеров гиперболизировали сталинский комплекс неполноценности. Из сочетания 3-й Воли с физическими дефектами и вырос в основном феномен Сталина, где все приобредло чудовищные размеры: лицемерие, беспринципность, коварство, жестокость.

Один из секретарей Сталина писал: «Постепенно о нем создавались мифы и легенды. Например, о его необыкновенной воле, твердости и решительности. Это — миф. Сталин — человек чрезвычайно осторожный и нерешительный. Он очень часто не знает, как быть и что делать, я много раз видел, как он колеблется, не решается и скорее предпочитает идти за событиями, чем ими руководить...»

Это высказывание, казалось бы, противоречит многочисленным воспоминаниям, где говорится о необычайно душевной силе Сталина, приподнимавшей его почти до демонизма. Вот одно из них: «Сталин обладал какой-то гипнотической силой, грозностью, демонической державностью... Само место собеседований, как я воспринимал, напоминало поле ночных демонических сил. Достаточно было Сталину появиться в комнате, как все вокруг будто переставали дышать, замирали. **Вместе с ним приходила опасность. Возникла атмосфера страха.**»

Но, как это ни покажется странным, противоречия между двумя приведенными свидетельствами нет. Каждый человек ничего не внушает обществу, каждый человек просто привносит в него то, что несет в себе. «Царь» заражает общество энергией и амбициями, «дворянин» — покоем и добродушием, «мещанин» — тревогой и неуверенностью. Поэтому та атмосфера страха, что возникала в обществе при появлении Сталина, обуславливалась не некой его «демонической державностью», а тем страхом, что испытывал тиран к окружающим и который невидимо им инфицировал. У каждого человека своя аура, свое поле. Специфика «мещанской» ауры заключается в том, что она вся пропитана нервозностью, тревогой и неуверенностью в себе, и человек, попав в ее поле, вполне способен на время контакта заразиться теми же настроениями. Как, впрочем, способен заразиться спокойствием в обществе «дворянина», энергией — в обществе «царя».

Если читатель помнит, стремление к коллегиальности при принятии решений — одна из примет процессионности Воли. У «мещанина» Воля процессионна, поэтому и он сторонник коллегиальности. Но толкует он ее достаточно своеобразно. Есть два варианта.

Если 3-я Воля находится в подчинении, то она стремится повлиять на решение, но не брать на себя за него никакой ответственности. Если 3-я Воля — начальник, она предпочитает принимать решение единолично, но ответственность за них либо вовсе не нести, либо делить ее с другими людьми, к принятию решений не причастными. Вот характерный пример: когда в 1942 году Сталин решил взбодрить упавший дух войск, то обратился к именам, традициям и атрибутам царской армии. Среди прочего, Сталин решил ввести погоны и дал соответствующие указания генералу армии Хрулеву. Позднее генерал вспоминал: «Поскольку время шло, а вопрос не решался, то в начале января 1943 г. я настойчиво просил не откладывать далее вопрос о введении погон. Сталин с упреком спросил меня: «Почему вы пристаёте с этими погонами и формами?» Мне ничего не оставалось, как сказать, что все делается по его указанию, и для нас важно решение, каким бы оно ни было.

Сталин приказал показывать ему все заготовленные образцы. Получив его согласие, я вызвал главного интенданта генерал-полковника Драчева, который через 15 минут был уже в приемной у Сталина со всеми образцами погон и измененной формой одежды. Сталин приказал соединить его с М.И.Калининым. Калинин незамедлительно позвонил, и Сталин попросил его зайти. Через 10-15 минут Калинин вошел.

«Вот товарищ Калинин, — сказал он, — Хрулев предлагает нам восстановить старый режим» (можно представить себе лицо Хрулева в этот момент — А.А.). Калинин, не торопясь, посмотрел все образцы и сказал: «Видите ли, старый режим помним мы с вами, а молодежь его не помнит. И если эта форма нравится молодыми может принести пользу в войне с фашизмом, то эту форму следует принять.» Сталин быстро отреагировал, воскликнув: «И вы, товарищ Калинин, за старый режим?!» (пришло время вытягиваться физиономии Калинина — А.А). Калинин вновь повторил, что он не за старый режим, а за ту пользу, которую форма может принести в борьбе с врагом. Вероятно, наша настойчивость и поддержка М.И.Калинина возымела на этот раз действие, и решение о введении погон было принято.»

Надеюсь, читатель обратил внимание, с какой виртуозностью Сталин перекладывал на Хрулева и Калинина ответственность за принятое им единолично шекотливое решение. Такое поведение типично для 3-й Воли.

Безответственность — вообще отличительная черта характера 3-й Воли, ей, как никому, трудно брать на себя ответственность, держать данное слово, быть пунктуальным и т.д. И это понятно. «Мещанин» слишком занят собой, своими болячками и ранами, своими страхами перед мнимо враждебным ему миром, чтобы всерьез думать о других и отвечать за себя.

«Мещанин» до гроба — ребенок: зависимый, безответственный, эгоистичный, капризный, лукавый. «Мой отец — это большое дитя, которым я обзавелся, когда был еще совсем маленьким,» — горько острил Дюма-сын. Вместе с тем, в вопрос о возрасте «мещанина» следует внести некоторое уточнение. Дитем в подлинном смысле этого слова лучше назвать обладателя 4-й Воли (о чем впереди), тогда как верхние две Воли — совершенно взрослые люди. 3-я же Воля — это промежуточное состояние между взрослостью и детством, «мещанин» — подросток, и только в контексте этого особого возраста в жизни человека, становится понятна специфика психологии 3-й Воли. Ходасевич, вспоминая Гумилева, писал: «Он был удивительно молод душой, а может быть, и умом. Он всегда мне казался ребенком. Было что-то ребяческое в его под машинку стриженной голове, в его выправке, скорее гимназической, чем военной. То же ребячество прорывалось в его увлечении Африкой, войной, наконец, — в напускной важности, которая так меня удивила при первой встрече и которая вдруг сползала, куда-то улетучивалась, пока он не спохватывался и не натягивал ее на себя сызнова. Изображать взрослого ему нравилось, как всем детям. Он любил играть в «мэтра», в литературное начальство своих «гумилят», то есть маленьких поэтов и поэтесс, его окружавших. Поэтическая детвора его очень лю-

била. Иногда, после лекций о поэтике, он играл с нею в жмурки — в самом буквальном, а не переносном смысле слова. Я два раза это видел. Гумилев был тогда похож на славного пятиклассника, который разыгрался с пригостишками. Было забавно видеть, как через полчаса после этого он, играя в большого, степенно беседовал с А.Ф.Кони — и Кони весьма уступал ему в важности обращения.»

* * *

Если у «мещанина» Физика вверху, то он обычно неверный любовник и супруг. И не могучая власть высокостоящей Физики тому виной. Когда число половых контактов переваливает за несколько десятков, становится ясно, что не особенности физиологии (небогатой вариантами) гонят дон-жуана от одного партнера к другому. Источник склонности «мещанина» к волокитству — в попытке посредством сильной Физики лично самоутвердиться, убедить себя и других в значительности своего «Я» за счет количества и качества любовных связей.

Под «качеством» не следует понимать красоту, молодость или богатство партнера (хотя и они играют свою роль), «качество» для 3-й Воли — это прежде всего социальный статус партнера или некая форма благодати, к которой он бывает причастен. Например, Пушкин соблазнил старуху-гречанку, потому только, что, по преданию, ее целовал Байрон, и внес ее имя в свой донжуанский список. То же самое пытался проделать Джон Кеннеди с шестидесятилетней Марлен Дитрих. Василий Розанов женился на много старше его бывшей любовнице Достоевского. А Есенин мог похвастаться целым веером социально значимых и отмеченных благодатью женщин: дочь Шалапина, Айседора Дункан, внучка Толстого.

Хотя нельзя сказать, что донжуанство «мещанина» приносит ему одни лишь дивиденды. Тот же Есенин, приехав в Америку с Айседорой Дункан и обнаружив на первых полосах американских газет свою фотографию, был в бешенстве, когда выяснилось, что газеты оповещали не о приезде великого русского поэта, а о приезде мужа Дункан.

Честолюбие вообще страшно мутит чистоту переживаемых 3-й Волей сексуальных ощущений. Забравшись под одеяло, она не столько тешит плоть, сколько властвует и властвует зачастую не над тем, кого держит в объятиях, а над тем, кого сей предмет презентует.

Тема любовно-брачных пристрастий «мещанина» безбрежна. Поэтому отмечу еще только одну черту его психологии — склонность к мезальянсу. Ни в любви, ни в браке 3-я Воля не ищет себе ровни. Она либо по-бальзаковски отдает предпочтение тому, кто старше, богаче, знатнее, либо наоборот — тем кто младше, беднее, плебенстей (набоковским «нимфеткам»). И механизм таких разнонаправленных пристрастий достаточно прозрачен. В душе «мещанина» легко и естественно уживаются инфантильность и деспотизм, поэтому в какую бы сторону ни был направлен мезальянс, он всегда отвечает той или иной потребности 3-й Воли. Главное, чтобы это был мезальянс.

* * *

3-я Воля принципиально не признает своих ошибок и вин. Хотя в 90 случаях из 100 виновата бывает и ошибается именно она. Из сказанного вместе с тем не следует, что в глубине души «мещанин» не сознает истинного положения вещей. Наоборот. Сознает и очень хорошо, но признание своих ошибок и вин для него невозможно, так как для сознания «мещанина» оно равносильно признанию своего ничтожества. Хотя как раз именно такое запирательство и выдает его слабость. Одна из близких Гумилеву женщин писала: «Был он довольно упрям, что тоже скорее свидетельствует о слабой воле. Сколько я ни вступала упрямых людей, все они были слабовольны.

Гумилев признавался: «Я знаю, что не прав, но сознаться в этом другому мне трудно. Не могу. Как и просить прощения.»

Возвращаясь к теме сочетания 3-й Воли с высокостоящей Физикой, хочется заметить, что запирательство в этом случае сочетается с попытками вещественным путем, подарками загладить свою вину. Например, один из знакомых Гоголя, будучи в Риме, как-то крепко поспорил с ним и дальше произошло вот что: «...после немногих задумчивых шагов Гоголь подбежал к первой лавочке лимонадчика, раскинутой на улице, каких много бывает в Риме, выбрал два апельсина и, возвратясь к нам, подал с серьезной миной один из них мне. Апельсин этот меня тронул: он делался, так сказать, формулой, посредством которой Гоголь выразил внутреннюю потребность некоторого рода уступки и примирения.» Еще пример: Байрон, «как-то раз, бросив камнем в воробья, он ушиб маленькую девочку. Она заплакала. Его пытались заставить попросить у него прощение. Он замкнулся в упрямой злобе.

-»Знаешь ли ты, что я сын Байрона?» — заявил он ей.

Через час он принес своей жертве конфет.»

Систему в поведении Гоголя и Байрона могу подтвердить личным опытом. Одна моя знакомая, у которой 3-я Воля сочеталась с 1-й Физикой, в очередной раз нахамив своему сожителю, сразу же после ссоры бежала покупать рубашку в соседний магазин. Не извинилась она ни разу, но у сожителя со временем скопилась внушительная стопка рубашек.

* * *

Все двойится в душе «мещанина». Раздвоено и отношение его к славе. С одной стороны, он, юродствуя, любит вслед Пушкину повторять что слава — всего лишь яркая заплатка на жалком рубище, а с другой — никто не испытывает более горячечной жажды славы как 3-я Воля. И уж коль выпадает случай прославиться, она пьет чашу славы, не отрывая и не испытывая пресыщения. Однако вот парадокс: как бы ни была всенародна и громка хвала, внимает ей «мещанин» всегда не без тайной горечи, и вино славы для него всегда немного отравлено. Во-первых, постоянно кажется, что ее мало, и звучание «алилуйя» можно было бы еще немного форсировать. Во-вторых, в глубине души «мещанин» сам не верит, что достоин такого признания, и это тоже добавляет значительную ложку дегтя в триумфальную бочку меда. Наконец, в самом могучем, согласном и многочисленном хоре славящих всегда сыщется, пусть один, истинный или мнимый недоброжелатель — этого довольно, своей единственной кислой миной он разом отравит «мещанину» весь праздник. Как очень точно сказала Ахматова о Сталине, что он «весь день слушал «ура» и что он корифей и генералиссимус, и как его любят, а вечером какой-нибудь французик по радио говорит про него: «Этот усач...» — и все начиная сначала.»

3-я Воля обожает титулы, звания, дипломы, награды. Ей кажется, что они — тот панцирь, что оградит ее слабое, больное, психическое тело, что они — те сертификаты, что удостоверяют полноценность ее существа, изнутри ощущаемого как неполноценное (Брежнев).

Впрочем, и здесь не обходится без юродства. Римский историк писал о только что вступившем на престол Тиберии: «Хотя верховную власть он без колебаний решил тотчас и принять и применить, хотя он уже окружил себя вооруженной стражей, залогом и знаком господства, однако на словах он долго отказывался от власти, разыгрывая самую бесстыдную комедию.» Разумеется, римлянам крупно не поздоровилось бы, откажись они участвовать в этой комедии и поднеся титул императора кому-нибудь другому. Но и Тиберия надо понять — не поломаться он просто не мог.

Если же судьба обделяет «мещанина» званиями, то случается, что зуд тщеславия доводит его до прямого подлога. Пример, Бальзака, самовольно приставившего к своей

плебейской фамилии дворянскую частицу «де», общеизвестен. Для сравнения, Гёте, с его 2-й Волей, заслуженно получив дворянство, еще долго подписывался просто Гёте, без аристократической частицы «фон».

* * *

«Мещанин» — человек толпы. Возглавлять людские движения у него не хватает самоуверенности, стоять на обочине не хватает независимости, поэтому «мещанин» обычно составляет самую толщу социальных движений, среднюю их часть. Он — тот балласт общества, который невероятно трудно сдвинуть, а, сдвинув невозможно остановить.

3-я Воля по-своему любит толпу и поначалу чувствует себя в ней уютно. Оказавшись среди себе подобных, она думает, что сумма слабаков в состоянии сделаться большой силой, что верно лишь отчасти. А кроме того, передоверив в толпе свой большой дух чему-то более сильному и значительному, чем она сама, 3-я Воля начинает легко дышать, считая, что тем самым освободилась от тягостной ответственности за себя и других, от мучительной необходимости ежедневного самостоятельного выбора.

Однако «мещанин» не был бы самим собой, если бы, ощущая комфортность растворения своей ранимой личности в толпе, одновременно втайне не бунтовал против нее и не стремился вырваться. Утрата индивидуальности — мечта и боль 3-й Воли. Писатель Замятин под впечатлением революции 1905 года писал невесте: «Да ведь это почти счастье! (...) Когда что-то подхватывает, как волна, мчит куда-то и нет уже своей воли — как хорошо! Вы не знаете этого чувства? Вы никогда не купались в приборе?» А спустя 15 лет тот же Замятин опубликовал пророческий роман-антиутопию «Мы», насквозь пропитанный диким ужасом перед наступающей социалистическое обезличкой.

* * *

Отдадим должное, «мещанин» талантлив, как никто. И на то есть минимум три причины. Во-первых, положение остальных функций на ступенях психической иерархии дает ему силу и раскованность в любом виде творчества. У «мещанина» барахлит мотор творчества — Воля, но зато весь набор инструментов для разных операций: интеллектуальных, художественных, материальных — вполне свободен. Во-вторых, тонкость психической организации 3-й Воли в целом придает этому творчеству изысканный и рафинированный оттенок. В-третьих, 3-я Воля талантлива уже потому, что она скрытно, но бесечно и ненасытно честолюбива. Наконец, самое главное, типичная для «мещанина» неприязнь к себе и окружающим, критический взгляд на мир являются идеальными творческим стимулом, позволяющим находить недостатки, недоделки, возможность перемен там, где другие Воли, более благодушно взирающие на мир, их просто не видят.

Может показаться, что есть некое противоречие в утверждении о возможности таланта при отсутствии сильного личностного ядра. Но на самом деле никакого противоречия здесь нет. Бердяев писал: «Андрей Белый, индивидуальность необыкновенно яркая, оригинальная и творческая, сам говорил про себя, что у него нет личности, нет «Я». Иногда казалось, что он этим гордится. Это только подтверждало для меня различия между индивидуальностью и личностью». Совершенно верно замечено. Яркость индивидуума — это еще не гарантия сильной личности, и могучий талант совсем не обязательно тождественен могучему «Я». Или, как гениально выразилась Фаина Раневская: «Талант, как прыщ, может и на заднице вскочить.»

Вместе с тем и таланту «мещанина» есть предел, невидимо очерченный его же 3-й Волей. При всей смутности панегирической терминологии, не способной отделить дарование от таланта, а талант от гениальности, можно с уверенностью сказать, что путь гени-

альности, подлинного откровения — не «мещанская» стезя. Дело в том, что творчеству 3-й Воли непременно сопутствует элемент «попсовости», конъюнктурности, т.е. внутренней развернутости к мнению толпы, элемент страха перед общественной оценкой, гирей висящей на его руках. Каким бы радикалом в искусстве, науке или на производстве не выглядел «мещанин», он всегда знает, что он не один, но в некоей толпе и исполняет определенный социальный заказ. Неспособность к подлинной независимости — беда 3-й Воли не только в быту, но и в творчестве, плоды которого в высших своих проявлениях путь блистательная, но «попса».

* * *

Внешняя сторона душевного облика 3-й Воли хорошо передана в одном описании Гоголя, сделанном его современником: «Во всей фигуре было что-то несвободное, сжатое, скомканное в кулак. Никакого размаха, ничего открытого нигде, ни в одном движении, ни в одном взгляд». Характерные для 3-й Воли внутренние несвобода и скомканность духа, проявляющиеся в мимике и пластике, действительно очень типичны.

Но особенно заметен взгляд, он, как и во всех других случаях, — наиболее яркая внешняя примета 3-й Воли. Точнее, неуловимость его. Мера скрытности взгляда у 3-й Воли бывает разная, в зависимости от глубины язвы по Третьей. Часто описываемые в литературе «бегающие глаза» — достаточно редки, они — удел и примета крайней степени уязвления Воли. Чаще у «мещанина» такое выражение глаз, какое описал Горький, рассказывая о Есенине: «От кудрявого, игрушечного мальчика остались только очень ясные глаза, да и они как будто выгорели на каком-то слишком ярком солнце. Беспокойный взгляд их скользил по лицам людей изменчиво, то вызывающе и пренебрежительно, то, вдруг, неуверенно, смущенно и недоверчиво. Мне показалось, что в общем он настроен недружелюбно к людям.» Добавлю, что типичен для 3-й Воли нетвердый, неуловимый, как бы, уплывающий взгляд. Обычно на эту неуловимость взгляда не обращаешь внимания (мало ли что может привлекать чужой взгляд, кроме твоей собственной персоны) и только потом, некоторое время спустя обнаруживаешь, что после продолжительного общения с человеком, так и не можешь сказать — какого цвета у него глаза.

3-я Воля знает, что с глазами у нее не все в порядке и иногда прибегает к разного рода маскировкам. Чаще всего в таких случаях пользуются черными очками. Практика эта давняя, заведенная еще тогда, когда черные очки носили только слепые. Про одного даровитого эмигрантского поэта рассказывалось: «...он был прекрасным оратором. И это несмотря на чрезвычайно невыигрышную внешность — внешность слепца. Отсюда и черные очки, скрывающие его кажущиеся слепыми глаза. Он, впрочем, отлично видит. Он сам, должно быть, сознавал странное впечатление, производимое его глазами, и никогда не снимал черные очки.

Ведь глаза — зеркало души. Но его глаза вряд ли были зеркалом души. Это были странные, неприятные глаза, производившие на многих просто отталкивающее впечатление. В них совсем не отражалась его душа — душа поэта.

Его черные очки, впрочем, были иногда и полезны. В метро и в автобусах, даже в часы наплыва, для него всегда находилось сидячее место: уступи место слепенькому».

Есть изобретения и поинтересней черных очков. Почти гениальный выход из положения нашел Сталин. Трубка. Постоянно манипулируя с трубкой: то набивая ее, то вычищая, то прикуривая ее, постоянно гаснущую, — он мог сколько угодно скрывать глаза — неуловимость взгляда в этом случае всегда выглядела вполне естественно.

Другая надежная внешняя примета 3-й Воли заключается в кислом, отчужденном, злом выражении, которое чаще всего натягивает на свою физиономию «мещанин». Что, надо признать, очень портит обычно привлекательные по своим чертам лица «мещан». Маркиз де Кюстин точно описал это выражение на красивом лице Николая I. Он сооб-

шал: «При первом взгляде на государя невольно бросается в глаза характерная особенность его лица — какая-то беспокойная суровость. Физиогномисты не без оснований утверждают, что ожесточение сердца вредит красоте лица.»

Лексика 3-й Воли, видимо, по аналогии с внутренним состоянием, носит заметно сниженный характер, она богата жаргонными, блатными словечками и просто матерщиной. Вообще, у 3-й Воли особый талант ругателя, обидчика, хама. Никто так не даровит на оскорбление словом, как «мещанин». Мне приходилось знать одного православного митрополита, который одной фразой посылал в нокаут почти незнакомых ему людей. 3-я Воля — тончайшая психическая мембрана, и сочетание этой мембраны с пристрастием к низкому, бранному, беспощадному слову делает «мещанина» страшным противником в словесных баталиях.

Очень надежной приметой 3-й Воли можно считать заметно сниженные формы обращения «мещанина» к близким. Разумеется, в зависимости от языка и народа формы эти различаются. Что касается русских «мещан», то они любят обращаться к близким, либо сниженной формой имени (Нинка, Петька и т.д.), либо по фамилии (вспомним, хрестоматийное чеховской попрыгуньи — «Дымов!»).

* * *

По своим вкусам «мещанин» (простите за тавтологию) — классический мещанин. Его имманентная зависимость от чужого мнения, от окружения, от общества делает «мещанина» заложником моды, причём, моды в её самой банальной, самой обезличенной форме. И это заложничество не только не тяготит 3-ю Волю, но подчас способно доставить ей подлинное удовлетворение. Помню, как поразили меня первые впечатления от армии одного моего приятеля, когда он почти с воодушевлением рассказывал: «Представляешь? Я лысый, и все вокруг меня лысые. Я в зеленом, и все в зеленом. Мне так это понравилось...» Самое поразительное, что данное признание мне довелось услышать из уст профессионального художника.

Или вот ещё одно чрезвычайно выразительное признание, сделанное в интервью известным поп-певцом Джордж Майклом. На вопрос, почему в его доме такая скучная мебель, он ответил: «Я предпочитаю скучную мебель. Кто знает, может быть, рядом с каким-нибудь бесценным предметом я бы выглядел совершенно заурядным. В моей мебели не должно быть больше характера, чем во мне самом.» Настоящее откровение, ошеломляющее по полноте, ёмкости и точности изложение вкусовых пристрастий 3-й Воли. Как, впрочем, вкусов вообще. Вспомним, в доме гоголевского Собакевича мебель кричала: «И я! И я — Собакевич!» Наши вкусы — это мы в своем материальном выражении, и все к чему прикасается наша рука носит отпечаток нашей психики.

«Крепостной» (4-я Воля)

«Крепостные» — самые милые люди на свете. В их поле дышится легко, как ни в каком другом. И не без причины. К примеру, душа 1-й Воли бетонными надолбами своего «Я» на дальних подступах встречает всякого праздного посетителя. 2-я Воля более доступна, но проникновение в её каучуковую суть так же имеет неясно читаемые, но ясно ощущаемые границы. Поле души 3-й Воли размыто и даёт о себе знать не столько твердостью, сколько разлитым в воздухе нервным электричеством.

Иное дело, 4-я Воля, её поле можно проходить насквозь, въезжать на танке — сопротивления не будет. Потому так легко дышится в поле «крепостного» — оно разряжено. Про Дарвина с его 4-й Волей вспоминали так: «Кому хоть раз посчастливилось сидеть с ним за одним столом... в тесном кругу добрых друзей, а особенно если соседкой его ока-

зывалась милая женщина, тот не скоро такое забудет. С ним каждый чувствовал себя легко и просто, он болтал, весело смеялся, оживленно поддевал, подразнивал, но не обидно, а лишь забавно и даже лестно; притом к гостю он всегда относился уважительно и неизменно старался вовлечь нового человека в общий разговор».

Внешне 4-я Воля практически ничем не отличается от 2-й Воли. Ей присущи те же естественность и простота поведения, уважительность и деликатность обращения, безмятежность и открытость взгляда. Право, я и сам не берусь отличать «крепостного» от «дворянина» при шапочном знакомстве. Впрочем, как уже говорилось, при всем своем сущностном различии Вторая и Четвертые функции внешне почти не отличимы.

* * *

Картина мироздания, живущая в душе 4-й Воли, практически повторяет соответствующую картину 1-й Воли, т.е. космос — это иерархия, состоящая из двух ступеней: верхней и нижней. Разница в том, что «крепостной» автоматически помещает себя не на верхнюю, как «царь», а на нижнюю ее ступень, отводя себе роль пасомого, подчиненного, ребенка.

Отсюда одна из характернейших примет 4-й Воли — ее безвременная детскость, которую, в силу искренности и простодушия, не хочется называть инфантилизмом. В принципе, и 3-я Воля инфантильна, но она пытается маскироваться под взрослого и тем отталкивает. 4-я Воля не маскируется и тем очень располагает к себе, хотя есть в ее поведении черты, вызывающие недоумение и оторопь. Например, Жан-Жак Руссо, попав под одеяло к мадам де Варанс, и там продолжал называть ее «мамочкой», хотя характер отношений очевидно противоречил такому обращению.

Безграничная исповедальность — ахиллесова пята и характернейшая из примет «крепостного». Толстой долго страдал от того, что не способен писать с той искренностью, с какой написана «Исповедь» Руссо. И страдал напрасно. Толстому, с его 1-й Волей, просто не дано было писать с такой бесшабашной откровенностью, на которую способна только 4-я Воля. А легко дается исповедальность ей потому, что у «крепостного» отсутствует чувство личного самосохранения, не дорога Воля — опора личности, удар по которой мог бы серьезно потрясти его существо. Например, император Клавдий способен был публично сказать на суде об одной из свидетельниц: «Это отпущенница моей матери, из горничных, но меня она всегда почитала как хозяина, — говорю об этом потому, что в моем доме и посейчас иные не признают меня за хозяина, «- и нисколько при этом не смутиться. И не смутиться потому, что гласности предавалось то, что ему, императору и так было известно: он не личность и, что самое важное, не личность, нисколько не обеспокоенная своей безликостью.

Заниженная самооценка — несравненный, бесценный дар. Она делает жизнь «крепостного» как ни у кого легкой, безоблачной, а психику такой устойчивой, что даже время, непременно оставляющее зарубки на нашей душе, развинчивающее психический механизм, над 4-й Волей не властно. Когда твердая основа личности отсутствует, порка — непрменная спутница жизни, не более эффективна, чем порка болота.

* * *

Семья — первая из общественных ячеек, которой «крепостной» раз и навсегда передоверяет свою волю. Возраст, положение в обществе никак не влияют на его место в семье, он до конца дней чувствует себя ребенком своих родителей и даже не пытается со временем стать с ними на одну ногу. Два моих приятеля, уже успевшие пожить и поседеть мужчины, по сию пору скрывают от родителей свое пристрастие к табаку, будто

ничего не изменилось с той счастливой детской поры, когда их могли наказать за найденные в кармане сигареты.

Дальше — школа. Здесь «крепостной» выделяется примерностью своего поведения. Юный Сережа Костриков (Киров) потрясал учителей своим «поведением примерным, даже беспримерным», а одноклассникам запомнился тем, что, попав в школу, направо и налево говорил «Спасибо!», за что и был прозван «Спасибо».

На примере уже взрослого Кирова хорошо видна и та опасность для «крепостного», что таится в его покорности, детскости и искренности. Когда группа делегатов ХУП съезда КПСС пришла к Кирову и предложила ему пост главы партии, он не только наотрез отказался, но и сообщил об этом визите Сталину, чем подписал себе и им смертный приговор.

Так повести себя могла только 4-я Воля и никакая другая. Если, к примеру, с предложением верховной власти обратились бы к 1-й Воле, она, не задумываясь, ответила бы: «Конечно, давно пора!» — и кинулась бы в бой. 2-я Воля энтузиазма по этому поводу не выказала бы, но согласилась бы, обусловив свое согласие волеизъявлением большинства съезда. 3-я Воля отказалась бы, но и сообщить Сталину о предложении не стала бы, а начала бы тайный зондаж на предмет свержения тирана в будущем. Киров пошел своим путем, путем 4-й Воли, и можно сказать, что его гибель была психотипически предопределена.

Пример Кирова еще не предел самоубийственной раболопной психологии 4-й Воли. Случается холопство «крепостных» приобретает прямо патологические формы, доводит их до заболевания, в психиатрии именуемого «помешательство вдвоем». В начале XIX века в Берлине был зафиксирован следующий случай: «Больная — пожилая женщина, убежденная в том, что некий высокопоставленный чиновник собирается на ней жениться, привила эту идею своему мужу; оба были помещены в Шаритэ, где больная вскоре умерла, а муж ее совершенно поправился». Врачи поначалу пытались объяснить этот случай некой «психической инфекцией», но разлет в географии данного явления скоро положил домыслам конец. Появилась монография Режи «Помешательство вдвоем», в которой другими словами было сказано о явлении нам теперь известном, предмете разговора — 4-й Воле, которая в приведенном примере, конечно же, была у мужа и которую, стоящая выше Воля жены, довела до помешательства.

4-я Воля — зомби, но живой, теплый, в отличие от классического зомби — ходячего мертвяка. Поэтому проблема зомбирования лежит не в области психотронного оружия, оно бесполезно, и опыты спецслужб показали, что психику можно ломать, но манипулировать с ней нельзя. Практически все попытки манипулировать с мозгом человека, напоминают мне потуги ломом поменять файлы на жестком диске (кто знаком с компьютером, знает что это такое). Еще более не готово современное знание к зомбированию, поскольку даже место локализации Воли в мозгу не известно, не говоря о способе воздействия на него (попытки нацистских врачей отыскать некие «кристаллы воли» в районе гипофиза закончились провалом). Из сказанного не следует, что зомби невозможны, еще как возможны, они есть, их много, другое дело, что вычленение их из общественной массы требует серьезной психологической работы и тонкой интуиции.

* * *

4-я Воля — вернейшая супруга, лояльнейшая подчиненная. Но вот парадокс, именно «крепостной» часто выглядит со стороны страшным бунтарем и фрондером. Например, «мягкий, как воск», Бухарин считался едва ли не хроническим и почти официальным главой оппозиции Ленину, Молотов — единственный, кто открыто спорил со Сталиным, и это при том, что у обоих была 4-я Воля. Предполагаю, что объясняется этот феномен двойко. С одной стороны, в отличие от «мещанина» — лукавого раба, искательного и в

высшей степени чуткого к запросам хозяина человека, 4-я Воля — раба без лукавства, служащая с солдатской прямоотой, нечуткая к хозяину, часто продолжающая двигаться прежним курсом после того, как босс уже сделал поворот. Отсюда и ножницы в поведении,ходящем на бунт.

С другой стороны, как говорил Томас Манн: «Добровольное рабство — это и есть свобода». Данный афоризм, как ни к кому, приложим к 4-й Воле. Добровольное и искреннее рабство дает ей право на свободное, прямое самовыражение остальных, стоящих выше функций, которое вполне можно принять за восстание, если бы оно имело хоть какие-то последствия.

Всерьез воспринимать бунт «крепостного» можно, только глядя на него издалека. Троцкий не зря называл фронду Бухарина «бунтом на коленях». Внутренняя свобода при выражении своего мнения у 4-й Воли никак не связана со свободой в принятии решений. Как жаловался Руссо в связи с семейными дрязгами: «Чтобы избавиться от всей этой суетни, понадобилась бы твердость, на которую я не был способен. Я умел кричать, но не действовать, мне предоставляли говорить, но поступали по-своему.»

Жизнь 4-й Воли — жизнь щепки, брошенной в воду. «Крепостной» не хозяин себе, его судьбой целиком правят рок и инерция. Поэтому однажды, когда собеседник Молотова заявил, что тот стал коммунистом в результате некоего последовательного и осознанного выбора, Молотов просто ответил: «Ветром занесло, вот и стал. Ветром понесло, понесло, так и несет. А потом в ссылку попал — деваться некуда.»

Кроме простоты, открытости, беззаветности 4-ю Волю отличает искреннее нежелание брать на себя серьезную ответственность. Биограф «Битлз» о Ринго отзывался следующим образом: «Он открытый, дружелюбный и, наверно, самый симпатичный из всех Битлз. **Он совершенно не сосредоточен на себе**». И далее биограф приводит характерное для Стара высказывание. Признавая свой успех в фильме «Вечер тяжелого дня», Ринго говорил: «После этого фильма я получил много предложений, и все на главные роли. Однажды я чуть было не согласился сыграть роль Ватсона в фильме о Шерлоке Холмсе, но потом решил, что это все-таки чересчур для меня серьезно. Не хочу браться за роль, где ляжет на меня основная тяжесть. По крайней мере пока. Представляете, какой был бы ужас — провалиться? А вот маленькие роли — это пожалуйста. Ведь тогда ответственность не на мне.» Обратим внимание, роль Ватсона, конечно же, не роль Жюльена Сореля или Раскольникова, и тем не менее... В стремлении Ринго играть вторые роли, как в капле воды, отражается психология 4-й Воли, добровольно обрекающая себя на второстепенность, исполнительство, безвестность.

«Думаю, что никогда ни одно человеческое существо не было от природы менее тщеславно, чем я...»- писал Руссо, отмечая тем самым еще одну важную черту психики 4-й Воли, — искреннее отсутствие честолюбия. И, что интересно, история обычно идет «крепостному» навстречу в этом вопросе, делая его редким и случайным гостем на звездном небосклоне человечества.

4-я Воля и сама бывает несказанно удивлена, оказавшись на вершине общественной пирамиды или какой-либо серьезной структуры. Дарвин совершенно искренне писал: «Поистине удивительно, что человек таких скромных способностей, как я, мог в ряде существенных вопросов оказать значительное влияние на взгляды людей науки.» Недоумение Дарвина хочется разделить. Чинить произвол над чем-то уже сложившимся, т.е. реально творить, менять что-то в себе и других можно лишь, обладая соответствующим более или менее твердым инструментом — Волей. И когда она из поролона, проявление инициативы, индивидуальности, самостоятельности, новаторства действительно выглядят почти чудом.

О разных положениях Воли у разных народов будет еще отдельно сказано в связи с конкретными психотипами. Но саму по себе 4-ю Волю можно довольно уверенно приписать великому множеству, живущих в разных концах мира, народам. Общей для них приметой можно считать то, что народы эти были вытеснены на периферию ойкумены: крайний север, крайний юг, дальние острова, тундру, пустыню, джунгли, болота и т.д. Оказались они в таких гиблых местах, думается, в силу массовой покладистости, из-за 4-й Воли. Любимые русским народом анекдоты о чукче — существе покладистом, робком, наивном и доверчивом — могут послужить весомым аргументом в пользу такого предположения.

Завершая на этом изложение принципов психософии, остается лишь перечислить психические типы, ею порожденные и чье детальное описание читатель найдет в следующем разделе. Список же психотипов выглядит так:

ТОЛСТОЙ

- 1)ВОЛЯ
- 2)ЭМОЦИЯ
- 3)ФИЗИКА
- 4)ЛОГИКА

СОКРАТ

- 1)ВОЛЯ
- 2)ЛОГИКА
- 3)ЭМОЦИЯ
- 4)ФИЗИКА

АХМАТОВА

- 1)ВОЛЯ
- 2)ЭМОЦИЯ
- 3)ЛОГИКА
- 4)ФИЗИКА

ТВАРДОВСКИЙ

- 1)ВОЛЯ
- 2)ФИЗИКА
- 3)ЭМОЦИЯ
- 4)ЛОГИКА

НАПОЛЕОН

- 1)ВОЛЯ
- 2)ФИЗИКА
- 3)ЛОГИКА
- 4)ЭМОЦИЯ

ЛЕНИН

- 1)ВОЛЯ
- 2)ЛОГИКА
- 3)ФИЗИКА
- 4)ЭМОЦИЯ

АРИСТИПП

- 1)ФИЗИКА
- 2)ЛОГИКА
- 3)ВОЛЯ
- 4)ЭМОЦИЯ

ЧЕХОВ

- 1)ФИЗИКА
- 2)ВОЛЯ
- 3)ЭМОЦИЯ
- 4)ЛОГИКА

ДЮМА

- 1)ФИЗИКА
- 2)ЭМОЦИЯ
- 3)ВОЛЯ
- 4)ЛОГИКА

ЭПИКУР

- 1)ФИЗИКА
- 2)ЛОГИКА
- 3)ЭМОЦИЯ
- 4)ВОЛЯ

БОРДЖА

- 1)ФИЗИКА
- 2)ЭМОЦИЯ
- 3)ЛОГИКА
- 4)ВОЛЯ

ГЁТЕ

- 1)ФИЗИКА
- 2)ВОЛЯ
- 3)ЛОГИКА
- 4)ЭМОЦИЯ

БУХАРИН

- 1)ЭМОЦИЯ
- 2)ФИЗИКА
- 3)ЛОГИКА
- 4)ВОЛЯ

АНДЕРСЕН

- 1)ЭМОЦИЯ
- 2)ЛОГИКА
- 3)ВОЛЯ3)ЛОГИКА
- 4)ФИЗИКА

ГАЗАЛИ

- 1)ЭМОЦИЯ
- 2)ВОЛЯ
- 4)ФИЗИКА

ПАСТЕРНАК

- 1)ЭМОЦИЯ
- 2)ВОЛЯ

РУССО

- 1)ЭМОЦИЯ
- 2)ЛОГИКА

ПУШКИН

- 1)ЭМОЦИЯ
- 2)ФИЗИКА

3)ФИЗИКА
4)ЛОГИКА

БЕРТЬЕ
1)ЛОГИКА
2)ФИЗИКА
3)ЭМОЦИЯ
4)ВОЛЯ4)ФИЗИКА

ЭЙНШТЕЙН
1)ЛОГИКА
2)ВОЛЯ
3)ЭМОЦИЯ
4)ФИЗИКА

3)ФИЗИКА
4)ВОЛЯ

ПАСКАЛЬ
1)ЛОГИКА
2)ЭМОЦИЯ
3)ВОЛЯ
4)ЭМОЦИЯ

АВГУСТИН
1)ЛОГИКА
2)ЭМОЦИЯ
3)ФИЗИКА
4)ВОЛЯ

3)ВОЛЯ
4)ЛОГИКА

ПЛАТОН
1)ЛОГИКА
2)ФИЗИКА
3)ВОЛЯ

ЛАО-ЦЗЫ
1)ЛОГИКА
2)ВОЛЯ
3)ФИЗИКА
4)ЭМОЦИЯ

ТИПОЛОГИЯ

(Раздел второй)

ВВЕДЕНИЕ В ТИПОЛОГИЮ

Теперь на новом витке разговора, пришло время вернуться к тому, с чего начали, — к порядку функций как таковому, и попытаться проанализировать его истоки и последствия.

Начнем с главного: психотип — порядок функций — явление врожденное, а не приобретаемое. Об этом догадывались еще древние, и один из учеников Пифагора приписал учителю следующие слова: «Мы предрасположены к добродетелям и к порокам так же, как к здоровью и к болезням, и это зависит в большей степени от наших родителей и от составных частей нашего тела, чем от нас самих.»

Человек рождается с определенным психотипом и с ним же умирает. Это видно хотя бы из того, что по выражению глаз место Воли на ступенях иерархии угадывается еще в младенчестве. Достаточно рано, годам к трем, т.е. еще до того, как всерьез можно говорить о воздействии воспитания, практически весь порядок функций ребенка обнаруживает себя вполне отчетливо. Так что генетическое происхождение психотипа сомнения не вызывает.

До недавнего времени генетика была сугубо физиологична и на психологию почти не посягала. Дело круто изменили опыты с разлученными в детстве однойцовыми близнецами. Из них следовало, что кроме внешности человек наследует от предков привычки, пристрастия, вкусы, вплоть до таких мелочей, как склонность носить определенное число колец на руке.

В свете опытов с однойцовыми близнецами уже не покажется слишком удивительным, что в наших генах зашифрован и более капитальный психологический фонд — психический тип со всеми вытекающими из него мировоззренческими, идеологическими, экономическими, эстетическими и другими установками. Вопреки распространенному мнению, человек при рождении не только в физиологическом отношении не является «*tabula rasa*», но и в психологическом отношении тоже. Что касается воздействия семьи и общества, то они могут либо еще более дисгармонизировать, изначально дисгармоничную психику человека, либо наоборот — гармонизировать ее, но принципиально изменить что-либо в психотипе человека не в состоянии (кроме случая обретения 25-го типа — типа полной гармонии, о котором будет сказано особо).

Психотип лучше всего сравнить с человеческим скелетом, но скелетом психического тела. Как известно, анатомический скелет — система подвижная: можно качать тазом, можно качать головой — одного нельзя- менять голову с тазом местами. Та же картина с психотипом: функции его подвижны в пределах своих ступеней, могут развиваться или деградировать, но принципиально меняться местами не могут.

* * *

Как же формируется психотип?

Способа три. Первый самый простой способ: когда ребенок просто целиком наследует психотип одного из родителей. Такой вариант очень удобен, потому что между ребенком и родителем, от которого унаследован психотип, сразу устанавливается взаимо-

понимание. Да и у другого родителя в связи с рождением ребенка не прибавляется проблем психологического порядка в дополнение к тем, что уже имелись в его отношениях со своей половиной.

Иногда же ребенок через головы родителей целиком воспроизводит психотип кого-либо из своих отдаленных предков. В этом случае ребенку и родителям гораздо труднее найти взаимопонимание, точнее, взаимопонимание просто никогда не достигается, и ребенок остается хорошим ли, плохим ли, но при всех условиях чужим.

Видимо, именно такая ситуация сложилась в семье Чеховых с рождением Антона. Один мемуарист писал: «... в его внешности, в манере держать себя сквозило какое-то врожденное благородство, точно он был странным и чужим пришельцем в доме родителей, быть может, и милых (мать Чехова), но совсем уж незатейливых людей». К сожалению, в детстве чеховская проблема психотипической несовместимости взаимным отчуждением не исчерпывалась. Будущий великий писатель бывал неоднократно порот, что приносило ему не столько физические, сколько моральные страдания, и не даром ему приписывают слова «В детстве у меня не было детства».

Третий из возможных вариантов формирования психотипа представляет собой комбинацию родительских психических генов, никому из предшествующих поколений не тождественную. Приведу два хорошо известных мне примера такого рода комбинаций.

ОТЕЦ	РЕБЕНОК	МАТЬ
(«лао-цзы»)	(«ленин»)	(«ахматова»)
1) ЛОГИКА	1) ВОЛЯ	1) ВОЛЯ
2) ВОЛЯ	2) ЛОГИКА	2) ЭМОЦИЯ
3) ФИЗИКА	3) ФИЗИКА	3) ЛОГИКА
4) ЭМОЦИЯ	4) ЭМОЦИЯ	4) ФИЗИКА

На первый взгляд, при данной комбинации ребенок оказывается, из-за высокостоящей Логике и тождеству по Третьей и Четвертой функциям, ближе к отцу, нежели к матери. Но это видимость. На самом деле мощь 1-й Воли матери, столкнувшая 1-ю Логике отца на Вторую ступень, от чего и образовался новый психотип, такова, что в состоянии поделить взаимопонимание между ребенком и родителями почти поровну. Хотя при данной комбинации и взаимного непонимания в этом треугольнике будет больше, чем достаточно.

Другой пример:

ОТЕЦ	РЕБЕНОК	МАТЬ
(«наполеон»)	(«ахматова»)	(«пастернак»)
1) ВОЛЯ	1) ВОЛЯ	1) ЭМОЦИЯ
2) ФИЗИКА	2) ЭМОЦИЯ	2) ВОЛЯ
3) ЛОГИКА	3) ЛОГИКА	3) ФИЗИКА
4) ЭМОЦИЯ	4) ФИЗИКА	4) ЛОГИКА

В этом случае ребенок оказывается ближе к отцу, чем к матери. Хотя может показаться, что одинаковость верха и низа у ребенка и матери должны обеспечивать им внутреннюю близость. Но, во-первых, сами по себе перекрестья по верхним и нижним функциям, как в данном случае, мало что дает для взаимопонимания, а во-вторых, тождество с отцом по таким фундаментальным функциям, как Первая и Третья, заведомо перетягивает ребенка на сторону отца.

К сожалению, нынешние системы воспитания и педагогические концепции, вопреки личному и мировому опыту, указывающему на врожденность психических реакций человека, врожденность характера, с маниакальным упорством продолжают навязывать представление о ребенке, как о глине, из которой можно лепить все, что угодно. Мало того, каждый педагог считает для себя обязательным навязывать ценности, идеалы, вкусы и цели, исходя из собственного психотипа, по установкам достаточно далекого от остальных двадцати трех типов, что могут быть у его учеников.

Не в состоянии помочь делу и воспитательные системы, опирающиеся на религиозные, национальные, классовые, половые корни ребенка. Попытки воспитать «подлинных христиан», «истинных арийцев», «сознательных пролетариев» или «настоящих мужчин» — так же несостоятельны, как любые попытки психологической унификации людей по любому другому признаку. Как точно заметил по этому поводу Баратынский:

*«Из нас, я думаю, не скажет ни единый:
Осине — «Дубом будь!», а дубу — «Будь осиною!».
Меж тем, как странны мы,
Меж тем иной из нас, мир переделывать задумывал не раз.»*

Из сказанного не следует, что национальная или классовая психология — чистые фикции. Они существуют. Довольно определенно можно говорить о психотипе «англичанина», «цыгана», «русского» или «японца». Но так как природа, бездумно играя генами, творит, совершенно не заботясь о национальной чистоте, то в семье англичан могут родиться и рождаются «русские», в цыганских семьях — «японцы» и т.д. Поэтому, несмотря на наличие у некоторых наций одного доминирующего психотипа, добиться психологического единообразия народа в принципе невозможно.

Отчасти имеет под собой основание и теория классовой психологии. Действительно, принадлежность к тому или иному классу заведомо предполагает наличие некой общности мировоззренческой и поведенческой позиции. Но природа, и в этом случае безразличная к умозрительным схемам, то принуждает аиста нести «буржуя» по психологии в семью пролетария, то наоборот — «пролетария» в буржуазную семью.

Правда, в отличие от национальной принадлежности, даруемой раз и навсегда, жизнь на уровне классов в состоянии скорректировать ошибки генетики. «Буржуй» пролетарского происхождения может достичь положения, отвечающего его буржуазным склонностям, равно как и «пролетарий» с буржуазным прошлым способен без труда переметнуться в стан кормящихся от рук своих. Пример Гогена, который, будучи богатым маклером, дотла разорился и не только не огорчился этому обстоятельству, а увидел в нем перст Божий, указывающий его на ремесло живописца, будет здесь достаточно выразителем.

Однако селекция, которую постоянно проводит жизнь среди общественных классов, не в силах добиться подлинной чистоты их рядов. А кроме того, появление каждого нового поколения требует от нее, по примеру Сизифа, каждый раз проделывать эту работу заново. Так что понятие классовой психологии было, есть и будет очень-очень относительным.

Еще меньше успехами на почве селекции может похвастаться психология, опирающаяся на религиозную традицию. А в случае с христианством и буддизмом следует, пожалуй, говорить о полном крахе их воспитательной работы. Хотя необходимо отметить, что обусловлен был этот крах самой самоедской сутью христианства и буддизма.

Во времена Христа и Будды, вероятно, и так не густо было людей, тождественных им по психотипу или близких в силу низкостоящей Физики. Со временем же аскетическая традиция, требующая полового воздержания, возобладала настолько, что, разогнав по монашеским кельям своих сторонников, христианство и буддизм свели к минимуму

воспроизводство близких себе психотипов с низкостоящей Физикой. По сути, они сами истощили ту генетическую почву, из которой произросли и на которую опирались. Стоит ли удивляться после этого массовому безбожию немусульманского мира. Хотя, будем справедливы, и без проповеди аскетизма на абсолютную победу христианству и буддизму, в силу безнадежности попыток унифицировать человеческую психологию по одному единственному, пусть великолепному образцу, рассчитывать не приходилось.

Особого разговора заслуживает так называемая «половая психология». Обусловлена необходимостью такого разговора тем, что человечество до сих пор находится в заблуждении, считая, что человек вместе с внешними признаками пола получает при рождении и определенные внутренние качества, черты характера, непременно увязанные с полом. И очень удивляется, когда обнаруживает, что это не так. «Ты же мужчина!» — в раздражении кричит оно человеку, у которого от мужчины только волосатый скафандр с пенисом, который всегда чувствовал себя не мужчиной, а самой настоящей женщиной. Скорее не половая психология существует, а есть определенные психологические претензии к полу. И нельзя сказать, чтобы они были полностью бесосновательны.

Пока жизнь на земле существовала в достаточно примитивных формах и воспроизводство ограничивалось метанием и оплодотворением икры, самцы и самки практически не отличались друг от друга функционально и потому каких-либо психологических претензий по половому признаку не возникало. Когда же процесс воспроизводства донельзя усложнился, потребовал длительного периода вынашивания, кормления и обучения потомства, функции партнеров разделились: самец сделался добытчиком и кормильцем, а самка — хранительницей потомства и гнезда. А это обстоятельство, в свою очередь, потребовало от супругов дифференциации моделей поведения и психических установок.

Не знаю, как с этой проблемой справились животные, а у людей, в связи с разделением функций, сложился ряд определенных взаимных психологических претензий. Согласно им «настоящий» мужчина должен как минимум обладать высокостоящей Волей и низкостоящей Эмоцией, а «настоящая» женщина наоборот — высокостоящей Эмоцией и низкостоящей Волей (чеховская «Душечка»). На почве такого рода претензий и сложилась не изжитая до сих пор патриархальная система селекции половой элиты. Во всяком случае, до сих пор у волевых хладнокровных мужчин и у покорных чувствительных женщин больше шансов вступить в брак, нежели у людей с иным порядком функций. Вероятно, со временем такой отбор возымел бы свое действие, и чаемое человечеством тождество пола и претензий к нему было бы достигнуто, если бы природа не была столь же безразлична к запросам половой психологии человека, как и ко всякой другой. Играя генами, она часто, располагая «элитными» родителями, передает волевитый характер отца дочери, а эмоциональный характер матери — сыну, и тем самым в одночасье пускает по ветру селекционную работу поколений.

Зинаида Гипиус прямо говорила о мужественности своей натуры, Руссо и Андерсен столь же открыто признавались в своей женственности, и в обоих случаях речь шла не о физиологии, а о том, что можно назвать «психологическим транссексуализмом» — явлением неизмеримо более распространенном, чем физиологический транссексуализм.

Суть психологического транссексуализма — в противоречии между полом и характером, «женственности» мужской психики и «мужественности» женской. Разумеется, противоречие между полом и характером — вещь мнимая, условная, но психотрансексуалу от этого не легче, и он постоянно мечется, не зная, куда себя определить.

Иногда поиск себя доводит его до однополой любви, иногда дело обходится более мягким вариантом, когда психотрансексуал предпочитает общество близких себе не по полу, а по характеру людей. Байрон писал, что ему приятно, когда женщины обращаются с ним «как с любимой и чуть-чуть своенравной сестрой». Жена Булгакова замечала, что ее муж «значительно легче и свободнее чувствовал себя в беседе с женщинами». Вероятно, нет другого способа избавиться от психотрансексуализма, как изъять из употребле-

ния понятия «настоящий мужчина», «настоящая женщина» и убедить человечество принимать человека таким, каков он есть. Но как это сделать — ведает один Бог...

* * *

Что касается педагогики, то, пока она ориентируется на унификацию, пусть исходя из самого лучшего образца человеческой породы, дело ее обречено на провал.

Если же взглянуть на педагогику через призму психогенетики, то решение проблемы само себя обнаружит: и систем воспитания, и школ должно быть несколько. Не стану настаивать на том, что их число, по числу психотипов, должно соответствовать двадцати четырем. Для начальной реформы обучения и воспитания достаточно будет ввести четыре типа школ, ориентированных прежде всего на развитие Третьих функций: с ритороматематическим уклоном для 3-й Логики, с театрально-художественным уклоном для 3-й Эмоции, со спортивно-хозяйственным уклоном для 3-й Физики. Что касается 3-й Воли, то она нуждается в чем-то вроде американских школ «свободного воспитания», т.е. школ, находящихся на полном самоуправлении, где дети приучаются к самостоятельному, освобождающему их скованную Волю, решению всех своих проблем.

Подчеркну, речь в данном случае не идет об уже существующих специальных школах спортивного, художественного или научного направления. Цель этих школ обратна целям гармонизации личности. Посвятив себя «воспитанию талантов», нынешние спецшколы, стараясь усилить то, что в ребенке и без того уже сильно, т.е. накачивая и без того накаченные мускулы Первой функции, еще более искривляют с рождения кривое психическое тело ученика. Задача спецшкол будущего — обратная: развивать не то, что дано, а то, что не дано, тем самым гармонизируя и развивая не талант (который, как ни крути, есть специфическая форма уродства), а личность.

* * *

Когда задумываешься над значением порядка функций в жизни человека, на память постоянно приходит образ из одного романа Эба Коба. Герой романа — человек, которому одеждой и домом служит картонная коробка из-под холодильника. На уровне глаз в коробке прорезана узкая смотровая щель, через которую герой романа и сносится как-то с внешним миром.

Этот образ очень подходит для передачи того состояния, в котором находится до настоящего времени любой человек. Разница в том, что в ящике, где он обитает, не одна, а четыре расположенные по вертикали, разные по размеру и форме прорези (четыре функции). А так — все тоже. Живя в ящике и взирая на мир через дырки, у каждого на свой лад искажающие реальность, мы наивно полагаем, что видим мир таким, каков он есть. И очень удивляемся, когда наступаем на стоящие перед носом грабли.

Дзен-буддисты говорят: «Субъект и объект — одно», т.е. мир таков, каковы мы сами. Действительно, каждый из нас — свой гринвичский меридиан — проведенная через себя, условная, но принимаемая за абсолютную линия отсчета. А поскольку таких линий, даже если представить их себе в виде самой грубой схемы — минимум двадцать четыре, то хронический хаос, наблюдаемый в нашем обществе, был и останется нормой существования, а не отклонением.

Всякий наш взгляд на других не верен, хотя и мнится истинным. Бесполезно спрашивать, какой портрет Сократа точен: Платона или Ксенофонта? Какой образ Христа достоверен: Матфея или Иоанна? Все они — химеры, как все увиденное снаружи. Но все наши искривления специфичны, будучи отражением нашей собственной кривизны. Подправляя несколько знаменитый афоризм Протагора «Человек есть мера всех вещей» —

хочется сказать: **МЕРОЙ ВСЕХ ВЕЩЕЙ СЛУЖИТ ПОРЯДОК ФУНКЦИЙ ЧЕЛОВЕКА.**

Единственный способ сблизить как галактики разлетающихся индивидуумов, обьективизировав их точки зрения, — это добиться, чтобы каждый из них достиг **гармонии**. То есть добиться положения, когда у индивидуума заделана язва по Третьей функции, есть добротный результат по Первой, идут процессы по Второй и Третьей функциям. В этом положении функции работают в отпущенную им природой силу, и **вертикаль порядка функций делается горизонталью, где все функции Вторые**, что составляет существо гармонии и дает человеку новую, совершенную природу — **природу 25-ого, безымянного типа.**

О главном способе гармонизации личности будет сказано в следующем разделе книги — «Синтаксисе любви». Пока же детально рассмотрим каждый психотип в отдельности.

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

- 1) ВОЛЯ («царь»)
- 2) ФИЗИКА («труженик»)
- 3) ЭМОЦИЯ («сухарь»)
- 4) ЛОГИКА («школяр»)

*«Твардовский был престраннейший поэт,
Не написавший о любви ни слова.
Он мне бурчал: «Уж вам под сорок лет,
А машете своею птшкой снова,» -*

писал Евтушенко, отмечая, сам того не ведая, едва ли не самую характерную черту занятой в поэзии 3-й Эмоции — отсутствие любовной лирики при очевидном лирическом даре и вообще тяги к выражению страстей и просто сильных чувств. Пафос Твардовский в свое творчество не пускал и не выносил у других. Всякая, излишне чувствительная, порожденная 1-й Эмоцией поэзия была ему не по нутру.

3-ю Эмоцию Твардовского ранило все крикливое, вычурное, безвкусное, даже цвет носок мог серьезно влиять на его отношение к человеку. Виктор Некрасов вспоминал: «Какие-нибудь красные носки или излишне пестрый галстук могли сразу же его настроить против человека. Так же, как и ходкие жаргонные выражения... Вообще пошлость, в любых ее проявлениях, даже самых утонченных, — а это тоже встречается как высшая форма обинтеллигентившегося мещанства, — была ему противопоказана. Я видел, как на глазах терялся у него интерес к человеку, который мог при нем сказать «вы знаете, я часами могу стоять перед «Мадонной» Рафаэля», или что «прекрасное остается прекрасным даже в руинах, Парфенон, например...»

Между прочим, неприязнь «твардовского» к позе, патетике, пафосу иногда принимает анекдотичные формы. Например, однажды Мольтке, великий прусский военный стратег и «твардовский» по психотипу, ехал на поезде вдоль Рейна. Вечерело. Адьютант, глядя в окно, прокукарекал нечто в том духе, что Рейн особенно хорош при заходе солнца. Мольтке в ответ, едва глянув на реку, пробормотал: «Незначительное препятствие»...

Эта, едва ли не оскорбительная для немецкого сердца фраза Мольтке-«твардовского» из творчества Твардовского же очень понятно выводится и оправдывается:

*«Да, есть слова, что жгут как пламя,
Что светят вдаль и вглубь — до дна,
Но их подмена словесами
Измене может быть равна.*

*Вот почему, земля родная,
Хоть я избытком их томим,
Я, может, скупо применяю
Слова мои к делам твоим.*

*Сыновней призванный любовью
В слова облечь твои труды,
Я как кощунства — краснословья
Остерегаюсь, как беды.»*

Алкоголь — одно из немногих средств, умягчающих каменную снаружи душу «твардовского», на короткий срок стаскивающих кольчугу с его уязвленной чувствительности. «Цари» вообще редко и умеренно пьют, Твардовский пил часто и неумеренно, поэтому в мемуарах сохранились картины, изображающие его в расслабленном состоянии и... после расслабления. Вот одна из них: «Было несколько встреч в баре на Пушкинской... Твардовский сидел один. Перед ним стояла водка в стакане, кружка пива и тарелка с ломтиком красной рыбы. К рыбе он за весь вечер не притронулся.

Если в редакции Александр Трифонович был со мной корректен, суховат и я не ощущал его истинного отношения, то теперь вдруг почувствовал какое-то непроизвольное движение теплоты, интереса к себе...

Мы остались вдвоем...

Он говорил, как отец прощался, как его увозили...

И в голосе была открытая боль, что меня поразило, ведь он и старше меня, и разлука с отцом произошла давно, двадцать лет назад, а у меня тринадцать лет назад, но я думал об отце гораздо спокойнее. Боли не было, засохла и очерствела рана. *А он плакал. ...*

О чем он плакал? О безвозвратном детстве? О судьбе старика, которого любил? Или о своей собственной судьбе, столь разительно отличной от судьбы отца? С юных лет слава, признание, награды, и все за то, что в талантливых стихах воспел то самое, что сгубило отца. Он плакал, не замечая меня, наверно, и забыл, что сижу рядом...

На другой день зачем-то пришел в «Новый мир», сидел в зальчике, разговаривал с Зинаидой Николаевной. Было начало дня. Вошел Твардовский в шубе, суровый, насупленный. Зинаиде Николаевне процедил «Добрый день», мимо меня прошел, как мимо стула, поглядел в упор, не видя. Я пробормотал «Здрате», да так и остался с разинутым ртом... Ну зачем мне понадобилось после прекрасного вечера лезть ему на глаза в «Новом мире»?

Все это что-то напоминало. Я не сразу догадался — чаплинский миллионер!»

Параллель с миллионером из знаменитого фильма Чаплина абсолютно верна. Алкоголь для 3-й Эмоции — прекрасное средство эмоционального раскрепощения. Но, как всегда это бывает со спиртным, вместе с концом его действия, кончаются и чувства, и прежде распахнутые настежь ворота души с похмелья запираются еще плотнее.

Вместе с тем именно 3-я Эмоция сделала Твардовского великим поэтом. Только она могла с такой пронзительной простотой и безыскусностью описать солдатскую судьбу, страшную в своей будничности работу войны, описать тихо, без надрыва и от того еще страшней и выразительней. Позднее, когда Твардовский стал главным редактором «Нового мира», простота, безыскусность, «безстильность» стали программными для эстетики журнала, и один из его заместителей мог прямо заявлять: «Для меня нет ничего ненавистнее стиля.»

Однако, если уж в чье-то творчество влюблялся Твардовский, то влюблялся без памяти:...он говорил, что литературу надо любить ревниво, пристрастно. «Мы в юности литературные споры решали как? Помню, в Смоленске в газете затеялся какой-то спор о Льве Толстом, один говорит: «А, Толстой — дерьмо!» — «Что, Толстой дерьмо?» — не думавши разворачиваюсь и по зубам. Получай за такие слова! Он с лестницы кувырком...» «В этом коротеньком эпизоде — весь Твардовский со всем своим порядком функций. Что бы за Толстого «не думавши» бить по зубам, нужно непременно иметь: 1-ю Волю, 2-ю Физику, 3-ю Эмоцию и 4-ю Логику.

* * *

«Увы, за рубежом меня куда меньше знают как поэта, чем как редактора некоего прогрессивного журнала,» — жаловался Твардовский. Однако в этой жалобе было много лукавства, в его *собственной системе ценностей политика стояла на первом месте (1-я Воля), а поэзия на третьем (3-я Эмоция),* и политический уклон, которым явно грешил «Новый мир» при Твардовском, явился результатом бессознательного, но не случайного выбора психотипа его главного редактора. Юрий Трифионов писал: «Один мой приятель, литератор, в конце пятидесятых годов всегда спрашивал, когда речь заходила о каком-либо романе, о рассказе или повести: «Против чего?» Скажешь ему, что пишешь мол, рассказ или повесть, он сразу: «Против чего?» Все лучшие новомирские произведения, напечатанные за последние годы, очень четко отвечали на этот вопрос.»

Твардовский и сам иногда не считал нужным скрывать открыто политический подтекст своих литературных симпатий. Тот же Трифионов вспоминал: «Вы прочитаете скоро повесть одного молодого писателя...»- говорил он, загадочно понижая голос, будто нас в саду могли услышать недоброжелатели, — «Отличная проза, ядовитая! Как будто все шуточки, с улыбкой, а сказано много, и злого...»

И в нескольких словах пересказывался смешной сюжет искандеровского «Козлотура».

Там же в саду летом я впервые услышал о жожаевском Кузькине. Об этой вещи Александр Трифионович говорил любовно и с тревогой. «Сатира первостатейная! Давно у нас такого не было...»

При всей ироничности своего мироощущения (3-я Эмоция) неядовитых шуток Твардовский не любил и считал их ниже своего достоинства печатать. В нем был некий сановитый (1-я Воля) подход к поэзии, и однажды он сильно обидел Заболоцкого фразой, по конструкции составленной также как фраза, которой укорял Евтушенко, — «Не маленький, а все шутите.» К слову будет сказать, что «цари» вообще слишком серьезные и сановитые люди, чтобы воспринимать юмор. Смех, шуточки, юмор вольно или невольно способствуют иерархическому перевертыванию (см. на эту тему работы М. Бахтина), чего гордая, каменная душа 1-й Воли очень не любит. Поэтому отсутствие чувства юмора — одна из самых твердых примет «царя».

Но продолжим. Политик душил в Твардовском поэта, и происходило это даже тогда, когда он сталкивался с поэзией, тождественной по эстетическому кредо. Твардовский не принял Иосифа Бродского, исключительно в силу аполитичности последнего, хотя муза Бродского, воспитанная на той же эстетике 3-й Эмоции, была родной сестрой музыки Твардовского.

И не кресло главного редактора толстого журнала сделало из Твардовского политика. Он был им всегда. Вспомним слезы подвыпившего Твардовского при воспоминании о репрессированном отце. Так вот, у отца поэта были свои воспоминания о сыне. Он вместе с младшим сыном Павлом бежал из ссылки, сумел добраться до Смоленска и найти Александра. Далее произошло вот что: «Стоим мы с Павлушей, ждем. А на душе неспокойно: помню же, какое письмо было от него туда, на Лялю. Однако же и по-другому думаю:

родной сын! Может Павлушу приютит. Мальчишка же чем провинился перед ним, родной ему братик? А он, Александр, и выходит. Боже ты мой, как же это может быть в жизни, что вот такая встреча с родным сыном столь тревожна! В каком смятении я глядел на него: рослый, стройный, красавец! Да ведь мой же сын! Стоит и смотрит на нас молча. А потом не «Здравствуй, отец,» а -»Как вы здесь оказались?!» — «Шура! Сын мой!» — говорю .- «Гибель же нам там! Голод, болезни, произвол полный!» — «Значит, бежали?» — спрашивает отрывисто, как бы не своим голосом, и взгляд его, просто ему не свойственный, так всего меня к земле прижал. Молчу — что там было сказать? И пусть же оно даже так, да только чтоб Павлуша этого не видел. Мальчишка же только тем и жил, что надеялся на братское слово, на братскую ласку старшего к младшему, а оно вон как обернулось! «Помочь могу только в том, чтобы бесплатно доставить вас туда, где были!» — так точно и сказал.»

Конечно, не вина Твардовского, что ему пришлось делать такой страшный выбор между родными и властью, но результат выбора следовало бы целиком отнести на его счет, если бы за Твардовского с самого начала все не решил психотип, его 1-я Воля. **У человека нет ни вин, ни заслуг, есть лишь природа и случай.**

Обычная для «царя» неровность отношения и поведения в полной мере была при-суща Твардовскому. Вот несколько цитат из воспоминаний Юрия Трифонова: «...когда я узнал Александра Трифоновича ближе, я понял, какой это затейливый характер, как он наивен и подозрителен одновременно, как много в нем простодушия, гордыни, ясновельможного гонора и крестьянского добросердечия... был ровен, пронизателен и как-то по высшему счету корректен со всеми одинаково: с лауреатами премий, с академиками, с жестянщиками. Та ровность и демократизм, которые были свойственны редактору «Нового мира» в его отношении с авторами, отличали Александра Трифоновича и в обыденной жизни... умел людей, которые ему были неприятны или которых он мало уважал, подавлять и третировать безжалостно: и ехидством, и холодным презрением, а то и просто бранью.» Такая вот противоречивая характеристика. К сказанному Трифоновым следует добавить, что демократизм Твардовского был специфическим, «царским», т.е. он ровно относился к академикам и жестянщикам, потому что считал их равно ниже себя. Любовь Твардовского также отдавала монархизмом, Солженицын писал: «А.Т. в письме назвал меня «самым дорогим в литературе человеком» для себя, и *он от чистого сердца меня любил бескорыстно, но тиранчески: как любит скульптор свое изделие, а то и как сюзерен своего лучшего вассала.*»

* * *

«Твардовские» — лучшие в мире бойцы. 1-я Воля не предполагает отступлений и дерется до последнего. Мощная, гибкая 2-я Физика легко держит удар, и ее нельзя сломать, ее можно только уничтожить.

У Трифонова сохранилось прекрасное описание купающегося Твардовского с очень точно воспроизведенным впечатлением от вида 2-й Физики: «Александр Трифонович был крепок, здоров, его большое тело, большие руки поражали могучностью. Вот человек, задуманный на столетия! Он был очень светлокочий. Загорелыми, как у крестьянина, были только лицо, шея, кисти рук. Двигался не спеша, но как-то легко, сноровисто, с силой хватался за ствол, с силой отталкивался и долго медленно плавал... на реке, от которой парило, я видел *зрелого и мощного человека, один вид которого внушал: он победит!*»

В порядке первых двух функций «твардовский» совпадает с «наполеоном» (см.) и первым среди бойцов, лучше «наполеона», его делает 3-я Эмоция. Покой и холод, не покидающие «твардовского» в самой отчаянной схватке, парализуют противника, не позволяют ему считывать с лица «твардовского» очень важную для тактики боя эмоциональ-

ную информацию. Дерущегося «твардовского» лучше всего сравнить с медведем. Любой цирковой дрессировщик сразу скажет, что самый опасный зверь — это медведь. Опасен он потому, что ведя одинокий по большей части образ жизни, медведь не нуждается в специальных сигналах, оповещающих о его состоянии и намерениях, т.е. «эмоционально обделен», суховат, поэтому атаки его и последствия практически не предсказуемы. Точно таким же медведем можно считать «твардовского», существа сильного душой и телом и непроницаемого.

Железные нервы 3-й Эмоции данного психотипа прекрасное дополнительное оружие как в простой драке, так и в военной кампании. Недаром из среды «твардовских» вышли такие первоклассные полководцы как Нельсон, Мольтке, Жофрр.

* * *

О том как выглядит «твардовский», целиком посвятивший себя политике, дает представление краткое жизнеописание австрийского императора Иосифа II. В сокращенном виде выглядит оно следующем образом: «Программа Иосифа II была *самым последовательным выражением системы просвещенного абсолютизма. Иосиф был одним из самых деятельных людей и, не щадя ни себя, ни других, совершенно изнурил себя работой.* Его бесчисленные путешествия были не триумфальными прогулками, а тяжелым трудом добросовестного ревизора. Входя во все самолично, он верил в свое призвание вывести Австрию из полудикого состояния путем реформ, идущих сверху. Вместе с тем, он следовал старой австрийской традиции укрепления внешнего и внутреннего могущества государства, бюрократической централизации, объединения разноплеменного состава монархии, *попрания старинных вольностей феодального происхождения и подчинения церкви государству.* В виде корректива произволу он допустил, однако, гласное обсуждение текущих вопросов в печати и открытую критику действий монарха (закон о печати 11 июня 1781 г.). Человеколюбивая деятельность его простиралась на всех обездоленных, начиная с притесненного крестьянства и кончая сиротами, больными, глухонемыми, незаконнорожденными. *Тем не менее Иосиф был совершенно чужд сентиментальному и несколько отвлеченному благодущию чувствительного XVIII века...* Похвалы со стороны модных писателей он не искал; во время наделавшего много шума путешествия его во Францию (1777) свидание его с Вольтером не состоялось. В 1781 г. он издал знаменитый указ о веротерпимости... Уничтожая привилегии магнатов и устанавливая равенство всех граждан, Иосиф признавал дворянство лишь как служилое сословие и допускал приток разночинцев в ряды чиновничества... Его политика возбудила всеобщее недовольство... На смертном одре, несмотря на тяжкие страдания, он продолжал заниматься государственными делами до последнего дня и умер 20 февраля 1790 г., **с твердостью**».

Все узнаваемо в этом жизнеописании. Последовательный централизм, сочетаемый с уравнительными тенденциями, — обычная для 1-й Воли политика. От 2-й Физики огромная трудоспособность и забота о нуждающихся. Веротерпимость и несентиментальность — от 3-й Эмоции. Таков, собственно, и есть, занятый чистой политикой, «твардовский».

* * *

Обычно «твардовский» — плотный, приземистый человек с твердым, прямым, насмешливым взглядом без блеска. Лицо круглое. Он осанист, церемонен, невозмутим. Жест спокоен, величав, уверен, точен. Речь ровна, напориста, иронична, монотонна. Втайне питает слабость к музыке, литературе, искусствам, а, выпив, не прочь сам спеть что-нибудь негромким, маловыразительным голоском. Мимика почти отсутствуют. Стрижка короткая и аккуратная, к окраске волос редко прибегают даже женщины. «Твардовский» заботлив, домовит, рукаст, хотя не без высокомерия и иронии относится к про-

стым житейским заботам. Он очень любит природу, и домашние животные выглядят единственными существами, имеющими власть над этим отчужденным, жестким, холодноватым человеком.

ЛАО-ЦЗЫ

- 1) ЛОГИКА («догматик»)
- 2) ВОЛЯ («дворянин»)
- 3) ФИЗИКА («недотрога»)
- 4) ЭМОЦИЯ («зевака»)

Когда представляешь себе Лао-цзы и вместе с ним и тип «лао-цзы», то видится худощавый, не сказать чтобы красивый человек. Лицо овальное. Взгляд спокойный, рассеянный, опрокинутый в себя, без блеска. Жест и мимика выразительны, свободны. Свободу предпочитает «лао-цзы» и в одежде, она обычно не броска и не банальна. Речь льется без затруднений, но отличается подчеркнутой строгостью построений и пестрит выражениями, старательно указывающих на последовательность мысли, типа — «во-первых, во-вторых и т.д.» В лексике избегает подчеркнуто грубых и подчеркнуто выспренных оборотов. В вопросах бытовых, хозяйственных, спортивных представляется существом едва ли не беспомощным. Чадолюбив. Существа противоположного пола являются для него тем, что солнце для подсолнуха, но не прямо, а как бы в околичностях.

* * *

По справедливости этот тип, наверно, лучше было бы назвать двойным именем :»лао-цзы — гераклит». Оба философа имели одинаковый порядок функций, а кроме того они биографиями и творчеством идеально дополняют друг друга. О жизни Лао-цзы неизвестно почти ничего, но сохранился его главный труд. Из сочинений Гераклита уцелело лишь несколько цитат, но нечто, напоминающее биографию, имеется. Поэтому, говоря о типе «лао-цзы», будем в дальнейшем апеллировать и к памяти Гераклита.

Про Лао-цзы известно лишь, что под конец жизни он отправился из Китая на Запад (у древних «запад», сторона солнечного захода, — обычный символ загробного мира). Но на границе был остановлен таможенником и по его просьбе написал философский трактат «Дао де дзин», обессмертивший имя Лао-цзы. Вот, практически, и все.

История создания «Дао де дзин» — единственного произведения Лао-цзы если не правдива, то правдоподобна. Достоверно в ней выглядит то, что Лао-цзы увековечил себя как бы мимоходом, почти принудительно. И так могло быть, потому что «догматик» — вообще человек малокоммуникабельный, и, решив для себя капитальнейшие вопросы, он обычно человекается на этом, в дальнейшем добытым без нужды не делясь.

На 1-ю Логику Лао-цзы кроме этого указывает то, что «Дао де дзин» — результат, а не процесс. Взгляды китайского философа, изложенные в трактате, не предмет для дискуссий, но догма, которую можно либо целиком принять, либо целиком отвергнуть. Диалогом в «Дао де дзин» и не пахнет. Трактат от начала до конца продуман одним человеком за годы, проведенные в кабинетной тиши, очень строен, очень последователен и возражений не предполагает даже в теории. Кроме того, трактат явно претендует на универсальность, на то, что его принципы оказались бы равно приложимы ко всем элементам бытия: значительным, незначительным, всяким. И надо ли напоминать читателю, что монологовость и тяга к универсализму — ярчайшая из примет 1-й Логики?

Хотя от сочинений Гераклита остались лишь фрагменты, капитальность и безапелляционность его суждений такова, что тождественное Лао-цзы положение Логики на ступ-

пенях функциональной иерархии у греческого философа сомнений не вызывает. Его интеллектуальная гордыня, позволявшая озглавливать свое сочинение «Обо Всем», и заявлять, что он самоучка, «сам себя исследовал и сам от себя научился» — лишнее тому подтверждение. На 1-ю Логику ясно указывает и результативная лапидарность гераклитовского стиля, почитаемого в древности «несравненным».

* * *

2-ая Воля данного психотипа диктовала Лао-цзы с Гераклитом и сам принцип их философствования. **Оба они диалектики**, т.е. все элементы бытия выстроены в их системах *не по иерархической вертикали, а по горизонтали*: сущее есть производное двух равноправных, противостоящих и взаимопроницаемых начал (свет-тьма, добро-зло, мужчина-женщина и т.д.). Всякое шевеление, постоянно происходящее во вселенной, — плод как раз такого взаимопроникновения, взаимоперетекания, доводящего до полного превращения одного начала в другое. Что, однако, ничего не меняет на космических весах, неизменно находящихся в равновесии. Внекастовость — типичная для «дворянской» психики черта. Заслуга Лао-цзы и Гераклита заключается лишь в том, что интуитивное обычно горизонтальное восприятие мира 2-й Волей они 1-й Логикой осознали и возвели в космический принцип.

В жизни Гераклит также вел себя вполне «по-дворянски». Он принадлежал к царскому роду, но, когда жители родного Эфеса надумали посадить его на освободившийся трон, то городская делегация застала Гераклита играющим с детьми в бабки и совершенно глухим к столь соблазнительному предложению.

Каких-либо ясных указаний на наличие у Лао-цзы и Гераклита 3-й Физики в литературе не сохранилось. Пожалуй, только высказывание Гераклита, что «зрение — ложь» прямо свидетельствует об этом. Так как именно к продуктам деятельности низкостоящих функций человек испытывает наибольшее недоверие и подчеркнуто, агрессивно недоверчив ко всему, что связано с Третьей функцией. Поэтому грубая филиппика Гераклита в адрес зрения — чувства телесного — весомый аргумент в пользу предположения о ранимости его Физики.

Косвенно же подтвердить наличие у обоих философов 3-й Физики можно, руководствуясь методом исключения. У них Эмоция явно Третьей не была. Оба так свободны, беззастенчивы в выражении своих чувств, так плодовиты и легки на блистательные образы при передаче сухих, отвлеченных философских категорий, как никаким «сухарям» не под силу. А значит порядок функций Лао-цзы и Гераклита угадан верно: 3-я Физика и 4-я Эмоция.

* * *

Тип «лао-цзы» достаточно редок и является одним из главных поставщиков классных представителей умственного труда. Думаю, имена Эзопа, Марка Аврелия, Шанкары, Дионисия Ареопагита, Скота Эригены, Бонавентуры, папы Сильвестра II, Монтеня, Спинозы, Сахарова в состоянии подтвердить высокую репутацию данного психотипа.

По всем своим характеристикам «лао-цзы» типичный интеллигент: рассеянный, малообщительный, вечно погруженный в свои мысли, хотя и не чуждый эстетическим запросам. Он тверд в принципах, но по мелочам уступчив, терпим, доброжелателен, честен. Внешность у него обычно невзрачна, он склонен к ханжеству, аскетизму, непротивленчеству, пацифизму, хотя в мечтах редкий драчун и повеса. Как всякий «догматик», «лао-цзы» довольно тяжел в общении, безапелляционен, темен в речах и не деликатен в выводах, но так как «догматизм « его окрашен «дворянством», то, даже оказавшись в родной для себя стихии рассудочности, он не так безнадежно глух к чужим мнениям, как

можно было ожидать, и вообще внутренне умственно совершенно раскованный человек, если не сказать — интеллектуальный циник.

Во всем же, что не касается щекотливой интеллектуальной сферы «лао-цзы» открыт, доступен, терпим. Собственной эстетики у него нет (4-я Эмоция), поэтому в искусствах он всеяден и художественная критика его беспартийна. Богатая душа и тощий кошелек «лао-цзы» всегда открыты для ближнего, и есть своя правда в словах знавших Бонавентуру людей, когда они говорили: «По брату Бонавентуре можно думать, что Адам не согрешил».

* * *

О том, как выглядит и действует «лао-цзы» на политическом поприще, можно составить представление на примере английского премьер-министра Гладстона и римского императора Марка Аврелия.

Биограф Марка Аврелия рассказывает о нем так: «Уже с первых лет детства он отличался серьезностью... Будучи еще мальчиком, он усиленно занимался философией. Когда ему пошел двенадцатый год, он стал одеваться как философ, и соблюдать правила воздержания; занимался в греческом плаще, спал на земле, и мать с трудом уговорила его лечь на кровать, покрытую шкурами...

Он отличался уступчивостью, и его иногда можно было заставить пойти смотреть охоту в цирке, появиться в театре или присутствовать на зрелищах. Кроме того, он занимался живописью под руководством Диогнета. Он любил кулачный бой, борьбу, бег, ловлю птиц; особенную склонность он имел к игре в мяч и к охоте. Но от всех этих склонностей его отвлекали философские занятия, которые сделали его серьезным и сосредоточенным. От этого, однако, не исчезла его приветливость... *Он был честным без непреклонности, скромным без слабости, серьезным без угрюмости...*

Когда домашние спросили его, почему он с такой печалью принимает императорское усыновление, он изложил им, какие неприятности заключает в себе императорская власть...

Во время голода он выдал италийским городам хлеб из Рима и вообще он проявлял заботу о снабжении хлебом. Он всячески ограничивал зрелища, на которых выступали гладиаторы...

Среди других доказательств человеколюбия Марка заслуживает особого упоминания следующее проявление его заботливости: он велел подкладывать для канатных плясунов подушки, после того, как упало несколько мальчиков; с тех пор и доньне под веревкой протягивается сеть...(очень выразительный, но давно забытый подарок мировому цирку от завернувшейся в императорский пурпур 3-й Физики — А.А.)

К народу он обращался так, как это было принято в свободном государстве. Он проявлял исключительный такт во всех случаях, когда нужно было удержать людей от зла, либо побудить к добру, богато наградить одних, оправдать — выказав снисходительность — других. Он делал дурных людей хорошими, а хороших — превосходными, спокойно перенося даже насмешки некоторых.»

Важным показателем психотипической устойчивости является то, что политика «лао-цзы» не зависит от политической системы, в которой он взращен, но вырастает как бы из внутреннего, автономного от среды, стержня личности. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить портрет абсолютного монарха Марка Аврелия с портретом премьер-министра полудемократической страны, какой была Англия в викторианскую эпоху, Вильяма Гладстона.

Вильям Гладстон, неоднократно занимавший пост премьер-министра, представлял собой одну и самых замечательных фигур времен королевы Виктории, украшение английского политического небосклона. По словам биографа Гладстона, попытавшегося

нарисовать его политический портрет, «в литературе о Гладстоне можно встретить мнение, что в сущности *он среди своих товарищей всегда занимал положение независимое и собственно не принадлежал ни к какой партии*. В этом есть много верного. Гладстон сам однажды высказался, что партии сами по себе не составляют блага, что партийная организация нужна и незаменима лишь как верное средство в достижении высокой цели. Наряду с независимостью по отношению к вопросам партийной организации необходимо отметить другую важную черту политического мирозерцания Гладстона, намек на которую находится уже в речи, произнесенной им перед избирателями, 9 октября 1832 г. это — *твердое убеждение, что в основе политических мероприятий должны прежде всего лежать «здравые общие принципы»*. *Особенные свойства его выдающегося ума, ясность и логичность мышления развили в нем эту характерную черту, рано проявившуюся и никогда не ослабевавшую*. В течение всей своей деятельности он постоянно отыскивал и находил принципиальный базис для взглядов и мероприятий каждого данного момента... Чем больше расширялся круг явлений, доступных его наблюдению, тем яснее выступало перед ним демократическое движение века, тем убедительнее становились законные его требования. В нем не могло не зародиться сомнение в справедливости и верности взглядов, которых продолжала держаться консервативная партия. Присущее Гладстону стремление отыскать принципиальную основу всякого общественного движения, в связи с его высоко-честными взглядами на жизнь и требовательное отношение к себе, помогло ему прийти к верному ответу на вопрос: где истина, где справедливость... *По коренным своим убеждениям Гладстон был враг войны и всякого насилия*... Весьма характерно определение роли министра иностранных дел, которое Гладстон сделал еще в 1850 г., в споре с лордом Палмерстоном по греческим делам. Задача его — «охранение мира, а одна из первых обязанностей — строгое применение того кодекса великих принципов, который завещан нам прежними поколениями великих и благородных умов.» Эту речь он закончил горячим приглашением признать равноправие сильных и слабых, независимость маленьких государств и вообще отказаться от политического вмешательства в дела другого государства. *Гладстон допускал, однако, и даже требовал отступления от последнего правила, если это диктовалось соображением гуманности*».

Суммируя все сказанное прежде о Марке Аврелие и Гладстоне, можно сжать характеристику занятого на политическом поприще «лао-цзы» до одной фразы: **это — деятель вдумчивый, природный демократ, человек, едва ли не чрезмерно, жалостливый, заботливый и миролюбивый** (1-я Логика, 2-я Воля, 3-я Физика). Что, в зависимости от политического контекста, может быть и плюсом, и минусом.

АЛЕКСАНДР ДЮМА

- 1) ФИЗИКА («собственник»)
- 2) ЭМОЦИЯ («актер»)
- 3) ВОЛЯ («мещанин»)
- 4) ЛОГИКА («школяр»)

На улице «дюма» виден издалека: дородный, рослый, с, если не красивой, то сочной лепкой лица. Выставив вперед живот, он с ленивой грацией шествует по тротуару, подшаркивая и раздвинув носки. При этом физиономии его придано сложное совино-кислое выражение. Взгляд из-под полуопущенных век выглядит надменным, но, если вы попросите заглянуть в его глаза, то обнаружите, что заглядывать некуда, так как взгляд его робко улупт в пол. В этой связи вспоминаются разночтения биографов императора Нерона, одного из виднейших представителей рода «дюма»: одни писали про надменный, другие про робкий взгляд этого печально прославившегося владыки полумира.

Итак, надменно прищурившись с лентой движется по улице «дюма». Но вот повстречался ему знакомый: обаятельнейшая улыбка расцветает на лице «дюма», веки поднимаются, открывая большие, красивые, блестящие глаза, в жестах пробуждается энергия, и на всю улицу разносится живой, задорный гогот. Одет он обычно дорого, ярко, пышно и не сказать чтобы со вкусом. Волосы длиннее обыкновенного, у женщин откровенно крашенные и с элементом художественного беспорядка. Речь свободна, выразительна и часто густо пересыпана насмешливыми бранными выражениями.

Отличительнейшая из черт внешности «дюма» — какое-то абсолютно безраздельное доминирование в ней сексуальности. Хотя, глядя через призму психософии, феномен этот вполне объясним. И без того избыточная 1-я Физика делается еще избыточной под давлением 3-й Воли. А добавка в виде мощной 2-й Эмоции, функции, как уже говорилось, выросшей из сексуальной сигнализации, вообще выводит облик «дюма» на уровень живого олицетворения половой производительности. **Чувственный и чувствительный по двум первым функциям, он гипнотически привлекателен в своей сексуальности и знает это.**

Однако красота «дюма» почти всегда отдает некоторой вульгарностью. Достаточно взглянуть на его женскую версию — Мерилин Монро и мужскую — Элвиса Пресли, чтобы в этом убедиться. А дело здесь в том, что у «дюма» чувственность 1-й Физики не облагораживается покойной верой в себя, как это происходит в при сочетании со 2-й Волей («чехов», «гёте») и не смягчается детскостью, как при сочетании с 4-й Волей («эпикур», «борджа»). У «дюма» 3-я Воля уродует и вульгаризирует облик, гипертрофируя, с одной стороны, и без того накаченную 1-ю Физикой, а, с другой стороны, посылая вовне, на поверхность из глубин изломанной души импульсы страха и постоянного недовольства, придает лицу его выражение, которое никак не назовешь милым. Фраза биографа Нерона — «лицо скорее красивое, чем приятное,» вполне может быть приложена к данному типу в целом.

* * *

Изыяны облика «дюма», однако, легко скрадываются мощной бесконечно гибкой 2-й Эмоцией. Не знаю, откуда это берется, но судьба наделяет его таким талантом обаяния, перед которым устоять практически невозможно. Приходилось мне знать одного русского архиерея-«дюма»: патологического жмота, садиста, циника и редкостного скотину, но при этом милейшего человека, наделенного каким-то совершенно беспредельным обаянием. Резервуар обаяния этого архиерея был таков, что, при желании, он мог лить его

на жертву ведрами, парализуя и заставляя, пусть ненадолго, делаться доверчивыми даже людей, знающих его, как облупленного.

«Дюма», как никому, удается роль простодушного, искреннего открытого человека, рубахи-парня. Эту роль он специально готовит и шлифует перед зеркалом для стандартных ситуаций (застолье, знакомство, общение в сфере услуг, конфликты и т.д.) и практически бьет без промаха. Львиная доля его удач принадлежит таланту обаявать. Мне не раз приходилось наблюдать, как «дюма», пойманный с поличным или припертый к стенке, пытался обаятельной улыбкой, типа: «Я просто милый дурачок и не ведаю, что творю», — разрядить ситуацию, поставить в конце конфликта благоприятную для себя точку.

«Дюма» слишком хорошо знает силу своего обаяния и сексуальной притягательности, чтобы не использовать их в корыстных целях. Поэтому **брачная афера — поголовное и беспронгрышное хобби данного типа**, ей не брезговал даже совсем не бедный писатель, давший этому типу имя, — Александр Дюма-отец.

Несколько менее удачлив бывает «дюма» в том случае, когда берется за религиозную аферу. Хотя и в этой сфере он в состоянии достичь совершенно фантастического результата, заложено в психотипе «дюма» нечто, что мешает ему сделать свой успех на ниве религиозного мошенничества устойчивым и долгосрочным. Истории Григория Распутина и Оши Раджнеша у всех на слуху и являют собой идеальную иллюстрацию деятельности «дюма» на данном поприще.

На Раджнеша, даже внешне, очень походил хорошо знакомый мне, описанный выше архиерей. Когда он, очень представительный, красивый, стоя на амвоне в богато расшитом саккосе с щеками блестящими от слез, нес яркую, одухотворенную, чрезвычайно глубокую по лексическому подбору, неграмотную и пустопорожную чушь, — не поддаться его магии было просто невозможно. Похмелье наступало потом, когда трезвый анализ речей, знакомство с личностью преосвященного, бытовой и интимной стороной его жизни доводило иных, наивно верующих, до катастрофического сотрясения основ. При этом более всего поражал не сам факт принадлежности церковного деятеля столь высокого ранга к стану закоренелых греховодников (этим русского человека удивить трудно), сколько невозможностью уложить в голове факт уживчивости в одной душе и, как кажется, равно искренне проповедуемых, абсолютно противоположных этических правил. Добавлю, что пугающей загадкой это свойство души «дюма» остается не только для прихожан, но и для жертв его брачного мошенничества.

«Очаровательный негодяй» (Ахматова об А.Толстом), «приятный лицемер» (Ринго о Маккартни) — такими амбивалентными характеристиками пользуются все, близко знающие «дюма». Однако ничего загадочного в его раздвоенности нет. За обаяние и декларации о возвышенных намерениях отвечает мощная, тонко, глубоко чувствующая аудитория 2-я Эмоция, и справляется она со своими обязанностями великолепно, *находя идеальные формы декларирования чаяний, которые остальные функции совершенно не намерены реализовать*. Заставить закоренелую материалистку 1-ю Физику предаваться обязательным почти для каждой религии аскетическим подвигам — вещь совершенно невозможная, как невозможно излечить от лицемерия, цинизма и злости 3-ю Волю. Поэтому начальный успех и крах в конце религиозной аферы «дюма» предопределены. Знакомый мне архиерей едва ли не одновременно с Раджнешем разделил его судьбу: даже известному своим долготерпением Русскому Синоду он так стал поперек горла, что тот досрочно отправил архиерея на покой, позволив лишь напоследок до чиста ограбить подчиненное ему церковное учреждение.

Упомянутый архиерей, обладая бездонным обаянием, в тоже время безукоризненно владел техникой морального уничтожения человека. Порой не зная о своем собеседнике почти ничего, он одним словом, влоборота мог послать человека в нокаут, и вид выносившего из его кабинета на носилках подчиненного был почти банальностью.

В этой связи с горечью необходимо признать: **обаяние, талант на комплимент, на ласку не отделим от таланта на унижение, на оскорбление, на обиду** (помните об этом, милые дамы, когда приходит время развешивать уши). У «дюма» общим источником двух этих как бы различных дарований служит сочетание 2-й Эмоции и 3-й Воли. Тончайшая мембрана 3-й Воли на ультразвуковом уровне слышит все шумы и скрипы, исходящие от оппонента, по мельчайшим деталям мимики, жестикующая, выражению глаз, одежде, речи, как компьютер, считывает его файл. Тогда как 2-я Эмоция безукоризненно чувствует настроение собеседника и подсказывает абсолютно точно уместные для каждого отдельного случая слова, обороты, выражения. «Дюма» — прирожденный, идеальный психолог, и счастье окружающих, что ни на одних психологических обманках держится жизнь.

Наконец, завершая тему авантюризма «дюма», остается сказать, что при почти сто-процентной удачливости в брачной афере, немалых успехах — в религиозной, он абсолютно безнадежен в тех случаях, когда авантюра требует исключительных умственных усилий (4-я Логика).

За примером далеко ходить не надо — Мата Хари. Разного рода шелкоперы, Бог знает, как расцветили и расписали историю этой несчастной женщины-«дюма». А правда такова. Жила-была кокотка, эксплуатировавшая ленивый интерес европейских толстоузов к восточной экзотике (она некоторое время прожила на острове Бали). Но началась война, охотников поглазеть на сладострастные танцы поубавилось, возраст заявил о себе, и вот, обрюзгая, ленивая, жадная, глупая жрица любви решила, что, по случаю войны, ей удобней обирать не отдельных богачей, а разведки воюющих сторон. Запродавшись всем, кто соглашался покупать, она промотала первые взносы, так и не отработав ни марки, ни франка. Да и не могла отработать, поскольку привыкла трудиться совсем ни те местом, каким добывается хлеб в разведке, требующей определенного интеллектуального багажа и постоянных умственных усилий. Дело скоро приняло такой оборот, что хозяева Маты Хари предпочли видеть свою сотрудницу скорее мертвой, чем живой. Поторопило трагедию то, что она оказалась в Париже в дни провала французского наступления под Верденом. Перекладывая на других ответственность за поражение, тогдашнее французское руководство стало пачками расстреливать иностранцев, и расстрел Маты Хари стал апогеем этой грязной правительственной игры. Туповатая, стареющая проститутка просто попала под кампанию, как под трамвай. А корыстные пошляки из масс-медиа расшили по этой канве такие узоры, что за ними скрылась подлинная драма существа с психологией «дюма», по глупости и жадности влезшего в жернова на смерть борющихся государственных машин и там погибшего.

* * *

Пожалуй, единственная сфера, где «дюма» не только не опасен, но наоборот полезен, эффективен, гениален и просто в своей тарелке — это художественная сфера и шоу-бизнес.

«Дюма» — прирожденный актер, и весь его порядок функций как бы специально выстроен для сцены и экрана. Сочная фактура (1-я Физика), бесконечная гибкость в восприятии и передаче настроений (2-я Эмоция), тончайший психологизм (3-я Воля) — идеальный актерский набор. Стоит ли удивляться, что среди звезд актерского сословия большая часть представлена «дюма». Сара Бернар, Софи Лорен, Ричард Бартон, Евгений Евстигнеев, Джек Николсон — лишь верхушка списка имен блистательных актеров-«дюма», реализовавших себя в, к сожалению, убийственно нетребовательной среде зрелищных искусств.

По своему эстетическому кредо актер-«дюма» — стихийный реалист, сознательный или бессознательный сторонник системы Станиславского (судя по всему, Станиславский

тоже был «дюма»). Главное требование данной системы — полная адекватность при передаче эмоциональных состояний (2-я Эмоция). Прославленная (хотя и заимствованная) фраза Станиславского «Не верю!» — главный и единственный эстетический тест-контроль для актера-«дюма». Добавим, что хотя система Станиславского создавалась как система театральная, по сути своей она не театральна, так как театр — принципиально нереалистичен. Система Станиславского — кинематографическая система, и, видимо, в этом главная причина феноменального ее успеха в последние десятилетия. Кино — принципиально реалистично, и требование безукоризненной адекватности мимики, жеста, звука — законное для него требование.

В этой связи еще одно интересное наблюдение: историки, говоря об императоре Нероне, часто с улыбкой упоминают его знаменитую предсмертную фразу: «Какой актер умирает!» Однако не будем торопиться с повторением ученой ухмылки. Нерон был «дюма», т.е. прирожденный актер, и если не прославился на этом поприще, то не по своей вине. Помешало происхождение и специфика античного театра, строго поделенного на два экстремальных жанра — трагедию и комедию. Однако однажды Нерону все-таки удалось поставить спектакль по душе и вполне в духе Станиславского: он поджег Рим и, стоя на башне в театральном облачении, пел «Крушение Трои». Думаю, если Станиславский смог бы увидеть этот грандиозный спектакль, он точно воскликнул бы «Верю!»

* * *

Труднее, чем актерство, даются «дюма» ремесла танцора и музыканта. С танцами у него не ладится в силу некоторой заторможенности 1-й Физики. «Дюма» в балете может произвести впечатление выразительностью жеста, сексуальным колыханием разного рода аппетитных выпуклостей (Мата Хари, Айседора Дункан), но быстроты, легкости, слаженности от его пластики ждать не приходится. Поэтому, как ни добивался Калигула, еще один император-«дюма», славы танцора, он получил ее только вместе с тронном и потерял с ним же.

Еще одна проблема «дюма», общая для танца и музыки, — это обычное для 1-й Физики отсутствие слуха. Однако беда эта поправима. Шаляпину так страстно хотелось петь, что он долгими упражнениями победил природный недуг. Не только Шаляпин, но многие другие «дюма», даже в качестве композитора (Чайковский) подвизаются на оперной сцене и часто с огромным успехом. Вообще, для специально интересующихся, могу сказать, что вид певца с сочной фактурой, если не сказать дородного, с богатым, многоплановым и сложным эмоционально репертуаром не позволяет утверждать точно, но с большой долей вероятности позволяет предполагать, что на сцене «дюма».

В последнее время, с бешеным развитием видео-шоу индустрии требования к внешним данным исполнителя заметно ужесточились, и привлекательная наружность стала не менее важным условием музыкальной карьеры, чем абсолютный слух и красивый голос. Это обстоятельство оказалось как нельзя на руку «дюма», которому ни внешних данных, ни тяги к музыке не занимать. И сейчас данный психотип практически безраздельно господствует в музыкальном бизнесе (Элвис Пресли, Пол Маккартни, Фредди Меркьюри, Хосе Иглесиас, Мадонна и т.д.)

Успех ждет «дюма» и на литературном поприще. Здесь на память приходят: Овидий, Байрон, Д.Аннуцио, Дюма-отец, Бальзак, Мопассан, Верлен, Есенин, А.Голстой.

К данному списку, вероятно, требуется небольшой комментарий, так как включение в него Бальзака и Дюма — писателей романтического, а не реалистического направления, может вызвать возражения. Предвидя таковые, просто напомним, что творчество 3-й Воли вообще носит несколько «попсовый», конъюнктурный характер, а расцвет писательства Бальзака и Дюма пришелся на период безраздельного господства во французской литературе школы Гюго, школы романтизма. «Дюма» не настолько волевит и само-

уверен, чтобы открыто грести против течения, поэтому оба писателя, благо гибкость 2-й Эмоции позволяла, послушно двинулись проторенным путем, из-под тишка саботируя нормы и заповеди романтического письма: Дюма плохо замаскированным цинизмом своих произведений, Бальзак детальным, подробнейшим, вылезавшим, как шило из мешка, бытописанием. Но время шло, и после войны 1870 года французские «дюма», отряхнув с себя прах романтизма, смогли заговорить своим собственным языком — взошла звезда Мопассана и Верлена. Поэтому, если мы хотим знать, как и про что пишет «дюма» сам по себе, без внешнего эстетического и концептуального давления, то лучше всего обратиться к творчеству Мопассана и Верлена.

Успехи «дюма» на родном для него поприще никак не влияют на изломы его характера, и почитатели таланта «дюма», заочно влюбленные в его 2-ю Эмоцию, бывают крайне разочарованы при очном знакомстве со всем порядком функций этого психотипа. Вот коротенькая, но последовательная характеристика Алексея Толстого, данная Ахматовой: «Он был удивительно талантливый и интересный писатель, очаровательный негодяй, человек бурного темперамента. Его уже нет. Он был способен на все, на все; он был чудовищным антисемитом; он был отчаянным авантюристом, ненадежным другом. Он любил лишь власть и жизненную силу».

* * *

Особого разговора заслуживает 1-я Физика «дюма», точнее, сочетание 1-й Физики с 3-й Волей. И сказанное далее о «дюма» в равной мере может быть отнесено к «аристиппу», тождественному «дюма» по этим позициям.

Никого не хочу пугать, но «дюма» по натуре эксгибиционист. В своей сверхтелесности «дюма» больше чем нудист. Нудизм предполагает здоровую индифферентность в вопросах наготы и внутренне ближе 2-й Физике. «Дюма» же самой своей избыточной 1-й Физикой уже склонен к выпячиванию в себе плотского начала, а так как 3-я Воля «мещанина» никак его не поддерживает, но наоборот дает ощущение жизни на вулкане, то плоть становится для «дюма» единственно надежным инструментом для взаимодействия с миром. Поэтому «дюма» относится к своему телу трепетней, внимательней, любовней, чем кто-либо, холит его, украшает и заголяет при всякой представившейся к тому возможности. Едва ли не 80% моделей «Плейбоя» и «Пентхауса» рекрутируются из «дюма», причем не только деньги и карьера влекут их на страницы эротических изданий, но и сама возможность массовой демонстрации лучшей стороны своей натуры. Естественно, что и покупателями такого рода изданий в основном являются «дюма».

Не хочу никого пугать, но «дюма» по натуре насильник. Насилие самая простая и естественная для него реакция на возникающие трудности. Мне уже приходилось упоминать безобидную, но выразительную историю из жизни обоих Дюма, когда, в ответ на плач маленького сына, Дюма-отец просто взял его за шиворот и зашвырнул на кровать. Такая импульсивная реакция насилем на проблему вполне органична для сочетания 1-й Физики и 3-й Воли.

Еще больше не хочу никого пугать, но «дюма» — садист. Сам маркиз де Сад, опиравший этот феномен, был родом «дюма». Однако садизм садизму — рознь, и проявляться он может по-разному: от некоторой грубоватости любовных ласк до чудовищного изуверства. Тот садизм, что существует в согласии с уголовным кодексом, присущ «дюма» обоюбого пола и обусловлен простой сенсорной бегемотностью 1-й Физики этого типа, через его толстую кожу тактильный сигнал проходит с трудом и ему требуется приложение больших усилий, чтобы почувствовать отзвук чужой плоти.

С преступным садизмом дело обстоит сложнее. В нем участвует весь порядок функций «дюма» и подвержены ему почти исключительно мужчины данного типа. Причины такой исключительности в страшной раздвоенности психики «дюма»-мужчины.

Обычно «дюма»-мужчина рослый, мускулистый, волосатый, живое воплощение мужественности, за которым посторонним мнятся все остальные мужские добродетели: надежность, храбрость, благородство и т.д. И только сам «дюма» знает, насколько форма его противоречит содержанию и какое разочарование ждет всякого, понадеявшегося на его внешнюю «крутизну».

Сергей Довлатов, сам «дюма», с горечью констатировал: «Я понял, что величие духа не обязательно сопутствует телесной мощи. Скорее — наоборот. Духовная сила часто бывает заключена в хрупкую, неуклюжую оболочку. А телесная доблесть нередко сопровождается внутренним бессилием...

Мне кажется, именно здоровые физические люди чаще бывают подвержены духовной слепоте. Именно в здоровом теле чаще царит нравственная апатия.

В охране я знал человека, который не испугался живого медведя. Зато любой начальственный окрик выводил его из равновесия.

Я сам был очень здоровым человеком. Мне ли не знать, что такое душевная слабость...»

Если к сказанному добавить, что при бутафорской плоти природа наделяет «дюма»-мужчину сильной эмоциональностью, то женоподобная транссексуальная суть этого типа проявится во всей своей страшной наготе. Кокотка в гриме шерифа — таков «дюма»-мужчина, по сути не-мужчина...

Однажды Александр I, когда в обществе зашла речь об его сходстве с сестрой, вышел и через некоторое время вернулся в женском наряде, он был очень доволен, и наряд ему шел; французский посол говорил о царе: «Самые существенные свойства его — тщеславие и хитрость или притворство; если бы надеть на него женское платье, он мог бы представить тонкую женщину». Бальзак в «Серафите» очень прозрачно намекал на свою женственность, а Байрон в письме признавался, что ему приятно, когда женщины обращаются с ним, «как с любимой и чуть-чуть своенравной сестрой».

Именно психологический транссексуализм выводит мужчину-«дюма» на дорогу садистских преступлений самого широко диапазона от бытового маньячества до убийств в стиле «джека-потрошителя». **В этом случае женщина в мужском скафандре насилует женщину же.** Феномен безмотивного криминала «дюма» в этом и состоит. «Преступление должно казаться большим, когда совершается над существом, подобным тебе самому, и от этого удовольствие удваивается, «- писал в «120 днях Содома» эксперт в этом вопросе маркиз де Сад.

Довелось прочитать в газете про одного сексуального маньяка, сидящего в туринской тюрьме за то, что он похищал и пытал женщин. Этот маньяк через адвоката «добился разрешения сменить пол. И хотя реально он сможет это сделать только через несколько лет, когда выйдет из тюрьмы, уже сейчас он освободился из своего внутреннего заключения. Винченцо ведет себя, как женщина: просит, чтобы его называли Терри, красит губы и ногти, носит браслет на лодыжке и предпочитает трикотажные костюмчики персикового цвета.»

А вот признание одного из самых масштабных из «джеков-потрошителей», на счету которого 53 жертвы — Чекатило: «В детстве я больше гулял, дружил с девочками. И сейчас лучше контакт с женщинами как с подругами. С мужчинами не нахожу общей темы для разговора.

Ко мне приставали с детства мальчишки, как к девочке. И в армии, и потом, в тюрьме, и в командировках. И в конце концов, *я уже не сознаю, к какому полу я больше отношусь.* **Такая раздвоенность.**

Мне нравятся ухаживания мужские...»

Сам первопроходчик литературного садизма, маркиз де Сад был «дюма», и Симона де Бовуар совершенно справедливо замечала: «...он ненавидел женщин потому, что видел

в них скорее своих двойников, чем дополнение, и потому ничего не мог от них получить. В его героинях больше жизни и тепла, чем в героях, но только по эстетическим соображениям, а потому что они были ему ближе. *Сад ощущал свою женственность, и женщины вызывали его негодование тем, что не были самцами, которых он в действительно-сти желал*».

После поймки очередного «джека-потрошителя» каждый раз встает вопрос о его вменяемости и мотивах. Психиатры ищут и не находят в его душе патологию, фрейдисты пытаются на предмет детских психических травм, но даже сверхобидчивый «дюма», зачастую в своем детстве ничего кроме обид за прыщи не находит (подмосковный убийца мальчиков). А дело в том, что не шизофрения и не комплекс Эдипа толкают «дюма» на путь садистских преступлений, а его собственный психотип, сочетание 1-й Физики и 3-й Воли, и тяжесть преступлений напрямую зависит от степени развинченности 3-й Воли. Чем глубже язва по Третьей, тем чаще у «дюма» есть повод говорить о своих реальных и мнимых унижениях, незаслуженных обидах, несправедливости жизни, тем кровавее будет плата, которую он станет взимать за них с окружающих.

Несравненно реже такого рода преступления совершает женщина-«дюма». Причина такого законопослушания лежит на поверхности: женщины-«дюма» не страдают половой раздвоенностью, женщина внутри них совпадает с женщиной снаружи и значит пол — не повод для обиды на мир.

Единственный общественный запрет, который последовательно нарушает женщина-«дюма», это запрет на торговлю своим телом. Чувственная и чувствительная (1-я Физика + 2-я Эмоция) она выглядит созданной для секса и умело пользуется такой аппетитной оболочкой. Однако из-за ранимости 3-й Воли женщина-«дюма» предпочитает заниматься проституцией не профессионально, а по-любительски, т.е. как бы по своему выбору и не за презренные деньги, а за повышение по службе, дорогие подарки, оплаченный отпуск и т.д.

Деньги вообще большое место «дюма», и редко какой другой тип поспорил бы с ним по части жадности. Когда юному Полу Маккартни сказали, что его мать умерла, он тут же спросил: «А что мы будем делать без ее денег?»

Материальные блага вместе с благами эмоционального ряда (религия, искусство, развлечения) — две главные для «дюма» ценности. «Сколько ни вспоминаю Федора Шаляпина... не проходило дня, чтобы не было какой-либо вспышки. В особенности, когда вопрос касался искусства и... денег,» — писал Корвин.

Иногда две эти страсти вступают в противоречие друг с другом, жажда переживания борется с жадностью, и зачастую 2-я Эмоция побеждает 1-ю Физику в такой борьбе. Сам Дюма растрчивал в кутежах почти все праведно и неправедножитое. Однако когда есть хоть крошечный шанс не платить за удовольствие, «дюма» не платит. Обожал кутежи и Шаляпин, но обычно на час расплаты в его кармане оказывалось лишь три рубля. А Бальзак вообще принципиально выходил на улицу без гроша, и все удовольствия и услуги, получаемые им на улице, либо не оплачивались вовсе, либо оплачивались другими.

* * *

Вопрос о политических талантах «дюма» — вопрос спорный. Он обаятелен, артистичен, хитер, подозрителен, жесток, что совсем не вредно для политика. Но слишком подозрителен, слишком и бестолково жесток, чтобы быть хорошим политиком; он жаден, распутен, недальновиден, внушаем и импульсивно лжив. Политическое лицо «дюма» удобно наблюдать на примере не худшего представителя данного рода — императора Александра I: «...он легко может очаровать, но этого надо опасаться; он не искренен; это настоящий византиец времен упадка Империи... Вполне возможно, что он меня дурачил,

ибо он тонок, лжив, ловок...» (Наполеон), «Он был слишком неустойчивой личностью, чтобы суметь навязать свою волю. Непостоянство его натуры проявлялось так отчетливо, что окружающие уже и не пытались совместить черты отцеубийцы и святого, невращенника и героя, самодержца и освободителя, пророка и сладострастника, обманщика и апостола... Тщеславие, вялость, слабость и какая-то детская тяга к двойственности затуманивала его мозг.» (Гарольд Николсон), «Разговор с ним всегда оставляет самое благоприятное впечатление, и вы покидаете его убежденным, что этот правитель соединяет в себе прекрасные качества настоящего рыцаря с чертами великого государя, человека умелого и энергичного. Его рассуждения были безупречны, доводы убедительны, он изъясняется с выразительностью и жаром убежденного человека. И что же? В конечном счете опыт, история его жизни и то, что я вижу каждый день, предостерегает вас: не верьте. Многочисленные проявления слабости доказывают, что *энергии, которую он вкладывает в свои слова, нет в его характере; с другой стороны, этот слабохарактерный человек может вдруг почувствовать прилив энергии и возбуждения, достаточный, чтобы принять самые жесткие решения с непредсказуемыми последствиями*» (Ляферроне), «В продолжении всего своего царствования он страдал парадоманией...» (Чарторыйский)

Последняя, отмеченная Чарторыйским черта — «парадомания» — тоже общая для всех политиков-«дюма». «Дюма» вообще политик-праздник. Он обожает приподнятую, жизнерадостную атмосферу, в которой может и умеет задавать тон. И не важно как это происходит: на белом ли коне во главе орущего «Виват!» войска, тамадой ли во главе длинного обильного стола, — главное, не просто царить, а **царить душевно**.

Беда только, что праздники свои «дюма» зачастую перемежает казнями, так как жестокость и разгульность равно существенные компоненты его души. Насилие — нормальная, естественная реакция 1-й Физики «дюма» на возникающие в ходе политической борьбы реальные или мнимые проблемы. Стоящие низко Воля и Логика фактически не контролируют чисто импульсивную жестокость Физики, более того, подозрительность, трусость и злость 3-й Воли подхлестывают и так не нуждающуюся в понукании склонность «дюма» к насилию.

Зная об этой особенности данного типа, можно легко прояснить некоторые темные места мировой истории. Например, до сих пор является предметом спора вопрос о проектах Брежнева, видного представителя рода «дюма», убить своего шефа Хрущева. Ответ здесь может быть только один — да, безусловно хотел и планировал, реализации замысла помешало многое, в том числе собственная слабохарактерность, которая по обыкновенной для 3-х Воль раздвоенности и тонизирует жестокость «дюма», и подавляет ее.

Религиозным рвением «дюма» не отличается, но как всякий эмоционал он суеверен и эмоциональная сторона культового действия для него своя. Как абсолютно свое чувствует он и искусство. Поэтому страсть к художествам часто в ущерб делу и авторитету — типичнейшая из примет политика-«дюма». Конечно, страсть этого типа к искусству не всегда проявляется столь очевидно, как в случае с Нероном или Калигулой. Например, мало кто знает, что Саддам Хусейн великодушный знаток арабской поэзии, а Брежнев знал наизусть несколько стихотворений Мережковского, включая очень длинное стихотворение «Шакьямуни», — но пунктик такого рода является непременным компонентом жизнедеятельности даже очень погруженного в политику «дюма». Особенно забавно выглядит пример Брежнева. Вот бы удивились Мережковский с Буддой, когда бы узнали, кого и про кого старательно выучивал стихотворение ленивый, не любивший чтение генеральный секретарь КПСС, жизнь положивший на уничтожение того, во что верили и что любили Будда с Мережковским.

Описанные выше приметы, думаю, уже позволяют читателю приступить к персональной идентификации политиков-«дюма». Отчасти поможет ему в этом небольшой, составленный автором список: Клеопатра, Нерон, Калигула, Коммод, Каракалла, Элагабал, Иван Грозный, Анна Иоанновна, Александр I, папа Александр VI, султан Абдул-

* * *

Обращаясь теперь к национальному вопросу, не без грусти приходится констатировать преобладание «дюма» среди русских и славян вообще. Со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями. Судите сами: «Русские — первые актеры в мире... Ни в одном обществе, если не считать польского, я не встречал таких обаятельных людей... Когда русские хотят быть любезными, они становятся обаятельными, и вы делаетесь жертвой их чар вопреки своей воле, вопреки всем предубеждениям. Сначала вы не замечаете, как попадаете в их сети, а позже уже не можете и не хотите от них избавиться. Выразить словами, в чем именно заключается их обаяние, невозможно. Могу только сказать, что это таинственное «нечто» является врожденным у славян» (де Кюстин), «...вообще я считаю Россию для иностранцев пробным камнем их достоинств и что тот, кто успевал в России, мог быть уверен в успехе во всей Европе. Это замечание я считала всегда безошибочным, ибо нигде, как в России, нет таких мастеров подмечать слабости, смешные стороны или недостатки...» (Екатерина II), «Вся Россия — страна каких-то жадных и ленивых людей: они ужасно много едят, пьют. Любят спать днем и во сне храпят. Женятся они для порядка в доме, а любовниц заводят для престижа в обществе. Психология у них собачья: бьют их — они тихонько повизгивают и прячутся по конурам, ласкают — они ложатся на спину, лапки вверх и виляют хвостом» (Чехов), «Это нация недоверчивая, несговорчивая, робкая, но вместе с тем надменная... русские обладают необыкновенной физической силой, но крайне ленивы и охотнее всего предаются разгулу... Русские не имеют понятия о правдивости и видят во лжи только украшение» (Пальмквист), «Болезнь воли распространена в России эпидемически: вся русская литература доказывает это. Русские неспособны к упорному усилию...Анархия с неразлучными с ней фантазией, ленью, нерешительностью — наслаждение для русского. С другой стороны, она доставляет ему предлог к бесчисленным публичным манифестациям, в которых он удовлетворяет свою любовь к зрелищам и к возбуждению, свой живой инстинкт поэзии и красоты...

На какую ни стать точку зрения — политическую, умственную, нравственную, религиозную — русский представляет парадоксальное явление чрезмерной покорности, соединенной с сильнейшим духом возмущения.

Мужик известен своим терпением и фатализмом, своим добродушием и пассивностью, он иногда поразительно прекрасен в своей кротости и покорности. Но вот он вдруг переходит к протесту и бунту. И тотчас его неистовство доводит его до ужасных преступлений и жестокой мести, до пароксизма преступности и дикости... Нет излишеств, на которые не были бы способны русский мужчина или русская женщина, лишь только они решили «утвердить свою свободную личность» (Морис Палеолог). «В самых недрах русского характера обнаруживается вечно-бабье, не вечно-женское, а вечно-бабье» (Бердяев).

Засилье «дюма» в России приняло такие масштабы, что для многих иностранцев Брежнев стал живым олицетворением русского народа в целом. Киссинджер писал: «Брежнев был не только генсек КПСС, но подлинно русский. Он был смесью грубости и теплоты, одновременно неотесанный и обаятельный, хитрый и обезоруживающий.. Он одновременно казался полным сил и истощенным... Он старался скрывать свою неуверенность шумливостью, неистовством, громогласностью, а глубоко запрятанное ощущение своей неадекватности неожиданными порывами резкости...»

Вместе с тем, я бы не стал настаивать на тезисе о безраздельном доминировании «дюма» в русском психологическом генофонде. Как минимум равную ему по численно-

сти группу населения России составляют «пушкины» (см.) «Пушкин» мало отличим от «дюма», он тоже женственен (1-я Эмоция +3-я Воля), но более трудолюбив и добродушен (2-я Физика). Вместе же они, «дюма» и «пушкин», и составляют суть или душу русского народа, поэтому, чтобы ни говорили о нем, слова Бердяева «о вечно-бабском» в русском характере останутся единственной и универсальной правдой о нем.

АЛЕКСАНДР БЕРТЬЕ

- 1) ЛОГИКА («догматик»)
- 2) ФИЗИКА («труженник»)
- 3) ЭМОЦИЯ («сухарь»)
- 4) ВОЛЯ («крепостной»)

Для тех, кто мало знаком с историей наполеоновских войн и кому имя Бертье ничего не говорит, поэтому начну с краткой биографической справки: «Бертье Луи-Александр, французский маршал (1763 — 1815)... Роялизм не помешал ему в 1792 г. сделаться сначала бригадным генералом в армии Люкнера, а в 1793-96 гг. принимать деятельное участие в подавлении вандейского восстания. Назначенный в 1796 г. начальником штаба итальянской армии, он приобрел полное доверие генерала Бонапарта, *высоко ценившего его технические познания, точность в исполнении приказаний и редкую работоспособность*. В течение 18 лет Бертье почти не разлучался с Наполеоном и во всех походах до 1814 г. был неизменным начальником штаба его армии. После мира в Кампо-Формио Бертье был поставлен во главе итальянской армии, занял Рим и провозгласил там республику (1798). Затем он принял участие в египетской экспедиции и, вернувшись вместе с Наполеоном, деятельно помогал ему во время переворота 18 брюмера, после чего был назначен военным министром. В 1804 г. Бертье получил звание маршала, а после побед 1805-1807 гг. был сделан владетельным князем Невшателя, отнятого у Пруссии, вице-коннетаблем и имперским принцем. Тогда же он вступил в брак с племянницей короля баварского, принцессой Марией. Действия Бертье во время кампании 1809 г. подверглись суровой критике, но это не помешало Наполеону дать ему новую награду в виде титула князя Ваграмского. Несмотря на все милости со стороны Наполеона, Бертье к концу его царствования стал сильно тяготиться его политикой. Когда падение империи сделалось неизбежным, он один из первых перешел на сторону Бурбонов и сопровождал Людовика ХУП при его въезде в Париж. В награду за что он был назначен пэром Франции. Наполеон, не веря в искренность его роялизма, попытался снова привлечь его на свою сторону и незадолго до отъезда с Эльбы сообщил ему о своих планах. Бертье ему не ответил, но в то же время ничего не сказал и Людовику ХУП о полученном письме. Когда Наполеон высадился, в марте 1815 г. на берегу Франции, Бертье сильно колебался, на чью сторону ему стать, но, в конце концов, уехал в Бамберг. Здесь, во время прохода через Бамберг русских войск 1 июня 1815 г., он упал из окна замка, в котором жил, на улицу и расшибся насмерть».

Кроме всего прочего, настоящая выписка из энциклопедического словаря замечательна тем, что наглядно демонстрирует неспособность любого, самого подробного и точного послужного списка передать нашу человеческую суть. И Бертье, реальный, теплый, живой, вовсе не походил на того Бертье, что предстает перед нами со страниц энциклопедии.

* * *

Наполеон, человек крайне самоуверенный и не всегда сдержанный на язык, говорил о Бертье, что «сделал из курицы орла». Наполеон, конечно, туг, мягко говоря, забывался:

куру можно назначить орлом, но сделать нельзя. Ничего не сделал он и из Бертье. Но то, что Наполеон нашел в Бертье идеального исполнителя своей воли — это точно.

Странные, на первый взгляд, отношения сложились между этими двумя столь разными людьми. Бертье был одним из немногих приближенных, которых император в приступах раздражения не стеснялся поколачивать. Что никак не отражалось на начальнике штаба, ни физически, ни морально, так как его сильная, гибкая 2-я Физика и слабая, гибкая 4-я Воля были равно мало чувствительны к побоям и унижениям. Вместе с тем, рукоприкладная практика никак не влияла и на особое доверие, каким облекая Наполеон Бертье; император постоянно советовался с ним и, кажется, признавал его интеллектуальное превосходство, что понятно, если вспомнить о 3-й Логике императора. Действительно, крепкая голова 1-й Логике Бертье очень помогала Наполеону, и она же заставила начальника штаба одним из первых покинуть проигравшего хозяина.

«К чему он стремился? Этого никто не знал. Он обладал поразительной работоспособностью, почти неправдоподобной профессиональной штабной памятью и особым талантом превращать общие директивы командующего в точные параграфы приказа. На первые и самостоятельные роли он не годился, но никто не мог его с равным успехом заменить на посту начальника штаба», — писал историк, отмечая невольно главные параметры типа «бертье»: мощную и ясную 1-ю Логик, не знающую устали 2-ю Физик и 4-ю Волю без инициативы. Фактически именно этого и требовал от своих сотрудников Наполеон, когда говорил: " Я сам свой министр. Я сам веду свои дела, а следовательно, я достаточно силен, чтобы извлекать пользу из посредственных людей. Честность, отсутствие болтливости и работоспособность — вот все, чего я требую». И надо ли объяснять, насколько полно отвечал Бертье такого рода требованиям?

* * *

Прекрасная пара Александру Бертье — другой «бертье» (не к ночи будет упомянут) — Вячеслав Михайлович Молотов, ближайший сталинский помощник. Бертье с Молотовым сделали фантастическую карьеру, сами о том не мечтая и не желая. И Бертье, как Молотов, мог на вопрос: как очутился он там, где очутился, ответить: «Ветром занесло... Ветром понесло, понесло, так и несет...» Действительно, она — такая, эта 4-я Воля, ее ветром носит...

Скорый на грубости Ленин называл Молотова «каменной жопой». Но ни он, ни его приемники так и не смогли инкриминировать этому идеальному бюрократу, хоть что-нибудь, кроме чудовищной работоспособности. За последние годы сложилась обширная литература, откровенно рассказывающая о верхушке советского режима; много места в ней уделено и фигуре Молотова. Поэтому сейчас есть возможность составить из мемуарных цитат почти исчерпывающий психологический портрет Молотова в частности, и «бертье» вообще.

Современники вспоминали: «Я много работал с Молотовым. Это очень добросовестный, не блестящий, но чрезвычайно работоспособный бюрократ. Он очень спокоен, выдержан. Ко мне он всегда был крайне доброжелателен и любезен и в личных отношениях со мной очень мил. Да и со всеми, кто к нему приближался. Он корректен, человек вполне приемлемый, никакой грубости, никакой заносчивости, никакой кровожадности, никакого стремления кого-либо унижить или раздавить...»

Неужели из этого человека все можно сделать? Дайте его в руки Сталина, возвысьте его в системе, где человек человеку волк, и он равнодушно будет смотреть, как гибнут в жестоких страданиях миллионы людей. Поставьте его рядовым чиновником в хорошей человеческой системе общества, и он ночами будет работать, изыскивая средства помощи пострадавшим от недорода крестьянам деревни Нееловки ...»

«По характеру он сухой и угрюмый человек. Даже в такой обстановке, как просмотр какой-либо кинокомедии со Сталиным и гостями, он был официален, редко улыбался и не допускал никаких «вольностей».»

«Я не видел такого нехорошего, подлого подлизывания только со стороны Молотова. Молотов на меня производил в те времена *впечатление человека независимого, самостоятельно рассуждающего*. Он имел свое суждение по тому или другому вопросу, высказывался и высказывал Сталину, что он думает. Было видно, что Сталину это не нравится, а Молотов все-таки настаивал.»

«Меня поразило, что у такого жесткого политика столь вялое рукопожатие слабохарактерного человека.»

«Его подобная пушечному ядру голова, черные усы и смысленные глаза, его каменное лицо, ловкость речи и невозмутимая манера себя держать были подходящим выражением его качеств и ловкости...»

Его улыбка сибирской зимы, его тщательно взвешенные и часто разумные слова, его приветливая манера себя держать делали его совершенным орудием советской политики в дышащем смертью мире.

Только раз я видел как будто у него нормальную человеческую реакцию... Мы подписали англо-советский договор, и ему предстоял опасный полет домой. У садовой калитки на Даунинг-стрит, которой мы пользовались для сохранения секрета, я крепко взял его за руку, и мы посмотрели друг другу в лицо. Внезапно он показался глубоко взволнованным. За маской показался человек».

К сказанному выше остается добавить, что этот человек «с улыбкой сибирской зимы» любил в короткие минуты отдохновения поиграть на скрипочке, что в казарменной большевистской среде было явлением уникальным, почти невероятным и вызывало у грубиянов из сталинского Политбюро постоянные насмешки.

Внешность «бертье» обычно непримечательна: коротенькая, плотная фигура, лицо круглое, почти без мимики, и в жесте не чувствуется размаха, локти плотно прижаты к бокам. Одет аккуратно, чисто, но неярко, стрижка короткая, без ухищрений. Обращает на себя внимание лишь опрокинутый в себя взгляд без блеска, в котором странно сочетаются ум, добродушие и кротость. Лексика подчеркнута деликатна и суха. Заметен большой интерес к быту, хозяйству, неустанность в работе. В принципе, «бертье» — Акакий Акакиевич из гоголевской «Шинели»: покладистый, мягкий, добрый, вдумчивый, работающий, любящий на досуге спеть что-нибудь задушевное негромким монотонным голоском и поиграть с домашними животными. Все. Лишь чрезвычайные обстоятельства могут сделать из него князя Невшательского или министра иностранных дел СССР.

ВЛАДИМИР ЛЕНИН

- 1) ВОЛЯ («царь»)
- 2) ЛОГИКА («ритор»)
- 3) ФИЗИКА («недотрога»)
- 4) ЭМОЦИЯ («зевака»)

Порядок первых двух ленинских функций, их соотношение, взаимодействие и формы внешнего проявления исчерпывающе характеризует специально собранный для этого случая цитатник, помещаемый ниже. Его особенностью можно считать то, что авторы мемуаров, друзья и враги Ленина, оказались удивительно единодушны при описании его личности, и лишь по интонации можно догадаться: кто есть ему кто.

«...он был диктатором в лучшем смысле этого слова».

«**Воля Ленина превосходила его интеллект, и последний всегда выступал как слуга первой...** Многие критики обвиняли Ленина в сильной жажде власти и почестей.

На самом деле он просто органически был создан для управления и буквально не мог удержаться от того, чтобы не навязывать свою волю другим, не потому, что жаждал этого, а потому, что это было столь же естественно для него, как для крупного тела естественно влиять на планеты. Что касается почестей, то их он не любил...

Ленин по-своему любил тех, кого ценил как полезных помощников. Он легко прощал им ошибки, даже неверность... Злобность и мстительность были ему чужды. Даже враги воспринимались им скорее как какие-то абстрактные факты. Вероятно, они не могли возбудить в нем чисто человеческий интерес, будучи просто математически определенными точками для приложения деструктивных сил. Чисто пассивная оппозиция его партии в критический момент являлась для него достаточным основанием для того, чтобы расстреливать сотни людей без тени колебаний. И при всем этом он любил, искренне веселаясь, играть с детьми, собаками, котятками.»

«Никто, как он, не умел так заражать своими планами, так импонировать своей волей, так покорять своей личности, как этот, на первый взгляд, такой невзрачный и грубоватый человек, по-видимому, не имеющий никаких данных, чтобы быть обаятельным».

«В его внешнем облике не было ничего от сверхчеловека... И все же в этих стальных глазах было что-то, что привлекало мое внимание. В его вопрошающем, полупрезрительном, полуулыбчивом взгляде читалась безграничная уверенность в себе и своем превосходстве.

Позднее я с очень большим уважением стал относиться к его интеллекту, но в ту минуту меня больше поразила огромная сила его воли, его непреклонность и бесстрастность. Он являл собой полную противоположность Троцкому, который также присутствовал при нашей встрече и был на удивление молчалив. Троцкий был весь темперамент, он был индивидуалистом и артистом, на тщеславии которого даже я мог играть не без некоторого успеха. В бесстрастии же Ленина было что-то нечеловеческое. На его тщеславие нельзя было подействовать никакой лестью».

«Я вообще не любил этого человека. Во-первых, он был ужасно сварлив. Во-вторых, он никого не слушал и никому не давал говорить».

«...Ленин всегда чувствовал свою аудиторию. Он никогда не поднимался слишком высоко над ее уровнем, однако и опускался до него лишь в те моменты, когда это было необходимо для того, чтобы не нарушить непрерывности гипнотического состояния, контролирующего волю его паствы. Более чем кто-либо он осознал, что толпа требует, чтобы ее погоняли и пришпоривали, она хочет чувствовать твердую руку хозяина. Когда было надо, он говорил как правитель, осуждая и подстегивая свою аудиторию. «Он не оратор — он больше чем оратор,» — заметил кто-то, и это замечание вполне уместно.»

«Но вот он почувствовал, что аудитория не попевает за ним, что связь со слушателем разомкнулась. Тогда он сразу берет себя в руки, опускается одним прыжком вниз и начинает свое восхождение заново, но уже более спокойным и соразмерным шагом. Самый голос его становится иным, освобождается от излишней напряженности, получает обволакивающую убедительность...И когда оратор вторично добирается до вывода, приведя на этот раз к нему слушателей, не растеряв в пути никого, в зале физически ощущается та благодарная радость, в которую разрешается удовлетворенное напряжение коллективной мысли.»

«Спорил он исключительно неприятно — высокомерно и презрительно, усыпая свою гладко льющуюся речь язвительными и часто грубыми выходками по отношению к противнику. При этом внешне он казался совершенно спокойным, но его маленькие монгольские глазки становились острыми и злыми ...Ленин не принадлежал к числу людей, поражающих силой и оригинальностью мысли.»

По поводу ораторских способностей сочетания 1-ой Воли со 2-ой Логикой к сказанному могу добавить, что при всей видимости апелляции к разуму слушателя, не со-

держание составляет сильнейшую сторону речей, а форма. Речь «ленина» может быть двусмысленна, бессодержательна, пуста и все-таки завораживающа, благодаря его исключительной, некритичной самоуверенности, веры в себя, могучей воле, наполнявшей невидимо каждое его слово. Пример Горбачева (очевидно — «ленина»), своими пустыми речами часами державшего в напряжении многотысячную аудиторию, — достаточно выразителен, чтобы представить себе магию «ленинского» слова. Мощь горбачевского словоблудия доходила до комизма и порождала анекдоты. Например такой: Горбачев попросил известного гипнотизера-психотерапевта Кашперовского прийти на его выступление и в случае речевого недержания гипнотическим воздействием остановить его. Результат оказался обратен ожидаемому: Кашперовский сам впал в гипнотический транс.

* * *

Всякая Третья функция двусмысленна. Но 3-я Физика Ленина, сочетавшая беспримерную жестокость с материнской заботой о нуждах окружающих, демонстрировала такое беспримерное раздвоение, что также провоцировала сочинительство и порождала, отдающие цинизмом, но точные анекдоты. Вот один из них:

—Владимир Ильич, участники кронштадского мятежа арестованы, что с ними делать?»

—Расстрелять! Перед расстрелом напоить чаем. И непременно горячим!»

Это — анекдот. А существуют еще сходного рода легенды, иногда выдаваемые за факт. Например, легенду о том, что Ленин сам тайно переправил за границу своего давнего друга-врага, Мартова. И будто бы на вопрос, зачем он это сделал, вождь будто бы ответил: «Потому что меня окружают люди, которые гораздо более последовательные ленинцы, чем сам Ленин.» Этой фразе невольно веришь. Ленин должен был по 3-й Физике быть самым жалостливым из большевистской верхушки. И его действительно окружали люди с результативными и значит более жестокими Физиками: с 1-й Физикой (Троцкий, Сталин, Зиновьев) и 4-й Физикой (Свердлов, Дзержинский, Пятаков), — которые, конечно, Мартова живым из рук не выпустили бы.

Кроме анекдотов и легенд существуют и бесспорные исторические факты, свидетельствующие о поразительной раздвоенности ленинской Физики. Так, известный портретист Юрий Анненков рассказывал, что когда к его отцу, бывшему революционеру и знатоку страхового дела, пришло предложение стать комиссаром социального страхования, он отказался и на следующий день обнаружил, что разорен: его счет в банке был конфискован. Старик умер от голода в 20-ом году, и когда эта весть дошла до Ленина, он назначил вдове приличную пожизненную пенсию. Так вот.

Собственно, 3-я Физика и привела Ленина в стан марксизма, именно типичное для нее искреннее, бессознательное сострадание ко всем людям физического труда заставило ее избрать данную идеологию. Массовые расстрелы рабочих после прихода вождя коммунистов к власти — производное не Физики его, но Воли. К Ленину в еще большей степени, чем к Наполеону подходят слова Гёте, что «Наполеон **пустился на поиски добродетели, но поскольку найти ее не удалось, взял власть**». От 3-й Физики Ленина происходит и уравнилельно распределительная система, введенная им во времена военного коммунизма: похвальное желание поддержать слабосильных его ущербная 3-я Физика довела до абсурда.

Современники редко поминали, говоря о Ленине, про его отношение к физическому, материальному пласту жизни, разве что отмечали простоту и незамысловатость бытовых запросов. И это понятно. Именно свою 3-ю Физику старательней чем что-либо прятал от посторонних глаз вождь мирового пролетариата, и именно она, как ни странно, сыграла решающую роль в его судьбе. Дело в том, что если Гёте можно назвать эталоном

гармоничной личности, то эталоном дисгармоничной личности, безусловно, следует называть Ленина.

Судьба из безразмерных своих закромов по линии Физики не дала Ленину ничего. Более чем невзрачной наружности, малорослый, рано облысевший, с серой кожей и маленькими монгольскими глазами, в 40 лет он уже выглядел стариком. Всю свою жизнь до октября 1917 года Ленин прожил на положении содержанки: семи, партийных спонсоров и робин гудов. Особенно, уверен, ленинскую 3-ю Физику травмировало то, что *за всю жизнь им не было заработано ни копейки физическим трудом*, т.е. в случае краха своей власти на государственном ли, на партийном ли уровне, для поддержания нормальной жизнедеятельности каких-либо внутренних ресурсов не было.

С женщинами также было мало радости. Они не дали Ленину того, что являлось бы единственным безукоризненным доказательством его мужественности, его физической полноценности — детей. Да и числом женщин Ленин похвастаться не мог, достоверно известно о трех: Крупской, Арманд и той, неназванной по имени секретарше, которую Сталин в порыве гнева грозился сделать вдовой вождя вместо строптивой Крупской.

Люди, знавшие Ленина, знавшие о его «зацикленности» на политике, вообще с большой долей иронии говорили о сексе вождя. Один из них писал: «Ленин был глубоко увлечен, скажем, — влюблен в Инессу Арманд — его компаньонку по большевистской партии. Влюблен, разумеется, по-своему, т.е. вероятно, поцелуй между разговором о предательстве меньшевиков и резолюцией, клеймящей капиталистических акул и империализма». На самом деле секс Ленина был не таков, и любовник он был страстный. Другое дело, что, как всякий обладатель 1-й Воли и 3-й Физики, он боялся той власти, которую получала лежащая рядом женщина, страшился женской наготы и красоты. Соратник по ссылке рассказывал, что вместе с ними была послана одна очень красивая женщина, и, глядя на нее, Ленин роптал: *«Она страшная женщина. Она меня волнует. Страшная женщина»*.

Вместе с тем, думается, что гиперсексуальность Ленина не производила на женщин очень уж сильного впечатления. Вывожу это из того, что Октябрьская революция все-таки состоялась. Вы спросите: какая связь между сексом и революцией? А она в ленинском случае самая прямая. Если бы та же Инесса Арманд, разомлев от ленинских ласк, проворковала бы минуту любовной истомы: «Котик, ты — вообще человек неординарный, но в ЭТОМ тебе нет равных!» — то, вполне возможно, что революция не случилась бы. Ленин бы кинулся с удвоенной энергией отрабатывать магическую для его психики лестную характеристику исключительного любовника, бросив, хоть на время, постыльную позу борца с капитализмом. Однако Октябрь грянул, и это событие — лучшее доказательство неудовлетворенности ленинского полового чувства и невеликих его способностей по женской части.

Даже мысленно, заочно и на мгновение оказавшись в ленинской шкуре, чувствуешь весь ужас и уродство его положения. Человек, родившийся с 3-й Физикой, «недотрогой», т.е. судьбой обреченный на ранимость и уязвимость физического начала, в дополнение к этому бедствию, живет жизнью невзрачного, слабосильного иждивенца, бездетного и сексуально неудовлетворенного. Откуда взяться тут гармонии личности и ее производным: порядочности, благожелательности, терпимости — когда судьба взяла себе в привычку постоянно ломом ковырять больное место? Ленину просто ничего другого не оставалось, как только еще надежнее крепить единственную в жизни опору — и без того гипертрофированную природой 1-ю Волю — с маниакальным упорством домогаться власти, которая одна могла защитить раздавленную в лепешку 3-ю Физику.

* * *

Заблуждались современники Ленина, обманутые его страстью к политиканству, и относительно способности вождя к переживаниям. Один из них писал: «Я даже представить себе не могу Ленина, разговаривающим о поэзии, живописи, музыке, еще меньше о любви, о сложных духовных переживаниях человека... Интерес к человеку ему был совершенно чужд. Общаюсь с ним, я всегда чувствовал, что он интересуется мной лишь постольку, поскольку видит во мне...единомышленника, которого можно использовать для революционной борьбы...Холодность Ленина к людям бросалась в глаза.»

Подобного рода высказывания по меньшей мере не точны. Ленин плакал на представлении «Дамы с камелиями» (а к психологии проституток 3-я Физика питает особо жадный интерес), с восторгом слушал Бетховена и лишь выражал сожаление, что вопреки потребности бесконечного наслаждения «нечеловеческой» музыкой венского композитора, ему приходится заниматься рубкой голов. Да и по отношению к людям Ленин не всегда был таким циником и паразитом, каким его описывают товарищи по партии. С залитым слезами лицом, шатаясь от горя, шел вождь за гробом Инессы Арманд, и в данном случае переживания его явно превосходили вклад покойной в партийное строительство. Так что, даже «ленинское» сердце не камень.

* * *

Как психологический тип «ленин» довольно редок. Редок он даже в политической среде, хотя политика у «ленина» в крови. В этой связи на память, кроме Горбачева, не приходит никто. Однако очевидное отличие личностей Ленина и Горбачева, дает повод сказать несколько слов о разнице в судьбе людей при психотипическом тождестве.

В том, что Горбачев — «ленин», сомневаться не приходится. Но отличия начинаются уже с **масштабов** личности Ленина и Горбачева. Второй, «ленин» — карлик, несопоставимый по своим параметрам с великим первообразом: невоспитанный, малокультурный и просто неумный. Глупый «ленин», как альбинос, редок, но случается, и Горбачев — из числа таких альбиносов. Вместе с тем, судьба к Горбачеву была более благосклонна, нежели к Ленину. Горбачев успел попробовать себя в качестве работника физического труда, знал радости отцовства, его путь наверх ничем фатально непреодолимым не загрождался, был ясен и прост с самого начала, чего совсем нельзя сказать о Ленине.

Видимо, все эти обстоятельства и определили сравнительную с Лениным мягкость Горбачева в критические для власти минуты. Как всякий «недотрога», с неприязнью и брезгливостью относящийся к насилию, Горби, устраивая кровавые побоища в Прибалтике и на Кавказе, при виде первой крови убирал руки и делал вид, будто он ни при чем. Такое двурушничество в капитальном для власти вопросе о насилии, расхолаживало свиту Горбачева, позволяя ей считать, не без некоторых оснований, президента СССР слабым политиком. А когда головы свиты начинают посещать подобного рода мысли, гибель лидера, биологическая или только политическая, становится вопросом времени. Что и случилось в августе 1991 года. Последующие потуги вернуть себе хотя бы часть бывшего влияния стали плясками политического трупа. Но это уже другая история.

* * *

Говоря о «ленине», как о типе в его чисто внешнем выражении, можно сказать, что это обычно: худощавый, не сказать некрасивый, но явно не сексапильный человек с бледным овальным лицом. Взгляд упорный, внимательный, вдумчивый, не без хитрецы и иронии, но без искры. Речь и жест свободны. Аккуратность и собранность во всем: одежде, стрижке, макияже. Полная собранность в поведении и распорядке дня; единственное, что может выбить его из заведенной бытийной колеи, — это шанс на сексуальные при-

ключения. Но самая явная и безукоризненная примета «ленина» — это страшная сварливость — спор с ним дело абсолютно безнадежное.

АБУ АЛЬ-ГАЗАЛИ

- 1) ЭМОЦИЯ («романтик»)
- 2) ВОЛЯ («дворянин»)
- 3) ЛОГИКА («скептик»)
- 4) ФИЗИКА («лентяй»)

Газали — величайший богослов-мистик и философ исламского мира. Он оказал большое влияние на развитие арабо-мусульманской культуры. Согласно исламским преданиям, каждые 500 лет должен являться обновитель веры, и многие мусульмане видели в Газали именно такого обновителя. Один из его биографов писал: «Если бы после Мухамада мог быть пророк, то это был бы, конечно, Газали.»

Судя по современным Газали источникам, жизнь его не была особенно богата событиями: иранец, пишущий по-арабски, учился в Нишапуре и Багдаде, преподавал право. Когда Газали погрузился в философию, то занятия этой наукой, вызвали в его душе глубочайший кризис, впрочем, типичный для данного психотипа. По словам одного биографа, Газали, занимаясь философией, пришел к выводу «*о принципиальной несочетаемости веры как понятия иррационального и философии как продукта рационалистических построений, что вызвало у него глубокий психологический кризис* (1095). Отказавшись от поста мудариса (профессора), Газали 11 лет вел жизнь странствующего дервиша, а затем затворника».

Казалось, что за причина была уважаемому всеми профессору подаваться в затворники: неужели только потому, что иррациональность веры противоречила рациональности философии? Как ни удивительно, но это так. Более того, именно такого рода душевный кризис переживает почти всякий «газали», он заложен в его психотипе. Вспомним, какое противоречие человек внутри себя ощущает особенно остро: противоречие между Первой и Третьей функциями. У «газали», стало быть, конфликтуют 1-я Эмоция и 3-я Логика, т.е. мистика с разумом, и победа более сильного мистического, иррационального начала над здравым смыслом в этом случае заведомо предопределена, — что со всей ясностью проявилось на примере жизни Газали, ушедшего из профессорских в затворники.

Не только жизнь, но и вся философия Газали более чем удобно укладывается в его порядок функций. Антропология Газали выглядит следующим образом: структура человека совпадает со структурой вселенной (микрокосм совпадает с макрокосмом). Вселенная же состоит из трех слоев или уровней. Нижний уровень — «мир явного и осязаемого», т.е. материальный, физический слой бытия (4-я Физика). Выше находится «мир духовного», где под «духовным» следует понимать некий объем знаний, интеллекта, воли, духа (3-я Логика и 2-я Воля). Наконец, выше всего находится «мир сверхчувственного и скрытого», недоступный обычному восприятию человека, и, будучи миром божественным, он познаваем только с помощью мистического озарения (1-я Эмоция). То есть, картина внутренней структуры человека и космоса оказывается нарисованной Газали по образу и подобию своему: 1-я Эмоция, 2-я Воля, 3-я Логика, 4-я Физика.

Как философ Газали прославился в качестве автора «Самоопровержения философов» давшего начало скептицизму в его арабоязычной версии. Когда западные философы познакомились с этим трудом Газали, то посчитали его аргументацию почти исчерпывающей и дали «Самоопровержению философов» самую высокую оценку: Мунк назвал Газали первым скептиком Средневековья, Ренан утверждал, что после Газали «Юму

больше нечего сказать». И надо ли напоминать, что такой активный, последовательный скептицизм является ярчайшей приметой 3-й Логике?

Судя по упорству в исповедании скептицизма, язва по 3-й Логике у Газали была очень глубока. А значит, особой избыточностью и мощью должна была обладать его 1-я Эмоция. И верно, душевные религиозные переживания Газали достигали такого градуса, что он почти телесно начинал ощущать сердцевину своих экстазов. Он, говоря о своем мистическом опыте, сообщал: « Это так своеобразно, будто в действительности ошупываешь какой-нибудь предмет». Нет, не даром Газали приписывают «эмоционализацию» ислама, прежде достаточно умеренного по этой части. До Газали многие пренебрегали молитвами и обрядами, он увеличил число молитв и потребовал неукоснительного соблюдения обрядов, так как они — орудия экстаза, сердечно-мистического постижения Божества.

Газали — аскет, но аскетизм его, как это бывает обычно при 4-й Физике, совершенно не агрессивен. Философ просто безразличен к материальному пласту бытия, его не раздражает излишество в этой сфере и не радует затягивание поясов. Газали пишет: «...ты не должен думать, что ненависть к миру является самоцелью... отречение от этого мира имеет целью не желать ни существования его, ни небытия. Это вершина совершенства...

Совершенство в отношении имущества состоит в том, чтобы для тебя были равны деньги, имущество и вода. Обилие воды около тебя, когда ты стоишь, например, на берегу моря, не вредит тебе, как не вредит тебе и ограниченность ее необходимой мерой».

Знакомые черты «газали» видим мы в характерах и поведении людей, никак к философии не причастных. Более того, как всякий обладатель 1-й Эмоции, «газали» не к философствованию более склонен, а к художественной деятельности. Род «газали» — род художников, поэтов, музыкантов и т.п. Ярким представителем занятых в художественной сфере «газали» можно считать поэта Александра Блока, и на примере истории его жизни удобнее всего показать те специфические черты данного психотипа, которые укрылись от глаз биографов Газали.

Но прежде, чем рассматривать жизнь Блока под известным нам углом зрения, приведу одно высказывание поэта идеально формулирующее знакомый нам, типичный для «газали», конфликт между 1-й Эмоцией и 3-й Логикой. Пospорив однажды с Горьким, почитательно относившемся к проявлению сильного интеллекта, Блок горячо воскликнул: *«Если бы мы могли совершенно перестать думать, хоть на десять лет. Погасить этот обманчивый, болотный огонек (ум — А.А.), влекущий нас все глубже в ночь мира и прислушаться к мировой гармонии сердцем»*. Как бы порадовался Газали, услышь он во гробе эту фразу русского поэта, столь емко и выразительно сформулировавшего его заветную мечту.

* * *

Однако от узнаваемых черт перейдем, на примере жизни Блока, к неизвестным нам пока особенностям характера «газали», беря его в чисто бытовом приземленном аспекте. Замечательным, хотя и не очень радостным для окружающих свойством этого психотипа является то, что он — невольный, говоря по-жаргонному, «динамист», т.е. человек, провоцирующий сексуальное возбуждение, сам при этом ничего такого не испытывающий. В случае с «газали» следует подчеркнуть, что он — динамист именно невольный, так как в сознательной сексуальной провокации ни 4-я Физика, ни 3-я Логика, ни 2-я Воля по сути своей участвовать не могут.

Увлекает и соблазняет в «газали» окружающих легкое дыхание 2-й Воли, ее простота, доступность, природное благородство. Утонченная, рафинированная красота, обычно сопутствующая 4-й Физике, так же мало кого оставляет равнодушным. Однако решающую роль невольного возбудителя у «газали» играет избыточная 1-я Эмоция, ко-

торой самой природой положено (как уже говорилось) быть чрезвычайно эффективным эротическим стартером. Беда для всякого влюбившегося в «газали» как раз и заключается в том, что его привлекло: эмоциональные перехлесты этого типа отнюдь не свидетельствуют об избыточной сексуальности, а 4-й Физике присущи не только утонченная красота, но и ослабленное либидо, ставящее секс в иерархии ценностей данного типа на последнее место. Типичная для сексуальных отношений «газали» фраза: «Я вообще не понимаю, зачем **это** надо».

История отношений между Александром Блоком и женщинами — хорошая иллюстрация к тезису о невольном динамизме «газали». Первой и главной жертвой заблуждения на счет эротических способностей Блока стала его жена — Любовь Менделеева. Будучи еще невестой, она писала Блоку: «Вы навоображали про меня всяких хороших вещей и за этой фантастической фикцией, которая жила только в Вашем воображении, Вы меня, живого человека с живой душой, и не заметили, проглядели.» Однако, обольстительное самовнушение возобладало у Любви Дмитриевны над женской интуицией, и они повенчались. Сразу после венца Блок уехал за границу, оставив молодую жену, надо полагать, в крайнем недоумении. Первое время жене еще удавалось вызвать у Блока что-то похожее на проявление чувственности, но, по ее собственным словам, скоро «и это немногое прекратилось». С этого момента она, опять-таки по ее собственному выражению, стала не женой, не вдовой, не невестой и пробыла в таком странном состоянии до самой смерти поэта. Другим женщинам везло с Блоком не больше жены. По Петербургу даже ходила легенда, что две лучшие местные распутницы делали попытки соблазнить поэта, итог каждый раз оказывался для них неутешителен: проболтав с дамой всю ночь на всякого рода философско-литературные темы, он поднимался с дивана и со словами «Мадам, утро! Извозчик ждет!» выпроваживал искусительницу восвояси.

Литературоведение пыталось объяснить нестандартность поведения Блока изломанностью русской сексуальной идеологии начала века: с ее проповедью аскезы в миру, «белым браком», «пажами», замещавшими «рыцарей» при исполнении низменных супружеских обязанностей, и тому подобным бредом, действительно популярным тогда у нравственно, душевно и физически испорченной русской интеллигенции. Однако в случае с Блоком дело обстояло иначе. Натура всегда сильнее идеологии, и только совпадение их может создать некую иллюзию идеологической зависимости, но именно иллюзию — не более. Натура, сам «газальевский» порядок функций Блока предполагал большую фантазийность, затейливость, жесткость и черствость в любовных отношениях. И то, что он спокойно смотрел на корчившуюся рядом жену, бестрепетно взирал на стоящую петербургской зимней ночью под окнами бывшую возлюбленную, говорит не о некой идеологической зависимости, а о том, что главные любовные функции его: Эмоция и Физика — были **результативны**, т.е. существовали исключительно для себя и никакого сопереживания по этим пластам от него ждать не приходилось.

* * *

Еще одна типичная для «газали» черта характера: светлая печаль, сопутствующая ему с юности до гроба, апокалиптические ожидания, чувство конца, исчерпанности жизни. Прежде уже говорилось, что у 4-й Физики вообще ослаблено витальное начало, отсюда — и хроническая печаль. Но, обратив внимание, у «газали» печаль эта светлая и делает ее светлой сильный легкий дух 2-й Воли, заряженный на покойное, добродушное восприятие мира. Однако даже 2-я Воля «газали» не в состоянии отменить присущую 4-й Физике тайную жажду катастроф, и сам Блок признавался в письме к Андрею Белому «**Люблю гибель**».

Эта фраза многое объясняет. Блок, по его собственным словам, «безрадостный и темный инок», конечно же, не мог не приветствовать все, что делало окружающий мир

сродным с его внутренним трагедийным миром, все что вело к концу эту «недотыкомку» (как называл Блок жинью). Поэтому в 4-й Физике, а не в неких приступах подлости у эталонного в своей порядочности поэта — тайна личности Блока, тайна его шокирующих проявлений радости при виде народных бедствий, катастроф, войн и революций.

Вместе с тем, не всякий «газали» и с собой и с окружающими столь откровенен в жадном ожидании катастроф (личных, общественных, космических). Любовь к гибели у этого типа прямо пропорциональна *реальному благополучию его жизни*. У Блока есть неудачная драма «Песнь судьбы», в которой герой делает такие характерные, буддистские по духу признания: «Господи. Так не могу больше. Мне слишком хорошо в моем тихом белом доме. Дай силу проститься с ним и увидеть жизнь на свете... Да разве можно теперь живому человеку мирно жить, Елена? Живого человека так и ломает всего: по-смотрит кругом себя, — одни человеческие слезы... посмотрит вдаль, — так и тянет его в эту даль...

*Не надо очага и тишины -
Мне нужен мир с поющим песни ветром!»*

Чем покойней, сытней жизнь «газали», тем сильнее в нем тяга к обвалу, гибели, апокалипсису. И наоборот. Чем хуже жизнь, тем сильнее он давит в себе природный и никогда до конца не преодолеваемый трагический дух.

* * *

Лучше всего чувствует себя «газали» в религиозной сфере, особенно на ранних стадиях организационного оформления религии, пока церковная дисциплина еще не успела вытравить дорогой для этого психотипа вольный, свободолобивый дух. Эмоциональность «газали», искреннее равнодушие к запросам плоти, неизбывная печаль и апокалиптические ожидания — идеально ложатся в прокрустово для других ложе самых жестких религиозных доктрин. Поэтому неудивительно, что значительную и наиболее симпатичную часть разного рода пантеонов составляют святые-«газали». Достаточно вспомнить индийца Кришнамурти или иранца Лукмана, о котором в его житие очень выразительно сказано: « Он молил Аллаха лишить его рассудка, чтобы без помех предаться обожанию Бога». Однако если мы хотим представить себе каких масштабов может достигать религиозная деятельность «газали», то лучше всего обратиться к фигуре замечательнейшего представителя данной людской разновидности — принцу Гаутаме Шакьямуни, основателю буддизма и первому из Будд.

Начало жизни Будды, по обычным меркам, было завидным, он принадлежал к богатому и славному роду, рано и счастливо женился, познал радость отцовства, но конвульсии внешнего мира прорвались в тепличную жизнь царевича и разрушили ее. Вид больного старика, трупа и странствующего монаха так поразил Гаутаму, что он бросил все: царство, жену, сына — и удалился в обитель отшельников. Изуверская аскетическая практика новых товарищей, сначала с энтузиазмом воспринятая царевичем, скоро разочаровала его. Гаутама ушел из общины аскетов и на пути в Бенарес на него снизошло откровение, он стал Буддой (букв. «просветленным»). С этого момента Будда целиком посвятил себя проповеди своего, нового для Индии учения и, достигнув на этом поприще выдающегося успеха, скончался в Паве, отравившись несвежим свиным мясом. Такова внешняя канва истории жизни Будды. Однако была и внутренняя, скрытая сторона его личности, которая собственно и определила судьбу Будды — его принадлежность к роду «газали»- психологической зависимости от определенного порядка функций.

Во-первых, благополучие жизни для «газали», как уже говорилось, не отрада, а тот провокатор, который заставляет только острее ощущать трагизм бытия. В душе тепличных царевичей-«газали» (Блока иногда называли «царевичем») фраза «Люблю гибель!» звучит громче, чем в любой другой душе. Поэтому скачек Будды из предельного благо-

получия жизни в крайнее неблагополучие — нормальная для «газали» реакция. Вместе с тем, изуверство над физическим пластом жизни, тем, что и так в глазах Будды недорого стоило (4-я Физика), не могло не показаться для Будды мелковатым аспектом духовной жизни, и он покинул общину аскетов, чтобы провозгласить главную цель жизни — смерть-нирвану, освобождение от жизни-страдания, «недотыкомки». И уже по этим капитальным позициям в Будде без труда угадывается «газали». Нам остается лишь пройти по всему его порядку функций, чтобы убедиться в этом окончательно.

Судя по «Дхаммападе», древнейшем, единственном приписываемом непосредственно Будде памятнике буддийской литературы, наличие у основателя буддизма 1-й Эмоции можно считать вполне очевидным: «Дхаммапада» так поэтична, так насыщена образами, доля высокой метафоры в ней так значительна, что не оставляет на сей счет сомнений.

Приметы 2-й Воли Будды так же лежат на поверхности. В первую очередь на нее указывает стихийный демократизм Просветленного. Будда — едва ли не первый из индийских реформаторов покусился на святая святых местного образа жизни — кастовость и начал принимать без разбора в свою общину всех желающих независимо от касты.

Первые две функции Будды в точности совпали с первыми двумя функциями другого основателя мировой религии — Христа. И это обстоятельство позволило специалистам не без успеха проводить параллели между буддизмом и христианством, между жизнеописанием Христа и Будды, тем более, что поразительные совпадения меж ними лежали буквально на поверхности. Однако были и принципиальные отличия, обусловленные отличием положений у этих вероучителей двух нижних функций.

Проблема роли рационального начала в жизни человека так мало волновала Христа, что он просто исключил слово «разум» из своего словаря. Иначе подходил к данному вопросу Будда и, хотя следов специальной критики интеллекта со стороны Просветленного не обнаружено, историки буддизма отмечали его изначальную направленность «против абстрактно-догматических исканий», т.е. обусловленный 3-й Логикой скептицизм.

Особенно заметно отличие христианства и буддизма, когда речь заходит об отношении к физическому пласту жизни и его мировоззренческим производным. Христос, с его 3-й Физикой, был аскетом идейным и последовательным («плоть не пользует ни мало»), Будда — напротив считал аскетические самоистязания заблуждением, хотя и распушенность не приветствовал. Такое отношение к плоти и ее радостям заставляет предполагать, что буддизм должен быть мягче к человеку, оптимистичнее, светлее христианства. Но как же бывает разочарован человек, взявшийся сравнивать эти две религии, когда обнаруживает, что буддизм, вопреки логике, намного грустнее и безнадежнее христианства. Разгадка этого мнимого противоречия — в 4-й Физике Просветленного. К ней восходит главный тезис буддизма — «жизнь есть страдание» и индивидуальный апокалипсис, как способ решения проблемы, т.е. избавление от страданий возможно лишь через нирвану, абсолютное личное небытие.

* * *

Пытаясь для себя нарисовать усредненный черно-белый портрет «газали», невольно представляешь себе худого, рассеяно и печально глядящего, небрежно одетого, с зломаченной головой, без макияжа, с иконописными чертами лица, взволнованного, красивого, милого, открытого, честного, житейски беспомощного человека, печально шепчущего: «Люблю гибель...»

ПЛАТОН

- 1) ЛОГИКА («догматик»)
- 2) ФИЗИКА («грузеник»)
- 3) ВОЛЯ («мещанин»)
- 4) ЭМОЦИЯ («зевака»)

Объяснять читателю, кем был Платон, думаю, нет необходимости. Поэтому сразу перейдем к анализу его порядка функций, попутно высвечивая с его помощью некоторые темные места биографии знаменитого философа.

Темные места начинаются уже с истолкования самого его прозвища — Платон («Широкий»). Мнения на сей счет существовали самые разные. Однако теперь, исходя из 2-й Физики Платона, можно с уверенностью сказать, что правы были те, кто объяснял прозвище широтой конструкции тела философа. Как уже говорилось, 2-я Физика коренаста, плотна, низкоросла, коротконога, округла, широкогруда, и если среди знакомых читателя есть люди с такой внешностью, то ему не составит труда мысленно реконструировать, приблизительно конечно, облик Платона. Дополнительным аргументом в пользу версии о 2-й Физике философа может послужить и то, что, занимаясь в молодости спортом, Платон наибольших успехов добился именно в борьбе и даже, по слухам, однажды выиграл в этой дисциплине первое место на Истмийских играх. Очень может быть. 2-я Физика самой природой приспособлена к данному виду спорта, так как укороченные ноги ниже среднего опускают центр тяжести борца и тем делают их обладателя необоримым.

На 2-ю Физику Платона, кроме всего прочего, указывают гигантская трудоспособность его и непоседливость. Под «непоседливостью» философа следует понимать не столько упоминания о его многочисленных зарубежных поездках, по большей части легендарных, сколько непоседливость в буквальном смысле этого слова — он преподавал свою философию на ходу, прогуливаясь по аллеям сада основанной им Академии. Злоязыкие греческие комедиографы любили поострить на счет новой, платоновской манеры преподавания и вкладывали в уста учеников философа признания наподобие следующего:

*«Ты вовремя пришел. Уже я выдохся:
Хожу я взад-вперед, Платону следуя,
Все ноги стер, но ничего не выдумал.»*

После смерти Платона традицию непоседливого философствования продолжил его ученик — Аристотель, за что его школа получила название перипатетической («прогуливающейся»).

* * *

В 1-й Логике Платона также сомневаться не приходится. Его, доходящая до абсурда, вера в возможность рационального объяснения всего и вся — ясное тому свидетельство. В самих потугах создания универсальной, приложимой ко всякому случаю умозрительной концепции нет ничего предосудительного — это задача философии как таковой. Иное дело, что 1-я Логика Платона орудовала в этой области топорно, с очевидным насилием над житейским смыслом, опытом и без оглядки на реальную жизнь, что приводило к созданию таких утопических химер как его «Государство», по сравнению с которым ГУЛАГ выглядит санаторием. На ту же 1-ю Логику Платона ясно указывает и его космогония, в которой первое, основополагающее место занимает *постигаемый лишь умом мир чистых идей*, остальной мир — лишь убогое, испорченное его производное.

Биографы любят подчищать образ Платона заявлениями о его мнимой аполитичности на том основании, что он отказался поучаствовать в тирании 30-ти. Однако на самом

деле, Платон по натуре, по 3-й Воле был человеком в высшей степени политизированным, и чтобы убедиться в этом достаточно заглянуть в такие капитальнейшие его труды как «Государство» и «Законы». Биография философа также ясно указывает на несостоятельность тезиса о его аполитичности. Одни, отдающие авантюрой поездки в Сиракузы с целью изменить существующий там порядок вещей, чего стоят. Другое дело, что, как всякий обладатель 3-й Воли, Платон не был уверен в своем праве на власть, в своей способности подчинять себе людей, поэтому он предпочитал не формировать политику, а влиять на нее. По словам одного из биографов, Платона мало интересовали «какие-нибудь политические мероприятия, где бы они не происходили, его привлекала только возможность воздействовать на развращенного самодержца в надежде благотворно повлиять на всю сицилийскую общественность».

Разумеется, воздействовать Платон пытался на сицилийских тиранов не силой своей израненной, вечно колеблющейся 3-й Воли, а мощью сверхизбыточной, параноидальной 1-й Логики, что само по себе свидетельствует о психологической слепоте, наивности, недалекости и, как ни покажется странным, небольшом уме философа. На Сицилии он, кроме всего прочего, пытался реализовать безумный проект своего «Государства», и счастье Платона, что сиракузский тиран оказался слишком глуп (или слишком умен), философским доводам не внял и земли под уникальный политический эксперимент не дал.

Современники описывают Платона как человека застенчивого, крайне сдержанного в молодости, нелюбимого и мрачного в старости. Такой портрет выглядит вполне правдоподобно, если учесть платоновский порядок функций, т.е. психический тип, у которого 3-я Воля сочетается с 4-й Эмоцией. Больная 3-я Воля, по слабосилию не сдерживая свободу проявления чувств, все-таки старается их особенно не демонстрировать и окрашивает эмоции в больничные, темноватые тона. Недаром один современный Платону драматург писал:

*«Ах, Платон, Платон,
Ведь только ты и знаешь, что угрюмиться
И брови гнуть, улитки наподобие».*

«Угрюмость» все-таки, кажется, слишком резким словом для обычного для типа «платона» выражением лица. Лучше бы назвать его «подчеркнуто серьезным, деловитым», что в сочетании с энергичной походкой, несущей, как пушечное ядро, короткое плотное тело, производит, глядя со стороны, иногда сильное, если не пугающее впечатление.

* * *

Тип «платона» среди людской породы встречается редко, еще реже его представители попадают в общечеловеческий или, на худой конец, местный пантеон. Удел «платона» — закулисная роль, роль советника, референта, секретаря при фигуре, пусть не более значительной по душевным свойствам, но более заметной. И такая роль «серого кардинала» — обычно его вполне устраивает (Александр Яковлев при Горбачеве).

Чтобы сделать портрет «платона» немного объемнее, добавлю, что среди литературных персонажей данный тип точнее передают Одиссей и Эркюль Пуаро. Если читатель потрудится припомнить этих литературных героев, то образ «платона» обретет дополнительные, упущенные здесь краски.

Внешность «платона» обычно невзрачна: низкая, плотная фигура. Взгляд уплывающий, раздраженный, часто опрокинутый внутрь, без блеска. Одежда добротна, аккуратна, чиста, но стандартна. Подчеркнуто искателен к тем, кто выше его на социальной леснице. Заметен большой интерес к быту, хозяйству, неустанность в работе. Жест и мимика свободны, но не сказать, чтобы выразительны, в лексике нередко проскальзывают грубые, низкие и даже матерные выражения.

ЛУКРЕЦИЯ БОРДЖА

- 1) ФИЗИКА («собственник»)
- 2) ЭМОЦИЯ («актер»)
- 3) ЛОГИКА («скептик»)
- 4) ВОЛЯ («крепостной»)

Луcretия Борджа — дочь папы Александра VI, сестра Чезаре Борджа. Она, по словам одного биографа, «была одарена всеми чарами богатой женской натуры, но слабая и бесхарактерная сделалась игрушкой неразборчивой политики и гнусных страстей своего отца и брата. Отличаясь замечательной красотой, остроумием, образованием и любовью к искусству, она могла бы считаться одной из самых блестящих женщин своего времени, если бы на нее не легла тень печальной славы ее безнравственной семьи». В приведенных строках уже фактически описан весь психотип «борджа», нам остается лишь уточнить детали.

Луcretия в планах брачных афер папы («папы» буквально и переносно) занимала особое место, разумеется, в качестве орудия. Не достигнув 13 лет она уже была дважды помолвлена, а в 13 выдана замуж за третьего претендента на ее руку. Брак оказался недолгим, что-то в планах папы переменялось, ее развели и выдали за другого. Когда Луcretии исполнилось 20 лет, криминальная парочка, отец и брат, вновь решили переиграть прежнюю брачную аферу, организовали покушение на ее мужа, и он был смертельно ранен. Луcretия сделала все для спасения супруга и облегчения его страданий, однако Чезаре, вскоре навестив раненного, велел его задушить, что и было исполнено. Овдовев, Луcretия родила мальчика, но к этому следует добавить, что к тому времени у нее уже «воспитывался трехлетний ребенок Джованни, которого она называет своим братом, а в двух буллах, хранящихся ныне в моденском архиве, Александр VI в одной признает ребенка сыном Чезаре Борджа, а в другой — своим собственным. Это двойное признание отцовства и общая молва современников выражена в двустихии Санназара:

«Здесь покоится Луcretия по имени, в действительности же Тауса, Александра — дочь, жена и невестка».

Действительно, современники рассказывали об отношениях в папской семье более чем пикантные истории: будто Луcretия председательствовала на папских оргиях, прикрыв наготу лишь куском прозрачной ткани, будто однажды на двор перед папским дворцом было пригнано стадо жеребцов и кобыл, папа с дочерью из окна смотрели на буйные лошадиные случки, а потом надолго уединились в папской опочивальне.

После третьего замужества Луcretия, «удалившись от беспутных оргий папского дворца в Риме, ведет в Ферраре более скромный образ жизни, окруженная блестящим двором художников, ученых и поэтов. В числе последних был Ариосто, который посвятил ей октаву в своем «Неистовом Орландо», где воспевает ее красоту и высокие душевные качества. Очевидно, впечатлительная, мягкая, слабая Луcretия вполне зависела от

окружающей обстановки и в характере ее было больше пассивного равнодушия к злу и добру, чем активной преступной воли.»

На примере жизни Лукреции, существа чувственного, чувствительного и податливого (1-я Физика, 2-я Эмоция, 4-я Воля), легко просматривается сфера приложения этого типа. Женщина-«борджа» — идеальная проститутка. Сочетание толстокожести 1-й Физики с беспечной 4-й Волей делает «борджа» нечувствительной к тем телесным и душевным травмам, что являются неперенными спутниками данного промысла. Наличие же 2-й Эмоции лишь усиливает ее привлекательность на путях плотского греха. «Борджа» — женщина-праздник. Обычно ленивая, неряшливая, киснущая от умных разговоров (3-я Логика), она вся преображается, когда приходит время оставив дела, предаться неге, беспечности и веселью. Здесь «борджа» в своей тарелке, и нет никого лучше, кто бы украсил праздничный стол своими развитыми, аппетитными формами, искрящимся оживленным взглядом, милыми шутками, обаятельной улыбкой, кто бы так будил плотские желания ощущением вседозволенности и возбуждал чувства мужчины, уснувшие под хлороформом повседневной суеты.

* * *

«Борджа» не только идеальная проститутка, но, в своей мужской ипостаси, и — идеальный солдат. Такая параллель на первый взгляд покажется странной, однако на самом деле ничего странного в ней нет. Присущее «борджа» сочетание толстокожести с покладистостью (1-я Физика с 4-й Волей) такое же неперенное условие удачной военной службы, как и успеха при служении Афродите. Трудно найти лучшего кандидата на ампулу идеального солдата, чем «борджа»: бесстрашный, равнодушный к крови и страданиям (1-я Физика), не склонный к обсуждению приказов (3-я Логика), а тем более к их осуждению (4-я Воля) — он в солдатчине вполне на месте. Чтобы конкретно представить себе как выглядит и действует солдат-«борджа» обратимся к фигуре Иоахима Мюрата — командующего наполеоновской кавалерией, неаполитанского короля.

И свои, и чужие узнавали Мюрата за версту. По обычной для 1-й Физики склонности к кичу, он любил обряжаться в похожий на новоготную елку, им самим придуманный, мундир и украшать свою шляпу невероятных размеров плюмажем, чем одновременно вызывал умиление и улыбку. Коленкур вспоминал: «Его злополучная страсть к пышным костюмам приводила к тому, что этот храбрейший из королей, этот король храбрецов имел вид короля с бульварных подмостков. Император находил его смешным, говорил ему это и повторял это во всеуслышание, но не сердился на эту причуду, которая нравилась солдатам...»

Хотя Мюрат познакомился с Наполеоном, будучи уже в чине бригадного генерала, есть своя сермяжная правда в словах императора: «Он обязан мне всем.» Такова уж судьба «крепостных»: быть кому-либо чем-либо обязанным. Сам Мюрат не стал бы, думаю, оспаривать сказанное, потому что после женитьбы на сестре императора приписал себя к его родне и любил величаться «Иоахимом Наполеоном», тем самым добровольно и с охотой демонстрируя свои верноподданнические чувства.

Вспоминая Мюрата, Наполеон добавлял: «Он любил, даже обожал меня. Он был моей правой рукой, но *предоставленный самому себе терял всякую энергию*. В виду неприятеля Мюрат превосходил храбростью всех на свете, в поле он был настоящим рыцарем, в кабинете хвастуном без ума и решительности. Нет на свете генерала, более способного к командованию кавалерией, чем Мюрат». На первый взгляд, похвальное слово Наполеона Мюрату выглядит более чем двусмысленно: Мюрат прекрасный командир: безмозглый и нерешительный. Однако следует учитывать специфику взглядов Наполеона (см.) на достоинства и недостатки подчиненных. По его мнению, они должны были отли-

чаться храбростью и лояльностью, остальное он брал на себя (думающий и независимый генерал только бы путался под ногами и мешал делу).

Однако император несколько заблуждался относительно умственных способностей Мюрата, он был не так глуп, как могло показаться со стороны, особенно наполеоновской. Например, Мюрат, пусть и с подачи начальника своего штаба, предвидел гибельные последствия похода на Россию, но просто не смел являться с мрачными пророчествами пред очи грозного сюзерена и шурина. Коленкур рассказывал, что Мюрат «видел трудности русской кампании и в разговорах с некоторыми лицами заранее скорбел об их последствиях». Генерал Бельяр, его начальник штаба, не строил себе иллюзий; человек благородной души, он не скрывал от короля своих мнений и тех несчастий, которые предвидела его прозорливость. Но наилучшие намерения короля рассеивались, как только он видел неприятеля или слышал пушечные выстрелы. Он не мог тогда совладать больше со своим пылом. Он мечтал обо всех тех успехах, которых способно было добиться его мужество.

Не было более услужливого человека, чем он, даже по отношению к тем, на кого он считал себя вправе жаловаться. Он любил императора, видел его недостатки, понимал, к каким они ведут последствиям, но у него в характере была склонность к лестии... эта склонность почти в такой же мере парализовала все его добрые намерения, как и то влияние, которое император издавна имел на него.»

Из слов Коленкура видно, что Мюрат зажимал себе рот из природной покладистости, т.е. в терминах психософии из-за 4-й Воли. А из характерного для «борджа» противоречия между 3-й Логикой и 1-й Физикой неумолимо следовало то, что возможность отличиться в насилии, мгновенно выдувала из головы немногие трезвые мысли, ее иногда посещавшие. Хотя справедливости ради, следует заметить, что в молчании Мюрата была и своя мудрость. Другие, в обход его пытались внести элемент реализма в представления императора о существующем и грядущем положении дел, но все их замечания он пропускал мимо ушей, не в природе Наполеона было воспринимать горькую правду. Так что, молчание Мюрата можно понять.

Будучи, казалось, абсолютно лояльным Наполеону, Мюрат после женитьбы на сестре императора и восшествия на неаполитанский трон стал вести себя как-то двусмысленно, начал, вопреки своей 4-й Воле, странно колебаться. Объяснить себе эту метаморфозу императору, знавшему Каролину Бонапарт с детства, не составляло труда. Он говорил: « *У королевы в мизинце больше энергии, чем во всем короле...* У него доброе сердце; в глубине души он любит меня больше, чем своих лаццарони. *Когда он меня видит, он мой, но вдали от меня он, как все бесхарактерные люди поддается* тому, кто ему льстит и подлаживается к нему... Его жена честолюбива и вбила ему в голову тысячу безумных затей: он хочет владеть всей Италией». Таким образом, Мюрат оказался между мощными волями шурина и жены, как между молотом и наковальней, и полностью подчинялся тому, кто находился вблизи.

Когда же вблизи не было никого из них, Мюрат просто терял голову. Так, например, случилось, когда Наполеон оставил на него обсервы Великой армии, выбиравшейся из России. Под давлением обстоятельств и напористых генералов, он быстро скис и бежал, тем довершив разгром. Но как ни сваливал потом Наполеон вину за последнюю беду на Мюрата, он сам был виноват, потому что император специально назначил, вопреки воле армии, командующим Мюрата и тем сознательно обрек остатки ее на уничтожение, лишь бы лавры спасителя не достались его пасынку, принцу Евгению.

После первого отречения Наполеона Мюрат стал кидаться во всякого рода авантюры, с удивительным постоянством заканчивающихся для него полным крахом. Так продолжалось до тех пор, пока у стены неаполитанской тюрьмы в жизни старого служака, приговоренного к расстрелу, не была поставлена последняя точка. Но как бы мы ни жалели знаменитого храбреца и рубаку, в гибели Мюрата чувствуется некая система. Все на-

полеоновские маршалы, в чьем психотипе просматривается 4-я Воля (Груши, Бертье, Ней, Мюрат), благополучием финала своей жизни похвастаться не смогли.

* * *

Среди известных политиков к «борджа» с большой долей вероятности можно отнести польского короля Сигизмунда II Августа и американского президента Уоррена Хардинга. Правление Сигизмунда поляки относят к одному из самых блестящих периодов своей истории, правление Хардинга американцы считают национальным позором, но, по мнению историков, у первого в том нет личной заслуги, а у второго — личной вины. Оба они были игрушками в руках своего окружения, и их политическое лицо грубо, но точно обрисовано отцом Хардинга, как-то сказавшего сыну: «Уоррен, если бы ты был девицей, ты вечно ходил бы на сносях. Ты просто не умеешь сказать «нет»». Вспомнив судьбу Лукреции Борджа, такую аттестацию нельзя не признать в высшей степени прозорливой.

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ

- 1) ВОЛЯ («царь»)
- 2) ФИЗИКА («труженик»)
- 3) ЛОГИКА («скептик»)
- 4) ЭМОЦИЯ («зевака»)

Бонапарт сам определил порядок своих двух первых функций, когда заявил: « На свете есть лишь две могущественные силы: **сабля и дух**. *В конечном счете дух побеждает саблю*». «Дух», в данном случае, конечно, синоним Воли, а «сабля» — метафора Физики. Поэтому, называя «дух» и «саблю» самыми могущественными силами в мире, Наполеон просто указывал на то, что у него Вверху, а отдавая из этих двух предпочтение «духу», называл свою Первую функцию, т.е. у Наполеона были 1-я Воля и 2-я Физика, о чем он, если не знал, то, судя по приведенной фразе, догадывался.

Хотя надо сказать, что и без добровольного признания императора, его 1-я Воля видна невооруженным глазом. Поразительная простота, бестрепетность и естественность, с какими он занимал командные посты, вплоть до императорского, ясно указывают на «царственное» его происхождение. Одна история как он, играя в карты, умудрялся не замечать, что некий немецкий князек успевает на лету целовать его руку, чего стоит.

Из «царственного» по природе характера Наполеона, вместе с тем не следует, что власть ничего не меняла в его поведении, проще говоря, его не портила. Заняв начальственное положение, Бонапарт разрешил себе хамить, хамить даже женщинам, чего прежде за ним не замечалось. Биограф, специально занимавшийся отношением Наполеона к женщинам, писал: « Он мог их иногда публично поставить в самое неловкое положение. Во время приемов дама со страхом ждала того момента, когда император заговорит с ней. Он делал им нелестные комплименты по поводу их туалета и выдавал перед всеми их тайны. Это была его манера исправлять нравы при дворе. Молодая девушка могла ожидать, что ее спросят, сколько у нее детей. Молодых женщин он мог спрашивать, в котором месяце счастливого ожидания они находятся, а старым дамам он говорил в глаза, что они, по всей вероятности, будут не долго собираться на тот свет. Если дама была некрасива или не в его вкусе, то он говорил ей, когда она представлялась ему: « Боже мой, мадам, мне говорили, что вы недурны собой...»

Будучи крайне самолюбивым, Бонапарт менее всего склонен был щадить самолюбие других. Единственной любимой женщине, Жозефине, он с удовольствием, в деталях описывал свои измены и в ответ на ее слезы заявлял: «*Я не такой человек, как другие, и общепринятые законы морали и благоразумности неприменимы ко мне.*» Так, если не

говорит, то думает любой обладатель 1-й Воли. Хотя в данном случае подобное поведение, похоже, являлось еще и мстью за незаживающую рану от рогов, поначалу наставленных Наполеону женам.

У хамской прямоты Наполеона была и своя оборотная, положительная сторона — способность, отсутствующая у множества других начальников и начальничков, без обид выслушивать горькую правду. Коленкур писал: « Порой даже во всем его обхождении, в тоне его голоса проявлялось настроение человека, довольного той откровенностью, с которой с ним говорят и к которой так не привыкли государи». Солдатской прямотой и честностью дышит бюллетень, выпущенный Бонапартом после бегства из России. Однако в нем отсутствует самый важный пункт — имя виновника катастрофы. Самокритичность никогда не была сильной стороной императора, и читателю трудно представить себе, на какие жалкие уловки шел этот «гений», к каким убогим софизмам прибегал лишь бы отыскать причину бед за пределами истинных, лежащих на поверхности причин: своей собственной глупости и безграничного властолюбия.

Как и все «цари», Бонапарт был бесстрашен перед возможной конкуренцией со стороны других даровитых честолюбивых людей и чувствовал это бесстрашие в себе. Он говорил: « Я не боюсь энергичных людей. Я умею пользоваться ими и руководить ими; кроме того, я ничем не нарушаю равенства, а молодежь, как и вся нация, дорожит только равенством. Пусть у вас будет талант, я вас выдвину; будут заслуги — я буду вам покровительствовать. Все знают это, и общая уверенность в этом идет мне на пользу.» В этом высказывании Наполеона много правды и много лукавства. Не боясь никого, он тем не менее безумно ревновал и к чужой славе, чужому авторитету, готов был погубить и губил тысячи людей из одного страха, что лавры триумфатора могут достаться другому. Например, во главе остатков отступающей из России Великой армии Бонапарт специально оставил бестолкового, слабохарактерного Мюрата вместо энергичного, уважаемого в армии пасынка Евгения Богарнэ. Катастрофа не заставила себя ждать. В связи с ней Коленкур замечал: «...своего рода недоверие к близким и вообще ко всем, кто приобрел личный авторитет, было всецело в духе императора и уживалось с его характером».

Власть сделала Наполеона более подозрительным и циничным, чем прежде. Надеюсь, читатель простит мне пространность цитаты из мемуаров Коленкура, но она дает почти исчерпывающую картину отношения Наполеона к людям: «В частной жизни он проявлял не больше благодушия, чем в политических делах. Все истолковывалось им против ближнего. Держась всегда, словно он на сцене в роли императора, он думал, что и другие разыгрывают с ним заученные ими роли. Поэтому **его первым чувством всегда было недоверие**, — правда, только на мгновение. Потом он менял отношение, но всегда надо было быть готовым к тому, что его первое представление о вас будет мало приятным, а может быть, даже и оскорбительным для вас. Всегда подозревая, что под вашими замечаниями или предложениями скрывается какой-нибудь личный или тайный интерес, независимо от того, друг вы или враг, он путал сначала друзей с врагами. Я часто испытывал это и могу говорить об этом с полным знанием дела. Император думал и по всякому поводу говорил, что честолюбие и интерес — движущие мотивы всех поступков. Он редко поэтому допускал, чтобы хороший поступок был совершен из чувства долга или из щепетильности. Он, однако, замечал людей, которыми, по-видимому, руководили щепетильность или сознание своего долга. В глубине души он учитывал это, но не показывал этого. Он часто заставлял меня усомниться в том, что государи верят в возможность иметь близких людей». Автор этих строк, Коленкур, познакомился с Наполеоном, когда тот уже был императором, но недоверчивость, отчуждение — общие, не зависящие от общественного положения свойства 1-й Воли.

Но пойдем дальше вслед Наполеону. Для 2-й Физики насилие — нормальный, частый и естественный способ защиты и утверждения своего «Я». Не исключение здесь Наполеон, который, вспоминая свое детство, рассказывал: «Ничто мне не импонировало, я

был склонен к ссорам и дракам, я никого не боялся. Одного я бил, другого царапал, и все меня боялись». Свою любовь к драке он унес из малолетства во взрослую жизнь и культивировал ее в себе, начиная с избрания военной карьеры до Ватерлоо.

Однако из этого не следует, что исключительно в эффективном насилии воплощалась наполеоновская 2-я Физика. Бонапарт был заботливым и нежным сыном, братом, мужем, отцом. Мысль о благосостоянии подвластных ему народов так же не покидала его. Император говорил: «...меня трогают горести народов. Я хочу, чтобы они были счастливы, и французы будут счастливы. Если я проживу еще десять лет, благосостояние будет у нас всеобщим. Неужели вы думаете, что я не люблю доставлять людям радость? Мне приятно видеть довольные лица, но я вынужден подавлять в себе эту естественную склонность, так как иначе ею стали бы злоупотреблять». Этим словам Наполеона, вопреки фактам, невольно веришь: он сам был трудоголиком, высоко ценил трудолюбие в других и, не чешись у него постоянно руки повоевать, за десять мирных лет он вполне мог бы заметно улучшить условия жизни в стране. Вообще, *эпиграфом к сочетанию 1-й Воли и 2-й Физики можно взять наполеоновские слова:* «...я человек. *Что бы ни говорили иные, у меня тоже есть кое-что внутри, есть сердце, но это — сердце монарха.*»

* * *

Единственно, что может остановить «наполеона» в его победоносном и необоримом, как кажется, походе к вершинам власти — это его ахиллесова пята — 3-я Логика. И непосредственным препятствием может стать конкурент с Логикой, стоящей выше, некто, располагающий мнимым или реальным интеллектуальным превосходством. Когда маршала Жукова, еще одного видного представителя рода «наполеонов», спросили, почему он не устранил от власти Сталина, в первые дни войны впавшего в прострацию, Жуков дал чисто «скептический» ответ: «Я не считал себя умнее Сталина (с его 2-й Логикой — А.А.)».

К счастью для Наполеона, в своей карьере он не столкнулся с проблемой интеллектуальной конкуренции, поэтому его 3-я Логика и проявлялась иначе. С одной стороны, страхи ее воплотились в жесточайшей газетной цензуре. С другой стороны, хорошая зависть к чужому интеллекту заставила Наполеона брать с собой в походы ученых, заботиться о них как ни о ком другом, гордиться званием члена Национального института, как ни каким другим титулом.

По мере карьерного роста представления Наполеона о собственных умственных способностях, очевидно, сильно менялись, самоуверенность его по этой части со временем достигла такого градуса, что из некогда вечно молчавшего артиллерийского капитана, он к моменту коронования превратился в неутомимого говоруна. По словам Колленкура, Наполеону **«недостаточно было могущества власти и могущества силы. Он хотел еще обладать могуществом убеждения.»** На то, что его жажда убеждения была непрактична и представляла собой форму самоутверждения указывает то, что император часто тратил свой полемический пыл на людей маленьких, ничего не решающих, того же Колленкура, который сам удивлялся наполеоновскому азарту по этой части и писал: «Чем труднее было императору меня убедить, тем больше искусства и находчивости он прилагал для достижения этой цели. Судя по его стараниям, по блеску его аргументации и по форме его речи, *можно было подумать, что я был державой*, и он был чрезвычайно заинтересован в том, чтобы эту державу убедить».

Я часто наблюдал в нем это стремление и эту настойчивость. Я далек от того, чтобы отнести это на мой собственный счет. Он точно так же поступал со всеми, кого хотел убедить, **а он всегда хотел этого.**

Поддакивание придворных, однако, ничего не меняло в наполеоновском порядке функций, и Логика его как была 3-й, так ею и оставалась со всеми своими производными:

скепсисом, склонностью к суевериям, недолгосрочностью прогноза и превосходством необоримого «Хочу!» 1-й Воли над отрезвляющим лепетом рассудка. Ущербность логического аппарата императора не составляла для придворных тайны и просто замалчивалась ими. Коленкур, недолго пробывший вблизи Бонапарта, писал: « Когда императору приходила в голову какая-нибудь мысль, которую он считал полезной, он сам создавал себе иллюзии. Он усваивал эту мысль, лелеял ее, проникался ею; он, так сказать, впитывал ее всеми своими порами. Можно ли упрекать его в том, что он старался внушить иллюзии другим? Если он пытался искушать вас, то он сам уже поддался искушению раньше, чем вы. Ни у одного человека разум и суждение не обманывалось до такой степени, не были в такой мере доступны ошибке, не являлись в такой мере жертвой собственно воображения и собственной страсти, как разум и суждения императора...

Обладая таким гением, таким закаленным характером и такой могучей волей, делавшей его сильнее неудач, он в то же время до такой степени был склонен предаваться мечтаньям, как будто действительно нуждался в этом средстве утешения слабых душ».

* * *

4-я Эмоция Наполеона, по обыкновению всех Четвертых функций, была беспартийна, пластична и могла создавать иллюзию неплохих артистических способностей. 1-я Воля обычно использует 4-ю Эмоцию в политических целях, что и делал Наполеон, любивший говорить:» Я бываю то лисой, то львом. Весь секрет управления заключается в том, чтобы знать, когда следует быть тем или другим.» Пробовал использовать свои артистические дарования Наполеон и в своих переговорах с Александром I, в критические минуты играя перед русским царем состояние аффекта. Однако Александр был актером поталантливее Наполеона (см.»дюма»), сам тонко играл и тонко разбирался в игре других, поэтому наполеоновскому аффекту не поверил и в ответ, решительно берясь за ручку двери, гораздо лучше сыграл оскорбленную добродетель.

* * *

Тип «наполеона» можно считать довольно распространенным в мире. Благодаря 2-й Физике он хорош на любом месте. Правда, «наполеон» хорош как рабочий, но в качестве мастера он еще лучше; он хороший спортсмен, но еще удачливее в роли тренера. Одним словом, во всем, что касается лидерства (1-я Воля) в практической сфере (2-я Физика) «наполеона» превзойти трудно.

Из числа известных людей к «наполеонам» с большой долей вероятности можно отнести: Цезаря, апостола Павла, Лютера, Бисмарка, Черчилля, Франко, Тито, Ден Ся Пина, маршала Жукова, папу Иоанна Павла II, Валенсу и множество других больших и маленьких «бонапартов», для которых сфера приложения — лишь повод для реализации главной потребности, потребности в лидерстве.

Обычный «наполеон» — нерослый, плотный человек с упорным, добродушно-насмешливым взглядом. Одежда подчеркнута аккуратна, чиста, снабжена множеством застёжек и не броска. Прическа короткая, практичная. Речь эмоционально свободная, но несколько заторможенная. — плотный, приземистый человек с твердым, прямым, насмешливым взглядом. Лицо круглое. Он осанист, церемонен, невозмутим. Жест спокоен, величав, уверен, точен. Речь ровна, напориста, иронична, монотонна. Втайне питает слабость к музыке, литературе, искусствам, а, выпив, не прочь сам спеть что-нибудь негромким, маловыразительным голосом. Взгляд упорный, внимательный, вдумчивый, без блеска. Мимика и жест почти отсутствуют. Стрижка короткая и аккуратная, к окраске волос редко прибегают даже женщины «Твардовский» заботлив, домовит, рукаст, хотя не без высокомерия и иронии относится к простым житейским заботам

АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН

- 1) ЛОГИКА («догматик»)
- 2) ВОЛЯ («дворянин»)
- 3) ЭМОЦИЯ («сухарь»)
- 4) ФИЗИКА («лентяй»)

Много странного было, на первый взгляд, в характере Эйнштейна. Он, например, мог жениться на девушке только потому, что ему понравился ее голос. Милева Марич была невзрачна, хромонога, и «однажды один из сокурсников сказал Эйнштейну, намекая на ее хромоту: «Я никогда бы не отважился жениться на женщине, не вполне здоровой». Эйнштейн тихо ответил: «Почему бы и нет? У нее милый голос.»» И женился.

В этом отношении Эйнштейн напоминает Роксану из роستانовского «Сирано де Бержерака». Она, как мы помним, способность глубоко и сильно говорить о чувствах ставила много выше внешней привлекательности. И как водится в таких случаях, причина подобных предпочтений в психическом типе Роксаны и Эйнштейна. **При 3-й Эмоции и 4-й Физике чувствительность автоматически превалирует над чувственностью.**

Повышенная чувствительность 3-й Эмоции, функции ранимой, вместе с тем требует известной сдержанности в проявлении чувств и не без удовольствия одергивает их излишне бурные проявления. Однокашник Эйнштейна вспоминал: «...то была одна из тех сложных натур, которые умеют скрывать под колочей оболочкой исполненное нежности царство своей интенсивной эмоциональной жизни. Случай повелевал, чтобы этот мыслитель раскинул свой шатер в романтическом стане семейства Винтелер, где он чувствовал себя счастливым. Тогда, так же как и сейчас, он испытывал просто органическую потребность исполнять песни Шумана «Орешник». «Лотос»...всех названий мне уже не припомнить. Этой музыкой наслаждался и Гейне, его излюбленный поэт. Часто бывало, что едва отзвучит последний аккорд, а Эйнштейн своей остроумной шуткой уже возвращает нас с неба на землю, намеренно нарушая очарование.

Эйнштейн ненавидел сентиментальность и даже в окружении людей, легко приходящих в восторг, неизменно сохранял хладнокровие.»

Язва по 3-й Эмоции Эйнштейна была столь глубока, что он открыто выступал против романтизма — течения, всеми «сухарями» осуждаемого, но не всеми осуждаемого открыто. Он говорил: «По-моему, в философии, так же как в искусстве, романтика — это своего рода незаконный прием, к которому прибегают, чтобы, не слишком утруждая себя, добиться более глубокого восприятия». Более того, Эйнштейн отрицал необходимость красоты в науке, тем самым засушивая даже ту сферу человеческой деятельности, что суха по самой своей природе.

«Эйнштейн» — тип классического ученого, именно такого, каким привык представлять себе ученого обыватель: вечно погруженный в мир идей (1-я Логика), забывающий о хлебе насущном (4-я Физика), равнодушный к красоте (3-я Эмоция). «Эйнштейн» нередко выглядит карикатурой на ученого, действительность, конечно, намного сложнее, но в основных своих внешних параметрах карикатура верна.

* * *

По обыкновению 1-х Логик Эйнштейн всем ролям предпочитал роль одинокого мыслителя. Он сам писал, что «для ученого идеальным было бы место смотрителя маяка, «и возражения друзей, будто человеку для творчества необходимо общество, не поколебали его позиции.

Тяга к одиночеству у Эйнштейна была двуприродна. Интеллектуальная автономность 1-й Логики сочеталась в нем с закоренелым индивидуализмом 2-й Воли. О «дво-

рянской» сути своего характера он писал: «Мое страстное стремление к социальной справедливости и чувство социального долга всегда находились в странном противоречии с явным отсутствием потребности в тесном общении с отдельными людьми и целыми коллективами. Я самый настоящий индивидуалист и никогда не отдавал безраздельно свое сердце государству, родине, друзьям и даже собственной семье, я был к ним привязан, но всегда испытывал неослабевающее чувство отчужденности и потребности в одиночестве; с годами это только усиливается... Человек такого склада, разумеется, частично утрачивает непосредственность, беззаботность, но зато он обретает полную внутреннюю независимость...»

Вообще, анализируя характер Эйнштейна, приходишь к выводу, что автономность и независимость его ума неотделима от автономности и независимости нрава, то и другое сливается в его натуре и предстает взорам посторонних как единое целое. Однокашник Эйнштейна писал: «Насмешливая складка в уголке пухлого рта с чуть выпяченной нижней губой отпугивала филистеров, отбивала у них охоту к более близкому знакомству. Условности для него не существовали. Философски улыбаясь, взирал он на мироздание и беспощадно клеймил остроумной шуткой все, что носило печать тщеславия и вычурности... Он бесстрашно высказывал свои взгляды, не останавливаясь перед тем, чтобы ранить собеседника. Все существо Эйнштейна дышало такой отважной правдивостью, которая в конечном счете импонировала даже его противникам».

Будучи студентом, Эйнштейн, получив вместе с другими студентами инструкцию с описанием задачи и метода ее решения, бросал инструкцию в корзину и выполнял решения по-своему. Однажды разгневанный профессор спросил своего ассистента: «Какого вы мнения об Эйнштейне? Ведь он делает все не так, как я велел?» Ассистент ответил: «Это правда, господин профессор! Но его решения верны, а методы, которые он применяет, всегда интересны.» Кто возьмется судить в этом случае, что от независимости характера (2-й Воли), а что от эгоизма ума (1-й Логики)?

Неприхотливость в быту и бессеребрянничество Эйнштейна сделались легендой. Он отказывался от бесценных скрипок, превращал в книжные закладки банковские чеки с множеством нулей, был анекдотично небрежен в пище и одежде, и, думаю, нет нужды говорить, что все эти особенности поведения Эйнштейна восходят к его 4-й Физике.

* * *

Наверно, по справедливости этот психический тип кроме имени Эйнштейна должен был носить второе имя, имя Бердяева. Дело в том, что Бердяев был не просто «эйнштейном», но человеком, как мало кто глубоко и честно глядящим в себя, и его книга «Самопознание» является выдающимся памятником исповедальной литературы. Любопытствующих я отсылаю к этой книге, а пока приведу лишь несколько очень выразительных цитат, исчерпывающе описывающих «эйнштейновский» порядок функций. Бердяев писал: «Я замечал малейшие оттенки в изменении настроений. *И вместе с тем эта гиперчувствительность соединялась во мне с коренной суховатостью моей природы.* Моя чувствительность сухая. Многие замечали эту мою душевную сухость. Во мне мало влаги. Пейзаж моей души иногда представляется мне безводной пустыней с голыми скалами, иногда же дремучим лесом. Я всегда очень любил сады, любил зелень. Но во мне самом нет сада. Вышние подьемы моей жизни связаны с сухим огнем. Стихия огня мне наиболее близка. Более чужды стихия воды и земли. Это делало мою жизнь мало уютной, мало радостной. Но я люблю уют. Я никогда не испытывал мления и не любил этого состояния. Я не принадлежал к так называемым «душевному» людям. Во мне слабо выражена, задавлена лирическая стихия. *Я всегда был очень восприимчив к трагическому в жизни.* Это связано с чувствительностью к страданию. Я человек драматической стихии. Более духовный, чем душевный человек. С этим связана сухость. Я всегда чувствовал негармо-

ничность в отношениях моего духа и душевных оболочек. *Дух был у меня сильнее души.* В эмоциональной жизни души была дисгармония, часто слабость. Дух был здоров, душа же больная. Сама сухость души была болезнью. **Я не замечал в себе никакого расстрой-ства мысли и раздвоения воли, но замечал расстройство эмоциональное.** «Безуко-ризенный диагноз «эйнштейна», поставленный самому себе: 1-я Логика, 2-я Воля, 3-я Эмоция.

В автобиографической книге Бердяева много примеров и на 4-ю Физику. Вот неко-торые из них: « Близкие даже иногда говорили, что у меня есть аскетические наклонно-сти. Это неверно, мне, в сущности, чужд аскетизм. Я с детства был избалован, нуждался в комфорте. Но я никогда не мог понять, когда говорили, что очень трудно воздержание и аскеза.. я имел аскетические вкусы и не шел аскетическим путем; был исключительно жалостлив и мало делал, чтобы ее реализовать... Жизнь в этом мире поражена глубоким трагизмом... Мне свойственно состояние тоски.. У меня никогда не было чувства проис-хождения от отца и матери, я никогда не ощущал, что родился от родителей. Нелюбовь ко всему родовому — характерное мое свойство. Я не люблю семьи и семейственности, и меня поражает привязанность к семейному началу западных народов. Некоторые друзья шутя называют меня врагом рода человеческого».

* * *

Для полноты картины хорошо бы было привести пример на «эйнштейна»-политика. И по счастью, свежий и очень выразительный пример такого политика имеется — это Джордж Буш.

Джордж Буш, на мой взгляд, один из лучших президентов США за всю их историю. Еще в пору вице-президентства он обратил на себя внимание невозмутимостью, кор-ректностью, деликатностью и лояльностью поведения. Он играл в команде Рейгана и вел себя строго в соответствие со своим местом в команде и правилами коллективной игры. Когда же пришел его черед занять Белый дом, Буш, не меняя ничего в духе рейгановской администрации (у обоих была 2-я Воля), многое переменял во внешности и системе при-оритетов.

Сохранились принципы коллегиальности, «делегирования ответственности», стремление к консенсусу, работы не на себя, а на свое дело. Знающие люди говорили о Буше: « Он председательствует, но не ведет за собой..» «... он рожден для этой роли. Но большую часть своей жизни он провел, работая на других. Создается впечатление, что теперь, когда он стал высшим должностным лицом в государстве, он работает на само президентство в качестве президента.» Вместе с тем, многое переменялось с приходом Буша в Белый дом. При Рейгане «официальные встречи, организованные сотрудниками Белого дома, превращались в приветственные, а не деловые. Как правило, президент встречал группу глупым анекдотом, вслед за тем зачитывал по карточке-шпаргалке вы-сказывания, которые должны были поднять его авторитет. Когда говорили его гости, он хрустел леденцами и с пониманием кивал головой. Потом было «спасибо», «благослови вас Бог» и «давайте сфотографируемся».

Про Буша рассказывали иначе: « Буш — серьезный слушатель и задает серьезные вопросы. Шпаргалки и организованное фотографирование ушли в прошлое. « «На смену политикам, набранным Рейганом... Буш привел деятелей совсем иного толка. Места в его правительстве заняли очень компетентные и обладающие, как правило, самыми широки-ми связями и опытом люди. Для них на протяжении всей политической карьеры идеоло-гические пристрастия практически всегда играли второстепенную роль. Прагматизм и профессионализм — вот два основных качества, которыми, как считают американские наблюдатели, «в избытке» обладают те, кто во главе с Бушем составляет ядро новой ад-министрации.»

Разницу в манерах этих двух президентов, очевидно, определило различие в положении Логик на ступенях их порядка функций. Логика — слабость Рейгана, являлась основной силой Буша и разносторонняя компетентность окрашивала все, что делала его администрация. Вообще складывается впечатление, что Бог ворожит Америке по особому. Президентство Буша — явное тому доказательство. Надо же Ему было так подгадать, чтобы в самый опасный за послевоенную историю период, период распада Варшавского договора, Советского Союза, краха коммунистической идеологии, кризиса в Персидском заливе у руля американского государства оказался самый подготовленный для этой миссии президент. Оглядываясь сейчас назад, невольно поражаешься с каким умом, тактом и хладнокровием вышла Америка из этой всемирной передраги.

Особенно показательна с точки зрения психософии война в Персидском заливе. Как мы помним, человек конфликтует в соответствии со своим порядком функций, последовательно, сверху вниз пуская их в дело. Соответствующим образом вел себя по отношению к Ираку и Буш. Только когда стала очевидна бесполезность мирных средств воздействия на агрессора, он ударил, но ударил в соответствие со своим порядком функций: холодно и беспощадно (3-я Эмоция + 4-я Физика).

Хладнокровие 3-й Эмоции Буша сказалось и на результатах выборов в президенты на второй срок. Не положительно, разумеется. Американцам надоел президент, лишенный обаяния, с натянутой улыбкой, произносящий умные, но донельзя скучные речи. Хотя мы теперь понимаем, что Буш в силу 3-й Эмоции только выглядел бесчувственным, а не был им. Но... Буш пытался объяснить с публикой по этому поводу, говоря: «Конечно, президенту приходится переключаться с вопросов внутренней политики на вопросы внешней, а затем вновь на внутренние, все время. Иногда, как, например, сегодня с этим исполнявшим песню тайландским парнишкой-инвалидом из Бангкока, *меня захватывает эмоция момента, и эмоции выходят наружу*. Когда я смотрел на счастливое лицо этого брошенного родителями на улицах Бангкока слепого паренька, который теперь пел на южной лужайке, *я должен признаться, что у меня был спазм*. Но затем началось заседание Совета национальной безопасности, и думать о пареньке на лужайке было уже нельзя. Нужно было сконцентрироваться на важных вопросах национальной безопасности. Но такова жизнь. Это часть моей работы.» Однако американцы поленились вникать в сложности душевной организации президента и выбрали другого, пообаятельней, играющего на саксофоне. Бушу ничего не осталось, как утешать себя простым, очевидным, но мало действенным доводом: «Пудинг таков, каков он на вкус, а не таков, каким он выглядит.»

* * *

Сугубый рационализм и засушенность душевной организации «Эйнштейна» как бы исключает плодотворность деятельности этого типа на культурной ниве. Однако многочисленные изображения самого Эйнштейна со скрипкой в руках уже намекают на чаще скрытую, но интенсивную эстетическую жизнь.

Скажу больше, можно назвать трех ««Эйнштейнов», не просто посвятивших искусству свою жизнь, но ставших величайшими в мировой истории живописцами. Читатель будет удивлен, но это: Андрей Рублев, Леонардо да Винчи и Жорж Сера.

О Рублеве практически ничего не известно, о Леонардо — очень мало, о Сера — немногим больше, чем о Леонардо. Но если рассортировать по известной нам схеме биографические крохи, а главное, поставить рядом их, несопоставимые по времени и пространству, произведения, то типичная «Эйнштейновская» картина психической организации всех трех выстроится сама собой.

1-ая Логика. Произведения всех трех отличаются превосходящей всякое обыкновение интеллектуальной наполненностью. Анализ композиций Рублева, Леонардо, Сера

показывает математическую выверенность каждой точки, детали, линии, т.е. демонстрирует чрезвычайную крепость головы художника, видную уже из того, как он строит композицию. То, что Леонардо был великим ученым и инженером, а Сера завистники ругали «химиком», «математиком» лишь подтверждают выводы, следующие из анализа их особого композиционного дара. Сера крестиком пометил одно характерное высказывание в статье из журнала «Ар»: « В искусстве все должно быть сознательным», — и нет сомнения, что под ним подписались бы и Рублев, и Леонардо.

2-ая Воля. Все трое ученичествовали недолго, быстро превзошли учителей и скоро нашли самостоятельную дорогу в искусстве. Хотя у Рублева и Леонардо учителя были на зависть — Феофан Грек и Перуджино. Все трое явились крупнейшими реформаторами живописи своего времени, но школ своих не создали и не похоже, чтобы стремились к этому. Для произведений Рублева, Леонардо, Сера характерны статичность и внутренний покой персонажей, природы, они как бы омываемы тишиной и мирным одиночеством самодостаточного человека. И все это — явные приметы «дворянской» психологии, сильной, независимой, творческой, покойной, уверенной в себе.

3-ья Эмоция. Живопись Рублева, Леонардо, Сера — это не живопись чувств, а *живопись настроений*, т.е. материй гораздо более тонких, нежели те, что обычно представляет живопись. Крайней сдержанностью отличается жестикуляция и мимика персонажей, какого-либо бурления не наблюдается и в видах природы, запечатленных на холстах этих художников. Хотя только улыбка «Джоконды» окрещена была «загадочной», на самом деле все творчество Рублева, Леонардо и Сера загадочно в своей невыразимости, неформулируемости тех состояний, что, существуя на уровне ультразвука, лишь угадываются в их произведениях. Всякие попытки описать настроения «Джоконды», «Звенигородского Спаса», «Моста Курбвуа» обречены, потому что слов, адекватно передающих их нежность, тонкость и сложность просто не существует в природе.

4-ая Физика. Вместе с тем, если сильно упрощая и огрубляя, попытаться сформулировать типичное для творчества всех трех настроение, назвать их эмоциональную доминанту, то это будет **печаль**. Как уже говорилось, «лентяи» — народ ослабленный витально, и предпочтение отдает темноокрашенным эмоциям. Солнце на полотнах Сера и Леонардо если и светит, то не греет. Цвет в живописи всех троих сложен и не ярок, объемы не сочны по лепке, тела лишены силы и либидо, что естественно для иконописной традиции времен Рублева, но совершенно чуждо для традиции Ренессанса и импрессионизма.

Какого-либо психологического портрета Рублева история нам не оставила. О Леонардо современники иногда упоминали как о человеке крайне сдержанном в своих чувствах — и только. С Сера же один случайный его попутчик сделал небольшой психологический портрет, который мы с известными поправками можем перенести на Рублева и Леонардо, а равно на всех, занятых в искусстве «эйнштейнов»: « Обладая чувством собственного достоинства, скромный и простой, однако до такой степени проникнутый мыслью о необходимости и достаточности науки и химии в искусстве, что это приводило в изумление.»

* * *

Разумеется, «эйнштейн», трудясь на культурной ниве, не только в живописи готов заявить свой своеобразный талант. Но чтобы не растягивать повествование, только упомяну, что великолепным образцом «эйнштейна»-поэта был Николай Заболоцкий. Читайте его стихи, в них все сказано. Я же приведу лишь одно четверостишие Заболоцкого, в котором поэт с безукоризненной точности назвал в себе Низ и Верх:

*«Сквозь рты, желудки, пищеводы,
Через кишечную тюрьму
Лежит центральный путь природы
К благословенному уму».*

* * *

Тонкие черты лица, худоба, небрежность в одежде — характерные приметы облика «Эйнштейна». Прическа короткая неухоженная, взгляд печальный ироничный. Мимика и жест почти бесцветны.

ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН

- 1) ЭМОЦИЯ («романтик»)
- 2) ЛОГИКА («ритор»)
- 3) ВОЛЯ («мещанин»)
- 4) ФИЗИКА («лентяй»)

По сказкам Андерсена «андерсена» не постичь. Хотя трагический надрыв, типичный для сюжетов его сказок, уже позволяет угадать в нем «романтика» и «лентяя» (1-я Эмоция + 4-я Физика). Чужими для Андерсена в его сказках были оптимистичные финалы, приделываемые им вопреки собственным ощущениям, просто по законам жанра. Если бы жанр позволял, то одна из лучших сказок Андерсена стала бы сказкой о гадком утенке (3-я Воля+4-я Физика), который **знает** (2-я логика), что ему не быть лебедем и который по темным углам птичьего двора в одиночку громко, навзрыд оплакиваем свое горькое знание и судьбу (1-я Эмоция). Таков — подлинный Андерсен, и чтобы увидеть знаменитого сказочника и его тип яснее, обратимся к фрагментам одной биографии Андерсена.

Биограф сказочника писал: «Он производил впечатление человека смешного, но обаятельного и к тому же отличался наивной и открытой назойливостью, которая постепенно обеспечила ему важные знакомства, даже в среде зажиточных горожан. Им руководила жажда чтения... Непосредственность — или нежность ума, как говорил он сам — была одной из тайн его существа и с течением времени оказалась сильной чертой его характера. Но она была тесно связана с *врожденной нервозностью*, которая уже тогда и всю последующую жизнь приносила ему много страданий, проявляясь, в частности, в *периодических депрессиях...* В основе этих страхов и тревог лежало неискоренимое ощущение, что он еще недостаточно взрослый и не соответствует требованиям взрослого мира.» Я все еще остаюсь таким же ребенком, как и прежде, но даже рад этому, «трогательно писал он...

Иногда возникает подозрение, что, несмотря на тревоги, он все же слишком часто играет роль преследуемого и обиженного. В течение всей жизни он был склонен к мрачному и подавленному настроению и часто углублялся в него, вместо того чтобы преодолеть...

...он был болезненно чувствительным; женщинам в семье не раз приходилось утешать и успокаивать его, когда он со слезами выходил из-за стола, оскорбленный той или иной невинной шуткой...

На вид он был крупный и сильный и в определенных ситуациях мог давать себе большую нагрузку. Но эта крепость была обманчива. В действительности ему всю жизнь приходилось страдать из-за очень слабого здоровья. Как ни странно, никто из современников не знал об этом. Выслушивая его жалобы на разные мелкие хворости, друзья приписывали их ипохондрии, самовнушению одинокого холостяка. Так считал и Эдвард

Коллин. После сорока лет знакомства он писал Андерсену в 1865 году: «У вас, по существу, отличное здоровье; ваша нервность не убивает вас, а только мучает».

Другим легко было говорить, что ему только кажется, для него слабость была более чем реальной... Ему приходилось постоянно брать себя в руки, постоянно пытаться обманом увести себя от собственного чувства бессилия, постоянно иметь успех или по крайней мере получать в виде стимула похвалы и поддержку. Случалось, что *от горя он целый день сидел дома и плакал*.

При такой конституции он неизбежно был поглощен собой, беспокоен, неуравновешен и раздражителен...

Он никогда подолгу не испытывал душевного равновесия, что угодно могло вызвать его раздражение, он терял терпение из-за мелочей, временами вел себя как избалованный ребенок или душевнобольной...

В его большом, но хилом теле жила необузданная душа, вулканоподобный темперамент, вспыльчивость и стремительность, которые достаточно часто удивляли и пугали его. Его разрывали огромные внутренние противоречия, и временами все его усилия были направлены на то, чтобы держать себя в узде...

Он испытывал нервный страх перед суровой реальностью жизни, **ему не хватало мужской твердости, из-за чего он временами говорил о своей наполовину женской натуре**. Его нерешительность проявлялась в удивительно осторожном отношении к некоторым наиболее самоуверенным друзьям и — что особенно бросалось в глаза — в его более чем осторожном отношении к женщинам... Его потребность в женщинах была велика, но страх перед ними еще сильнее. Казалось, он испытывал непреодолимую инстинктивную боязнь вступить в интимную связь с женщиной, пуританский ужас перед сексуальным влечением...

Еще более примечательно, что все эти особенности: незрелость, далеко идущее тщеславие и смехотворная поглощенность собой — проявлялись наряду с противоположными тенденциями... В нем были и другие противоречия, менее серьезные, но достаточно бросавшиеся в глаза, чтобы его друзья, да и он сам, поражались им: огромное добродушие и склонность таить злобу, сердечная открытость и мудрый расчет, стремление к одиночеству и потребность в обществе, малодушный страх и удивительная смелость в нужный момент, жалкая слабость и стойкая выносливость...

Были все основания опасаться, что такая суматошная и противоречивая душа в один прекрасный день сорвется, и на склоне лет, когда силы начали покидать его, в какие-то моменты он был не в состоянии управлять демонами, бушующими в нем. Но к счастью, *в его психике были и стабилизирующие факторы. Например, ясный рассудок, позволявший ему видеть себя со стороны и признавать свои слабости и странности...*

Трезво и беспристрастно он видел странное противоречие между собственным настроением и реальной действительностью... **Всю жизнь он был для себя самым острым наблюдателем и самым суровым судьей...**

Многие спорили, можно его выносить или нет и имеет ли он право быть невыносимым. Но большинство не шло дальше копания в его причудах и странностях и характеризовало его простейшими клише: ребячливость, гордость, замкнутость в себе, честолюбие...»

Думаю, в столь пространной цитате читатель не мог не вычитать все основные приметы «андерсоновского» порядка функций: 1-я Эмоция, 2-я Логика, 3-я Воля, 4-я Физика.

Андерсен выглядит исключительной, патологической фигурой, но на самом деле ничего патологического в его психике не было. Горько об этом говорить, но «андерсен» существует не как заболевание, а как норма, психотипическая норма, человека с определенным порядком функций.

«Андерсен» — самый трагический из всех, богатых на трагическое типов человеческой психологии. Ослабленность витального начала 4-й Физики красит мироощущение «андерсена» в трагические тона, заставляет жить в постоянном ожидании катастрофы. Шаткость 3-й Воли рождает неприязнь к себе и окружающим, обидчивость, подозрительность, капризность, мнительность. Когда же весь этот хронический кошмар, навеянный низкостоящими функциями, берется озвучивать своей мегафонной мощью избыточная 1-я Эмоция, то беспрестанные слезы не самая сильная реакция на полярную ночь, царящую в такой душе. Думаю, в статистике самоубийц люди с психотипом «андерсена» должны преобладать. Неудивительно, что сам сказочник остался девственным и одиноким. Такое решение необходимо признать и мужественным, и мудрым: множить ряды подобных себе страдальцев и инфицировать свою боль другим, не имело смысла и радости доставить не могло.

Обычно «андерсен» худой, большеглазый, с тонкими красивыми чертами лица человек. Взгляд уклончив, но если его поймать, то тоску, страх, страсть и ум разом можно прочесть в необычайно выразительных глазах человека этого типа. Небрежно одетый, равнодушный к пище, комфорту и особям противоположного пола, «андерсен» подлинно азартен бывает лишь в общении, готов говорить, говорить, говорить... Общение с ним могло бы сделаться пыткой, если бы не особый талант превращать свою речь в великолепное блюдо — плод гибкого, сильного, разностороннего ума и чувствительной ко всему прекрасному и выразительному души. Вместе с тем, было бы крайне опрометчиво расслабляться, беседуя с «андерсеном». Самое непринужденное и горячее общение может быть внезапно оборвано им на полуслове, мгновенно трансформироваться в скандал, холод, отчуждение, слезы, потому что «андерсен» ужасно мнителен, болезненно обидчив и талантлив на злоязычие. Можно понять Диккенса, когда он благодарно крестился вслед покидавшему его тихий гостеприимный дом Андерсену.

Если жизнь «андерсена» окончательно не делается адом, то только благодаря сильной и гибкой 2-й Логике. Она — единственно здоровая часть его природы, может умно, отчужденно, со стороны анализировать происходящее в душе «андерсена», ставить диагноз и прогнозировать последствия. Добротное знание самого себя — очень утешительное и эффективное средство для утolenия боли этих насквозь болезненных натур. После очередного скандала Андерсен писал другу: « У меня помутился рассудок! Но это пройдет еще раньше, чем вы получите мое письмо...» «Андерсен» знает себя, и это знание хотя бы отчасти удерживает в равновесии его вечно клонящуюся на бок, надломленную психику.

Особого сострадания заслуживают «андерсены»-мужчины. Принадлежат к самому трагичному из психических типов, они еще и внутри этого психотипа оказываются самыми обделенными, обделенными по половому соответствию. «Андерсен»-мужчина — это вечная девочка-подросток, засунутая в объемистый скафандр взрослого мужеподобного существа. Объяснять, каково житье этой девочки в таком скафандре, тяжело, сложно и лучше не надо. Кто знает — тот знает...

НИКОЛАЙ БУХАРИН

- 1) ЭМОЦИЯ («романтик»)
- 2) ФИЗИКА («труженик»)
- 3) ЛОГИКА («скептик»)
- 4) ВОЛЯ («крепостной»)

Бухарин — ближайший сподвижник Ленина, лидер и идеолог большевистской партии, «золотое дитя революции», «Вениамин большевистского руководства», «любимец партии». Расстрелян Сталиным в 1938 году.

Беда Бухарина — общая беда «крепостных» — управляемость. Он хотел стать художником, у него получалось, но в начале XX века Россия бредила революцией и в моде были революционеры. Молодежь, как известно, особенно восприимчива к моде, поэтому неудивительно, что Бухарин, с его социал-демократически ориентированной 2-й Физикой, уже в гимназические годы оказался среди радикалов. Удивительно другое: он не стал смешивать живопись с политической борьбой, как делали многие, а целиком посвятил себя, будучи существом по натуре аполитичным, политике. Сам Бухарин объяснял категоричность сделанного выбора тем, что «одна жизнь не может быть поделена между двумя такими требовательными богами, как искусство и революция», но, думаю, ни в одной несовместимости кумиров было дело. Решающую роль в судьбе Николая Бухарина сыграл ближайший гимназический друг — Илья Эренбург, в то время рьяный большевик. Его вышестоящая Воля легко рекрутировала Бухарина в ряды политиков. Позднее Эренбург в страхе перед пресом мощнейшей Воли Ленина уполз из стана профессиональных революционеров, занялся искусствоведением, журналистикой, писательством, а Бухарин, обретя в Ленине настоящего хозяина, остался.

Отношения между Лениным и Бухариным — особый раздел их биографий. Ленин высоко ценил покладистость бухаринской 4-й Воли, однако и боялся, как бы эта покладистость не обернулась политической проституцией. Он писал: « Мы знаем всю мягкость тов. Бухарина, одно из свойств, за которое его так любят и не могут не любить. Мы знаем, что его не раз звали в шутку «мягкий воск». Оказывается, на этом «мягком воске» может писать что угодно любой «беспринципный» человек, любой «демагог». Ленин, конечно, напрасно ревновал, Бухарин принадлежал ему безраздельно, но из этого не следует, что Бухарин считал для себя обязательным, в точности копируя Ленина, переносить политические дрязги на личности. Наоборот, Бухарин был лично вполне беспартиен (4-я Воля) и сохранял самые дружеские отношения даже с самыми заклятыми политическими врагами, пугая такой всеядностью мнительное большевистское начальство.

Еще один источник трений между Лениным и Бухариным: определенная холуйская свобода у «крепостного» стоящих выше Воли функций (решают за меня, но думаю-то я самостоятельно). У Бухарина хоть Логика и была 3-й, однако первоклассной, особенно на фоне других большевистских неучей. Приличное образование давало ему значительную фору и позволяло в среде единомышленников без страха открывать рот. Получалось, что у партии два идеолога: Ленин и Бухарин — с чем Бухарин легко мирился, но не мирился Ленин. Он старательно сорился с Бухариным, изображая оскорбленную марксистскую невинность, ругал последними в их политическом словаре словами, явно ведя дело к разрыву. Коллеги по политической борьбе подсказывали Бухарину источник дрязг: «...ваш Ленин не может терпеть около себя ни одного человека с головой, « — и ошибались. Ленин не только готов был терпеть рядом с собой неглупых людей, но даже симпатизировал им. Иное дело, что идеологическую монополию, как и монополию политическую, он оставлял за собой и соперников в этой сфере не терпел. Это обстоятельство не мешало Ленину задним числом пригоршнями черпать из обруганных бухаринских статей, публиковать явный плагиат под своим именем.

Более привлекательным для Ленина казалось использовать мягкость 4-й Воли Бухарина, сделав его «улаживателем» межведомственных и межфракционных конфликтов. И надо признать, выбор такой роли для Бухарина был как нельзя более удачен. Отсутствие личной заинтересованности, беспартийность, искренняя благожелательность к противоборствующим сторонам обеспечивало ему доверие тяжущихся и посильный успех миссии.

Противники Ленина мечтали использовать Бухарина иначе. Обнаружив некую систему в хроническом попадании его в оппозицию к Ленину, они заподозрили в данной фигуре закоренелого, последовательного и талантливого фрондера, готового и способного заменить колючего, неудобного Ленина. И конечно, просчитались. Когда представи-

тель левых эсеров посулил Бухарину ленинское кресло, тот с искренним испугом ответил: «*Разве я обладаю необходимыми данными, чтобы стать руководителем партии и бороться с Лениным и большевистской партией? Нет, не надо обманывать самих себя!*»

Золотая пора для Бухарина наступила в промежутке между концом самодержавия Ленина и началом самодержавия Сталина. Будучи одной из ключевых фигур тогдашнего партийного руководства, он с самого начала отстранился от борьбы за лидерство (4-я Воля), выторговав за свой нейтралитет должность официального идеолога партии (мед для 3-й Логики). Положение гиришки, способной склонить в ту или иную сторону чашу весов борьбы за власть, не только доставило Бухарину место первого идеолога, но и сформировало облик страны на этот период: смирило людоедские инстинкты главных претендентов на трон (Сталина, Троцкого, Зиновьева), сколь возможно либерализовало культурную и экономическую политику властей. Особенно расцвела частная инициатива, как губка впитавшая выброшенный Бухариным, дорогой для его 2-й Физики, лозунг: «*Обогащайтесь!*»

История заката карьеры и жизни Бухарина банальна и грустна, как всякая история заката жизни милых, славных, но слабых людей. Получив из его рук единоличную власть, Сталин отблагодарил друга только тем, что расстрелял одним из последних. Расстреливать «бухаринцев», «правых уклонистов» начали еще до ареста Бухарина. Кстати, в их числе оказался и мой дед, профессор одного из ленинградских институтов, расстрелянный в 1937 году, т.е. за год до казни своего кумира. Особую печаль картине гибели Бухарина придает то, что, не питая никаких иллюзий относительно характера и дарований Сталина, он перед арестом заставил жену выучить наизусть письмо грядущим поколениям, содержание которого исчерпывалось клятвенным заверением в верности тирану. Печально, но факт, как всякий «крепостной», Бухарин даже перед лицом вечности остался более верноподданным, чем гражданином.

Об облике и характере «бухарина», как психического типа, наверно можно сказать теми же словами, что пользовались при описании самого Бухарина его знакомые и биографы: «*Он имел внешность скорее святого, чем бунтаря и мыслителя. Его открытое лицо с громадным лбом и чистыми сияющими глазами было в своей совершенной искренности почти безвозрастным.*» «*Обаятельный с женщинами, непринужденный с детьми, доступный и для рабочего, и для интеллигента, он был «симпатичной личностью» даже в глазах своих противников. Юношеский энтузиазм, общительность, душевный юмор... уже тогда производили впечатление на знакомых. Они говорили о его доброте, благородстве, экспансивности и жизнелюбии.*»

* * *

Из литературных персонажей тип «бухарина» точнее всего передан Толстым в образе Платона Каратаева. Яркость, образность речи Каратаева, трудолюбие, доброта, работливость, искренность и неизбывный фатализм его как нельзя лучше воспроизводят психотипические черты «бухарина».

К сказанному другими о «бухарине» хочется от себя добавить одну примечательную черточку его характера — он не ревнив. Довелось мне как-то познакомиться с женщиной этого типа. Со свойственной «бухарину» исповедальностью она рассказала, что выпала ей судьба выйти замуж за патологического волокиту. И, что замечательно, многое огорчало ее в поведении супруга, но только не волокитство. «*Я не ревнива,*» — просто говорила она. Ничего не изменило даже то, что муж в конце концов был посажен в тюрьму за попытку изнасилования. Она безропотно до конца срока ездила к нему в лагерь — питать желудочно и сексуально. Продолжения их истории я не знаю, но то, что изменам мужа, как и терпению жены не будет конца — сомнений нет.

«Бухарин» — живое ниспровержение Фрейда, живой антиЭдип. Его 2-я Физика слишком сильна и гибка, чтобы ревновать физиологической ревностью. А 4-я Воля слишком мало уважает себя, чтобы заранее не соглашаться с изменой.

И наоборот. У Бердяева была 2-я Воля с 4-й Физикой, и он писал: «Я совершенно не способен испытывать чувство ревности». Складывается впечатление, что к ниспровергателям Фрейда, людям не ревнивым от природы, можно отнести всякого, у кого Воля и Физика занимает нетравмируемые Вторую и Четвертую ступени на иерархии функций, т.е. люди, принадлежащие к типам «бухарин», «бертье», «газали», «эйнштейн».

СОКРАТ

- 1) ВОЛЯ («царь»)
- 2) ЛОГИКА («ритор»)
- 3) ЭМОЦИЯ («сухарь»)
- 4) ФИЗИКА («лентяй»)

О Сократе, родоначальнике европейской философии, ученики, коллеги и наследники сочинили в традициях корпоративного мифотворчества сладенький миф про благостного, милейшего старца, будто бы ставшего невинной жертвой наиболее гадких и паскудных из своих сограждан. Однако, при том, что на сегодняшний день смертная казнь представляется как мера социальной самозащиты слишком суровой, все-таки нельзя не сказать, что Сократ вовсе не был милейшим, благостным старцем, каким его рисует корыстное корпоративное предание. И жертва, принесенная афинянами в его лице, не была совсем уж невинной. Во всяком случае, элементарное знакомство с сутью конфликта между Сократом и его согражданами заставляет относиться к последним если не с сочувствием, то с пониманием.

Вспомним, формальными обвинителями Сократа выступило всего несколько человек, и обвинение худо-бедно, но было подверстано под тогдашнее афинское законодательство (например, обвинение в ереси). **Однако на самом деле Сократ костью стоял в горле у всего города и судили его за неподсудное — дрянной характер.**

В платоновской «Апологии Сократа» (сочинении, по мнению исследователей, наиболее точно передающим образ философа) сам Сократ изложил, по обыкновению своему многословно, личную позицию и мотивы общегородского раздражения на себя: «Итак, о мужи афиняне, следует защищаться и постараться в малое время опровергнуть клевету, которая уже много времени держится между вами... Только я думаю, что это трудно, и для меня вовсе не тайна, какое это предприятие...

Может быть, кто-нибудь из вас возразит: «Однако, Сократ, чем же ты занимаешься? Откуда на тебя эти клеветы?»... Слушайте же... Эту известность, о мужи афиняне, получил я не иным путем, как благодаря некоей мудрости. Какая же это такая мудрость? Да уж, должно быть, человеческая мудрость. Этой мудростью я, пожалуй, в самом деле мудр... И вы не шумите, о мужи афиняне, даже если вам покажется, что я *говорю несколько высокомерно*; не свои слова я буду говорить, я сошлюсь на слова, для вас достоверные. Свидетелем моей мудрости, если только это мудрость, и того, в чем она состоит, я приведу вам бога, который в Дельфах. Ведь вы знаете Херэфонта... Ну вот же, приехав однажды в Дельфы, дерзнул он обратиться к оракулу с таким вопросом. Я вам сказал не шумите, о мужи! Вот он и спросил, если кто-нибудь на свете мудрее меня, и Пифия ему ответила, что никого нет мудрее. И хоть сам он умер, но вот брат его засвидетельствует вам это.

Посмотрите теперь, зачем я это говорю; ведь мое намерение — объяснить вам, откуда пошла клевета на меня. Услыхав это, стал я размышлять сам с собой таким образом: что бы такое бог хотел сказать и что он подразумевает? Потому что сам я, конечно, нима-

ло не сознаю себя мудрым; что же это он хочет сказать, говоря, что я мудрее всех? Ведь не может же он лгать: не полагается ему это. Долго я недоумевал, что такое он хочет сказать; потом, собравшись с силами, прибегнул к такому решению вопроса: пошел я к одному из тех людей, которые слывят мудрыми, думая, что тут-то я скорее всего опровергну прорицание, объявив оракулу, что вот этот, мол, мудрее меня, а ты меня назвал самым мудрым. Ну и когда я присмотрелся к этому человеку — называть его по имени нет никакой надобности, скажу только, что человек, глядя на которого я увидел то, что я увидел, был одним из государственных людей, о мужи афиняне, — так вот, когда я к нему присмотрелся (да побеседовал с ним), то мне показалось, что этот муж только кажется мудрым и многим другим и особенно самому себе, а чтобы в самом деле он был мудрым, этого нет; и я старался доказать ему, что он только считает себя мудрым, а на самом деле не мудр. От этого и сам он, и многие из присутствующих возненавидели меня... Оттуда я пошел к другому, из тех, которые кажутся мудрее, чем тот, и увидел то же самое; и с тех пор возненавидели меня и сам он, и многие другие.

Ну и после этого стал я уже ходить по порядку. Замечал я, что делаюсь ненавистным, огорчался этим и боялся этого, но в то же время мне казалось, что слова бога необходимо ставить выше всего. Итак, чтобы понять что означает изречение бога, мне казалось необходимым пойти ко всем, которые слывят знающими что-либо... После государственных людей ходил я к поэтам... Стыдно мне, о мужи, сказать вам правду, а все-таки следует сказать. Ну да, одним словом, чуть ли не все присутствовавшие лучше могли объяснить то, что сделано этими поэтами, чем они сами... и в то же время я заметил, что вследствие своего поэтического дарования, они считали себя мудрейшими из людей и в остальных отношениях, чего на деле не было. Ушел я и оттуда, думая, что превосхожу их тем же самым, чем и государственных людей.

Под конец уже пошел я к ремесленникам... Но, о мужи афиняне, мне показалось, что они грешили тем же, чем и поэты... так что, возвращаясь к изречению, я спрашивал сам себя, что бы я для себя предпочел, оставаться мне так как есть, не будучи ни мудрым их мудростью, ни невежественным их невежеством, или, как они, быть и тем и другим. И я отвечал самому себе и оракулу, что для меня выгоднее оставаться как есть».

Даже если не принимать во внимание, что здесь суть конфликта изложена устами самого обвиняемого, т.е. необъективно по определению, речь Сократа выглядит шокирующе. Не надо большого воображения, чтобы представить себе как все происходило на самом деле и в красках. К занятому человеку, и не последнему в своем деле, врывается оборванный, грязный старик, известный в городе бездельник и болтун (так Сократа характеризовала даже жена). И ворвавшись сообщает, что его покойному приятелю удалось добиться от дельфийского оракула ответа «нет» на вопрос: есть ли кто мудрее Сократа? С покойника спрос не велик, с оракула — тоже. Но проблема даже не в том, что сказал оракул, и даже не в том, что старик свято уверовал в это пророчество. А в том, что он со всей страстью и азартом влялся доказывать его справедливость. Проще говоря, доказывать афинянам, что все они за вычетом его одного — полные идиоты. Мало сказать, что подобного рода задачи ставятся не от большого ума (извинить Сократа здесь может только преклонный возраст), но прямо небезопасны в любом месте и в любое время.

Бить старика, к чести афинян, не решились даже ремесленники, и все оскорбленные сословия, договорившись, просто потащили Сократа в суд, надеясь его посредством утихомирить сидевшего у всех в печенках философа. Здесь-то и обнаружилась главная, роковая трудность. За злоязычие и дурной характер его судить было невозможно, а приплетенные за уши по случаю статьи оказались «подрасстрельными». Точнее, дело обстояло так, что у философа было достаточно средств и возможностей, чтобы избежать смерти, но Сократ не был бы «сократом», если бы не довел процесс до того, до чего довел. Соблазн заявить себя фигурой общегородского масштаба оказался настолько силен, что Сократ

просто не мог в этом случае не пуститься во все тяжкие своего порядка функций. И он пустился.

Будучи по своей 1-й Воле человеком крайне самоуверенным. Сократ отказался от услуг адвоката, взялся защищать себя сам и, защищаясь, как видно из приведенного выше, уже на весь город во всеулышание заявил то, что прежде высказывалось келейно: афиняне — болваны, он — один умный. При этом, 2-я Логика философа, обрета столь роскошную трибуну, не могла отказать себе в удовольствии изъясняться о сем щекотливом предмете сколь возможно подробно и пространно. 3-я Эмоция не только не украсила речь обвиняемого, но предельно иссушила ее и обеднила. Хотя, зная за собой эту слабость, Сократ предупреждал судей: «Вы не услышите речи разнаряженной, украшенной, как у этих людей (обвинителей -А.А.), изысканными выражениями, а услышите речь простую, состоящую из первых попавших слов,» — думаю, судьи вряд ли вняли данному предисловию. Наконец, природное бесстрашие 4-й Физики вообще отодвинуло вопрос о жизни и смерти в конец заботящих философа проблем. Вопрос личного престижа (1-я Воля) стоял для него несравненно выше вопроса физического существования (4-я Физика). И надо отдать должное, Сократ добился своего: тело его преждевременно умерло, но имя стало бессмертным и сделалось почти синонимом того титула, которого философ тщетно домогался от своих сограждан — «мудрец».

* * *

Не только именем Сократа славен данный психический тип. К «сократам» принадлежали: Кальвин, Бекет, Ньютон, Робеспьер, Карл XII Шведский, Беркли, Петр Чаадаев, Михаил Тухачевский, Хомейни, Тэтчер, Бродский, Путин, экс-чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов. Политики среди «сократов», в соответствии с их 1-й Волей, преобладают, но если поставить в один ряд Сократа, Робеспьера и Бродского, то это станет наглядной иллюстрацией простого, но очень важного тезиса: **психотип — не судьба, он — только характер**. Робеспьер реализовывал в политике 1-ю Волю «сократа», сам Сократ в философию — 2-ю Логика, Бродский в поэзии — 3-ю Эмоцию, а мог бы так и остаться на заводе токарем, реализовываясь по 4-й Физике.

Биографии складываются не только из внутренней предрасположенности, но и из внешних обстоятельств. Робеспьер так бы остался провинциальным адвокатом, не начнись во Франции тогда революционное брожение. Для бедного плебея Сократа путь в политику был закрыт, а писать стихи в духе Бродского в тогдашней Греции мог только сумасшедший. Самому же Бродскому, еврею в стране государственного антисемитизма, вообще никакая карьера не светила, и лишь литературный труд позволял рассчитывать на сколько-нибудь достойное место в жизни.

Вместе с тем, **психотип — это и судьба**. Несмотря на разность профессий, и Сократ, и Робеспьер, и Бродский занимались самыми *социально значимыми* для их времени и места занятиями: философией в Греции V века, политикой во Франции конца XVIII века, поэзией в России 60-ых годов. Сократ и Робеспьер были казнены, Бродский подвергся политической казни, и не последнюю роль в этом случае сыграли самоуверенность и бесстрашие (1-я Воля + 4-я Физика) всех троих. То есть, существуют биографические точки, где психотип, характер, сходятся с судьбой.

Для психологии важнее всего, что профессия, время, пространство, национальность в принципе не в состоянии погresti под собой психотипическую общность: систему ценностей, мироощущение, стиль, реакции и т.д. Например, во все времена и любой «сократ», будучи поставленный перед выбором между сексом и разговором, непременно предпочтет последний, так как у него Физика 4-я, а Логика 2-я. И примеры из жизни трех названных «сократов» данный тезис очень хорошо подтверждают. Когда Алквад, предмет вожделения обеих половин Афин, пытался известным образом расплатиться с Сокра-

том за радость общения, философ сказал, что секс — вещь прекрасная, но разговор о нем еще лучше. Известно, сколько сил тратили самые прелестные из парижанок, чтобы соблазнить Робеспьера, однако все их усилия оказывались тщетными, и дело ограничивалось длинным назидательным монологом. Барышников рассказывал, что, посетив однажды Бродского, застал в его доме необычайной красоты девушку; Бродский же, нимало не обращая на нее внимания, схватил Барышникова, отвел в соседний бар и битых два часа выговаривал ему за какую-то неудачную телепостановку, о которой Барышников думать забыл. И надо было видеть, с каким выражением крайнего недоумения и даже испуга на лице рассказывал Барышников эту историю про чуждую для него «сократовскую» систему ценностей.

Уж коль представился случай поговорить о сексуальности «сократа», то лучше не скрывать, что этот тип самый фригидный из всех тех типов, что по ленности, равнодушию или хладнокровию не спешат на ложе наслаждений. Мало того, что главные сексуальные функции: Эмоция и Физика — у «сократа» внизу. Они и стоят-то безлибиднее некуда: 3-я Эмоция, 4-я Физика. Если же припомнить, что сухость 3-й Эмоции и лень 4-й Физики перемножаются у «сократа» крайним индивидуализмом и отчужденностью 1-й Воли, то добровольное девство даже таких видных мужчин, как Ньютон, Чаадаев и Карл XII, не покажется слишком удивительным.

* * *

Из литературных персонажей, пожалуй, точнее всего тип «сократа» передает незабвенный Шерлок Холмс. По 1-й Воле Холмс отчужденный, внутренне одинокий, властный, самоуверенный человек, мышление его строго, стройно, а память необъятна по 2-й Логике; он сух, ироничен, но по обыкновенной для 3-й Эмоции раздвоенности его холодность сочетается с тайной влюбленностью в свою дилетантскую скрипочку; наконец, бесстрашие, равнодушие к бытовой и финансовой проблематике ясно указывают на 4-ю Физику этого персонажа. А совокупно они свидетельствуют о точности воспроизведения Конан Дойлем типа «сократа» и одновременно подтверждают слова писателя, что у Шерлока Холмса был реальный прототип.

Прозорлив Конан Дойль и в том, что сделал своего героя частным детективом, профессия такого рода, как и вообще работа в антикриминальной сфере дается «сократам» без труда. Что не мешает им быть вполне на месте в роли мошенников и карточных шулеров (3-я Эмоция).

Однако самая большая удача ждет «сократа» в политике, сфере, живущей на стыке между полицейскими и ворами. Имя и образ Маргарет Тэтчер еще свежи в памяти ее ныне здравствующих современников, поэтому представить себе занятого в политике «сократа» легко именно на ее примере. Биографы рассказывают о Тэтчер: «Она больше известна за свои мужские качества, такие, как агрессивность и властность. А один из членов парламента, не принадлежавший к числу ее поклонников, заметил: «Она абсолютно бесстрашный политик.» И даже тогда, когда она шутила, а делала она это не чаще чем раз в год и только со своими близкими, ее юмор носил суровый характер...

Оценивая «абсолютистское мировоззрение» Тэтчер и ее намерения, как он выразился «изменить душу» народа, бывший член ее кабинета Биффен даже назвал ее «сталинисткой»...

Один из журналистов спросил Тэтчер почему от ее выступлений создается впечатление неприветливости и жесткости. Тэтчер ответила: " Я понимаю, почему некоторые могут так думать. Я стараюсь всегда сдерживать себя. Мои родители, которые оказали самое большое влияние на мое отношение к жизни, включая политику, учили мою сестру и меня быть сдержанными. Мне внушали, что я никогда не должна выходить из себя, во всяком случае на публике... Если я буду переживать по поводу того, что обо мне говорят

или пишут, а я иногда переживаю это, то не думаю, что было бы правильно оплакивать свою судьбу публично.» А когда журналист намекнул, что о ней создается впечатление, как о бесчувственной женщине («холодной рыбе», сказал он), Тэтчер с раздражением заметила: « Я полагаю, что люди понимают разницу между сдержанностью и бесчувственностью»...

Успех ее речей зависел прежде всего от очень хорошего знания предмета. Ее выступления лишний раз доказывают правоту Цицерона (которого она изучала в Оксфорде), говорившего, что ораторское искусство немислимо без владения в совершенстве предметом речи. В своих выступлениях и пресс-конференциях она обычно приводила большое количество цифр, цитат, высказываний, и все на память, редко заглядывая в бумаги. *Она излагала свои мысли простым языком*, следуя аристотелевскому принципу, что главным достоинством речи является ясность. Поэтому, чтобы сделать ее более доходчивой, она часто сравнивала дела государства с делами семьи, бюджет государства с личным бюджетом и т.д....

Сильны были ее полемические выступления. Сама она говорила о себе: « Мне нравится спорить»...

Один из наиболее опытных британских журналистов писал: « Брать у нее интервью — все равно что разговаривать с автоответчиком. Задаешь вопрос — получаешь ответ»«...

Хотя в приведенных цитатах речь идет не о древнем греке, мужчине и философе, а о нашей современнице, англичанке и политике, стоит открыть «Апологию Сократа» и другие посвященные философу труды, как произойдет чудо узнавания, узнавания до мелочей, и как в комбинированной съемке сквозь лицо Сократа проступит лицо Тэтчер и сквозь лицо Тэтчер — лицо Сократа.

* * *

На вид «сократ» — худощавый, небрежно, блекло одетый, но туго в эти одежды затянутый человек. Он осанист, церемонен, невозмутим. Жест спокоен, величав, уверен, точен. Речь ровна, напориста, иронична, монотонна. Втайне питает слабость к музыке, литературе, искусствам, а, выпив, не прочь сам спеть что-нибудь негромким, маловыразительным голоском. Взгляд упорный, внимательный, вдумчивый, без блеска. Мимика и жест почти отсутствуют. Стрижка короткая и аккуратная, к окраске волос редко прибегают даже женщины. Он очень любит природу, и домашние животные выглядят единственными существами, имеющими власть над этим отчужденным, жестким, холодноватым человеком

БОРИС ПАСТЕРНАК

- 1) ЭМОЦИЯ («романтик»)
- 2) ВОЛЯ («дворянин»)
- 3) ФИЗИКА («недотрога»)
- 4) ЛОГИКА («школяр»)

Когда представляешь себе «пастернака» видится худощавый, не сказать чтобы красивый человек. Лицо овальное. Взгляд покойный, рассеянный, опрокинутый в себя, с блеском. Жест и мимика утрированы. Свободна одежда, хотя обычно по-цыгански броска и не банальна. В лексике избегает подчеркнуто грубых и подчеркнуто выпсренных оборотов. Речь льется без затруднений, но часто сумбурна, напряжена и непоследовательна. В вопросах бытовых, хозяйственных, спортивных представляется существом едва ли не беспомощным. Чадолубив. Существа противоположного пола являются для него тем, что солнце для подсолнуха, но не прямо, а как бы в околичностях.

«Пастернаки» — чрезвычайно симпатичные, редкой душевной красоты люди, почти средневековые, рыцарские натуры. Кузина Пастернака вспоминала: " Мне было 20 лет, когда он приехал к нам не по-обычному. Он был чересчур внимателен и очарован, хотя никакие поводы наши будни ему не давали. В Москве он жил полной жизнью, учился на философском отделении университета, играл и композиторствовал, был образованным и тонким. Казалось, это будет ученый. В житейском отношении он был «не от мира сего», нелезал на тумбы, был рассеян и самоуглублен. Его пастернаковская природа сказывалась в девичьей чистоте, которую он сохранял вплоть до поздних, сравнительно, лет. Пожалуй, *самой отличительной бориной чертой было редкое душевное благородство*». Перенося характеристику Ольги Фрейденберг на весь «пастернаковский» род, можно сказать, что душевное благородство действительно наиболее заметная черта натуры этого типа. При этом благородство обеспечивается сильной, гибкой, процессионной, развернутой к окружающим и потому отзывчивой 2-й Волей, а душевность — сверхмощью эмоционального потенциала, необъятными фибрами 1-й Эмоции.

Внешней красотой « пастернак» обычно, как и другие 3-и Физики, не блещет, и это обстоятельство, как правило, единственный для него источник хронического и последовательного недовольства собой. Страшно переживал по поводу своей внешности и Борис Пастернак. После травмы в юности у него укоротилась нога, а зубы выросли редкими, большими и торчащими вперед. Поэтому когда Марина Цветаева говорила, что Пастернак «одновременно похож на бедуина и его лошадь», — в этой фразе заключался не только комплимент. Какова же была радость Пастернака и сколько горьких слов о запоздалости этой меры было произнесено, когда, кажется, на шестом десятке ему удалось торчащий изо рта хронический источник стыда и раздражения сменить красивым ровным протезом.

Вместе с тем, наличие внешних дефектов не лишает «пастернака» сексуальной привлекательности (большие, блестящие глаза, покойный, рассеянный взгляд уверенного в себе человека — достаточная компенсация любых недостатков), да и самих «пастернаков» они редко удручают настолько, чтобы отталкивать потенциальных сексуальных партнеров. Художник Юрий Анненков писал: " Борис Пастернак: огромные глаза, пухлые губы, взгляд горделивый и мечтательный, высокий рост, гармоничная походка, красивый и звучный голос. На улицах, не зная, кто он, прохожие, в особенности, — женщины, инстинктивно оглядывались на него. Никогда не забуду, как однажды Пастернак тоже оглянулся на засмотревшуюся на него девушку и показал ей язык. В порыве испуга, девушка бегом скрылась за углом. «Пожалуй, это уже слишком, " — укоризненно сказал я. « Я очень застенчив, и подобное любопытство меня смущает,» — извиняющимся тоном ответил Пастернак.»

Вообще, наличие крупных физических недостатков не только не смиряет чувственность «пастернака», но наоборот еще более ее усиливает, гиперсексуальная сама по себе 3-я Физика делается гипергиперсексуальной.

Едва ли не первым, говоря о Пастернаке, эту тему затронул в своих мемуарах В. Катаев. Называя Пастернака «мулатом», он писал: « Я думаю, *основная его черта была чувственность*: от первых стихов до последних.

Из ранних, мулата-студента: «...что даже антресоль при виде плеч твоих трясло»...
«Ты вырвалась, и чуб касался чудной челки и губ-фиалок»..

Из последних:

*«Под ракитой, обвитой плющом,
От ненастья мы ищем защиты .
Наши плечи покрыты плющом,
Вкруг тебя мои руки обвиты.*

*Я ошибся. Кусты этих чащ
Не плющом перевиты, а хмелем.
Ну — так лучше давай этот плащ
В ширину под собою расстелем.»*

В эту пору он уже был старик. Но какая любовная энергия!» Замечательно это завистливое катаевское восклицание в конце, вырвавшееся из уст человека, по натуре отнюдь не бесчувственного.

Отношение Пастернака к вещественной стороне жизни вообще можно считать эталоном и иллюстрацией функционирования 3-й Физики. Во-первых, — раздвоенность. На словах старательно принижая физическую сторону бытия, Пастернак на деле-то более всего ее и ценил. Жена Всеволода Иванова вспоминала: «*Правилось ему, что основой нашей жизни, как он выражался, была «духовность, а не материальность»*. Хотя материальность в смысле бытового уклада он тоже ценил. И прежде всего в своей жене. Ценил ее хозяйственность. Ценил, что она не брезгает никакой физической работой: моет окна, пол, обрабатывает огород.»

Как это обычно бывает у «недотрог», вещей у Пастернака было немного, но к этому немногому он питал почти патологическую страсть. Продолжим цитировать тот же источник: «*В одежде Борис Леонидович был крайне неприхотлив. Но как бы ни был он одет — выглядел подтянутым и даже элегантным.*

Со старой одеждой он никак не хотел расставаться, и Зинаиде Николаевне пришлось обманно ее выбрасывать.

Однажды Борис Леонидович очень обрадовался подарку своего пасынка Станислава Нейгауза, привезшего ему из Парижа светло-серую курточку, которую Борис Леонидович носил долго и с видимым удовольствием».

Странную, с точки зрения посторонних, тягу испытывал Пастернак к физическому труду, роднясь в этом пункте с 3-й Физикой Толстого.

*«Я за работой земляной
С себя рубашку скину,
И в спину мне ударит зной,
И обожжет, как глину».*

Злоязыкий Катаев смотрел на огородническую слабость Пастернака другими глазами и, подозревая поэта в позерстве, писал: «*Вот он стоит перед дачей, на картофельном поле, в сапогах, в брюках, подпоясанный широким кожаным поясом офицерского типа, в рубашке с засученными рукавами, опершись ногой на лопату, которой вскапывает суглинистую землю. Этот вид совсем не вяжется с представлением об изысканном современном поэте...*

Мулал в грязных сапогах, с лопатой в загорелых руках кажется ряженным. Он играет какую-то роль. Может быть, роль великого изгнанника, добывающего хлеб насущный трудами рук своих.» Простим Катаеву его злоязычие, у него Третья функция была иной, поэтому ни разделить, ни понять слабость Пастернака к огороду он просто не мог.

Утонченная и рафинированная сама по себе 3-я Физика Пастернака отличалась особой сверхостротой чувственного восприятия, позволяя ему проникать туда, куда проникнуть невозможно, и сопереживать тому, чему, казалось, не по силам человеческой сенсорике сопереживать:

*«Я чувствую себя за них, за всех
Как будто побывал в их шкуре,
Я таю сам, как тает снег,
Я сам, как утро, брови хмурю».*

И сказанное — не метафора, в одном раннем стихотворении Пастернак описывает, как, увидев на блузке возлюбленной комара, он сам оказывается этим комаром и чувствует, как его жало пронзает ткань и впивается в розовую налитую грудь девушки:

*«К малине липнут комары.
Однако ж хобот малярийный,
Как раз сюда вот, изувер,
Где роскошь лета розовой?
Сквозь блузку заронить нарыв
И сняться красной балериной?
Всадить стрекало озорства,
Где кровь, где мокрая листва?»*

Стороннему человеку даже трудно представить себе, что должен был испытывать столь тонкокожий человек, почти всю жизнь проживший в стране, правимой бронированной десницей большевистского левиафана, где массовые казни, пытки, голод воспринимались столь же естественно и неотвратно, как непогода. Рассказывают, что, когда в начале 30-х советскому правительству пришла в голову блажь прокатить на поезде писательскую братию по умирающей от голода стране, то из всего клана «инженеров человеческих душ», оказавшихся в поезде, Пастернак выделялся тем, что за всю двухнедельную поездку хлебной крошки не проглотил. Не смог.

* * *

«...сострадание, доходящее до физической боли, полная сочувствия симпатия, часто следовавшая за этим действительная помощь. И в тоже время явственна непреднамеренная, несознаваемая, быть может, *оторванность от повседневной жизни, ее забот и трудностей, полное подчинение ее искусству, затмевающее самую действительность*, которой оно, однако, питалось,» — писала сестра Пастернака Жозефина, очень точно подсмотрев одну из специфических черт «пастернаковского» психотипа. При всем таланте к сопереживанию, Физика в системе ценностей «пастернака» стоит все-таки на третьем месте, тогда как Эмоция — на первом, и, естественно, что при необходимости выбора, он всегда делает его в пользу эмоциональных производных (литература, искусство, музыка, религия, мистика), и интересы его сосредотачиваются там же.

«Для него любая жизненная ситуация, любой увиденный пейзаж, любая отвлеченная мысль немедленно и, как мне казалось, автоматически превращались в метафору или в стихотворную строку. Он излучал поэзию, как нагретое физическое тело излучает инфракрасные лучи.

Однажды наша шумная компания ввалилась в громадный черный автомобиль с горбатым багажником. Меня с мулатом втиснули в самую его глубину, в самый его горбатый зад. Автомобиль тронулся, и мулат, блеснув белками, смеясь, предварительно промычав нечто непонятное, прокричал мне в ухо: « Мы с вами сидим в самом его м о з з е ч к е!» — рассказывал Катаев.

Жизнь сугубо эмоциональная, т.е. насквозь охудожественная, эстетизированная, вместе с тем не отменяет у 1-й Эмоции того, чем она является. А является она законченной эгоисткой, даром самому себе. Исключительно собой и своими переживаниями была занята и 1-я Эмоция Бориса Пастернака. Безоглядность, эгоцентризм, безадресность его поэзии, писем, речей часто ставила читателей и слушателей в тупик, и им стоило больших усилий дешифровать хотя бы часть обрушивающего на них интересного, неожиданного, блестящего, но дикого, слепого и темного камнепада словес. Исайя Берлин после посещения Пастернака писал: « Его речь состояла из великольных, неторопливых периодов, порой переходивших в неукротимый словесный поток; и этот поток часто затоплял берега

грамматической структуры — ясные пассажи сменялись дикими, но всегда поразительно живыми и конкретными образами, а за ними могли идти слова, значение которых было так темно, что трудно было за ними следить...»

«...восприимчивость, вдохновение художника должны быть чрезмерны,» — писал Пастернак и тем лишний раз подтверждал наличие у него 1-й Эмоции. Ведь избыточность, как не раз говорилось, — главная примета Первой функции.

* * *

Очень выразительно являла себя во всем, что делал и говорил Пастернак, его 2-я Воля. Здесь нельзя не вспомнить знаменитый телефонный разговор поэта со Сталиным по поводу ссылки Мандельштама. Сталин любил пугать своими неожиданными звонками далеких от политики и власти граждан и часто достигал желаемого эффекта — тяжелейшего психического шока. Пастернак оказался в числе немногих, легко перенесших этот удар, и даже в конце разговора стал напрашиваться к Сталину в гости, чтобы, наивная душа, просветить тирана. К счастью для поэта, Сталин скоро почувствовал, куда клонится разговор, и поспешил повесить трубку. Позднее, когда пришло время сторонних оценок этой телефонной дуэли, даже такие заведомо пристрастные арбитры, как Ахматова и Надежда Мандельштам, оценили поведение Пастернака «на твердую четверку».

О других симпатичных чертах 2-й Воли, являемых личностью Пастернака, лучше, наверно, сказать языком лично знавших его людей: «Ему дана была детская простота, порой даже обезоруживающая наивность, а иногда вследствие чрезмерной доверчивости к людям он даже проявлял слабость и легковерие. Ему свойственна была детская прямота и пылкость, но в то же время свежесть и тонкость чувств, деликатность по отношению к людям. Это свойство он с годами развил до крайности; он всегда боялся задеть своего собеседника даже невольно. Иногда он не хотел принимать какое-нибудь решение из боязни обидеть человека, и тогда он предоставлял решение вопроса самой жизни. И происходило это не от малодушия или желания приспособиться, а от доброжелательности, уважения к другому. Внутренне же он был стоек и непоколебим...»

Борису Леонидовичу чужда была расчетливость, он не способен был к мстительности, презрению, злопамятову. Он был само благородство: всегда был рад все отдать, ничего не прося для себя; всегда был бесконечно признателен за малейшую услугу. Он не замечал своих обид и огорчений в постоянном обновлении всего своего существа, неизменно отзываясь сердцем и душой на все, что жизнь могла принести нового. И он умел всегда по новому смотреть на жизнь, вещи и людей — взглядом поэта, стремящегося к «всепобеждающей красоте», всегда готового «дорогу будущему дать». Жизнь, вещи и люди были для него постоянно новы. Марина Цветаева могла бы повторить в 1960 году то, что она сказала в 1922; **не Пастернак ребенок, а мир в нем ребенок**.

Моментальные снимки 2-й Воли Пастернака обильно рассыпаны и по его поэзии:

«Быть знаменитым некрасиво»...

*«Я не рожден, чтобы три раза
Смотреть по-разному в глаза...»*

*«Есть в опыте больших поэтов
Черты естественности той,
Что невозможно, их изведав,
Не кончить полной немотой.*

*В родстве со всем, что есть, уверясь
И знаясь с будущим в быту,
Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту».*

*«Всю жизнь я быть хотел как все,
Но век в своей красе
Сильнее моего нитья
И хочет быть как я.»*

*«Жизнь ведь тоже только миг
Только растворенье
Нас самих во всех других
Как бы им в даренье».*

* * *

Эталоном всех 4-х Логик может послужить и пастернаковская 4-я Логика. Человек, получивший двойное философское образование в России и Германии, ученик знаменитого неокантианца Когена, учителя великого Кассирера, Пастернак, покончив с учебой, просто отключился от процесса рационального осмысления бытия и до конца дней, добродушно иронизируя, любил говорить, что всю жизнь заниматься философией — то же, что всю жизнь питаться горчицей. И по одной этой фразе видно, сколь пренебрегал он не только философией, но и здравым смыслом в целом. Ведь пожизненное самозаточение в литературе, на каковое он обрек себя, — диета ничуть не лучше. Но 4-я Логика есть 4-я Логика, и Пастернак, вернувшись из Германии, сбросил с себя рассудок, как дикарь, сбежавший из мира белых людей, сбрасывает на опушке родных джунглей постылый фрак и, вдохнув привычную смесь из ароматов прелых листьев и мускуса, возвращается к себе, вновь живя лишь чутьем и инстинктом.

* * *

Кроме хронического конфликта со своим временем и властью в душе Пастернака постоянно жил еще один конфликт — конфликт с родным племенем и племенной религией. Сам он говорил об этом крайне осторожно, редко и обтекаемо: « Я был крещен в младенчестве моей няней, но вследствие направленных против евреев ограничений и притом в семье, которая была от них избавлена и пользовалась в силу художественных заслуг отца некоторой известностью, это вызывало некоторые осложнения, и факт этот всегда оставался интимной полутайной, предметом редкого и исключительного вдохновения, а не спокойной привычки».

Гораздо жестче, прямее и беспардоннее говорил об этой душевной ране Пастернака Исайя Берлин: «Пастернак был русским патриотом. Он очень глубоко чувствовал свою историческую связь с родиной... страстное, почти всепоглощающее желание считаться русским писателем, чье корни ушли глубоко в русскую почву, было особенно заметно в его отрицательном отношении к своему еврейскому происхождению. Он не желал обсуждать этот вопрос — не то что он смущался, нет, он просто этого не любил, ему хотелось, чтобы евреи ассимилировались и как народ исчезли бы. За исключением ближайших членов семьи, никакие родственники его не интересовали — ни в прошлом, ни в настоящем. Он говорил со мной как верующий (хоть и на свой лад) христианин. Всякое упоминание о евреях или Палестине, как я заметил, причиняло ему боль...»

Сказать, что конфликт между кровью, с одной стороны, и профессией с вероисповеданием — с другой, был в душе Пастернака совсем непреодолим, нельзя. Иудаизм не только не оппонент поэзии, но фактически базируется на ней, вспомним «Псалтырь» и «Песнь песней». И при желании Пастернак вполне мог заниматься двуязычной поэзией, как это делали многие его российские соплеменники-поэты.

Иное дело — вероисповедание, проблема эта была неразрешима. Конечно, будь на то его воля, Пастернак, сославшись на произвол няньки и собственную младенческую невменяемость, вполне мог откреститься от неосознанного крещения. Однако это не случилось, и не произошло это потому, что **Пастернак был истинным христианином**. Он был христианином не по должности, обязанности, привычке, традиции, а по душе. Проще говоря, Христос, в том виде, каким его описал евангелист Иоанн, принадлежал к «пастернакам». В этом и только в этом — тайна пастернаковского упорства в исповедании Христа, с Ним Пастернак исповедовал прежде всего себя.

* * *

Коль случай представился, нельзя не высказаться в этой связи по поводу проблемы структуры Четвероевангелия и центральной его фигуры — Иисуса из Назарета.

Во-первых, тайну и очарование Евангелиям придает то, что в них описаны два психотипа: «толстой» у Матфея и «пастернак» у Иоанна. В Писании оба Евангелия этих апостолов разведены по полюсам, и задача промежуточных Евангелий от Марка и Луки заключалась в том, чтобы примирить и по возможности сгладить противоречия крайних Евангелий. Марку и Луке это вполне удалось, и в результате сложился какой-то действительно нечеловечески многоликий, полифонический, многими по-зеркальному узнаваемый и потому чрезвычайно привлекательный образ основателя христианства. Достоевский жаловался, что, в подражание Христу, рисуя образ князя Мышкина, он так и не смог по-настоящему приблизиться к оригиналу. И не мудрено, Мышкин одномерен, как был одномерен его создатель, не знавший, что бесподобие образа Христа в коллективности его ваияния.

У евангелиста Матфея, с его 1-ой Влей, Христос-«толстой» строг, суров, тираничен, ревнив; фраза, брошенная ученику, отпрашивающемуся на похороны, — «Иди за мной, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов», — исчерпывающе характеризует 1-ю Волю матфеевского Христа-«толстого». У евангелиста Иоанна эта фраза не только отсутствует, в его Евангелие Христос-«пастернак» вообще не прибегает к повелительному наклонению.

К какому психотипу принадлежал реальный Христос, модель, увиденная через разные призмы разных психотипов разных евангелистов, с уверенностью сейчас сказать невозможно. Однако, с учетом психе-йоги, некоторые поправки к евангельским и последующим описаниям Христа сделать можно. Главное, Матфей и Иоанн согласны в том, что у Спасителя была 3-я Физика, ясно зримая из его экстрасенсорных способностей. А из этого следует, что христианское искусство вряд ли угадало внешность Христа, воспроизводя Его черты тонкими, мелкими, до приторности красивыми, т.е. рисуя скорее 4-ю, чем 3-ю Физику.

Есть все основания предполагать, что Христос был невысоким, сутулым человеком, с худым носатым лицом, единственным украшением которых являлись присущие высокостоящей Эмоции большие, блестящие, очень выразительные глаза. Кроме того, более чем вероятно, что у Него наличествовал какой-то крупный и очень заметный физический недостаток: что-то вроде усохшей руки или ноги. Вывожу это из его экстрасенсорной обостренности восприятия и из того, что обычная для мужской 3-й Физики тяга к блудницам т.е. женщинам, открытой, непринужденной, демонстративной сексуальности, так и не довела Его до греха. Хотя все предпосылки для грехопадения Иисус, очевидно, создавал сам, явно предпочитая общество блудниц всем другим. Но Бог миловал и миловал скорее всего потому, что страх был сильнее вожделения, что для «пастернака» возможно лишь в случае объективной, не поддающейся сокрытию несостоятельности внешних данных.

«Пастернак» принадлежит к тому редкому типу людей, которые, несмотря на сильную 2-ю Волю, политической карьеры старательно избегают. В политику его может затолкать лишь случай, как это произошло не на радость самому Борису Пастернаку в конце его многострадальной жизни.

Вероятней всего, что лишь судьба заставила делать постыльную политическую карьеру другого «пастернака» — римского императора Антонина Пия, основателя горячо любимой римлянами династии Антонинов, тестя и отчима Марка Аврелия (см. «лао-цзы»). О невероятных, почти чудесных формах, которые приобретает даже абсолютная власть в нежных, ласковых руках «пастернака», можно судить по помещаемым ниже отрывкам из биографии Антонина Пия: «Он выделялся своей наружностью, славился своими добрыми нравами, отличался благородным милосердием, имел спокойное выражение лица, обладал необыкновенными дарованиями, блестящим красноречием, превосходно знал литературу, был трезв, прилежно занимался возделыванием полей, был мягким, щедрым, не посягал на чужое, — при всем этом у него было большое чувство меры и отсутствие всякого тщеславия... Он получил от сената прозвище «Пий» (Благочестивый) ...за то, что был от природы действительно очень милосердным и во время своего правления не совершил ни одного жестокого поступка...

Первым его высказыванием в новом положении, говорят, было следующее: когда жена стала упрекать его в том, что он по какому-то поводу проявил мало щедрости по отношению к своим, он сказал ей: «Глупая, после того как нас призвали к управлению империей, мы потеряли и то, что мы имели раньше...».

Будучи императором, он оказывал сенату такое уважение, какое он хотел бы видеть по отношению к себе со стороны другого императора в бытность свою частным человеком... Ни относительно провинций, ни по поводу каких-либо других дел он не выносил никаких решений, не поговорив предварительно со своими друзьями, и формулировал свои решения, сообразуясь с их мнениями. Друзья видели его в одежде частного человека, среди занятий своими домашними делами.

Он управлял подчиненными ему народами с большой заботливостью, опекая всех и все, словно это была его собственность. Во время его правления все провинции процветали. Ябедники исчезли...

...такого авторитета у иноземных народов никто до него не имел, хотя он всегда любил мир в такой степени, что часто повторял слова Сципиона, говорившего, что лучше сохранить жизнь одного гражданина, чем убить тысячу врагов...

Среди многих других доказательств его душевной теплоты приводят еще и такое: когда Марк (Марк Аврелий) оплакивал смерть своего воспитателя и придворные слуги уговаривали его не выказывать открыто своих чувств, император сказал: «Дозвольте ему быть человеком; ведь ни философия, ни императорская власть не лишают человека способности чувствовать...»

Он — едва ли не единственный из всех государей — прожил, не проливая, насколько это от него зависело, ни крови граждан, ни крови врагов, и его справедливо сравнивают с Нумой, чье счастье, благочестие, мирная жизнь и священнодействия были его постоянным достоянием».

Право, читая такое, невольно начинаешь верить в чудеса: как почти в одно время с Христом, в государстве, возведшем людоедство, распутство и произвол в традицию, абсолютная власть могла оказаться в руках человека столь высокой нравственности, что аналог ему трудно найти даже в наш просвещенный и гуманный век.

Пространность цитирования при рассказах о жизни Антонина Пия и Марка Аврелия (см. «лао-цзы») преследовала не только цель по возможности подробней нарисовать психологический портрет представителей этих типов, оказавшихся на вершине государств-

венной пирамиды, но и отчасти восстановить историческую справедливость. Ведь о Нероне и Калигуле — худших представителей императорской власти Рима знают все, тогда как о лучших ее представителях — первых Антонинах — мало кто знает. И лишний раз напомнить о таких замечательных людях совсем не грех. Наконец, пример жизни Антонина Пия и Марка Аврелия подсказывает еще одну небанальную пока мысль, что политическая система сама по себе не многое решает в жизни общества, решающее слово принадлежит людям, стоящим в его главе.

* * *

Тип «пастернака», как ни странно, не такая уж большая редкость в человеческом роду. Можно даже говорить о целых народах, в которых доля «пастернаков» случалась столь значительна, что оказывалась в состоянии по-своему, «по-пастернаковски» окрасить физиономию национальной психологии. К таким народам, думаю, в первую очередь следует отнести евреев, армян и цыган. Доказывать, что избыточная 1-я Эмоция у этих этносов доминирует, кажется, нет нужды, и что они натуры в высшей степени художественные — тоже. Евреи, армяне, цыгане — люди свободолюбивые, независимые и даже в диаспоре терять свою индивидуальность не склонные (2-я Воля). На 3-ю Физику их ясно указывают жадная плодовитость, почти патологическое чадолюбие и гиперсексуальность, сочетаемая с крайней щепетильность в вопросах секса (девственность, верность и т.д.).

Так что, как бы ни относились Пастернак и Христос к соплеменникам, они сами были психотипической солью своей нации.

АРИСТИПП

- 1) ФИЗИКА («собственник»)
- 2) ЛОГИКА («ритор»)
- 3) ВОЛЯ («мещанин»)
- 4) ЭМОЦИЯ («зевака»)

Аристипп — родоначальник гедонизма — философии, во главу угла которой положен принцип приоритета плотских удовольствий над всеми другими.

Диоген Лаэртский в жизнеописании Аристиппа приводит следующие характерные эпизоды из жизни философа: «...он первый из учеников Сократа начал брать плату со слушателей и отсылать деньги учителю. Однажды, послав ему двадцать мин, он получил их обратно, и Сократ сказал, что демоний запрещает ему принимать их: действительно это было ему не по душе.

Ксенофонт Аристиппа не любил: поэтому он и приписал Сократу речь, осуждавшую наслаждение, и направленную против Аристиппа...

Его упрекали за то, что он, последователь Сократа, берет деньги с учеников. «Еще бы!» — сказал он, — «Правда, когда Сократу присылали хлеб и вино, он брал лишь самую малость, а остальное возвращал; но ведь о его пропитании заботились лучшие граждане Афин, а о моем только раб Евтихид»...

Кто-то сказал, что всегда видит философов перед дверьми богачей. «Но ведь и врачи,» — сказал Аристипп, — «ходят к дверям больных, и тем не менее всякий предпочел бы быть не больным, а врачом».

Однажды он плыл на корабле в Коринф, был застигнут бурей и страшно перепугался. Кто-то сказал: « Нам, простым людям, не страшно, а вы, философы, трусите?» Аристипп ему ответил: «Мы оба беспокоимся о своих душах, но души-то у нас не одинаковой ценности»...

Человека, который порицал роскошь его стола, он спросил: «А разве ты отказался бы купить все это за три обولا?» — «Конечно, нет», — ответил тот. «Значит, просто тебе дороже деньги, чем мне наслаждение»...

Гетера сказала ему: «У меня от тебя ребенок», — «Тебе это так же неизвестно,» — возразил Аристипп, — «как если бы ты шла по тростнику и сказала:» Вот эта колочка меня уколола.» Кто-то упрекал его за то, что он отказался от своего сына, словно тот был не им порожден. «И мокрота и вши тоже порождаются нами,» — сказал Аристипп, — «но мы, зная это, все же отбрасываем их как можно дальше за ненадобностью»...

Он умел применяться ко всякому месту, времени или человеку, играя свою роль в соответствии со всею обстановкой. Поэтому и при дворе Дионисия (сиракузского тирана — А.А.) он имел больше успеха, чем все остальные, всегда отлично осваиваясь с обстоятельствами...

Когда Дионисий плюнул в него, он стерпел, а когда кто-то начал его за это бранить, он сказал: «Рыбаки подставляют себя брызгам моря, чтобы поймать мелкую рыбешку; я ли не вынесу брызг слюны, желая поймать большую рыбу?»...

Дионисий дал ему денег, а Платону — книгу; в ответ на упреки, Аристипп сказал: «Значит, мне нужнее деньги, а Платону — книга.»

Таков Аристипп в описании Диогена Лаэртского: жадный, толстокожий, циничный, языкастый — и портрет этот, судя по его порядку функций, достаточно близок к оригиналу. Особенно выразителен последний пример с дионисиевыми подарками Платону и Аристиппу. Он показывает, что даже в те далекие времена и даже тираны были достаточно тонкими психологами, чтобы чувствовать в окружающих их Первую функцию и соответствующим образом действовать: Платону с его 1-й Логикой действительно нужнее была книга, а Аристиппу с его 1-й Физикой — деньги.

Мыслил же Аристипп, как жил, философия его была проста: «Между наслаждением и наслаждением нет никакой разницы, ни одно не сладостней другого. Наслаждение для всех живых существ привлекательно, боль отвратительна... Наслаждение является благом, даже если оно порождается безобразнейшими вещами... даже если поступок будет недостойным, все же наслаждение остается благом, и к нему следует стремиться ради него самого.»

* * *

Хотя философия Аристиппа ограничена сферой этического учения, по нашим понятиям, неэтичного, «аристипп», подобно другим психическим типам, — это не только мораль, но целое мировоззрение. Поэтому жившие много позднее Аристиппа «аристиппы» существенно раздвинули рамки его первоначальной философии.

Одним из них был английский философ Томас Гоббс, и он, полностью соглашаясь с Аристиппом по части принципа примата чувственных удовольствий над всеми другими, еще проявил себя столь закоренелым атеистом, что сначала вынужден был бежать из Англии во Францию, а потом из Франции в Англию. Весь космос, по мнению Гоббса, насквозь материален и состоит только из тел, ничего бестелесного, духовного в природе не существует. Гоббс последовательный эмпирик, признающий достоверным только то, что подтверждается опытом, телесными чувствами. Особенность человека заключается лишь в том, что ему дано мышление для анализа и систематизации этого опыта, чтобы ясно видеть прошлое и правдоподобно прогнозировать будущее.

Пересказывая Гоббс не станем заблуждаться, будто в его учении содержится нечто оригинальное, сугубо индивидуальное. Таково — в оформленном или неоформленном, стихийном виде мировоззрение любого «аристиппа», потому что прямо проистекает из его порядка функций. Избыточная 1-я Физика обуславливает последовательный материализм и эмпиризм философии «аристиппа»; она же легко обращает его в атеизм, так как 1-

й Физике претит аскетизм, в большей или меньшей степени присущий большинству религий. «Аристипп» не верит ни в Бога, ни в черта, еще и потому что его 1-я Физика сопрягается со 2-й Логикой. Известно, любая вера содержит слишком много противоречий, чтобы не раздражать сильную, здоровую Логикку. А обычная для религии апелляция к чувствам бессильна перед хладнокровием «аристиппа», у которого Эмоция занимает последнюю, четвертую строку и стало быть является наименее достоверным инструментом. Та же 2-я Логика обуславливает в мировоззрении «аристиппа» и то, что вслед за плотскими утехами он более всего ценит ясность мышления и обширность знаний. Поэтому в соединении у Гоббса грубого материализма со столь же грубым рационализмом ничего индивидуального, выходящего за пределы его «аристиппова» психотипа, нет.

* * *

Не оригинален Гоббс и в своей политической доктрине. Он и в жизни, и в теории последовательный монархист, что в большей или меньшей степени присуще всем «аристиппам», да и обладателям неуверенной в себе 3-й Воли вообще.

Что из себя представляет «аристипп» в качестве действующего политика, видно на примере таких ярчайших фигур как император Тиберий, Иаков I Стюарт, Талейран, Иосиф Сталин, Фидель Кастро. Политик-«аристипп» — тиран по определению, как, впрочем, любой «мещанин». Его тирания оригинальна лишь тем, что это тирания хорошо информированного, ясно и непрестанно думающего человека. Данное обстоятельство гарантирует «аристиппу», за вычетом возможности утраты трона в результате внешней агрессии, долгое, до смертного часа пребывание на вершине властной пирамиды. Кладбищенский покой внутри страны обеспечивает «аристиппу» как беспримерная жестокость (сочетание 1-й Физики с 3-й Волей), так и быстрый, изворотливый ум (2-я Логика).

Еще одна приметная деталь образа стоящего у кормила власти «аристиппа» — это общее мнение окружающих о беспримерном таланте его к комедианству. Но здесь ошибка. «Аристипп», конечно, лицемер, но не более, чем любой другой «мещанин». Иллюзию какого-то особого дара лицедейства создает его 4-я Эмоция. Как мы помним, Четвертую функцию характеризует легкость ее постороннему захвата, поэтому невольнику своих чувств «аристиппу» легко смеяться со смеющимися, плакать — с плачущими. Однако менее всего эмоциями руководствуется «аристипп», принимая решения и действуя, потому так велик бывал шок, казалось, привыкшего ко всему общества, когда тот, с кем еще вчера смеялся и плакал «аристипп», сегодня складывал голову на плахе. Но, повторяю: не в особом таланте к комедианству заключалось в таких случаях дело, а в простом сочетании 3-й Воли с 4-й Эмоцией.

Граница между миром политиков и уголовным миром прозрачна, если существует вообще, поэтому, коль происхождение, воспитание, обстоятельства или масштаб личности не позволяют «аристиппу» делать политическую карьеру, он с легкостью перемещается в криминальную сферу. Как и в политике, в преступной организации «аристипп» редко делается боссом, а если делается таковым, то по праву наследника, а не по праву создателя. Для подлинного непрерываемого лидерства «аристиппу» не хватает характера, решительности (3-я Воля), поэтому в бандах он чаще занимает место визиря при пахане, становится мозговым центром преступной организации, тщательно разрабатывая и общую стратегию криминальной деятельности и тактику отдельных операций (Мейир Лански ?).

Однако непосредственного участия в операциях «аристипп» старательно избегает. Дело в том, что будучи существом жестоким, иногда до патологии, с полным хладнокровием взирающим на чужие муки и кровь, сам «аристипп» мягко говоря не храбрец и слишком боится ответного насилия, чтобы лично подвергаться риску. Благодаря этой типичной черте характера «аристиппа» легко ответить на давно поставленный в истории

вопрос о непосредственном участии или неучастии Сталина в тех терактах, что совершала его революционная банда. Сейчас с полной уверенностью можно сказать: нет, не участвовал. И безусловно прав был Лев Троцкий, сам не храбрец и вообще психологически близкий Сталину человек, когда писал: « Политические противники явно преувеличивали эту сторону деятельности Сталина; рассказывали, как он лично сбросил с крыши первую бомбу на площадь в Тифлисе с целью захвата государственных денег. Однако в воспоминаниях прямых участников тифлисского набега имя Сталина ни разу не названо. Сам он ни разу не обмолвился на этот счет ни словом. Это не значит, однако, что он стоял в стороне от террористической деятельности. Но он действовал из-за кулис: подбирал людей, давал им санкцию партийного комитета, а сам своевременно отходил в сторону. Это более соответствовало его характеру».

Когда же обстоятельства принуждают «аристиппа» творить беззаконие в одиночку, то обычно он избирает карьеру афериста, и, надо признать, выбор этот практически всегда удачен. Пример графа Калиостро — короля авантюристов в чрезвычайно богатом на авантюристов XVIII веке — показывает: каких высот может достичь в данной сфере «аристипп», даже когда он плохо воспитан и невежествен. Превзойти таких не менее нахальных, но лучше воспитанных и более культурных жуликов, как Сен-Жермен, Казанова, Месмер, Кренк, для этого нужно было иметь не только особый талант, но и психотип соответствующий.

* * *

Удачлив бывает «аристипп» и в брачной афере, точнее, любой его брак — это маленькое или большое мошенничество. Такой удачливости способствует то, что часто «аристипп» красив сочной, чувственной красотой (1-я Физика), а если не всегда красив, то всегда дьявольски хитер и абсолютно бессовестен. Мне довелось знать одного «аристиппа», который, поднимаясь с самого дна, из тюрьмы для малолетних преступников, от жены к жене — семью браками неимоверно улучшил свое положение: материально, социально, географически. Под «географией» я в данном случае разумею то, что, будучи родом из глухой провинции, он в седьмой раз женился на москвичке, естественно, ради московской прописки. И вот с пропиской-то у моего «аристиппа», случился, может быть, не относящийся к делу, но любопытный прокол. На следующий день после свадьбы, с утра пораньше, еще до открытия паспортного стола он стоял у его дверей с паспортом для печати о прописке в руке. Можно представить себе, каков был шок паспортистки, прекрасно знакомой с русской традицией устраивать после свадьбы многодневные загулы, когда она обнаружила, ни свет-ни заря, у дверей своего учреждения абсолютно трезвого только-только испеченного мужа. Паспортистка совершенно справедливо заподозрила жульничество и промурыжила моего «аристиппа» с пропиской так долго, сколько могла.

Говоря о брачной афере мы вплотную приблизились к такой важной теме, как тема: психотип и семья. И хотя не хотелось говорить, но сказать придется: **«аристипп» — самый опасный на земле человек.** Он безжалостен, зол, лжив, лицемерен, склонен к насилию, что роднит его с « дюма» (сочетание 1-й Физики с 3-й Волей), но при этом он абсолютно хладнокровен и сугубо рационален (сочетание 2-й Логики с 4-й Эмоцией), и именно последнее обстоятельство делает «аристиппа» самым опасным в мире существом. Нет, не даром, мой знакомый, описанный выше «аристипп», с виду робкий замухрышка, любил говорить, что не встречал в преступном мире равного себе.

Естественно, что особому риску подвергается семья «аристиппа», так как она ближе других стоит к источнику опасности. Вспомним императора Тиберия, который почти целиком вырезал свою родню, находя этому злодейству милейшее мифологическое утешение, часто говорил, что «счастлив Приам, переживший своих близких».

Обычно только корысть и тщеславие в состоянии привести «аристиппа» под венец, и пока не исчерпан кошелек и связи любезной половины, он не отстанет. Если же половина «аристиппа» бедна и простонародна, но молода и хороша собой, то он легко делается сутенером, используя ее как приманку для богатых и влиятельных людей (таков был брак Калиостро). Замечательной особенностью сутенерства «аристиппа» является то, что оно удивительным образом уживается с бешеной ревностью. Поэтому поощрение измен легко сменяются в его семье бурными сценами ревности, обычно сопровождаемые, коль у жертвы нет влиятельных защитников, беспощадным рукоприкладством (сочетание 1-й Физики с 3-й Волей).

Секс «аристиппа», если прямо не сопровождается садизмом, то все равно так груб, эгоистичен и беспардонен, что больше напоминает изнасилование. В этой связи вспоминается легенда о том, что близость Сталина и его второй жены Надежды началась с изнасилования. Будто кто-то из родственников с пистолетом прибежал на крики жертвы, и Сталин лишь клятвенным заверением жениться на ней спас себе жизнь. Участники этой драмы давно мертвы и ни подтвердить, ни опровергнуть данную легенду не могут, но то, что она в высшей степени правдоподобна, учитывая психотип Сталина, в том сомнения нет. Секс «аристиппа» — это секс носорога, и в нем просто отсутствует грань между добровольной и принудительной близостью.

* * *

В моем описании «аристипп» выглядит законченным злодеем, и, вероятно, этой картиной можно было бы ограничиться, если бы существовал хоть один психотип, столь простой и житейски одномерный, что при его воссоздании хватило бы одной единственной краски. Абсолютное злодейство также нереально, как и абсолютная добродетель, они существуют только в кино. Есть свои привлекательные черты и в характере «аристиппа». Естественно, они связаны, как у всякого человека, с его Второй функцией, в данном случае 2-й Логикой, и, если «аристипп» развернут к партнеру именно этой лучшей стороной, контакт с ним может доставить истинное удовольствие.

«Аристипп» — гений и титан интеллектуального общения. С его точки зрения, пятнадцатичасовые интервью Фиделя Кастро — не подвиг, а неслыханная удача. В своей неумной болтливости «аристипп» был бы совершенно невыносим, если бы не два важных обстоятельства: содержательность его речевых извержений и деликатность, т.е. способность не только говорить, но и с интересом слушать. Вместе с тем, обладая сильным, гибким, по-здоровому циничным умом, «аристипп» часто как-то робок мыслью и редко оказывается первооткрывателем, подлинным революционером в сфере интеллектуального труда. Эта робость обусловлена 3-й Волей «аристиппа», потому что мало иметь подвижный, раскованный ум для подлинного новаторства, нужно еще обладать характером, волей, чтобы сметь до конца доводить свои умозаключения, каковы бы они не оказались, и обнародовать их даже наперекор сложившимся мнениям и предрассудкам. Но именно с волей-то и связано главное душевное неблагополучие «аристиппа».

Еще одно замечательное свойство «аристиппа» — это то, что ему присуща совершенно неумная жажда знаний. Конечно, осведомленность его в зависимости от происхождения, воспитания и обстоятельств сильно разнится. Но можно быть уверенным, что в информационном круге, очерченном ему судьбой, он постарается вычерпать все. По словам Габриэля Гарсиа Маркеса, Фидель Кастро «не упускает ни единой возможности добычи информации... и в любое время суток готов читать всякую попавшуюся в руки бумагу, на которой есть буквы... Его автомобили... всегда оснащены подсветкой для чтения ночью. Часто он берет в руки книгу, как только начинает светать...»

Знаю случай, когда «аристипп» совершил почти героический поступок, отказавшись от хлебной должности ради места библиотекаря со скуднейшим содержанием —

лишь бы быть поближе к источникам информации. И эта история заставляет сказать несколько слов о практически уникальном психотипическом раздвоении, свойственном только «аристиппу». Едва ли не только этому типу присуще противоречие между верхними функциями: Первой и Второй. Дело в том, что оплата интеллектуального труда едва ли не повсеместно так низка, что удовлетворить обычную для 1-й Физики потребность — жить на 20-30% лучше своей социальной группы совершенно не в состоянии. Поэтому душе «аристиппа» свойственна хроническая раздвоенность между корыстью по 1-й Физике и умственной жадой по 2-й Логике. И к радости окружающих, Вторая нередко побеждает.

И еще. Будучи подобно другим обладателям 3-й Воли, существом очень одиноким, «аристипп» одинок вдвойне. Дело в том, что высокостоящая Логика вообще редка среди людей и столь редко востребуется обществом, что всякий ее обладатель до конца дней живет с ощущением своего сиротства. «Аристипп» — сирота вдвойне, пряча от посторонних ранимое тельце своей личности (3-я Воля), он и развернувшись к ним своей лучшей интеллектуальной стороной наталкивается часто на равнодушие, даже неприязнь, и полнокровность общения, т.е. максимальная реализация нормативной, сильной, гибкой, диалоговой 2-й Логике — скорее мечта, нежели реальность для «аристиппа». Тот же Маркес писал о Кастро: « Частные вечеринки не в его характере, ибо он — один из немногих кубинцев, который не танцует и не поет, а те редкие домашние праздники, на которых он все-таки появляется, приобретают совершенно иной настрой с его приходом. Быть может, он этого не замечает. Быть может, не осознает, как сразу начинает докучать над всеми и занимает все свободное пространство... Но, как ни крути, стоит ему появиться, и танцы прекращаются, смолкает музыка, отодвигается ужин, и публика концентрируется вокруг него, чтобы включиться в мгновенно завязавшуюся беседу. И в таком состоянии — на ногах, без выпивки и еды — вы можете пребывать бесконечно. Иногда, прежде чем отправиться спать, он вдруг стучится в поздний час в дом к пользующемуся доверием другу, чтобы предстать перед ним без предупреждения и сказать, что зашел всего на пять минут. Он говорит это с неподдельной искренностью. Но постепенно увлекается новой темой, падает в кресло, вытягивает ноги и произносит: « Я чувствую себя заново родившимся». В этом весь он: устав от бесед, в беседах же находит отдых». Маркес в своем комплиментарном очерке о кубинском диктаторе старается не замечать, что, говоря по-русски, «незванный гость — хуже татарина», что отказ собеседников Кастро от танцев вряд ли вполне добровольен. И главное, он не видит или старается не видеть настоящую драму своего любимца, драмы закомплексованного интеллектуала, сиротливо стоящего в толпе своих бездумно пляшущих соотечественников, драмы, делающей «аристиппа» еще более робким и одиноким, нежели создала его природа.

* * *

Если представить себе «аристиппа» с чисто внешней стороны, то представится человек рослый, ширококостный, с сочной лепкой лица. Волосы коротко пострижены и без лишних ухищрений. Одежда дорогая, добротная, но неброская (особенно у мужчин). Женщины могут злоупотреблять макияжем. Взгляд неуловим, с хитрецей и без блеска.

ЖАН-ЖАК РУССО

- 1) ЭМОЦИЯ («романтик»)
- 2) ЛОГИКА («ритор»)
- 3) ФИЗИКА («недотрога»)
- 4) ВОЛЯ («крепостной»)

Признаться, мне долго не давал покоя вопрос: каким порядком функций нужно обдавать, чтобы иметь склонность к мазохизму. С садистским порядком функций затруднений не было (см. «дюма», «аристипп»). Но мазохизм, как ни перекладывал я функции, все не давался. Так продолжалось до той поры, пока Руссо «Исповедью» не открыл мне на эту проблему глаза.

Начать с того, что по справедливости мазохизм следует переименовать в «руссоизм», так как именно Руссо не менее полно, но намного раньше Захера-Мазоха описал этот феномен. Вот как выглядит пробуждение мазохизма под пером Жан-Жака: «...мадемуазель Ламберсье любила нас, как мать, она пользовалась и материнской властью, простирая ее до того, что подвергала нас порой, когда мы этого заслуживали, наказанию, обычному для детей. Довольно долго она ограничивалась лишь угрозой, и эта угроза наказанием, для меня совершенно новым, казалась мне очень страшной, но после того, как она была приведена в исполнение, я нашел, что само наказание не так ужасно, как ожидание его, и вот что самое странное: это наказание заставило меня еще больше полюбить ту, которая подвергла меня ему. Понадобилась вся моя искренняя привязанность, вся моя мягкость, чтобы помешать мне искать случая снова пережить то же обращение с собой, заслужив его; потому что я обнаружил в боли и даже в самом стыде примесь чувственности, вызывающую во мне больше желания, чем боязнь снова испытать это от той же руки. Правда, к этому, несомненно, примешивалась некоторая доля преждевременно развившегося полового инстинкта, и то же наказание, полученное от ее брата, вовсе не показалось мне приятным...

Кто бы мог подумать, что это наказание, которому подвергла восьмилетнего ребенка девушка тридцати лет, определило мои вкусы, мои желания, мои страсти, меня самого на всю оставшуюся жизнь».

Рассказ Руссо практически дословно повторяет Захер-Мазох: «К мои родителям приходила часто в гости графиня Соболев, приходившаяся мне какой-то троюродной теткой. Женщина величавая, красивая и с пленительной улыбкой, но ненавистная мне, так как имела в семье репутацию Мессалины. И я держался с ней до последней степени неуклюже, невежливо и злобно.

Однажды мои родители уехали на время из города. Тетка решила воспользоваться их отсутствием, чтобы задать мне примерное наказание. Неожиданно явилась она в комнату в своей подбитой мехом кашаевке, в сопровождении кухарки, судомойки и маленькой кошки, которой я пренебрег.

Без всяких околичностей они меня схватили и, несмотря на мое отчаянное сопротивление, связали по рукам и ногам; затем тетка со злобной улыбкой засучила рукава и принялась хлестать меня толстой розгой так усердно, что кровь брызнула, и я, в конце концов, несмотря на весь свой геройский дух, закричал, заплакал и начал просто просить пощады.

Тогда она велела развязать меня, но прежде чем совсем оставить в покое, заставила меня на коленях благодарить за наказание и поцеловать руку.

Представьте себе этого сверхчувственного глупца! Под розгой этой роскошной красавицы, показавшейся мне в меховой душегрейке разгневанной царицей, во мне впервые проснулось мужское чувство к женщине, и тетка начала казаться мне с той поры обворожительнейшей женщиной во всем Божьем мире».

В том, что одним из базовых компонентов мазохизма является гиперсексуальность 3-й Физики — сомнений нет. На это со всей очевидностью указывает трепетное, восторженное отношение к физическому контакту между полами — явлением для других Физик достаточно банальному и обыденному. Еще одна подсказка — типичная для «недотроги» раздвоенность отношения к интимной стороне жизни, где напускное ханжеское неприятие сочетается со скрытой жадной сексуальностью. Об этом вполне откровенно пишет сам Мазох: «Еще в колыбели, как мне рассказывала впоследствии моя мать, я проявлял

«сверхчувственность»: я не выносил здоровую грудь кормилицы и меня вынуждены были вскормить козьим молоком. Маленьким мальчиком я обнаруживал загадочную робость перед женщинами, в которой таилась, в сущности, ненормальное влечение к ним...

По-видимому, вся моя катовская суровость и вся робость перед женщинами была ни чем иным, как утонченнейшим чувством красоты. С той поры чувственность возросла в моей фантазии до степени культа своего рода...

Женщина была моим истинным культом.

Я видел в чувственности нечто священное — даже единственно священное».

Вместе с тем, сама по себе 3-я Физика не делает ее обладателя мазохистом, она стимулирует сексуальность, но не определяет форм, в которые эта сверхчувственность облекается. В случае мазохизма эта сверхчувственность именно такова, потому что 3-я Физика сочетается с 4-й Волей. То есть, в нем, наряду с сексуально-физическим, присутствует и волево-иерархический элемент.

Причем, если верить Достоевскому, мазохизм может вовсе обходиться без первой сексуальной половины и просто получать по 4-й Воле удовольствие от бесполого проявления своего раболепия. Вспомним, в «Идиоте» Рогожин грозит высечь одного липнувшего к нему чиновника, на что последний с радостью отвечает: *«А коль высечешь, значит, и не отвергнешь! Секи! Высек, и тем самым запечатлел...»*

По сути, мазохизм есть одно из проявлений заниженной, инфантильной самооценки 4-й Воли, иногда окрашенной, иногда неокрашенной гиперсексуальностью 3-й Физики.

О том, что дело обстоит именно так, а не иначе, свидетельствуют два крупнейших эксперта по этой части: Руссо и Захер-Мазох. Последний прямо объяснял свое неординарное пристрастие тем, что у него «мягкая, податливая, чувственная натура», т.е. соединял слабохарактерность и повышенную сексуальность. Причем, в его любовных признаниях безраздельно доминировал первый элемент — обещание искреннего холопства. Он говорил: «...если бы я имел право выбора — властвовать или быть подвластным — то *мне показалось бы гораздо более привлекательной роль раба* прекрасной женщины. Но где же я нашел бы такую женщину, которая не добивалась бы влияния мелочной сварливостью, а сумела бы властвовать в спокойном сознании своей силы?» В тон Мазоху писал Руссо: «Быть любимым всеми близкими было моим живейшим желанием. Я был кроток...

Всю жизнь я вожделем и безмолвствовал перед женщинами, которых больше всего любил...Быть у ног надменной возлюбленной, повиноваться ее приказаниям, иметь повод просить у нее прощения — все это доставляло мне очень нежные радости; и чем больше мое живое воображение воспламеняло мне кровь, тем больше я походил на охваченного страстью любовника. Понятно, что этот способ ухаживания не ведет к особо быстрым успехам и не слишком опасен для добродетели тех, кто является их предметом».

Помнится, уже говорилось, что и 4-й Воле присуще иерархическое восприятие мира, в котором, так же, как и на взгляд 1-й Воли, все поделено на двух уровнях: верхнем и нижнем. Специфика философии 4-й Воли заключается в том, что себя она непременно помещает на нижний уровень, на уровень зависимости, вторичности, подчиненности. Там «крепостному» удобнее, естественнее, комфортнее. Поэтому и удовольствие от порки, получаемое «руссо» и братом его по нижним функциям «августином» (см.), физиологически связано лишь с тем, что рука, держащая плеть, принадлежит существу другого пола. Душевные же радости от насилия над собой он испытывает, получая более чем ощутимые доказательства, пребывания на родной для себя нижней ступени («высек, значит, я — твой»).

Особая трудность запечатления образа «руссо» заключается в нестойкости его психического облика. Как всякий «крепостной», он невольный Протей, живущий в том мире и в той системе ценностей, какие с легкостью навязал ему оказавшийся поблизости человек. Поэтому нет никакой уверенности, что завтра он будет таким же, как вчера. Способность к искреннему хамелеонству создалась самим Руссо как некое изначальное свойство его природы и даже не вызывала внутреннего протеста или чего-либо похожего на самосуд. Что делать — таким уж уродился...

Рассказывая, как из пансиона, претендующего на статус учреждения просвещенного и утонченного, он сразу попал в мастерскую ремесленника, Руссо поведал о произошедшей с ним метаморфозе следующее: « Мой хозяин Дюкоммен был молодой человек, грубый и резкий; и ему в очень короткий срок удалось омрачить мое радостное детство, огрубить мой ласковый, живой характер и низвести меня в умственном отношении, как я уже был низведен и в самом своем положении, до уровня настоящего подмастерья. Латинский язык, античный мир, история — все было забыто надолго; я даже не вспоминал о том, что на свете существовали римляне... Самые низкие наклонности, самое гнусное озорство заняли место милых забав, не оставив о них даже воспоминания. Видимо, *не смотря на самое благоприятное воспитание, у меня была большая склонность к нравственному падению, так как оно совершалось очень быстро, без малейшего затруднения...*»

Так и переходил Руссо из рук в руки, постоянно мимикрируя, пока не попал в стальные когти своей тещи, мадам Левасер. Милый, простодушный мазохист до брака, Руссо под пятой тещиной 3-й Воли сделался «по-мещански» злопамятен, завистлив, пуглив, поэтому послебрачный психический облик философа являлся миру не в собственном, а в тещином макияже. Хотя память о себе самом, в своем натуральном виде продолжала жить в Руссо, и ниже приводимый отрывок из «Исповеди» показывает, как выглядит принадлежащий себе «руссо» в те краткие минуты, когда его не держат за шиворот. Руссо исповедовался: «...посредственное существование было в значительной степени следствием моего характера — пылкого, но слабого, более склонного к унынию, чем к предпримчивости... **Характера, чуждого больших добродетелей и еще более чуждого больших пороков, постоянно возвращавшего меня к жизни беззаботной и покойной, для которой я чувствовал себя рожденным, и никогда не позволявшего мне стремиться к чему-то великому как в добре, так и в зле.**» Весь порядок функций «руссо» воспроизведен здесь полностью: 1-я Эмоция, 2-я Логика, 3-я Физика, 4-я Воля.

«Руссо» — худощав, не сказать, чтобы красив и робок. Глаза большие, блестящие. Мимика и жест размашисты, речь горячая, страстная, но ей не хватает энергии, чтобы быть убедительной. Одет небрежно, волосы длинные и малоухоженные. Особенно ласков и угодлив с существами противоположного пола.

АННА АХМАТОВА

- 1) ВОЛЯ («царь»)
- 2) ЭМОЦИЯ («актер»)
- 3) ЛОГИКА («скептик»)
- 4) ФИЗИКА («лентяй»)

Ахматова была еще маленькой девочкой, еще не написала ни строчки, а отец уже называл ее «декадентской поэтессой». То есть, в случае с Ахматовой психотип так рано и открыто заявил себя, что стал читаем близкими задолго до того, как стал ее судьбой.

Присущие декадентской поэзии печаль, холод, упадок сил, безжизненность были органичны и для 4-й Физики Ахматовой, равно как точность и выразительность слова (2-я Эмоция) при передаче этих состояний. Так что раннему узнаванию близкими будущности Ахматовой особенно удивляться не приходится. Когда же маленькая Анна села писать, ее поэтические опыты лишь подтвердили отцовский давний диагноз. Сама Ахматова рассказывала, как ее мать внезапно заплакала после чтения стихов дочери и проговорила: «Я не знаю, я вижу только, что моей дочке — плохо».

Психотип «ахматовой» запрограммирован на трагедию, и внешние обстоятельства не в силах переменить что-либо в этой программе. Знавший Ахматову в дни, когда ее положению могла бы позавидовать любая женщина, ее первый муж писал:

*«Царица иль, может быть, только капризный ребенок,
Усталый ребенок с бессильной мукою взгляда..»*

*«Кто объяснит нам почему
У той жены всегда печальной
Глаза являют полутьму»...*

*«Ее душа открыта жадно
Лишь медной музыке стиха,
Пред жизнью, дольней и отрадней,
Высокомерна и глуха»..*

*«Покликаешь — морщится,
Обнимешь — топорщится,
А выйдет луна — затомится,
И смотрит, и стонет,
Как будто хоронит
Кого-то, — хочет топиться».*

Прозой Гумилев рассказывал о том же: «Анна Андреевна почему-то всегда старалась казаться несчастной, нелюбимой. А на самом деле — Господи! — как она меня терзала и как издевалась надо мной. Она была дьявольски горда, горда до самоуничужения. Но до чего прелестна, и до чего я был в нее влюблен!..

А казалось, кому как не ей быть счастливой? У нее было все, о чем другие только мечтают. Но она проводила целые дни, лежа на диване, томясь и вздыхая. Она всегда умудрялась тосковать и горевать и чувствовать себя несчастной. Я шутя советовал ей подписываться не Ахматовой, а Анна Горенко (т.е. подлинной фамилией — А.А.). Горе — лучше не придумать.»

Пройдет пятьдесят лет и уже наши современники будут описывать все ту же гордую женщину, лежащую на диване, томясь и вздыхая. Они будут думать, что источник ее горя в трагической судьбе, и ошибаться при этом. Она родилась такой. С таким психотипом. Сомнительной удачей Ахматовой можно считать лишь то, что ее психотип трагически «схлопнулся» с судьбой, жизнь подтвердила правоту врожденного мироощущения. Были расстрелы мужей, изгнание возлюбленных, каторга сына, травля властей, нищета, и все это, естественно, влияло соответствующим образом на восприятие читателя. Но на музу Ахматовой эти трагические обстоятельства не влияли никак, ее мировосприятие всегда было катастрофично и внешнее благополучие или неблагополучие ничего не добавляло к посеянному природой.

Вместе с тем, Ахматова, как никто, знала: каким мощным резонатором поэзии является судьба поэта, недаром она, узнав о суде над Бродским, не без зависти бросила: «Ка-

кую биографию делают нашему рыжему! Как будто он кого-то нарочно нанял.» Она сама почти эксплуатировала ужас своей жизни, с порога посвящая в нее даже едва знакомых людей, и ядовитый Исайя Берлин, ошеломленный ее откровенностью при первом же визите, писал: «Рассказ о непрекращающейся трагедии ее жизни выходил далеко за пределы того, что мне когда-либо доводилось слышать». Однако и эффект от такого пугающего предисловия производился немалый. Другой паломник к Ахматовой признавался: «Она притягивала к себе не только своими стихами, не только умом, знаниями, памятью, но и подлинностью судьбы. *В первую очередь подлинностью судьбы*».

* * *

Уж коль речь зашла о 4-й Физике (а хроническую печаль, как мы помним, навевает именно она), можно, на примере Ахматовой, проследить все ее повороты на разных плоскостях физического бытия.

В своем пренебрежении к быту Ахматова могла бы соперничать с самыми фанатичными пустынножителями. Вот одно из свидетельств: «Жила Ахматова тогда — даже не скажешь: бедно. Бедность — это мало чего-то, у нее же не было ничего. В пустой комнате стояло небольшое старое бюро и железная кровать, покрытая плохим одеялом. Видно было, что кровать жесткая, одеяло холодное. Готовность любить, с которой я переступила этот порог, смешалась у меня с безумной тоской, с ощущением близости катастрофы... Ахматова предложила мне сесть на единственный стул, сама легла на кровать, закинув руки за голову (ее любимая поза) и сказала: «Читайте стихи».

Хотя в данном случае аскезу Ахматовой можно считать вынужденной, появление денег мало что меняло в ее жизни. Продолжим цитирование: «После смерти Сталина Ахматовой сразу стало легче, хотя бы в денежном отношении. Вышел ее перевод пьесы «Марион Делорм» в собрании сочинений Виктора Гюго, она получила первые крупные деньги, — они доставили ей много удовольствия. Правда, она никак не изменила своего быта и не предалась жизнеустройству. Прожив всю жизнь бездомной, она не стала на склоне лет обзаводиться хозяйством. Я как-то спросила Анну Андреевну: «Если бы я стала богатой, сколько времени я получала бы от этого удовольствия?» — Она ответила с присущей ей ясностью: «Недолго. Дней десять».

Интересно отметить, что непрактичность, беспомощность Ахматовой перед лицом насущных проблем играла в ее жизни двоякую роль: часто ставила на край гибели и столь же часто спасала. Например, во время войны Лидия Чуковская, ближайшая подруга Ахматовой, попав к Цветаевой в Елабугу, сказала, пробираясь через местную грязь: «Слава Богу, Ахматова не здесь, здесь она непременно погибла бы... здешний быт убил бы ее... она ведь ничего не может.» И вместе с тем, во время совместного с Ахматовой бегства в Ташкент та же Чуковская «не могла не поразиться способности Ахматовой быть выше физических тягот путешествия».

«Чужих мужей вернейшая подруга,» говорила о себе Ахматова и нисколько не лукавила. Хотя с другой стороны, верность мужчине не стоила ей большого труда. «Лентяи», т.е. обладатели 4-й Физики, вообще не склонны к изменам из простого равнодушия к сексу.

Единственно, что может подтолкнуть 4-ю Физику к супружеской неверности — это тщеславие, жажда мести, зависимость и политические соображения. У «ахматовой» же, как у всякой 1-й Воли, политика — в крови, поэтому секс для нее не столько плотская утеха, сколько политический инструмент семейного или общественного назначения. Качество, количество претендентов на обладание, броскость жестикуляции при ухаживании играет для «ахматовой» главенствующую роль и при удаче носятся как орден на груди и пожизненно. Сама Ахматова любила рассказывать, что когда у нее был роман с Гумилевым, «она уехала в Крым. Гумилев поехал туда, чтобы с ней увидеться. Он приехал к

даче, подошел к забору и заглянул в сад: она сидела в белом платье и читала книгу. Гумилев постоял, не решился окликнуть ее и уехал в Петербург. Она рассказывала мне это и с горечью, но *с гордостью...*»

Сам же по себе секс «ахматовой» беспартиен, и Жданов был очень близок к истине, когда клеймил Ахматову ворованной фразой о полублуднице-полумонахиня. Хотя обычно монахиня превалирует в «ахматовой» над блудницей, и, если качественная сторона близости не вызывает у партнеров нареканий, то количество часто вызывает таковые.

Еще одна шокирующая деталь интимной жизни «ахматовой» — склонность, как говорят, «крутить динамо», т.е. провоцировать сексуальное возбуждение без расчета его удовлетворить. Причем, «ахматова», в отличие от других типов, часто провоцирующих такие ситуации произвольно, бессознательно, «динамит» целенаправленно и обдуманно. Цель — обычная для «царственных» особ, — политес, стремление сформировать вокруг себя свиту, без которой игра в монарха немислима. Надо отдать должное, «динамо» «ахматовой» почти всегда удается и ясно почему: тонкая, рафинированная красота, непринужденность при обсуждении самых щекотливых тем (4-я Физика), сила и богатство эмоционального строя (2-я Эмоция) — соблазнят хоть святого. Совершенно очаровательную картину «динамизма» в его «ахматовской» версии дал Саша Черный:

*«Она была поэтесса,
Поэтесса бальзаковских лет.
А он был просто повеса,
Курчавый и пылкий брюнет.
Повеса пришел к поэтессе.
В полумраке дышали духи,
На софе, как в торжественной мессе,
Поэтесса гнула стихи:
«О, сумей огнедышащей лаской
Всколыхнуть мою сонную страсть.
К пене бедер, за алой повязкой
Ты не бойся устами припасть!
Я свежа, как дыханье левкоя,
О, сплетем же истомности тел!»
Продолжение было такое,
Что курчавый брюнет покраснел.
Покраснел, но оправился быстро
И подумал: «Была не была!
Здесь не думские речи министра,
Не слова здесь нужны, а дела...»
С несдержанной силой кентавра
Поэтессу повеса привлек,
Но визгливо-вульгарное: «Мавра!!»
Охладило кипучий поток.
«Простите»...- вскочил он, — «вы сами...»
Но в глазах ее холод и честь:
«Вы смели к порядочной даме,
Как дворник с объятьями лезть?!»*

Несмотря на всю карикатурность картины, нарисованной Сашей Черным, она верно воспроизводит «ахматовскую» систему сексуальной провокации. Скажем больше, известен случай, когда Ахматову, далеко перешагнувшую тогда бальзаковский возраст, пытал-

ся «по-дворнически» обнимать ни кто иной как Борис Пастернак. И получил надлежащий отпор.

Усугубляет ситуацию в любовных играх «ахматовой» то, что сколько бы она ни говорила во всю силу своей 2-й Эмоции о любви, по-настоящему любить ей, как всякому «царю» не дано. И предметы страсти это чувствуют. Гумилев писал:

*«То лунная дева, то дева земная,
Но вечно и всюду чужая, чужая».*

С мужем в стихах же как бы соглашалась сама Ахматова:

*«Я пью за разоренный дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоем,
И за тебя я пью...»*

* * *

О природной царственности, величавости Ахматовой не писал только ленивый. Приведу лишь некоторые из большого числа такого рода описаний: «... в ее глазах, и в осанке, и в ее обращении с людьми наметилась одна главнейшая черта ее личности: величавость. Не спесивость, не надменность, не заносчивость, а именно величавость: «царственная», монументально-важная поступь, нерушимое чувство уважения к себе...», «...что-то королевское было во всем, что ее касалось. Она недвусмысленным образом давала аудиенцию, ибо как еще описать способ, которым она терпеливо принимала поток бесконечных посетителей...», «...важнейшая ее черта — аристократизм. И внешности, и душевному ее складу было присуще необычайное благородство, которое придавало гармоничную величавость всему, что она говорила и делала. Это чувствовали даже дети. Она мне рассказывала, как маленький Лева просил ее: «Мама, не королевствуй!»»

Думаю, излишне говорить, что такая манера держаться — прямое производное от 1-й Воли Ахматовой. Но. Не от всякой «ахматовской» 1-й Воли следует ждать демонстраций столь очевидного своего превосходства. *Но только от той 1-й Воли, что достигла результата*, результат для «царя» — это когда сформирована свита, появились подданные, «монарх» создал «монархию», и лишь на этой базе он в состоянии успешно играть в превосходство, в харизматическое лидерство.

Кружение неких людей вокруг Ахматовой никогда не прекращалось, свита, небрежно названная Пастернаком «ахматовкой», не покидала ее даже в самые суровые годы, так что реализовывать свою 1-ю Волю ей было на ком. Говоря о своих подданных, она иногда даже пользовалась словарем, позаимствованным у советской номенклатуры. Например, поиск среди поклонников нужного на данный момент человека, она называла «порыться в кадрах»(!)

Вместе с тем, именно достижение результата 1-й Волей Ахматовой заметно портило органичную величавость имиджа поэтессы мелочностью, обидчивостью, суетностью, оглядкой на чужое мнение, «она бывала капризна, деспотична, несправедлива к людям, временами вела себя эгоистично.» Бунину Ахматова до смерти не простила злую эпиграмму на себя, на Блока пожизненно обиделась за недостаточное внимание к своей особе, Пастернаку откровенно завидовала и ревновала к его, как ей казалось, незаслуженной славе («нобилевка», международный скандал и т.д.).

Хотя склонностью к стихосложению заведует Эмоция, в данном случае 2-я, стиль поэзии Ахматовой диктовала 1-я Воля. Ее стиху присущи величавость, классическая простота, лаконизм, ясность, «боязнь ничем не оправданных поэтических преувеличений, чрезмерных метафор и истасканных тропов» (Жирмунский), «властная сдержанность... Иногда она опускает один-два слога в последней и предпоследней строчке четверости-

шая, чем создает эффект перехваченного горла или невольной неловкости, вызванной эмоциональным напряжением» (Бродский), « Само голосоведение Ахматовой, твердое и уже скорее самоуверенное... свидетельствует не о плаксивости...но открывает лирическую душу скорее жесткую, чем слишком мягкую, скорее жестокую, чем слезливую, и уж явно господствующую, а не угнетенную...»(Недоброво). Слово Ахматовой — это «царственное слово», и практически весь свой порядок функций она запечатлевает в четырех очень выразительных строках:

*«Ржавеет золото и истлевает сталь,
Крошится мрамор — к смерти все готово.
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней — царственное слово.»*

Процессионность Эмоции и Логики, т.е. функций речевых, предполагает, что Ахматова должна была быть многословной. Однако это не так, по свидетельству современников, «она была молчаливой». И кроме естественной пугливости 3-й Логики, это обстоятельство обуславливается также «царственной « 1-й Волей, «величавость поведения сдерживала свободное излияние мысли», — болтливость не монаршая черта.

Вообще, на примере Ахматовой с лабораторной чистотой можно наблюдать трагедию самоуничтожения под прессом 1-й Воли. Корней Чуковский, видевший Ахматову близко, но не из свитской толпы, писал: «Мне стало страшно жаль эту трудно-живущую женщину. Она как-то вся сосредоточилась на своей славе — и еле живет другим.»

Ахматова любила играть в плотскую расслабленность, но жалость к себе не выносила и была в этой безжалостности к себе совершенно права. Рассказывают, что во время проводов Ахматовой в Москву «одна благостная старушка... (которая) задолго до отхода поезда несколько раз обняла и перекрестила ее даже прослезилась. Когда она ушла, Ахматова... сказала: «Бедная! Она так жалеет меня! Так за меня боится! Она думает, что я такая слабенькая. Она и не подозревает, что я — танк». И у всех, кто имел дело с «ахматовой», бывает случай убедиться в справедливости этого признания.

* * *

3-я Логика также вполне явственно проглядывала в поведении Ахматовой. Она тускнела и уходила в себя во время интеллектуальных споров, хотя саму по себе ученость очень ценила, и научные успехи сына были предметом ее неизменной гордости. Ранимость ее по 3-й Логике видна хотя бы из того примера, что, когда в одном предисловии к сборнику стихов ей довелось прочитать «У Ахматовой не хватило ума...», с ней случился тяжелейший приступ стенокардии. Этот случай — хорошая иллюстрация не совсем банальной еще мысли, что душа, дух, ум и тело (психосоматика, одним словом) находятся в такой неразрывной связи, что всякое воздействие на один отдел, так или иначе отзывается на других. В данном случае удар по 3-й Логике аукнулся на 4-й Физике.

Из чисто внешней аллергии Ахматовой на всяческие проявления высоколостности вовсе не следует, что люди ее типа избегают серьезных интеллектуальных занятий. Отнюдь. Пример таких представителей рода «ахматовых» как Шопенгауэр и Кьеркегор показывает не только предрасположенность этого типа к философии, но и какая именно философия может ими исповедываться. Конечно же, скепсис кладется во главу угла «ахматовской» философской системы. Основой же мироздания мыслится лишенная рациональных тормозов, безмозгая Мировая Воля, которая с детской бестолковостью таскает индивидуума-куклу по кочкам бытия, а наигравшись, сбрасывает в бездну забвения. Наихудшим из миров считал этот мир Шопенгауэр и называл свою философию «философией пессимизма». Что очень подходит ко всему «ахматовскому» роду, испытывающему хроническое чувство одиночества и печали. Право, ахматовской скорбной музе может соот-

ветствовать только шопенгауэровское умозрение отчаяния (1-я Воля+4-я Физика). Живи, думается, Ахматова с Шопенгауэром в одно время, они бы составили хорошую пару.

* * *

По своей 2-й Эмоции «ахматовы» самой природой расположены к художественному творчеству, и потому Ахматовой список славных представителей данного рода, посвятивших себя искусствам и литературе, конечно, не исчерпывается. К «ахматовскому» типу можно причислить Эсхила, Вергилия, Данте, Камюэнса, Баха, Тассо, Лермонтова, Леопарди, Элеонору Дузе, Поля Гогена, Врубеля, Кнута Гамсуна, Вилье де Лиль-Адана, Бунина, Марлен Дитрих, Майю Плесецкую, Галину Вишневскую, Коко Шанель, Джона Леннона, Александра Солженицына.

Из живописцев Ахматова больше всего любила Шагала; Джотто она предпочитала Рафаэлю, Эль Греко — Веласкесу и не любила Гогена. Определенные пристрастия Ахматовой в живописи легко объяснимы. Она по 4-й Физике отдавала предпочтения художникам спиритуалистического направления, чуждых чувственности и приземленности. Неясной кажется только ее антипатия к Гогену, принадлежавшему к тому же «ахматовскому» роду.

Объяснение тут может быть очень простое. Ахматова, как поэтесса, сразу нашла себя, заговорила своим языком, чему способствовал общий декадентско-трагический настрой доминировавшей в тогдашней русской поэзии 4-й Физики. Гогену же было труднее, ему пришлось прорываться сквозь солнечную, чувственную, жизнерадостную живопись своих предшественников и современников к себе — лунному, бесплотному, скорбному. Полностью собственный язык обрести Гогену так и не удалось, однако при взгляде на его картины, зрителя не покидает ощущение какой-то неловкости, двусмысленности, противоречия между ожидаемым и зримым. Таити — солнечный остров, его аборигены веселы и жизнелюбивы, но колорит таитянского цикла гогеновских картин темен, модели строги, задумчивы и погружены в тень. Гоген распутничал и писал голых женщин, но его «ню» до странного безлибидны, плоски, сексуально обесточены. Появление в конце жизни Гогена нескольких картин с лунным пейзажем и мистико-ритуальным сюжетом, кажется, свидетельствует о достижении чаемого самоотжествления души художника и ее живописного выражения, но именно в тот момент, когда художник обрел свой голос, его земному существованию пришел конец. Поэтому о подлинном самовыражении Гогена можно говорить лишь гипотетически — участь, которой, по счастью, удалось избежать Ахматовой, не узнавшей поэтому в художнике брата по духу.

Вот, вам еще один поворот психотипической темы: неважно кем родиться, главное — уместно.

* * *

Хотя художественная сфера для «ахматовой» чрезвычайно удобна, данный тип редко реализуется в ней целиком. 2-я Эмоция находит среди литературы и искусств неиссякающую пищу, но 1-я Воля реализуется далеко не всегда, разве что за пультом дирижера или в кресле режиссера. Богема, артистическая среда слишком анархичны, слишком бронунысты, чтобы организовываться на какой бы то ни было основе. Как известно, попытки даже такой мощной фигуры как Гоген навести порядок в буйной толпе постимпрессионистов закончились полным крахом.

Иначе дело обстоит, когда «ахматова» обращается к религии, к мистике — здесь она может реализовываться полностью. Не только 2-я Эмоция ее находит себе в религиозно-мистической сфере постоянный корм, но и 1-я Воля нашупывает под ногами ступе-

ни той организационной структуры, которой не хватает «ахматовой» в искусстве и которая ведет ее наверх, туда, где живет единственное, жадно желаемое 1-й Волей — Власть.

Тип «ахматовой», обретайся он в религиозной сфере, лучше назвать «типом гуру», гуру, скорее, тантристской ориентации. Обуславливается такая характеристика тем, что абсолютная власть (1-я Воля) гуру в «ахматовского» вида сектах сочетается с концепцией исключительно эмоционального восприятия Абсолюта и исключительно эмоционального давления на Него: экстаз, чтение мантр, сны, видения, глоссолалии и т.д. (2-я Эмоция). Еще одной отличительной чертой «ахматовского» сектанства является отсутствие разработанной идеологии (3-я Логика) и суровых норм, ограничивающих запросы плоти (4-я Физика).

Ахматова, как известно, причисляла себя к православию, но думается, в ее русской церковности было больше политической фронды, чем искреннего религиозного чувства. Для внутреннего ощущения Ахматовой христианство излишне аскетично, недостаточно трагично, слишком умозрительно и больно склонно к сегрегации по половому признаку, исключающей серьезную женскую церковную карьеру. Ахматова скорее ощущала себя ветхозаветной пророчицей, мистическим судьей, Кассандрой (как называл ее Мандельштам):

*«Я гибель накликала милом,
И гибли один за другим.
О, горе мне! Эти могилы
Предсказаны словом моим.»*

*«Нет царевич, я не та,
Кем меня ты видеть хочешь,
И давно мои уста
Не целуют, а пророчат.*

*Не подумай, что в бреду
И замучена тоскою,
Громко кличу я беду:
Ремесло мое такое.»*

Судьба не дала Ахматовой шанса проявить себя на религиозно-мистическом поприще, роль случайного уцелевшего патриарха мученически погибшей поэтической школы и живого идола немногих истинных ценителей поэзии — вот ее удел. Некоторым другим представителям рода «ахматовых» повезло больше, и они целиком реализовали свой психотипический потенциал в этой самой удобной для себя области. С большой долей вероятно к числу таких деятелей можно отнести: святого Бернарда Клервосского, основателя русского раскола протопопы Аввакума, родоначальницу «Христианской науки» Мэри Бекер-Эдди, папу Бонифация VIII.

Фигура папы Бонифация особенно интересна для психолога, так как благодаря ей легко перебросить мостик от «ахматовой»-мистика к «ахматовой»-политику. Для папства политический азарт — явление нормальное, практически обязательное, но мало кто из пап мог сравниться по этой части с Бонифацием. «Религиозный, несмотря на вырывавшиеся у него в минуты раздражения слова, несовместимые с носимым им саном и подававшие потом повод к обвинению его в ереси, Бонифаций искренне и глубоко верил в церковь»; темперамент папы «не мало способствовал неудаче многих его предприятий и был причиной того, что в конце понтификата он совершенно утратил понимание реальных отношений». Бонифаций, отличавшийся «орлиной остротой взгляда» и «смелостью льва», «вызывал протесты и сопротивление властными чертами своего характера и редкой надменностью. Он не терпел помех своей воле, уверенный, что «доживет до той поры, когда все его враги будут задушены»«. Неспособный к дружбе и несдержанный, он

мог в лицо обзывать французов собаками, короля неаполитанского — сволочью и грозить Филиппу Красивому согнать его с трона, как мальчишку. Еще меньше церемонился Бонифаций со своими подчиненными, католическими клириками. Итог политики папы, лишенной трезвого расчета, основанной исключительно на эмоциях и крайней самоуверенности, оказался плачевен, он умер гонимым, покинутым всеми.

* * *

На примере Бонифация VIII легко в общих чертах представить себе характер, поведение и судьбу, занятой в политике, «ахматовой». Для полноты картины добавлю только, что из известных политиков к данному роду принадлежали: Александр Македонский, императоры Август и Адриан, Людовик Святой, Валленштейн, последняя русская императрица Александра, последний немецкий император Вильгельм II, Адольф Гитлер, Индира Ганди, Джохар Дудаев, Александр Лукашенко. Суммой психотипических черт «ахматовой»-политика можно считать непринужденную власть, непоколебимую веру в себя, бескомпромиссность, бесстрашие, воинственность, беспощадность, неприхотливость в быту, склонность к мистике, ораторский талант, трагизм прогнозов, импульсивность, иррациональность, непредсказуемость поведения, планов, настроений и зачастую в результате — печальный конец политической карьеры, обычно насильственный.

Особого разговора в связи с политической деятельностью «ахматовой» заслуживает такая спорная фигура в мировой истории как Адольф Гитлер. Его образ оказался настолько искаженным пропагандой союзников по антифашистской коалиции, что до сих пор карикатура на Гитлера, нарисованная в годы войны, принимается за него самого. Однако стоит раскрыть «Застольные разговоры Гитлера», как становится очевидна несостоятельность стереотипа «бесноватого фюрера», и перед читателем предстает, может быть, слишком самоуверенный, не слишком умный, не слишком и однобоко образованный, но совершенно нормальный человек. Если и было в поведении фюрера что-то экстравагантное, то не для норм его психотипа, а для иных психотипических норм. Гитлер был, занятой в политике, «ахматовой», и тем проблема психики фюрера, можно сказать, исчерпывается.

Сама параллель Ахматова — Гитлер выглядит, на первый взгляд, кощунственной, но вчитаемся в такие строки:

*«Он не станет мне милым мужем,
Но мы с ним такое заслужим,
Что смутится Двадцатый Век».*

Узнаваемо? Очень по-гитлеровски звучит, а ведь это цитата из «Поэмы без героя». И повод для такого прозрения будущего сотворенного Ахматовой апокалипсиса столь же бредов, как мотивы гитлеровских политических галлюцинаций. Ахматова возомнила, что ее встреча с Исайей Берлиным была эпохальной. Сам Берлин писал об этом так: «Мы — то есть она и я — неумышленно простым фактом нашей встречи, начали холодную войну и тем самым изменили историю человечества. Она... была совершенно в этом убеждена и рассматривала себя и меня как персонажей мировой истории, выбранных роком, чтобы начать космический конфликт»(!) Характерное для «ахматовых» крайнее самомнение, помноженное на иррациональный трагический прогноз, непременно дает одну и ту же самодовольную апокалиптическую картинку, а в чьей голове она возникает: русской поэтессы или немецкого политика — ни так уж важно.

На примере Гитлера вообще удобно наблюдать «ахматову»-политика в его чистейшем виде. Сочетание 1-й Воли и 2-й Эмоции делало из Гитлера великолепного оратора, оратора, апеллирующего не к разуму публики, а к ее эмоциям. Для униженных версальским договором немцев и в условиях демократии такая комбинация могла оказаться и оказалась особенно действенной. Сам Гитлер прекрасно осознавал решающую роль 1-й

Воли, как компонента своего ораторского таланта и даже время своих выступлений увязывал с вечерним временем, периодом усталости и упадка духа. Он говорил: «По утрам и даже в течение дня человеческая воля гораздо сильнее сопротивляется попыткам подчинить ее другой воле и чужим мнениям. Между тем вечером люди легче поддаются воздействию, которое оказывает на них более сильная воля. В самом деле, каждый митинг — это борьба двух противоположных сил. Ораторский дар, которым обладает более сильная, апостолическая натура, в это время дня сможет гораздо легче захватить волю других людей, испытывающих естественный спад своих способностей к сопротивлению, чем это удалось бы сделать в другое время с людьми, еще сохранившими полный контроль над энергией своего разума и воли.»

Вторым после 1-й Воли компонентом ораторского дара и залогом политического успеха Гитлера являлась мощная процессионная 2-я Эмоция. Ее фюрер тоже ясно чувствовал в себе, поэтому часто отзывался о себе как о «художественной натуре» и грозился бросить политику ради искусства. Во всем своем блеске демонстрировала свою силу 2-я Эмоция Гитлера на трибуне. Ее способность чувствовать состояние толпы в каждый отдельный момент выступления и мгновенно адекватно реагировать на него точной яркой формулировкой, позволяла фюреру прямо смотреть в душу немца и тут же находить слова для выражения смутных, неоформленных чаяний толпы. В сочетании с самоуверенностью и напором 1-й Воли, гипноз 2-й Эмоции Гитлера превращал слушателя в зомби, во всяком случае на то время, пока он непосредственно находился в поле гитлеровского речевого магнетизма.

Слабость ораторского дарования фюрера заключалась в том, что апеллировал он исключительно к эмоциям человека, пренебрегая в речах доводами рассудка. Поэтому долгосрочным его воздействием были подвержены только те, у кого Эмоция стояла Вверху, а Логика — Внизу. Перед волевыми думающими людьми бисер гитлеровского красноречия метался совершенно напрасно.

Многое в речах Гитлера отпугивало мыслящих людей, прежде всего его откровенный антиинтеллектуализм, обусловленный, как мы теперь понимаем, «ахматовской» 3-й Логикой. «Скептицизм» Гитлера вполне открыто проявился еще в детстве, маленький Адольф не только плохо учился, но еще и гордился этим, а когда получил аттестат зрелости, то первым делом им подтерся (идеальный для 3-й Логики жест). Раздвоение, типичное для Третьей функции, на примере 3-й Логики Гитлера также проглядывает вполне явственно: по его собственным словам, в годы безвестности он не смел рта раскрыть, однако по мере восхождения по ступеням социальной лестницы язык его все более развязывался, и под конец карьеры подчиненные вынуждены были жаловаться на «стихийное говорение» и «речевой эгоизм» фюрера.

Даже знаменитый антисемитизм Гитлера был отчасти замешан на «скептицизме» 3-й Логики. Он любил говорить: «Евреи — это опаснейшие микробы разложения, они способны только к аналитическому, а не синтетическому мышлению». Вряд ли сам фюрер смог бы объяснить, что он имел ввиду под «синтетическим мышлением», но под ненавистным аналитическим мышлением, похоже, имел ввиду мышление как таковое, точнее, склонность серьезно на него опираться в своих взглядах и поступках, на что сам Гитлер не был по-настоящему способен. Вывожу это из того, что он презирал и боялся ученых почти так же, как и евреев. В «Застольных разговорах» можно найти следующий характерный пассаж: «В некоторых областях любая профессорская наука оказывает губительное воздействие: она *уводит прочь от инстинкта*. Она очерняет его в глазах людей.

Карлик, у которого нет ничего, кроме знаний, боится силы. Вместо того чтобы сказать: знания без здорового тела ничто, он отвергает силу. Натура приспосабливается к жизненным условиям. И если бы мир на несколько веков доверили немецкому профессору, то через миллион лет нас бы окружали сплошные кретины: огромные головы на крошечных телах».

3-я Логика — ахиллесова пята политика «ахматовского» типа, именно на скепсисе чаще всего обжигается он и губит свою карьеру. Причем, ход исторического процесса таков, что умозрение вообще и плод его — наука в частности соделываются все более весомыми аргументами в политических играх и тем почти автоматически записывает в аутсайдеры занятую на этом поприще «ахматову». Финал жизни Гитлера, как и картина мира, могли бы оказаться иными, не пренебрегай он фундаментальной наукой и не экономя на атомной программе.

Воинствующий скептицизм — половина беды «ахматовой»-политика. Гораздо хуже то, что, не находя опоры в 3-й Логике, все свое доверие политики этого типа отдают 2-й Эмоции, т.е. фактически руководствуются настроениями и суевериями. Биограф императора Августа писал: «Сновидениям, как своим, так и чужим, относящимся к нему, он придавал большое значение... Некоторые приметы и предзнаменования он считал безошибочными... Но больше всего его волновали чудеса.» И надо ли напоминать, как легко в этой характеристике римского императора угадывается одно из самых уязвимых мест немецкого фюрера?

Гитлер, неприхотливый в быту, равнодушный к деньгам, небабник (что бы ни говорили по этому поводу), вегетарианец, серьезного интереса к материальному миру явно не питал, но и в последовательном аскетизме замечен не был, т.е. Физика его очевидно была 4-й. Другие ее производные в психологии фюрера также читаются без труда. От 4-й Физики у Гитлера трагизм мироощущения, апокалиптичность прогноза, бесстрашие (награжден крестом в 1-ю мировую войну), жестокость, искреннее равнодушие к страданиям и гибели людей.

Вопрос выбора между славой (1-я Воля) и смертью (4-я Физика) никогда для Гитлера, как и для любой другой «ахматовой», не стоял, успех был мерой всех вещей и размеры платы за него волновали мало. Здесь, как и в случае с 3-й Логикой, «ахматовский» порядок функций подставлял ножку политику-«ахматовой». Гитлер, предпочтя славную гибель армий Паулюса и Роммеля бесславному их тактическому отступлению, заметно ускорил закат своей жизни и политической карьеры. Для Гитлера своя жизнь, жизнь своего народа, в ее чисто биологическом аспекте не представляла, ни интереса, ни ценности. Он говорил: «Если война будет проиграна, то и народ погибнет. Эта его судьба неотвратима. И нам незачем заботиться о сохранении тех материальных основ, которые требуются людям для их дальнейшего примитивного существования. Напротив, лучше нам самим это разрушить, ибо наш народ окажется слабым и будущее будет принадлежать исключительно более сильному восточному народу. Все равно уцелеют после войны только неполноценные, так как все лучшие погибнут в боях». Что тут сказать: «ахматова» (1-я Воля, 2-я Эмоция, 3-я Логика, 4-я Физика) — и все.

* * *

В жизни Гитлера есть еще несколько эпизодов, на примере которых хорошо видно, как между представителями одного типа через время и пространство протягиваются невидимые симпатические нити, нити любовного узнавания себя в других. Гитлер — политик, Шопенгауэр — философ, Гамсун — драматург. Казалось, что общего между ними? Но все трое — «ахматовы». И потому ясно становится, почему Гитлер всю свою первую войну пронесил в ранце томик Шопенгауэра, а Кнут Гамсун оказался единственным известным скандинавом, публично поддержавшим фюрера. Над такого рода фактами стоит поразмышлять, особенно когда мы психотипически узнаем себя в других: далеких и близких — обнаруживаем неизвестно откуда взявшееся единомыслие, родство душ...

Среди населения земли «ахматовский» тип не такая уж редкость. Есть даже народы, где данный психотип составляет значительную долю населения, заметно влияет на национальную физиономию, психологию и культуру. В связи с «ахматовой» в первую очередь на память приходят Испания и Кавказ. Мнится мне, что испанские и кавказские народные танцы — идеальное воплощение «ахматовского» духа. Они странно сочетают в себе **горделивое отчуждение, открытую сильную страсть и фригидность...** Узнаваемо?

Если попытаться передать одной фразой пожизненное внутреннее состояние «ахматовой», то лучше всего ограничиться цитатой из поэмы Александра Блока, где он говорит о присущем его отцу **«тяжелом пламени печали»**. Действительно, *это* — **«ахматовское»**: *печаль — от 4-й Физики, пламень — от 2-й Эмоции, тяжесть же пламени — от 1-й Воли.*

Обычно «ахматовы» худощавы, с тонкими, иконописными чертами лица. Взгляд упорный, аналитический и с блеском. Жест спокоен и величаво небрежен. Речь сдержана и весома. У женщин макияж мнимальный. Прическа аккуратная, гладкая, но волосы несколько длиннее обычного. Одежда сдержанна, строга, затянута, однако есть в «ахматовском» убранстве некий артистический, броский по форме и цвету элемент.

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЁТЕ

- 1) ФИЗИКА («собственник»)
- 2) ВОЛЯ («дворянин»)
- 3) ЛОГИКА («скептик»)
- 4) ЭМОЦИЯ («зевака»)

Гёте — один из немногих, кто, пусть бессознательно, но точно описал свой психотип. Сделал он это, однако, достаточно своеобразно: во-первых, в поэтической форме, во-вторых, начав отсчет своих функций с конца, снизу, и, наконец, поводом для описания своего порядка функций Гёте послужил заочный спор его с евангелистом Иоанном, начавшим свое благовестие со слов: «В начале было Слово» (Ио, 1.1.).

Гёте открыл Евангелие и душа его (точнее, порядок функций) восстала против такого безапелляционного определения Начала всех начал. И он решил поспорить:

*«В начале было Слово». С первых строк
Загадка. Так ли понял я намек?
Ведь я так высоко не ставлю слово,
Чтоб думать, что оно всему основа.
«В начале Мысль была». Вот перевод.
Он ближе этот стих передает.
Подумаю, однако, чтобы сразу
Не погубить работу первой фразой
Могла ли мысль в создание жизнь вдохнуть?
«Была в начале Сила». Вот в чем суть,
Но после небольшого колебания
Я отклоняю это толкование.
Я был опять, как вижу, с толку сбит:
«В начале было Дело,» — стих гласит».*

В этом отрывке из «Фауста» поражает не столько бесцеремонность Гёте, взявшего спорить с апостолом, сколько то, что оппонентом апостола в данном вопросе оказался ни кто иной как Гёте — сам признанный величайшим мастером слова. Казалось, как мог гениальный поэт, прозаик, драматург заявлять: «Я так высоко не ставлю слово». И тем не менее. Объяснять данный феномен лучше всего через психософию: у Гёте была 4-я Эмоция, и, естественно, что, независимо от рода занятий, в его внутренней иерархии ценность слова, как эмоционального ретранслятора, не могла быть значительной.

Выше Слова Гёте ставил Мысль, т.е. Логику. Но и ее он не спешил положить в основу мироздания, а просто помещал над 4-й Эмоцией, как вещь, на его взгляд более ценную, тем самым подсказывая нам, что у Гёте была 3-я Логика.

Далее в Фаусте мы читаем: «Была в начале Сила. Вот в чем суть, но после небольшого колебания я отклоняю это толкование». Сила, если природа ее не механистична, — синоним Духа, Воли («сила воли»). И уж коль Гёте поставил Силу выше 3-й Логике, но не на первое место, то 2-я Воля Гёте проявляется в этом его решении вполне отчетливо.

Итак, что же первенствует в системе ценностей Гёте? «В начале было Дело», — провозгласил он, представляя физический акт (дело) началом и опорой мироздания, т.е. проще говоря свою 1-ю Физику.

Что на самом деле было в начале и кто правее в данном споре: евангелист Иоанн или Гёте — не в том суть. Главное, размышляя о первоисточках мироустройства Гёте невольно выстроил свою систему ценностей, а вместе с ней и свой психотип. Разница между Гёте из «фауста» и психотипическим «гёте» лишь в терминах. Сравним:

Гёте («Фауст»)	«гёте» (психотип)
1) Дело	1) Физика
2) Сила	2) Воля
3) Мысль	3) Логика
4) Слово	4) Эмоция

Присуще было Гёте и характерное для его типа противопоставление Первой функции Третьей, т.е. в данном случае 1-й Физики 3-й Логике. Вспомним классическое:

*«Теория, мой друг, суха,
Но древо жизни зеленеет.»*

Однако, что замечательно, к 60-ти годам наступил в жизни Гёте момент, когда он, залечив свою природную язву по 3-й Логике, смог расстаться с врожденным фиговым листом скептицизма. И когда юный Шопенгауэр с горячностью той же, но своей 3-й Логике попытался вернуть помудревшего старого единомышленника в лоно скепсиса, уверяя его в совершенной беспомощности разума, Гёте, жалея своего юного оппонента и сочувствуя ему, все-таки не нашел для него утешения.

Биограф так писал о пережитой поэтом в тот период метаморфозе: « В научных интересах Гёте происходят перемены. Разве не относился он прежде скептически к математике и к астрономии, как к наукам невидимым? Разве не держался вдалеке от звезд и чисел, потому что тут оказались бессильными его пять священных органов чувств? Теперь он превозносит астрономию, как единственную науку, которая покоится на абсолютно твердой основе и с полной уверенностью может шагнуть сквозь бесконечность...

Прежде он нападал на Ньютона, потому что его гётевский глаз не видел того, что вытекает из опытов Ньютона. А теперь он снова спорит о том же предмете с Шопенгауэром, с молодым кантианцем. «Как,» — восклицает Гёте, — «свет существует только, поскольку вы его видите? Нет! Вас самого не было бы на свете, если бы свет не видел вас!» « Таким образом, Гёте стал одним из немногих счастливицков, достигших гармонии еще в это жизни, не дожидаясь перехода в мир иной, в котором врачуются все язвы, включая язвы по Третьей функции.

Выразительно и как-то особенно последовательно проявились в творчестве и судьбе Гёте плоды его 2-й Воли. Начнем со стихов. Одно из последних звучит так:

*«Когда в бескрайности природы,
Где, повторяясь, все течет,
Растут бесчисленные своды
И каждый свод вращает в свод,
Тогда звезда и червь убогий
Равны пред мощью бытия,
И мнится нам покоем в Боге
Вся мировая толчея».*

Удивительно глубоко, умно, сердечно и верно сказано. Емкость поэтической формы лишь усилила эффект от ощущения 2-й Воли автора: сильной, гибкой, спокойной, демократичной. В прозе Гёте говорил о том же, органично присущем ему чувстве неприятия кастовости: «...в человеческом духе, так же как и во Вселенной, нет ничего, что было бы наверху или внизу; все требует одинаковых прав на общее средоточение».

Однако самое интересное, что эта «дворянская» этика Гёте наложила неизгладимый отпечаток на область, казалось, достаточно далекую от философии и морали — на естествознание. Замечательное само по себе увлечение Иоганна Вольфганга фон Гёте, господина тайного советника, короля европейской литературы, ботаникой, зоологией, анатомией вдвойне замечательно тем, что не интеллектуальное любопытство двигало Гёте по пути естественнонаучных изысканий, а Воля.

Бессознательное поначалу ощущение **несправедливости** тогдашних научных догматов заставило Гёте бросаться в бой даже тогда, когда речь шла о классификации растений. Отдавая должное Карлу Линнею как ботанику, Гёте, понуждаемый своей 2-й Волей, не мог не восстать против признанного авторитета, когда решалась судьба картины мира. Гёте писал: «После Шекспира и Спинозы наибольшее впечатление произвел на меня Линней, именно благодаря тому противоречию, которое он во мне вызвал; ибо то, что он насильно старался разобщить, должно было, *в силу глубочайшей потребности моего существа*, слиться воедино.» Как со временем выяснилось, в споре между Гёте и Линнеем прав оказался Гёте, и в дальнейшем морфология растений развивалась именно в указанном им направлении.

В том же направлении развивались анатомические изыскания Гёте. На те времена в науке господствовала теория исключительности человека в животном мире на том основании, что среди костей его черепа отсутствовала межчелюстная косточка, непременно для черепов других млекопитающих. Гёте, конечно же, не мог пройти мимо такого явного геноцида по отношению к братьям нашим меньшим и, взяв руки детский череп, злополучную косточку нашел, посрамив в очередной раз дипломированных ученых ослов.

Прямо сказать, «гёте» — один из немногих счастливицков, о которых ничего не скажешь, как только: « Вот наградил Бог красотой тела и души». Действительно, глядя на «гёте», остается только завидовать: обильная, сочная рельефная плоть 1-й Физики облагорожена у «гёте» покойным, твердым, сильным духом 2-й Воли и потому не выглядит вульгарно. Самого Гёте часто называли «олимпийцем», и заслуженно — есть нечто олимпийское в облике «гёте»: в большом, могучем теле, в несуетной пластике, в замедленной, тихой, но весомой речи, в спокойном, несколько рассеянном взгляде. Ощущение силы, надежности, покоя и уюта — первое и неизменяемое со временем впечатление при контактах с «гёте».

Особый интерес фигура «гёте» за последнее время приобретает в связи с политической сферой. Актуальность же такого интереса в данном случае обусловлена, как ни странно, тем, что демократическая политическая система становится господствующей в мире. А в таких условиях психологии есть где разгуляться. Не открою Америки, если скажу, что демократия строится на выборном начале, а не на династическом праве преемственности и не на праве сильного. В двух последних случаях, обычных для прошлых веков, психологу делать было нечего, так как психотип властителя был делом случая и произвола. Иные условия создает демократия, когда симпатии и антипатии выборщиков играют решающую роль в вопросах власти. Не сказать, что какому-то психотипу демократия заведомо отказывает в праве на власть, а другого, наоборот, под руки ведет в царские чертоги. Но то, что у демократии есть свои любимчики и свои пасынки — это сомнения не вызывает.

«Гёте» вообще баловень судьбы, всеобщий любимец. В политике тоже. И не без причины. Приведу самый приблизительный список «гёте», волею судеб оказавшихся на вершине властной пирамиды: император Диоклетиан, Джордж Вашингтон, царь Александр II, Рональд Рейган, Хосни Мубарак, Гельмут Коля, Борис Ельцин.

Что сказать о «гёте»-политике, исходя из его порядка функций? Очевидно, 1-я Физика делает его последовательным сторонником частной собственности, человеком, склонным считать личное обогащение делом безгрешным. Сам Гёте полусерьезно говорил, что родился он в Англии, то не родился бы без дохода 6000 фунтов. О сходном, но в общегосударственном масштабе говорил «гёте»-политик Рональд Рейган: «Прежде всего я хочу добиться того, чтобы наша страна осталась местом, где человек всегда может разбогатеть». И практика экономических реформ Рейгана, Коля, Ельцина показывает, что опора на частнособственнический интерес не декларация, а внутренняя потребность 1-й Физики «гёте».

Заботясь об общественном достатке, «гёте» никогда не забывает про себя. Когда к императору Диоклетиану, единственному в римской истории принцепсу добровольно ушедшему на покой, прибыла делегация с просьбой вернуться на престол, он воскликнул: «Не приставайте ко мне со всякими глупостями, лучше посмотрите, какая капуста у меня нынче уродилась». Джорджа Вашингтона дела в поместье Маунт Вернон занимали не меньше общегосударственных дел, даже в самые тяжелые для Америки дни.

Применение силы в политике внутренне очень близко 1-й Физике «гёте». Вспомним Рейгана с его доктриной «мир с позиции силы», с его атаками на Ливию и Ливан. Вспомним агрессию Ельцина в Чечне и крутые расправы Хосни Мубарака с исламскими фундаменталистами. Даже когда судьба избавляет «гёте» от применения оружия, импульсивная склонность к насилию вылезает из него, как шило из мешка. Про Коля писали, что он «может померяться силами с оппонентами самым тривиальным образом. В молодые годы его выяснение отношений с социал-демократами не обошлось однажды без рукоприкладства. Канцлер, видимо, вспомнил молодость, когда в прошлом году разъяренный бросился в Галле на толпу, забросавшую его яблоками». Одним словом, пацифистом в политике «гёте» никак не назовешь.

Но как бы кто ни относился к проблеме политического насилия или регулирования экономики, 1-я Физика «гёте» уже одним своим внешним видом располагает избирателей к себе. Рост, вес, черты лица претендента на власть — не последний фактор в условиях демократических выборов. При всех других обычно туманных достоинствах все-таки приятней иметь во главе своего государства человека бесспорно представительной наружности: высоко роста, нехуденького, с сочной лепкой лица и т.д., — чему почти всегда отвечает «гёте» и сознает свое преимущество. Например, про Коля писалось, что «канцлер придает политическое значение своему весу — 120-125 килограммов при росте 193 сантиметра. Канцлер прямо говорит, что своей внушительной внешности он «многим обязан».

1-я Физика сделала бы из «гёте»-политика закоренелого злодея и грабителя общегосударственного масштаба, каких немало знала история, если бы его 1-ю Физику железной уздой не держала 2-я Воля. Вторая функция, как было сказано, лучшая сторона человека, и, если на второй ступени находится Воля, то худшие черты Первой функции не сказать отменяются, но значительно сглаживаются, нивелируются. Так, 1-я Физика «гёте» ни в общественной, ни в частной жизни не делает его ни разбойником, ни жмотом, он, скорее, человек прижимистый, расчётливый, не более.

Склонность к насилию у «гёте» также облагораживается 2-й Волей. Этот тип хочется назвать «шерифом», настолько данный голливудский образ точно передает внешнюю сторону его психологии. «Гете» и в жизни, и в политике — благородный герой, немногословный человек с каменными кулаками, бычья упорством и чистым сердцем. Именно такой образ играл Рейган в кино, и ничего не изменилось, когда он променял актерскую карьеру на политическую. Ведь в существе его натуры с этим обменом ничего не изменилось. Подобно голливудскому шерифу, «гёте», прибегая к насилию, должен знать, что на это у него есть правовое и моральное обоснование, без них насилие для него и крайне желанно, и совершенно невозможно. Обнажим мысленно головы перед непреходящей внутренней мукой «гёте», перед постоянно бушующей в его груди бурей, когда хронически чешущиеся каменные кулаки 1-й Физики приходится держать в стальных наручниках 2-й Воли.

«Власть для меня — это ответственность, а не удовольствие,» — говорил Хосни Мубарак и, пожалуй, знак равенства между словами «власть» и «ответственность» достаточно точно передает суть политики «гёте». Правда и то, что власть для него не удовольствие. Примеры Диоклитиана, Вашингтона и Ельцина, добровольно отказавшихся от власти, ясное тому свидетельство.

«Ответственность» — главное слово в словаре «гёте»-политика, и избиратели чувствуют, что ему можно верить. Когда Коль был еще кандидатом в канцлеры, у избирателей спросили: купили бы ли они у него поддержанный автомобиль? Большинство ответило положительно. И даже не надо особенно хорошо знать немцев, чтобы понять всю весомость этого результата. Мало кто из современников данного политика благополучно прошел бы этот тест.

Как уже говорилось, 2-я Воля демократична от природы, поэтому натура «гёте» находится в полной гармонии с политической системой, и это обстоятельство увеличивает его шансы на приход к власти. Исконный демократизм не покидает «гёте» и тогда, когда руль управления оказывается у него в руках.

Во-первых, в своей работе он стремится к консенсусу, старается усадить свою команду именно за круглый, а не за какой-либо иной стол. Качество это отличное, но, как все хорошее, не без изъяна. Один журналист писал: «Поиски консенсуса, бывало заводили Рейгана в тупик, а иногда даже парализовали его волю. Это происходило, когда позиции советников резко различались. Именно поэтому он столь часто следовал противоречивым импульсам».

Во-вторых, «гёте»-политику присуще то, что политологи называют «делегированием ответственности», т.е. босс не старается держать в своих руках все политические нити, а предоставляет своим помощникам полную свободу в пределах их полномочий. Журнал «Форчун» как-то задался вопросом: «Чему могут научиться менеджеры у Рейгана?» И сам ответил: «Соберите вокруг себя лучших людей, которых сможете найти, передайте им полномочия и не вмешивайтесь». Кроме всего прочего, в этой фразе содержался камешек в огород Джими Картера, который, хватаясь сам за все, часто оказывался в тупике, заваленный кучей больших и маленьких дел.

В доверчивости Рейгана вместе с тем заключалась не только сила, но и слабость. Он проморгал скандал «Иран-контрас» и даже не нашел в себе твердости еще до начала скандала потребовать ответа от своего помощника по национальной безопасности. О Рей-

гане писали: « Подобный подход был характерен для Рейгана практически на всех направлениях внешнеполитической деятельности. Обычно он объявлял условный курс, при этом его концепции о положении дел были настолько расплывчатыми, а представления столь упрощенными, что он при всех обстоятельствах зависел от своих сотрудников в большей степени, чем большинство других президентов».

«Гёте», прямо сказать, не златоуст. Хотя судьба обычно награждает его изощренным умом, а жизнь может дать приличное образование — 3-я Логика делает свое дело. 3-я Логика заставляет его обычно говорить медленно, с трудом, старательно упрощая лексику. Это обстоятельство создает о «гёте» представление как о человеке сильном, надежном, но недалеком и простоватом. И странное дело, мнимая простоватость «гёте» тоже работает на его политический имидж. Средний избиратель не любит интеллектуалов, поэтому вид простоватого «своего мужика» да еще внушительной наружности сразу дает «гёте» значительную фору на выборах. Один политолог писал: « Коль предпочитал не углубляться в бумаги, больше полагался на своих советников, нарочито создавая имидж «добродушного гиганта», несколько «простоватого»».

Когда Рейган баллотировался еще на пост губернатора Калифорнии его оппонент избрал, казалось, беспроигрышную тактику: все время подчеркивал некомпетентность Рейгана. Но вот парадокс, несмотря на очевидную справедливость критики, она «пошла на пользу не ему... а Рейгану! Обращаясь к избирателям, Рейган как бы говорил: я один из вас, я простой человек, который не знает, что делается наверху; я как раз и хочу занять губернаторский пост, чтобы разобраться в этом. Так возник удивительный феномен, связанный с личностью Рейгана: в глазах избирателей его слабости легко превращались в его силу, а большинство критиков со временем вынуждено было признать бессмысленность своих попыток продемонстрировать, что этот популярный лидер просто не знает, о чем говорит».

Таким образом, даже Третья функция, обычно работающая против ее обладателя и совсем его не красящая, для «гёте» и в условиях демократии оказывается позолотой, и фактически весь его порядок функций обеспечивает беспроблемность политической карьеры. Короче, «гёте» — не только любимец богов, но и любимец избирателей.

* * *

Еще одной замечательной чертой характера «гёте», связанной с 3-й Логикой, является то, что он как правило суверен. Тот же Рейган каждое утро клал в карман заветную монетку, бросал соль через левое плечо, когда проливал что-нибудь, а перед едой избегал проходить по лестницам. Однако «гёте» не мистик, и побасенки такого рода для него вовсе не руководство к действию. По натуре он эмпирик, апостол Фома Неверующий, который верит только тому, что может увидеть и пощупать. Поэтому суверение «гёте» — скорее протоскепсис. 3-я Логика, не находя в разуме опоры для анализа и прогнозирования жизни, просто обороняется старушечьими приметами от нее, реальной веры к ним не питая. Так что, «гёте» суверен, но суверен на случай, от скептицизма.

Безобидной склонностью к суверениям проявления 3-й Логики «гёте» не исчерпываются. Как всякая ранимая функция, она несет в себе прямую угрозу для окружающих. Именно с 3-й Логикой «гёте» связана, например, история одной из двух самых трагичных для русской литературы дуэлей. О психотипических особенностях гибели на дуэли Пушкина будет сказано в своем месте. Сейчас же речь пойдет о гибели Лермонтова.

При всей видимой незлобivosti, терпимости, расслабленности, непробиваемости, как бы дремотности полубожества есть слово — и это слово «дурак»- способное превратить «гёте» в разъяренного быка, неожиданно молча, импульсивно приводящее в действие каменные кулаки его 1-й Физики. И трагические последствия таких вспышек неред-

ки. Гибель на дуэли Лермонтова — один из самых печальных примеров подобного рода взрывов.

Несчастливого убийцу Лермонтова — Мартынова современники звали «статуей командора» и описывали так: «высокий», «красивый», «молчаливый», «благороднейший человек». Мартынов был «гёте». Поэтому приехав на Кавказ, Мартынов в соответствии со своей 1-й Физикой первым делом обрядился в утрировано «черкесский» наряд, да еще навесил на пояс невероятных размеров кинжал. Насмешник и язва Лермонтов («ахматова»), конечно, не мог пропустить великолепный случай для издевки: карикатуры его на Мартынова составили целый альбом. Везде, где мог Лермонтов иронически характеризовал Мартынова как «горца с длинным кинжалом». Все это Мартынов терпел по своему «гётевскому» благодушию, но терпел до поры, пока между ним и Лермонтовым не встала женщина.

Дело в том, что до приезда Мартынова на Кавказ Лермонтов пользовался вниманием одной местной светской львицы. С появлением красавца Мартынова положение переменялось, львица перенесла свое внимание на него. Желчи у Лермонтова от этого обстоятельство, понятно, не убавилось. И вот на одной из вечеринок, где присутствовали все трое, во внезапно возникшей тишине на всю залу, как пушечный выстрел, прозвучало произнесенное Лермонтовым по-французски «пуаньяр» (кинжал). Мартынов побледнел, подошел к Лермонтову, сказал: « Сколько раз просил я вас просил оставить шутки при дамах,» — и вышел.

Вопрос о том, кто был инициатором вызова, остается спорным. Да, он, и не важен, дуэль в такой ситуации была неизбежна. Вечером, в грозу они сошлись. Мартынов подошел к барьеру, Лермонтов остался стоять на месте. Секундант скомандовал «два-три», но выстрела не последовало. Охота драться у дуэлянтов явно отсутствовала. Напряжение нарастало. Раздраженный секундант закричал: « Сходитесь или я развожу дуэль». И тут Лермонтов произносит фразу, стоившую ему жизни: « Я с этим *ДУРАКОМ* стреляться не стану». Мартынов немедленно нажимает на курок, Лермонтов падает замертво.

Люди, знавшие обоих дуэлянтов, так оценивали это событие: « Как поэт, Лермонтов возвышался до гениальности, но как человек, он был мелочен и несносен.

Эти недостатки и признак безрассудного упорства в них были причиной смерти гениального поэта от выстрела, сделанного рукой человека доброго, сердечного, которого Лермонтов довел своими насмешками и даже клеветами почти до сумасшествия». Современники, верно усматривая в **причине поединка** несходство характеров дуэлянтов, не видели и не могли видеть **причину гибели** поэта. Ведь, как часто случалось в то время, поединок вообще мог обойтись без выстрелов, выстрелами в воздух или в ноги. Нет, добродушнейший Мартынов внезапно утратил все свое добродушие и стрелял именно с тем, чтобы убить. А причина неожиданной свирепости Мартынова заключалась в слове «дурак» небрежно произнесенном Лермонтовым. «Дурак!» — для 3-й Логики это удар в пах, и если она сочетается с 1-й Физикой, как у «гёте», то чисто импульсивный ответ в виде физического насилия почти неизбежен.

* * *

Наконец, есть обстоятельство, предоставляющее счастлившую возможность, сказать о «гёте» несколько слов не только как о человеке, ученом, политике, литераторе, но и о проявлении его психотипа в изобразительном искусстве.

Начать с того, что «гёте», в силу 1-й Физики, из всех видов изобразительного искусства предпочитает трехмерное, т.е. скульптуру, пластику. Двухмерное искусство (живопись, графика) слишком эфемерны, слишком бесплотны для избыточно плотской природы 1-й Физики. Сам Гёте был известным коллекционером копий античных скульптур, и его коллекция камней считалась одной из лучших в Европе.

Но, чтобы понять, не только что любит, но и как непосредственно проявляется психотип «гёте» в изобразительном искусстве, следует обратиться к творчеству одного из величайших скульпторов XX века — творчеству Генри Мура. Посетивший мастерскую скульптора еще при жизни Мура, архитектор рассказывал: «...скульптуры особенно хороши среди живой природы, ибо становятся частью ландшафта. В их тени прячутся от летнего зноя овцы, причудливые силуэты фигур сливаются с холмами и деревьями. Большинство работ Мура — деформированные женские фигуры: толстозадые, с мощными бедрами и маленькими, почти декоративными головами. За ненужностью голова может и вовсе отсутствовать: скульптор предпочитает разговаривать со зрителем языком тела...» (3-я Логика?) «Сам Мур говорил о своем творчестве: « Одно из свойств, которое, хочется думать, присуще моей скульптуре, — это **сила, прочность, внутренняя энергия.**» Добавим от себя — и **покой.**»

В рецензии на московскую выставку Генри Мура рассказывалось, что по мнению одной музейной смотрительницы, в течение нескольких дней прожившей среди скульптур Мура, пребывание среди них следует прописывать нервным людям вместо транквилизаторов, таким удивительным чувством равновесия и покоя наделены эти скульптуры. Действительно, вид могучих, исполненных внутренней силы, обычно лежащих женских торсов Мура действует необычайно умиротворяюще и в тоже время может послужить как иллюстрацией внешнего и внутреннего психического состояния» гёте».

* * *

Описывая внешнюю сторону «гёте», хочется описать его так. Крупное, мускулистое, росло существо. Взгляд, в котором сочетаются энергия, добродушие и рассеянность. Жест и мимика раскованы. Молчалив. не без труда подбирает слова. Прическа оставляет впечатление ухоженности, но в некоем свободном состоянии. Женщины злоупотребляют макияжем. Одежда дорогая, часто чересчур пышная, но неброская.

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

- 1) ЭМОЦИЯ («романтик»)
- 2) ФИЗИКА («труженик»)
- 3) ВОЛЯ («мещанин»)
- 4) ЛОГИКА («школяр»)

Узнав о гибели поэта, князь Паскеевич писал царю: « Жаль Пушкина, как литератора, в то время, когда талант его созрел; но человек он был дурной». Нас, с детства влюбленных в поэзию Пушкина, не может не покорибить такая характеристика, но, увы, с ней трудно спорить. Даже, если мы заменим слово «дурной» на более деликатное — «тяжелый», эта подмена не обойдет того странного, на первый взгляд, противоречия, присутствующего пушкинской натуре, что Пушкин-поэт был неизмеримо выше, лучше, чище и даже умнее Пушкина-человека. Однако данное противоречие не уникально, оно прямо проистекает из присущего всякому «пушкину» порядка функций, где поэтический мотор — сильная, избыточная 1-я Эмоция противопоставляется ослабленной ранимой 3-й Воле, а вместе с Волей, как уже говорилось, и личности в целом.

Генрих Гейне, «пушкин» по своему психотипу, признавался:»...мой образ — это кислая капуста, политая амброзией!» Практически в том же, но более развернуто исповедовался Пушкин:

*«Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;*

*Молчит его святая лира;
Душа вкушает холодный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.
Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел».*

Замечательный автопортрет, все в нем верно: и ощущение своей незначительности, и суетности, и малодушия (3-я Воля), верно даже и то, что работа души свершается у него, как бы толчками, с перерывами на сон, но чувства, раз пробужденные, парят на огромной высоте (1-я Эмоция). Еще замечательней, что Пушкин нашел в себе мужество не просто на поэтическое полупризнание, но и на прямое обнажение своих язв. В одном из писем он каялся: «...мой нрав — неровный, ревнивый, обидчивый, раздражительный и, вместе с тем, слабый, — вот что внушает мне тягостное раздумье». Слабохарактерность Пушкина не составляла тайны для близких, один из них писал: « Иногда можно было подумать, что он без характера: так он слабо уступал мгновенной силе обстоятельств. Меж тем ни за что он столько не уважал другого, как за характер...»

«При всем добросердечии своем Пушкин был довольно злопамятен, и не столько по врожденному свойству и увлечению, сколько по расчету; он, так сказать, вменил себе в обязанность, поставил за правило помнить зло и не отпускать должникам своим,» — замечал один из ближайших друзей поэта, характеризуя тем самым не личность и даже не «пушкинский» психотип, но обладателей 3-й Воли вообще. Большую или меньшую оригинальность обидчивости «пушкина» придает лишь то, что обнаруживается она через страшное его злоязычие. Сочетание 3-й Воли с 1-й Эмоцией награждает «пушкина» совершенно потрясающим даром хулителя. Причем, 3-я Воля определяет злость и пугливую наблюдательность к слабостям и уродствам оппонента, а 1-я Эмоция облекает эти ядовитые заметки в такие убийственные выражения, образы и метафоры, что слово «убийственные» приходится иногда понимать буквально. Во всяком случае, о древнегреческом поэте Архилохе рассказывали, будто он, будучи отвергнут одной молодой особой, написал такой стишок, что вся семья избранницы повесилась. К сожалению, стихотворение Архилоха не сохранилось, но с большой долей уверенности можно сказать, что оно не было простым, назывным набором площадной брани, типа «вы — такие, сякие, разэдакие...» Нет. Вспомним классическое из Пушкина:

*«К Смирдину как ни зайдешь,
Ничего ты там не купишь.
Иль Сенковского толкнешь,
Иль в Булгарина наступишь.»*

Талант «пушкинского» злоязычия заключается в подтексте, околичностях, иносказаниях. Отравы вспрыскивается исподтишка, в последний момент, так что жертва не сразу догадывается о смертоносной инъекции. Вот еще один шедеврально-образцовый пример из Марциала (привожу по памяти):

*«Семерых мужей схоронила Ксантиппа,
Теперь вышла за тебя она, Аникст.
Видно, покойных мужей хочет она навестить.»*

Да, чтобы с такой испепеляющей язвительностью писать о чужой зловредности, надо, конечно, иметь психотип «пушкина». Поэтический талант и знание тонкостей этого ремесла — лишь орудия того желчного дарования, что изначально награждает «пушкина» природа. Поэтому не удивительно, что большинство «пушкиных», упражняясь в хуле,

легко обходятся без ямбов и хореев, однако это обстоятельство отнюдь не снижает убойную силу каленого «пушкинского» слова.

Эмоционально, т.е. через язык, через хулу, через крик (1-я Эмоция) начинает борьбу «пушкин», но в его крике, как бы оглушительен он не был, все-таки чувствуется дребезжание неуверенного в себе человека (3-я Воля). У моего старинного друга была собака, которая, встречая гостей громким, даже яростным лаем, имела привычку одновременно с непонятной приветливостью помахивать хвостом. Я прозвал ее — «Пушкин». И действительно, для «пушкина» такое поведение типично. Бунтуя, воюя, конфликтуя, он прежде всего стремится поразить противника громом своего крика. Это действует. Но если вслушаться в «пушкинский» крик, то в его обертонах явственно можно услышать неуверенность, готовность к капитуляции, сомнение в действенности своего крика, некое внутреннее влияние хвостом.

* * *

В соответствии со своим порядком функций после разящего слова (1-я Эмоция) у «пушкина» в качестве боевого аргумента следует кулак (2-я Физика). Нельзя сказать, что «пушкин» — этакий крутой драчун, его сильная гибкая Физика запрограммирована на сотрудничество и созидание, а не на разрушение и насилие. И тем не менее. Когда конфликт требует, когда эмоциональное давление не достигает цели, «пушкин» легко переходит к рукоприкладству. Причем, дерется «пушкин» с отключенной 4-й Логикой и шлепущей через край 1-й Эмоцией, т.е. самозабвенно, в состоянии совершенного затмения, полной потерей какого-либо самоконтроля (3-я Воля) и со стороны выглядит, как взбесившийся кабан. «В ярости я за себя не отвечаю,» — предупреждал Достоевский (еще один «пушкин»). Эффект от таких атак бывает очень впечатляющим. Знаю случай, когда крошечная девочка из рода «пушкиновых» избита санками и обратила в бегство шестерых здоровенных парней.

Типичная для «пушкина» свобода рук отчасти определила и гибель самого Пушкина. В соответствии с духом XIX века и дворянского сословия драчливость его приняла форму бретерства. Хотя сама по себе 2-я Физика не сделала бы из Пушкина такого заядлого дуэлянта, каким он был, если бы его Физику не провоцировала обидчивая и мнительная 3-я Воля. Литературоведы, слишком влюбленные в стихи поэта, чтобы быть объективными, склонны винить в его гибели кого угодно (Дантеса, жену, царя, общество), только не самого Пушкина. Однако современники были на сей счет более прозорливыми, и один из них писал: « Он обожал жену, гордился ее красотой и был в ней вполне уверен. Он ревновал к ней не потому, что в ней сомневался, а потому, что страшился светской молвы, страшился сделаться еще более смешным перед светским мнением. Эта боязнь была причиной его смерти, а не г. Дантес, которого бояться ему было нечего. Он вступался за обиду, которой не было, а боялся огласки, боялся молвы, и видел в Дантесе не серьезного соперника, не посягателя на его настоящую честь, а посягателя на его имя, и этого он не перенес.»

Неизбежность гибели Пушкина на дуэли, в контексте его времени, сословной принадлежности, а главное, психотипа, хорошо видна на примере истории другой его, несостоявшейся дуэли. Приятель поэта, Пуятя, рассказывал: «Однажды Пушкин прислал мне французскую записку со своим кучером и дрожками. Содержание записки меня смутило, вот она: « Когда я вчера подошел к одной даме, которая разговаривала с г.де Лагрене (секретарь французского посольства), он сказал ей достаточно громко, чтобы мне услышать: «Прогоните его!» Будучи вынужден потребовать удовлетворения за эти слова, я прошу Вас, Милостивый государь, не отказаться отправиться к г. де Лагрене и переговорить с ним. Пушкин.» Я тотчас сел на дрожки Пушкина и поехал к нему. Он с жаром и

негодованием рассказал мне случай, утверждал, что точно слышал обидные для него слова, объяснил, что записка написана им в такой форме и так церемонно именно для того, чтобы я мог показать ее Лагрене и настаивал на том, чтобы я требовал у него удовлетворения. Нечего было делать: я отправился к Лагрене, с которым был хорошо знаком, и показал ему записку. Лагрене, с видом удивления, отозвался, что он никогда не произносил приписываемых ему слов, что, вероятно, Пушкину дурно послышалось, что он не позволил бы себе ничего подобного, особенно в отношении к Пушкину, которого глубоко уважает, как знаменитого поэта России, и рассыпался в изъявлениях этого рода. Пользуясь таким настроением, я спросил у него, готов ли он повторить то же самое Пушкину. Он согласился, и мы тотчас отправились с ним к Ал. Сер-чу. Объяснение произошло в моем присутствии, противники подали руку друг другу, и дело тем кончилось.»

В истории несостоявшейся дуэли Пушкина с Лагрене, как в капле воды, отразился механизм обусловленной «пушкинским» психотипом губительной дуэли. Даже если бы фраза «прогоните его!» действительно была произнесена, не всякий отреагировал бы на нее по-пушкински. 1-я Воля, услышав подобное, прямо подошла бы предполагаемому обидчику и поинтересовалась бы, кого он имел в виду, т.е. пошла бы на прямое волевое противостояние. 2-я Воля, в силу здорового равнодушия к чужому мнению, пропустила бы эту фразу мимо ушей, посчитав не к себе относящейся. Иначе, подобно Пушкину, на такого рода «вызов» реагировала бы 3-я Воля: ни пропустить мимо ушей, ни пойти на прямое волевое противостояние она не могла, но и перевернуть обиду так же была не в состоянии. Нужно было мстить и мстить в соответствии с порядком функций. Так в случае с «пушкиным», психотип обязывал: убежать от обидчика домой (3-я Воля), написать ему изысканно-хамский картель, такой, что не сказать примирение, формальная дуэль уже была бы невозможна (1-я Эмоция+3-я Воля), а потом хладнокровно выйти к барьеру, подставив под бой свою ощущаемую неуязвимой, сильную гибкую, как резиновая дубинка, 2-ю Физику. Такова обычная поведенческая схема «пушкина», дворянина XIX века, в конфликтной ситуации, и нет ничего удивительного, что реальный Пушкин стал невольной жертвой этой самоубийственной схемы.

* * *

Всякий человек противоречив. Но трудно найти, подобную «пушкину», фигуру, всю как бы сотканную из противоречий. Во-первых, в его сознании чудным образом уживается крайне завышенная оценка окружающих с крайне заниженной. Великолепный пример такого двойного стандарта дает сам Пушкин в отношении своей возлюбленной Анны Керн. С одной стороны — хрестоматийное:

*«Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.»*

При том, что «гений чистой красоты» украден у Жуковского, стихотворение, кажется, не оставляет сомнений в искренности и крайне возвышенной оценке Пушкиным предмета страсти. Каков же бывает шок, когда обратившись к эпистолярному наследию поэта, читатель обнаруживает относящиеся к Керн оскорбительные и просто нецензурные, заменяемые издателями многоточием, строки. Дикость? Лицемерие? Парадокс? Ничего подобного.

Ни «гением чистой красоты», ни «вавилонской блудницей» Анна Керн не была, была она обычной, земной женщиной, довольно легкомысленной, по понятиям того времени. И все. Феномен заключался в том, что Пушкин никогда не воспринимал Керн такой, какая она есть, объективно. Он наблюдал ее сквозь две в разные стороны искривляющие предмет функциональные призмы: 1-ю Эмоцию и 3-ю Волю. Независимая от объекта,

подслеповатая 1-я Эмоция своей избыточностью работала на страшное увеличение изображения, будто Керн была «гением чистой красоты». Что касается эпистолярной брани в ее адрес, то она — плод уменьшающей и столь же необъективной призмы 3-й Воли Пушкина. «Мещанин» не любит, не уважает себя и с легкостью переносит эту неприязнь с себя на посторонних. Так что, ничего парадоксального, с точки зрения психософии, в отношении Пушкина к Керн нет, как, впрочем, и во всех других случаях, где «пушкин» обнаруживает свое любовное двурушничество.

Вообще, «пушкинское» сочетание 1-й Эмоции с 3-й Волей неисчерпаемо на сюрпризы, правда, обычно не очень приятные, особенно в делах любви. «Пушкин» — изумительный любовник. Избыточная 1-я Эмоция — практически безотказный стартер сексуального возбуждения. 2-я Физика неутомимо заботлива и внимательна в быту, секс лишен ханжества, естественен, чуток, тактичен, обилен. Красотой «пушкин», правда, обычно не блещет, облик его типичен для 2-й Физики: небольшой рост, круглое лицо, приземистая, укороченная, пухловатая фигура. Однако «некрасивость» его с лихвой искупается точностью, энергией движений, изумительной пластикой. Кроме того, живая, яркая мимика и жестикуляция, громкий заразительный смех, быстрый искрящийся взгляд действуют необычайно возбуждающе, полностью скрадывая огрехи «пушкинской» внешности.

Сочетание 1-й Эмоции со 2-й Физикой у «пушкина», создающее вокруг него жизнерадостную, чувственную, раблезианскую атмосферу, будит либидо и плодит иллюзии, будто любовные отношения с ним должны быть легкими, приятными, безоблачными. Ничего подобного. Любовь к «пушкину» и любовь «пушкина» мучительны, горьки, как и все, что связано с психологией «мещанина». Во-первых, трудно представить себе человека, у которого между чувством, словом (1-й Эмоции) и поступком, делом (3-й Волей) лежала бы столь гигантская пропасть. Судя по делам «пушкина», его любовный пыл, восторг, страстные заверения — необычайно талантливое, завораживающее, действенное, но абсолютно беспримесное вранье. Однако на самом деле мнимая *неискренность «пушкина» — искренность робкого пугливого, неуверенного в себе и других человека*. Во-вторых, будучи бешено ревнивым, сам «пушкин» последовательный в своей неверности любовник. И часто не в силу сексуальной неудовлетворенности не только сильной, но и гибкой 2-й Физики. Постоянным волокитством «пушкин» либо самоутверждается, либо мстит за реальные и мнимые обиды. Хотя, как это обычно и бывает при сочетании 3-й Воли с высокостоящей Физикой, даже удачи по части донжуанства не стирает из памяти «пушкина» злых замечаний и не добавляет ему самоуважения. Здесь, думаю, излишне говорить, что двусмысленность поведения, злость, неверность «пушкина» мало красят жизнь в паре с ним и много разочарований ждет всякого, кто начинал с ожидания легких, безоблачных, надежных отношений.

* * *

Еще один забавный парадокс «пушкинского» психотипа обнаруживается с возрастом. Оказывается, став взрослым, он сохраняет все внешние признаки детскости. Виновник этого явления — все тоже сочетание 1-й Эмоции с 3-й Волей. Прежде говорилось об инфантилизме взрослых «мещан», об их отдающем наивном вранье, лукавстве, непоследовательности, обидчивости, капризности. Но в случае с «пушкиным» этот поведенческий инфантилизм предельно усиливается у взрослых особой тем, что принято считать детской эмоциональностью. Один современник писал о Марке Твене («пушке»): «Мальчишкой он оставался до конца дней... с сердцем хорошего мальчика или дурного, но всегда своенравного, и пуще всего, когда хотел показать, какой он еще мальчик». Не по летам и не по чину задорный, неудержимый смех, неприличная возрасту плаксивость — создают у посторонних (вместе с признаками поведенческого инфантилизма), представление о «пушке», как о неисправимом большом ребенке. Что верно лишь отчасти,

так как обычная возрастная работа по накоплению опыта и знаний у «пушкина» свершается точно так же как и у всех других людей.

Еще более усиливает впечатление по-детски безудержная тяга «пушкина» к подмигиванию, кривлянию, корчению рож. Особенно поражает эта черта, вызывая что-то вроде маленького приятного шока, когда замечаешь ее у отмеченных почестями мужей и увенчанных сединами старцев. «Пушкину» вообще присущ особый дар клоуна. Обостренное чутье на все смешное и уродливое (3-я Воля), усиленное выразительной до карикатурности мимикой, интонацией, жестом (1-я Эмоция), автоматическому награждает «пушкина» шутовским даром, который нередко делается для него средством существования, отводя «пушкину» комическое амплу в цирке, театре, кино. Недаром, к роду «пушкиных» принадлежал и величайший комик всех времен и народов — Чарли Чаплин.

Особенно парадоксально выглядит сочетание 1-й Эмоции с 3-й Волей у «пушкиных»-мужчин. Дело в том, что повышенная эмоциональность вместе с малодушием соответствует не только общественным представлениям о ребячливости, но и тем же представлениям о женственности. Типичная для «пушкина» крикливость и лукавая податливость делает его мужскую версию не только дитем, но и психическим транссексуалом, заставляя ощущать в себе «бабское» начало, да и со стороны нередко характеризовать поведение «пушкина» как «бабское».

Следующий сюрприз обычно ожидает тех, кто ознакомившись с художественным творчеством «пушкина», по большей части возвышенным, романтичным, сталкивается с автором лицом к лицу. Представление, будто создатель этих, как бы оторванных от всего земного произведений, и сам — существо идеальное, питающееся одним воздухом горных вершин, — подвергается при личной встрече страшной ломке. Обнаруживается, что «пушкин» вовсе не худой, высокий, бледный, с закаченными к небу глазами человек, как думалось, но наоборот, до безобразия земное, материальное создание, и внешне, и внутренне. Вот несколько типичных характеристик: « Я познакомился с поэтом Пушкиным. Рожа ничего не обещающая», «...ожидаемый нами величавый жрец высокого искусства — это был среднего роста, почти низенький человечек, вертлявый, с длинными, несколько курчавыми по концам волосами, без всяких притязаний, с живыми, быстрыми глазами.» Сходно о «пушкине»-Гейне: « Гейне был похож на Юпитера, но со слишком короткими ногами, которому его весьма заметный животик и источающие довольство манеры придавали вид бонвивана.» «Я представлял себе автора «Путевых картин» бледным, стройным и высоким мужчиной, будучи введен в заблуждение его портретом, уже с давних пор украшающим мою комнату, а передо мной стоял приземистый полный человечек небольшого роста, с фигурой, которая скорее могла принадлежать состоятельному маляру, нежели прославленному, может быть, величайшему немецкому поэту. *Никогда чья-либо внешность не контрастировала так сильно с представлением, которое сложилось у меня об этом человеке.*»

Но более всего шокирует «пушкин», заочно представляемый как фигура исключительно романтическая, своим удивительным талантом похабника. «Пушкин — любитель непристойного. К несчастью, я это знаю и никогда не мог себе объяснить эту антитезу перехода от непристойного к возвышенному», — писал один из современников поэта, сам того не ведая, отмечая одну из характернейших черт не личности, но целого психического типа. Талант непотребства — именно психотипичен и естественно проистекает из «пушкинского» порядка функций. Его 1-я Эмоция с легкостью находит соответствующие слова и яркие образы, непринужденность отношения и любовь 2-й Физики к любым проявлениям физиологии дает тему, а 3-я Воля, с ее страстью ко всему мелкому, приниженому, мельчит и унижает как форму, так и содержание. Однако скабрзность «пушкинская», как и хула, не есть простое, примитивное называние всего и вся своими словами, но по большей части выступает под неким ханжеским покровом, воплощаясь в намеках, инсказаниях.

Причем, самое замечательное в «пушкинском» таланте к похабщине заключается не столько в частоте ее употребления, сколько в способности к быстроте обнаружения непотребства и, казалось, абсолютно на пустом месте. Случилось мне как-то попасть на выставку живописи с одной представительницей рода «пушкиных». С кисло-равнодушным видом переходили мы от одной картины к другой, пока не дошли до одной, рядом с которой висела скромная табличка с указанием имени автора — Вассерман. Откликнулась моя спутница мгновенно, лукаво улыбнувшись, она прошептала: «Ну, какова твоя реакция Вассермана?» После некоторой заминки, я пробормотал в том духе, что, конечно, положительная, но и тогда был поражен ее способности извлекать похабщину из ничего и практически мгновенно. Или вот еще пример. Довелось мне присутствовать на совещании с участием самых больших китов российской промышленности и искусства; атмосфера была вялая, решался скучный вопрос — уточнялся список ответственных за различные мероприятия. Решили, что список нужно дополнить неким, скажем, Ивановым, замыкался же список женской фамилией, скажем, Петровой. Тут один из присутствовавших замминистров, капитан промышленности, убеленный сединами, заслуженный человек, подняв ручку над списком, вдруг спросил у Иванова, хитро сверкнув глазами: «Послушайте, Иванов, вас поместить на Петрову или под нее?» Все рассмеялись, скука совещания рассеялась, но, думаю, не только я удивился тогда извращенности ума старого зубра, выжавшего из ситуации то, что, казалось, принципиально из нее не выжимаемо.

«Пушкин» — человек чрезвычайно практичный. Но вот еще один парадокс, он, будучи предоставлен сам себе, редко бывает удачлив в практических делах, особенно если требуются попутно серьезные интеллектуальные усилия. Сам Пушкин проигрывал в карты всем, кому только можно, и умер, оставив семье гигантский долг. Достоевский, в пух проигрываясь в рулетку, памятником своих безумств воздвиг роман «Игрок».

Думаю, при всей точности восприятия материального мира (2-я Физика) странная непрактичность «пушкина» обусловлена не только 4-й Логикой. Страшно мешает его плодотворной деловой деятельности 3-я Воля, своим тайным честолюбием доводя «пушкина» до бестолкового азарта и просто безумия. Ведь золото, деньги — это как минимум свобода, а как максимум — и свобода, и власть. А соблазн свободы и власти для «пушкина» так силен, что ни 3-я Воля, ни 4-я Логика противостоять ей не в состоянии. Любая авантюра, если она сулит сразу и много, выбивает из «пушкина» остатки разума и, естественно, коротко, скоро и жестоко наказывает наивного рвача. Лучше всех феномен бестолковой алчности «пушкина» описал, метя в Некрасова, но попадая в себя, Достоевский: «Миллион — вот демон Некрасова! Что ж, он любил так золото, роскошь, наслаждения и чтобы иметь их, пускался в практичности? Нет, скорее это был другого характера демон, это был самый мрачный и унижительный бес. Это был **демон гордости**, жажда самообеспечения, потребности оградиться от людей твердой стеной и независимо, спокойно смотреть на их злость, на их угрозы.»

Обычно спасает «пушкина» от нищеты лишь то, что он «трудоголик» (2-я Физика). И неустанными ее трудами затыкаются бюджетные дыры, пробитые бестолковыми аферами. Да и в драмах личного порядка нет для «пушкина» лучшего лекарства, чем труд. Современник Пушкина писал: «Труд был для него святыня, купель, в которой исцелялись все язвы, обретали бодрость и свежесть немощь, уныние, восстанавливались ослабленные силы.»

Впрочем, ни труд, ни богатство, ни знатность не в состоянии отменить 3-ю Волю и спасти ранимое психическое тело «мещанина» от ударов и страха перед ними. Пушкин жил в достатке, принадлежал к старинному роду, но это не мешало знакомым характеризовать его следующим образом: «Надо признаться, что при всем уважении к высокому таланту Пушкина, это был характер невыносимый. Он все как будто боялся, что его мало уважают, недостаточно почета оказывают..» «...он чувствовал себя униженным и не имел

ни довольно силы духа, чтобы вырваться из унижения, ни довольно подлости, чтобы с ним мириться».

* * *

Мировая история отводит «пушкину» роль главного творца культурных ценностей. Достаточно назвать лишь некоторые имена из этого рода, чтобы представить себе чрезвычайность масштаба «пушкинского» вклада в мировую культуру: Марциал, Рембрант, Чосер, Моцарт, Бернс, Хогарт, Рабле, Гойя, Достоевский, Эдуард Мане, Гейне, Жорж Занд, Бетховен, Гюго, Киплинг, Сезанн, Гофман, Чаплин, Пикассо, Марк Твен, Майоль, Михаил Булгаков, Эдит Пиаф, Феллини, Гарсиа Маркес.

Уже из этого списка первых пришедших на память имен видно, что «пушкинский» психотип является стеновым хребтом мировой культуры, и трудно представить себе каким огрызком выглядела бы она, если бы природа время от времени не производила бы на свет «пушкина».

* * *

Небезынтересным бывает и обращение «пушкина» к сфере умозрения (Ницше, Розанов). Однако лучшее, что выходит в таких случаях из под «пушкинского» пера, лишь по ошибке принято называть философией. Мышление «пушкина» лишено философской стратегичности и системности, поэтому плодит скорее эссеистику, нежели философию.

«Пушкин» более суеверен, чем религиозен. И уже во всяком случае он не христианин. Даже воинствующий нехристианин. Недаром наиболее яростными и последовательными критиками христианства в XX веке явились названные выше «пушкины»-эссеисты — Ницше и Розанов. Пункт, на котором принципиально расходятся христианство и «пушкин», лежит на поверхности — отношение к Физике, материальному пласти жизни. Аскетизм, презрение к плоти — не укладывается в «пушкинской» голове, с полным основанием считающей тело и все с ним связанное лучшей стороной своей натуры.

Если уж выбирать для «пушкина» религию, то более всего ему подойдет иудаизм. И есть свой подспудный смысл в том, что костяк верующих в синагоге, обычно, складывается из евреев-«пушкиных». Иудаизм — сугубо эмоционален (1-я Эмоция), лишен какой-либо склонности к аскетизму, в праздники почти вакхически плотояден (2-я Физика) и допускает по субботним дням некоторое лукавство в отношениях с Богом (3-я Воля), что породило даже особый фольклорный жанр — еврейский религиозный анекдот. Одним словом, иудаизм — бальзам на душу «пушкина», это его религия. Недаром Ницше и Розанов не просто критиковали христианство, но прямо ставили ему в пример иудаизм.

* * *

Удачливым политиком «пушкина» назвать трудно. Судите сами, к «пушкиным» в политической истории с большой долей вероятности можно отнести: Генриха Наваррского, царицу Екатерину II, Жореса, Николая II, Муссолини, Хрущева, Джона Кеннеди, Николая Чаушеску, Вацлава Гавела, Мобуту, Норвегу, Жириновского.

Пожалуй, типичным для политической карьеры «пушкина», если она не зависит от династических соображений, редко начинается с безусловного лидерства. Чаще всего карьере «пушкина» в политике способствует талант оратора и журналиста. Действительно, эмоциональное, горячее, образное «пушкинское» слово делает его носителя нужной и важной фигурой партийного аппарата. Кроме того, восхождению «пушкина» по политической служебной лестнице способствует 2-я Физика трудолюбика и 3-я Воля, делающая сверхгибкой спину и психику, сочетающую в себе юрничество с тайным, но бешеным честолюбием. Преимущества и недостатки гибкости «пушкина»-политика очень хорошо

описал на примере Вальтера Шелленберга один близко знавший его журналист: « Когда, например, Шелленберг наталкивался в деловом споре на упорное сопротивление, он умел изменить тактику, отказаться от грубого психологического давления. В течение нескольких секунд исчезало его озлобленное напряжение; сложив оружие, мило улыбаясь, он соглашался на капитуляцию, условия которой он пытался выторговать с невозмутимой терпимостью. *Настолько сильно в нем было стремление оказать влияние на окружающую его мир и людей, настолько же легко он сам поддавался чуждому влиянию.*

В этом сильном рецептивном таланте скрывалась способность к духовной приспособляемости, которая, несомненно, до известной степени объясняет тайну его блестящей карьеры. В то же время она проявилась и как опасная слабость. Способность к приспособлению означала и ненадежность; с почти женской чувствительностью уживалась капризность опереточной дивы, уже не уверенной в собственном успехе. У Шелленберга не было ярко выраженного подлинно мужского характера. Было бы преувеличением назвать его сильной личностью.»

Психотип «пушкина», с точки зрения политики, — сплошной минус. 1-я Эмоция делает из него плохого дипломата, крикливого и бестактного: хрущевский скандал с ботинком ООН — ярчайший тому пример. 2-я Физика «пушкина» нагряждает его личным бесстрашием, что облегчает работу террористам и заговорщикам. 4-я Логика лишает нашего героя стратегичности мышления, пример того же Хрущева, создавшего Карибский кризис из бедноватой идеи «запустить американцам ежа в штаны», куда нагляднее. А совокупность 1-й Эмоции, 2-й Физики и 4-й Логики рождает в правление «пушкина» такое печальное явление как фаворитизм: иностранные дипломаты при дворе Екатерины II, например, жаловались на непредсказуемость царской политики, целиком зависящей от того, кто оказался ночью в постели императрицы. А все это вместе с 3-й Волей создает тот феномен «пушкина»-политика, что очень точно воспроизведен под пером политолога Авторханова в портрете Хрущева: « Окружающие Хрущева имели дело утром — с одним, в обед — со вторым, а вечером — с третьим Хрущевым. Его постоянное непостоянство, его изумительный дар хаотического импровизатора, его болезненный зуд бесконечно организовывать и реорганизовывать, его властная безоглядность, умноженная на его незадачливость и беспечность, его опасная болтливость, его безосновательная амбициозность знать все, видеть все, делать все самому, его вероломство в дружбе и самоуверенность в политике — это только некоторые черты столь богатого, красочного, динамичного характера Хрущева. Эта черта делала его исключительно опасным диктатором...»

* * *

Род «пушкиных», если не самый многочисленный в мире, то один из самых многочисленных, и нет страны, где бы «пушкины» не составляли среди населения весьма значительную группу. Но, пожалуй, есть на свете только одна страна, где «пушкинский» род размножился до абсолютного доминирования — это Япония. Именно данный психотип сформировал специфические черты японского национального характера и стиля жизни.

Японцы — единственный народ поголовного эстетства: поэзия, живопись, музыка, любование природой — неотъемлемые и чрезвычайно важные элементы полнокровной жизни японца. Знание правил стихосложения на прямую предписывалось самураям, но поэзия в Японии не самурайская привилегия, многочисленные ежегодные поэтические конкурсы собирают десятки тысяч соискателей. Да и формы, в которые японец предпочитает облекать свое вдохновение (хайку и танка), как нельзя близки 1-й Эмоции.

2-я Физика японца также вполне очевидна. Он «грудоголик». Японец стойкий, выносливый, бесстрашный боец и вообще человек живучий (средняя продолжительность жизни в Японии едва ли не самая высокая в мире). Японец предпочитает в быту простоту

и естественность, а кухня его близка к сыроядению. Отношение в Японии в плоти лишено как излишнего восторга, так и ханжества.

О доминировании 3-й Воли в характере японского общества также многое свидетельствует. Для него типично неоспариваемая необходимость делегирование индивидуальности в пользу общественных формирований: семье, фирме, государству. На «мещанскую» психологию японцев указывает подчеркнутая этикетность и кастовость японского общества. Одна стюардесса международных линий как-то рассказала, что, когда летит американская делегация, она не в состоянии сразу определить, кто в ней босс, а кто подчиненный, тогда как в японской делегации положение каждого ее члена на служебной лестнице видно за версту. Еще пример: когда между двумя американцами намечается конфликт, они бессознательно стремятся оказаться с глазу на глаз. Японцы наоборот, в сходной ситуации стараются держаться подальше друг от друга и для разрешения конфликта ищут посредника, опасаясь прямого волевого противостояния.

Ум японцев исключительно практичен и направлен только на конкретные, осязаемые результаты. Мышление ради мышления, абстракция чужды 4-й Логике японца, поэтому на Японских островах так и не родились ни серьезная философия, ни фундаментальная наука. Наконец, еще одна не столь весомая, но по-своему замечательная «пушкинская» примета: по словам профессора Кохэй Тани, Достоевский любимый писатель японцев — а Достоевский — естественно, «пушкин» и, кажется, самый откровенный, самый исповедальный из представителей «пушкинского» рода.

АВРЕЛИЙ АВГУСТИН

- 1) ЛОГИКА («догматик»)
- 2) ЭМОЦИЯ («актер»)
- 3) ФИЗИКА («недотрога»)
- 4) ВОЛЯ («крепостной»)

В памяти почти каждого человека хранится, обычно связанный с молодостью, проступок, воспоминаемый чаще других, необычайно ярко и с особой горечью. Как правило, проступок этот мелкий и остроту воспоминаний о нем придает то, что он первый. Он — как грехопадение, как потеря невинности, после него все другие грешки, грехи и даже преступления уже как бы сами собой разумеются, ординарны, и потому память о них короче и расплывчатей. Например, для Жан-Жака Руссо такой вехой стала кража ленты, из-за которой служанке отказали от дома, для Льва Толстого — карточный долг. Нечто подобное случилось в шестнадцать лет и с блаженным Августином. Он со стыдом вспоминал: « Я же захотел совершить воровство, и я совершил его, толкаемый не бедностью или голодом, а отвращением к справедливости и от объедения грехом. Я украл то, что у меня имелось в изобилии и притом было гораздо лучше; я хотел насладиться не тем, что стремился уворовать, а самим воровством и грехом.

По соседству с нашим виноградником стояла груша, отягощенная плодами, ничуть не соблазнительными ни по виду, ни по вкусу. Негодные мальчишки, мы отправились отрясти ее и забрать свою добычу в глухую полночь: по губительному обычаю наши уличные забавы затгивались до этого времени. Мы унесли оттуда огромную ношу не для еды себе (если даже кое-что и съели); и мы готовы были выбросить ее хоть свиньям, лишь бы совершить поступок, который тем был приятен, что был запрещен.»

Отрясти грушу — проступок вполне невинный, и вид подлинного преступления в сознании Августина он приобрел, очевидно, потому, что был совершен сознательно. Ребенок безгрешен, бесстыден и неподсуден, так как не ведает, что творит. Августин в свои

шестнадцать лет уже ведал о постыдности содеянного и потому именно с этого начал свое покаяние в «Исповеди».

Отношение Августина к детству было, мягко говоря, противоречиво: в нем самом пожизненно жил большой ребенок (4-я Воля), он любил детей и переписывался с ними до самой смерти. Однако тот же Августин в книге «О граде Божием» писал: «Да и кто не пришел бы в ужас и не предпочел бы умереть, если бы ему предложили на выбор или смерть претерпеть, или снова пережить детство?...с каким запасом суетных желаний, начинающих открываться уже в ребенке, является человек в эту жизнь, так что если оставить его жить, как он захотел бы делать все, что желал бы, то он или всю жизнь, или большую ее часть провел бы в преступлениях и злодеяниях.»

С одной стороны, с Августином трудно не согласиться: жадностью и жестокостью дети значительно превосходят взрослых. Хотя и оправдание их лежит на поверхности — рост и незрелость. С другой стороны, у Августина были свои психотипические причины не любить детство: болезненное для «крепостных» ощущение оставленности, сиротства — неперенные спутники раннего периода жизни, когда лишняя внешней узды 4-я Воля живет как душа неприкаянная. Для «крепостного» такое состояние кажется особенно опасным, потому что он искренне верит в абсолютную силу начальственного пригляда, без которого вся жизнь человека действительно должна превратиться в нескончаемую цепь преступлений.

Но вернемся к хронологии. Августин, пройдя по всем ступеням античного образования IV века, скоро стяжал себе славу замечательного ратора, обрел вес и влияние при императорском дворе. И уже само придворное его положение обязывало включать в речи критику христианства, словом поддержать языческую партию. Биографы, думаю, лукавят, объясняя первый языческий период жизни Августина «печальной традицией» винить во всех бедах христиан. Отец его был скорее агностиком, но мать — последовательная и искренняя христианка, поэтому списывать первоначальную покладистость Августина на простое неведение просто невозможно.

Однако маловероятно, что в своем прославлении язычества Августин вкладывает много жара. Еще до прибытия к императорскому двору он познакомился с другой гонимой в государстве религией — манихейством и со временем полностью втянулся в ее орбиту. Суть манихейской доктрины заключалась в том, что во Вселенной от века ведется борьба между Светом и Мраком. Эта борьба пронизывает все проявления жизни, включая человека. В наш век царь Тьмы как всегда нападает на царство Света и пока одерживает над ним победу. Помимо простоты, ясности и мнимой очевидности данной концепции, у Августина, видимо, были чисто личные причины стать последовательным манихеем. Со времен потрясенной груши грехов накопилось множество, и, по собственным словам Августина, памятуя о предопределенной победе зла, ему «лестно было извинять себя и обвинять что-то другое, что было со мной и в то же время мною не было (4-я Воля)».

Августин недолго утешал себя манихейством. Однако, расставшись с доктрине Мани, он не сразу обратился к христианству; прежде он еще прошел через очистительную купель скепсиса. Скептицизм — последнее прибежище разочарованного интеллекта. Особую прелесть скептицизма заключается в том, что его купель наполнена не водой, а крепчайшей кислотой. Искать и с тайной радостью находить изъян в любой мысли, с порога, из одного фрондерства отрицать всякое позитивное знание — есть в этом неизъяснимое наслаждение уставшего от словоблудия ума.

Однако долго жить голым отрицанием было не в характере Августина и его 1-й Логике, душа алкала истины, и он продолжил поиск. С этого момента начинается последний окончательный период жизни Августина. Здесь не место перечислять все обстоятельства, повлиявшие на его последний выбор. Главное, — тридцати трех лет от роду он принимает крещение, спустя несколько лет рукополагается в сан священника, а после смерти своего наставника епископа Иппонийского Валерия наследует его кафедру.

Именно на епископской кафедре Августин как бы находит себя. Он необычайно деятелен. Почти все средства епархии идут на помощь немущим, если же их не хватает, епископ приказывает разбить и продать ценную церковную утварь. Епископ обильно и блестяще проповедует, пишет, его наследие составляет 16 томов, и эти тома органично входят в золотой фонд мировой богословской и философской мысли.

Особое место в творчестве блаженного Августина занимает «Исповедь», самое популярное, чаще всего переводимое и чаще всего издаваемое сочинение. «Исповедь», на читателя, свободного от бездумного пиетета, производит одновременно умирительное и тягостное впечатление. Умиляет в ней удивительная поэзия, могучий пафос, восторженная и по-детски искренняя вера. Тяготит же какое-то старательное расплющивание себя перед лицом Абсолюта, инфантильная тяга перекалывания на Него всего происходящего, вплоть до мелочей: по меньшей мере странно читать, что у Августина по божьей воле могли заболеть зубы и по божьей же воле боль могла пройти.

Жажда мелочной опеки над собой у Августина, конечно, не случайна, она — прямое следствие его 4-й Воли. Как и сам факт обращения к жанру исповеди, внутренне столь близкому детской искренности «крепостного». Но вернемся к отрясенной Августинном в детстве груше. Анализируя этот эпизод своей биографии Августин приходит к выводу, что делал дурно просто за компанию, **не по своей воле**. Он писал: «...я один не сделал бы этого, никак не сделал бы один. Вот, Господи, перед Тобой живо припоминаю я состояние свое. *Один бы я не совершил этого воровства*, в котором мне нравилось не украденное, а само воровство; одному воровать мне бы не понравилось, я бы не стал воровать. *О, враждебная дружба*, неуловимый разврат ума, жажда вредить на смех и забаву! Стремление к чужому убытку без погони за собственной выгодой, без всякой жажды отомстить, а *просто потому, что говорят: пойдём, сделаем...*» Отрясти грушу — не велик грех, но тревога такого вдумчивого человека, как Августин, по столь мелкому поводу вполне обоснована.

Управляемость, столь явно проявившаяся в истории с грушей, — вот что внушило Августину, вглядывающемуся в себя, страх и тягостные мысли. В это связи нельзя не сказать, что вслед 1-й Физике наиболее криминогенную долю составляет 4-я Воля. И понятно почему. Августину еще повезло: кроме мук совести, иной расплаты не было. Знаю множество случаев, когда «крепостные» шли вслед своим более волевитым товарищам на более тяжкие преступления, шли за други своя и за други своя садились, с той же «августиновской» детской безоблачностью во взгляде.

«Я видел, однако, в поступках, совершаемых мною против воли, проявление скорее страдательного, чем действенного начала, и считал их не виной, а наказанием,» — совершенно справедливо писал Августин, будучи, действительно, стороной страдающей и за свои поступки не отвечающей. **История поиска того Кукловода, что манипулирует им, есть главная тема в истории интеллектуальной жизни епископа Иппонийского.** Другая детства, мать, манихейский князь Тьмы, христианский Бог — все они последовательно держались за ниточки, ведущие к его воле, и этот сугубо личный опыт, по обыкновению людей судить по себе, Августин распространил на весь мир, возвел слабохарактерность в космический принцип.

Полемику о свободе воли начал не Августин, ее начал монах Пелагий. Он отрицал изначальную греховность человечества, утверждал, что человек сам, без помощи свыше, способен стяжать благодать. Естественно, что с совершенно противоположных позиций против Пелагия выступил Августин и победил. На Вселенском соборе в Эфесе учение Пелагия было предано анафеме. И кажется, слишком поспешно. Августиновская концепция абсолютной несвободы воли, ставшая официальной доктриной, называемой коротко «квиетизмом», будучи последовательно воплощенной, вела к равнодушию, глухоте и безответственности.

По счастью, анафемой Эфесского собора спор между Пелагием и Августином не закончился. И по сей день вопрос о том, где кончается божья воля, судьба, карма, внешние обстоятельства и начинается личное волеизъявление, личная ответственность, человек вынужден решать сам.

* * *

Параллельно 4-й Воле собственной жизнью жила 3-я Физика Августина. И как в обыкновение для этой функции, секс оказался в центре августиновской внутренней плотской борьбы. Все остальные чувственные удовольствия, понемногу смиримые, оказались на периферии этой битвы. Августин писал: «...юношей я был очень жалок, и особенно жалок на пороге юности; я даже просил у Тебя целомудрия и говорил: « Дай мне целомудрие и воздержание, только не сейчас ». Я боялся, как бы Ты сразу же не услышал меня и сразу же не исцелил от злой страсти; я предпочитал утолить ее, а не угасить.»

Ханжеский вопль Августина «**Дай мне целомудрие, но не сейчас!**» — эталонно передает состояние и отношение 3-й Физики к сексуальной стороне жизни.

4-я Воля Августина долгое время ничего не могла поделать с двусмысленной блудливостью 3-й Физики: «...грехи мои умножились. Оторвана была от меня, как препятствие к супружеству, та, с которой я давно жил. Сердце мое, приросшее к ней, разрезали, и оно кровоточило. Она вернулась в Африку, дав Тебе обет не знать другого мужа и оставив со мной моего незаконного сына, прижитого с ней. Я же, несчастный, не в силах был подражать этой женщине: не вынеся отсрочки (девушку, за которую я сватался, я мог получить только через два года), я, стремившийся не к брачной жизни, а раб похоти, добыл себе другую женщину, не в жены, разумеется. Болезнь души у меня поддерживалась и длилась, не ослабевая, и даже усиливаясь этим угождением застарелой привычке, гнавшей меня под власть жены...»

То, что украшает супружество: упорядоченная семейная жизнь и воспитание детей — привлекало... меня весьма мало. Меня держала в мучительном плену, главным образом, непреодолимая привычка к насыщению ненасытной похоти...

Я вздыхал об этом, никем не скованный, но в оковах моей собственной воли. Мою волю держал враг, из нее сделал он для меня цепь и связал меня. От злой же воли возникает похоть; ты рабствуешь похоти — и она обращается в привычку; ты не противишься привычке — и она обращается в необходимость. В этих взаимно сцепленных кольцах (почему я и говорю о цепи) и держало меня жестокое рабство. А новая воля, которая зарождалась во мне и желала, чтобы я чтил Тебя ради тебя и утешался Тобой, Господи, единственным верным утешением, была еще бессильна одолеть прежнюю, окрепшую и застарелую. И две мои воли, одна старая, другая новая; одна плотская, другая духовная, боролись во мне, и в этом раздоре разрывалась душа моя».

Война с другими плотскими соблазнами меньше занимала Августина и до крайностей, по примеру пустынников, не доводила. Вот несколько высказываний Августина на сей счет: « Пребывая в этих искушениях, я ежедневно борюсь с чревоугодием... Горло надо обуздывать, в меру натягивая и отпуская вожжи... Чары запахов меня не беспокоят. Их нет, — и я их не ищу; они есть, — не отгоняю; согласен навсегда обходиться без них...»

Сложнее складывались отношения у Августина со слухом и зрением. Они — проводники эмоциональной информации, и для его 2-й Эмоции принудительная закупорка этих каналов — вещь практически нереальная. Поэтому в шатании между умозрительным требованием отказа от чувственных радостей (1-я Логика+3-я Физика) и настоящей эмоционально-телесной потребностью (2-я Эмоция+3-я Физика) в красочном и звуковом переживании прошла вся жизнь Иппонийского епископа. «Улады слуха крепче меня опутали и поработили...на песнях, одушевленных изречениями Твоими, исполненных

голосом сладостным и обработанным, я несколько отдыхаю, не застывая, однако, на месте: могу встать, когда захочу... Иногда, мне кажется, я уделяю им больше почета, чем следует: я чувствую, что сами святые слова зажигают наши души благочестием более жарким, если они хорошо спеты; плохое пение такого действия не оказывает...

Остается удовольствие, получаемое от этих мои плотских очей... Глаза любят красивые разнообразные формы, яркие и приятные краски. Да не овладеют они душой моей... Они тревожат меня целый день, пока я бодрствую, и нет мне от них покоя, какой бывает от звонких голосов, да и от любимых звуков в наступившем молчании. И сам царь красок, этот солнечный свет, заливающий все, что мы видим, где бы я ни был днем, всячески подкрадывается ко мне и ласкает меня, хотя я занят другим и не обращаю на него внимание. И он настолько дорог, что если он вдруг исчезнет, то его с тоской ищешь, а если его долго нет, то душа омрачается.» Не правда ли, удивительная для христианского святого чувственность? А с другой стороны, именно обостренная чувственность фирменный знак христианства.

* * *

Не стяжав особых лавров на поприще практической борьбы с плотскими радостями, Августин с лихвой возместил этот недостаток умозрительной битвой с эмпиризмом и сенсуализмом, т.е. с теориями познания, исходящими из абсолютной достоверности опытного знания и истинными признающие лишь те явления, что доступны телесным чувствам.

Сама по себе критика эмпиризма и сенсуализма во времена Августина новостью не была, скептическая школа от души поплясала на этих двух концепциях. В случае с Августином, новостью было лишь то, что не скептик, а догматик взялся за такого рода критику. Хотя если вспомнить о принципиальном противостоянии Первой и Третьей функции в психотипе, в данном случае 1-й Логики и 3-й Физики, ничего странного в склонности Августина к критике эмпиризма не обнаруживается. Он писал: «Кроме плотского вожделения, требующего наслаждений и удовольствий для всех внешних чувств и губящего своих слуг, удаляя их от Тебя, эти же самые внешние чувства внушают душе желание не наслаждаться во плоти, а исследовать с помощью плоти: это пустое и жадное любопытство рядится в одежды знания и науки. Оно состоит в стремлении знать, а так как из внешних чувств зрение доставляет нам больше всего материала для познания, то это вожделение и называется в Писании «похотью очей»...

...во всех телесных видениях требуется свидетельство как других чувств, так особенно ума, т.е. разума, чтобы находить, насколько можно, то, что в этого рода предметах истинно. В духовном же зрении, т.е. в телесных подобиях, которые созерцаются духом, душа обманывается тогда, когда думает, что созерцаемые ею образы суть самые тела, или то, что она представляет себе по предположению и ложной догадке...

Тот, кто истолковывает видение другого, больше пророк, чем тот, кто сам видит видение. Отсюда ясно, что **пророчество принадлежит больше уму**, чем духу в собственном смысле.»

Естественный для 1-й Логики Августина следует из этого вывод: **«Разумное зрение не ошибается,»** — хотя собственная его жизнь давала немало примеров глубочайшего заблуждения ума.

* * *

Сам по себе «августин» худощавый, не сказать, чтобы сексапильный, милый, робкий, задумчивый человек без каких-либо серьезных претензий в личной и общественной жизни. Он не подает больших надежд и, если таковые имеются, редко их оправдывает. Во

всяком случае помимо самого Августина на память из представителей того же типа приходит лишь Дарвин. Причем, успех Дарвина стал приятной неожиданностью как для окружающих, так и для него самого. Нисколько не кокетничая, Дарвин писал: «Поистине удивительно, что человек таких скромных способностей, как я, мог в ряде существенных вопросов оказать значительное влияние на взгляды людей науки».

Наиболее заметными чертами натуры «августина» являются талант общения и редкое чадолюбие. Так как речевые функции его находятся сверху (1-я Логика+2-я Эмоция), то и общение с «августином», насыщенное мыслями и образами, доставляет истинное удовольствие. Чадолюбие данного типа так же проходит по двум статьям: 3-я Физика обожает делать детей и заботиться о них, 4-я Воля находит в детском обществе идеальных партнеров для инфантильной «августиновской» психики.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

- 1) ВОЛЯ («царь»)
- 2) ЭМОЦИЯ («актер»)
- 3) ФИЗИКА («недотрога»)
- 4) ЛОГИКА («школяр»)

Характеризуя тип «толстого» одним словом, лучше всего назвать его «пророком». Будучи прирожденным лидером (1-я Воля), он более всего расположен реализовывать свою страсть к лидерству именно в пророческой, религиозно-мистическо-художественной сфере (2-я Эмоция). Причем, в той или иной форме «толстовская» пророческая доктрина непременно окрашивается в коммуно-аскетические цвета, хотя лично «толстой» в следовании данному пункту доктрины бывает не слишком тверд (3-я Физика). И нет живее и нагляднее иллюстрации к сказанному о типе «толстого», нежели сам Лев Толстой, титанический выразитель всех достоинств и недостатков своего типа.

Рано осознав свое «царственное» предназначение, Толстой не мог не задуматься о способах реализации изначально присущего ему лидерского дара. Чисто теоретически рассуждая, у Толстого было два пути: путь на вершину светской власти и путь на вершину духовной. Однако такая дилемма существовала по тем временам как чистая фикция. Синодально устроенная Русская православная церковь давно передала свои властные полномочия светской власти. В свою очередь светская власть, организованная по принципу наследственной монархии, исключала легальный путь достижения ее вершины.

Конечно, можно было бы попробовать взобраться на вершину общественной пирамиды нелегальным, революционным путем, как это сделал Кромвель («толстой» по своему психотипу). Но в то время в России серьезных предпосылок к революции не было. Однако, что примечательно, Толстой, видимо, не оставлял надежды стать чем-то вроде Кромвеля, и, вопреки своим призывам к непротивлению злу насилием, в частных беседах высказывался одобрительно о терроре, развернутом против правительства русскими революционерами.

Заведомая тупиковость традиционных путей наверх скоро навела молодого Толстого на мысль о существовании еще одного нестандартного пути к власти. В 1855 году, будучи двадцати семи лет от роду, он записал в своем дневнике, что чувствует себя **«провозвестником новой религии»**. Однако реализовывать свой замысел ему удалось не в полной мере и без большого успеха лишь несколько десятилетий спустя.

На счастье Толстого в России к середине XIX века сформировалась неформальная духовная сила, занимавшая место косной, взвзданный государством Русской церкви. Это — литература. Говорю «на счастье» потому, что еще в начале XIX века литература такой силой не являлась, и родись Толстой пораньше, при всей своей предрасположенности к художественному творчеству, его деятельность в этой сфере вряд ли пошла бы дальше

дилетантских опытов, подобных его же опытам композиторским. *1-я Воля слишком социально ориентирована, чтобы заниматься чем-то не имеющим общественного звучания.* К середине XIX века литература в России стала заметной общественной силой, и неудивительно, что именно ее на первых порах избрал Толстой в качестве инструмента своего восхождения к вершинам власти.

Здесь Толстого ждала удача. Утонченная 3-я Физика позволяла ему абсолютно натурально вживаться в физиологию роженицы, лошади, умирающего человека. А 2-я Эмоция наделила Толстого широчайшим по диапазону и утонченнейшим по восприятию детектором чувств. Все это обеспечило ему лидирующее положение в русской литературе. Вместе с тем, сама по себе писательская слава, приятно щекоча самолюбие, не могла насытить его, дать полное удовлетворение. Не реализованной оказалась его жаждущая лидерства 1-я Воля, а царящий в литературе хронический беспредел не позволял надеяться на грядущее структурирование этого артистического бедлама.

Мысль о карьере на религиозном поприще, деле, родственном искусству, но подпадающим организации, все настойчивей билась в сердце Толстого, и юношеская мечта сделаться «провозвестником новой религии» уже не казалась несбыточной.

Однако на стезе религиозного реформаторства Толстого ждало больше провалов, чем триумфов. Начать с того, что не получилось «новой» религии. Усиленная студия религиозных и философских текстов показала, что изобрести что-либо новенькое в этой сфере ему не по силам. А главное, магическое слово евангелиста Матфея («толстого» по своему психотипу), представившего Христа с тем же, что у Толстого порядком функций, исключила для писателя путь антихристианского бунта.

Все что соответствовало его внутренним психологическим установкам уже было изобретено. Поэтому ничего не оставалось, как бунтовать внутри христианства, избрав своей мишенью официальную церковь, пойти по пути ересей, основателя секты. Однако и на пути еретичества Толстого также не проявил изобретательности, «нового» здесь опять не получилось, и толстовцы даже не смогли, в силу своей малочисленности, зарегистрироваться как секта. То есть, Толстой — великий русский писатель, не смог сделать то, что удалось сходно чувствующему малообразованному крестьянину Сютяеву.

Глядя со стороны, можно было бы посчитать религиозную фазу деятельности Толстого полным провалом, если бы не специфика системы ценностей 1-й Воли, легко удовлетворяющейся малочисленностью и низким качеством паствы, лишь бы власть над ней была реальна и бесспорна. Не смутился малочисленностью паствы и Толстой, более того, обретя долго чаемый пророческий статус, начал бомбардировать последнего русского царя смешными письмами с указаниями, как тому жить и каким быть. Ослепление Толстого на свой и царский счет было столь велико, что он всерьез посчитал себя парой царю, в качестве вершителя народной судьбы, в заботах о которой можно пренебречь нуждами окружающих. Когда Толстому напомнили о необходимости прибавить жалование прислуге, он заявлял: " Одно дело — благо русского народа, обсуждаемое с царем, другое: прибавка жалования лакею... »

Возмнив себя русским Самуилом, делателем царей, Толстой, казалось, исполнив мечту юности, должен был успокоиться. Однако особенность неформального лидерства состоит в том, что оно дается и удерживается с огромными издержками. Что в полной мере довелось испытать на себе самому Толстому. Ради статуса пророка пришлось изнасиловать лучшую эмоциональную сторону своей природы, отказавшись от музыки и художественного творчества. А вместе со 2-й Эмоцией пришлось изнасиловать 3-ю Физику, изображая полное неприятие комфорта и секса.

До смерти изматывали бесконечные склоки среди малочисленной, но крикливой толстовской общины. Наконец, всенародный восторг перед его личностью сменился в обществе полной поляризацией оценок, четким делением на безоговорочных доброжелателей и столь же безоговорочных ненавистников Толстого. «Я чувствую, что ко мне от-

ношение людей — большинства — уже не как к человеку, а как к знаменитости, главное, как к представителю партии, направления; или полная преданность и доверие, или, напротив, отрицание, ненависть,» — жаловался Толстой, однако в его жалобах, пусть бессознательно, содержалась большая доля лицемерия. Он сам уже давно поделил общество на своих и чужих, и в соответствии с личными партийными установками вел себя. Вот характерная сценка, описанная самим Толстым без тени самоиронии: «Вчера вечером очень трогательное общение со студентом, приехавшим для свидания с Кавказа. Гусев сказал, что, кажется, проситель. Он подал мне конверт, прося прочесть. Я отказался, потом стал читать с конца. О монизме и Геккеле. Я недобро стал говорить ему. Он страшно взволновался. Потом я узнал, что он чахоточный, безнадежный. Он стал уходить и сказал, что чтение «О жизни» было для него событием. Я удивился и попросил остаться. Я прочел его записку. Оказалось, совсем близкий человек. А я оскорбил, измучил его. Мне было и больно, и стыдно. Я просил его простить меня. Он остался в деревне ночевать. Нынче утром пришел, и мы умиленно говорили с ним. Очень трогательный человек. Я полюбил его.» Толстой, видимо, и сам не сознает всего комизма ситуации, когда лаская и отталкивая людей в зависимости от притягивания или непритягивания его доктрины, он одновременно жалуется на неровность людского отношения к себе.

Вместе с тем, нельзя утверждать, что голос Толстого был гласом вопиющего в пустыне. Отнюдь. При личном общении желание оппонировать ему не возникало даже у тех, кто заранее настраивался на спор. И не истинность толстовских взглядов была тому причиной. Особенность сочетания 1-й Воли со 2-й Эмоцией заключается в том, что она награждает речь ее обладателя высшей убедительностью. Безукоризненное чутье при выборе слов, корректируемое тончайшим слухом на настроение аудитории, дает 2-я Эмоция. При этом эффект многократно усиливается 1-й Волей. Она наполняет точно выбранное слово такой непоколебимой верой оратора в себя и в истинность им произносимого, устоять перед которой просто невозможно.

Однако, как часто бывало в таких случаях, включая случай Толстого, проходило время, магия слов улетучивалась и «толстовцы на час» возвращались к своему прежнему образу жизни и образу мысли, нередко еще более критически настроенными к учению Толстого, чем прежде, в отместку за минуты душевной слабости и доверчивости, пережитые в толстовском обществе. Вот как описывает Репин эффект от речей Толстого: «Беседы Л.Н. производят всегда искреннее и глубокое впечатление: *слушатель возбуждается до экстаза его горячим словом, силой убеждения и беспрекословно подчиняется ему* (1-я Воля+2-я Эмоция). Часто на другой и на третий день после разговора с ним, когда собственный ум начинает работать независимо, видишь, что со многими его взглядами нельзя согласиться, что некоторые мысли его, являвшиеся тогда столь ясными и неотразимыми, теперь кажутся невероятными и даже трудно воспроизводимыми, что некоторые теории его вызывают противоположное даже заключение, но во время его могучей речи это не приходило в голову.»

Между прочим, слушателям Толстого очень повезло, что он витийствовал в пределах Ясной поляны и общенациональной трибуны не имел. Другой «толстой» — Оливер Кромвель такую трибуну получил и настолько заморочил магией своих пустых гипнотических словес английский парламент, что довел дело до гражданской войны, казни короля, своего бестолкового правления и реставрации, вернувшей все на круги своя. Счастье наше, что Толстой жил в непарламентской России.

Чувствуя, что магия его краткосрочна, что производимый им эффект непродолжителен, Толстой резкостью публичных высказываний пытался спровоцировать насилие со стороны правительства, дабы снискать мученический венец — безукоризненный и весомейший аргумент своей правоты. Горький рассказывал: «Он знает, что мученики и страдальцы редко не бывают деспотами и насильниками, — он все знает! И все-таки говорит: «Пострадай я за свои мысли, они производили бы другое впечатление.» Это всегда от-

брасывало меня в сторону от него, ибо я не могу не чувствовать здесь попытки насилия надо мной, желания овладеть моей совестью, ослепить ее блеском праведной крови, надеть мне на шею ярмо догмата». Правительство, по счастью, оказалось не настолько глупо и помучаться Толстому не дало.

Толстой вообще часто и сильно заблуждался, заблуждался даже относительно природы своего литературного успеха. Он писал о себе: «Редко встречал человека, более одаренного всеми пороками: сластолюбием, корыстолюбием, злостью, тщеславием и, главное, себялюбием. Благодарю Бога за то, что я знаю это, видел и вижу в себе всю эту мерзость и все-таки борюсь с ней. Этим и объясняется успех моих писаний.» Здесь Толстой опять, мягко говоря, лукавил. Аскеза его не была искренней и представляла собой декларацию о намерениях, предназначенную доверчивой публике. Во времена, когда разоряющееся дворянство распродавало землю, Толстой прикупал и прикупал землю, крича, что землевладение — грех, что земля не чья-то, а — Божья, и, наконец, накупил ее столько, что смог обеспечить отдельными поместьями все свое многочисленное потомство. В сексуальной ненасытности Толстой признавался сам и жаловалась жена. И уж совсем фантастически выглядило утверждение, что толстовская слава зиждется на его показушной борьбе со своими пороками.

Что касается тщеславия и себялюбия, то с этими свойствами своей природы Толстой и не пытался бороться. Идеальной соглядатай Толстого — его жена писала: «Если бы кто знал, как мало в нем нежной истинной доброты и как много деланной по принципу, а не по сердцу... Все выдуманно, сделано, натянуто, а подкладка нехорошая, главное, везде тщеславие, жажда славы ненасытная...» Толстой нехотя соглашался с женой: «Живу напоказ, для людей».

В толстовских записях с предельной четкостью сформулирован и принцип противопоставления Первой и Третьей функций, т.е. в переводе на его психотип: противопоставление 1-й Воли и 3-й Физики. Вот как звучит этот антагонизм в дневниковой записи Толстого: «Эгоизм — самое дурное состояние, *когда это эгоизм телесный*, и самое вредное себе и другим; и эгоизм — *сознание своего высшего «я» — есть самое высшее состояние* и самое благое для себя и других.» Обратим внимание, в соответствии с его 3-й Физикой, по мнению Толстого, плотский эгоизм или, говоря проще, жадность и сладострастие безусловно дурны, тогда как в соответствии с 1-й Волей ощущение своего превосходства над людьми, т.е. высокомерие и гордыня столь же безусловно благотворны.

* * *

Сомнительность успехов лично Толстого на пророческом поприще не свидетельствует, что такого рода миссия «толстому» не по плечу. Как раз по плечу. «Толстой» создан для духовного лидерства, и лишь обстоятельства могут преуменьшить или преувеличить масштабы его деятельности на этой стезе. Но не отменить. Пример другого «толстого», начавшего свой жизненный путь нищим мальчиком-пастушком, страдающим эпилептическими припадками, и закончивший его властителем огромной империи и основателем мировой религии, достаточно выразителен, чтобы представить себе «толстовский» пророческий потенциал.

Читатель, думаю, уже догадался, что речь идет об основателе ислама, пророке Мухаммаде. Его судьба не может не удивлять. Казалось, как из обрывков иудейских, христианских и языческих преданий, услышанных юным бедным пастушком у караванного коистра, удалось создать мировую религию, а вместе с ней и мировую державу — уму непостижимо. Но только на первый взгляд. Железная 1-я Воля Мухаммада, возбуждающая своих и парализующая чужих, абсолютная вера в себя и свою миссию были одним из двух главных слагаемых его успеха.

2-я Эмоция наградила Мухаммада даром великого художника, поэтому и по сию пору «Коран» считается непревзойденным памятником арабской поэзии. Рассказывают, что некий арабский поэт-язычник, прочитав лишь одну суру, прибитую к дверям мечети, немедленно обратился в ислам. Если же к природным данным добавить элемент удачи, постоянно сопутствующий пророку, то феномен Мухаммада не покажется чем-то из ряда вон выходящим.

Свой отпечаток на облике мусульманского мира оставили и другие, нижестоящие функции «толстовского» психотипа, данного природой Мухаммаду. 3-я Физика пророка, окрашивающая материальный пласт жизни в коммунистические тона, наложила на беззаботных прежде арабов ярмо в виде десятины для бедных (закийят), праздничные посты и квотирование числа жен (не более четырех). Хотя, как водится, 3-я Физика пророка не была бы собой, если бы, касаясь сексуальной проблематики, обходилась без плутовства. Так, Мухаммад лично для себя оставил вопрос о числе жен открытым, явно не удовлетворяясь введенной им самой квотой, что обнаружилось на похоронах пророка, за гробом которого следовало шесть женщин.

Не без участия 4-й Логике Мухаммада сформировалась интеллектуальная жизнь ислама первых веков хиджры. Сам пророк явно не претендовал на серьезное осмысление капитальнейших проблем мирового умозрения. И как часто это бывает, данное обстоятельство имело двоякий результат. С одной стороны, последователи Мухаммада с легкостью жгли библиотеки, считая их содержание либо вторичным по отношению к «Корану», либо излишним. А с другой стороны, арабское господство, индифферентное к умозрительным вопросам, обеспечило небывалый расцвет интеллектуальной жизни в лучших на то время исламских университетах, и именно из рук арабов заново приняли европейцы свое собственное, казалось, навсегда утраченное античное философское и научное наследие.

* * *

В сравнении с Мухаммадом, фигуры Оливера Кромвеля и Вильяма Бутса, основателя «Армии спасения», не выглядят столь же масштабно. Однако, и они — «толстые», оставившие заметный след в мировой истории. Но вот что интересно: Толстой, Мухаммад, Кромвель, Бутс — будучи людьми одного психотипа, по-разному отпечатались в памяти человеческой. Мухаммада мы помним как пророка, Толстого — как писателя, Кромвеля — как политика, Бутса — как филантропа. И это обстоятельство лишний раз свидетельствует, что психотип не судьба, судьба слишком сложная категория, чтобы предсказывать ее, даже владея таким совершенным инструментом, как психическая типология.

* * *

С внешней стороны тип «толстого» хочется описать следующим образом: худощав, не красавец, взгляд упорный, аналитический, с блеском. Обычно «толстой» немногословен, но задетый за живое, демонстрирует блестящий дар полемиста. Одет чисто, аккуратно, просто, не без изящества. Прическа строгая, но волосы несколько длиннее обычного. Жест и мимика не ярки, но величавы, энергичны и очень выразительны.

АНТОН ЧЕХОВ

- 1) ФИЗИКА («собственник»)
- 2) ВОЛЯ («дворянин»)
- 3) ЭМОЦИЯ («сухарь»)
- 4) ЛОГИКА («школяр»)

Короткую, но едва ли не исчерпывающую характеристику всему порядку функций Чехова дал художник Илья Репин. Он писал: «Враг сантиментов и выпренных увлечений, он, казалось, держал себя в мундштуке холодной иронии и с удовольствием чувствовал на себе кольчугу мужества.

Мне он казался несокрушимым силачом по складу тела и души».

Нам, Чехова лично не знавшим, представляющим его себе по поздним фотографиям и пьесам, характеристика Репина покажется, по меньшей мере, странной. В сегодняшних представлениях, Чехов — болезненный, рано состарившийся, рафинированный интеллигент, человек милый, но слабый и телом и духом.

Однако на самом деле, описание Репина стоит гораздо ближе к оригиналу, нежели наши современные стереотипы. Во-первых, Чехов был красив, красив сочной мужественной красотой. Об этом говорили женщины, хорошо его знавшие и вниманием красивых молодых мужчин не обделенные. Но из фотографий Чехова, пожалуй, только одна — Чехова девятнадцатилетнего (1879 г.), еще без бороды и пенсне, дает представление о необычайно привлекательной его наружности, рельефности и сочности лепки лица.

Отнюдь не равнодушен был Чехов, вопреки интеллигентской традиции, к деньгам, вещам, комфорту. Однако присущий ему собственнический инстинкт не сделал из Чехова ни скряги, ни эгоиста, недаром Горький называл чеховскую любовь к вещам «благородной».

Пожалуй, единственной сферой, в которой вполне явственно отразилась 1-я Физика писателя, была сексуальная сфера. Прежде, благодаря цензуре, Чехов выглядел безлибидным певцом сумерек, страдающим половым индифферентизмом. Однако недавние публикации купюр из его писем дали совершенно иную картину. Перед нами предстал весьма жизнелюбивый джентльмен, делящийся в письмах с друзьями своими впечатлениями от посещения проституток, жалующийся на отсутствие в Сумах публичных домов и т.д.

Великая русская литература второй половины XIX века (Толстой, Достоевский, Куприн и т.д.) любила избирать себе в героини проституток и содержанок, посвящая им множество страниц, а иногда и целые произведения. Молчал на эту тему один великий писатель, может быть, лучше других знавший столь пикантный предмет, — это Чехов. Пожалуй, лишь однажды как-то высказался он на эту тему в писанном на заказ рассказе «Припадок», однако высказался своеобразно. От начала до конца рассказа в нем сквозит плохо скрытая ирония по адресу тематически сходных писаний, прекраснотушных, исполненных гражданского пафоса и тайного вождения. Герой рассказа — три студента: медик, художник и юрист. Если вспомнить, что сам Чехов был медиком, а два его брата художником и юристом, то ясно проглянет автобиографическая основа рассказа. Итак, три студента отправляются в поход по публичным домам. Для медика и художника (старших братьев) такого рода визиты — дело обычное, для юриста (Михаил — юрист-младший в чеховской семье) они в новинку. Заканчивается же студенческий поход по значным местам тем, что целомудренный юрист раздражается гневной филиппикой по адресу своих распутных спутников. И в ответ художник произносит нечто совершенно неприличное для русской литературы: «Так и знал, что этим кончится. Не следовало бы связываться с этим дураком и болваном! Ты думаешь, что теперь у тебя в голове великие мысли, идеи? Нет, черт знает что, а не идеи! Ты сейчас смотришь на меня с ненавистью и с отвращением, а по-моему, лучше бы ты построил еще двадцать таких домов, чем гля-

деть так. В этом твоём взгляде больше порока, чем во всем переулке!» Из рассказа не видно — по какую сторону находится автор, но, судя по чеховским письмам, в которых высказывалась симпатия к посетителям публичных домов и неудовольствие от отсутствия такого рода учреждений, отповедь художника в «Припадке» — отражение авторской позиции.

Сам по себе разговор о сексуальных предпочтениях Чехова не имел бы никакого смысла, если бы в этой частности не отразилось целое — 1-я Физика писателя. Нужно обладать избыточной, результиативной, монологовой, толстокожей и абсолютно бестрашной плотью, чтобы почти весь зрелый период жизни обходиться услугами проституток. От 1-й Физики, дополненной 3-й Эмоцией, происходит и та неспешность, с которой Чехов решал вопрос о браке. Когда же писатель надумал-таки связать себя узами Гименея, полноценная семейная жизнь оказалась для него невозможной, и подобная ситуация вообще характерна для «чеховского» порядка функций.

1-я Физика могла бы сделать из Чехова эгоиста, скрягу, потребителя, человека, равнодушного к нуждам и страданиям людей, если бы ее постоянно не придерживала развернутая вовне 2-я Воля. Куприн находил такое сочетание загадочным, он писал, что Чехов «мог быть добрым и щедрым не любя, ласковым и участливым — без привязанности, благодетелем — не рассчитывая на благодарность. И в этих чертах, которые всегда оставались неясными для окружающих, кроется, может быть, главная разгадка его личности». Еще ближе к пониманию природы чеховского альтруизма стоял другой писатель (Потапенко), по мнению которого «не может быть подвергнуто сомнению, что искреннего влечения к врачебной деятельности А.П. не питал. Заблуждения же наблюдателей объясняется тем, что за влечение они принимали исключительно развитое в нем чувство долга, которое заставляло его с улыбкой на губах делать то, что было ему неприятно и даже противно...»

Действительно, обостренное чувство долга — производное от 2-й Воли толкало к людям эгоистичную 1-ю Физику Чехова. Не нутром, не кожей сочувствовал он нуждающимся и страдающим, а сильным, гибким духом своего «я». Именно 2-я Воля заставляла Чехова бесплатно лечить, строить деревенскую школу, помогать материально семье, собирать библиотеку для родного города Таганрога. К той же 2-й Воле восходят лучшие стороны чеховской натуры: порядочность, деликатность, демократизм, скромность и т.д. Но бессмертием своим Чехов обязан 3-й Эмоции.

* * *

В том, что у него была 3-я Эмоция сомнений нет. О ней, только в других терминах, сообщали люди, хорошо Чехова знавшие: «Его всегдашнее спокойствие, ровность, внешний холод какой-то, казавшейся непроницаемой, броней окружали его личность. Казалось, что этот человек тщательно бережет свою душу от постороннего глаза.

Но это не та скрытность, когда человек сознательно прячет что-то такое, что ему неудобно показать и выгодней держать под прикрытием».

«Сухари», в качестве главного занятия, редко избирают артистическое поприще. Обычно литература, музыка, искусство — для них хобби, а не профессия. Сам Чехов, как бы намекая на несерьезность своих литературных занятий, любил говорить, что медицина ему жена, а литература — любовница. Впрочем, начало его писательской карьеры действительно выглядело несерьезным по содержанию и форме и преследовало одну цель — приработок. То, что поначалу Чехов избрал себе юмористический жанр, очень понятно: 1-я Физика окрашивала его мировоззрение в светлые жизнелюбивые, веселые тона, фиговый листок 3-й Эмоции — ирония — во всем окружающем находила повод для насмешки, однако добродушие 2-й Воли делало эту насмешку беззлобной. Таким образом, из

всей суммы порядка функций и сложился первый юмористический период творчества Чехова, точнее, еще не Чехова, а Антоши Чехонте.

Однако по прошествии времен, знакомства с серьезной литературой и серьезными писателями, накопления невеселого жизненного опыта, туберкулеза и общего истощения сил многое переменилось, и Чехов постепенно превратился в того Чехова, каким мы привыкли его себе представлять: классического певца сумерек, писателя тихой светлой печали. 1-я Физика истончилась и в самом Чехове, и в его творчестве. Остались беззлобие, честность и стыдливость 2-й Воли, равнодушные к умозрительной проблематике 4-й Логички, и доминантой его творчества стала нежная, еле слышная свирель 3-й Эмоции.

Именно 3-я Эмоция задала темы, тональность второго и последнего периода чеховского писательства, одновременно сделав Чехова крупнейшим реформатором театрального искусства. Суть реформы заключалась в том, что с его драматургии начался, по точному выражению, «театр настроений». Это театр — без фабулы, пафоса, назидательности, он — лишь приглушенное почти до ультразвука излучение и взаимодействие эмоций, акварель переживаний. И тут излишне говорить, сколь труден оказался чеховский театр для восприятия и исполнения. Толстой, пусть на ухо, но прямо говорил Чехову о своем неприятии его драм. Часто не принимали Чехова и большие актеры. Впрочем, взаимно. Одна хорошо знавшая театральный мир тех времен писательница считала, что Чехов «не любил ничего пафосного и свои переживания и своих героев целомудренно оберегал от красивых выражений, пафоса и художественных поз. В этом он, может быть, даже доходил до крайности, это заставляло его не воспринимать трагедии: между прочим, он никогда не чувствовал М.Н.Ермолову, как и ей не был Чехов близок как писатель. Это было два полюса: реализм жизненный и реализм романтический».

От прозы Чехова также не все было в восторге. Ахматова, с высоты своей образцовой 2-й Эмоции, так судила о Чехове: «...его вселенная однообразна и скучна, солнце в ней никогда не светит, мечи не сверкают, все покрыто ужасающим серым туманом; мир Чехова — это море грязи, в котором барахтаются несчастные человеческие существа...» Оценка Ахматовой, конечно, не бесспорна, но что-то в ней есть. Проза Чехова действительно бывает совсем уж обесцвечена, совсем уж запылена. Хотя быть слишком строгим к нему, как к писателю, памятуя о больной 3-й Эмоции, как-то не очень хочется.

* * *

4-я Логика Чехова также не вызывает сомнений. Из всего того, что можно назвать мировоззрением, определенность у него отличались только этика, идущая не от ума, а от 2-й Воли и эстетика — от 3-й Эмоции. Сам Чехов признавался, что меняет свои взгляды каждый день. Человеком неопределенных воззрений он выглядел и со стороны. В чеховском дневнике есть такая запись: « Между «есть Бог» и «нет Бога» лежит целое громадное поле, которое с трудом проходит истинный мудрец. Русский человек знает какую-либо одну из двух крайностей, середина же между ними не интересует его, и потому он обыкновенно не знает ничего или очень мало». Комментируя это место, один знакомый Чехова заметил: « Мне почему-то кажется, что сам Чехов, особенно последние годы, не переставал с трудом продвигаться по этому полю, и никто не знает, на каком пункте застала его смерть.»

* * *

Само сочетание 1-й Физики и 3-й Эмоции предполагает, что обладатель их неспешен в браке и размножении. История жизни Чехова — наглядное тому подтверждение. Поэтому «чеховы» редки в этом мире. Однако, как ни странно, есть целая страна, где этот тип занял господствующее положение и сформировал национальный характер.

Речь идет, как нетрудно догадаться, об Англии. Полная серьезность в вопросах здоровья, внешности, денег и быта («мой дом — моя крепость») — все это, а также множество других более мелких черт ясно указывают на 1-ю Физику англичан. Британия — родина демократии, нынешнего правосознания и свободомыслия — конечно, не могла стать таковой, без преобладания среди ее жителей 2-й Воли. О хладнокровии, суховатости и сдержанности англичан не писал только ленивый...

Надо ли после этого объяснять: почему в Англии так любят Чехова, любят даже больше, чем на родине, в России?

* * *

«Чехова» с его внешней стороны хочется описать так: рослый, атлетически сложенный, с сочной лепкой лица человек. Взгляд добродушен, рассеян, с какой-то внутренней улыбкой. Речь сдержана, иронична, монотонна. Жест и мимика без размаха, почти незаметны. В обществе с легкостью молчит, больше всего любит веселье, шутку, но смех почти беззвучен. Одет добротнo, но неброско, стрижка короткая. Женщины сдержаны по части макияжа.

БЛЕЗ ПАСКАЛЬ

- 1) ЛОГИКА («догматик»)
- 2) ЭМОЦИЯ («актер»)
- 3) ВОЛЯ («мещанин»)
- 4) ФИЗИКА («лентяй»)

*«Да бездна есть во всем: в деяниях, словах...
И темной пропастью была душа Паскаля,» -*

писал Бодлер, в общих чертах и по себе, по своей душе, догадываясь о том, что из себя представляла паскалевская психика. Паскаль — трагичнейшая из фигур истории мировой мысли, «паскаль» — трагичнейший из типов психософии.

Подобно «андерсену» (см.) чудовищную мрачность восприятия себя, окружающих, мира придает в «паскале» сочетание 3-й Воли и 4-й Физики. Прежде уже говорилось, что безнадежность восприятия означала присуща «лентяю», и если трагизм 4-й Физики оказывается помноженным на ту неприязнь, с какой взирает на себя и мир 3-я Воля, то в результате получается то, что получилось — «Мысли» Паскаля.

«Люди ненавидят друг друга — такова их природа. И пусть они поставят своекорыстие на службу общественному благу, — эти попытки только лицемерие, подделка под милосердие, потому что в основе все равно лежит ненависть... Мы жаждем истины, а находим в себе лишь неуверенность. Мы ищем счастья, а находим лишь горести и смерть. Мы не можем не желать истины и счастья, но не способны ни к твердому знанию, ни к счастью. Это желание оставлено в нашей душе не только, чтобы покарать нас, но и чтобы всечасно напоминать о том, с каких высот мы упали... человек — это сплошное притворство, ложь, лицемерие не только перед другими, но и перед собой. Он не желает слышать правду о себе, избегает говорить ее другим. И эти склонности, противные разуму и справедливости, глубоко укоренились в его сердце.»

Даже религиозность человека Паскаль объяснял антипатией к себе и другим, и, вполне возможно, что его собственная вера действительно проистекала из этого не самого чистого из источников: «...единственная истинная добродетель — в ненависти к себе (ибо человеческое «я» так своекорыстно, что только ненависти и достойно) и в поисках существа, которое мы любили бы потому, что оно подлинно достойно любви. Но мы не

способны любить то, что вне нас, поэтому обратим любовь на Существо, которое не будучи нами, живет во всех нас без исключения. Но в мироздании есть лишь одно такое Существо.»

* * *

Из сказанного не следует, что Паскалю весь человек был ненавистен, совокупно. Есть у людской природы одно свойство, делающее ее достойной уважения, и, конечно же, в соответствии с 1-й Логикой Паскаля, это свойство — разум. Именно интеллект ставит человека над всем во вселенной, выше самой вселенной. «Человек — всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он — тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить, вовсе не надо всей Вселенной: достаточно дуновения ветра, капли воды. Но пусть даже его уничтожит Вселенная, человек все равно возвышеннее, чем она, ибо сознает, что расстается с жизнью и что слабее Вселенной, а она ничего не сознает.

Итак, все наше достоинство — в способности мыслить. Только мысль возносит нас, а не пространство и время, в которых мы — ничто».

Вместе с тем Паскаль не был бы «мещанином», т.е. существом изначально чудовищно противоречивым, если бы воспевая разум он одновременно не проклинал его, если бы догматизм органично не уживался в его сознании со скептицизмом. Главный для 3-й Воли тезис о ничтожестве человека колеблет даже твердую веру 1-й Логике в сверхнадежность и всемогущество рационального начала, подталкивает к скептицизму.

Более того, «паскалевская» специфика противоречия между Первой и Третьей функциями, как раз и заключается в том, что **величие человека описывается как осознание** (1-я Логика) **своего ничтожества** (3-я Воля). Он пишет: «Величие человека тем велико, что он осознает свое ничтожество. Дерево свое ничтожество не сознает.

Итак, человек чувствует себя ничтожным, ибо понимает, что он ничтожен; этим-то он и велик».

* * *

Кроме ироничного взгляда на всякое мудрствование, творчеству Паскаля присущ еще один элемент, так же как бы выводящий его из рядов философской корпорации — это прекрасный литературный язык, которым он излагал свои взгляды. Бог ведает как, но сложилось такое представление, что мудрость непременно должна быть облечена в серые, скучные, уродливые, сермяжные одежды, иначе это не мудрость. Паскаль всем своим творчеством опровергал этот дикий, но повсеместный предрассудок. Его мысли — это «мысли-образы», его слава — это не только слава «французского Архимеда», но и слава «французского Данте». Творчество Паскаля не только умно, но и выразительно, эстетически значимо.

Декартовскую «философию разума» Паскаль дополнил «философией сердца», как бы дико не звучало такое дополнение для уха интеллектуального ортодокса. Дело в том, что в отличие от Декарта (см. «Платон») у Паскаля не только Логика, но и Эмоция помещалась Вверху, и стало быть, противопоставлять обе сильнейшие стороны своей природы, опыт ума и опыт сердца он просто не мог.

Верхнее положение у «паскаля» Логике и Эмоции — функций, преимущественно речевых, делает из представителя данного типа превосходных собеседников. «Паскаль» — вообще «человек-общение», одновременно и вдумчивый, и глубоко чувствующий, рассудительный и остроумный. В общении ему претит всякая односторонность, универсализм — его стихия. Явно имея в виду себя, Паскаль писал: « В свете не прослывешь знатоком поэзии, или математики, или любого другого предмета, если не повесишь вы-

веску «поэт», «математик» и т.д. Но человек всесторонний не желает никаких вывесок и не делает различия между ремеслом поэта и золотошвеем.

К человеку всестороннему не пристаёт кличка поэта или математика и т.д., он и то и другое и может судить о любом предмете. Но это никому не бросается в глаза. Он легко присоединяется к любой беседе, которую застал, вошедши в дом. Никто не замечает его познаний в той или иной области, пока в них не появляется надобность, но уже тут о нем немедленно вспоминают; точно так же не помнят, что он красноречив, пока не заговорят о красноречии, но стоит заговорить — и все сразу вспоминают, какой он хороший оратор».

* * *

Как всякий обладатель 4-й Физики Паскаль — буддист. В его «Мыслях» есть один пассаж, который сделал бы честь иному бодхисаттве: « По натуре мы несчастны всегда и при всех обстоятельствах, ибо когда желания рисуют нам идеал счастья, они сочетают наши нынешние обстоятельства с удовольствиями, нам сейчас недоступными. Но вот мы обрели эти удовольствия, а счастья не прибавилось, потому что изменились обстоятельства, а с ними — и наши желания.»

Будучи «лентяем», Паскаль отличался редким бескорытием, с легкостью переносил аскезу, болезни и даже написал «Молитвенное размышление об обращении во благо болезней». Вот характерный отрывок из этого сочинения: « Господи... Ты даровал мне здоровье на служение Тебе, а я истратил его для суетных целей. Теперь Ты посылаешь мне болезнь, чтобы исправить меня: не допусти же меня прогневить Тебя моим нетерпением. Я злоупотребил своим здоровьем, и Ты справедливо покарал меня. Помоги мне извлечь должную пользу из Твоего наказания... Если сердце мое было полно привязанности к миру, пока в нем была некоторая сила, уничтожь эту силу для моего спасения и сделай меня неспособным наслаждаться миром.»

Отношение Паскаля к материальному пласту жизни выглядит со стороны милым, не только не опасным, но даже привлекательным чудачеством. Однако из этого не следует, что все «паскалии» — бесребреники, филантропы и аскеты. 4-я Физика беспартийна и в своем отношении к миру зависит от окружающих. Поэтому, попади Паскаль вместо монастыря в казарму, очень может быть, корыстолюбие, черствость и жестокость столь же органично вошли бы в его плоть и кровь, как монастырская аскеза и бескорытие.

* * *

О 3-й Воле Паскаля уже говорилось. Остается добавить, что остро ощущая свою малость, уязвимость, ничтожество, он явственно чувствовал и другие типичные для «мещан» болячки: раздвоенность, заброшенность, эгоизм, тоску, суетность, тщеславие. Паскаль писал: « **Противоречие.** — Человек по своей натуре доверчив, недоверчив, робок, отважен.

Описание человека: зависимость, жажда независимости, надобности.

Состояние человека: непостоянство, тоска, тревога.

Тоска. — Все невыносимей для человека покой, не нарушаемый ни страстями, ни делами, ни развлечениями, ни занятиями. Тогда он чувствует свое ничтожность, заброшенность, несовершенство, зависимость, бессилие, пустоту. Из глубины его души сразу выползают беспросветная тоска, печаль, горечь, озлобление, отчаяние.

...Почет — заветная цель человека, он будет всегда неодолимо стремиться к ней, и никакая сила не искоренит из его сердца желания ее достичь.

И даже если человек презирает себе подобных и приравнивает их к животным, все равно, вопреки самому себе, он будет добиваться всеобщего признания и восхищения.»

Хотя Паскаль в «Мыслях» говорит как бы отвлеченно, о некоем человеке вообще, на самом деле это — исповедь, и все что сказано в них о высоте и низости людской природы — плод исключительно личных наблюдений, наблюдений над 1-й Логикой, 2-й Эмоцией, 3-й Волей и 4-й Физикой.

* * *

С внешней стороны «паскаля» можно охарактеризовать следующим образом: худощав, с тонкими, иконописными чертами лица. Взгляд болезненный, уплывающий, задумчивый и печальный. Жест и мимика робки, но выразительны. Речь ярка, интересна, но отличается некоторой нервозностью и раздражением. Одежда небрежна, и в причёске довольно художественного беспорядка. Женщины редко прибегают к макияжу.

ЭПИКУР

- 1) ФИЗИКА («собственник»)
- 2) ЛОГИКА («ритор»)
- 3) ЭМОЦИЯ («сухарь»)
- 4) ВОЛЯ («крепостной»)

Несмотря на 3-ю Эмоцию, «эпикуры» вовсе не производят впечатление людей холодных. Они теплы, и по первым ощущениям легко сравниваются с плюшевыми мишками: та же массивность, соединенная с неторопливостью, леностью и мягкостью. Очевидный меркантилизм психологии «эпикура» совсем не отдает скаредностью, но принимает почти чудаческие формы любовного, до копейки продуманного денежного расчета. Робкая полуулыбка часто озаряет по-детски безвременное лицо «эпикура». Речь тихая, ровная, но последовательна в своем логическом сцеплении, ей одного не хватает — энергетического наполнения, чтобы быть по-настоящему убедительной. И именно по ровной, обдуманной, но нетвердой речи легче всего распознать «эпикура».

* * *

Относительно Эпикура существует давнее заблуждение, путающее его мировоззрение с мировоззрением Аристиппа (см.), эпикурейство с гедонизмом, т.е. философией, в основу которой положен принцип примата плотских утех над всеми другими. Но на самом деле, поскольку психотипы Эпикура и Аристиппа отличны, то, соответственно, различались и их философии. Судя по всему, заблуждение относительно взглядов Эпикура родилось еще при его жизни, и он должен был публично открещиваться от упреков в гедонизме. Эпикур писал: «...когда мы говорим, что наслаждение есть конечная цель, то мы разумеем отнюдь не наслаждения распутства или чувственности, как полагают те, кто не знают, не разделяют или плохо понимают наше учение, — нет мы разумеем свободу от страданий тела и от смятений души. Ибо не бесконечные попойки и праздники, не наслаждения мальчиками и женщинами или рыбным столом и прочими радостями роскошного пира делают нашу жизнь сладкой, а только трезвое рассуждение».

Вместе с тем Эпикур не представлял собой и аскета, бродящего в мире чистых абстракций. У него была 1-я Физика, заставляющая с величайшей серьезностью относиться ко всему, что связано с чувственным восприятием. Но так как у Эпикура 1-я Физика сочеталась с **4-й Волей, которая не жаждет самоутверждения, а вместе с ним и крайностей**, то и сильная склонность к распутству, чревоугодию и сребролюбию в его психике не находила почвы. Если в чем со всей ясностью и проявляется 1-я Физика Эпикура, так это в грубом материализме его философии. Вот, может быть, один из самых характерных отрывков с изложением основ эпикурейства: «*Всякое ощущение, говорит он, внеразумно*

и независимо от памяти: ни само по себе, ни от стороннего толчка оно не может себе ничего ни прибавить, ни убавить. Опровергнуть его тоже нельзя... разум не может опровергнуть ощущений, потому что он сам целиком опирается на ощущения; и одно ощущение не может опровергнуть другое, потому что доверяем мы каждому из них. Само существование восприятий служит подтверждением истинности чувств. Ведь мы на самом деле видим, слышим, испытываем боль; отсюда же, отталкиваясь от явного, надобно заключить и о значении того, что не так ясно. Ибо все наши помышления возникают из ощущений в силу их совпадения, соразмерности, подобия или сопоставления, а разум лишь способствует этому. Видения безумцев и спящих тоже истинны, потому что они приводят в движение (чувства), а несуществующее к этому не способно.

...те, кто утверждает, что душа бестелесна, говорят вздор: будь она такова, она не могла бы ни действовать, ни испытывать действие, между тем как мы ясно видим, что оба эти свойства присущи душе... душа состоит из атомов самых гладких и круглых...»

Из высказываний Эпикура со всей очевидностью вытекает, что закоренелый его материализм заходил так далеко, как это только возможно: даже галлюцинации и сны для него истинны, поскольку видимы, а душа состоит из атомов и даже известно каких. Впрочем, такая позиция естественна для 1-й Физики.

Еще любопытнее, что вслед за чувственным восприятием Эпикур ставил разум. И хотя он напрямую выводил интеллект из ощущений и только из них, т.е. отрицал существование чистых абстракций, рационализм очевидно занимал в эпикурействе второе после материализма место. А это явная примета 2-й Логики. О том же говорит и уникальная плодovitость Эпикура (300 свитков), по мнению биографов, превосходящая все, что делалось в золотой век греческой философии.

Замечателен он был и просто как собеседник. Ежедневно в знаменитый сад Эпикура собирались толпы учеников и поклонников, но подобного рода сборища не обременяли философа, а наоборот, доставляли истинное удовольствие. Вообще, для человека, подобно Эпикуру, имеющему процессионные Логик и Эмоцию, функции преимущественно речевые, общение представляет собой главную и никогда ненасыщаемую уладу жизни. Стоит ли удивляться в этой связи, что Эпикур все свое время, свободное от написания книг, посвящал неспешным дружеским беседам в саду, пренебрегая даже плотскими удовольствиями, на которые так богата была Греция его времени.

Указаний на 3-ю Эмоцию Эпикура сохранилось немного, но они есть. Прежде всего это характерная для его писаний сухость, блеклость изложения. Причем, такого рода бесстильность стиля была принципиальна для философа. Описывая подлинного мудреца, таким, каким он его себе представлял, Эпикур замечал, что «красивых речей говорить он не будет». Там же есть еще одно характерное для 3-й Эмоции замечание:» Мудрец один способен верно судить о поэзии и музыке, хотя сам и не будет писать стихов».

Эпикур был искренне равнодушен к политике и, даже немного ее побаиваясь, утверждал, что мудрец «не будет заниматься государственными делами». Впрочем, он не исключал того, что мудрец «будет **помогать** и правителю, когда придет случай», но точно «не станет тираном». Сам же Эпикур, несмотря на все свое влияние в обществе, старательно избегал всяческих официальных должностей, и в подобной аполитичности при самых благоприятных условиях для занятий политикой и страшной политизированности Афин того времени уже проглядывает 4-я Воля философа. Эпикур знал, что не рожден для власти, для лидерства, и все, предложенное им от себя вождю, правителю, заключалось в некой, не ясной по содержанию «помощи», не более.

Вообще, пожелание философа ученикам — «прожить незаметно» свою жизнь, можно считать программным для 4-й Воли.

Из жизни и философии Эпикура видно, что люди его типа редко оставляют заметный след в мировой истории. И потому, при попытке отыскать других «эпикуров», да еще в политике, на память пришел лишь один — Георгий Маленков — калиф на час Советского Союза.

О слабохарактерности Маленкова прямо говорили Хрушев и Молотов, а когда такого рода упрек бросается людьми, которые сами крепостью характера не отличаются, речь, очевидно, идет о 4-й Воле. Начал Маленков свою карьеру военным писарем, и, вероятно, так бы остался внизу социальной лестницы, если бы не женился на мелкой, но честолюбивой служащей ЦК компартии. Именно она начала толкать его в спину, заставляя передвигать ноги по ступеням канцелярской карьеры (недаром Эпикур был противником брака!), именно жена устроила его на работу техническим секретарем Оргбюро ЦК партии. На этом месте он зарекомендовал себя толковым бюрократом и был переведен выше, в технические секретари Политбюро. Здесь-то, видимо, Маленков и был замечен Сталиным. Чувствуя родство по 1-й Физике и 2-й Логике и испытывая доверие только к людям с 4-й Волей, людям преданным, покладистым, Сталин уже сам потащил Маленкова по ступеням служебной лестницы.

Как это ни покажется странным, среди политиков, кроме Сталина, Маленкова по достоинству оценили только иностранцы. Вот несколько его иноземных характеристик: «Он умен и осторожен, как дикий кот. Один французский политик, который встретился с Маленковым в период его подъема, говорил мне: « Он напоминает мне юного Лавалю.» Подобно последнему он соединял в себе острый ум с величайшим самообладанием и осмотрительностью». «Его русский язык был самым лучшим из тех, что я слышал из уст советских лидеров. Слушать его выступления было удовольствием. Речи Маленкова были хорошо построены и в них видна была логика... Более важно то, что Маленков мыслил, на мой взгляд, в наибольшей по сравнению с другими советскими вождями степени на западный манер. Он по крайней мере разбирался в нашей позиции, и хотя он ее не принимал, но все же, я чувствовал, понимал ее. С другими лидерами, особенно с Хрущевым, не было никаких точек соприкосновения, никакого общего языка...» «Он производит впечатление скрытного, осторожного и болезненного человека, но под складками жирной кожи, казалось бы, должен жить совсем другой человек, живой и умный человек с умными, пронизательными черными глазами.»

Перечислять все этапы пути Маленкова к вершине власти нет резона. Секрет его успеха, очевидно, крылся в абсолютной лояльности Сталину. Когда последний организовывал для своего окружения грандиозные пьянки в надежде выявить таким способом тайного врага, Маленков упивался до бесчувствия. Хотя, как выяснилось впоследствии, ненавидел алкоголь, после смерти Сталина сам перестал пить и позакрывал в стране распивочные, породив тем самым печальный обычай пить водку «на троих» в подворотнях.

Звездный час для Маленкова наступил в тот момент, когда умирающий Сталин из всех приближенных одному ему пожал руку. С этого момента почти целый год Маленков стоял во главе государства, пока у Хрущева не освободились руки вытащить бразды правления из слабых маленковских рук. Власть тот отдал практически без сопротивления и, может быть, даже, подобно всякому «эпикуру», с тайным облегчением, освободившись от непосильной ноши, человека. Во всяком случае, вернувшись домой после низвержения с Олимпа, он сказал обеспокоенной родне одно: «Все остается по-старому». Судя по этому высказыванию, Маленков даже не заметил, как из кресла первого лица в государстве, упал в кресло просто министра, событие, которое, будь он мало-мальски честолюбив, конечно же, было бы воспринято трагически. Для Маленкова же действительно все осталось по-прежнему, поскольку на тот, по западным меркам, скромный комфорт,

которым располагал он и его родня до свержения, никто не посягал (1-я Физика+4-я Воля).

Заканчивалась государственная карьера Маленкова на посту директора Экибастузской ГРЭС. И вот что примечательно: местный обком как-то объявил ему выговор «за панибратство с рабочими», что ни покажется для нас удивительным, если вспомнить Эпикура, за ровно державшего себя даже с рабами и пускавшего в свой философский сад всякого, кто ни придет.

СИНТАКСИС ЛЮБВИ

(раздел третий)

ВВЕДЕНИЕ В «СИНТАКСИС ЛЮБВИ»

У Плутарха в «Наставлении супругам» приведен один любопытный старинный анекдот. Звучит от так: «Римлянин, которого друзья упрекали за то, что он развелся с целомудренной, богатой и красивой женой, выставил вперед ногу и сказал им: «На вид этот башмак тоже красив и ничуть не изношен, но никто не знает, где он мне жмет!»

Сходно звучащую байку рассказывали про Куприна. Говорили, что на вопрос, как ему живется спустя полгода после свадьбы, он будто бы отвечал: «Хорошая жена, как разношенный сапог, ее не чувствуешь.»

На первый взгляд, ничто, кроме темы и «обувной» метафоры, оба рассказа не объединяет. Но на самом деле это не так. В обоих рассказах явно и тайно присутствует **знак беды**. Древний римлянин слишком остро ощущал близость своей супруги, Куприн совсем ее не чувствовал. Но, независимо от степени комфортности ситуации, оба засвидетельствовали в своих высказываниях наличие какого-то изъяна в семейной жизни, пусть и по-разному ощущаемого.

Бог ведает, где и кто заключает за нас браки, но осознанное или бессознательное ощущение неблагополучия в семейной жизни так широко распространено, что очевидным делается одно: они заключаются где угодно, только не на небесах. Гигантский процент брака (извините за невольный каламбур) попросту исключает божественный промысел.

Многим женитьба представляется самым грандиозным в их жизни обманом или самообманом. И самое прискорбное, что по сути так оно и есть. Мы настолько не сведущи в механизмах формирования нашего и чужого внутренних миров, в системе, обуславливающей взаимное притяжение или отторжение, что едва ли не в ста случаях из ста с азартом мчимся на лживый звук охотничьего манка и убеждаемся в своей ошибке обычно лишь тогда, когда оказываемся на линии смертельного выстрела.

В литературных кругах первой половины XIX века любили зубоскалить по поводу брака Белинского. О жене его говорили, что «выходя замуж, она была уже зрелых лет, насквозь болезненная и с нервической дрожью во всем теле. Движения ее были угловаты и лишены всякой грации. Мария Васильевна, следившая за русской журналистикой, привела Белинского в совершенный восторг рассуждениями, вычитанными из его же статей. Повторенный ею урок он принял за проявления собственного развития; он увлекся страстно, как вообще был склонен увлекаться идеалами собственной фантазии...» и женился. Разумеется, даже такой восторженный человек, как Белинский, не мог заблуждаться бесконечно, истина со временем открылась во всей своей страшной наготе и, вполне вероятно, отчасти приблизила преждевременную кончину знаменитого критика.

История женитьбы Белинского, на первый взгляд, выглядит курьезом, но на самом деле курьезно в ней лишь то, что источник заблуждения Белинского лежит на поверхности и виден невооруженным глазом. Чаще причины обмана и самообмана бывают скрыты так глубоко, что остаются тайной не только для сторонних наблюдателей, но и для самих участников брачной драмы.

Перечислить все источники взаимного напряжения нет никакой возможности, поэтому приведу только одно, кажущееся парадоксальным, но верное наблюдение Лабрюйера, согласно которому им может стать даже то, что в обществе принято считать добродетелью. Он писал: «Клеант — благороднейший человек, и женился он на превосходной, очень разумной женщине; каждый из них украшение и гордость любого общества. На свете редко встречаются столь порядочные и учтивые люди, но... завтра они расстанутся: у нотариуса уже готов акт о раздельном жительстве. Очевидно, иные достоинства несочетаемы, иные добродетели несовместимы.»

Кроме всего прочего, у Лабрюйера верно указан нерв проблемы — сочетаемость. Благополучие или неблагополучие совместной жизни зиждется не на условных категориях типа: «порок», «добродетель» и т.п. — а на сочетаемости или несочетаемости суммы психических свойств одного индивидуума с суммой психических свойств другого.

* * *

Однако что же это за «фата моргана» такая, что, суля человеку неземные блаженства в обществе избранника (цы), так жестоко в конце концов обманывает его? В большинстве случаев ответ на этот вопрос будет один: любовь. Любовь — едва ли не всем известное, но неуловимое, бесчисленно раз анализируемое и все-таки не дающееся в руки исследователей, чувство. И поскольку тему любви к новым никак не отнесешь, то, думаю, не будет большого греха, если в давний спор о ее природе внесу еще одну маленькую, но свою лепту.

Прежде уже говорилось, что любовь тесно связана с Эмоцией и о приходе ее человек узнает по силе испытываемых и наблюдаемых переживаний. Поэтому «романтик» с его избыточной 1-й Эмоцией как бы рождается влюбчивым и потенциально любимым, тогда как «сухарь» с его язвой по 3-й Эмоции — наоборот, как бы изначально не расположен к влюбчивости и к возбуждению страстей. Таким образом, природа по одной только эмоциональной функции, казалось, автоматически распределяет: кому любить и быть любимым, а кому нет. Все было бы именно так, если бы Эмоция являлась по-настоящему автономным и исключительным источником такого сложного чувства, как любовь. На самом деле, ощущаемое и наблюдаемое *бурление чувств не существо, а производное от любви.*

Подлинная суть любви — это надежда или, лучше сказать, иллюзия, рождающаяся в подсознании изначально ущербного индивидуума, будто наконец обретен человек, в паре с которым возможно достижение отсутствующих прежде, но страстно желанных цельности, полноты бытия. Вспомним платоновский миф об андрогинах. Согласно ему, первые люди были двуполыми существами (андрогинами), но боги разрубили их, и с тех пор каждая из отрубленных половинок ищет утраченную, другую, слившись с которой, она вновь могла бы стать полноценным существом, неуязвимым, самодостаточным, гармоничным.

Собственно, миф об андрогинах — единственно верное образное выражение существа любви. Надежда искривленного индивидуума, что нашлась половинка, способная в точности заполнить все изломы его существа, стимулирует эмоциональные выбросы, плодит иллюзии скорого достижения «счастья», т.е. достижения цельности, полноты, гармонии и даже объективности восприятия мира. Ведь как верно писал Гоголь: «У всякого есть что-то, чего нет у другого; у всякого чувствительней не та нерва, чем у другого, и только дружный размен и взаимная помощь могут дать возможность всем увидеть с равной ясностью и со всех сторон предмет.»

Говоря о том, что любовь — производное от надежды изначала ущербного индивидуума заполнить другим существом «щербину», излом своей природы, достигая тем цельности и неуязвимости, нельзя пройти мимо проблемы существа той «щербини», что гонит одного человека к другому.

Если взглянуть на дело через призму психософии, то станет очевидным, что Первая функция, избыточная и результативная, ни в дополнении, ни в партнере не нуждается.

Иные запросы у Второй функции. Она испытывает потребность в партнере, но не от скудности; просто процесс ей дороже результата, а полноценного процесса без партнера не бывает. Вторая не любит, а жалеет. Но не даром на Руси в старину слово «жалеть» было почти синонимом слова «любить». Есть какая-то притягательная, непонятно откуда берущаяся сила в слабости, и сладость в жалении тоже есть. Поэтому можно сказать, что путь не к любви, так к жалости Вторая функция очень склонна, хотя к горячей страсти не расположена никак, и чувство, которое она обычно испытывает к партнеру, трудно характеризовать как любовь.

Остается Третья функция. И вот здесь в своих поисках мы должны остановиться. Третья отвечает всем необходимым условиям: она процессионна и потому заинтересована в наличии партнера и она же ущербна, ранима и потому нуждается в дополнении, развитии и защите. Именно Третья функция, какова бы она ни была: Эмоция, Логика, Физика или Воля — склонна более других стимулировать поиск пары. Короче, не станем далее хитрить и сразу признаемся, что единственной в буквальном смысле слова эрогенной функцией является Третья. Только она, по слабости своей и уязвимости, способна горячить кровь, плодить иллюзии, делать желанным и радостным самообман.

«Любовь» — это особое состояние эйфории, вызванное иллюзией обрести «счастье» в паре с субъектом, достаточно наделенным теми психическими свойствами, в которых ощущается недостаток.

Однако здесь я сразу должен огорчить читателя: существо любви лучше характеризовать не как надежду, а как иллюзию именно потому, что чаяния влюбленного либо не сбываются вообще, либо сбываются тогда, когда сами чаяния, а вместе с ними и эйфория давно испарились. «Любовь исчезает, когда перестает надеяться или бояться», — говорил Ларошфуко. И был прав. Эйфория умирает вместе со смертью радужных ожиданий и страхов, с ними связанных.

Если припомнить свой нерадостный опыт, полистать специальную и художественную литературу, то можно даже назвать временной промежуток, отводимый жизнью на «любовь», т.е. на эйфорию. И специалисты, и просто бывалые люди, не знаю почему, но едва ли не поголовно называют одну цифру — 3 года (достаточно вспомнить «Три года» Чехова)

Интересно отметить, что эти исключительно субъективные наблюдения по части трехлетнего срока недавно получили экспериментальное научное подтверждение. Американские эндокринологи выдвинули гипотезу, что стимулятором любовного возбуждения является специальный гормон, названный «РЕА», именно этот гормон превращает влюбленных в амурных наркоманов и фетишистов. Но так как со временем происходит привыкание рецепторов мозга к «РЕА», а ресурсов для увеличения дозы нет, то через 2-4 года гормон теряет свою силу. Нашлось и биологическое объяснение этого феномена, как выработанного эволюцией средства удержания родителей вместе на самую трудную и опасную для ребенка пору — первые 2-4 года.

Вообще, складывается впечатление, что, если за **характер** отношений отвечает психическая типология, то за их **интенсивность** — эндокринная система. Чувства и отве-

чающие за них гормоны имеют свойства созревать, поэтому одна и та же комбинация психотипов, вызывавшая в молодости лишь взаимную симпатию, т.е. всплеск таких неярких гормонов как эндорфин и серотонин, в зрелом возрасте может вызвать настоящую любовь, подлинную страсть, т.е. взрыв все ослепляющего гормона «РЕА». Знаю такие случаи.

Конечно, привыкание к «РЕА» или, говоря по-другому, расставание с иллюзиями — процесс, страшно мучительный, полностью эмоционально и духовно опустошающий человека. Воспоминания о былых чувствах вносят дополнительное напряжение в отношения бывших влюбленных, и электричества меж ними копится тем больше, чем сильнее была любовь. Как писал Толстой: «Главная причина семейных несчастий та, что люди воспитаны в мысли, что брак дает счастье... То же, что должно выкупать: забота, удовлетворение, помощь, все это принимается как должное; все же недостатки, как не должное, и от них страдают тем больше, чем больше ожидалось счастье от брака.»

Исходя из сказанного, можно было бы предположить, что на конец третьего года от начала романа должно приходиться время резких движений, разрывов, разводов и т.п. Однако это не так и даже совсем наоборот. На конец романа обычно приходится полный штиль в отношениях. На что есть несколько причин. Во-первых, человек к тому времени обрывает такой массой производных от своей любви: дети, родственники, имущество, друзья и т.п. — что разрыв с ними оказывается болезненнее, нежели разрыв непосредственно с предметом былой страсти. Во-вторых, к концу романа индивидум чувствует себя настолько духовно, эмоционально и физически опустошенным, что обычно не имеет сил взглянуть за пределы очерченного романом круга; кроме того, однобокость и зашоренность всякой любви не предполагает возникновения на горизонте какой-либо серьезной альтернативы, которая могла бы отвлечь его от недавно еще столь желанного предмета любви.

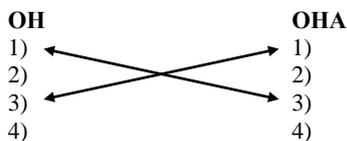
Наконец, из самого факта утраты розовых очков вовсе не следует, что, расставшись с иллюзиями и взглянув на партнера, не сказать, объективным, но спокойным взглядом, человек автоматически убеждается в своей ошибке, находит дальнейшую совместную жизнь невозможной, бесперспективной. Финальные слова героя чеховской повести «Три года»: «Поживем — увидим,» — точно отражают массовые умонастроения расставшихся с иллюзиями, переживших любовную бурю людей. «Поживем — увидим...» — вслед за чеховским Лаптевым говорят они, глядя как бы впервые на своего партнера потухшим, отстраненным, испытующим взглядом. Таков — обычный финал любви. Что касается сценария дальнейшей жизни, то он зависит не от страстей, а от психотипа участников драмы и «системы любви», которая в свое время притянула их друг к другу.

Существуют три «системы любви» или, говоря иначе, три основных сочетания Третьей функции с функциями противоположной стороны, что могут вызывать эйфорию, породить любовь. И для обозначения каждой из «систем» воспользуемся, чтобы не избегать велосипед, тремя, известными со времен Древней Греции терминами, обозначающими разные виды любви: «эрос» (любовь по принципу противоположности), «филия» (любовь по принципу тождества) и «агапэ» (любовь — эволюция, движущая партнера от противоположности к тождеству). Из перечисленных «систем» только последняя — «агапэ» по-настоящему плодотворна и может претендовать на звание подлинной «формулы любви», но, чтобы убедиться в этом, необходимо проанализировать все виды любовных сочетаний.

ЭРОС

«Эрос» как модель межличностных отношений в браке встречается гораздо чаще других. И это не случайно. Поскольку принцип «эроса» заключается во взаимном притяжении противоположностей, то природа, заложив физиологические различия между полами, как бы предопределила склонность человечества вместе с физиологией считать в браке естественным и необходимым несходство психологий.

В существо физиологических различий между полами посвящены, кто глубже, кто поверхностней, но практически все. На чем же зиждется психологическое различие между людьми, нет ясности до сих пор. Поэтому, исходя из концепции психософии, теперь можно дать совершенно однозначный ответ на данный старинный вопрос: психологически, по своим задачам и выражению противоположны Первая и Третья функции. То есть, человек ощущает противоположность своим психическим установкам тогда, когда оказывается лицом к лицу с существом, у которого Первой функцией оказывается та, что у самого человека Третьей. Если же представить себе, что такая ситуация оказывается взаимной, то это и есть «эрос». Сущность «эроса» — это антагонизм перекрестья с Третьей функции на Первую. Схематично нерв «эроса» можно изобразить следующим образом:

* * *

Само по себе чисто умозрительное представление, будто за различием физиологий непременно должен следовать психологический антагонизм, конечно, не сделало бы «эрос» господствующей концепцией брака, если бы в самом перекрестье Третьей функции на Первую изначально не был заложен бессознательный, подобный звериному инстинкту, чрезвычайно действенный механизм взаимного притяжения.

Механизм этот прост: когда человек, мучимый скудностью и ранимостью своей Третьей функции, внезапно обнаруживает напротив себя существо, которое природа наградила тем же, но в виде Первой, т.е. в избытке, ему в голову приходит не только мысль о соответствии ситуации расхожим житейским представлениям о перспективности такого брака, но прежде всего предположение, что оппонент покроет своим избытком его скудность, прикроет своей броней его язву. Ход рассуждений в этом положении, если представить его как бы от лица женщины, выглядит следующим образом: «Он такой умный (чувствительный, могучий, волевой), что ему ничего не стоит поделиться со мной, глупой (холодной, тшедушной, слабохарактерной), хотя бы частью данных ему природой излишков, чтобы преобразилась я — золушка в гармоничную, неуязвимую, неотразимую и совершенную принцессу.»

Именно так, по собственному ее признанию, думала суховатая по 3-й Эмоции Нина Берберова, когда увидела некоего Н.В.М. Она писала: «Смысл нашей встречи и нашего сближения, смысл нашей общей жизни (десять лет), всего вместе пережитого счастья, значение этой любви для нас обоих в том, что он для меня и я для него были олицетворением всего того, что было для обоих — на данном этапе жизни — самым главным, самым нужным и драгоценным. Нужным и драгоценным для меня было тогда (а может быть, и всегда?) делаться из суховатой, деловитой, холодноватой, спокойной, независимой и разумной — *теплой, влажной, потрясенной, зависимой и безумной*. В нем для меня и

во мне для него собралось в фокусе все, чего нам не хватало до этого в других сближениях.»

Сказать, что в ситуации лицемерия большими глазами Третьей функции сияющих здоровьем и силой глаз Первой функции иллюзии множатся, как клопы, значит не сказать ничего. Иллюзии же, как прежде говорилось, — единственный стартер любовных переживаний. Итак, чувства забурили, горячка страсти растекалась по жилам, закружилась голова — пришла любовь в ее «эротическом» выражении.

Если же по ходу рассуждений припомнить, что Первая функция не только избыточна, но и является визитной карточкой человека, тем, что он бессознательно первым выкладывает на стол при встрече, то станет понятно: любовь-«эрос», коль сердце свободно и созрело для парности, обрушивается на человека внезапно и необорно, как лавина, без предварительных прикидок и пристрелок. Он не успевает ничего понять, слышит только оглушительный взрыв и видит в мгновенной вспышке света давно чаемый, странно узнаваемый облик своего суженного (суженной). «Это он (она)!» — ёкает под ложечкой у индивидуума, когда при первой же встрече натывается глазами на визитку именно той Первой функции, что ему нужна. Сердце сразу же воспламеняется, глаза закрываются, и человек головой вперед летит в омут, вынырнуть из которого с открытыми глазами и остывшим сердцем ему предстоит лишь через несколько лет.

Картина «эроса» была бы искаженной, если бы мы представили ее себе в виде бесконечного свода радужных колец. Это сложное чувство, которое лучше всего характеризовать как любовь-ненависть. Отчасти виной тому — изначальная раздвоенность Третьей функции: лицемерие Первой функции в данном случае не только ласкает взор, но и раздражает. Свойство же Первой функции с самого начала наступать на мозоли Третьей и по толстокожести даже не замечать своей неуклюжести — так же не радует Третью. Одним словом, двусмысленный дух вожделения и неприязни постоянно витает над «эросом». Как писал Катулл:

*«И ненавижу ее и люблю. «Почему же?» — ты спросишь меня.
Сам я не знаю, но так чувствую я и томлюсь».*

Все бы ничего, и в ожидании грядущих блаженств можно было бы попридержаться раздражение, если бы все хлопоты при «эросе» не являлись напрасной тратой времени и сил. Самое трагичное в «эросе», что надеждам, возлагаемым при данной «системе любви» Третьей функцией на Первую, не суждено сбыться. Корень проблемы не в том, что одна обеднена, тогда как у другой избыток, а в принципиальной несовместимости установок: Первая результативна, Третья процессионна — и это обстоятельство обрекает носителей обеих функций на вечную взаимную глухоту.

Чтобы стало понятнее, как и почему это происходит, приведу такой пример. Скажем, женщина с 3-й Физикой встречает мужчину с 1-й Физикой. Естественно, она очарована открывшейся перед ней мощью функции, которая у нее самой уязвлена и решает: «Это он!» Так как ее Третья функция, сделавшая выбор, суперпроцессионна, то расчет одновременно строится на том, что с данным партнером у нее начнется бурный совместный процесс созидания всего, относящегося к физическому пласти жизни.

Если перевести иллюстрацию в кулинарную плоскость, то, скажем, женщина начинает мечтать о том, как они будут готовить вместе некое роскошное блюдо. И дорого в этом действие будет не столько само блюдо, сколько процесс совместного его приготовления. При этом женщина, по своей утонченной Третьей функции, возьмет на себя завершающую стадию приготовления и придаст блюду неповторимый тончайший аромат.

Реальность оказывается прямо противоположной мечте. Когда приходит время обеда, выясняется, что ее партнер, со своей результативной, монологической 1-й Физикой, уже сам все приготовил и сам же все съел. Процесс разрушения воздушных замков начался. Конечно, сразу примириться со спецификой психологии физики ее оппонента женщина

не может и требует, чтобы впредь он заботился не только о своем желудке, но и об ее. Не исключено, что любящий муж с пониманием отнесется к требованию женщины, но из этого не следует, что тем самым мечта ее сбудется. Он просто принесет ведро манной каши и поставит перед ней со словами: «Это — тебе, на, милая, ешь!»

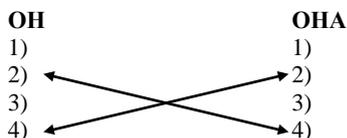
Глядя на данную ситуацию через призму психософии, можно понять обоих. Владелец 1-й Физики, для которого дорог результат, и результат избыточный, достаточно упрощенный по форме, не мог вести себя иначе. Но с другой стороны, понятна и оторопь обладательницы 3-й Физики, которая, казалось, получает по той функции (Физике), по которой ей и хотелось получать, но настолько НЕ ТО и НЕ ТАК, что происходящее воспринимается как удар и действительно является ударом по Физике.

Однако отвергнуть искренне предложенный дар нельзя, кашу приходится есть, и пока женщина ест, в душе ее еще теплится надежда, что произошедшее — лишь казус, маленькая ошибка, обусловленная взаимным непониманием, которую можно будет исправить в будущем. Однако надежде этой не суждено сбыться, разная направленность функций делает данный казус хроническим и необоримым. Только выяснится это обстоятельство по прошествии нескольких лет.

Конечно, кулинарный пример не выглядит трагическим, но если представить себе, что механизм конфликта равно действенен для всего физического пласта жизни (экономика, право, деторождение, секс и т.д.), то, думаю, трагический фон противоречий между Третьей и Первой функциями проявится достаточно явственно. Вместе с тем неверно было бы думать, что жизнь Третьей функции при «эросе» состоит из одних ударов. Первая функция не только бьет, но и защищает. Думаю, ни один человек с 3-й Физикой не отказался бы иметь такого могучего и бесстрашного супруга, каким была жена Гёте, собственноручно выбросившая из дома поэта толпу наполеоновских солдат. Не в ударах проблема и не в защите — самое большое зло «эроса» заключается в том, что Первая отказывает Третьей в **ПРОЦЕССЕ СОТВОРЧЕСТВА** — единственном для нее средстве залечить постоянно ноющую рану.

* * *

Еще тягостнее делается «эрос» в случае, когда перекрестье с Первой на третью функции дополняется перекрестьем со Второй на Четвертую. Как на схеме:

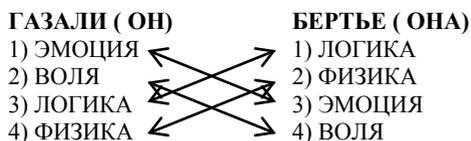
Здесь мы сталкиваемся со знакомой нам картиной несходства принципов процессионной Второй и результативной Четвертой. Главное в ней: все та же невозможность процесса. Пользуясь известным нам кулинарным примером, можно сказать, что 4-я Физика не разделяет искреннего и неустанного интереса 2-й Физики к питанию, за столом она равнодушный гость, без азарта жующий все, что подадут, не огорчающейся даже тогда, когда ей отказывают от стола. Это иждивенец, полностью передоверивший партнеру свою Физику и считающий такой дар достаточным для семейной жизни.

Правда, антагонизм между Второй и Четвертой не выглядит столь же драматично, как антагонизм между Первой и Третьей. Причин тут две. Во-первых, и Вторая, и Четвертая не травмируемы, поэтому конфликт между ними обоюдно безболезнен. Во-вторых, Вторая функция обычно легко захватывает Четвертую и, как катер баржу, принуждает двигаться у себя в кильватере, что создает иллюзию полного согласия и единомыслия

супругов во всех вопросах, касающихся данного пласта жизни. Иллюзорность благополучия при такой системе отношений заключается в том, что Вторая вместо желанного процесса сотворчества получает покорность, а это, согласитесь, не одно и то же. И хотя, будучи сильной и гибкой, Вторая от данного обстоятельства не очень страдает, все же одновременно она испытывает некоторый бессознательный зуд, чувствуя, что в такой компании полностью лучшая сторона ее натуры не реализуется.

* * *

Исходя из всего сказанного об «эросе», может сложиться мнение, что два перекрестья процессионных функций на результативные или, как его можно назвать, «полный эрос» — самый тяжелый вариант брака и продолжительное сожительство при такой комбинации невозможно. И отчасти это так. В том, что касается тяжести такого варианта, это предположение абсолютно верно — тяжелей его нет. Что же касается невозможности совместной жизни, то такой вывод будет преждевременным. Приведу в качестве примера историю жизни одной хорошо знакомой мне пары. Сочетались или, скорее, не сочетались психотипы данной пары следующим образом:

Расписались они довольно поздно, когда значительная часть их друзей и знакомых уже пережилась. Большого энтузиазма по поводу друг друга они, судя по нескольким брошенным вскользь фразам, не испытывали, но время подошло, она была самой умной среди знакомых ему девушек, он был самым эмоциональным среди знакомых ей юношей, и это перекрестье с Первой функции на Третью решило дело, связало их судьбы. Родился ребенок, так и оставшийся единственным, что при ее 3-й Эмоции и его 4-й Физике, кажется, устроило обоих.

Жизнь шла своим чередом, не слишком тягостная, но и не слишком отрадная, хотя противоречия «полного эроса», конечно же, давали себя знать. «Бертье» беспокоила эмоциональная замкнутость «газали» на самом себе, «несочувственность», если так можно выразиться, перемежаемая взрывами чаще темноокрашенных (4-я Физика) переживаний, больно ранящих ее крайне сдержанную (3-я Эмоция), но жизнерадостную (2-я Физика) по существу натуру. «Газали» угнетала неразговорчивость «бертье», отказ предаваться тому, что могло бы выглядеть пустой болтовней, и уж козь «бертье» снисходила до разговора, то обращала его в монолог, состоящий из каменных догматов, критике не подлежащих.

Впрочем, была в этой ситуации и своя положительная сторона. Когда подруги «бертье» пытались ее эмоционально прессинговать и даже обвинять в бесчувственности, она призывала мужа и он, невосприимчивый к такого рода давлению, окриком пресекал всякие попытки навязать их дому посторонний эмоциональный строй. Сходную практику завел и «газали», когда в спорах с друзьями он чувствовал, что тонет, он звал супругу и та забивала их своими безапелляционными суждениями, точно так же, как забивала обычно его самого. Одним словом, складывалась привычная для перекрестья Первой функции на Третью картина.

Обычно выглядело в этом случае и перекрестье со Второй функции на Четвертую. Так получалось, например, что «газали» со своей 2-й Волей вынужден был постоянно решать судьбу семьи в одиночку и в одиночку же нести за все ответственность, получая

вместо полновесного партнерства, пусть удобную, но оставлявшую его одиноким перед ударами судьбы покорность 4-й Воли.

Очень точно специфику отношений 2-й и 4-й Воль описал Гончаров в романе «Обломов», воссоздавая отношения между Ольгой (2-я Воля) и Обломовым (4-я Воля). Гончаров писал: «Она понимала яснее его, что в нем происходит, и потому перевес был на ее стороне. Она открыто глядела в его душу, видела, как рождалось чувство на дне его души, как играло и выходило наружу; видела, что с ним женская хитрость, лукавство, кокетство... были бы лишние, потому что **не предстояло борьбы.**

Она даже видела и то, что, несмотря на ее молодость, ей принадлежит первая и главная роль в этой симпатии, что от него можно было ожидать только глубокого впечатления, **страстно-ленивой покорности, вечной гармонии с каждым биением ее пульса, но никакого движения воли, никакой активной мысли.**»

Возвращаясь от «Обломова» к отношениям описываемой нами пары, хочется заметить, что, в свою очередь, 2-ю Физику «бертье» смущало отсутствие у супруга подлинного, присущего ей самой, азарта по части секса и быта, хотя и на саботаже в этих вопросах его 4-ю Физику ловить не приходилось.

«Полный эрос» редко обходится без измен. Была она и в данном случае. «Газали» изменил. «Бертье», узнав об измене, и так по 4-й Воле решительностью не отличавшаяся, при кризисе просто отключила Волю и, впав в прострацию, стала ждать решения своей участи. «Газали» же, по своей 1-й Эмоции, пребывал в эйфории, даже собирался развестись и жениться заново, т.е. перенести ответственность 2-й Воли с жены на разлучницу. Однако так получилось, что единственный в его жизни роман так и закончился ничем.

Лопнул роман «газали» потому, почему обычно лопаются романы у женатых обладателей 3-й Логики. Потому что и брак его, и адюльтер носили исключительно интеллектуальную подоплеку. Женившись на женщине с 1-й Логикой ради ее аналитических способностей, которая, как впоследствии выяснилось, не дает ему рта раскрыть, «газали», истомившись по общению, не мог не обратить внимание на женщину, вероятней всего, с 4-й Логикой, соглашавшуюся поменьше говорить и побольше слушать. Что касается физической измены, то «газали» по своей 4-й Физике не был к ней склонен, но и препятствий к тому, чтобы телесной близостью оплачивать отрадное молчание подруги, не видел. Когда же разлучница потребовала от него развода, то мысль о разводе «газали» в конце концов отверг. *Ведь то, что составляло мед и смысл его романа, заключалось в комфорте общения, а не сожительства.* Разрушать же сложившееся положение ради удовлетворения потребности в благодарном слушателе, казалось ценой непомерной и, по большому счету, так оно и было.

Роман «газали» пришелся на самый судьбоносный в жизни человека период между 35-ю и 45-ю годами. Опасность этого периода, а может быть, и благодатность его заключается в том, что, чувствуя безнадежное неблагополучие своей жизни, человек осознает: подходит к концу период, называемый у греков «акмэ», период полноты и расцвета личности, поэтому проблема неблагополучия жизни, если она есть, уже не может быть отложена на потом, судьбу нужно менять именно сейчас, иначе дальше не достанет ни духу, ни сил для ее перемены, и прозябание до смерти в сложившемся положении неизбежно. Именно на этот период приходятся странные безумства, резкие повороты в жизни перезрелых дядь и тетей, вдруг заражающихся пылом юной страсти, пытающихся обмануть судьбу и начать все как бы заново.

Кризисным конец «акмэ» стал и для «газали». Но кризис в данном случае миновал, ничего не переменял. Прошло много лет, и он стал отмечать, что с удовольствием возвращается с работы в прежде не слишком притягательный дом. «Бертье» же — от природы очень домашнее существо, всегда видела в домашнем очаге средоточие своих интересов. Привычка к совместной жизни, раздел сфер влияния и та мера взаимного отчуждения, что позволила им жить вместе, не наступая друг другу на мозоли, сделали свое дело,

и нет сомнения, что остаток дней «газали» и «бертье» проведут вместе, хотя наполнение содержанием этого «вместе» будет резко отличаться от тех представлений, что имелись у них при вступлении в брак. И лишь бессознательное ощущение, что с другим супругом жизнь можно было бы прожить полней, интересней, ярче, добавит, вероятно, немного тайной горечи в бульон их старческого покоя.

* * *

Резонный вопрос: что же тогда разрушает семьи, если даже такая самовзрывающаяся модель, как «полный эрос», не всегда приводит к разводу? Что ж, «синтаксис любви» и не берется управлять формальными по существу актами, каковыми являются брак и развод. Ее сфера: определение и прогноз мер взаимного притяжения и отчуждения, мер взаимной заинтересованности, сочетаемости. Не более.

Кроме того, «эрос» обычно обрушивается на супругов всей тяжестью своих несоответствий лишь тогда, когда они надолго остаются лицом к лицу, без посредников. Чаше такая ситуация складывается во время отпуска, и именно отпуска запоминаются им как наиболее критические периоды совместного существования. В обычной же жизни существует множество факторов, разводящих потенциальных противников по разным углам ринга. Львиную долю времени отнимает работа. К тому же человека обычно окружает достаточно людей (домочадцы, родственники, друзья, сослуживцы), с которыми можно отвести душу в том случае, если душа не отводится, а наоборот травмируется при непосредственном контакте с супругом.

Наконец, открою главную причину, благодаря которой даже при «полном эросе» не происходят разводы. Дело в том, что развод как юридический акт связан только с двумя из четырех функций: Волей и Физикой. Этот правовой акт регулирует взаимную ответственность и ответственность перед потомством, делая особый акцент на физическую сторону жизни. Поэтому при «эросе» по-настоящему готовность к разрыву проявляют лишь процессионные Воли и Физики. Чего нельзя сказать о процессионных Логиках и Эмоциях.

Вспомним, отчего, не дойдя до развода, лопнул роман известного нам «газали». Очевидно потому, что, испытывая наибольший дискомфорт по 3-й Логике, он мог, не подвергая испытаниям свои семейные устои, просто общаться на стороне, параллельно. Такое интеллектуальное «многоженство» никакому суду не подлежит. Иное дело, когда в семейной жизни травмам подвергаются Воли и Физики, — здесь параллельной жизни, компенсирующей устройство официального брака, по крайней мере на европейский взгляд, быть не должно. И развод делается единственным средством выхода из положения.

Таким образом можно вывести некий «закон» развода при «полном эросе». Звучать он может следующим образом: «Полный эрос», самая тяжелая из форм межличностных отношений, разрешается разводом при процессионности Физик и Воли и никак не разрешается при процессионности Логик и Эмоций, хотя и чреват кризисами.

Чтобы стало ясней, приведу такой пример. Ахматова иногда с плохо скрываемым презрением говорила о женщинах, не способных бросить мужей, когда в сердце догорела последняя искра любви. Однако вот незадача, жизнь самой Ахматовой плохо согласовывалась с ее теорией: не она обычно покидала мужей, а они — ее.

Подозревать Ахматову в лицемерии нет оснований. Поэтому лучше взглянуть на порядок ее функций и убедиться, что верней жены, чем Ахматова, просто нельзя было найти. Напомню, у Ахматовой была **1-я Воля, 2-я Эмоция, 3-я Логика, 4-я Физика**. И из такого порядка функций видно, что никакого противоречия между словом и делом у Ахматовой нет. Как человек с 1-й Волей она действительно была хозяйкой своей судьбы и, если решалась на какие-либо перемены в семейной жизни, то решалась окончательно и

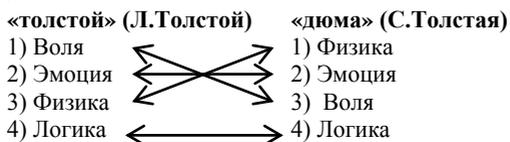
бесповоротно. Иное дело, что менять что-либо в ней Ахматовой не было никакой нужды. 1-я Воля ее и так была абсолютно независима, а физический пласт жизни при 4-й Физике слишком мало значил, чтобы серьезно влиять на семейный выбор. Если же что-то в поведении мужей не соответствовало ее представлениям о должном в эмоционально-логическом плане, то компенсировать это неудобство без развода среди коллег и почитателей для нее не составляло труда.

Кроме всего прочего, пример Ахматовой замечателен тем, что указывает на существование типов, как бы изначально предрасположенных к устойчивости в браке, независимо от ситуации. Это обстоятельство могло бы быть чрезвычайно привлекательным для людей, жаждущих найти хоть что-то основательное в бурном житейском море, если бы женитьба в данном случае не являлась чисто формальным актом, закрепляющим то, чего на самом деле не может быть — брак. Ахматова и близкие ей типы слишком автономны и слишком безразличны именно в тех пунктах, что составляют существо неформального брака: слишком автономны и слишком безразличны в вопросах Воли и Физики, чтобы стремиться к подлинной парности.

По существу жизнь никогда и не становится перед дилеммой: что лучше — устойчивый брак или неустойчивый. Ее интересует другое: нужны ли люди друг другу или нет? Хотя путаница между тем и другим, в силу близорукости человечества, действительно имеет место быть.

* * *

Не столь тяжелой в сравнении с «полным эросом» может считать другая «эротическая» модель межличностных отношений, где перекрестье с Первой функции на Третью сочетается с тождеством по Второй и Четвертой. Такую «систему любви», наверное, удобней назвать «полуэросом» и проследить на ярчайшем примере брака Льва и Софьи Толстых. Схематично систему отношений между Толстыми можно изобразить следующим образом:

В «Крейцеровой сонате» злой на жену Толстой так описал и объяснил тот импульс, что когда-то давно заставил его подставить шею под узы Гименя: «В один вечер, после того как мы ездили в лодке и ночью, при лунном свете, ворочались домой и я сидел рядом с ней и любовался ее стройной фигурой, обтянутой джерси, и ее локонами, я вдруг решил, что это она. Мне показалось в этот вечер, что она понимает все, все, что я чувствую и думаю, а что чувствую я и думаю самые возвышенные вещи. В сущности же, было только то, что джерси было ей особенно к лицу, также и локоны, и что после проведенного в близости с нею дня захотелось еще большей близости».

Несмотря на запоздалый сарказм и карикатурность описания мотивов, подтолкнувших писателя к юной Софье Берс, оно в существе своем верно. Скрытая гиперсексуальность 3-й Физики Толстого действительно была главным фактором, определившим его выбор. Глядя на молодую, сильную, здоровую, красивую, избыточную плоть невесты, он, однако, не только возбуждался, но еще и надеялся, что вблизи этой юной самки и его собственная слабая плоть станет моложе, сильнее, здоровей, красивей, что, сложив их достоинства, они произведут на свет многочисленное, совершенное, прекрасное и духом, и телом потомство. Но, увы, многому из того, о чем мечталось Толстому в ту пору, не суждено было сбыться.

По злости, вероятно, опустил Толстой в «Крейцеровой сонате» еще несколько важных обстоятельств, повлиявших на его выбор. Кроме чуждой Толстому, но крайне привлекательной телесности, были у Сони Берс качества, в которых угадывалась не противоположная ему, а родственная душа. Она так же по 4-й Логике невысоко ставила доводы рассудка и по 2-й Эмоции располагала не меньшей силой и богатством переживаний.

Не прошло мимо внимания Толстого и то, что Соня управляема, послушна, и эта особенность характера невесты также пришлась ему по сердцу, хотя сам он покорностью не отличался. Позднее, возведя безликую чеховскую Душечку в эталон женщины, Толстой подтвердил притягательность для него слабохарактерных женщин, а жена прямо и коротко записывала в дневник: «Ему нужна была женщина пассивная, здоровая, бессловесная и без воли». Все так, но Толстой, заметив во время наездов в дом Берс покорность Сони, как оказалось потом, страшно на сей счет заблуждался, смиренность ее была мнимой, лукавой, и в отличие от чеховской Душечки Софья Берс имела не 4-ю, а 3-ю Волю.

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Потому что именно 3-я Воля Софьи определила ее выбор, пробудила чувства, сделала более чем привлекательной в ее глазах фигуру Толстого. Угадав в нем по твердому взгляду и плотно сжатому рту мужчину волевого и самоуверенного, Соня не могла не зажечься при мысли, что рядом с ним она утратит свою обычную для 3-й Воли неуверенность в себе, станет решительней и целеустремленней. А графский титул и слава крупного русского писателя до предела распалили и без того бешеное, хотя и тайное, честолюбие лекарской дочки.

На первый взгляд все в будущем браке Толстого складывалось как нельзя лучше, обещало долгое, ничем не омрачаемое счастье. Оба получали то, что хотели, и даже с избытком. И вместе с тем наряду с желанной инаковостью было в их характерах нечто, предполагавшее заведомое и полное согласие. Ситуация, казалось, лучше не бывает...

* * *

Первый, самый страшный удар, от которого он так и не смог никогда оправиться, Толстой получил сразу же в спальне. Дело в том, что женщины с 1-й Физикой по толстовкости своей часто страдают аноргазмией и в силу слабой возбудимости бывают ленивы при исполнении супружеских обязанностей. Тогда как люди с 3-й Физикой склонны не только вкладывать в секс всю душу и силы, но еще являются сексуальными альтруистами, для которых явные свидетельства переживаемых и в их обществе наслаждений едва ли не дороже собственного удовольствия. Сопоставив эти особенности двух разных Физик, нетрудно представить себе, какая трагедия разыгралась в спальне Толстых.

«У него играет большую роль физическая сторона любви. Это ужасно — у меня никакой, напротив», — записывала в дневник Толстая, отмечая этой записью лишь верхушку того айсберга, что навсегда водрузился в ее спальне. Конфликт между тем был гораздо глубже простого конфликта между сексуальным азартом и ленью. Дело не в том, отказывала ли жена Толстому в близости или не отказывала, а в том, что с ее стороны не было реакции на эту близость. Сколько пыла ни вкладывал Толстой в юное, цветущее тело жены, он не слышал из него никакого отзвука в ответ на свои труды. Напрашивался особенно ужасный для 3-й Физики Толстого вывод: если такое упоительное, явно созданное для любовной неги тело молчит в его объятиях, то дело не в ней, а в нем. *ОН НЕ МУЖЧИНА*. Было от чего ужаснуться и прийти в отчаяние...

Уверен, именно с этой тайной трагедией Толстого, может быть даже им самим до конца не осознанной, связан загадочный факт его биографии первых лет брака: навязчивая мысль о самоубийстве, мысль столь упорная, что он даже прятал от себя веревки, боясь повеситься. Отголоски переживаний тех лет можно найти в «Анне Карениной», «Крейцеровой сонате», дневниках: и достоверность их сомнения не вызывает. Просто нам теперь известен их источник: противоречие между его 3-й Физикой и 1-й Физикой ее.

С годами кризис смягчился, Софья Андреевна оказалась плодовитой и часто одаривала Толстого зримыми подтверждениями его мужественности. После тридцати лет роды и кормление грудью до такой степени истончили ее прежде толстую кожу, что она начала испытывать оргазм, а вместе с ним пришли страсть и жажда наслаждений. Однако Толстой, естественно радуясь этим переменам, в то же время не переставал мучиться. Настолько не то и не так получал он в спальне в силу эгоизма, грубости, механистичности, торопливости и прямизны чувственных представлений жены, что секс так и остался для него танталовой пыткой. Толстой видел желанный плод, но не мог по-настоящему вкушать его, и в «Крейцеровой сонате», не выдержав, публично расписался в ненависти к этой пытке. Горький, знавший Толстого уже стариком, отмечал: «Мне всегда не нравились его суждения о женщинах — в этом он был чрезмерно «простонароден», и что-то деланное звучало в его словах, что-то неискреннее, а в то же время — очень личное. Слово его однажды оскорбили и он не может ни забыть, ни простить».

Еще с годами выяснилось, что метастазы противоречия между 1-й и 3-й Физикой отдаются не только в спальне Толстых, но ими поражен практически весь физический пласт их совместной жизни (быт, имущество, деньги и т.д.). Выяснилось: он почти аскет — она обожает роскошь, он «непротивленец» — она бьет детей и окружает именем вооруженной охраной, он расточителен и склонен к широким жестам — она скаредна. Одним словом, не было в материальном мире пункта, по поводу которого их взгляды не были бы противоположны, и не существовало силы, которая могла бы их примирить.

* * *

Будем справедливы, тот удар, что получил на брачном ложе Толстой, представлял собой невольный возврат со стороны жены тех ударов, что начал наносить ей Толстой еще до свадьбы. Он, будучи еще женихом, по крайней самовлюбленности и толстокожести своей личности не придумал ничего умнее, как дать юной Софье Берс для прочтения старые дневники. Большой жестокости по отношению к ее 3-й Воле трудно себе представить. Вот отрывки из первой ее записи в дневнике с пока еще робкими словами упрека, но уже не чуждые мрачным пророчествам: «...он не понимает, что его прошедшее — целая жизнь, жизнь с тысячами различных чувств хороших и дурных, которые мне уже принадлежать не могут... Я тоже увлекалась, но воображением, а он — женщинами, живыми, хорошенькими, с чертами характера, лица и души, которые он любил, которыми он любовался... начинаю чувствовать сильнее, что у нас есть что-то очень не простое в отношениях, которое нас постепенно совсем разлучит в нравственном отношении». Будущее показало, что бестактность с дневниками — не случай, а норма отношения Толстого к себе и к жене. Он с самого начала посчитал себя настолько значительней, масштабнее ее, что, мимоходом рана, находил излишним вникать в переживания и боли живущего рядом человека.

Однако главный конфликт между ними, типичный для противоречия между 1-й и 3-й Волями, заключался в том, что, водрузив себя на некий пьедестал, Толстой так никогда и не пустил жену постоять рядом с собой. Парности не получалось. Был король и была женщина-приложение. Поэтому вся история жизни Софьи Толстой представляет собой историю сизифовых попыток взобраться на гору, вершину которой безраздельно занимает ее муж — строгий, хладнокровный олимпиец, сбрасывающий оттуда всякого, кто покусится разделить его одинокое величие.

Судя по всему, конфликт по Волям в семье Толстых напоминал сходный конфликт в семье Байронов. У Байронов также 3-я Воля великого поэта боролась за право на существование, свободу и равноправие с 1-й Волей супруги и также безрезультатно. Через призму своего психотипа Анабелла Байрон описывала семейный конфликт следующим образом: «Если бы он почувствовал себя достойным меня, он стал бы добрым... Контраст,

который, как ему казалось, существовал между ним и мной, делал меня объектом его ужасной ярости... Сознвая слабость собственного характера, он, естественно, ревновал к характеру совершенно противоположному» Одной фразы Анабеллы Байрон, «если бы он почувствовал себя достойным меня», достаточно, чтобы понять: сколь непреодолима была пропасть, разделявшая супругов Байронов. У поэта не доставало духа, чтобы сделать свою 3-ю Волю ровней 1-й Воли супруги. А у Анабеллы не было желания протянуть мужу руку и, вытащив из бездны унижения, поставить рядом с собой, как равноправного партнера.

Тоже — у Толстых. Он не считал нужным делать даже вид, что признает равенство жены с собой, и, прямо не указывая на нее пальцем, тем не менее записывал в читаемый женой дневник: «...есть люди, до такой степени чуждые, далекие в том состоянии, в котором они находятся, что с ними нельзя обращаться иначе, как так, как обращаться с детьми, — любя, уважая, оберегая, *но не становясь с ними на одну доску*».

Нельзя сказать, что Софья Толстая сразу взбунтовалась, оказавшись в положении вedomой, подчиненной. Ее 3-й Воле поначалу даже понравилось передоверять себя чужой, более сильной Воле, но по мере того как тяжесть длани мужа проявлялась все чувственнее, тем очевиднее делалась самоубийственность смирения. Остался путь безнадежного мятежа, динамику которого можно проследить по таким отрывкам из ее дневника: «Он говорил, что я слабохарактерна. Это, может быть, к лучшему», «Леву ужасно люблю, но злит меня, что я себя поставила с ним в такие отношения, что *мы не равны*», «...у меня был порой страстный любовник или строгий судья в лице моего мужа, но у меня никогда не было друга», «Говорила я ему, как он меня всю жизнь унижал», «Боюсь быть слабой... иногда хочется придаться к его слабости», «У меня бывает иногда глупое, но бессознательное желание испытать свою власть над ним, т.е. простое желание, чтоб он меня слушался. Но он всегда меня в этом осадит... "*иногда мне ужасно хочется высвободиться из-под его влияния, немного тяжелого, не заботиться о нем, да не могу. Оттого оно тяжело, что я думаю его мыслями, смотрю его взглядами, напрягаюсь, **им не сделаюсь, себя потеряю.***»

По мере того как имя Толстого приобретало все большее общественное значение, борьба между ним и Софьей Андреевной все чаще перемещалась в социальную сферу. Показуху, чего таить, любили оба, но более всего по своей 3-й Воле к ней лежала душа у Софьи Толстой, ее общественное мнение волновало несравненно больше, нежели закоренелого индивидуалиста Толстого. Она старательно фотографировалась рядом с ним, делала все, чтобы ее имя постоянно сопутствовало имени мужа, шла даже на то, что было совершенно противно ее природе: благотворительность. Но главное, пусть криво, пусть комично, она стремилась играть роль влиятельной, любящей и любимой супруги. По этому поводу сам Толстой стонал: «Не говоря уже о любви ко мне, которой нет и следа, ей не нужна и моя любовь к ней, нужно одно: чтобы люди думали, что я люблю ее».

Шли годы, но после того как испарились последние иллюзии, уже ничего не менялось в отношениях Толстых. Он продолжал смотреть на нее как генерал на рядового и вел себя соответствующе, она обижалась и, нащупав его большое место, мстила, затворяя дверь спальни.

Обоюдно ощущалась безнадежность положения и каждый искал выход. Мысль Толстого бродила в широком диапазоне — от развода («Живой труп») до убийства жены («Крейцера соната»). Толстая подумывала о разезде («Мне легче, когда его нет»), позднее более привлекательной показалась мысль завести посторонний роман («Мне хочется убить себя, бежать куда-нибудь, полюбить кого-нибудь...»). Разумеется, когда потребность любви уже столь ясно сформировалась, любовь не заставляет себя долго ждать. Софья Толстая влюбляется, влюбляется в Танеева — милого человека и прекрасного композитора. Дело едва не дошло до греха, остановили Софью Андреевну скорее всего возраст (ей шел шестой десяток) и страх перед бешеным нравом Толстого.

После того как роман с Танеевым благополучно разрешается ничем и становится ясным, что перемена судьбы уже не состоится, Софья Толстая круто меняет приоритеты, она как бы заново влюбляется в мужа и, прежде живя с ним почти в разъезде, начинает буквально преследовать его. Однако, как выясняется, и здесь Толстая опоздала. Поводок чувственности, на котором она всю жизнь водила Толстого, по мере старения делался все длиннее и тоньше, а к его 80-летию порвался совсем. Кроме того, на место рядом с Толстым теперь, помимо нее самой, претендовало еще множество людей: выросшие дети, единомышленники-толстовцы. Оказалось, что, прежде чем начать очередную безнадежную и прежде одинокую попытку восхождения на пьедестал к мужу, необходимо еще растолкать локтями толпу конкурентов. Поэтому остаток жизни она потратила не на борьбу с самим Толстым, он стал для нее лишь орудием, а с главными соперниками: дочерью Александрой и толстовцем Чертковым.

На какое унижение способно постоянно разжигаемое, но никогда не насыщаемое честолюбие 3-й Воли, видно на примере поведения Софьи Толстой незадолго до бегства мужа из Ясной Поляны. Вот написанное ее собственной рукой: «Я ушла, лазила по каким-то оврагам, где меня трудно бы было когда-либо найти, если б мне сделалось дурно. Потом вышла в поле и оттуда почти бегом направилась в Телятники, с биноклем, чтобы видеть все далеко кругом. В Телятниках я легла в канаву недалеко от ворот, ведущих к дому Чертковых, и ждала Льва Н-а. Не знаю, что бы я сделала, если бы он приехал; я все себе представляла, что я легла бы на мост через канаву и лошадь Льва Н-а меня бы затоптала...»

Бог мой! Старуха, которой в пору о смерти подумать, ревнует, ревнует, как девочка, к постылому, но прославленному мужу его товарища, вся вина которого заключается в причастности к той благодати, что она считала своей исключительной собственностью.

Толстой расплатился со своей мучительницей самым беспощадным образом, раз и навсегда выиграв многолетнее сражение с ней, бежав из Ясной Поляны и умерев на железнодорожной станции, не в ее кровати и не на ее руках. Софья Толстая, конечно, не была бы собой, если бы не попыталась отыграть назад хотя бы несколько очков в этой безнадежно проигранной партии. Сначала она имитировала самоубийство, потом поехала на станцию к умирающему мужу и там пыталась обработать журналистов. Сын, Сергей Львович с болью писал: " Мама стала спокойнее, но взгляды и мысли ее не изменились. Тот же эгоизм и постоянная мысль только о себе. Она постоянно говорит и любит говорить на вокзале, где все корреспонденты ее жадно слушают, а мы сидим, как на иголках. Отсюда вся та грязь, которая появилась в газетах.»

Даже соседство с трупом мужа не останавливало Толстую в ее последней пропагандистской кампании. Борис Пастернак, будучи еще совсем ребенком, сопровождал отца, знаменитого художника, который должен был сделать рисунок с мертвого Толстого, и запомнил следующую картину: «...прощавшихся удалили из комнаты. Когда мы вошли, она была пуста. Из дальнего угла навстречу отцу быстро шагнула заплаканная Софья Андреевна и, схватив его за руки, судорожно и прерывисто промолвила сквозь слезы: «Ах, Леонид Осипович, что я перенесла! Вы ведь знаете, как я его любила!»...она оправдывалась и призывала отца в свидетели того, что преданностью и идейным пониманием превосходит соперников и уберегла бы покойного лучше чем они.»

Так, теперь уже в заочном споре с холодеющим трупом мужа заканчивала свою многолетнюю борьбу графиня Толстая.

* * *

Очевидно, в моем изложении жизнь Толстых выглядит сплошным кошмаром. И по сути, так оно и было. К сказанному, для справедливости, следует добавить лишь некоторые детали, способные отчасти смягчить общую безрадостную картину. Во-первых, пере-

крестье с Первой на Третью функцию не только взаимно травмировало супругов, но и давало им ту или иную форму защиты. Положение, занимаемое мужем в обществе, служило могучим щитом больному, очень ранимому духу дочери безвестного московского доктора. В свою очередь, она, вырвав из рук Толстого вожжи управления хозяйственно-финансовой сферой, очень облегчила, упростила и сделала комфортной жизнь своего не слишком практичного мужа.

Заметно скрашивало их совместное существование и тождество по 2-й Эмоции и 4-й Логике. Это тождество облегчало им жизнь даже тогда, когда они ссорились, потому что ссоры их представляли собой серии направленных друг в друга бессмысленных (4-я Логика) выкриков, заканчивающихся потоками обоюдных слез (2-я Эмоция).

Особую миротворческую роль в семье Толстых выполняла 2-я Эмоция. Она наделила Толстого великим художественным талантом, его жену замечательным художественным чутьем, поэтому совместные занятия литературой долгие годы прочно цементировали их отношения. Но самыми светлыми в силу тождества по 2-й Эмоции эпизодами их жизни были те, когда они играли на рояле в четыре руки. В эти минуты не только наиболее полно раскрывалась лучшая сторона их натуры, но каждый находил в другом равного себе, идеального партнера. И, что самое главное, часы, проведенные вместе у рояля, являлись едва ли не единственными в их жизни, когда они были равны, что очень много значило для остро ощущавшей свое неравенство с мужем Софьи Андреевны.

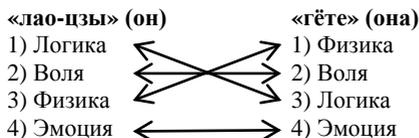
К сожалению, в последние годы, когда, возмнивший себя пророком, Толстой считал литературу и музыку слишком суетными для своего нового сана занятиями и мощью своей 1-й Воли задавил тягу к ним в себе, оборвалась последняя ниточка, связывавшая и мирившая его с женой, и в их жизни не осталось уже ничего, на чем интересы и взгляды супругов могли бы сойтись. Начался окончательный и полный развал семьи.

* * *

Выводя некие закономерности эроса как такового, можно сказать: общим для эроса является то, что он **никогда** не оправдывает обычно связываемых с ним громадных надежд, **никогда** не способствует гармонизации внутреннего мира человека и **никогда** не снимает изначально заложенного в нем конфликта. Это точно. А во всем остальном — возможны варианты.

* * *

Например, конфликт при «эрозе» никогда не снимается. Но он может углубляться, как в случае с Толстыми, а может смягчаться. Таким смягчающим со временем конфликт вариантом является «дворянский полуэроз». Звание «дворянского» он получил потому, что при нем любая комбинация перекрестья Первой функции на Третью сочетается с тождеством по «дворянской» 2-й Воле. Иллюстрацией для данной ситуации возьму жизнь хорошо знакомой мне пары. Их психотипы комбинировались следующим образом:

Поскольку прежде уже довольно много говорилось о противоречии между 1-й и 3-й Физиками, между 1-й и 3-й Логиками, суть конфликта при данной комбинации, думаю, читателю должна быть ясна. Грубо говоря, «лао-цзы» приходил в бешенство от эгоизма

«гёте», «гёте» же выходила из себя от безапелляционности суждений «лао-цзы» и, казалось, ничего поделать с данным противоречием уже нельзя было. Все бы так и тянулось, в лучшем случае не углубляя конфликта, — на одной ноте, до развода или кончины одного из супругов, если бы не тождество по 2-й Воле.

В этом месте следует вспомнить, что 2-я Воля — воля сильная и гибкая. Напоминание об этом нелишне, потому что «дворянин», осуществляя или ощущая давление, обладает достаточной силой и гибкостью как для активных наступательных действий, так и для уступок. Переведя разговор в брачную плоскость, можно сказать, что у «дворянина» хватает упорства при навязывании партнеру своей системы ценностей и хватает терпимости, воспримчивости, когда ему с тем же упорством навязывают чужую. Поэтому «дворянский полуэрос» имеет ту специфическую черту, что конфликт между супругами не снимается, но, благодаря 2-й Воле, заметно смягчается и партнеры оказываются на финише ближе друг к другу нежели на старте.

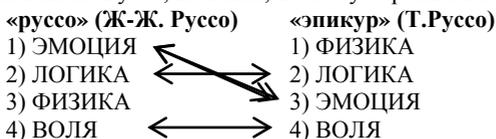
Такое постепенное сближение произошло и между супругами в известной нам паре: «лао-цзы» — «гёте». Постоянное взаимное давление привело к тому, что «гёте», не утратив ничего из присущего ей меркантилизма, включила-таки домохозяек в сферу своих забот, а «лао-цзы» стал находить в себе силы молча выслушивать большую часть того, что говорила «гёте». Казалось, еще немного, и их взаимное сближение приведет в какой-то точке к полному тождеству ценностей и позиций. Но это иллюзия. Терпимость, проявляемая друг к другу в этом случае, ничего не меняла в системах ценностей супругов, но лишь смягчала конфликт, смягчая попутно и остроту взаимного восприятия: на смену любви-ненависти приходила не ненависть, а более нейтральная и округлая форма отношений — приязнь-неприязнь.

Хотя картина «дворянского полуэроса» выглядит со стороны некой драмой с кисло-сладким «хэппи-эндом», в нем все равно никогда не смолкает тайная трагическая нота. И это понятно. Легко ли без горечи сознавать, что гигантский дар любви и всепрощения растрочен на постоянную позиционную борьбу за мелкие уступки, что чаемое в начале пути единение сердец так никогда и не состоялось?

* * *

Вероятно, от «дворянского полуэроса» мало чем должен был бы отличаться «крепостной полуэрос», т.е. комбинация, где перекрестье с Первой функции на Третью сочетается с тождеством по 4-й Воле. Однако дать однозначно положительный ответ на поставленный вопрос мешает обычная для 4-й Воли беда: она не властна над собой, а равно не свободна и в своих отношениях с себе подобными. Поэтому зачастую политику в отношениях между супругами при «крепостном полуэрозе» диктует не внутреннее противоречие и согласие функций, а третья посторонняя сила с более сильным характером.

Лучшей иллюстрации проблем «крепостного полуэроса», чем отношения супругов Терезы и Жан-Жака Руссо, не найти, поэтому обратимся к их психотипам:

Хотя в данной схеме представлены два психотипа, по справедливости к ним следовало бы пририсовать еще один, психотип госпожи Левассер — тещи Руссо, так как семья философа представляла собой не дуэт, а трио, где первую скрипку, на беду супругов, играла как раз теща.

Система взаимоотношений и взаимоотталкивания при перекрестье с Первой функцией на Третью Физик и Эмоций уже отчасти известна читателю. Поэтому кратко обрисовывая ситуацию, скажу, что Руссо, судя по «Исповеди», влекла дебелая плоть Терезы, а отталкивали прямолинейный прагматизм и суховатость («спокойный темперамент» в терминологии Руссо) — недостатки для него столь значительные, что он долго не решался появляться на люди в ее обществе. Тереза своей «Исповеди» миру не оставила, но можно догадаться, что ей нравилась чувствительность Руссо, а раздражали непрактичность и крикливость. Впрочем, будучи людьми с 4-й Волей, оба мало были настроены на взаимную критику и обострение противоречий.

Помимо влекущей и раздражающей инаковости, ощущали Жан-Жак и Тереза, что их натурам присуще нечто, изначала безусловно их роднящее: оба были по 2-й Логике людьми вдумчивыми и по 4-й Воле покладистостями. И, видимо, именно ощущение реального родства душ давало им надежду, что со временем взаимные противоречия отпадут сами собой.

Динамику и характер отношений между супругами Руссо лучше всего передал сам Руссо. Он писал: «В первый же раз, как я увидел эту девушку за столом, я был поражен ее скромными манерами и еще больше ее живым и кротким взглядом...» «Она была очень застенчива, я тоже». «Сходство наших сердец, соответствие наших характеров скоро привели к обычному результату». «У моей Терезы было ангельское сердце; наша привязанность возрастала вместе с нашей близостью, и мы с каждым днем все более чувствовали, в какой мере созданы друг для друга». «Мягкий характер этой хорошей девушки, казалось, так подходил к моему, что я привязался к ней чувством, неуязвимым для времени и обид».

Знакомясь с признаниями Руссо, можно было бы только порадоваться за супругов, если бы их собственная радость не омрачалась обоюдной управляемостью, не дававшей им до конца принадлежать ни себе, ни друг другу. О себе Руссо писал: «Вся моя свобода зависела от случая; больше, чем приказами, я был поработан собственной волей. У меня не было ни одного дня, когда, просыпаясь, я мог бы сказать «Я проведу этот день, как мне хочется...» *«Я умел кричать, но не действовать, мне предоставляли говорить, но поступали по-своему.»* Сходные характеристики давал Руссо своей супруге: «Преданная своей матери и родным, она принадлежала им больше, чем мне, больше чем себе самой...»

Безволием супругов Руссо пользовались многие, но более других нагнала на этом обстоятельстве руки теща философа. Она не только бессовестно обирала обоих, но и старательно их ссорила. Не будь у супругов Руссо по 4-й Воле иммунитета к дрызгам, трудно сказать, чем бы закончилась для них разрушительная деятельность более сильной и злой 3-й Воли госпожи Левассер. Хотя даже их природное миролюбие в конце концов дало трещину и не уберегло супругов от взаимного отчуждения. Роль тещи в своей семейной жизни Руссо характеризовал следующим образом: «Я окружил эту женщину вниманием, заботами, делал ей маленькие подарки, стараясь заслужить ее любовь, но никак не мог добиться этого, и она была единственным источником огорчения, которое я испытывал у своего домашнего очага...» «Напрасно я старался слить в одно наши интересы; это оказалось невозможным. У г-жи Левассер всегда находились свои личные интересы, противоположные моим и даже интересам ее дочери, которые уже не были отдельными от моих».

Печальный итог своих претензий к браку и к покладистой супруге Руссо подвел следующим образом: «Наконец, если благодаря своей любви ко мне, благодаря своей хорошей натуре она избегала полного порабощения, то все же была подчинена настолько, что это в большинстве случаев мешало воздействию хороших правил, которые я старался ей внушить; и какие меры я ни принимал, **мы всегда оставались разьединенными.**»

На примере истории супругов Руссо хорошо просматривается специфика «крепостного полужерса»: партнеры так и не добираются друг до друга, чтобы до конца познать

горечь внутренних противоречий и сладость взаимного узнавания. Между ними выстраивается столько людей, что оказаться лицом к лицу на сколько-нибудь продолжительное время у них нет возможности. Поэтому вопрос: как складываются отношения при «крепостном полуэросе», всегда остается дискуссионным, зависящим более от психотипов родственников и знакомых, нежели от психотипов самих супругов.

Что касается «эроса» в целом, т.е. любой комбинации, где присутствует перекрестье с Первой Функции на Третью, то характеризуя его, я не побоюсь повториться: любовь-«эрос» — самое яркое, захватывающее и самое бесплодное из чувств. Оно множит и губит гигантские надежды, ничего не дает и, в лучшем случае, не превращает начальную любовь-ненависть в просто ненависть. Дальнейшее — молчание...

ФИЛИЯ

В корне отлична от «эроса», опирающегося на притяжение по принципу противоположностей, «система любви», получившая название «филии», — опирающаяся на притяжение по принципу сходства. О «филии» отчасти уже шла речь в предыдущей главе. Ведь то, что прежде называлось «полуэросом», с тем же правом могло носить звание «полуфилии», потому что в данной комбинации перекрестье с Первой функцией на Третью сопровождается тождеством Вторых и Четвертых функций. Однако, так как при «полуэросе» перекрестье играет решающую роль, а тождество — роль подсобную, смягчающую внутренние противоречия, то по праву *«филией» следует считать такую комбинацию психотипов, где тождество функции полное.*

Очень подозреваю, что приведенные в начале «Синтаксиса любви» слова Куприна: «Хорошая жена как разношенный сапог, ее не чувствуешь,» — связана как раз с «филией». Равно как и слова древнего римлянина о красивом новом башмаке, невидимо жмушем ногу его носителя — явный «эрос».

В отличие от «эроса», любовь-«филия» не начинается со слов; «Это — он (она)!» Хотя взаимная симпатия между людьми с одинаковым порядком функций возникает сразу и бесповоротно. Обычно «тождики» (люди одного психотипа) угадывают поначалу друг в друге родство по первым двум функциям, и лишь позднее, по мере взаимного сближения выясняется полное тождество психологией, ценностей, установок и т.п.

Момент, когда тождество порядка функций окончательно прояснилось, обычно становится точкой отсчета нарождающегося романа. Полное совпадение принципов, ценностей, установок делается стартером любви-«филии», плодит надежды, которым также не суждено сбыться. Однако у иллюзий, пробужденных «филией», своя, отличная от логики иллюзий «эроса», логика. Если при «эросе» индивидуум, увидев избыток посторонней Первой функции, понапрасну мечтает заполнить этим избытком «щербину» своей Третьей функции, то при «филии» партнеры исходят из мысли, что простое сложение их равно ущербных личностей, путем чисто количественного приращения взамен качественного, так же в состоянии облегчить их участь, эффективно оградить уязвимую сторону натуры.

Однако, как известно, умножение единицы на единицу дает в результате единицу же, не более. Поэтому иллюзии и при «филии» так и остаются иллюзиями. Конечно, никто так не посочувствует супругу с 3-й Логикой, если в его адрес будет произнесено «дурак», как супруга с той же 3-й Логикой, но ответить «сам — дурак!» и уверенно доказать это обидчику, она не в состоянии. Одним словом, «филия» не только не способствует внутреннему росту, но и защиты настоящей не дает. Жаль, выясняется это обстоятельство обычно слишком поздно.

Вместе с тем неверно было бы думать, что «филия» совсем бесплодна и страсть ее питается одними заблуждениями. Тождество процессионных функций, Второй и Третьей

(положение результирующих функций не играет здесь существенной роли), привносит в данную «систему любви» нечто оригинальное и нужное обоим сторонам.

Дело в том, что тождество процессионных функций на первых порах создает видимость бурного процесса, т.е. именно того, в чем партнеры более всего нуждаются. Чем не повод для эйфории? Однако на самом деле между супругами осуществляется **не процесс, а обмен**: Вторые функции обмениваются опытом, добытым сильной стороной натуры, Третьи функции делятся слабостями. И такой обмен при всех условиях не назовешь бесполезным. Партнеры сносят в одно место все добытое, все чем хочется поделиться, перемножают оба вклада друг на друга и делят сумму пополам. В результате обе стороны оказываются в выигрыше.

Однако есть у «филии» и свои негативные стороны. Человек, вообще склонный объективизировать свои крайне субъективные представления, обретя при «филии» родственную себе душу, еще более утверждает в своей мнимой правоте. Поэтому сильного своим стопроцентным приращением человека труднее убедить в праве на существование иных, отличных точек зрения, нежели одинокого. Особенно плохо сказывается обмен при «филии» на Третьих функциях, ведь, как ни крути, обмениваются они не силой, а слабостью и в данном случае рана по Третьим функциям скорее углубляется, нежели заживляется: скептики с 3-й Логикой делаются еще большими скептиками, чем были, ханжи с 3-й Физикой — еще большими ханжами и т.п. Причем, без взаимного травмирования дело здесь тоже не обходится, тождество комплексов у партнеров удобно и мучительно, как удобно и мучительно совместное проживание двух Наполеонов в одном сумасшедшем доме.

Наконец, ахиллесовой пятой всякой «филии» представляется то обстоятельство, что обмен при ней — явление достаточно кратковременное. Когда же обмен закончен, люди, не ощущая друг в друге ничего, что хотя бы отдаленно напоминало инаковость, просто теряют взаимный интерес. Они смотрятся друг в друга, как в зеркало, заранее зная все достоинства и недостатки отражения, зная, что стоит сделать движение, как отражение точно повторит его. Брак при «филии» — копия отношений сиамских близнецов, где противоположные стороны так связаны и сходны, что плохо чувствуют друг друга, однако и не травмируют. Тождикам вместе, может быть, не слишком интересно, но зато удобно. Поэтому индивидуумам, уставшим от жизни, ждущим от брака лишь покоя, я бы посоветовал поискать себе пару среди тождиков, спокойней брака, чем при «филии», просто не бывает.

* * *

Хотя и здесь требуется оговорка, что долгосрочный покой обеспечивает «филия» лишь при тождестве 2-й и 4-й Воли. Сложнее складываются отношения при тождестве 1-й и 3-й Воли.

Не надо быть пророком, чтобы предсказать нестроение в жизни «мещанской филии». Здравый смысл сам подсказывает, что «мещанин» — человек, изначально находящийся в разладе с самим собой, менее всего способен обрести мир в паре с себе подобным. Конечно, можно предположить, что существует нечто, выкупающее такого рода близость, хотя бы в силу тождества психик. Однако ясно одно: обидчивые, мнительные, злые на себя и на мир обладатели 3-й Воли менее, чем кто-либо, могут, готовы и жаждут, без ужаса и неприязни смотреться в то зеркало, что подставляет им «филия».

Особенно болезненно при тождестве 3-х Воли решается вопрос о власти. Борьба за власть в семьях «мещан» напоминает драку лысых из-за расчески. Гигантская жажда повелевать сочетается у 3-й Воли с пропорциональной ей неуверенностью в себе и безответственностью, поэтому отношения принимают форму хронической, мелкой и ни к чему

не обязывающей фронды, где ни одна из воюющих сторон, несмотря на ожесточенную борьбу, не в состоянии и в глубине души не хочет победить.

Отношения людей при тождестве 3-х Воль вообще представляет собой горькую, странную и смешную картину. Она напоминает картину аквариума, в который запустили двух самцов колюшки. Эти рыбки замечательны тем, что, заняв одну из сторон, начинают проверять противника, как у нас говорят, на вшивость, попеременно загоняя друг друга в угол. Взаимное преследование у колюшки — процесс долгий, но, в конце концов, намерившись силами, они приходят к консенсусу, устанавливая между собой незримую и не всегда равноправную границу, которую затем ни одна из сторон уже не нарушает.

Очень похоже, только с обратной динамикой, складываются отношения при тождестве 3-х Воль. Граница властных функций между «мещанами» устанавливается сразу, ее определяет рейтинг обоих супругов, скрупулезно подсчитанный задолго до свадьбы. На рейтинг партнеров у 3-й Воли влияет великое множество факторов: пол, происхождение, возраст, внешность, образование, достаток, профессия, навыки и еще много всего, что вообще недоступно глазу человека с иным порядком функций.

Итак, граница при «мещанской филии» устанавливается сразу. История же дальнейших отношений представляет собой историю обоюдных поползновений эту границу нарушить. Обычно первым пытается передвинуть в свою пользу границу властных функций мужчина. Обнаружив, к своему удовольствию и удивлению, что сопротивление ему весьма робко, мужчина, себе на голову, обычно пытается развить успех, не зная, что он при этом не побеждает, а просто сжимает пружину. Дело кончается тем, что загнанная в угол жена не выдерживает, показывает зубы и кидается в контратаку. Поскольку агрессор сам крепостью духа не отличается, то контратака ей вполне удается. Более того, почувствовав слабость супруга, жена соблазняется честолюбивой мыслью не только вернуть отнятое, но и поживиться за чужой счет. Поэтому, следуя этой мысли, она гонит его дальше определенной заранее черты и на плечах противника врывается в его зону властных функций. Тут уже загнанный в угол супруг, чтобы не превратиться окончательно в подкаблучника и тряпку, собирается с духом, показывает зубы и начинает успешную контратаку... И так без конца.

Если к сказанному добавить, что время постоянно вносит коррективы в рейтинг супругов, то сложность, бесконечность и бесперспективность борьбы при тождестве 3-х Воль проявится с предельной ясностью.

Хочется обратить особое внимание на то, что тождество 3-х Воль осложняет жизнь не только по линии «мужья-жены», но и по линии «отцы-дети». Как уже говорилось, дети зачастую в точности наследуют психотипы своих родителей, а это обстоятельство, в свою очередь, способно серьезно повлиять на направление «мещанских» битв. В отличие от супружеских баталий, специфика борьбы на детско-отеческом фронте при 3-й Воле заключается в том, что родитель, чаще насилуемый своим партнером, нежели насилующий, склонен компенсировать слабость своей позиции за счет ребенка, отыгрываясь на нем и самоутверждаясь. Что родителю вполне удается, но до поры до времени.

Произвол над ребенком удастся родителю по двум причинам: благодаря лукавой природной покладистости ребенка и признанию обеими сторонами реальности семейной иерархии. Однако здесь я должен предупредить: произвол над ребенком с 3-й Волей всегда имеет определенную временную границу, помыкать собой он разрешает лишь до конкретного момента: до совершеннолетия или до достижения экономической независимости. С этой минуты недавний ангелочек, пластилиновое дитя, делается наглым, неуправляемым, постоянно фрондирующим бесом. У ребенка-«мещанина» в данном случае происходит взрыв-выброс подавляемой прежде воли, и сила взрыва бывает пропорциональна накопленным за годы вынужденной покорности мнимым и реальным обидам. Поэтому родители с 3-й Волей должны, коль не в состоянии уважать ребенка и признавать его

равным себе, быть во всяком случае готовы, что с совершеннолетием ребенка их ожидает неожиданный и всепокрушающий бунт.

Есть серьезные основания подозревать, что описанное выше происходило в семье Достоевских. Все трое (он-она-сын) были «пушкины», поэтому история отношений в этом треугольнике могла бы подтвердить, опровергнуть или дополнить сказанное выше о «мещанской филии». Но в том-то и состоит специфика психики 3-й Воли, что она скрытна, поэтому после смерти Достоевского Анна Григорьевна подвергла тотальной чистке все, указывающее на облачность отношений в семье, а сын, по воспоминаниям Паустовского, просто замкнул уста и до конца дней просто отказывался говорить о родителях.

Не лучше дело обстоит при тождестве 3-х Физик. Знаю одну пару «недетрог», очаровательных, милых людей, давно разорвавших свои брачные узы. В центре конфликта в этом случае оказался, конечно же, секс. Обычное для 3-х Физик раздвоение, где жадность органично сочетается с робостью, заставляло, по выражению участницы драмы, «вести себя в постели, как твои корюшки в аквариуме».

На 3-ю Эмоцию у меня тоже есть аналогичный пример. Внешне удивительно подходящая друг к другу пара красивых, достойных, образованных людей, сойдясь, проводит вместе отпуск на природе. Все прекрасно. Через два дня, не сказав ни слова, он уходит. Она в шоке: «Я не сделала и не сказала ничего, что могло бы его оттолкнуть. Я любила и люблю его». В ответ молчание. Хотя ответ мог бы быть сформулирован со всей определенностью: жажда чувств сочеталась с обоюдной непроницаемостью «сухарей». Оба не только не получали желанное проявление чувств, но, по эмоциональной сжатости рта, даже не знали как относиться к партнеру находящийся рядом такой близкий и такой далекий человек.

* * *

Свои трудности в «филии» возникают и при тождестве 1-х Воль. Чтобы хоть отчасти представить себе специфику отношений между «царями», приведу пример не брачный, а политический. Судьбе было угодно, что в одно время и в одной точке сошлись две 1-х Воли, два «сократ» — Максимилиан Робеспьер и Жозеф Фуше. И история их отношений в контексте «филии» выглядит очень поучительно.

«СОКРАТ» (Ж.ФУШЕ)		«СОКРАТ» (М.РОБЕСПЬЕР)
1) ВОЛЯ	↔	1) ВОЛЯ
2) ЛОГИКА	↔	2) ЛОГИКА
3) ЭМОЦИЯ	↔	3) ЭМОЦИЯ
4) ФИЗИКА	↔	4) ФИЗИКА

Рассказывают, что во время жизни обоих в провинции, в Аррасе, Максимилиана с Жозефом было не разлить водой. Робеспьер даже чуть не выдал замуж за Фуше свою сестру. Таким сообщениям безусловно веришь. В провинции власть обоим не светила, трон, рассчитанный на одного, не маячил даже в самой отдаленной перспективе, а значит и делить было нечего, предмет соперничества отсутствовал. При первой же встрече, посмотревшись друг в друга, как в зеркало, Робеспьер с Фуше обнаружили свою психологическую однозначность и, обрадованные этим обстоятельством, уже не разлучались. Они находили в обществе друг друга не только комфорт, приятность, но и значительную пользу, так как при любви-«филии», как мы помним, кроме всего прочего, происходит обмен, добытым по отдельности опытом, и по окончании такого обмена возникает тождество особого порядка. Где тождественны не только психики, но и багажи.

Первым в Париж уехал Робеспьер, и практически только это обстоятельство обусловило его лидерство в карьерном марафоне, начавшемся для Фуше с некоторым опозданием. Лишь случай, форса во времени предопределила то, что Робеспьер первым достиг вершины власти, так как при ином раскладе шансы его, как у однойцового близнеца, уменьшились бы наполовину. Та же форса во времени и психическое тождество делали Робеспьера самым сильным из врагов Фуше, потому что первый слишком хорошо знал, что хотел последний и на что был способен.

Когда под Робеспьером закачалось кресло, он сразу понял **кто** является душой заговора: он — отражение в воде — близнец. За две недели до гибели Робеспьер произносит против Фуше громовую речь, за день до переворота повторяет ее. По тогдашним меркам подобные речи равносильны смертному приговору. Но, к недоумению современников и историков, Робеспьер медлит, медлит, медлит... И не из гуманных соображений. К тому времени он уже так наломал руку, что казнь человека значила для диктатора не больше казни таракана. На свете было только одно существо, на которое не поднималась рука — Фуше. Мистическая слабость овладевала Максимилианом, когда он думал о Жозефе. Другой он губил без колебаний, но убийство близнеца — это особый, требующий нечеловеческих усилий акт, почти самоубийство. Как на грех, в те же дни у Фуше умирает маленький ребенок, **ИХ** ребенок...

Диктатор окончательно падает духом, заговор созревает и Робеспьер гибнет. Вместе с тем гибель его не возводит Фуше на вершину власти, но усаживает в очень важное кресло шефа тайной полиции. И формально он пребывает в этом качестве до конца карьеры. Но... Сложно складываются отношения в треугольнике: Наполеон — Фуше — Талейран. Как на схеме:

Фуше равен Наполеону силой духа, но умнее императора, Талейрану он равен умом, но много самоуверенней. Борьбе внутри этого треугольника и посвящены силы Фуше до первого отречения Наполеона.

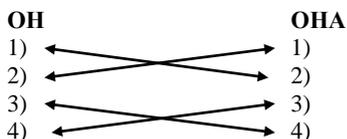
С возвращением Наполеона во Францию для Фуше начинается новый и самый важный период жизни. Власть, брошенная Бурбонами и еще не поднятая Наполеоном, оказывается в руках Фуше. Историки, кажется, даже не спорят, когда ставится вопрос о хозяине Франции на протяжении знаменитых «ста дней». Особенно в период, когда покинув Париж, Наполеон направил свои стопы к Ватерлоу. В стране безраздельно хозяйничал Фуше.

Дальнейшее — неинтересно. Фуше достиг больше того, чего поначалу чаяла душа, больше простого верховенства во Франции, — предмета вожделений всех французских 1-х Воль. Он вернул симметрию, нарушенную некогда головокружительной карьерой Максимилиана. После «ста дней» Жозеф опять, как в зеркало, мог смотреть в могилу брата. Как в юности, в Арасе они снова были сиаемскими близнецами — «сократами».

* * *

Говоря о «филии», нельзя обойти вниманием такой вариант отношений, который лучше всего назвать «псевдофилией». Прозвучит парадоксально, но существует система отношений, внешне выглядящая как «филия» (любовь по принципу тождества), но на самом деле являющаяся «эросом» (любовью по принципу противоположности). Сущест-

во «псевдофилии» составляют перекрестья с Первой функции на Вторую и Третью функции на Четвертую. В виде схемы «псевдофилию» можно изобразить следующим образом:

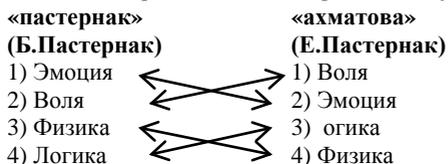

Специфика «псевдофилии» легко читается даже на грубой схеме. Встречаются двое и видят одинаковость Верха и Низа, при первом приближении легко принимаемую за тождество, что, естественно будит взаимный интерес. Времени, условий и терпения для уточнения — так ли абсолютно их сходство — у людей обычно не хватает, и, удовлетворившись поверхностным, приблизительным тождеством «псевдофилии», они спешат убедить себя, что обрели искомое, и возгораются.

Однако, по мере обычно запоздалого взаимного узнавания, партнеры все более убеждаются в своей ошибке, и розы мнимой «филии» все чаще начинают одаривать их шипами подлинного «эроса». Разница в том, что, в отличие от обычного «эроса», где чувства обострены до любви-ненависти, для «псевдофилии» характерна более сглаженная форма чувств: приятнь-неприятнь. Связана сложность чувств с тем, хотя у партнеров одни и те же функции сильны, одни и те же функции слабы, отождествления не получается в силу разнонаправленности функций — в лоб сталкиваются не сила и слабость вместе с результативностью и процессионностью, а только результативность и процессионность. Поэтому любовь-«псевдофилия» всегда имеет странный химерический облик: **ценности одни, а взаимопонимания нет**. Так в состоянии непонятого, парадоксального тождества-отчуждения супруги обычно и пребывают до конца своих отношений.

Обычно отношения эти быстро вступают в фазу хронической борьбы, где супруги, не уставая удивляться на себя и друг друга, начинают молотить сильными сторонами своей натуры по сильным же сторонам своего партнера, слабыми по слабым, не сознавая ни истоков, ни смысла, ни безнадежности этой борьбы. Так как противники достойны друг друга, этот поединок может тянуться десятилетиями не только без какого-либо видимого успеха, но даже без серьезных взаимных травм. И ябедничая на свою половину, никто из участников борьбы не может предъявить сочувствующему следы сколько-нибудь серьезных ран. Из сказанного, однако, не следует, что дуэль при «псевдофилии» ничего не стоит стоящим годами друг против друга противникам. Она страшно изнуряет. Но, в отличие от «эроса», когда партнеры приходят к финишу еще более развинченными и дисгармоничными, чем были на старте, при «псевдофилии» они приходят равными себе прежним, только сильно измочаленными.

Чтобы более наглядно представить читателю механизм «псевдофилии», приведу в качестве примера историю первого брака Бориса Пастернака. Схематично отношения Бориса и Евгении Пастернак можно изобразить следующим образом:

Судя по немногим описаниям юной Евгении Пастернак, она действительно и внешне, и внутренне напоминала Ахматову. Вот один из ее ранних портретов: «Что мне ска-

зять о Жене? Гордое лицо с довольно крупными смелыми чертами, тонкий нос со своеобразным вырезом ноздрей, огромный, открытый, умный лоб. Женья одна из самых умных, тонких и обаятельных женщин, которых мне пришлось встретить». Если же припомнить, что, по словам Ахматовой, Пастернак как-то под завесой разговора об одном начинающем поэте и ее пытался обнимать, то можно догадаться: влечение к женщинам этого типа не оставило его и после развода с Евгенией Пастернак. Об особом расположении, питаемом Пастернаком к типу «ахматовой», свидетельствует, кроме всего прочего, тайная любовь к давно умершей женщине, которую поэт пронес через всю жизнь. Любовь к Ларисе Рейснер — знаменитой большевистской воительнице. В том, что Рейснер была «ахматовой» сомневаться не приходится. Но в данном случае интересно не это, а то, что Пастернак, многих близких за свою жизнь схоронивший, кажется, только смерть Ларисы Рейснер в 1926 году оплакал в специально написанных по этому случаю стихах.

*«Лариса, вот когда посожалею,
Что я не смерть и ноль в сравненье с нею».*

Прошло двадцать лет, много воды утекло, но, когда Пастернаку пришло время давать имя главной героине своего романа, он назвал ее — Лара. И о том, в чью честь он так нарек ее, Пастернак прямо написал Варлааму Шаламову, некогда также тайно влюбленному в Рейснер: «Имя главной героини я дал в память о Ларисе Михайловне». Так что, во влечении «пастернака» к «ахматовой» прослеживается определенная последовательность.

* * *

Когда Борис Пастернак и Евгения Лурье впервые встретились, ток взаимного узнавания пробежал по их сходно резонирующим порядкам функций. Оба по высокостоящей Воле — личности, аристократы, исполненные чувства собственного достоинства и веры в себя. Оба по высокостоящей Эмоции — чувствительны, артистичны, что подтверждали и сферы их занятий: он — поэт, она — художница. Оба по низкостоящей Логике склонны к скепсису и по низкостоящей Физике — не от мира сего, непрактичные, пренебрегающие презренной пользой люди. Чем не пара?..

Поначалу единая шкала ценностей действительно придала их отношениям тональность и окраску медового месяца. Однако прошло время и на свет полезли прежде скрытые, но генетически предопределенные шипы «псевдофилии». Выяснилось: у нее Эмоция и Логика процессионны, поэтому она очень общительный человек. У него же они результированы, поэтому он, напротив, замкнут, из всех форм общения предпочитает общение с самим собой и, если вступает в разговор, то речь его выглядит восторженным, бурным, никак к собеседнику не привязанным, водопадом-монологом (1-я Эмоция).

1-я Воля Евгении Пастернак, в свою очередь, так же мало красила жизнь ее мужа. Мало того, что Евгения склонна была хронически отстаивать свою независимость в условиях, когда на нее никто не покушается, но и делала попытки, скорее удивлявшие, чем пугавшие Пастернака, подчинить его себе. Заметная даже со стороны ревнивость жены, ранившая и унижавшая поэта, была лишь одним из проявлений ее честолюбивых поползновений. В одном из писем к жене Пастернак следующим образом сформулировал часть своих претензий к ней: «...ты переоцениваешь свой возраст, свои силы и свои знания и требуешь от меня подчинения себе, властной, вспыльчивой, ревниво-подозрительной и нетерпимой, в то время как это и есть единственная помеха нашему счастью...»

Особенно обострило отношения между супругами рождение ребенка. Оказалось, что аскетизм 4-й Физики Евгении Пастернак гораздо искреннее аскетизма 3-й Физики самого Пастернака. Она действительно от души не радела о быте, и рождение ребенка добавившее ей хлопот, раздвоило чувство молодой матери. Сам же Пастернак был несказанно рад сыну, как чрезвычайно важному для его 3-й Физики подтверждению мужест-

венности, но хроническое безденежье и хозяйственная беспомощность юного отца облегчить жизнь семьи, понятно, не могли. Усугубляло положение то обстоятельство, что рождение ребенка потребовало от Евгении Пастернак перерыва в ее художественных занятиях, а это равносильно было едва ли не полному личному краху, так как по своей 1-й Воле и 2-й Эмоции именно в художественной карьере видела она свой подлинный интерес и возможность самореализации.

Одним словом, рождение ребенка привело к тому, что раздор между супругами пошел по всем функциям: верхним и нижним. И здесь впервые до конца открылось, каким страшным самообманом оказался их брак, как на самом деле далеки они друг от друга, они, поначалу мнившие себя сиаемскими близнецами. Позднее Пастернак написал:

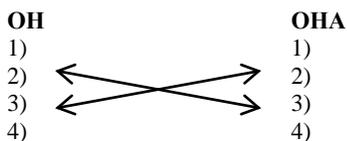
*«Верой в будущее не боюсь
Показаться тебе краснобаем,
Мы не жизнь, не душевный союз, -
Обоюдный обман обрубаем.»*

Написаны эти строки уже после развода, но в них отразилось давнее ощущение поэта в ложности связавшей их «псевдофилии».

Что касается непосредственных причин, приведших к разрыву, то в основе их, конечно же, лежала процессионность Воли и Физики Пастернака, порядок функций женщины, занявшей место Евгении Пастернак, лишнее тому подтверждение. Но о том, как и почему сложился второй брак поэта, будет сказано в следующей главе.

АГАПЕ

«Агапэ» — самое сложное из чувств, особенно в той его части, что касается динамики отношений. Ведь «агапэ» — любовь-эволюция, где партнеры движутся от противоположности к тождеству. Принцип «агапэ», если смотреть на нее через призму психософии, заключается в перекрестье Вторых и Третьих функций, как на схеме:

Внешне «агапэ» очень напоминает «эрос» прежде всего потому, что перекрещиваются сильные и слабые стороны натур. Однако есть между ними и принципиальные различия.

«Агапэ» не столь внезапна и ослепительна, как «эрос». Ведь в данном случае Третья функция западает не на Первую, а на Вторую функцию, которая не является визитной карточкой человека и не избыточна, а нормативна, т.е. менее заметна и привлекательна. Поэтому встретив человека с той же Второй функцией, что и ваша Третья, вы не воспламеняетесь, не ослепляетесь, не вздрагиваете «Это — он (она)!» и вообще не сразу замечаете те достоинства, что станут для вас позднее наиболее привлекательными. Коротко, первое отличие любви-«агапэ» от «эроса» то, что в нее не бросаются сразу и с головой, а медленно и постепенно входят.

Специфика «агапэ» видна уже на схеме. Встречаются двое и, не сразу, но обнаруживают, что у противоположной стороны сильно то, что у самого слабо. Само по себе такого рода знание не обязательно провоцирует любовь, но безусловно будит взаимный интерес. Далее, по мере сближения, открывается парадоксальная картина, прямо противоположная «псевдофилии»: **ценности и приоритеты сильно отличаются, но интере-**

сы одни. Партнеры ощущают как бы неполное тождество друг друга, что-то взаимно влекущее и в то же время отталкивающее. Поэтому, зная о несоответствии своих ощущений любовным стереотипам, они ведут себя поначалу осторожно и сдержано. Проходит достаточно времени прежде чем выясняется, что между ними происходит нечто большее, нежели простой флирт. Однако чем дальше затягивают их в себя отношения, тем сильнее оказывается потребность друг в друге, тем мощнее желание сделать их еще теснее. Любовный процесс становится необратимым. Открываются новые пласты личностей партнеров, жаждающие взаимодействия. Возникают новые, не предполагаемые прежде ступени и оттенки близости. Процесс взаимного открывания, сближения, слияния делается не эпизодом, а нормой жизни. И продолжается он до тех пор, пока все ресурсы личностей партнеров не оказываются исчерпанными.

Источник всех этих метаморфоз также лежит на поверхности: решающие при данной «системе любви» Вторые и Третья функции имеют разные характеристики, но одно направление — на **ПРОЦЕСС**. Напомню, что именно процессионные функции стремятся к партнерству и только через него полностью реализуются; тогда как результативные функции могут достигать своих целей в одиночестве.

Что касается особой сладости отношений при перекрестье процессионных функций, то она объясняется тем, что только перекрестье (в отличие от тождества) способно обеспечить подлинный и длительный процесс.

Пара с перекрестьем по процессионным напоминает альпинистов, идущих в связке. Партнеры перекрестно страхуют сильными сторонами своих натур слабые. При этом происходит не подмена, когда каждая из сторон, взвалив на себя из общего груза пусть двойную, но удобную для себя ношу, движется параллельно и независимо, а именно страховка, и каждый в связке проходит свою часть единого пути, только, в зависимости от участка, меняясь в роли ведущего и ведомого. Так, в связке, постоянно ведя и поддерживая друг друга, восходит пара житейских альпинистов на вершину горы, именуемой любовью-«агапэ». Восхождение это длительное, и практически завершается только тогда, когда оба достигают максимума своих возможностей по процессионным функциям.

Боюсь, образ альпинистов создал излишне идиллическую картину отношений при «агапэ». Чувство это сложное и ненависти при нем бывает не меньше, чем любви. Вторые функции совсем не радует необходимость идти в связке с заведомо слабым партнером. Третья функции раздражаются при виде самонадеянности и прямоты Вторых, а, кроме того, достаточно болезненным оказывается для Третьих функций расставание по ходу дела с приросшим к телу «фиговым листом» (иронией, ханжеством, лицемерией, скепсисом), который худо-бедно, но защищал больное место. Одним словом, поводов для взаимной неприязни при «агапэ» бывает больше чем достаточно, и эйфория, с которой обычно путают любовь при данной «системе любви» испаряется через определенный срок точно так же, как и в других случаях.

Иное дело — приметы и результаты «агапэ». Они неповторимы. Главная примера «агапэ» — динамичность. Для «эроса» характерна статика противостояния, для «филии» — статика отождествления. И только «агапэ» движется, движется от противостояния к тождеству. В конце долгого эволюционного процесса партнеры приходят к тождеству, но не к тому бесплодному тождеству, что наблюдается при «филии», а тождеству высшего порядка, при котором нет уже деления на сильные и слабые стороны личности, обе процессионные функции предельно мощны и чувствительны.

Динамизм «агапэ» проявляется не только в отношениях между людьми, но и в существе захваченного этим чувством человека. Главная примета «агапэ» — влюбленный человек при ней **МЕНЯЕТСЯ**. Сам же механизм перемен заключен в благотворном воздействии Второй функции партнера на Третью функцию индивидуума. Это воздействие выпрямляет человека, доводя состояние Третьей до нормы; язва по Третьей постепенно

исчезает и вместе с ее исчезновением увереннее в себе, спокойнее, гармоничнее делается человек.

При этом гармонизация личности обусловлена не только тем, что Третья начинает функционировать нормативно, но и тем, что освободившийся от язвы по Третьей человек уже не цепляется за мощь своей Первой функции и смягчает ее, смиряет ее агрессивность. 1-я Эмоция делается не столь истеричной, 1-я Физика — не столь прижимистой, 1-я Логика — не столь догматичной, а 1-я Воля соглашается поменьше тиранствовать. Дело в том, что избыточность Первой функции существует только в контексте ущербности Третьей и размер избытка прямо пропорционален размеру язвы. Сверхмощью Первой целиком покрывается слабость Третьей, поэтому об умеренности последней очень точно можно судить по масштабам проявления Первой. Соответственно, гармонизация Третьей функции делает нормативной не только ее, но и напрямую зависящую от нее Первую.

Этого мало. Если наряду с процессом по процессионным функциям у партнеров имеется добротный результат по Первой функции, то приходит упоминавшаяся прежде «полнота жизни» (адекватность первых трех функций самим себе), которая заставляет во всю мощь говорить спавшую прежде Четвертую функцию. А это обстоятельство, в свою очередь, приводит к тому, что адекватность себе всех функций уничтожает иерархию их, переводя функции *из вертикального положения в горизонтальное*. Горизонталь функций, т.е. положение, при котором все функции равны, являются Вторыми и работают с максимальной отдачей — предел человеческих желаний, полная самореализация личности.

Вообще, по моим наблюдениям, главная проблема индивидуума, проблема контактности, уживчивости, добродушия и т.д. заключается не столько в удачливости или неудачливости данного природой психотипа, **они все хороши**, сколько в степени гармонизации личности (приходилось знать очень неприятных «пастернаков» и милейших «аристиппов»). Поэтому вопрос гармонии, горизонтальной функциональности — главный вопрос человеческой жизни. Горизонталь функций — это переход в **25-ый, безымянный психотип** — единственно возможный путь эволюции человеческого характера не в худшую, а в лучшую сторону. Принадлежность к 25-ому типу — максимум и потолок психических возможностей человека.

Описать **25-о** не составит труда. Он трудолюбив, чувственен, чувствителен, вдумчив, заботлив, ответственен, чуток, порядочен, одним словом, он — идеал человека, и какой стороной вы бы ни разворачивали его к себе, его поведение всегда будет эталонным. **25-й** — человек-мечта, средоточие всех достоинств, муж всех жен, жена всех мужей. У него один недостаток — **ОН НЕ ВЛЮБЧИВ**. **25-й** — самодостаточен и жил бы анахоретом, если бы его функции, ставшие поголовно Вторыми, не требовали постоянного процесса и диалога. На этом его можно поймать. Но удержать нельзя. **25-й** не влюбчив, а жалостлив, но жалость, в отличие от любви, имеет свои пределы. Поэтому роман с **25-м** имеет ту особенность, что в нем нет равноправия, и подлинную страсть являет лишь одна из сторон, мучительно переживающая сочетание близости с неадекватной, по ее мнению, реакцией на подлинное чувство.

Но главное, **25-й** чрезвычайно, фатально редок, дается часто с опозданием и на короткий срок. Достаточно сказать, что Гёте достиг **25-о** к 60-ти годам и потерял его почти сразу же, когда вино и время в своей дьявольской работе быстро и навсегда разрушили в нем внутреннюю гармонию...

Вопрос, который обычно возникает в связи с 25-м, формулируется просто: как его достичь? какими путями гармонизировать свою личность? Но просто на него не ответишь. Видится, несколько приемов, способных сдвинуть индивидуума в сторону 25-о типа. Первый и самый главный: сознательная и последовательная работа на заделывание язвы по Третьей функции. Для 3-й Логике — это занятие риторикой, шахматами, науками

и участие в дискуссиях чисто интеллектуального свойства. Для 3-й Эмоции — театр, литература, искусства, религия в ее эмоциональной, ритуальной ипостаси. Для 3-й Физики — все, что связано с физическим пластом жизни: плодovitость, чадолюбие, экономическая независимость, устроенный быт, здоровье, красота и т.д. Для 3-й Воли — полная независимость по всем функциональным пластам и свобода при принятии решений.

Второе, прекрасным дополнением работы по Третьей функции может послужить сознательная и последовательная работа над своей Первой функцией в смысле отъятия избытка, перевода результативности и монологовости на рельсы процессионности и диалогости. Такой путь подсказал мне один из учеников с 1-й Волей и 3-й Эмоции. Однажды он поведал, как, сознательно задавив свою 1-ю Волю, вдруг открыл в себе шлюзы совершенно неведомым и сильным чувств. Думаю, данный ход очень возможен и перспективен, хотя бы для высокостоящих Воль. Но представляется наиболее эффективной параллельная работа над Первой и Третьей функциями, так как они главные чаши весов, раскачивающих человеческую психику, и приведение их в равновесие — непереносимое условие гармонизации личности.

Третье, в очередной раз выскажу ересь, но практически универсальным, независимым от порядка функций средством гармонизации личности является секс. Не будучи поклонником фрейдистской теории пансексуализма, все-таки не могу не отметить силу и глубину самого подхода (не толкования) к роли секса в психике человека у Фрейда. Вопреки широко распространенному мнению, секс — это не только физиология, а значит Физика, хотя отрицать весомость физиологии в половом акте не приходится. Секс — это действие, в котором участвует вся личность человека, весь порядок функций.

Воля определяет: с кем, когда, сколько, как и т.д. заниматься сексом. В частности, при изнасиловании кроме Воли, другие функции почти или вообще не участвуют в акте. Насильник в этом случае тешит не тело, не душу, а удовлетворяет свою жажду власти, не реализованную в обычной жизни. Жажда унижить, видеть страх, покорность, оцепенение жертвы — самое дорогое, чего жаждет насильник и идет на преступление. Поэтому, хотя изнасилование и называется «сексуальным преступлением» собственно сексуального в нем очень мало, точнее, из всего данного человеку реализуется больная, искореженная Воля.

Об эмоциональной составляющей секса много говорилось прежде, и, конечно же, Эмоция непереносимый участник интимных отношений, если речь идет не о продажной любви. Хотя и в последнем случае бывают исключения. Один мой знакомый, много поездивший по миру и много чего там попробовавший, отмечал как огромное достоинство русских проституток — их выглядящую искренней эмоциональностью. «В этот момент они тебя любят!» — восклицал он.

Банальность говорить о Физике, как о компоненте секса, но не упомянуть его нельзя, как нельзя не сказать, что это самое уязвимое звено личности в данном контексте. Особенно когда речь заходит о мужчинах, чья половая сфера как минимум на порядок тоньше и уязвимее женской. Поэтому лозунг: «Берегите мужчин!» не так смешон и дик, как выглядит на первый взгляд.

Вероятно, страннее всего покажется, что и Логика участвует в интимной жизни. Но это так. Человеческий секс, особенно в последние столетия, непереносимо умозрительен. «Кама сутра», даосская теория, православное сочинение «А се грех», где регламентируются позы в постели, рекомендации авторитетных друзей и родственников и множество других чисто ментальных нюансов во многом определяют вид и содержание человеческого секса. Так что, даже Логика — непереносимая участница нашей интимной жизни.

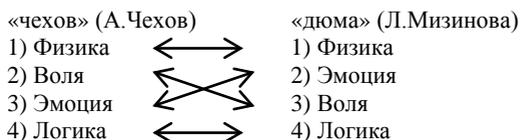
Таким образом, секс — это та из немногих, а может быть, единственная сфера человеческой жизни, в которой участвует вся личность человека без изъятия, весь порядок функций. И да простят меня за цинизм, постель — самый лучший, идеальный полигон, на котором испытывается и совершенствуется людская натура.

Правда, есть еще одно занятие, которое можно назвать «протосексом» или «укороченным сексом» — это танцы и танцы непременно парные (прежде всего — латиноамериканские). В танцах постоянно ищется консенсус по Воле (куда и как вместе двигаться), ведется поиск адекватности по Эмоции, как по отношению к партнеру, так и к музыке, определяется мера телесной близости и силе касаний по Физике. Только Логика нет в танцах, поэтому их лучше назвать «укороченным сексом».

Наконец, возвращаясь к тому, с чего началу, кроме секса и танцев назову третий и наиболее эффективный способ гармонизации личности — любовь «агапе» и о ней наш дальнейший рассказ.

* * *

Чтобы конкретно представить себе, как выглядит и что дает «агапэ», обратимся к истории отношений между Антоном Чеховым и Лидией (Ликой) Мизиновой. В виде схемы эти отношения можно представить так:

Некоторые современники Чехова считали, что в жизни его не было большой любви, и ошибались. Чехов любил и был любим, только роман его с Ликой Мизиновой протекал в специфической для «агапэ» их психотипов форме.

Они познакомились при необычных и в то же время характерных обстоятельствах. Когда Лика Мизинова впервые попала в дом Чеховых, и Чехова повели с ней знакомиться, внезапно выяснилось, что гостя пропала, и ее лишь случайно обнаружили спрятавшейся за вешалкой. Казалось, чего было бояться этой необычайно красивой девушке при встрече с еще в ту пору молодым и лишь начинавшим приобретать известность писателем? А секрет в 3-й Воле Лики.

«Мещанин», вообще чувствующий себя не очень уверенно в любой обстановке, теарется на чужой, незнакомой территории. В присутствии большого числа новых людей, особенно, если они имеют заметный общественный вес. Изначальное ощущение враждебности мира в такой ситуации обостряет у 3-й Воли чувство опасности, сеет в трусоватой душе «мещанина» панику и мысли о бегстве как самом удобном решении проблемы. Параллельно к конфузу с Ликой Мизиновой можно привести пример конфузливости Петра I, который, придя на прием к курфюстине Бранденбургской и обнаружив, что она встречает его всем семейством, закрыл лицо руками и бежал.

Однако, как бы там ни было, знакомство Чехова и Мизиновой состоялось, время делало их отношения все теснее, но сам роман начался лишь три года спустя после их знакомства. Переписка между Мизиновой и Чеховым — единственное полновесное свидетельство их любви, и тот, кто хотел бы проследить ее историю во всех тонкостях и нюансах, должен обратиться непосредственно к ней. Мы же ограничимся лишь несколькими цитатами.

Роман между Чеховым и Мизиновой, а, толкуя ситуацию расширительно, роман между «чеховым» и «дюма» лучше всего охарактеризовать как роман-хихиканье. Оба по своей 1-й Физике — люди жизнерадостные, веселые; Чехов по 2-й Воле и 3-й Эмоции склонен был к добродушному иронизированию, Лика по 2-й Эмоции и 3-й Воле так же не чуждалась шуток, хотя и с известной долей яда. Поэтому общий шуточный тон, которым они окрасили свои отношения, был достаточно удобен для обоих. Иное дело, что когда

отношения вступили в ту фазу, которая требует открытой речи, они так и не смогли преодолеть эту хихикающую интонацию и прямо слово «люблю» с полной открытостью так и не прозвучало..

Трагизм «агапэ», где, как в данном случае, перекрещиваются процессионные Воля и Эмоция, заключается в том, что у одного хватает духу (2-я Воля) для произнесения заветного слова, но оно отсутствует в его словаре (3-я Эмоция). Тогда как другому известно это слово (2-я Эмоция), но не хватает духу его произнести (3-я Воля). Так, хихикая, и двигаются обычно навстречу друг другу «чехов» и «дюма», в пути мучительно пополняя словарь и собираясь с духом. И на вопрос удасться ли им до такой степени сблизиться, что придет черед открытого выражения чувств — однозначно ответить нельзя.

Динамика и специфика «агапэ» при данной комбинации хорошо просматривается в переписке Чехова и Мизиновой. Сначала она написала ему в присутствии себе несколько манерном, но эмоционально открытом стиле. Он ответил в своей манере: спокойно, сухо-вато, иронично. Она обиделась и написала: «Ваши письма, Антон Павлович, возмутительны. Вы напишете целый лист, а там окажется всего только три слова, да к тому же глупейших». Упрекнув Чехова в эмоциональной неадекватности, Мизинова по слабохарактерности все-таки не решилась настаивать на своем стиле выражения и несколько снизила тон, хотя и не сделала его тождественным чеховскому хихиканью. Так они и переписывались, говоря о своей любви лишь в шутовской, ехидной манере, хотя и не без взбрыкивания с ее стороны: «Право, я заслуживаю с Вашей стороны немного большего, чем то шуточно-насмешливое отношение, какое получаю. Если бы Вы знали, как мне иногда не до шуток».

С момента их знакомства прошло три года, прежде чем Чехов попробовал разжать сведенный 3-й Эмоцией рот и прямо сказать о своих чувствах. Он написал: «Увы, я уже старый молодой человек, любовь моя не солнце и не делает весны ни для меня, ни для той птицы, которую я люблю». Однако Чехов не был бы самим собой, если бы, испугавшись чуждой себе прямоты речи, вслед не зачеркнул приведенные строки ёрнической цитатой из романа: «Лика, не тебя так пылко я люблю! Люблю в тебе я прошлое страданье и молодость погибшую мою».

Сразу не найдясь, что сказать на это странное полупризнание, Мизинова адекватно ответила лишь ШЕСТЬ ЛЕТ спустя. Начав зеркально цитатой из романа:

*«Будут ли дни мои ясны, улыбки,
Скоро ли гсину я, жизнь погубя,
Знаю одно, что до самой могилы
Помыслы, чувства, и песни, и силы
Все для тебя!!!» -*

она далее приписала: «Я могла написать это восемь лет тому назад, а пишу сейчас и напишу через 10 лет». К сожалению, ответ Мизиновой так безнадежно опоздал, что о продолжении диалога к тому моменту не могло быть и речи.

Как и по эмоциональной линии, сложно складывались отношения между Чеховым и Мизиновой по линии Воли. «Слабохарактерная» (по наблюдениям окружающих) Лика болезненно воспринимала чеховские шуточки на свой счет. «Я отлично знаю, что если Вы и скажете или сделаете что-нибудь обидное, то совсем не из желания это сделать нарочно, а просто потому, что Вам решительно все равно, как примут то, что Вы делаете», — писала Мизинова, задним числом осознавая беззлобность шуток Чехова. Но задним числом. Поначалу ей, мнительной, казалось, что постоянные шуточки, расточаемые по ее адресу ничего не подозревающим, душевно здоровым Чеховым, таят в себе оскорбительный подтекст. Она в ответ взрывалась и начинала говорить гадости. Он недоумевал и заводил речь о ее «дурном характере», что было чистой правдой. Осложняло положение и то, что Мизинова, сама будучи человеком недоверчивым и непостоянным, со-

мневалась в серьезности и глубине чувств Чехова, а внешняя его холодность невольно подкармливала ее подозрения.

Здесь, оторвавшись на некоторое время от переписки, следует заметить, что кроме нее сохранился еще один памятник этой любви — рассказ «Ариадна», где, правда, изложен только чеховский взгляд на проблемы их взаимоотношений. Однако, подписав одно из писем к Чехову именем Ариадна, Мизинова засвидетельствовала достоверность рассказа и, видимо, признала справедливость той нелицеприятной характеристики, что дал ей в рассказе Чехов. Судя по «Ариадне», суть претензий Чехова к Лике заключалась в следующем: «По прекрасному лицу и прекрасным формам я судил о душевной организации, и каждое, слово Ариадны, каждая улыбка восхищали меня, подкупали и заставляли предполагать в ней возвышенную душу. Она была ласкова, разговорчива, весела, проста в обращении, поэтично верила в бога, поэтично рассуждала о смерти, и в *ее душевном складе было такое богатство оттенков*, что даже своим недостаткам она могла придавать какие-то особенные, милые свойства...

Моя любовь, мое поклонение трогали Ариадну, умиляли ее, и ей страстно хотелось быть тоже очарованной, как я, и отвечать мне тоже любовью. Ведь это так поэтично!

Но любить по-настоящему, как я, она не могла, так как была холодна и уже достаточно испорчена. В ней уже сидел бес, который день и ночь шептал ей, что она очаровательна, божественна, и она, определенно не зная, для чего собственно она создана и для чего ей дана жизнь, воображала себя в будущем не иначе, как очень богатой и знатной, ей грезились балы, скачки, ливреи, роскошная гостиная, свой салон и целый рой графов, князей, посланников, знаменитых художников и артистов, и все это поклоняется ей и восхищается ее красотой и туалетами... Эта жажда власти и личных успехов и эти постоянные мысли все в одном направлении расхолаживают людей, и Ариадна была холодна: и ко мне, и к природе, и к музыке...

Она мечтала о титуле, о блеске, но в тоже время ей не хотелось уступить и меня. Как там ни мечтай о посланниках, а все же сердце не камень и жаль бывает своей молодости. Ариадна старалась влюбиться, делала вид, что любит, и даже клялась мне в любви. *Но я человек нервный, чуткий; когда меня любят, то я чувствую это даже на расстоянии, без уверений и клятв*, тут же веяло на меня холодом, и когда она говорила мне о любви, то мне казалось, что я слышу пение металлического соловья. Ариадна сама чувствовала, что у нее не хватает пороку, ей было досадно, и я не раз видел, как она плакала...

Затем любовь моя вступила в свой последний фазис, в свою последнюю четверть.

«Будьте прежним дусей, любите меня немножко, — говорила Ариадна, склонясь ко мне, — Вы угрюмы и рассудительны, *боитесь отдаться порыву* и все думаете о последствиях, а это скучно. Ну, прошу вас, умоляю, будьте ласковы!.. Мой чистый, мой святой, мой милый, я вас так люблю!»

Я стал ее любовником. По крайней мере с месяц я был, как сумасшедший, испытывая один восторг. Держать в объятиях молодое, прекрасное тело, наслаждаться им, чувствовать всякий раз пробудившись от сна, ее теплоту и вспоминать, что она тут, она, моя Ариадна, — о, к этому не легко привыкнуть! Но я все-таки привык и мало-помалу стал относиться к своему новому положению сознательно. Прежде всего я понял, что Ариадна, как и прежде, не любила меня. Но ей хотелось любить серьезно, она боялась одиночества, а главное, я был молод, здоров, крепок, она же была чувственна, как все вообще холодные люди — и мы оба делали вид, что сошлись по взаимной страстной любви. Затем я понял кое-что и другое...

Главным, так сказать, основным свойством этой женщины, было изумительное лукавство. Она хитрила постоянно, каждую минуту, по-видимому без всякой надобности, а как бы по инстинкту, по тем побуждениям, по каким воробей чирикает или таракан шевелит усами. Она хитрила со мной, с лакеями, с портье, с торговцами в магазинах, со зна-

комыми; без кривлянья и ломанья не обходился ни один разговор, ни одна встреча. Нужно было войти в наш номер мужчине, — кто бы он ни был, гарсон или барон, — как она меняла взгляд, выражение, голос и даже контуры ее фигуры менялись...

И все это для того, чтобы нравиться, иметь успех, быть обаятельной! Она просыпалась каждое утро с единственной мыслью: «Нравиться!» И это было целью и смыслом ее жизни. Если бы я сказал ей, что на такой-то улице в таком-то доме живет человек, которому она не нравится, то это заставило бы ее серьезно страдать...

Часто, глядя, как она спит, или ест, или старается придать своему взгляду наивное выражение, я думал: для чего же даны ей богом эта необыкновенная красота, грация, ум? Неужели для того только, чтобы валяться в постели, есть и лгать, лгать без конца? Да и была ли она умна? Она боялась трех свечей, тринадцатого числа, приходила в ужас от сглаза и дурных снов, о свободной любви, и вообще, о свободе толковала, как старая богомолка, уверяла, что Болеслав Маркевич лучше Тургенева. Но она была дьявольски хитра и остроумна, и в обществе умела казаться очень образованным, передовым человеком.

Ей ничего не стоило даже в веселую минуту оскорбить прислугу, убить насекомое; она любила бои быков, любила читать про убийства и сердилась, когда подсудимых оправдывали.

Я находился в положении того жадного, страстного корыстолюбца, который вдруг открыл бы, что все его червонцы фальшивы. Чистые, грациозные образы, которые так долго лелеяло мое воображение, подогреваемое любовью, мои планы, надежды, мои воспоминания, взгляды мои на любовь и женщину — все это теперь смеялось надо мной и показывало мне язык.»

Как мы знаем, клясться Чехову в любви Мизинова начала лишь много лет спустя окончания их романа, а в остальном рассказ «Ариадна» безукоризненно точен, причем, в нем с поразительной полнотой воспроизведена не просто отдельная личность, но тип «дюма» в его женской ипостаси, тип очаровательной хищницы. Верно в нем и то, что, будучи чувственны и чувствительны, женщины этого типа в глубине своего существа совершенно холодны и в силу своей 3-й Воли скорее жаждут любви, чем способны на это чувство. Однако игра их в любовь безукоризненна, и, как сказано в рассказе, только «нервность», «чуткость» рафинированной 3-й Эмоции Чехова позволили ему почувствовать колодезную температуру подкладки, обращенных на него якобы горячих чувств.

Но вернемся к хронологии. Не дождавшись от Чехова открытого и прямого признания в любви, Лика «с досады» и чтобы подтолкнуть события, начала демонстративно флиртовать с Левитаном. Чехов, для которого такой стиль отношений был совершенно неприемлем, смертельно оскорбился и сделался еще холодней. Правда, спустя некоторое время, видимо, произошло объяснение, и отношения восстановились. Они даже собрались вместе поехать на Кавказ, но поездка расстроилась. И с этого момента начался закат их любви, они дали друг другу все, что могли. Вдоволь намутившись, усталые, опустошенные, они обменялись прощальными полупризнаниями. Чехов писал: «В Вас, Лика, сидит большой крокодил, и, в сущности, я хорошо делаю, что слушаюсь здравого смысла, а не сердца, которое Вы укусили. Дальше, дальше от меня! Или нет, Лика, куда ни шло: позвольте моей голове закружиться от Ваших духов и помогите мне крепче затянуть аркан, который Вы уже забросили мне на шею.

Воображаю, как злорадно торжествуете и как демонски хохочете Вы, читая эти строки... Ах, я, кажется, пишу глупости. Порвите это письмо. Извините, что письмо так неразборчиво написано, и не показывайте его никому. Ах, ах!» Лика отвечала: «А как бы я хотела (если бы могла) затянуть аркан покрепче! Да не по Сеньке шапка! В первый раз в жизни мне так не везет!» Дальше их пути окончательно разошлись. Но оба до конца дней хранили и благодарную память друг о друге, и скорбь о разлуке.

Может показаться, что роман между Чеховым и Мизиновой следует отнести к ряду неудачных. Так считали все: люди, их хорошо знавшие, исследователи чеховского творчества — спорили лишь о том, кто виноват, кто любил, а кто не откликнулся на чувство. И были неправы. Ошибка заключается в том, что к удачным принято относить лишь те романы, что заканчиваются законным браком, благополучно тянущимся до гробовой доски. Но это заблуждение. Любовь — удача, когда она плодотворна, когда она обогащает, все остальное — от лукавого. И роман между Чеховым и Мизиновой — наглядный тому пример.

К сожалению, каких-либо свидетельств значительных перемен, произошедших под влиянием Чехова во внутреннем мире Лики Мизиновой, история для нас не сохранила. Но сам факт ее, пусть запоздалого, открытого признания Чехову в любви говорит о многом, о том, что их знакомство не прошло для Мизиновой даром, придало ей так не хватавшей прежде решительности, укрепило колеблемый 3-й Волей дух.

Что касается свидетельств глубоких перемен в душе Чехова, вызванных Ликой, то их наберется великое множество, не меньше тома. Специалисты обратили внимание, что к середине 90-х годов, т.е. ко времени заката их романа, у Чехова наступил качественно новый период творчества, прорезался новый голос. Но нас в данном случае интересует не столько то, что этот период освящен необычайно глубокими и сильными творениями, а прежде всего то, что под пером писателя бурно и широко зазвучала практически *запретная для 3-й Эмоции — ТЕМА ЛЮБВИ*. Однажды Чехов настолько преодолел свою эмоциональную скованность, что даже вынес слово «любовь» в заголовок («О любви»). Такой заголовок для 3-й Эмоции — верх свободы чувств, и поставь Чехов после слова «любовь» восклицательный знак, ему можно было бы приписать 1-ю Эмоцию. В этот период, кроме «О любви», написаны «Дом с мезонином», «Ариадна», «Дама с собачкой», «Чайка». Под новую для себя тему Чехов даже коренным образом переделал почти написанные «Три года», наполнив любовной проблематикой произведение, прежде целиком посвященное сценам из купеческого быта.

Исследователи обычно соотносили с Мизиновой в творчестве Чехова лишь то, что в «Чайке» или «Ариадне» напрямую связывалось с ее биографией или чертами характера. Но в действительности ее влияние было неизмеримо значительней. Лика — не сказать открыла для Чехова тему любви, она ему ее «разрешила». Именно благодаря Лике он смог заговорить не только о чувствах, вызванных непосредственно ею, но и о своих увлечениях, предшествовавших и последовавших за их романом (письма Чехова к жене — наглядное тому подтверждение). Силой своей процессионной и нормативной 2-й Эмоции Мизинова, конечно, не научила Чехова чувствовать, но разжала сведенный 3-й Эмоцией рот, научила открыто, естественно и громко говорить о своих переживаниях. А для обладателя 3-й Эмоции — это наибольший и драгоценнейший дар.

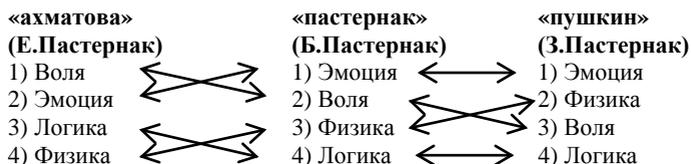
* * *

Надеюсь, усвоив, почему именно «агапэ» — самый перспективный и плодотворный вид любви, читатель, очевидно, должен задаться вопросом: как, при перекрестье процессионных функций, должны стоять результативные функции, чтобы «агапэ» могло дать наибольший эффект? Вопрос этот не праздный, потому что для достижения подлинной гармонии мало заживления язы по Третьей функции, необходимо, чтобы при этом максимально реализовывались результативные функции.

Чтобы понять, какое положение результативных функций наиболее благоприятно при «агапэ», обратимся к истории второго брака Бориса Пастернака. Опыт данного брака дал отчасти отрицательный результат, но, как это бывает в науке, отрицательный результат в этом случае оказался не менее выразительным, чем положительный. Еще более ин-

интересен второй брак Пастернака тем, что на его примере можно проследить некоторые психотипические закономерности смены партнеров.

Надеюсь, сказанное прежде о первом браке Пастернака еще не забыто, поэтому сразу приведу схему отношений между супругами, только на этот раз не в паре, а в треугольнике, составленном из соотношений функций самого поэта, его первой (Евгении Пастернак) и второй (Зинаида Пастернак) жены:

Даже мимолетный взгляд на схему подсказывает, что и на что менял Пастернак, разводясь в одном случае и вступая в брак в другом. Низкостоящая Логика и высокостоящая Эмоция и после первого брака остались для поэта привлекательны. Коренным образом переменялось его отношение к проблеме взаимодействия по процессионным функциям: Физике и Воле. Одним словом, «псевдофилия» первого брака у Пастернака сменилась «агапэ» с тождеством по результативным функциям. И трудно не заподозрить, что в этой смене была своя закономерность.

Объясняя истоки своей привязанности к Зине, поэт как-то написал: «Она так же глупа, нелепа и первоэлементарна, как я. Так же чиста и свята при совершенной испорченности, так же радостна и мрачна.» Казалось, Пастернак воспринимал свою вторую жену как существо психологически тождественное себе и был, надо сказать, не далек от истины. Результативные функции у них действительно стояли одинаково, а перекрестье по процессионным, при разнице в ценностях, давало долгосрочную общность интересов. Именно это перекрестье привлекло их друг к другу и удержало вместе до гроба.

Кто бы ни писал об этом браке, все сходились на том, что Пастернака к Зинаиде Николаевне привлекла ее 2-я Физика. Анна Ахматова ядовито замечала по этому поводу: «Все кругом с самого начала видели, что она груба и вульгарна, но он не видел, он был слепо влюблен. Так как восхищаться решительно нечем было, то он восхищался тем, что она сама моет полы...» Иначе по тону, но о том же писал сын Пастернака в «Материалах для биографии» отца: «Зинаида Николаевна Нейгауз была немногословна. На ней лежала забота о семье, о двух сыновьях, старшему из которых шел пятый, а младшему было три года. Генрих Густавович (Нейгауз — первый муж З.Пастернак, знаменитый музыкант — А.А.) со странной гордостью повторял, что его практические способности ограничиваются умением застегнуть английскую булавку, — все остальное делает Зина. Говорили, что в многострадальном Киеве времен гражданской войны она достала дрова, выпила зал консерватории, убрала его и привезла рояль, чтобы устроить концерт Нейгауза, прошедший с огромным успехом.

Заходя к брату на том же участке, Пастернак заставлял ее в домашней работе — стирке белья, которое она затем крахмалила и гладила, мытье полов, стряпне. **Он бросался помочь** — натаскать воды из колодца, собрать и принести хворосту для плиты. Она отказывалась, говоря, что привыкла со всем справляться сама.

Приближался отъезд. Разъезжались не сразу. По воспоминаниям Зинаиды Николаевны, под конец осталось две семьи — ее и Бориса Пастернака. Лошадей, чтобы ехать на станцию, должны были подать рано утром. Собирались ночью. У нее все уже было уложено, когда она пошла посмотреть, готовы ли Пастернаки. Евгения Владимировна бережно упаковывала написанные летом работы, Пастернак с аккуратностью, усвоенной еще в детстве, укладывал чемоданы. Времени оставалось в обрез. Она кинулась помогать

и без лишних рассуждений и предосторожностей решительно и быстро прикончила сборы. Пастернак был в восхищении.

«Жизни ль мне хотелось слаще?

Нет, нисколько; я хотел

Только вырваться из чащи

Полуснов и полудел.

Но откуда б взял я силы,

Если б ночью сборов мне

Целой жизни не сместило

Сновиденье в Ирпине?»

Восхищение Пастернака в «ночь сборов» легко объяснимо. Пластика 2-й Физики вообще очень привлекательна; не могут не радовать глаз ее быстрые, точные, ловкие движения. Вдвойне привлекательна она, когда ты сам мучительно переживаешь свою беспомощность, нескладность движений и когда рядом раздражает медленным небрежным копошением жена с 4-й Физикой. Думаю, и Зинаида Николаевна, на фоне спокойного потребительства своего мужа, оценила желание Пастернака, пусть без большой сноровки, но помочь ей. Одним словом, именно на бытовой почве завязался первый узелок их будущей прочной связи. Дальнейшая совместная жизнь лишь укрепила эту образованную на почве быта связь, и спустя почти тридцать лет после «ночи сборов» Пастернак писал «...Страстное трудолюбие моей жены, ее горячая ловкость во всем, в стирке, варке, уборке, воспитании детей создали домашний уют, сад, образ жизни и распорядок дня, необходимые для работы тишину и покой.»

Поскольку Физика стала у Пастернаков одним из двух главных компонентов взаимного притяжения, то естественно, что заметную роль в их отношениях наряду с бытом сыграл секс. Пастернака поразил рассказ Зинаиды о том, как она, будучи еще гимназисткой, три года сожительствовала со своим сорокапятилетним кузеном. Этот роман он позднее описал в «Докторе Живаго» как историю Лары и Комаровского. Чтобы понять природу странного внимания Пастернака к давнему эпизоду из жизни Зинаиды Николаевны, необходимо отметить, что 3-я Физика при внешней брезгливости питает тайный постоянный и болезненный интерес к «пороку», т.е. попросту говоря, к открытому, естественному выражению сексуальности. Оно влечет и пугает 3-ю Физику. Влечение в данном случае возобладало, и жизнь со временем подтвердила правильность выбора Пастернака. Зинаида Николаевна легко, без жеманства и с удовольствием удовлетворила его вечный сексуальный голод, своим простодушным отношением к эротике, оздоровила его прежде болезненное отношение к этой сфере, что, правда, позднее обернулось многочисленными изменами мужа.

Вместе с тем, взаимодействие по Физике дарило супругам Пастернакам не только цветочки. Зинаида слишком серьезно относилась к деньгам, чтобы позволить мужу работать в стол, поэтому Пастернаку пришлось засесть за переводы, и нетрудно догадаться, что делалось это не без зубовного скрежета.

Добавляло напряжения по Физике еще и то обстоятельство, что Зинаида Николаевна, как и все «пушкины», имела склонность к соленому словцу. Дело в том, что 2-я Физика не предполагает цензуры в том, что касается физиологии человека, легко и прямо высказывается по части самых интимных сторон жизни. Такой способ выражения был совершенно чужд 3-й Физике Пастернака и доводил его до того, что он начинал крыть жену «паркетной бурей, побывавшей у парикмахера и набравшей пошлости.»

Впрочем, как ни бунтовал Пастернак против литературной поденщины и соленых словечек, все полученное им от Зинаиды Николаевны безусловно и с лихвой искупало неудобства. Она насытила его неумную сексуальность, обеспечила максимумом бытовых удобств, приучила к столь необходимому ему физическому труду. Собратья по перу

с недоумением и оторопью часто заставляли большого поэта, копающегося с женой в огороде или маринующего в ее обществе огурцы. Но на самом деле никакой позы в поведении супругов не было, физическое взаимодействие являлось искренней и насущной потребностью их натур.

Непросто складывались отношения и в сфере волевого взаимодействия. Свидетельства непосредственных участников драмы не сохранились и, возможно, их не было вовсе. Поэтому рискну проиллюстрировать отношения в семье Пастернака цитатами из жизни живших задолго до него людей.

Случилось так, что очень похожая ситуация сложилась в семье Александра Герцена: его жена Наталья со своей 2-й Волей разлюбила 1-ю Волю самого Герцена и влюбилась в 3-ю Волю поэта Гервега. Когда дело дошло до выяснения отношений между супругами, Наталья попыталась передать свои ощущения мужу следующим образом: «У тебя есть отшибленный уголок, и к твоему характеру это очень идет; ты не понимаешь тоску по нежному вниманию матери, друга, сестры, которая так мучит Гервега. Я его понимаю, потому что сама это чувствую... Он — большой ребенок, а ты совершеннолетний, его можно безделицей разогорчить и сделать счастливым. Он умрет от холодного слова, его надобно щадить... зато какой бесконечной благодарностью он благодарит за малейшее внимание, за теплоту, за участие.» То есть, вдоволь натерпевшись от сугубого индивидуализма, отчужденности («отшибленности»), глухоты 1-й Воли Герцена, 2-я Воля Наталья увидела в проявлениях 3-й Воли Гервега возможность взаимодействия. Попросту говоря, Наталья **пожалела** и пожалела того, кто в жалости нуждался. Недаром, в старину слова «любить» и «жалеть» были почти синонимами в русском языке. Родительской, взрослой 2-й Волей именно «жалел» Пастернак детскую 3-ю Волю Зинаиды Нейгауз и находил в этой жалости, в этом чувстве своеобразную отраду.

В том, что ее не бьют по больному, но жалуют и исправляют изломы души заключалась отрада Зинаиды Нейгауз. Между нею и Пастернаком происходило тоже, что происходило между юным Пушкиным и первым его другом Пушиным. Пушин рассказывал: «Пушкин, с самого начала, был раздражительнее многих и потому не возбуждал общей симпатии: это удел эксцентричного существа среди людей. Не то чтобы он разыгрывал какую-нибудь роль меж нами или поражал какими-нибудь особенными странностями, как это было в иных; но иногда неуместными шутками, неловкими колкостями сам ставил себя в затруднительное положение, не умея потом из него выйти. Это вело его к новым промахам, которые никогда не ускользают в школьных отношениях. Я, как сосед (с другой стороны его номера была глухая стена) часто, когда все уже засыпало, толковал с ним вполголоса через перегородку о каком-нибудь вздорном случае того дня; тут я видел ясно, что он по щекотливости всякому вздору приписывал какую-то важность, и это его волновало. Вместе мы, как умели, сглаживали некоторые шероховатости, хотя не всегда это удавалось. В нем была смесь излишней смелости с застенчивостью, и то и другое неполопад, что тем самым ему вредило... Чтобы полюбить его настоящим образом, нужно было взглянуть на него с тем полным благорасположением, которое знает и видит все неровности характера и другие недостатки, мирится с ними и кончает тем, что полюбит даже и их в друге-товарище.» Если вспомнить, что Зинаида Нейгауз принадлежала к роду «пушкиных», то данная Пушиным картина легко и уверенно может быть перенесена на отношения ее с Пастернаком.

Зинаиде Николаевне безусловно импонировала спокойная вера в себя Пастернака, его решительность. Особенно обрадовала ее и одновременно испугала та решительность, с какой после взаимного объяснения в любви поэт взялся решать их будущую судьбу. Сначала он пришел к ее мужу, своему другу Генриху Нейгаузу и открыто обо всем сказал, после полностью открылся жене. Чего стоят такие объяснения, знают только те, кто их пережил. А что она? Она, по обыкновению 3-й Воли, расторопной на слова, но не на поступки, начала влиять; она лгала, отказывалась от своих слов, придумывала разные

варианты житья вдвоем, при которых можно было бы существовать, ничего не меняя. Он приносил на алтарь любви все что имел, она не то чтобы не хотела, но боялась положить на него хоть что-нибудь. Складывалась патовая ситуация, при которой Пастернак, по своей 2-й Воле, быстро пройдя свою долю пути, не брался принуждать Зинаиду пройти ее долю, а сама она, по своей 3-й Воле, на это не решалась. Дело шло к катастрофе. Разрушив свою семью, утратив веру в любовь своей новой подруги, Пастернак пытался покончить собой. По счастью, попытка не удалась. Период шатаний занял почти год и закончился совместным отъездом на Кавказ. Но даже за этот сравнительно короткий отрезок многое в душе поэта было навеки похоронено, и последующие изменения, открытые выражения неприязни по адресу жены во многом обуславливались тем, что он не понял и не простил ей шатаний начального периода их любви.

Письма Пастернака того периода дают наглядное представление об образе мысли 2-й Воли в столь критической ситуации. Вот отрывок из одного письма: «Если тебя сильно потянет назад к Гаррику (Нейгаузу — А.А.), доверься чувству. Смело говорю за тебя: это будет тянуть тебя вперед к нему, все у вас пойдет своей большой жизнью, за которой вы забудете, поправимо ли иль нет случившееся...» В этих строках нет позы, они точно отражают настроение поэта. Свобода и благо любимой женщины для него действительно было дороже всего. Он хотел одного — ясности в отношениях, но именно ясности не могла внести слабая духом, мятущаяся 3-я Воля Зинаиды Николаевны. Хорошо, что период колебаний длился сравнительно недолго, меньше года, в противном случае последствия могли бы быть самые ужасные.

Говорю с уверенностью о сравнительной удаче Пастернака, потому что знаю точно такую же комбинацию, где колебания длились не год, а три года (!). Думаю, что отношения Пастернаков во многом спасло то, что Нейгауз, уже имевший к тому времени вторую семью, не слишком цеплялся за свою жену и не запугивал ее грядущей неопределенностью. В известном мне случае дело обстояло иначе.

Кратко суть знакомого мне дела такова: как и в описанном выше случае закрутился роман между женатым «пастернаком» и замужней «пушкиной». О причинах взаимного притяжения у данных психотипов говорилось выше, поэтому не станем повторяться. «Пастернаку» с его 2-й Волей достало характера, осознав всю серьезность чувства, развестись в максимально короткий срок. А дальше — стоп. «Пушкин», и не состоя в браке, не скор на решения и поступки, а в данном случае рядом существовал супруг с той же 3-й Волей, чья слабохарактерность возводила нерешительность «пушкина» в квадрат. Меж супругами-«мещанами» было все: слезы, крики, оскорбления, угрозы, мольбы — не было лишь поступков. Оба заняли выжидательную позицию, перекладывая тяжесть решения на противоположную сторону, ожидая от себе подобного того, на что сам не был способен. Что касается «пастернака», то его 2-й Воли хватило лишь на то, чтобы навести порядок в своих делах, насильствовать же волю своей подруги он не мог по определению. Сложилась патовая ситуация, которая, казалось, разрешалась лишь смертью одного из участников драмы; дело подходило к тому, что кто-нибудь из них рискнет облегчить общую участь наложив на себя руки, и лишь случай спас положение: развод спустя три года состоялся. Однако никто из участников драмы, изверившихся, измочаленных, опустошенных, не был ему рад — каждый получил некогда желанный, но к тому времени безнадежно обесцененный дар, с которым не ясно, что было делать и куда применить.

Рассказываю эту историю не из склонности к празднословью, а в назидание: как бы ни был для вас привлекателен обладатель 3-й Воли, ни в коем случае не заводите с ним романа в том случае, если он состоит в браке. Роман с «мещанином» — вообще дело достаточно болезненное, а в случае его супружества — мучительное вдвойне.

Однако вернемся к Борису и Зинаиде Пастернак. Как это всегда бывает при «агапэ», наиболее тяжелым в их отношениях был начальный период совместной жизни. Но со временем отношения выровнялись, и через двадцать лет после их знакомства Пастернак

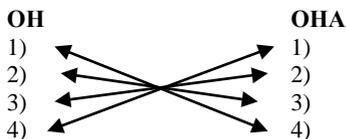
написал: «... моя жизнь с Зиной настоящая.» Немногие после стольких лет совместной жизни способны на подобное признание. Виновницей такой устойчивости отношений, очевидно, являлась любовь-«агапэ». Но возникает вопрос: как сказало на супругах тождество по 1-ой Эмоции? Способствовало ли оно гармонизации их личностей?

Что Борис Пастернак после второго брака достиг высокой степени гармонии — в том сомнения нет — его стихи последних десятилетий яркое тому свидетельство. Но того же нельзя сказать о Зинаиде Пастернак. Наоборот. Второй брак странным образом обеднил ее внутренний мир. Прежде, будучи замужем за Нейгаузом, она живо интересовалась художественной жизнью и сама подавала надежды как пианистка. Во втором браке все это куда-то постепенно ушло, заброшенными оказались и книги, и рояль. Круг интересов Зинаиды Пастернак сузился до быта и шлепанья по столу засаленными картами.

Попробую дать этому феномену свое объяснение. Видимо, пока Зинаида Николаевна была замужем за Нейгаузом, присущее ее психотипу сочетание 1-й Эмоции с незаживленной и, значит, бешено честолюбивой 3-й Волей последовательно настраивало ее на художественную деятельность. Когда же она вышла замуж за Пастернака, то он своей 2-й Волей заживил ее язву по 3-й Воле, сняв тем самым честолюбивый зуд, привив свое отношение к славе («быть знаменитым некрасиво»). Таким образом, у Зинаиды исчез дополнительный стимул к художественной деятельности, осталась лишь та потребность, что могла бы быть продиктована одной 1-й Эмоцией. Однако и здесь самовыражение затруднялось близостью мужа. Так как у самого Пастернака была мощнейшая 1-я Эмоция, он невольно просто перекрывал трубным гласом своих переживаний ее, пусть тоже Первую, но более слабую Эмоцию. Что оставалось Зинаиде Пастернак? — Эксплуатируя свою 2-ю Физику, торчать на кухне, в огороде и дуться в карты.

Со стороны Зинаиды Пастернак стала выглядеть существом до крайности приземленным, может быть, даже **излишне** приземленным. То есть, ее 2-я Физика обрела черты 1-й Физики, включая главную приметку всякой Первой функции — ИЗБЫТОК. И в этом факте угадывается некая закономерность, сформулировать которую можно так: *перекрытая посторонними Первая функция придает Второй функции черты Первой, включая типичные для последней избыточность, результативность, монологовость и т.д.* Вообще феномен такого рода, когда при перекрытой или нереализованной Первой, ее вид обретает Вторая функция, я для себя называю «феноменом Первой без результата», и он — одна из множества обманок, что ждут всякого исследователя на его психогностическом пути.

Из сказанного о второй семье Пастернака в целом следуют два очень важных вывода. Во-первых, при тождестве Первых функций у партнеров, одна из них перекрывает другую. Во-вторых, окончательной, идеальной «системой любви» является «полное агапэ», перекрестье по процессионным функциям с перекрестьем по результативным функциям. Как на схеме:

Такое сочетание предоставляет обоим партнерам возможность максимальной самореализации, позволяет достичь подлинной внутренней и внешней гармонии.

Вместе с тем, непременно хочется предупредить, что жестоко ошибется тот, кто решит, оказавшись в ситуации «полного агапэ», что его ждут не только чрезвычайно плодотворные, но и легкие отношения. Ничего подобного. Все наоборот. Среди систем человеческих отношений ничего нет тягостней «полного агапэ». Оно требует многолетне-

го, почти нечеловеческого напряжения всех душевных, умственных и физических сил человека, потому что в стоящем напротив существе он не видит практически ничего, что могло бы объяснить механизм той невидимой, но непреодолимой силы, что влечет их друг к другу. В «полном агапэ» нет ничего яркого, манящего, магического, как при «эросе», нет ничего роднящего, как при «филии». Все чужое и почти блеклое. Поставленный в тупик совершенной чужеродностью оказавшегося рядом существа, человек при «полном агапэ» склонен считать свой роман бесовским наваждением, и постоянные попытки бегства практически непереносимые спутники этой системы отношений.

Горькая правда такова, что самые плодотворные человеческие взаимоотношения одновременно являются и самыми тягостными. Ничего не поделаешь — диалектика жизни.

Сейчас подводя итог «Синтаксиса любви», можно сказать, что вся любовная проблематика исчерпывается четырьмя моделями отношений: «эросом», где все ярко, магически-влекуще, но неудобно и неплодотворно, «псевдофилией», где все не очень ярко, мало плодотворно и мало удобно, «филией», где все удобно, но неярко и неплодотворно и «агапэ», малоудобной, не очень яркой, но плодотворной системой отношений. Другого не дано, и вся жизнь человека протекает в этом достаточно тесном, но непреодолимом круге психологических коловращений.

Конечно, хорошо бы, жаждая совершенства, на манер невесты из «Женитьбы» Го голя, приставить к носу Ивана Кузьмича губы Никанора Ивановича и сколько-нибудь добавить развязанности Балтасар Балтасаровича, но, увы, сие невозможно, и, может быть, хорошо, что так. Потому что наше личное несовершенство, несовершенство наших отношений — единственный источник жизни и движения. Ярчайшая альтернатива сегодняшнему нашему суетному, но кипучему бытию — жизнь Адама и Евы в раю, т.е. жизнь двух совершенных существ в совершенной среде, — хорошо, удобно, но скукатища-то какая?

*«Всегда одни, глаз-на-глаз, муж и дева
На берегах Эдема светлых рек
В спокойствии вели невинный век.
Скучна была их дней однообразность.
Ни роиц сень, ни молодость, ни праздность —
Ничто любви не воскрешало в них;
Рука с рукой гуляли, пили, ели,
Зевали днем, а ночью не имели
Ни страстных игр, ни радостей живых...»*

(Пушкин, «Гаврилада»)

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Проблема парных отношений не из новых. Однако особую злободневность придало ей последнее время. Дело в том, что прошлое сравнительно редко сталкивалось с вопросом о совместимости пар, так как парная семья до недавнего времени была редкостью. В старину обычно под одной крышей проживало несколько поколений со всеми своими многочисленными ответвлениями, и это не могло не сказаться на атмосфере отношений. Большие семьи, семейные артели и цеха, тесные крестьянские и городские общины — все это позволяло человеку целую жизнь провести в кругу многочисленных близких и найти среди них индивидуумов с таким порядком функций, при котором компенсировались бы все изъяны брака.

Сейчас иначе. Урбанизация общества и большая экономическая самостоятельность индивидуумов все чаще оставляют супругов лицом к лицу. И далеко не все из них выдерживают такое испытание. Как тут не вспомнить гениальные в своей лапидарности строки из песенки Владимира Высоцкого:

*«Тут за день так накувыркаешься;
Придешь домой — там ты сидишь...»*

Исключить из жизни такого рода ситуации или, на худой конец, облегчить положение и призвана книга «Синтаксис любви».

Персонаж одного известного романа Оскара Уальда задавался вопросом: «Сможет ли когда-нибудь психология благодаря нашим усилиям стать абсолютно точной наукой, раскрывающей малейшие побуждения, каждую сокровенную черту нашей внутренней жизни?» И мнится мне, что именно психософия способна дать положительный ответ на этот заданный давным давно вопрос. Конечно, не исчерпывая всей необозримой палитры психических реакций, она способна спрогнозировать систему человеческих ценностей и поведение индивидуума, а так же обозначить те стороны его психики, что он тщательно скрывает не только от окружающих, но и от самого себя.

Возможно, чтение «Синтаксиса» даст повод к беспокойству, что некоторые супруги, обнаружив задним числом все несовершенство своего брака, срочно порвут привычные узы и, определив личный порядок функций, кинутся на поиски партнера с перекрестом по процессионным и результативным. Не согласен. Думаю, этого не произойдет, и развод в связи с книгой повальным явлением не станет. Страх перед неизвестностью, привычка к совместной жизни, общность детей и имущества — достаточный залог прочности большинства сегодняшних семей. Более того, знакомство не слишком удачливых супругов с «Синтаксисом любви», уверен, наоборот значительно укрепит их брак, так как **взаимное непонимание — главный источник семейных неурядиц**. Если же супруги будут иметь представление о порядке функций у их партнеров, а вместе с ним и представление о сильных и слабых сторонах их натур, представление о том, чего следует ждать от них и чего не следует — совместная жизнь их станет несравненно легче и удобнее. Поэтому книга обращена не только в будущее, но и в настоящее, и цель ее — не только прогнозирование, но и коррекция парных отношений. Хотя хочется, конечно, надеяться, что со временем необходимость в коррекции отпадет. И любовь во всей ее полноте станет единственной формой отношений между людьми.

Напрасны будут и опасения тех, кто заподозрит в «Синтаксисе любви» губителя амурной романтики, осквернителя чистейшего, свободного от рассудочной скверны колда, иссушителя любви. Отнюдь. По моим наблюдениям, психософия оказывается абсолютно бездейственной в случае, когда сталкивается с «эндокринной любовью», т.е.

любовью, живущей только гормонами РЕА, когда взаимное притяжение обуславливается исключительно бурной работой созревшего для страсти эндокринного аппарата и никакие свойства предмета любви на выбор не влияют, кроме того, что он первым попался на глаза в момент бесконтрольного гормонального всплеска. В этом случае психософия, даже для посвященных в нее, напрочь утрачивает свою силу.

Кроме того, по себе могу сказать, что увлечение психософия, захватывающее поначалу, образом жизни не делается. Примерять психическую типологию к себе, родным, сослуживцам, персонажам мультфильмов — интересно, забавно, полезно, но, как все на этом свете, конечно. Вдоволь наигравшись психософией, человек спокойно отправляет ее в подсознание — туда, где лежат знания, ежедневным спросом не пользующиеся. Он как прежде может закигаться, возбуждаться, пылать, ревновать и даже заблуждаться относительно своего предмета. Иное дело, что, когда вслед взглядам, жестам, улыбкам, недомолвкам и другим, им подобным приятностям начального этапа амурных отношений обстоятельства начинают требовать *дел, поступков, ответственного поведения*, из глубин подсознания спасительным кругом всплывает психософия и ставит все по местам: аргументировано одобряя или не одобряя выбор. Очень помогает, знаю по себе. Однажды меня, уже пышущего любовным жаром, психософия буквально за волосы оттащила от края пропасти. И сейчас, спустя несколько лет, наблюдает свою былую любовь и зная о ее последующих приключениях, не могу передать, как рад, что чаша сия меня миновала.

Вообще, замечательное свойство психософии заключается в том, что она, не питаясь и не питая иллюзиями, не обольщается на свой собственный счет — в смысле своей действенности. Будучи обращенной в первую очередь к логической функции человека, она знает о многоликости интеллектуальных реакций и не ждет всенародного признания. Еще одно важное наблюдение, касающееся психософии, заключается в том, что она, выйдя из подсознания и вернувшись в него, все-таки возвращается не на прежнее место, а куда-то на грань между интуицией и знанием. Вывожу это из того, что у всякого, освоившего психософию, душевное зрение становится неизмеримо зорче, он не становится роботом, занятым постоянным наклеиванием психотипических ярлыков, но чутье на определенные функциональные вибрации приобретает и тем обеспечивает себе неведомый прежде при контактах с окружающими психологический комфорт.

Как всякая объективизирующая восприятие система, психософия мир не красит. Наука есть наука, она не мед и не грелка. Но психософия позволяет без разочарования смотреть вокруг, потому что **лучший способ не разочаровываться в людях — это не обольщаться на их счет**. Одним словом, с «Синтаксисом любви» нерадужная жизнь наша делается легче, проще, честней, бесстрашней.

Думаю, и на этом спасибо.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

(РОССИЙСКАЯ ВЕРХОВАЯ ВЛАСТЬ В СВЕТЕ ПСИХОСОФИИ)

О монархическом периоде истории России в контексте психософии трудно говорить сколько-нибудь многословно. «Тартюф в юбке», «властитель слабый и лукавый», «не царь на троне — лицедей» — так характеризовали русские поэты тогдашних самодержцев и тем подтверждали диагноз, который сам напрашивается даже при беглом взгляде на генеалогическое древо русских царей:

3-я Воля среди наших монархов господствовала безраздельно. Причем, судя по тому, что в XVIII веке русская аристократия, неоднократно становясь перед выбором, с редким постоянством выбирала себе в цари именно «мещан», секрет такой устойчивости заключался не только в ущербном генофонде романовской фамилии.

Наоборот, именно наследственность, играя генами, прерывала подчас дурную бесконечность царской генеалогии и подсаживала на русский трон людей с высокостоящей Волей: Павла I и Александра II. Но, обратим внимание: оба они закончили мученически свой жизненный путь и их насильственная смерть достаточно прозрачно намекала на искреннюю приверженность общества к царям с 3-й Волей, цареубийством корректировавшего недочеты наследственной монархии. Недаром, в XIX веке любили говорить, что Россия — это абсолютная монархия, смиряемая цареубийством. Во всяком случае, чисто психологическими мотивами обуславливалось убийство Павла I, и люди с тонкой психической организацией предчувствовали его задолго до того как оно стало свершившимся фактом. Фридрих Великий пророчески писал о Павле: «Он показался гордым, высокомерным и резким, что заставило тех, кто знает Россию, опасаться, чтобы ему не трудно было удержаться на престоле, на котором, будучи призван управлять народом грубым и диким, избалованным к тому же мягким управлением нескольких императриц, он может подвергнуться участи, одинаковой с участью его несчастного отца (Петра III — А.А.)».

В предпочтении, которое отдавало русское общество 3-й Воле был свой резон. **Зыбкость ее Воли избавляла общество от резких движений при сохранении надежд на перемены.** Устойчивость дома Романовых хорошо объяснил, объясняя устойчивость трона королевы Елизаветы Английской, один ее английский биограф. Он писал: «...не только ум ей оказал неоцененную услугу; помогал и характер. В нем, в этом сочетании мужественности и женственности, мощи и извилистости, настойчивости и непостоянства, было как раз то, чего требовало ее призвание. Какой-то глубочайший инстинкт вечно удерживал ее от твердых решений. Если же вдруг она и делала решительный шаг, тотчас она яростно от него отрещивалась, после чего еще более яростно отрещивалась от собственного отречения. Уж такова была ее натура — плыть во время безветрия по зыбшимся водам и судорожно сворачивать с галса на галс, когда нагрянет ветер. Будь она другая, обладай она, как положено сильному деятелю, способностью избрать линию поведения и неотступно ее придерживаться — ей бы несдобровать.»

Та же картина в истории «мещанской» династии Романовых. Хотя «мещанин» — тиран по определению, он вместе с тем чуток к тем невидимым флюидам, что пронизывают общество, и никогда не идет с ним на открытое противостояние. Главное же, что составляет подлинную «силу» властителя-мещанина, заключено в его слабости: слабо-

сти воли, робости, нерешительности. Поэтому неудивительно, что несмотря на неудачные войны, голод, произвол и казни, «мещанская» по преимуществу династия Романовых просуществовала в России без серьезных встрясок на протяжении трех столетий.

Намного интересней, с точки зрения психософии, сложилась ситуация в стране после октябрьского переворота. Захват коммунистами власти привел к тому, что монархию в России сменила монархия же, но не наследственная, а, коряво говоря, «узоквыборная». Такая система была, нельзя сказать, чтобы совсем беспрецедентна, по своим принципам она очень близко стояла к системе папства. Разница, пожалуй, заключалась лишь в том, что политбюро ЦК КПСС, решавшее судьбу верховной власти уже в Советской России, было раз в десять меньше численно, чем ватиканский конклав. А в остальном — все то же.

Если меня спросить, в чем заключается для психософии особая привлекательность системы коммунистического возведения на трон, ответить можно коротко — в чистоте эксперимента. В данном случае генофонд никак не влиял на выбор, не мутил воды, и в своем натуральном виде вылезал на поверхность психотипический аспект выбора, психология власти являла себя наиболее наглядно. Ведь здесь должен был действовать определенный психотипический механизм, возводящий индивидуума на вершину общественной пирамиды или свергающий его оттуда, формирующий политбюро, решающий судьбу верховной власти. И вот эти-то закономерности любопытно сейчас проследить.

* * *

В том, что после свержения монархии во главе России должен был в конце концов оказаться Ленин или «ленин», сомнений нет. Прекраснодушные и глупость основной массы политиков того времени, особенно нетерпимые в период войны и революции, едва ли не автоматически расчищали место для наиболее честолюбивого, думающего и циничного политика. «Ленин» же честолюбив (1-я Воля), интеллектуально силен и раскован (2-я Логика), чуток к народным нуждам (3-я Физика), и эти компоненты данного психотипа обеспечили Ленину режим наибольшего благоприятствования при захвате и удержании власти в России.

Естественно, что после создания коммунистической партии, а в особенности после октябрьского переворота, вокруг Ленина усиленно формировалась та определенная его психотипом среда, из которой суждено было выйти ленинскому преемнику. Хотя сам Ленин редко задавался подобного рода вопросами и тем более никогда не указывал на кого-либо персонально, его психотипические симпатии сами собой сужали круг возможных кандидатов.

Прежде, в разделе, посвященном 1-й Воле, уже говорилось, что у «царя» очень неважно складываются отношения с обладателями высокостоящих Волей. Он не боится их, уважает, но ужиться не может. Такие люди слишком независимы, и являются не более чем попутчиками там, где нужны не попутчики, а свита. «Царь» чувствует, что обладатели высокостоящей Воли **не его люди** и, широко пользуясь их услугами, старается близко к себе, в высшие эшелоны власти не пускать.

Не слишком жалуется «царь» и 4-ю Волю. Он ценит покорность «крепостного», исполнительность, искреннюю верность. Однако 4-я Воля дает «царю» и массу поводов для раздражения. Она не искательна, ее исполнительность по-солдатски прямолинейна, не чутка, не артистична, а, главное, 4-я Воля малоинициативна и склонна загружать жизнь властителя множеством мелких вопросов, которые вполне могла бы решить сама. Отсюда специфическое отношение Ленина к «крепостным» (Бухарин, Каменев, Луначарский, Молотов, Калинин и т.д.), из них он составил как бы второй, дальний круг своей свиты, второй эшелон власти.

Все свои симпатии «царь» обычно отдает 3-й Воле. Хотя 1-я Воля, вероятно, чувствует, что любят не ее, а ее место, и «мещанин» не только глазом не моргнет, глядя на валяющегося в пыли бывшего властителя, но и непременно лягнет его. Все-таки «царь» слишком самоуверен, чтобы всерьез думать о своем падении, а множество специфических достоинств «мещанина» как бы заранее искупает его лишь интуитивно прозреваемое предательство. Главные достоинства «мещанина»: он влюблен в сильную волю, влюблен во Власть и искренне стремится в их поле, стремится быть им полезным; он искателен, гибок, расторопен, артистичен в исполнении задач и, хотя иногда фрондирует и взбрыкивает, «царю» бывает даже в удовольствии смирять его бунт, чтобы слышать на следующий день стук «мещанской» лысины об пол, всхлипы горького покаяния, видеть опущенные долу глаза и трясущиеся руки. Именно из таких людей (Троцкий, Зиновьев, Сталин) составил Ленин свой первый, самый близкий круг, из которого потом предстояло выйти его преемнику.

При этом нельзя сказать, что селекционная работа, проводимая Лениным в своем окружении, ускользала от глаз не только современников, но и соратников. Видные партийцы (Осинский, Лутовинов) писали Ленину, что он окружает себя «надежными и послушными», но непорядочными людьми, беспомощными людьми с «гибким позвоночником», но ничего, кроме брани, не слышали от Ленина в ответ.

Таким образом явное предпочтение, отдаваемое «царем» 3-й Воле, обуславливает определенного рода преемственность власти и определяет лицо ближайшей политической истории страны, включая грядущую гибель заложенной 1-й Волей государственной системы. Как 1-я Воля Наполеона избрала покладистого, но малоинициативного маршала Груши преследователем Блюхера, и тем обрекла Наполеона на поражение под Ватерлоо и гибель империи, так и 1-я Воля Ленина, сделав его преемником «мещанина», обусловила медленное, но последовательное угасание основанной им коммунистической империи.

Правда, незадолго до смерти Ленин, кажется, опомнился и, по врожденной вредности характера, вымазал в «завещании» своих ближайших соратников грязью. Однако эффекта этот демарш не произвел. Претенденты на трон просто скрыли «завещание» любимого вождя и учителя от народа, хотя, по совести сказать, в том не было большой нужды — запоздалые филиппики «завещания» не могли вырвать рычаги власти из рук тех, кого Ленин сам к ним приставил.

По злому, но меткому замечанию Розанова «Толстого в последний путь провожали Добчинские», так вот, Ленина хоронили они же. В 1924 году Ленин умер и давно зревший вопрос о его преемнике встал ребром. Претендентов оказалось трое: Троцкий, Сталин, и Зиновьев. Схематично битву этих трех «добчинских» можно представить так:

Из настоящей схемы видно, что все трое слишком походили друг на друга, чтобы битва между ними оказалась достаточно скоротечной. Все трое жестоки (сочетание 1-й Физики и 3-й Воли), честолюбивы, беспринципны, но не очень решительны (3-я Воля). Таким образом, при тождестве Первых и Третьих функций и отключении Четвертых в кризисных ситуациях, судьбу российского трона должны были решить Вторые функции, точнее, разница между ними.

Если бы троица боролась за кресло главного режиссера в каком-нибудь театре, дело Сталина можно было бы заранее считать проигранным. Но так как в данном случае речь

шла о высшем политическом poste, то здесь, наоборот, победа Сталина была обеспечена самой природой.

Пока Троцкий и Зиновьев, отключив 4-ю Логику, в преддверии борьбы с присущим 2-й Эмоции азартом репетировали речи, подбирали хлесткие словечки, примеряли выражения лица и интонации — Сталин ДУМАЛ (2-я Логика). Он успевал продумать все: кого убить, какие перестановки среди номенклатуры следует провести, чтобы уменьшить в ней долю врагов и увеличить долю сторонников, как настроить зал во время собраний, решавших кадровые вопросы, чтобы оппонентам не дали говорить. И как человек, серьезно относящийся к процессу мышления и его плодам, он достигал тех целей, что перед собой ставил. Когда Троцкий и Зиновьев взлетали на трибуну, чтобы, оказавшись, в родной митинговой стихии, разом отыграть все потерянные очки, подготовленный Сталиным зал с большевистской прямоотой затыкал им рот. Короче, в борьбе за политический пост «аристипи», безусловно, переигрывает «дюма», и победа Сталина над Троцким и Зиновьевым была фатально предопределена.

Говоря более общо, можно вывести следующего рода закономерность: при неопределенно-узковыворной системе преемственности власти место 1-й Воли непременно наследуется 3-й Волей, но не просто 3-й Волей, а именно той, у которой Логика стоит Вверху. Таким образом, как неизбежен был захват власти Лениным в 1917 году, так неизбежно было наследование его поста Сталиным.

* * *

Восшествие на престол 3-й Воли формирует вокруг нового властителя новую, удобную для данного психотипа среду, отличную от той, что прежде окружала «царя». Во-первых, отправляются в политическое небытие терпимые 1-й Волей на периферии обладатели высокостоящих Воль, потому что «мещанин» не только их не любит, но и боится. Во-вторых, 3-я Воля, справедливо судя по себе, с подозрением относится к тождикам, неустойчива в своем отношении к ним и старается, безопасности ради разбавить окружение обладателями 4-й Воли. Только в кругу «крепостных» чувствует себя по-настоящему комфортно 3-я Воля, и под ее державной рукой 4-я Воля постепенно перетекает из второго эшелона власти в первый.

Такого рода преобразования произошли и в окружении Сталина с восшествием его на российский трон. Высокостоящая Воля при нем подверглась тотальному истреблению, причем, Сталину здесь удалось осуществить давнюю мечту всех тиранов: организовать не этнический, не социальный, а первый всеохватный **психотипический геноцид** — благо, коммунистическая партия и НКВД оказались на высоте поставленной уникальной задачи.

Что касается непосредственного сталинского окружения, то 3-я Воля осталась в свите, но потеряла большинство (Берия, Хрушев, Каганович, Микоян), и на ключевых постах неожиданно для себя утвердилась 4-я Воля (Молотов, Калинин, Ворошилов, Маленков, Булганин). Поэтому, когда Сталину пришел черед взяться за арфу в небесном хоре, выпавшие из его рук бразды правления свалились неожиданно, но естественно в вялые руки Маленкова. Хотя, если подумать, не случай, а закономерность диктовала такого рода преемственность: смерть властителя-«мещанина», искренне насколько это для него возможно симпатизирующего 4-й Воле, едва ли не автоматически перекладывает непосильное бремя власти на плечи «крепостного».

* * *

Если верить Хрущеву, Сталин в последние годы любил причитать в том духе, что бедные они, бедные (члены политбюро), так как после его смерти непременно пропадут. И надо признать, был не далек от истины. Правда, данное пророчество ему не дорого

стоило, потому что он сам потратил годы на селекционную работу в политбюро, последовательно отбирая для него особей с наилучшими физическими, волевыми и умственными характеристиками. Венцом же деятельности Сталина в этом роде можно считать тот момент, когда он, уже умирающий, позвал к себе наиболее беспомощного из подчиненных — Маленкова и демонстративно одному ему пожал руку, этим почти мафиозным жестом утверждая свой выбор преемника.

О слабохарактерности Маленкова в сталинском окружении было известно всем. Позднее об этом открыто говорили Хрущев и Молотов. А когда люди, сами крепостью духа не отличающиеся, говорят о чьей-то слабохарактерности, то тут двух мнений быть не может — речь идет о 4-ой Воле.

Поэтому нет ничего удивительного, что в специфических условиях коммунистической неопределенно-узковыворной системе на уже, казалось бы, занятый трон стали претендовать двое коллег Маленкова: Хрущев и Берия. Снова, как и после смерти Ленина, в борьбу за лидерство вступили трое: но схема диспозиции схватки выглядела уже иначе:

Оставив безобидного Маленкова на закуску, сразу же после кончины Сталина на смерть сцепились Хрущев и Берия. Разумеется, по обыкновению 3-х Воль, сцепились не явно, лукаво, и их схватка, по меткому выражению Черчилля, напоминала схватки бульдогов под ковром. Результат известен: Берия проиграл и был расстрелян. Анализу того, почему именно так, а не иначе распорядилась судьбами соперников история, можно было бы посвятить отдельное сочинение. Очевидно только, что на итог повлияло множество факторов: обер-палаческие функции Берии, его вынужденный отъезд в Берлин на подавление восстания и т.д. Но был и чисто психотипический аспект, предопределивший победу Хрущева.

Сами по себе «пушкин» и «дюма» — типы очень сходные, разница между ними исчерпывается перекрестьем с Первой функции на Вторую, и, например, в быту борьба между ними может тянуться годами без всякого результата. Но политика не быт, а, кроме того, в данном случае на итог схватки влияло предпочтение, отдаваемое тому или иному типу другими членами политбюро. Поэтому несмотря на близость типов, победа Хрущева была вполне закономерна.

«Дюма» — тип, к которому принадлежал Берия, к серьезной политической борьбе вообще приспособлен плохо. «Дюма» от природы ленив и без начальственного пригляда быстро расслабляется, что и произошло с Берией. Пережив державшего его в страхе владыку, Берия решил, что дело сделано, и подкуп под Хрущева повел лениво, небрежно, а большую часть своих сил посвятил тому, к чему больше лежала душа: беготне за женщинами (1-я Физика) и исполнению оперных арий (2-я Эмоция).

Иначе выглядит и действует в политике «пушкин» — тип, к которому принадлежал Хрущев. Будучи не вдумчивее и не хитрее «дюма», «пушкин» обладает тем преимуществом, что у него 2-я Физика, поэтому он энергичен, расторопен, работающ, и это обстоятельство является решающим при данном раскладе борьбы за власть: вызывает симпатии коллег и награждает бульдожьей хваткой. Быстро пропагандировав своих трусоватых коллег по политбюро, Хрущев с присущей ему энергией в несколько дней оформил техническую сторону заговора и поставил Берию к стенке.

Дальнейшее отстранение Маленкова — было уже делом техники. Придравшись к обычному для коммунистических вождей вранью в одном из выступлений Маленкова, Хрущев открыто, просто, без затей потащил бразды правления из его вялых рук, и у Маленкова с его 4-й Волей не нашлось ни желания, ни сил для серьезной борьбы за власть. Таким образом, всего год понадобился Хрущеву после смерти Сталина, чтобы разделаться с соперниками и занять российский трон.

* * *

Пройдет десять лет, и Берия из могилы, по касательной все-таки достанет Хрущева. Потому что Хрущева в свою очередь свергнет с престола психологический тождик Берии — Брежнев («дюма»).

Однако почему и как это произошло, следует сказать особо.

Быть может на фоне «дюма» занятый политикой «пушкин» и выглядит предпочтительней, но к удачливым политикам его никак отнести нельзя. Истеричность и неумение себя вести (сочетание 1-й Эмоции и 3-й Воли), бестолковая суетность (сочетание 2-й Физики и 4-й Логики) день ото дня множат ряды противников «пушкина»-властителя, пока чаша не переполняется и его не отправляют в политическое небытие.

Иной вопрос, кто наследует «пушкинский» трон. Не знаю, как в других странах, а в России «пушкина» непременно сменяет «дюма». Говорить о системе в замене «пушкина» на «дюма» в России позволяют как минимум два прецедента в российской истории: избрание Екатерины I и Анны Иоанновны после смерти нелепо хлопотливого Петра Великого и возглавляемый Брежневым удачный заговор против Хрущева.

Механизм такой закономерности достаточно прозрачен: устав от хронически бестолковой суеты «пушкина», общество ничего так не жаждет, как расслабиться, отдохнуть и призывает на трон «дюма». «Дюма» — человек-праздник, ленивый, хитрый, жестокий, вороватый, веселый, обаятельный, перемежающий казни пиршествами, наградами церемониями и фейерверками. При том, что «дюма» по натуре палач и предатель, он после измочалившего народ «пушкина» устраивает едва ли не всех: сам ворует и дает воровать другим и вообще слишком ленив, бестолков, нерешителен, чтобы последовательно и эффективно насиловать общество.

Предсказывать судьбу «дюма» на троне дело безнадежное. В древнем Риме все императоры-«дюма» кончили насильственной смертью, русские властители-«дюма» умерли в своих постелях. Но в случае ненасильственного завершения своей политической карьеры «дюма», по обыкновению 3-х Воль, делает своим наследником обладателя 4-й Воли, что в нашем случае, с некоторой заминкой на Андропове, и случилось: на престол вззошел Черненко или, как его называли в высших эшелонах власти, «покладистый Костя».

* * *

По идее, Черненко, как обладатель 4-й Воли, должен был разделить судьбу Маленкова, т.е. скоро расстаться с браздами правления, вырванными из его рук каким-нибудь расторопным «пушкиным». Но жизнь распорядилась иначе, отодвинув психическую типологию при решении кадровых вопросов на второй план. Во-первых, Черненко поторопился умереть, не дожидаясь свержения. Во-вторых, многолетний сомнамбулизм Брежнева позволил укрепиться в политбюро сильной личности — Андропову («сократ»: 1-я Воля, «-2-я Логика, 3-я Эмоция, 4-я Физика). Он не только год успел посидеть на троне, но, главное, ввести в высшие эшелоны власти близких себе по психотипу людей. Одному из них — Горбачеву — и предстояло занять опустевший после смерти Черненко российский трон.

Не ставя перед собой задачи исследовать феномен Горбачева во всем психологическом объеме, отмечу только то, что, с точки зрения типологии, лежит на поверхности. Горбачев — «ленин» (1-я Воля, 2-я Логика, 3-я Физика, 4-я Эмоция), со всеми вытекающими из этого порядка функций последствиями. Горбачев — диктатор (1-я Воля), болтун и скорее тактик, чем стратег в мышлении (2-я Логика), «коммунист» и «непротивленец» в одном лице (3-я Физика).

Казалось бы, повторное появление «ленина» на российском троне запрограммировало воспроизведение всего цикла советской истории вновь. И дело к тому шло. Горбачев по «ленинской» традиции выбрасывал из своего окружения людей с характером, обладателей высокостоящих Волей (Ельцын, Лигачев, Шеварнадзе), и составил свиту из лукавых, слабохарактерных, тугодумающих людей, что с оглушительной ясностью продемонстрировал провалившийся августовский путч 1991 года. Разница между Лениным и Горбачевым в случае успеха путча могла бы заключаться лишь в том, что Горбачеву наследовала та же 3-я Воля, но не Сталин-«аристипп», которого поблизости не оказалось, а Янаев-«дюма».

Однако дурную бесконечность российской истории еще до путча прервали две крупные ошибки Горбачева: разрешение на гласность и выборы. Они породили демократическое движение, Ельцына и, главное, разрушили саму системы власти, при которой судьбу главных кадровых вопросов решал подобранный самим принцепсом небольшой конклав.

* * *

Подводя на этом итог анализа принципов наследования власти при тоталитарной неопределенно-узковыворной системе, можно констатировать наличие следующих закономерностей. Основателем такой системы бывает 1-я Воля. Ей наследует 3-я Воля, причем, при наличии конкурентов побеждает тот, у кого при 3-й Воле выше стоит Логика. 3-й Воле наследует некто с 4-й Волей, которого скоро лишает власти обладатель 3-й Воли, вероятней всего, «пушкин». Если к власти приходит «пушкин», то ему наследует «дюма». После «дюма» к власти приходит 4-я Воля, но скоро теряет ее. Каков же будет порядок функций у человека, вырвавшего в последнем случае из рук 4-й Воли, — предмет гадания, но не знания, хотя с уверенностью можно сказать, что это будет либо 3-я, либо 1-я Воля.